

75 75 16045
ГЕНЕРАЛЪ Ю. Н. ДАНИЛОВЪ

ac
10278

РОССІЯ
ВЪ МІРОВОЙ ВОЙНѢ

1914—1915 г. г.

1924

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СЛОВО“ БЕРЛИНЪ

16045

BIBLIOTHEQUE RUSSE
FOND. 1859

9, Rue de Valenciennes à Paris

BIOTHEQUE RUSSE
TOURGUENEV
du Val-de-Grâce - Paris

ГЕНЕРАЛЬ Ю. Н. ДАНИЛОВЪ

ас
10278

ТБ 75

1964 Г.

РОССІЯ
ВЪ МІРОВОЙ ВОЙНѢ

1914—1915 г. г.

BIBLIOTHÈQUE RUSSE
TOURNAI
9, Rue du Val-de-Grâce - Paris

17241 1924

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СЛОВО“ БЕРЛИНЪ

GENERAL K. H. DANNEBERG

50

10278

ROCCO

W. F. MIBOVON BONNE

12001

Copyright 1924 by Slowo-Verlag, Berlin.

Всѣ права, въ томъ числѣ и право изданія на другихъ языкахъ,
принадлежатъ Издательству «Слово», Берлинъ.

Бібліятэка
Беларусі

BRT 313
13PL 25696

ПРЕДИСЛОВІЕ

Настоящая книга написана мною въ Парижѣ, въ условіяхъ эмигрантской жизни и по истеченіи десяти — долгихъ, мучительныхъ для всѣхъ насъ русскихъ людей — лѣтъ, со времени вступленія Россіи въ міровую войну.

Всю эту войну я провелъ на фронтѣ; въ теченіе же перваго года мнѣ, по должности Генераль-Квартирмейстера при Верховномъ Главнокомандующемъ, пришлось стоять не только очень близко къ событіямъ, но и принимать въ общемъ ихъ направленіи посильное участіе. — Не менѣе близка была мнѣ и та работа, которая выполнялась въ Россіи послѣ неудачной войны 1904—1905 гг., въ цѣляхъ возстановленія военнаго могущества нашей Родины. Въ этой работѣ я принималъ живое участіе по службѣ моей въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба.

Описаніе тѣхъ условій, при которыхъ нашему отечеству пришлось вступить въ борьбу, а затѣмъ вести ее въ теченіе перваго года войны, — и составляетъ главное содержаніе моего настоящаго труда. Этотъ періодъ представляетъ особый интересъ въ томъ отношеніи, что на протяженіи его въ полномъ объемѣ опредѣлились роль и значеніе Россіи въ развернувшихся міровыхъ событіяхъ.

Время изглаживаетъ воспоминанія, и острота пережитого постепенно увядаетъ; хотѣлось записать все то, что еще помнится, или удалось возстановить. Многое уже и теперь пришлось собирать по частямъ, подобно кускамъ дорогой разсыпавшейся мозаики...

Моя книга — прежде всего воспоминанія. Она не претендуетъ на историческій трудъ по двумъ основаніямъ: я слишкомъ связанъ съ событіями персонально — это во-первыхъ; а во-вторыхъ, —

во время моей работы по составленію книги, я былъ оторванъ обстановкой отъ первоисточниковъ, которые должны составлять основу всякаго историческаго труда.

Тѣмъ не менѣе я посвятилъ много времени и усилій, чтобы документировать свою книгу возможно основательнѣе. Я изучилъ рядъ архивныхъ матерьяловъ, имѣющихся въ Парижѣ; внимательно ознакомился со всей той, правда, скудной литературой, которая вышла по войнѣ на русскомъ фронтѣ, и использовала любезное указаніе и рассказы нѣкоторыхъ участниковъ бывшихъ событий.

Прежде чѣмъ писать свою книгу, я продѣлалъ, такимъ образомъ, большую предварительную работу, и я позволяю себѣ поэтому думать, что въ основѣ моего труда лежитъ твердый нерушимый фундаментъ.

Глубоко признателенъ всѣмъ, кто пришелъ мнѣ на помощь въ трудномъ дѣлѣ сбора матерьяловъ, или не отказалъ подѣлиться своими воспоминаніями. — Среди такихъ лицъ я считаю своимъ долгомъ обратиться съ особою благодарностью къ В. А. Маклакову и И. А. Хольмсену.

П а р и ж ь , 1-го августа 1924 года.

Юрій Даниловъ.

Однако, задачи, поставленные передъ Германіей ея Императоромъ, затрагивали самые жизненные интересы другихъ народовъ; это обстоятельство дѣлало работу Германіи крайне опасною для общаго мира.

Новая политика Германіи отбрасывала въ ряды ея самыхъ непримиримыхъ противниковъ прежде всего Англiю. Последняя не могла не видѣть въ Германіи сильной нарождающейся соперницы на моряхъ. Съ большой тревогой Англiя должна была также взирать на возможность появленія Германіи на берегахъ Мраморнаго моря и, особенно, Персидскаго залива, откуда, очевидно, британскимъ интересамъ могли быть нанесены очень чувствительные удары въ направленіи Египта и Индіи.

Континентальный планъ Германіи, клонившійся къ утверженію ея влияния на Балканахъ и Ближнемъ Востокѣ, естественно не могъ не вызывать самаго опасливаго къ нему отношенія и со стороны Россіи, для которой этимъ планомъ создавалась величайшая угроза ея самымъ жизненнымъ интересамъ — идеологическимъ, политическимъ и экономическимъ. Россія, въ самомъ дѣлѣ, ни при какихъ условіяхъ не могла отказаться отъ своей исторической роли защитницы и покровительницы малыхъ славянскихъ народовъ, которыхъ Германія должна была встрѣтить на своемъ всеокушающемъ пути на востокъ. Въѣстъ съ тѣмъ, глубоко заинтересованная въ режимѣ надъ проливами, соединяющими Черное море съ Средиземнымъ, Россія не могла конечно допустить установленія преобладающаго влияния на берегахъ Мраморнаго моря нѣмцевъ, какъ силы, явно ей враждебной. Наконецъ, извѣстную опасность для экономическихъ интересовъ нашей родины представляло также стремленіе Германіи проникнуть въ Персію. Уже въ 1911-мъ году мы вынуждены были согласиться на соединеніе нашихъ желѣзныхъ дорогъ въ сѣверной Персіи съ германской багдадской линіей, чѣмъ создавалось положеніе, невыгодное для нашей торговли въ странѣ «Льва и Солнца».

Появленіе Германіи на моряхъ и установленіе ея влияния въ Турціи создавало также и для Франціи нѣкоторую угрозу ея колоніямъ, какъ равно издавна установившемуся престижу въ мусульманскомъ мірѣ на Ближнемъ Востокѣ. Но у Франціи съ Германіей имѣлись еще старые счеты, болѣзненно обострившіе ихъ взаимоотношенія. Униженная и оскорбленная результатами несправедливой войны 1870-71-го годовъ, Франція не могла примириться со своимъ положеніемъ. Мечта о возвращеніи Эльзаса и Лотарингіи и неувѣренность въ своей дальнѣйшей безопасности заставляли ее искать сближенія съ противниками Германіи.

Я невольно переношусь здѣсь мыслью въ область тѣхъ глубокихъ впечатлѣній, которыя я вынесъ изъ общенія моего съ французскими военными кругами въ 1913-мъ году. Я былъ на осеннихъ маневрахъ XX-го французскаго корпуса, во главѣ котораго стоялъ пользовавшійся уже тогда большимъ уваженіемъ въ русскихъ военныхъ кругахъ Генералъ (нынѣ Маршалъ) Фошъ. Первую половину маневреннаго періода я провелъ среди доблестныхъ частей II-й пѣх. дивизіи, — «желѣзной», какъ ее называли (*division de fer*). Дивизіи этой

предстояло маневрировать против столь же славной 39-дивизии. Маневры происходили в районѣ къ востоку отъ Нанси, въ пограничной мѣстности, напоенной ароматомъ близкаго дыханія прекрасной, но увы отторженной отъ своей матери-родины, Лотарингии. И не одинъ разъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ грустныхъ, полныхъ скорби и страданія взоровъ старыхъ сѣдыхъ воиновъ-генераловъ, остро взглядывавшихся въ желанную даль; не одинъ разъ пришлось видѣть и слезу, скатывавшуюся на сѣдые усы и украдкою отъ меня вытиравшуюся... Какъ счастливы были бы они, эти доблестные воины, думалось мнѣ тогда, дожить до того времени, когда ихъ знанія, опытъ, а можетъ быть и самая жизнь, понадобятся ихъ родинѣ для освобожденія этой прекрасной, нынѣ плѣненной красавицы, — родной имъ по крови Лотарингии...

Германія въ полной мѣрѣ оцѣнивала настроенія своей западной сосѣдки. Она хорошо понимала, что, рѣшаясь расширить зону своего вліянія далеко за предѣлы Европы, она должна предварительно и надолго ослабить Францію, чтобы создать безопасность на Рейнѣ.

Уже въ 1875-мъ году Германія, какъ извѣстно, сдѣлала попытку нанести Франціи новый и смертельный ударъ. Занесенная рука нѣмцевъ, однако, опустилась, подъ вліяніемъ твердой политики Россіи, предупредившей этотъ ударъ. Франція уже тогда должна была познать для себя цѣнность сближенія съ Россіей.

Такимъ образомъ, Англія, Россія и Франція, подъ вліяніемъ новой міровой политики Германіи, являлись естественными противниками послѣдней. Вооруженная борьба съ поименованными Державами — послѣдовательная или одновременная — являлась для Германіи неизбежной, и возникновеніе этой борьбы должно было почитаться лишь вопросомъ времени.

Императоръ Вильгельмъ не могъ не сознавать этой обстановки и потому, одновременно съ рѣшеніемъ лечь на новый курсъ, онъ энергично приступилъ къ подготовкѣ благоприятныхъ условій для будущаго вооруженнаго столкновенія.

Прежде всего онъ сосредоточилъ свои усилія на томъ, чтобы упрочить связи Германіи съ возможными ея союзниками Австро-Венгріей и Италіей, — двумя Державами, имѣвшими на Балканахъ и въ Средиземномъ морѣ интересы, частично совпадавшіе съ новой политикой Германіи. Затѣмъ Германскій Императоръ и его правительство стали систематически развивать и укрѣплять нѣмецкое вліяніе въ Константинополѣ, каковому вліянію было положено начало во время посѣщенія главы германскаго государства столицы Османовъ. — Какъ извѣстно, эта работа завершилась водвореніемъ въ 1913-мъ году на берегахъ Босфора нѣмецкой военной миссіи Генерала Лимана фонъ Сандерса, постепенно взявшего подъ свой контроль охрану подступовъ къ столицѣ Турецкой Имперіи. Наконецъ не остались безъ поддержки и покровительства Германіи попытки къ сближенію съ Державами Тройственнаго Союза Румыніи и антиславянская политика Фердинанда Болгарскаго.

Внутри Германіи были приняты все мѣры къ тому, чтобы выдѣрить въ

ГЛАВА I.

Причины войны и поводы къ ней. — Мiровая политика Германiи и ея естественные результаты. — Австро-Сербскiй конфликтъ. — Отношенiе къ нему великихъ державъ. — Частная и общая мобилизации русской армiи. — Разрывъ.

Насталъ 1914-й годъ... Ничто въ Россiи не предвѣщало начала той бури, которой суждено было разразиться въ этомъ роковомъ году. Правда, столкновенiе народовъ въ Европѣ должно было представляться неизбѣжнымъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Атмосфера съ каждымъ годомъ становилась все напряженнѣе. Но всемъ, однако, хотѣлось думать, что тучи не нависли еще столь низко, чтобы грозъ разразиться съ такой ошеломляющей быстротой и ужасающей силой.

Европа усиленно, но все же только исподволь, готовилась къ войнѣ.

Но кто же угрожалъ всеобщему миру? Кто заставлялъ правительства спѣшить съ приготовленiями и требовать для этой цѣли грандиозныя, почти непосильныя для народовъ средства?

Исчерпывающiй отвѣтъ на этотъ вопросъ представляется крайне труднымъ и сложнымъ. Въ періодъ довольно продолжительнаго мира накопилось не мало горячаго матерьяла. Жизнь постепенно выдвинула рядъ разногласiй, въ основѣ коихъ лежало несходство и даже противорѣчiе политическихъ и экономическихъ задачъ отдѣльныхъ народовъ Европы. Разрѣшать эти разногласiя мирнымъ путемъ человѣчество, къ большому своему несчастiю, еще не научилось.

Однако несомнѣнно, что главнѣйшей угрозой для мира являлось то новое международное положенiе, которое пожелаала занять Германiя, послѣ ряда побѣдоносно веденныхъ ею войнъ 1864—71 гг. Отношенiе къ этому централь-

ному вопросу, въ конечномъ результатѣ, разбило Державы Европы на два враждебные лагеря, столкновение между которыми являлось, рано или поздно, неизбѣжнымъ. Мирныя настроенія народовъ, возросшее сознание ответственности за пролитіе крови, искусная дипломатія, выдержка отдѣльныхъ правительствъ, — всѣ эти данныя могли лишь отерочить, но не устранить надвигавшуюся катастрофу.

Выковавъ свое національное единство «желѣзомъ и кровью», Германія, сильная избыткомъ населенія, крѣпкимъ духомъ, общею культурою и народнымъ трудомъ, почувствовала въ себѣ силы и потребность выйти на мировую арену. Завоеванное ею положеніе первоклассной Европейской Державы ее болѣе не удовлетворяло; накопившіяся внутри страны силы влекли ее на болѣе широкую дорогу. Отечественная промышленность, дѣлавшая сказочные успѣхи, властно требовала расширенія рынковъ для сбыта продуктовъ и отысканія колоній, производящихъ сырье.

Повинуясь стремленіямъ своего народа, молодой, честолюбивый Императоръ Германіи Вильгельмъ II-й, освободившись отъ сдерживавшей его опеки Бисмарка, смѣло повернулъ, въ началѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія, государственный корабль на «новый курсъ». — Постепенно Германію обуяла гордыня. Переоцѣнивъ свои силы, она, въ концѣ концовъ, поставили передъ собою такія заданія, которыя едва-ли уже вызывались дѣйствительными потребностями страны. Ненасытная жажда мировой гегемоніи овладѣла ею. На языкѣ же ея Императора эта политика скромно называлась стремленіемъ «обезпечить и себѣ мѣсто подъ солнцемъ».

Выброшеннымъ лозунгомъ: «Наше будущее на моряхъ» и торжественно обставленнымъ путешествіемъ въ началѣ царствованія на Востокъ, Императоръ Вильгельмъ опредѣлилъ и главнѣйшія направленія этого новаго курса. Вопросъ шелъ не болѣе и не менѣе какъ о владычествѣ Германіи на главнѣйшихъ мировыхъ водныхъ путяхъ и захватѣ ею господствующаго вліянія на Ближнемъ Востокѣ, откуда открывались дальнѣйшіе горизонты въ сторону Индіи и Персіи. Въ движеніи къ «Синему морю» тонуло, какъ болѣе ограниченное, подсобное и то «Drang nach Osten», которое издавна было направлено непосредственно противъ Россіи и покровительствуемаго ею славянства.

Для осуществленія первой половины своего грандіознаго замысла, Германія нуждалась въ широкомъ развитіи торговаго флота, — и мы были свидетелями того, какихъ поразительныхъ успѣховъ она достигла въ этомъ отношеніи, выдвинувшись въ самое короткое время на второе мѣсто, — непосредственно за Англійей. — Проводникомъ для проникновенія Германіи на Востокъ долженъ былъ служить рельсовый путь Берлинъ-Константинополь-Багдадъ-Персидскій заливъ, который осуществлялся на нашихъ глазахъ также съ необыкновенной энергіей и настойчивостью.

Вполнѣ очевидно, что, съ выполненіемъ обѣихъ частей своего плана, Германія должна была стать одною изъ самыхъ вліятельныхъ Державъ во всѣхъ частяхъ и уголкахъ земного шара.

осложнений, приведших къ войнѣ, нетрудно возстановить въ полномъ объемѣ и хронологической послѣдовательности всю сложную цѣпь событій и переговоровъ, имѣвшихъ мѣсто въ тѣ тревожные дни. Въ мою задачу, однако, не входитъ такое изложение, и я ограничусь обзоромъ преимущественно лишь тѣхъ событій и фактовъ, которыми характеризуется роль Россіи и Германіи въ конфликтѣ, приведшемъ къ мировой войнѣ.

28-го Іюня ¹⁾ 1914 года, въ г. Сараево, произошло на политической почвѣ убійство Эрцгерцога Фердинанда, наслѣдника Австро-Венгерскаго престола. Правительство Двудеиной монархіи, всегда искавшее случая создать осложненія съ Сербіей, обвинило послѣднюю въ участіи въ подготовкѣ убійства, путемъ поощренія велико-сербскаго движенія. Въ Россіи были очень взволнованы такимъ направлениемъ событій, но послѣдовавшее изъ Вѣны завѣреніе объ умѣренности предостоявшихъ со стороны Австро-Венгріи требованій и промедленіе въ предъявленіи таковыхъ Сербіи внесли постепенно замѣтное успокоеніе. Спустя нѣсколько дней, къ вѣщему успокоенію, выяснилось, что Германскій Императоръ отказался отъ своей первоначальной мысли лично присутствовать на похоронахъ убитаго Эрцгерцога и даже рѣшилъ не отмѣнять своего обычнаго лѣтняго путешествія въ норвежскія шхеры. Вдѣтельность Петербурга была усыплена этими фактами еще болѣе. Французское и русское правительства, имѣвшія ввиду лѣтомъ этого года продемонстрировать связывавшія ихъ союзныя отношенія, продолжали сговариваться о подробностяхъ давно задуманнаго и предтоявшаго въ ближайшее время осуществленія торжественнаго посѣщенія Русскаго Императора Президентомъ Французской Республики. — Глава союзнаго намъ государства, по предположенію своего правительства, долженъ былъ прибыть къ намъ морскимъ путемъ на военномъ кораблѣ 20-го Іюля и на обратномъ пути посѣтить Швецію, Данію и Норвегію.

Такимъ образомъ, обстановка способствовала созданію убѣжденія въ полной безоблачности политическаго горизонта.

Тѣмъ неожиданнѣе оказались тонъ и содержаніе ноты Австро-Венгерскаго правительства, предъявленной Сербіи 23-го Іюля. Актъ этотъ, по выраженію одного виднаго дипломата, могъ быть уподобленъ удару грома, разразившемуся въ тихій и ясный лѣтній день. Правительство Императора Іосифа требовало, чтобы сербское правительство обязалось официально и печатно осудить всякую анти-австрійскую пропаганду и объявить, что отнынѣ оно будетъ жестоко преслѣдовать и карать всякое проявленіе таковой. Сверхъ того бѣлградское правительство должно было обязаться устранить отъ должностей вѣхъ офицеровъ и чиновниковъ, на которыхъ укажетъ Вѣна, какъ на виновниковъ пропаганды противъ Австро-Венгріи, и согласиться на сотрудничество въ предѣлахъ сербской территоріи австрійскихъ чиновниковъ, въ цѣляхъ какъ открытія соучастниковъ преступленія 28-го Іюня, такъ и вообще борьбы съ дви-

¹⁾ Всѣ числа по новому стилю.

женіями, направленными противъ Двуетной Монархіи. — На эту ноту Сербія обязывалась отвѣтомъ въ 48-ми часовой срокъ.

Предъявленный Сербіи ультиматумъ былъ официально сообщенъ Вѣной остальнымъ Державамъ лишь по истеченіи довольно значительной части предоставленнаго на отвѣтъ срока.

Совершенно очевидно, что въ числѣ требованій, предъявленныхъ Сербіи, были такія, которыя существенно затрагивали достоинство и понятіе о независимости Сербскаго Королевства. вмѣстѣ съ тѣмъ, короткій срокъ, предоставленный Сербіи на отвѣтъ, въ связи съ опозданіемъ въ сообщеніи содержанія ультиматума остальнымъ Державамъ, до крайности затрудняли мирное вмѣшательство третьихъ государствъ, въ цѣляхъ улаженія конфликта, возникшаго столь неожиданно и принявшаго столь острую форму.

Россію не связывало съ Сербіей никакое формальное соглашеніе — ни политическое, ни военное; тѣмъ не менѣе она не могла, въ силу своего историческаго призванія, не придти родственной ей странѣ на помощь въ столь трудное для сей послѣдней время. — Нашъ Министръ Иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновъ призналъ необходимымъ сдѣлать передъ вѣнскимъ правительствомъ экстренные шаги прежде всего въ томъ смыслѣ, чтобы продлить срокъ, предоставленный Сербіи для отвѣта. Независимо того, С. Д. Сазоновъ, черезъ австро-венгерскаго посла въ Петербургѣ, обратилъ вниманіе Вѣны на фактическую невыполнимость нѣкоторыхъ предъявленныхъ требованій и указалъ на желательность подвергнуть положенія Австро-Венгерской ноты дружественному совмѣстному пересмотру, въ цѣляхъ найти достойный мирный выходъ изъ положенія для обѣихъ сторонъ.

Предложенія эти Вѣной приняты не были. Несмотря на полную готовность бѣлградскаго правительства послѣдовать совѣтамъ расположенныхъ къ нему государствъ и широко пойти на встрѣчу австрійскимъ требованіямъ, отвѣтъ Сербіи, данный въ срокъ, былъ признанъ въ Вѣнѣ неудовлетворительнымъ. — «Ты виновата ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать», — таковой оказалась позиція волчихи — Австрій по отношенію къ ея маленькой героической сестрѣ — Сербіи. . . Немедленно по полученіи отвѣта, едва имѣя время ознакомиться съ его содержаніемъ, Австро-Венгерскій посланникъ въ Бѣлградѣ демонстративно покинулъ сербскую столицу. Дѣйствія Австрій производили впечатлѣніе преднамѣренной торопливости, какъ бы съ цѣлью отрѣзать всѣ мирные пути для улаженія конфликта.

Невольно возникалъ вопросъ — могло ли австро-венгерское правительство дѣйствовать столь рѣшительно на свой собственный страхъ и рискъ?

Несомнѣнно, что балканская политика Австро-Венгріи была съ давнихъ поръ направлена противъ Сербіи. Для изоляціи и утѣшенія послѣдней вѣнское правительство вело упорную и систематическую работу, и та работа получила особое развитіе въ періодъ выявившагося ослабленія Россіи послѣ неудачной японской войны и наступившаго, вслѣдъ за нею, революціоннаго броженія. Предвидя, однако, въ будущемъ возможность столкновенія съ Россіей на почвѣ

народныя толщи убѣжденіе въ необходимости быть всегда готовыми къ войнѣ, дабы, съ оружіемъ въ рукахъ, имѣть возможность закрѣпить положеніе Германіи, какъ міровой Державы. Въ этомъ направленіи на протяженіи многихъ лѣтъ настойчиво и согласно работали самъ Императоръ, въ качествѣ народнаго трибуна, и, наряду съ нимъ, — патриотическіе союзы, печать, школа и даже церковь.

Разумѣется, огромное вниманіе было обращено Императоромъ Вильгельмомъ и на непосредственное развитіе военной мощи Германіи съ тѣмъ, чтобы поставить ея вооруженныя силы — морскія и сухопутныя — въ полное соотвѣтствіе съ грандіозными задачами ея міровой политики.

Въ дѣлѣ созданія военно-морского могущества, періодомъ наибольшаго напряженія явились послѣдніе годы минувшаго столѣтія. Въ этотъ періодъ были отпущены огромныя, по тому времени, кредиты на постройку нѣсколькихъ десятковъ крупныхъ кораблей, съ введеніемъ коихъ въ строй Германія сразу выдвинулась въ ряды могущественнѣйшихъ морскихъ Державъ.

Что касается сухопутной арміи, то таковая уже со времени побѣдоносной войны 1870-71 г.г. являлась одною изъ лучшихъ армій въ мірѣ. Тѣмъ не менѣе дальнѣйшее развитіе и усовершенствованіе ея составляли одну изъ первѣйшихъ заботъ Императора Вильгельма и его правительства. На содержаніе этой арміи и поддержаніе ея матерьяльной части на уровнѣ современной техники тратились огромныя средства, непрестанно возрастающія. — 1911-й, 12-й и 13-й годы были годами особо усиленныхъ ассигнованій Рейхстага на армію, каковое обстоятельство какъ бы указывало на приближеніе времени роковой развязки.

Военная промышленность Германіи благоденствовала. — Благодаря заказамъ иностранныхъ Государствъ, въ томъ числѣ, къ сожалѣнію, и Россіи, Германія имѣла возможность уже въ мирное время развитъ и поддерживать производительность своихъ заводовъ, изготовлявшихъ предметы военнаго снабженія, далеко сверхъ нормы, необходимой для удовлетворенія собственныхъ потребностей мирнаго времени. Такое состояніе военной промышленности ставило ее въ исключительно выгодное положеніе; оно же давало возможность содержать наготовѣ значительный кадръ опытныхъ инженеровъ, техниковъ и квалифицированныхъ рабочихъ, специализировавшихся на военно-промышленной работѣ. Наконецъ, въ распоряженіи германскаго правительства имѣлась богато развитая общая промышленность, которая, будучи объединена въ тресты, представляла большія удобства для приспособленія ея въ военное время къ изготовленію предметовъ военнаго назначенія.

Активное направленіе политики, которую вела Германія, давало ей огромныя преимущества въ дѣлѣ подготовки къ предстоящей войнѣ. Современная война не можетъ вестись, съ надеждой на успѣхъ, одной арміей. Она требуетъ полнаго напряженія и приспособленія къ войнѣ рѣшительно всѣхъ силъ націи. Очевидно, что, при такихъ условіяхъ, государство не можетъ находиться въ состояніи постоянной и полной готовности къ войнѣ. При наличіи большого

числа сосѣдей, оно не можетъ быть одинаково готово и для борьбы на всѣхъ фронтахъ. Наконецъ, состояніе матерьяльной части арміи, при быстромъ развитіи техники, также не можетъ всегда поддерживаться на современномъ уровнѣ. Этому будутъ препятствовать финансовыя соображенія. — Такимъ образомъ, при настоящихъ условіяхъ, подготовка къ войнѣ всякаго государства будетъ всегда имѣть характеръ относительный, причемъ не трудно видѣть, что максимальной степени подготовки легче достигнуть тому государству, правительство котораго въ состояніи заблаговременно указать отечественной стратегіи предстоящую ей задачу не только по направленію, но и въ предѣлахъ извѣстнаго промежутка времени. Въ такомъ именно положеніи находилась Германія. Она вела активную политику, должна была отдавать себѣ отчетъ, съ кѣмъ изъ Державъ ей придется столкнуться, и даже могла регулировать время этого столкновенія. И если Германія допустила разразиться неминуемо надвигавшейся катастрофѣ именно въ 1914-мъ году, то, надо думать, потому, что соотношеніе шансовъ на успѣхъ должно было представляться ей въ этотъ періодъ времени болѣе благоприятнымъ, чѣмъ въ будущемъ.

Надо сказать, что для такого вывода у Германіи имѣлись достаточныя основанія. Въ самомъ дѣлѣ, во Франціи почти наканунѣ войны были вскрыты серьезныя недочеты въ вооруженіи и снабженіи арміи, на которые законодательными учрежденіями было обращено большое вниманіе. Слѣдовало ожидать, что къ устраненію обнаруженныхъ недочетовъ будутъ приняты энергическія мѣры, но все же для того требовалось нѣкоторое время, которое выгодно было Германіи использовать. Независимо того, во Франціи въ 1913-мъ году рѣшено было вновь вернуться къ трехлѣтнему сроку дѣйствительной военной службы, что должно было значительно упрочить кадровый составъ арміи и усилить боевую подготовку людей, зачисляемыхъ въ резервъ. Непрактично было бы дожидаться результатовъ и этой мѣры. Россія, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ, была ослаблена, въ свою очередь, внутренними нестроениями и только заканчивала выполнение своей строго оборонительной военной программы. Отвѣчая, однако, на развитіе военной мощи своихъ западныхъ сосѣдей — Германіи и Австро-Венгріи, она готовилась всгупить въ періодъ дальнѣйшаго усиленія своей сухопутной вооруженной силы и возсозданія военнаго флота. Что касается Англіи, то ея связи съ Франціей, и особенно Россіей, не были еще закрѣплены въ сколько нибудь осязательныя формы и потому вопросъ о ея выступленіи противъ Германіи далеко не могъ считаться предрѣшеннымъ. Въ данномъ случаѣ все должно было зависѣть отъ общей обстановки, искусства германской дипломатіи и такта ея стратегическаго замысла. Наконецъ, даже небольшая по размѣрамъ и количеству населенія Сербія, которой суждено было стать предлогомъ къ возникновенію войны, была, къ началу конфликта, истощена предшествовавшими войнами со своими сосѣдями.

Въ настоящее время, послѣ выхода въ свѣтъ ряда «цвѣтныхъ» книгъ и частныхъ изданій съ документами, относящимися къ періоду возникновенія

балканскихъ дѣлъ, Австро-Венгрія, вмѣстѣ съ тѣмъ, настойчиво развивала свою армію и въ этомъ отношеніи достигла значительныхъ результатовъ. — Вокругъ честолюбиваго покойнаго наслѣдника престола въ Вѣнѣ создалась сильная военная партія, руководившаяся энергичнымъ и одареннымъ Начальникомъ Генеральнаго штаба Барономъ Конрадомъ фонъ Хелендорфомъ. Последній, по донесеніямъ нашей военной агентуры, былъ горячимъ сторонникомъ такъ называвшейся «предупредительной» войны, то есть войны, долженствовавшей быть искусственно навязанной Россіи въ періодъ ея недостаточной готовности. Соблазнительностью идеи такой войны, быть можетъ, и объясняется, въ извѣстной мѣрѣ, та дерзкая политика, которую Австро-Венгерское правительство вело на Балканахъ въ періодъ съ 1908-го по 1913-й годъ включительно и передъ которою ослабленная Россія вынуждалась къ отступленію. Возможно также, что военная партія въ Вѣнѣ воспользовалась и несчастнымъ событіемъ въ Сараево, чтобы съ мѣста создать вокругъ него тяжелую атмосферу и сразу углубить конфликтъ. Этотъ послѣдній путь общалъ даже извѣстныя выгоды вѣнскому правительству, оставляя за нимъ право, въ случаѣ локализациі конфликта, настаивать на увеличеніи своихъ первоначальныхъ требованій. И тѣмъ не менѣе дѣйствія Австро-Венгрії едва-ли могли имѣть самостоятельный характеръ. Ни одинъ серьезный государственный дѣятель въ Вѣнѣ не могъ обманывать себя надеждой видѣть Россію побѣжденной силами одной австро-венгерской монархіи. Только сильная и непосредственная помощь Германіи могла обезпечить Австріи конечный успѣхъ. Такимъ образомъ, Австрія, во внѣшней своей политикѣ, могла дѣйствовать лишь какъ членъ того союза, непререкаемымъ главой котораго являлась Германія. Сжатая въ тискахъ этого союза, Австро-Венгрія являлась лишь орудіемъ Германіи. Она могла имѣть свои мнѣнія, но не волю; дрижерская палочка находилась въ рукахъ Германіи.

Правильность этихъ соображеній всего лучше подтверждалась тѣми свѣдѣніями, которыя были получены въ нашемъ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ изъ Парижа въ первые же дни по возникновеніи предвоеннаго конфликта. Замѣститель нашего посла въ Парижѣ А. П. Извольскаго, вызваннаго въ Петербургъ на время пребыванія тамъ Президента Французской Республики, сообщалъ, что германскимъ посломъ въ Парижѣ было заявлено во французскомъ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ о томъ, что инцидентъ между Австріей и Сербіей, по мнѣнію Германіи, подлежитъ непосредственному разрѣшенію между обоими названными государствами, и что, хотя Австрія вручила свою ноту безъ предварительнаго уговора съ Берлиномъ, тѣмъ не менѣе Германія одобряетъ точку зрѣнія Вѣны. Къ этому баронъ Шенъ добавилъ крайне характерную фразу, что «разъ стрѣла выпущена», то Германія можетъ руководствоваться лишь своими союзническими обязательствами.

Такимъ образомъ, Германское правительство сразу поставило препятствіе мирному вмѣшательству въ конфликтъ третьихъ Державъ и санкціонировало предъявленіе своей союзницей Сербіи завѣдомо неприемлемыхъ для самостоя-

тельного государства требованій. Изъ-за спины относительно слабой Австріи вырисовывался обликъ мощной Германіи, закованной въ ратные доспѣхи.

Но ради какихъ конечныхъ цѣлей выступала Германія? Имѣла ли она ввиду обезпечить очередное продвиженіе на Балканы Австро-Венгрии, въ качествѣ своего авангарда, или вызвать наше отечество на такой шагъ, который могъ бы приблизить кровавую развязку? — Игра Германія оставалась еще не открытою.

Вернувшійся въ Парижъ къ своему посту А. П. Извольскій, въ день своего пріѣзда, 27-го Іюля, телеграфировалъ, что германскій посолъ Баронъ Шенъ письменно подтвердилъ сдѣланное имъ наканунѣ во французскомъ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ заявленіе о томъ, что Австрія не ищетъ территориальныхъ приобрѣтеній и не угрожаетъ цѣлости Сербіи и что ея единственная цѣль — обезпечить собственное спокойствіе. Такимъ образомъ, добавлялъ Баронъ Шенъ, предотвращеніе войны зависитъ въ полной мѣрѣ отъ Россіи. Германія, «чувствуя себя солидарной съ Франціей въ горячемъ желаніи поддержать миръ», полагаетъ, что обѣ Державы должны воздѣйствовать на Россію «въ умѣряющемъ смыслѣ». При этомъ Баронъ Шенъ особливо подчеркивалъ выраженіе о солидарности между Германіей и Франціей.

Въ этомъ ходѣ отчетливо вырисовывалась попытка германской дипломатіи оторвать Францію отъ Россіи, поставить послѣднюю въ изолированное положеніе и поселить чувство недоувѣрія между обоими названными государствами. Попытка эта однако не удалась. Франція, а за нею Англія, отвѣтили въ полномъ согласіи другъ съ другомъ, что воздѣйствіе должно быть произведено не въ Петербургѣ, а въ Вѣнѣ, ибо Россія проявила въ данномъ конфликтѣ съ самаго начала полную умѣренность. Не удалось также и другое предположеніе Германіи — о ея совмѣстной съ Франціей интервенціи. Берлинскому правительству было отвѣчено о цѣлесообразности представленія интервенціи четыремъ Державамъ: Франціи, Англіи, Германіи и Италіи.

Въ тотъ же день, 27-го Іюля, Англійскій посолъ въ Петербургѣ обратился къ нашему Министру С. Д. Сазонову съ вопросомъ, какъ отнесется русское правительство къ предположенію Англіи — взять на себя инициативу созыва въ Лондонѣ конференціи изъ представителей четырехъ Державъ, съ цѣлью обсудить возможные выходы изъ создавашагося положенія. С. Д. Сазоновъ отвѣтилъ, что Императорское правительство готово принять англійское предложеніе — это или всякое другое, — «способное мирно разрѣшить конфликтъ». Однако, мысль о созывѣ въ Лондонѣ конференціи не встрѣтила сочувствія въ Берлинѣ. Германское правительство, возражая противъ конференціи, не указывало на какой либо иной практической путь къ разрѣшенію конфликта, который такимъ образомъ затягивался и все болѣе осложнялся. Въ теченіе ряда дней со стороны центральныхъ Державъ не только не было сдѣлано никакихъ встрѣчныхъ шаговъ, но замѣчалось даже определенное противодѣйствіе мирнымъ попыткамъ Россіи, Франціи и Англіи.

28-го Іюля Австрія объявила войну Сербіи. Немедленно послѣдовала съ ея стороны бомбардировка Бѣлграда и занятіе части сербской территоріи. Еще нѣ-

сколько раньше австро-венгерское правительство приступило у себя къ мобилизаціи не менѣе восьми корпусовъ, часть коихъ — на нашей границѣ. Мѣра эта была явно направлена противъ насъ. Что оставалось дѣлать Россіи, при условіи болѣе медленной мобилизаціи нашей арміи и очевидномъ нежеланіи Австріи стать на путь мирнаго улаженія возникшаго спора?

Авторы довольно обильной литературы по вопросу о «виновникахъ войны» слѣдуютъ нерѣдко въ своихъ изысканіяхъ хронологическому методу, возстанавливая, едва ли не по часамъ, дѣйствія сторонъ и педантично отмѣчая всѣ этапы развертывавшагося конфликта. — Не отрицая нѣкотораго значенія такого способа изслѣдованія вопроса и совсѣмъ не опасаясь, что онъ можетъ поколебать всюду установившееся мнѣніе о безусловно мирной, хотя и твердой позиціи, которая была занята Россіей съ самаго начала возникновенія осложнений, — все же считаю необходимымъ отмѣтить, что, при примѣненіи хронологическаго метода, могутъ быть затемнены другіе, въ сущности болѣе важные факторы. Таковыми безусловно являются — внутренняя психологія каждаго изъ участниковъ конфликта и ихъ отношеніе къ мѣрамъ по мирной ликвидаціи обострившагося спора. Россія выявила въ полной мѣрѣ свое мирное настроеніе готовностью примкнуть къ любому предложенію, которое способствовало бы достойному выходу изъ создавашагося для всѣхъ участниковъ конфликта труднаго положенія. Ея политика не была воинствующею, а искренность ея дѣйствій не могла подвергаться никакимъ сомнѣніямъ. Но въ вопросѣ объ отвѣтныхъ мѣрахъ на разъ начавшуюся мобилизацію у ея западныхъ сосѣдей, Россія должна была серьезно учитывать медленность приведенія ея собственной арміи на военное положеніе и сложность всей ея мобилизаціонной системы, каковыя факторы являлись результатомъ исключительно трудныхъ условій, въ одной Россіи существовавшихъ. Россія менѣе чѣмъ какая либо иная Держава могла допустить, безъ угрозы собственной безопасности, чтобы кто либо изъ западныхъ ея сосѣдей предупредилъ ее въ мобилизаціонныхъ мѣропріятіяхъ, или чтобы ея мобилизаціонные расчеты были чѣмъ либо спутаны. Ея чуткость къ этому вопросу являлась вполне естественною и закононою. — Обстоятельство это должно быть всегда принимаемо во вниманіе при оцѣнкѣ дальнѣйшихъ событий.

Въ первые дни, протекшіе послѣ предьявленія Сербіи австрійскаго ультиматума, я былъ въ отсутствіи изъ Петербурга. — Предположеніе о возможности серьезнаго обостренія конфликта, создавашагося Сараевскимъ событіемъ, казалось у насъ, въ Россіи, настолько маловѣроятнымъ, что въ половинѣ Іюля я былъ командированъ на Кавказъ, на очередную полевую поѣздку офицеровъ Генеральнаго штаба, невзирая на то, что въ моемъ вѣдѣніи, по должности Генераль-Квартирмейстера Генеральнаго штаба, которую я занималъ съ 1909-го года, находились всѣ вопросы, касавшіеся обороны Государства. Почти одновременно со мною, непосредственно вѣдавшій оперативнымъ дѣлопроизводствомъ по западному фронту Полковникъ Щолоковъ былъ уволенъ въ отпускъ и находился на одномъ изъ морскихъ курортовъ Крыма. Въ Петер-

бургъ оставались наши замѣтителіи. — Передъ отъѣздомъ на Кавказъ я обращался къ Начальнику Генеральнаго штаба съ предложеніемъ отмѣнить мою поѣздку, ввиду все же нѣсколько сгустившейся политической обстановки, но Генераль Янушкевичъ не нашелъ для такой отмѣны достаточныхъ основаній.

Событія развились, однако, столь быстро, что уже 25-го Іюля пришлось приступить къ обсужденію тѣхъ военныхъ мѣръ, коими Россія могла бы отвѣтить на вызывающее поведеніе Австро-Венгріи. Въ названный день, въ Красномъ Селѣ, куда незадолго передъ тѣмъ переѣхали Государь, обычно проводившій тамъ послѣдніе дни лагернаго сбора войскъ гвардіи и столичнаго гарнизона, собрались, подъ предѣлательствомъ Государя, нѣкоторые Министры и лица, приглашенныя участвовать въ обсужденіи создавшагося положенія. Въ результатѣ Совѣщанія, было постановлено — на слѣдующій день, 26-го Іюля объявить въ войскахъ «предмобилизаціонный» періодъ, коимъ, между прочимъ, предусматривалось возвращеніе войскъ изъ лагерей на постоянныя стоянки; слѣдующимъ же шагомъ, на случай дальнѣйшаго углубленія конфликта, должно было быть производство частной мобилизаціи войскъ противъ Австріи, причемъ мобилизація эта не должна была коснуться тѣхъ военныхъ округовъ, кои примыкали непосредственно къ германской границѣ. Можно совершенно понять точку зрѣнія тѣхъ членовъ Совѣщанія, кои, стоя далеко отъ военнаго дѣла и будучи незнакомы съ мобилизаціонной техникой, руководились, при постановкѣ такого рѣшенія, лишь однимъ естественнымъ желаніемъ, сохраняя достоинство Россіи, избѣгать даже тѣни какой либо враждебности по отношенію къ Германіи. Но какъ объяснить себѣ достаточно удовлетворительно тѣ мотивы, по которымъ Военный Министръ Генераль Сухомлиновъ, принимавшій участіе въ упоминаемомъ Совѣщаніи, считъ возможнымъ не опротестовать постановленіе, которое могло поставить влослѣдствіи Россію въ очень тяжелое и опасное положеніе? Было-ли это легкомысліемъ или результатомъ незнакомства съ дѣломъ? На этотъ вопросъ я отвѣтить не беруся.

Несмотря на то, что мысль о возможности производства, въ данной обстановкѣ, частной мобилизаціи не раздѣлялась ближайшими сотрудниками Начальника Генеральнаго штаба, въ Главномъ управленіи Генеральнаго штаба соотвѣтственное соображеніе о таковой мобилизаціи было подготовлено. — Намѣчалось ограничить мобилизацію четырьмя военными округами, а именно: Кіевскимъ, Одесскимъ, Московскимъ и Казанскимъ. Мобилизація этихъ округовъ давала возможность привести на военное положеніе 13-ть полевыхъ корпусовъ. — Въ такомъ видѣ проектъ намѣчавшейся частной мобилизаціи встрѣтилъ принципиальное сочувствіе Государя и нашего Министерства Иностранныхъ дѣлъ, усматривавшихъ въ подобной мобилизаціи мѣру, могущую подчеркнуть нашу умѣренность вообще и лояльность по отношенію къ Германіи.

Въ соотвѣтствіи съ подготовленнымъ проектомъ, нашъ Министръ Иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновъ сдѣлалъ германскому послу въ Петербургъ заявленіе, что намѣчаемая русскимъ правительствомъ мѣра военнаго характера

отнюдь не направлены противъ Германіи и что ими не предпрѣшаются также наступательныя дѣйствія противъ Австро-Венгріи.

Срочно вызванный въ Петербургъ изъ командировки, я 26-го Іюля вернулся къ своему посту. Ознакомившись съ обстановкой и оцѣнивъ ее какъ крайне тревожную, я немедленно послалъ телеграмму моей семьѣ, находившейся въ деревнѣ въ Подольской губерніи, вблизи австрійской границы, прося ее спѣшно вернуться въ Петербургъ. Въ Главномъ управленіи Генеральнаго штаба я засталъ все еще неувѣренность и колебанія по вопросу о томъ, возможно ли рискнуть нарушеніемъ расчетовъ общей мобилизаціи. Начальникъ Генеральнаго штаба Генераль Янушкевичъ, лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ вступившій въ должность и, повидимому, не успѣвшій войти въ детали мобилизаціоннаго дѣла и плана сосредоточенія, не находилъ достаточныхъ оснований къ тому, чтобы возбуждать вопросъ о пересмотрѣ постановленія о частной мобилизаціи. Его ближайшіе сотрудники, напротивъ, возражали противъ этого и указывали на огромныя техническія затрудненія и опасности, могущія явиться въ результатѣ намѣчаемаго рѣшенія вопроса. Я представилъ и свои доводы противъ проекта частной мобилизаціи, не ограничивъ эти доводы мобилизаціонными соображеніями, но распространивъ ихъ и на оперативную сторону вопроса. Тревожное чувство, не покидавшее меня въ эти мучительные дни, дало мнѣ основаніе настойчиво просить Генерала Янушкевича вновь поставить вопросъ о нашей будущей мобилизаціи, въ полномъ его объемѣ, на совмѣстное обсужденіе съ его ближайшими сотрудниками.

Совѣщаніе это состоялось; въ немъ, кромѣ меня, приняли участіе еще Начальникъ мобилизаціоннаго отдѣла Генераль Добророльскій и Начальникъ военныхъ сообщеній Генераль Ронжинъ. Въ результатѣ обсуждения, Генераль Янушкевичъ, видимо проникшись нашими доводами, выразилъ согласіе на изготовленіе двухъ проектовъ Высочайшаго Указа, изъ коихъ одинъ — для общей, а другой — для частной мобилизаціи четырехъ перечисленныхъ выше округовъ. Проекты эти были одновременно представлены на Высочайшее имя при особомъ докладѣ, и намъ оставалось ждать окончательнаго рѣшенія Государя.

* Чтобы уяснить себѣ причины, по которымъ частная мобилизація оказывалась въ данныхъ условіяхъ недопустимой, необходимо ближе войти въ обстановку и въ нѣкоторыя детали мобилизаціонной техники, а также оперативнаго плана, разработаннаго на случай войны на западномъ фронтѣ.

Союзъ Германіи съ Австро-Венгріей представлялся настолько тѣснымъ, что уже съ давнихъ поръ въ Россіи непоколебимо установилась та точка зрѣнія, что, въ случаѣ военныхъ осложненій на нашихъ западныхъ границахъ, намъ, въ концѣ концовъ, придется имѣть дѣло не съ одной Германіей или Австро-Венгріей, но съ обѣими Центральными Державами, крѣпко спаянными другъ съ другомъ общностью интересовъ и враждебнымъ къ Россіи отношеніемъ. Разыгравшіяся событія, какъ нельзя лучше, подтвердили правильность этой точки зрѣнія. Но и независимо этого, каждое изъ названныхъ государствъ

представляло, само по себѣ, въ военномъ отношеніи столь серьезную силу, что интересы государственной обороны требовали, въ предвидѣніи столкновѣнія съ нимъ, полнаго напряженія всѣхъ нашихъ вооруженныхъ силъ сразу. При такихъ условіяхъ, мобилизаціонныя соображенія предусматривали у насъ, на случай военныхъ осложненій на западныхъ границахъ, лишь одну общую для всей арміи мобилизацію. Всякая частная мобилизація являлась, такимъ образомъ, импровизаціей и, какъ таковая, несла въ себѣ самой зародыши неувѣренности и беспорядка въ дѣлѣ, долженствовавшемъ быть построеннымъ на самыхъ точныхъ предварительныхъ расчетахъ.

Съ точки зрѣнія мобилизаціонной техники, возможность производства частной мобилизаціи, безъ опасенія нарушить въ дальнѣйшемъ выполненіе общей мобилизаціи, приобретається всего проще установленіемъ такого порядка, при которомъ каждый корпусъ (или другой болѣе или менѣе крупный войсковой организмъ) имѣлъ бы свой особый районъ укомплектованія и притомъ, по возможности, совпадающій съ райономъ квартированія войсковыхъ частей этого корпуса въ мирное время. При такихъ условіяхъ, нормальная жизнь страны, въ случаѣ частной мобилизаціи одного или нѣсколькихъ корпусовъ, нарушается лишь въ точно ограниченномъ районѣ. Только въ этомъ районѣ, обнимающемъ районы укомплектованія мобилизуемыхъ корпусовъ, производится призывъ запасныхъ, поставка отъ населенія лошадей, повозокъ и упряжи. Средства же остальной территоріи государства остаются, въ качествѣ надежнаго обезпеченія, для приведенія на военное положеніе той части вооруженныхъ силъ, которая продолжаетъ оставаться немобилизованной. Такихъ условій въ Россіи не существовало и создать ихъ представлялось невозможнымъ по разнымъ причинамъ. Прежде всего, обширность территоріи и недостатокъ желѣзныхъ дорогъ вынуждали, въ дѣляхъ безопасности государственныхъ границъ, держать въ мирное время войска болѣе густо сдвинутыми къ западу; главнѣйшіе же источники пополненія этихъ войскъ — люди и лошади — группировались, наоборотъ, въ восточныхъ и южныхъ губерніяхъ. Затѣмъ, для достиженія надлежащей готовности пограничныхъ частей и уравненія качества состава укомплектованій, нельзя было ограничиться назначеніемъ этихъ укомплектованій изъ одного района; необходимо было, во первыхъ, считаться съ возможностью быстрой подачи командъ пополненія въ войска, что зависѣло отъ времени сбора запасныхъ на призывные пункты и условій желѣзно-дорожной перевозки, и, во вторыхъ, — соображаться съ составомъ, характерными чертами и занятіями населенія тѣхъ мѣстностей, откуда черпались укомплектованія. Въ результатѣ всѣхъ этихъ данныхъ, желѣзнодорожныя перевозки при мобилизаціи приобретаѣли у насъ весьма сложный характеръ: онѣ шли въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ и производились нерѣдко на весьма дальнія разстоянія. Работа желѣзныхъ дорогъ осложнилась еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что, одновременно и въ переплетъ съ перевозками по мобилизаціи командъ пополненія, должны были выполняться, для выигрыша времени, перевозки по сосредоточенію уже отмобилизовавшихся частей къ гра-

ницамъ. Къ этому надо еще добавить, что, при составленіи мобилизаціонныхъ расчетовъ, приходилось также считаться съ недостаточнымъ развитіемъ населенія, малой подготовленностью низшей администраціи и подвижностью нѣкоторой части населенія, занимавшагося отхожими промыслами. Эти обстоятельства препятствовали заблаговременному «персональному» назначенію запасныхъ на случай мобилизаціи. Приходилось довольствоваться «цифровыми» нарядами причемъ, для обезпеченія ихъ выполненія при мобилизаціи, допускать нѣкоторыя процентныя надбавки, на случай нерозыска, болѣзни или неявки призванныхъ. Первымъ результатомъ такой системы являлось, конечно, недостаточно экономное расходованіе людскаго матерьяла, въ нѣкоторомъ расчетѣ на его неизсякаемость. Но съ этимъ неблагоприятнымъ обстоятельствомъ приходилось мириться, ввиду малокультурныхъ условій нашей народной жизни. Поименныя назначенія на случай мобилизаціи были установлены лишь для лицъ, предназначавшихся на офицерскія и военно-чиновничьи должности. Очевидно, что уже одно условіе не поименованнаго, а числового предназначенія людей дѣлало затруднительнымъ производство частной мобилизаціи, при которой могли быть серьезно нарушены интересы тѣхъ войсковыхъ частей, кои временно не мобилизовались, но, по общему мобилизаціонному расписанію должны были пополняться изъ уѣздовъ, затронутыхъ частной мобилизаціей. Въ общемъ же, принимая во вниманіе всю совокупность изложенныхъ обстоятельствъ, приходилось считаться съ тѣмъ, что, вырывая, при наличіи существовавшихъ у насъ условій, изъ общаго плана, предусматривавшаго общую мобилизацію и одновременное съ нею сосредоточеніе вооруженныхъ силъ къ границамъ, лишь часть этого плана, мы рисковали внести коренное разстройство въ остающуюся часть такового плана, и особенно въ работу желѣзныхъ дорогъ. Разстройство это могло быть причиной катастрофическихъ послѣдствій, если бы мы были вынуждены дополнительно, и особенно не закончивъ частной мобилизаціи, перейти къ мобилизаціи остальной части нашихъ вооруженныхъ силъ, подъ влияніемъ дальнѣйшей обстановки.

Попытка — приспособить мобилизаціонные расчеты къ возможности производства частной мобилизаціи у насъ имѣлась ввиду. Предполагалось осуществить ее при послѣдующемъ мобилизаціонномъ планѣ, который, ко времени возникновенія политическихъ осложненій, находился лишь въ періодѣ разработки. Но эта попытка касалась лишь случаевъ осложненій на нашихъ второстепенныхъ границахъ, преимущественно азіатскихъ, когда могла потребоваться мобилизація лишь небольшого количества войскъ, и притомъ безъ особаго напряженія въ срокахъ ихъ готовности. При возникновеніи же осложненій на западномъ фронтѣ, хотя бы вначалѣ съ одной только Германіей или Австріей, представлявшими каждая въ отдѣльности серьезнаго противника, обстановка не позволяла ограничиться частной мобилизаціей, не говоря уже о томъ, что производство таковой было сопряжено съ техническими препятствіями и рискомъ скомпromетировать наше военное положеніе, въ случаѣ дальнѣйшихъ осложненій.

Рискуя такимъ образомъ, при мобилизаціи только четырехъ округовъ, дальнойшей готовностью всей остальной нашей арміи, мы, кромѣ того, обрекали себя, въ этомъ случаѣ, на невыгодное стратегическое положеніе по отношенію къ угрожавшей намъ Австро-Венгріи. Такая мобилизація, какъ уже было отмѣчено, давала намъ возможность привести на военное положеніе только 13 корпусовъ. Между тѣмъ читатель увидитъ въ одной изъ послѣдующихъ главъ, что, даже при одновременной войнѣ съ Германіей и Австро-Венгріей, нашими подготовительными къ войнѣ соображеніями намѣчалось сосредоточеніе противъ Австріи 16-ти полевыхъ корпусовъ, которые, для достиженія успѣха, пришлось весьма скоро усилить еще двумя корпусами. — Я не удивлюсь, если критика, при разборѣ минувшей войны, поставитъ намъ въ укоръ недостаточность силъ, выставленныхъ въ первую очередь противъ Двудеиной Монархіи, послѣ объявленія ею намъ войны. Теоретически эта критика будетъ права, ибо давно извѣстно, что лучшая стратегія есть стратегія сильнѣйшая. Но ею будетъ при этомъ упущено одно очень серьезное обстоятельство — наши обязательства по отношенію къ союзной намъ Франціи, къ каковымъ обязательствамъ мы конечно должны были отнестись съ полнымъ вниманіемъ. Все сказанное мною приводится съ цѣлью подчеркнуть, что, ограничивая себя приведеніемъ на военное положеніе по частной мобилизаціи лишь 13-ти корпусовъ, мы подвергались всѣмъ возможнымъ послѣдствіямъ выставленія противъ Австро-Венгріи безусловно недостаточнаго количества войскъ.

Нашъ оперативный планъ, независимо выставленія въ первую очередь противъ Австро-Венгріи 16-ти корпусовъ, намѣчалъ воспользоваться выгоднымъ съ военной точки зрѣнія охватывающимъ положеніемъ Россіи по отношенію къ австрійской территоріи и, въ соответствии съ этимъ условіемъ, развернуть арміи, предназначавшіяся для дѣйствія противъ названной Державы, не только на западномъ фронтѣ Кіевского военного округа, но и на южномъ участкѣ Варшавскаго округа. Ограничиваясь же мобилизаціей лишь Кіевского, Одесскаго, Московскаго и Казанскаго военныхъ округовъ, мы одновременно должны были ограничить и развертываніе нашихъ войскъ противъ Австріи предѣлами одного Кіевского округа, такъ какъ Варшавскій округъ примыкалъ на полувину къ Германіи и потому, во избѣжаніе конфликта, его имѣлось ввиду оставить на мирномъ положеніи. Такимъ образомъ, рѣшаясь на частную мобилизацію, мы вынуждались отказаться не только отъ сосредоточенія необходимаго числа корпусовъ для обезпеченія успѣха дѣйствій надъ Австріей, но и отъ выгодъ охватывающаго положенія, создаваемаго взаимнымъ расположеніемъ Варшавскаго и Кіевского военныхъ округовъ въ отношеніи нашего вѣроятнаго противника. Наконецъ, принимая во вниманіе болѣе раннюю готовность австро-венгерской арміи, мы, при такомъ развертываніи, рисковали еще возможностью, если не широкаго наступленія, то налета частей этой арміи на немобилизованныя войска Варшавскаго военного округа, что представляло также болѣе опасную и разрушало въ будущемъ возможность спокойной мобилизаціи войскъ этого округа, пограничнаго не только съ Австріей, но и Германіей.

Предупреждая нѣсколько изложеніе событій, хочется спросить читателя, для лучшаго уясненія вопроса, не служитъ ли убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ рискованности рѣшенія ограничить наши военныя мѣры частичной мобилизаціей, примѣръ самой Германіи, которая отвѣтила на нашу мобилизацію, вызванную осложненіями съ Австро-Венгріей, не частичнымъ приведеніемъ въ боевую готовность своихъ войскъ, предназначенныхъ для совмѣстныхъ съ Австро-Венгріей дѣйствій на восточномъ фронтѣ — такихъ было только нѣсколько корпусовъ, а общей мобилизаціей всѣхъ вооруженныхъ силъ Имперіи, хотя въ это время ей западная сосѣдка — Франція не приступала еще къ мобилизаціи своей арміи. А вѣдь въ Германіи, болѣе чѣмъ гдѣ либо въ другой странѣ, могла быть примѣнена частная мобилизація, такъ какъ въ ней въ наиболѣе чистомъ видѣ была проведена территоріальная система корпусныхъ округовъ пополненія. Но Германія не обманывала себя: она ясно понимала, что только полное и одновременное приведеніе на военное положеніе всѣхъ вооруженныхъ силъ Имперіи могло отвѣчать серьезности даннаго политическаго момента, и что нарушить единство заранѣе разработаннаго плана мобилизаціи при данныхъ условіяхъ, представляется неоправдываемымъ рискомъ.

Опасность отъ принятія намѣчавшагося мало продуманнаго рѣшенія — мобилизовать только войска четырехъ округовъ — была столь велика, что у лицъ, отчетливо ее сознававшихъ, должна была даже зародиться мысль о предпочтительности пока полнаго отказа отъ мобилизаціи, чѣмъ ограниченія ея въ размѣрахъ, подъ рискомъ нарушить расчеты общей мобилизаціи. Но въ этомъ случаѣ, Россія предоставила бы Сербію ея собственной трагической судьбѣ, что было для нея невозможно по соображеніямъ не только политическимъ, но и моральнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Россія подвергла бы себя риску потерять время для приведенія своей арміи въ готовность, что имѣло для нея большое значеніе, принимая во вниманіе, что мобилизаціонная готовность нашей арміи значительно запаздывала по сравненію съ таковою же нашихъ западныхъ сосѣдей.

Но возвратимся къ нашему повѣствованію. Утромъ 20-го Іюля къ Начальнику мобилизаціоннаго отдѣла вернулся подписанный Государемъ Высочайшій указъ объ общей мобилизаціи арміи, началомъ которой надлежало считать 12 часовъ ночи на 30-е Іюля. Исключеніе было сдѣлано лишь для войскъ Приамурскаго военнаго округа, которыхъ намѣчено было мобилизовать дополнительно въ виду того, что перевозка ихъ, по условіямъ желѣзнодорожнаго транспорта, могла начаться лишь по истеченіи нѣсколькихъ недѣль.

Такимъ рѣшеніемъ Государя благополучно разрѣшался вопросъ о сохраненіи боевой готовности нашей арміи и обезпеченіи безопасности государства.

Чрезвычайно важно отмѣтить, что въ этотъ самый день, 29-го Іюля, когда Россія фактически еще не приступала къ мобилизаціи ни одной своей части войскъ и ограничилась лишь введеніемъ, незадолго до этого числа, предмобилизаціоннаго періода, предусматривавшаго только домашнюю провѣрку мобилизаціонныхъ соображеній и расчетовъ, — въ этотъ день германскій посоль въ Петербургѣ Графъ Пурталесъ въ категорической формѣ заявилъ нашему

Министру Иностраннѣхъ дѣлъ о рѣшеніи его правительства «мобилизовать» армію, если Россія не прекратитъ своихъ военныхъ приготовленій. И еще характернѣе, что 29-го же Іюля германскій посоль въ Парижѣ Баронъ Шенъ, какъ объ этомъ доносилъ А. П. Извольскій, при свиданіи съ Предѣдателемъ Совѣта Министровъ и Министромъ Иностраннѣхъ дѣлъ Франціи г. Вивіани, жалуюсь ему на военныя приготовленія Франціи, добавилъ, что Германія вынуждена будетъ прибѣгнуть къ такимъ же приготовленіямъ. Какое удивительное совпаденіе въ дѣйствіяхъ обоихъ германскихъ дипломатовъ! — И эти факты — не лучшее ли доказательство того, что Германія, руководимая Императоромъ Вильгельмомъ, незадолго передъ тѣмъ вернувшимся изъ своей морской экскурсіи, уже въ то время подготавливала почву для оправданія своей предрѣшенной мобилизаци и для переложенія отвѣтственности за таковую на Россію и Францію!

Къ этому времени мы имѣли въ своемъ распоряженіи вполне достовѣрныя свѣдѣнія, что германскіе офицеры, проживавшіе въ Россіи, получили распоряженіе о возвращеніи въ Германію.

О принятомъ Государемъ рѣшеніи — приступить къ общей мобилизаци всей русской арміи — было поручено Вице-Директору Канцеляріи Министерства Иностраннѣхъ дѣлъ Н. А. Базили 29-го Іюля вечеромъ довести до свѣдѣнія французскаго посла въ Петербургѣ Н. А. Базили рассказывать мнѣ впоследствии о трудномъ положеніи, въ которомъ онъ оказался при исполненіи даннаго ему порученія. Несомнѣнно, что г. Палеологъ, по долгу службы, обязанъ былъ о рѣшеніи Государя немедленно освѣдомить свое правительство, не ожидая утра 30-го Іюля, когда состоявшееся Высочайшее повелѣніе объ общей мобилизаци арміи должно было стать общеизвѣстнымъ; до этого же времени представлялось конечно желательнымъ сохранить его въ тайнѣ отъ нашихъ западныхъ сосѣдей. Между тѣмъ, нашему Министерству было доподлинно извѣстно, что французскій шифръ довольно легко поддается расшифровкѣ и такимъ образомъ содержаніе телеграммы г. Палеолога, подлежащей на общемъ основаніи направленію черезъ Берлинъ, подвергалось риску стать достояніемъ нашихъ противниковъ. Вслѣдствіе этого Н. А. Базили, по указанію своего Министра, счелъ долгомъ предупредить г. Палеолога о секретности пока характерѣ своего сообщенія и просилъ французскаго посла о зашифрованіи его телеграммы не французскимъ, а русскимъ дипломатическимъ шифромъ, секретность котораго не внушала сомнѣній. Во исполненіе этой просьбы, одинъ изъ секретарей французскаго посольства, по распоряженію г. Палеолога отправился въ наше министерство иностранныхъ дѣлъ, для зашифрованія составленной во французскомъ посольствѣ телеграммы. Этой послѣдней не суждено было, впрочемъ, быть отправленной, вслѣдствіе коренной перемѣны, происшедшей въ тотъ же вечеръ въ рѣшеніи Государя.

Верховный Глава Россіи находился въ теченіе всего 29-го іюля въ телеграфномъ общеніи съ Германскимъ Императоромъ и подъ вечеръ получилъ отъ послѣдняго телеграмму, показавшуюся успокоительной. Въ своемъ телеграфномъ же отвѣтѣ, помѣченномъ 8. ч. 20 м. вечера, Императоръ Николай счелъ

необходимымъ выразить благодарность Императору Вильгельму за его телеграмму, «примирительную и дружескую», и указать на непонятное разногласіе между ея тономъ и рѣзкимъ заявленіемъ, сдѣланнымъ въ тотъ же день Графомъ Пурталесомъ С. Д. Сазонову, о которомъ я уже упоминалъ выше. Въѣстъ съ тѣмъ, Государь добавлялъ, что считаетъ «правильнымъ передать Австро-Сербскій вопросъ на Гаагскую конференцію».

Нѣсколько позднѣе отправки этой телеграммы Императоромъ Николаемъ было отдано повелѣніе объ остановкѣ всѣхъ распоряженій по производству общей мобилизаціи и о замѣнѣ ея частной мобилизаціей только въ четырехъ военныхъ округахъ.—Первымъ днемъ этой мобилизаціи сохранялось 30-е іюля. — Новое Высочайшее повелѣніе было принято къ немедленному исполненію и съ 12-ти часовъ ночи на 30-е Іюля въ Россіи фактически было приступлено къ мобилизаціи въ четырехъ военныхъ округахъ: Киевскомъ, Одесскомъ, Московскомъ и Казанскомъ, съ приведеніемъ на военное положеніе лишь 13-ти полевыхъ корпусовъ.

О какихъ либо дополнительныхъ переговорахъ между Государемъ Императоромъ, Военнымъ Министромъ и Начальникомъ Генеральнаго штаба, въ ночь съ 29-го на 30-е Іюля, я въ то время ничего не слышалъ и, если эти переговоры дѣйствительно происходили, то содержаніе послѣднихъ повидимому оставалось тайной переговаривавшихся лицъ.

Отвѣтъ Государя на телеграмму Императора Вильгельма, съ добавленіемъ въ этомъ отвѣтѣ предложенія о передачѣ возникшаго австро-сербскаго конфликта на разсмотрѣніе Гаагскаго трибунала, и принятое рѣшеніе объ ограниченіи военныхъ приготовленій Россіи частной мобилизаціей являютъ миру несомнѣнно лучшее доказательство высокаго миролюбія Верховнаго Главы Россійскаго Государства. Увы, надеждамъ Государя — найти соответственный откликъ въ настроеніяхъ Императора Германіи — не суждено было сбыться! Уже въ 1 часть ночи на 30-е іюля, — повидимому послѣ извѣстнаго совѣщанія въ Потсдамѣ, — Императоръ Вильгельмъ послѣшилъ отправкой своей отвѣтной телеграммы. Въ ней Германскій Императоръ заявлялъ, что «не можетъ быть рѣчи» о томъ, чтобы тонъ заявленія германскаго посла въ Петербургѣ находился въ противорѣчій съ общимъ смысломъ его первой телеграммы. Въ дальнѣйшей части телеграммы Императора Вильгельма нельзя было найти никакого отвѣта на предложеніе Императора Николая о передачѣ спорныхъ вопросовъ Гаагскому трибуналу. Напротивъ того, Германскій Императоръ въ ультимативной формѣ подтверждалъ, что, если Россія произведетъ мобилизацію противъ Австро-Венгріи, то предлагаемая ему роль посредника станетъ невозможной и что поэтому вся тяжесть отвѣтственности за войну или миръ отнынѣ должна лежать на Императорѣ Николаѣ. ¹⁾

¹⁾ Считаю необходимымъ подчеркнуть, что телеграмма Императора Николая отъ 29-го іюля (8 ч. 20 м. вечера), о которой я упоминалъ выше, въ германской «бѣлой» книгѣ пропущена совсѣмъ; въ отвѣтной же телеграммѣ Императора Вильгельма отъ 30-го іюля (1 часть ночи) пропущены первая строка текста, свидѣтель-

Слѣдующій день, 30-го Іюля, принесъ очень тревожное извѣстіе, которое произвело впечатлѣніе разорвавшейся бомбы: Около 1 часа пополудни въ Берлинѣ былъ выпущенъ экстренный листокъ офиціознаго «Lokalanzeiger'a» съ сообщеніемъ объ объявленіи мобилизаціи въ Германіи. Корреспондентъ С.-Петербургскаго телеграфнаго агентства въ Берлинѣ Марковъ немедленно протелеграфировалъ объ этомъ своему агентству въ Петербургъ, а агентство срочно, по телефону, передало это огромной важности сообщеніе нашему Министерству Иностранныхъ дѣлъ. Нѣсколько поздиѣ, содержаніе этой «Марковской» телеграммы, какъ ее стали называть впоследствии, было подтверждено телеграммой нашего посла въ Берлинѣ Свербеева.

То, что, по имѣвшимся у насъ свѣдѣніямъ, происходило въ этотъ день въ Германіи, должно было въ самомъ дѣлѣ вызывать у насъ самыя реальныя подозрѣнія. — Нашъ военный агентъ въ Афинахъ Полковникъ Гудимъ-Левковичъ, возвращаясь изъ Петербурга къ своему заграничному посту, долженъ былъ проѣхать всю Германію отъ Эйткунена черезъ Берлинъ до голландской границы. Прибывъ 30-го Іюля днемъ въ Берлинъ, онъ поставилъ въ извѣстность нашего посла обо всемъ, имъ видѣнномъ въ пути. Слѣдуя по восточной части Германіи, онъ былъ очевидцемъ большого скопленія резервистовъ на желѣзнодорожныхъ станціяхъ, причемъ обнаружилъ движеніе цѣлыхъ воинскихъ поѣздовъ, какъ въ восточномъ, такъ и западномъ направленіяхъ. По заключенію Полковника Гудимъ-Левковича, эти факты могли быть объяснены лишь происходящей мобилизаціей и даже первыми шагами къ сосредоточенію войскъ.

Впоследствии правительство Императора Вильгельма отвергло газетное сообщеніе о мобилизаціи своей арміи и сочло возможнымъ подвести всѣ фактически обнаруженныя мѣропріятія подъ скромное понятіе о «кригсцупштандѣ», о переходѣ къ которому, кетати сказать, офиціально было объявлено лишь 31-го Іюля. Въ дѣйствительности же много основаній было думать, что началомъ мобилизаціи являлось 30-е Іюля. Мобилизація эта имѣла какъ-бы общій характеръ, такъ какъ полковникъ Гудимъ-Левковичъ, продолжившій свое путешествіе 31-го Іюля, имѣлъ возможность наблюдать вплоть до голландской границы такое же скопленіе резервистовъ, какое онъ видѣлъ наканунѣ, равно какъ и движеніе воинскихъ поѣздовъ, но направлявшихся исключительно въ западномъ направленіи.

Не менѣе тревожныя свѣдѣнія поступили 30-го Іюля изъ Австріи: тамъ на завтра ожидалось объявленіе общей мобилизаціи.

Всѣ эти данныя убѣдительно говорили о томъ, что наши западные сосѣди зашевелились не на шутку. При такихъ условіяхъ, производившаяся у насъ

ствующая, съ безспорной опредѣленностью, о ея отвѣтномъ характерѣ. — Полностью объ эти телеграммы помѣщены, въ переводѣ съ англійскаго языка, на которомъ въ дѣйствительности происходила переписка, — въ русскомъ изданіи германской «облой» книги, выпущенномъ изъ печати въ 1915-мъ году въ Петербургѣ фирмой Мелье. Телеграммы эти были переданы русскому издателю, въ копіяхъ, бывшимъ Вице-Директоромъ Канцеляріи Министерства Иностранныхъ дѣлъ Н. А. Базили, который еще недавно лично мнѣ подтвердилъ объ этомъ.

частная мобилизація, грозившая притомъ нарушеніемъ расчетовъ общей мобилизаціи, вызывала все возраставшія сомнѣнія и опасенія.

Около трехъ часовъ пополудни 30-го Іюля, въ зданіи Генеральнаго штаба было создано экстренное совѣщаніе, въ которомъ приняли участіе Военный Министръ Генераль Сухомлиновъ, Министръ Иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновъ и Начальникъ Генеральнаго Штаба Генераль Янушкевичъ. Въ теченіе за-сѣданія, продолжавшагося недолго, я имѣлъ возможность довольно подробно бесѣдовать съ Н. А. Базили, находясь въ сосѣднемъ залѣ. Я детально развернулъ передъ своимъ собесѣдникомъ, пользовавшимся большимъ личнымъ до-вѣріемъ С. Д. Сазонова, картину тѣхъ тяжелыхъ послѣдствій, которыя могли создаться въ результатѣ производившейся частной мобилизаціи; вмѣстѣ съ тѣмъ я указывалъ ему на то, что еще есть время сравнительно безболѣзненно перейти къ общей мобилизаціи. Но надо принимать рѣшенія быстро, по возмож-ности не позднѣе завтрашняго дня, иначе частная мобилизація пойдетъ пол-нымъ ходомъ и переходъ отъ нея къ общей мобилизаціи можетъ повести къ большой путаницѣ. Мнѣ казалось, что, въ результатѣ нашей бесѣды, Н. А. Базили проникся моими доводами.

Мнѣ остались неизвѣстными тѣ рѣшенія, къ которымъ пришло совѣщаніе; участники такового молча и сосредоточенно разошлись, не подѣлившись своими впечатлѣніями. Но уже подъ вечеръ 30-го Іюля, несомнѣнно въ связи со всѣми вновь полученными данными, состоялось новое, и на сей разъ окончательное Высочайшее повелѣніе о производствѣ общей мобилизаціи всѣхъ вооруженныхъ силъ Имперіи. Началомъ этой мобилизаціи устанавливалась полночь на 31-е Іюля.

Переходъ отъ частной мобилизаціи къ общей представилось возможнымъ произвести относительно легко благодаря тому, что перемѣна въ распоряже-ніи произошла на протяженіи первыхъ сутокъ производства частной мобили-заціи. Эти первые сутки, по закону, предназначались для разсылки объявленій о мобилизаціи, раздачи призывныхъ картъ и устройства призываемыми своихъ домашнихъ дѣлъ. Сборъ запасныхъ, а также сгонъ лошадей, работа по ихъ рас-предѣленію и начало отправки командъ пополненія къ мѣстамъ назначенія дол-жны были начаться лишь со второго дня. Такимъ образомъ, предоставивъ за-паснымъ, призваннымъ 30-го Іюля по частной мобилизаціи, вмѣсто 24-хъ ча-совъ на устройство домашнихъ дѣлъ, 48 часовъ, то есть искусственно задер-жавъ ихъ сборъ на однѣ сутки, легко было, отказавшись отъ расчетовъ по част-ной мобилизаціи, перейти къ расчетамъ по общей мобилизаціи. Случись этотъ переходъ позднѣе, когда фактически началось бы отправленіе людей и лошадей по назначенію, — послѣдствія были бы иными.

Но мобилизація, даже общая, не есть еще война. Это мѣра, диктуемая лишь благоразумною предусмотрительностью, въ особенности для той стороны, кото-рая значительно отстаетъ въ готовности своей арміи и потому рискуетъ безопас-ностью своей территоріи. Еще задолго до войны вопросъ о порядкѣ открытія во-

енныхъ дѣйствій былъ у насъ пересмотрѣнъ, и этотъ актъ рѣзко отдѣленъ отъ акта объявленія мобилизаціи. Съ объявленіемъ мобилизаціи войска лишь пополнялись до штатовъ военнаго времени, перевозились въ районы ихъ сосредоточенія и принимали мѣры по прикрытію границы, не переходя, однако, послѣдней впредь до особаго распоряженія, связаннаго съ рѣшеніемъ объ объявленіи войны. Кажущаяся простота и выигрышь во времени, — два основанія, по которымъ въ свое время было принято ранѣе дѣйствовавшее постановленіе объ открытіи на западномъ фронтѣ военныхъ дѣйствій, одновременно съ объявленіемъ мобилизаціи, явно не выдерживали критики при соприкосновеніи съ дѣйствительностью; послѣдняя, въ деликатный періодъ политическихъ осложненій, требовала наличія возможно гибкихъ и осторожныхъ формъ вмѣшательства въ конфликтъ вооруженной силы государства, дабы преждевременно не подойти къ роковой чертѣ, отдѣляющей миръ отъ войны. Желаніе не нарушить этотъ миръ до полнаго исчерпанія всѣхъ доступныхъ средствъ и оградить его отъ всякихъ случайностей требовало, чтобы переходъ вооруженными силами пограничной линіи и открытіе военныхъ дѣйствій (кромѣ конечно случаевъ отраженія нападенія на собственную территорію) регулировались особымъ распоряженіемъ центральной власти.

Такимъ образомъ мобилизація нашихъ вооруженныхъ силъ не закрывала дальнѣйшихъ переговоровъ. И даже болѣе того — надежда на мирный исходъ далеко еще не была исчерпана. 30-го Іюля Министръ Иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновъ лично продиктовалъ германскому послу въ Петербургѣ Графу Пурталесу тѣ условія, при которыхъ Россія была бы готова прекратить всѣ свои военныя приготовленія. Условія эти заключались въ исключеніи Австріей тѣхъ пунктовъ изъ ея ультиматума Сербіи, которые противорѣчили понятію о суверенитетѣ послѣдней. Хотя 31-го Іюля въ Австро-Венгріи было также приступлено къ общей мобилизаціи, тѣмъ не менѣе австрійскій посолъ въ Петербургѣ Графъ Сапари сдѣлалъ С. Д. Сазонову заявленіе, что его правительство согласно вступить въ обсужденіе по существу предъявленныхъ Сербіи требованій. Предложеніе это было встрѣчено въ нашихъ дипломатическихъ сферахъ съ большимъ сочувствіемъ и удовлетвореніемъ; но, для успѣха такового, считалось, конечно, необходимымъ, чтобы Австрія прежде всего приостановила свои уже начавшіяся военныя дѣйствія на сербской территоріи. Въ этотъ же день Государемъ Императоромъ была послана Германскому Императору Вильгельму телеграмма, въ которой Верховный Глава Россійскаго Государства своимъ словомъ обязывался не предпринимать никакихъ вызывающихъ шаговъ, пока будутъ продолжаться переговоры съ Австро-Венгріей. При такихъ условіяхъ Германія не могла, конечно, сомнѣваться въ истинныхъ намѣреніяхъ Россіи, дышавшихъ неподдѣльнымъ миролюбіемъ.

Роковая дѣйствительность не оправдала, однако, еще теплившихся въ русскихъ правительственныхъ кругахъ надеждъ на возможность избѣжать пролитія крови. Въ Берлинѣ къ этому времени видимо окончательно созрѣло рѣшеніе довести переговоры съ Россіей до разрыва.

Въ полночь на 1-е Августа германскій посль въ Петербургѣ Графъ Пурталесъ заявилъ нашему Министру Иностраннхъ дѣлъ, что, если черезъ 12-ть часовъ, то есть къ полудню 1-го Августа, Россія не приступитъ къ демобилизаціи, и притомъ не только противъ Германіи, но и противъ Австріи, то Германское правительство вынуждено будетъ отдать у себя распоряженіе о мобилизаціи.

На вопросъ С. Д. Сазонова — является ли это заявленіе предупрежденіемъ о началѣ войны, графъ Пурталесъ отвѣтилъ отрицательно, добавивъ, однако: «но мы къ ней чрезвычайно близки».

Интересно отмѣтить, что Германское правительство, требуя отъ Россіи отмены всѣхъ военныхъ мѣропріятій, не только противъ Германіи, но и противъ Австріи, умалчивало о какихъ либо параллельныхъ шагахъ своихъ въ Вѣнѣ; этимъ самымъ оно принимало на себя роль какъ бы официальной защитницы и покровительницы Австріи. Не менѣе поучительно и то, что Германія выступила со своимъ ультиматумомъ почти непосредственно вслѣдъ за тѣмъ, какъ ея союзница Австрія выразила готовность пойти на уступки. Сопоставленіе этихъ фактовъ не можетъ не наводить на мысль — не была ли проявленная австрийской дипломатіей въ послѣднюю минуту уступчивость одною изъ побудительныхъ причинъ къ рѣшительному выступленію Германіи, отрѣзавшему всѣ мирные пути къ разрѣшенію конфликта?

Выполненіе предъявленнаго намъ Германіей требованія, опредѣленно повиншаго характеръ открытаго вызова, знаменовало бы полную, хотя и безкровную капитуляцію Россіи передъ германскимъ бронированнымъ кулакомъ. Такой шагъ былъ для Россіи, конечно, невозможенъ. Онъ былъ несомнѣнъ съ великодержавнымъ достоинствомъ нашей родины и грозилъ ей совершенною потерей престижа вообще и среди славянства въ частности. Онъ дискредитировалъ бы правительственную власть внутри страны, создавъ о ея дѣйствіяхъ впечатлѣніе какой то необъяснимой нерѣшительности и необдуманности. Въстѣ съ тѣмъ, вѣроятнымъ результатомъ такого шага была бы необходимость нести въ дальнѣйшемъ и то экономическое иго, которое было наложено на Россію торговымъ договоромъ 1904-го года, вырваннымъ Германіей у насъ въ періодъ русско-японской войны; срокъ этого договора, какъ извѣстно, оканчивался въ 1914-мъ году. Наконецъ, и съ военной точки зрѣнія, остановка разъ пущенной въ ходъ мобилизаціи создавала большія техническія неудобства. *Ordre contre ordre — disordre*. Потребовалось бы вѣроятно не менѣе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, чтобы наладить заново весь мобилизаціонный аппаратъ, въ теченіе какового времени боевая готовность нашей арміи не могла бы считаться обеспеченной.

Въ силу всѣхъ изложенныхъ соображеній, российское правительство, къ тому же окончательнo убѣдившееся въ безцѣльности дальнѣйшихъ переговоровъ, оставило претенціозное требованіе Германіи безъ отвѣта и послѣдствій: мобилизація нашей арміи продолжала идти своимъ нормальнымъ ходомъ.

Наступилъ полдень 1-го Августа. Часъ этотъ былъ встрѣченъ въ Петербургѣ въ спокойномъ сознаніи, что все совмѣстимое съ достоинствомъ и величіемъ Россіи было сдѣлано для того, чтобы оберечь миръ отъ покушеній на него со стороны германскаго Императора и его правительства. Томительно проходили дальнѣйшіе часы. Только совѣтъ подъ вечеръ стало извѣстно, что Графъ Пурталесъ вновь посѣтилъ С. Д. Сазонова и официально заявилъ ему, что Императоръ Вильгельмъ, отъ имени германской Имперіи, принимаетъ вызовъ, якобы брошенный Россіей Германіи, и считаетъ себя въ состояніи войны съ Россіей. Впослѣдствіи много рассказывали о повышенно-зволнованномъ настроеніи германскаго посла во время его послѣдняго посѣщенія С. Д. Сазонова, которому онъ передалъ письменное заявленіе о разрывѣ, ввидѣ незаконченнаго наброска, составленнаго въ двухъ вариантахъ. Такая потеря душевнаго равновѣсія, очевидно, свидѣтельствовала, что Графъ Пурталесъ сознавалъ ту отвѣтственность, которая, конечно, ложилась отчасти и на него за доведеніе тянувшихся переговоровъ до столь рокового конца...

Остается сказать еще нѣсколько словъ о поведеніи Австро-Венгріи. Мы видѣли, что послѣдней въ первые дни конфликта принадлежала едва ли не первенствующая роль въ дѣлѣ обостренія конфликта. Подъ влияніемъ своей военной партіи и несомнѣнно поощряемая Берлиномъ, Австро-Венгрія сразу стала на непримиримую позицію. Однако, по мѣрѣ выясненія отношенія Россіи, вѣнское правительство стало проявлять не только замѣтную выдержку, но даже уступчивость. Достаточно вспомнить о выраженной имъ 31-го Іюля готовности стать на путь обсужденія возникшихъ недоразумѣній. Еще характернѣе донесеніе нашего посла въ Вѣнѣ отъ 3-го Августа. Въ немъ Н. П. Шебеко, подводя итоги своихъ впечатлѣній, высказывалъ, что, по его мнѣнію, австрійское правительство не хотѣло доводить конфликта до войны съ нами, что оно опасается ея и, въ общемъ, недовольно «грубымъ вызовомъ, брошеннымъ намъ Германіей и сдѣлавшимъ общую войну неизбѣжной». Такимъ образомъ, если Австро-Венгрія и виновна въ обостреніи, подъ впечатлѣніемъ Сараевскаго событія, политической обстановки, то, съ теченіемъ времени, инициатива дѣйствій перешла всецѣло къ Германіи, которая сознательно довела конфликтъ до вооруженнаго столкновенія.

Въ виду затяжки австро-венгерскаго правительства въ объявленіи намъ войны и выраженаго австрійскимъ посломъ въ Петербургѣ желанія его правительства вступить въ обсужденіе предъявленныхъ имъ Сербіи требованій, наши войска получили указаніе — не предпринимать никакихъ враждебныхъ дѣйствій противъ Австро-Венгріи.

Только 6-го Августа австро-венгерскій Министръ Иностранныхъ дѣлъ Графъ Берхтольдъ заявилъ нашему послу въ Вѣнѣ, что союзъ, связывающій Австро-Венгрію съ Германіей, обязываетъ ее къ разрыву сношеній съ нами.

Жребій былъ брошенъ — мечи обнажились...

Надвинувшаяся война приняла съ самаго начала невиданные размѣры. Постепенно она охватила рядъ странъ и развернулась на территоріи трехъ ма-

териковъ. Въ теченіе ея, на протяженіи четырехъ слишкомъ лѣтъ, человѣческій умъ не переставалъ изобрѣтать все новыя средства для взаимостребленія. Смерть и страданія стали витать надъ человѣкомъ и настигать его не только на сушѣ и морѣ, но также подъ водою и въ воздухѣ...

ГЛАВА II.

Была-ли Россія готова къ войнѣ? — Внутреннія настроенія послѣ неудачной войны 1904—05 г.г. — Финансовое и экономическое положеніе страны. — Пути сообщенія и транспортъ. — Состояніе вооруженныхъ силъ и реорганизация арміи по плану 1910-го года. — Вопросъ объ „упраздненіи“ крѣпостей. — Ограниченность нашихъ военныхъ запасовъ и отсутствіе плана мобилизации отечественной промышленности. — Выводы.

Россія, вступивъ при Императорѣ Александрѣ III въ союзъ съ Франціей и ставъ, затѣмъ, на путь сближенія съ Англіей, круто отошла отъ прежней своей традиціонной политики, заключавшейся въ поддержаніи тѣсныхъ дружескихъ отношеній съ Центральными Державами Европы. Эта перемѣна политическаго фронта, въ свое время, вызвала въ нѣкоторыхъ кругахъ русскаго общества большое безпокойство. Сущность его въ томъ, что сближеніе съ новой группой Европейскихъ государствъ логически должно было сказаться самымъ кореннымъ образомъ не только на внѣшней политикѣ Россіи, но и на внутреннемъ ходѣ и всемъ строѣ ея жизни. Вѣрность германскому Союзу обезпечивала Россіи продолжительный миръ на ея наиболѣе важной западной границѣ и потому—возможность охранять прежніе устои русской жизни, при которыхъ народъ не былъ привлеченъ къ активному участію въ государственной жизни страны. Союзомъ съ Германіей обезпечивалась даже нѣкоторая свобода поступательнаго движенія Россіи въ Азіи, но, при новомъ политическомъ курѣ Вильгельма II, огромною цѣною отказа отъ общеславянскихъ задачъ и историческаго наслѣдства на Ближнемъ Востокѣ. Такое положеніе являлось, однако, несомнѣннымъ съ достоинствомъ и интересами нашего отечества; оно и обусловило отходъ Россіи отъ прежнихъ политическихъ связей и послужило основною причиною ея сближенія съ тѣми державами, коимъ такъ же какъ и намъ, угрожала новая агрессивная политика Германіи. Но становясь на путь защиты своихъ естественныхъ правъ и великодержавнаго положенія, Россія должна была, конечно, учитывать вѣроятность возникновенія въ Европѣ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, военнаго столкновенія, въ которомъ ей придется принять участіе. Грандіозный масштабъ надвигавшейся войны и современныя условія веденія таковой, требующія индивидуальнаго развитія и сознательнаго отношенія отъ каждого бойца и тыловаго работника, не должны были оставлять сомнѣній въ необходимости глубокой и притомъ заблаговременной перестройки всего внутренняго уклада русской жизни съ тѣмъ, чтобы въ необходимый моментъ явилась возможность вызвать полное напряженіе

всѣхъ народныхъ силъ и средствъ, безъ которыхъ шансы на побѣду не могли быть значительными.

Россія, къ прискорбію, въ этомъ коренномъ вопросѣ пошла по пути непримиримаго противорѣчія. Измѣнивъ рѣшительно свою внѣшнюю политику, ея правительство проявляло колебанія въ отказѣ отъ старыхъ внутреннихъ распоряжковъ. И въ этомъ противорѣчій — трагическій зародышъ военныхъ неудачъ нашей родины.

Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, въ Россіи не удалось создать «психологию» большой войны. Умственная темнота населенія, огромныя разстоянія, разобщенность, неудовлетворенность условіями внутренней жизни, — все это не создало благоприятной почвы для развитія здороваго національнаго чувства и сознательнаго отношенія къ идеѣ защиты государства.

Не слѣдуетъ, конечно, дѣлать изъ сказаннаго никакихъ неправильныхъ выводовъ о русскомъ народѣ — крайне даровитомъ и цѣльномъ въ основѣ. Каждый народъ, какъ и отдѣльная личность, нуждается, для развитія своихъ природныхъ качествъ, въ тщательномъ и долгомъ воспитаніи. Чтобы собрать жатву съ цѣлины, надо сначала пройти по ней глубокимъ плугомъ и долгимъ упорнымъ трудомъ подготовить почву для всходовъ. И тѣмъ богаче почва, тѣмъ необходимѣе и отвѣтственнѣе эта работа.

Уже неудачная война 1904-05 г. г. и послѣдовавшія за нею событія выявили внутреннюю слабость Россіи и ея непригодность къ тяжелымъ испытаніямъ; тѣмъ не менѣе эти обстоятельства далеко не всѣхъ убѣдили въ необходимости рѣшительно повернуть нашу родину на путь широкихъ внутреннихъ реформъ. Слабыя несовершенныя попытки, дѣлавшіяся въ этомъ направленіи правительствомъ, и его частыя колебанія изъ стороны въ сторону лишь сгущали атмосферу, создавая обстановку недовѣрія и недоброжелательства къ правящимъ кругамъ со стороны едва-ли не всѣхъ слоевъ населенія. Оппозиція правительству входила какъ бы въ привычку. Она прочно обосновалась въ Государственной Думѣ, особенно первыхъ двухъ созывовъ, въ интеллигентскихъ кругахъ, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ, купечествѣ... Центромъ оппозиціи стала Москва. Среди рабочихъ, составлявшихъ въ Россіи хотя и незначительный, въ процентномъ отношеніи, но наиболѣе активный классъ, усиленно развивалось революціонное настроеніе, проявлявшееся, отъ времени до времени, въ дѣйственныхъ формахъ, свидѣтельствовавшихъ объ организованности. Наконецъ, и крестьянство, составлявшее болѣе $\frac{3}{4}$ всего населенія, — темное, неустроенное, неполноправное — стало проявлять склонность къ опаснымъ антигосударственнымъ движеніямъ на почвѣ затаеннаго стремленія къ овладѣнію помѣщичьей землей. Революціонное движеніе 1905-го года выявило эти настроенія съ полною ясностью, но они были совершенно недостаточно учтены Столыпинскими аграрными мѣропріятіями, почему оказались лишь временно загнанными внутрь.

Ко всему изложенному надо добавить и то, что значительный процентъ населенія Россіи составляли инородцы и разнаго рода народности, исповѣды-

ваши различныя религии и находившіеся на различныхъ ступеняхъ культуры. Правительственная политика, по отношенію къ нимъ, не всегда отличалась справедливостью и постоянствомъ, что вызывало раздраженіе и способствовало также развитію оппозиціонныхъ теченій, особенно опасныхъ потому, что они сгущались на нашихъ наиболѣе угрожаемыхъ въ военномъ отношеніи окраинахъ.

Въ силу изложенныхъ обстоятельствъ, правительство, постепенно лишившееся поддержки общества, оказалось наканунѣ войны почти въ изолированномъ положеніи. Въ оппозиціи, въ качествѣ реальной силы, оставалась лишь одна армія, воспитывавшаяся своимъ монолитнымъ офицерскимъ составомъ въ духѣ глубокой преданности родинѣ, отождествлявшейся имъ съ государственнымъ строемъ, издавна установившимся въ Россіи. Впрочемъ, революціонный вихрь врвался частично и въ ряды армій, особенно во флотскія части. Къ сожалѣнію, правительство недостаточно осторожно пользовалось арміей въ борьбѣ съ рабочими, крестьянами и даже учащейся молодежью. Этимъ создавалась тяжелая внутренняя трещина между арміей и, особенно, ея офицерскимъ составомъ, съ одной стороны, и массой населенія, съ другой. Населеніе привыкло смотрѣть на вооруженную силу государства, какъ на нѣчто ей чуждое и даже враждебное. Потребовалось много выдержки, заботливости и самоотверженности со стороны команднаго состава, чтобы указанная трещина, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій и сопряженнымъ съ этимъ обстоятельствомъ влітіемъ въ ряды армій большого числа запасныхъ, зарубцевалась. Насколько глубоко — показала, къ сожалѣнію, 1917-й годъ, когда въ солдатской массѣ накопилось утомленіе войной, а авторитетъ офицерства былъ разрушенъ безумной пропагандой. Плотина прорвалась, и изъ рядовъ армій легко вырвалась разбушевавшаяся народная стихія, ничѣмъ болѣе не сдерживаемая сверху и поощряемая снизу. Офицеру-страдалцу пришлось пріять тяжелыя крестныя муки за чужіе грѣхи...

Такимъ образомъ, внутреннее состояніе Россіи непосредственно передъ войной не свидѣтельствовало о наличіи въ ней прочной государственности, способной выдержать тяжесть глубокихъ испытаній. Наша родина представляла колоссъ, тѣло котораго было разѣдаемо изнутри. Это обстоятельство ни для кого не было тайной; о немъ громко свидѣтельствовали даже государевы призывы въ Манифестѣ объ объявленіи намъ войны Германіей: «Въ грозный часъ испытанія да будутъ забыты внутреннія распри. Да укрѣпится еще тѣснѣе единеніе Царя съ его народомъ»...

Что касается экономической жизни, то несомнѣнно, что въ годы, предшествовавшіе войнѣ, Россія сдѣлала въ этой области значительные шаги впередъ.

Введенное во второй половинѣ девяностыхъ годовъ золотое денежное обращеніе, несмотря на неудачную войну 1904-05 г.г. и внутреннія неурядицы, удалось сохранить въ неприкосновенности. Нашъ золотой запасъ достигъ передъ войной значительнаго размѣра. Заграничный кредитъ, нѣсколько подорванный японской войной, окрѣпъ, благодаря тщательному выполненію финансовыхъ

обязательствъ, природнымъ богатствамъ Россіи и ея миролюбію въ политикѣ. Государственный бюджетъ, въ своей доходной части, неизмѣнно росъ изъ года въ годъ. За счетъ увеличенія доходовъ, являлась уже возможность увеличивать ассигнованія на расходы производительнаго характера. Росли также, въ значительной мѣрѣ, благосостояніе населенія и его сбереженія.

Огромный ростъ и оживленіе наблюдались, равнымъ образомъ, въ торговлѣ и промышленности. Въ области промышленности особенно прогрессировали отрасли: сельско-хозяйственный, лѣсной и желѣзодѣлательный. Вмѣстѣ съ послѣднею отраслю, соответственно росла добыча отечественной руды и угля.

Наконецъ, и въ области транспорта должно отмѣтить оживившуюся дѣятельность по постройкѣ новыхъ желѣзнодорожныхъ линій, по улучшенію портовъ и системы внутреннихъ водныхъ путей.

Однако, при болѣе близкомъ ознакомленіи съ характеромъ развитія экономической жизни въ Россіи въ предвоенный періодъ времени, не могли не намѣчаться и тревожно-слабыя мѣста, которыя должны были ярко выступить съ началомъ войны и сопряженнымъ съ нею кореннымъ нарушеніемъ взаимоотношеній съ западной Европой.

Прежде всего, несмотря на значительное и постоянное увеличеніе вывоза, балансъ нашей внѣшней торговли въ послѣдніе годы передъ войной, подъ влияніемъ увеличенія спроса, сталъ обнаруживать склонность къ переходу изъ активнаго въ пассивный. Такое же тяготѣніе, но въ еще болѣе яркой формѣ, проявлялъ нашъ расчетный балансъ, въ силу большихъ граничныхъ платежей по государственнымъ обязательствамъ, достигавшимъ очень крупной суммы. Эти явленія были, разумѣется, неблагоприятными для нашего финансоваго благополучія вообще; съ открытіемъ же военныхъ дѣйствій положеніе нашихъ финансовъ должно было ухудшиться еще больше. Въ самомъ дѣлѣ, война вызвала потребность въ новыхъ огромныхъ граничныхъ заказахъ, подлежащихъ оплатѣ золотомъ или въ золотой валютѣ; притокъ же средствъ изъ за границы долженъ былъ, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, рѣзко упасть, вслѣдствіе закрытія нашихъ западныхъ границъ — сухопутныхъ и морскихъ, — приводившаго къ почти полному прекращенію нашей вывозной торговли. При такихъ условіяхъ, наличнымъ запасамъ нашего золота — этой основѣ денежнаго обращенія — угрожало быстрое исчезновеніе, и мы знаемъ, что уже въ первый періодъ войны часть такого запаса должна была быть отправлена въ Англію. Единственнымъ способомъ задержать процессъ таянія золотого фонда было обращеніе къ внѣшнимъ кредитнымъ операціямъ, которыя, однако, должны были серьезно отразиться на нашемъ курсѣ. Хотя правительство въ первые же дни войны остановило размѣнъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ на золото и приняло рядъ другихъ благоразумныхъ мѣръ, въ цѣляхъ подкрѣпленія средствъ Государственнаго Казначейства, но мѣры эти носили внутренний и потому не полноценный характеръ. Прочныхъ же заблаговременныхъ финансовыхъ соглашеній съ заграницею на случай войны у насъ не имѣлось, несмотря на союзныя отношенія съ Франціей и давнія финансовыя

связи съ нею. Между тѣмъ финансовой солидарности союзныхъ государствъ несомнѣнно надлежало придавать столь же большое значеніе, какъ и единству въ веденіи боевыхъ операций. Въ результатѣ такого положенія дѣла, разнаго рода финансовыя для насъ затрудненія возникли съ первыхъ же дней войны.

Только въ началѣ февраля 1915-го года въ Парижѣ собралась Конференція трехъ союзныхъ Министровъ Финансовъ, которая установила порядокъ оказанія помощи нашему заграничному кредиту, для исполненія обязательствъ по долгамъ и уплаты за военные заказы. Но и эта Конференція, насколько я знаю, не дала твердыхъ основаній для использованія до предѣла средствъ союзныхъ государствъ.

Въ области промышленной жизни, несмотря на отмѣченный общій ея ростъ, развитіе нѣкоторыхъ главнѣйшихъ отраслей все же являлось недостаточнымъ. Такъ обстоило, на примѣръ, дѣло съ производственной мощью металлургическихъ заводовъ, которые далеко не могли отвѣтить, даже въ мирное время, обыкновеннымъ потребностямъ страны въ металлъ; поэтому уже въ предвоенное время сталь возрастала, съ большою силою, привозъ въ Россію желѣза и стали. Въ такомъ же положеніи находился вопросъ объ удовлетвореніи возросшихъ нуждъ населенія въ разнаго рода машинахъ и станкахъ, которые также стали предметами усиленнаго ввоза. Между тѣмъ, именно металлургической промышленности предстояло въ военное время выполнить огромной важности задачу, въ дѣлѣ боевого снабженія арміи.

Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, могли надвинуться не малыя осложненія даже въ вопросѣ обезпеченія страны углемъ, если принять во вниманіе, что Домбровскій районъ, — второй по значенію послѣ Донецкаго бассейна, — являлся угрожаемымъ, по своему географическому положенію, съ первыхъ же дней войны на западѣ, и что важнѣйшій центръ нашего военного производства — Петербургъ — находился въ зависимости отъ иностраннаго топлива.

Независимо того, несмотря на наличие богатѣйшихъ залежей рудъ разныхъ металловъ, у насъ почти отсутствовали добыча и производство свинца, олова, алюминія, цинка и нѣкоторыхъ другихъ металловъ, необходимыхъ для военнаго производства. Это обстоятельство, равнымъ образомъ, должно было ставить страну, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій и затрудненіемъ внѣшнихъ сношеній, въ очень неблагоприятное положеніе.

Что касается, наконецъ, химическаго производства, которое, какъ извѣстно, стало пріобрѣтать все болѣе выдающуюся роль въ военной техникѣ, то таковое находилось въ Россіи въ самомъ зачаточномъ состояніи. Оно не только не могло удовлетворить потребностямъ военнаго времени, но даже не было обезпечено — совсѣмъ, или въ сколько-нибудь достаточной мѣрѣ — наличиемъ многихъ основныхъ матеріаловъ, необходимыхъ для выработки соответственныхъ для военныхъ потребностей продуктовъ.

Въ вопросѣ о транспортѣ, имѣющемъ первостепенное значеніе въ дѣлѣ подготовки страны къ войнѣ, приходится отмѣтить прежде всего то обстоя-

тельство, что, несмотря на огромное общее протяженіе рельсовыхъ путей, наша желѣзнодорожная сѣть являлась до крайности бѣдной, ввиду безграничныхъ пространствъ Россіи. Сѣть эта, по густотѣ, не могла идти ни въ какое сравненіе съ сѣтью нашихъ западныхъ сосѣдей, не только Германіи и Франціи, но и Австро-Венгріи. Въ предѣлахъ нашей родины имѣлись такіе «медвѣжи углы», о коихъ ни одинъ житель западной Европы не можетъ имѣть представленія; налицемъ же городовъ, удаленныхъ отъ ближайшей желѣзнодорожной станиціи на нѣсколько десятковъ, а на востокѣ — и сотенъ верстъ, у насъ трудно было кого-либо удивить. Ясно, насколько бѣдность желѣзнодорожной сѣти затрудняла и замедляла производство мобилизаціи нашей арміи.

Хотя вопросъ о новомъ желѣзнодорожномъ строителствѣ привлекалъ къ себѣ особое вниманіе правительства, тѣмъ не менѣе благоприятному разрѣшенію его, кромѣ огромныхъ разстояній, препятствовало еще несопаденіе направлений, важныхъ въ стратегическомъ отношеніи, съ направленіями, вызывавшимися условіями экономической жизни страны. Выходило почти такъ, что Россія нуждалась въ двойной сѣти желѣзныхъ дорогъ — одной для мирной жизни и развитія своего экономического благосостоянія, другой — на случай военныхъ обстоятельствъ.

Изъ прочихъ недочетовъ нашей желѣзнодорожной сѣти, неблагоприятно вліявшихъ на нашу военную готовность, слѣдуетъ еще подчеркнуть — малое число двухколейныхъ дорогъ, недостаточное развитіе для военного времени ряда желѣзнодорожныхъ узловъ и недостатокъ въ подвижномъ составѣ. Всѣ эти недочеты должны были постепенно выправляться, но война застала ихъ еще не устраненными.

Предпринятое въ послѣдніе передъ войной годы улучшеніе портовъ и внутреннихъ водныхъ путей сообщенія вносило мало реального въ нашу военную подготовку. При возникновеніи военныхъ осложненій съ Центральными Державами, къ которымъ слѣдовало ожидать присоединенія и Турціи, наши западныя морскія сообщенія закрывались для насъ совершенно; на развитіе же сѣверныхъ путей и связь ихъ съ центрами государства, къ сожалѣнію, не было обращено достаточнаго вниманія, и эту ошибку пришлось исправлять въ теченіе самой войны. Что же касается внутреннихъ водныхъ путей, то пользованіе ими въ военныхъ цѣляхъ ограничивалось краткостью навигаціоннаго періода и медленностью этого рода сообщенія.

Несравненно большее значеніе, въ дѣлѣ подготовки къ войнѣ, могло имѣть развитіе грунтовыхъ путей и особенно шоссеиныхъ дорогъ. Созданіе сѣти такихъ путей способствовало бы ускоренію мобилизаціи и обезпечивало бы арміи на театрѣ военныхъ дѣйствій свободу маневрированія и удобства сообщенія съ тыломъ. Исторія развитія путей сообщенія въ Россіи сложилась, однако, такъ, что колеснымъ путямъ не было придано въ свое время должнаго значенія; съ переходомъ же на желѣзнодорожное сообщеніе, вниманіе правительства почти всецѣло поглощалось постройкой рельсовыхъ путей. При такихъ условіяхъ, сѣть улучшенныхъ грунтовыхъ дорогъ и шоссе оставалась у

насть бѣдной и несовершенной. Военному Вѣдомству удалось, впрочемъ, лѣтъ 30—40 тому назадъ настоять на постройкѣ нѣсколькихъ тысячъ верстъ шоссе-ныхъ дорогъ стратегическаго значенія въ пограничныхъ съ Германіей райо-нахъ и въ Закавказьи, но дороги эти на западномъ фронтѣ были построены, прирвавливая ихъ начертаніе къ существовавшей въ то время идеѣ пассив-ной обороны, отъ которой мы впоследствии отказались. Поэтому возведенная сѣтъ дорогъ не обезпечивала намъ существенной пользы, по крайней мѣрѣ въ первый наступательный періодъ войны.

Крайняя бѣдность шоссе-ной сѣти серьезно тормазила развитіе въ Россіи автомобильно-транспортнаго сообщенія. Последнее оказалось къ началу войны почти отсутствующимъ. Приходится отмѣчать это обстоятельство, какъ одно изъ очень серьезныхъ и неблагопріятныхъ въ дѣлѣ нашей подготовки къ войнѣ; ибо, при современныхъ условіяхъ, механическіе двигатели могутъ быть исполь-зуемы на войнѣ въ чрезвычайно широкихъ размѣрахъ и для самыхъ разно-образныхъ цѣлей.

Намъ придется нѣсколько подробнѣе остановиться на томъ, въ какой сте-пени готовности находилась, ко времени начала войны, наша вооруженная сила. Мы будемъ вынуждены здѣсь отмѣтить рядъ неблагопріятныхъ условій, которыя оказались неустранными къ отвѣтственному моменту возникновенія войны, внезапно надвинувшемуся на нашу родину.

Русско-японская война 1904—05 г. г. обнаружила значительные дефекты въ организаціи и боевой подготовкѣ нашей арміи. Независимо того, она выя-вила огромное значеніе многихъ новыхъ техническихъ средствъ, которыя намъ приходилось заводить впервые. Наконецъ, несмотря на то, что въ этой войнѣ участвовала едва треть нашихъ сухопутныхъ вооруженныхъ силъ, она внесла чрезвычайное разстройство рѣшительно во всю нашу армію и значительно ослабила веѣ наши матеріальные запасы, обезпечивавшіе приведеніе этой арміи на военное положеніе. Крайне разорительнымъ для Россіи торговымъ догово-ромъ съ Германіей, заключеннымъ въ 1904-мъ году, наше правительство купи-ло временную безопасность на нашихъ западныхъ границахъ. Это обстоятель-ство давало ему возможность въ теченіе всей войны съ Японіей черпать живыя силы и матеріальные средства для пополненія Манчжурскихъ армій изъ ча-стей войскъ и военныхъ запасовъ, остававшихся въ Европейской Россіи. Опро-метчиво выхватывались изъ этихъ частей войскъ офицеры, нижніе чины млад-шихъ сроковъ службы, разнаго рода спеціалисты, болѣе усовершенствован-ная матеріальная часть, а изъ складовъ — не только базисныхъ и крѣпостныхъ, но даже войсковыхъ — всякаго рода предметы и матеріалы артиллерійскаго, интендантскаго, инженернаго и санитарнаго снабженія. Постепенно склады опустѣли и матеріальное благополучіе войсковыхъ частей было этимъ подор-вано самымъ кореннымъ образомъ. Въ конечномъ результатѣ, войсковыя части пришли въ полное разстройство, которое довершилось подъ разлагающимъ вліяніемъ многочисленныхъ командировокъ войскъ, для подавленія беспоряд-ковъ въ періодъ времени, непосредственно слѣдовавшей за войной. Внутрен-

няя спайка войсковыхъ частей ослабѣла, и въ ряды войскъ, какъ уже было отмѣчено выше, стала замѣтно проникать революціонная пропаганда.

Вслѣдствіе всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ, Россіи, послѣ войны 1904-05 г.г., пришлось приступить къ созданію своей военной мощи почти заново. Работа шла медленно, какъ по причинѣ ея грандіозности, такъ и потому, что отпущавшіяся въ первые годы послѣ войны денежные средства совершенно не соответствовали потребностямъ. По своей долготѣтней службѣ въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба до конца 1906-го года, въ должности Начальника Оперативнаго Отдѣленія, а съ конца 1908-года — въ должности сначала 1-го Оберъ-квартирмейстера, а затѣмъ Генераль-Квартирмейстера Генеральнаго Штаба, я былъ хорошо знакомъ съ состояніемъ всей русской арміи въ этотъ періодъ времени, какъ равно и съ ходомъ работъ по ея воссозданію. Въ теченіе двухъ промежуточныхъ лѣтъ съ 1906-го по 1908-й г.г., я, по должности Командира пѣхотнаго полка, успѣлъ близко прикоснуться и на практикѣ къ войсковому быту и армейскимъ нуждамъ того времени. И я не могу охарактеризовать иначе періодъ времени съ 1905-го по 1910-й годъ включительно, а можетъ быть даже и болѣе продолжительный, какъ назвавъ его періодомъ нашей полной военной беспомощности. Въ эти годы Россія была вполне безсильна оказать какое-либо противодѣйствіе натиску германизма на Балканы; равнымъ образомъ она должна была бы проявить сверхъ-героическія усилія, если бы потребовалось оказаніе военной помощи ея союзницѣ — Франціи.

Только въ 1910-мъ году удалось составить и частично провести сколько-нибудь полный планъ возстановленія военныхъ запасовъ, добиться планомернаго отпуска соответствующихъ кредитовъ, приступить къ разработкѣ и проведенію мѣръ по реорганизаціи арміи, ближе подходящей къ современнымъ условіямъ, составить новый планъ мобилизаціи и развертыванія вооруженныхъ силъ на случай военныхъ дѣйствій и приступить къ осуществленію мѣропріятій по подготовкѣ будущаго театра войны, въ смыслѣ дальнѣйшаго желѣзнодорожнаго строительства и приведенія системы пограничныхъ крѣпостей и укрѣпленій въ соответствіе съ вновь переработаннымъ планомъ военныхъ дѣйствій.

Всѣ эти мѣропріятія, однако, далеко не носили характера, исчерпывающаго наши потребности. Они разрабатывались подъ очень тяжелымъ условіемъ — не увеличивать ни на одного человѣка ежегодный контингентъ поступающихъ въ войска новобранцевъ и ни на одинъ рубль ежегодные постоянные расходы на армію. — Допускалось только испрошеніе новыхъ кредитовъ на единовременныя нужды, да и то съ крайними ограниченіями.

На практикѣ, при осуществленіи намѣченной программы, приходилось наталкиваться еще на рядъ другихъ крайне сложныхъ и трудноодолимыхъ обстоятельствъ, тормозившихъ дѣло и нарушавшихъ нерѣдко его цѣльность и стройность.

Еще въ 1905-мъ году отдѣлы по подготовкѣ къ войнѣ были выдѣлены изъ состава Главнаго Штаба и сосредоточены въ рукахъ Начальника Генеральнаго Штаба, каковая должность въ Россіи была учреждена впервые.

Начальникъ Генеральнаго Штаба первоначально былъ изъятъ изъ финенія Военнаго Министра и, по примѣру Германіи, являлся непосредственнымъ докладчикомъ по подвѣдомственнымъ ему вопросамъ у Государя Императора. Однако весьма скоро, и съ полною очевидностью, выяснилось, что Начальникъ Генеральнаго Штаба, выдѣленный изъ состава Военнаго Министерства, оказался не только совершенно оторваннымъ отъ жизни и практической работы, но и вполнѣ безсильнымъ въ проведеніи тѣхъ мѣръ, кои казались ему необходимыми и неотложными. Его личная самостоятельность и независимость превратилась весьма скоро въ источникъ не силы, а его слабости. Настоящимъ хозяиномъ дѣла оставался Военный Министръ; Начальнику же Генеральнаго Штаба въ лучшемъ случаѣ выпадала роль почетнаго консультанта или ходатая по военнымъ дѣламъ. Всякая мѣра, требовавшая измѣненія существующаго положенія или новаго денежнаго расхода, должна была неизбѣжно проходить черезъ органы Военнаго Министерства, гдѣ, конечно, могла обрабатываться въ соотвѣтствіи со взглядами и предположеніями главы этого министерства. Такимъ образомъ получалось чрезвычайно уродливое и даже угрожающее для обороны Государства положеніе, при которомъ Начальникъ Генеральнаго Штаба, отвѣтственный за подготовку къ войнѣ, оставался лишеннымъ возможности принимать дѣйственное участіе въ созданіи и развитіи тѣхъ силъ и средствъ, кои должны были служить цѣлямъ этой войны. Правда, за Начальникомъ Генеральнаго Штаба сохранялось право личнаго доклада Государю, какъ Верховному Вождю арміи, но практически это право имѣло лишь относительную цѣнность. Государь не могъ, конечно, посвящать военнымъ вопросамъ много времени, а такъ какъ истребованіе кредитовъ у законодательныхъ учреждений относилось къ обязанностямъ Военнаго Министра, то двигающій рычагъ оставался въ рукахъ послѣдняго. вмѣстѣ съ тѣмъ наличие двухъ докладчиковъ по военнымъ дѣламъ должно было лишь осложнять положеніе и стѣснять Государя. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, уже въ 1908-мъ году Главное Управление Генеральнаго Штаба было вновь введено въ составъ Военнаго Министерства. Хотя отъ этого въ извѣстной мѣрѣ пострадало личное положеніе Начальника Генеральнаго Штаба, но тѣмъ не менѣе, сосредоточеніе крупнѣйшихъ вопросовъ по оборонѣ Государства въ рукахъ одного высоко-авторитетнаго лица являлось мѣрою, которая сама по себѣ могла дать благотворные результаты. Къ тому же, въ Главное Управление Генеральнаго Штаба были вполнѣ переданы отдѣлы мобилизаціонный и по устройству и службѣ войскъ, вслѣдствіе чего дѣятельность Начальника Генеральнаго Штаба значительно сближалась съ жизнью войскъ въ мирное время. Значеніе и роль Начальника Генеральнаго Штаба усугублялись еще тѣмъ обстоятельствомъ, что ему, съ момента учрежденія этой должности, были подчинены всѣ офицеры Генеральнаго Шта-

ба. Этимъ подчиненіемъ достигалась не только задача объединенія офицеровъ Генеральнаго Штаба, но и возможность руководства ихъ специальными занятіями. Такъ какъ офицеры Генеральнаго Штаба входили въ составъ всѣхъ войсковыхъ штабовъ, то, очевидно, черезъ нихъ открывался путь для проведенія въ армію руководящихъ взглядовъ Начальника Генеральнаго Штаба. Эта возможность представлялась для нашей арміи чрезвычайно цѣнной, такъ какъ мы не могли похвастаться наличіемъ у насъ единой школы. Командный составъ мало освѣжалъ свои знанія, а офицеры Генеральнаго Штаба, оставшіеся до того времени безъ твердаго и авторитетнаго руководства, мыслили вразбродъ.

Но для успѣха дѣла необходимо было, чтобы выборъ лица на должность Начальника Генеральнаго Штаба производился съ исключительнымъ вниманіемъ и чтобы разъ выбранное лицо оставалось въ данной отвѣтственной должности по возможности продолжительное время. Къ сожалѣнію, у насъ эти условія не соблюдались. Россія позволила себѣ недопустимую роскошь перемѣны въ должности Начальника Генеральнаго Штаба, въ теченіе времени съ 1905-го по 1914-й годъ, шести лицъ, причемъ лица эти избирались, далеко не всегда считаясь съ ихъ дѣйствительными способностями и служебною подготовкою. Если принять во вниманіе многочисленность сосѣдей, съ которыми соприкасалась Россія, сложность политическихъ соотношеній, разнообразіе различныхъ театровъ военныхъ дѣйствій и другія условія, вытекавшія изъ обширности нашего отечества, то легко дать себѣ отчетъ, какъ пагубно сказывались эти перемѣны на ходъ работы. Въ большинствѣ случаевъ отсутствовалъ необходимый для успѣха и согласованности работъ авторитетъ начальника и его объединяющая рука. Тратилось много драгоценнаго времени на ознакомленіе съ уже законченными дѣлами; разработка же новыхъ вопросовъ расплзалась по отдѣламъ Генеральнаго Штаба и часто правая рука не знала того, что дѣлаетъ лѣвая, и наоборотъ. Несомнѣнно, что въ этихъ условіяхъ лежала одна изъ причинъ неполноты, несовершенства, а часто и медленности многихъ мѣръ, разрабатывавшихся и проводившихся по Генеральному Штабу.

Также не принесъ ожидавшейся пользы учрежденный въ 1905-мъ году Совѣтъ Государственной Обороны. Учрежденіе это, долженствующее объединить дѣятельность различныхъ вѣдомствъ, причастныхъ къ дѣлу обороны Государства, зачахло, не успѣвъ расцвѣсти. Постепенно превратившись въ высшую аттестаціонную комиссію, оно просуществовало лишь два—три года и было затѣмъ упразднено.

Основаніемъ всей нашей военной системы являлся Уставъ о воинской повинности, изданный еще въ царствованіе Императора Александра II и, конечно, значительно устарѣвшій. Чувствовалась — и въ правительственныхъ кругахъ и въ думскихъ сферахъ — настоятельная необходимость его полной переработки. Но на это необходимо было время. И вотъ, чтобы надежнѣе и поскорѣе двинуть дѣло, Государственная Дума приняла рѣшеніе отказывать

правительству въ увеличені ежегодно утверждавшагося ею контингента новобранцевъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ проведенъ черезъ Законодательныя учрежденія новый Уставъ. Эта довольно оригинальная «дисциплинарная» мѣра воздѣйствія явилась однимъ изъ тѣхъ ограничительныхъ условій, съ которыми Военному Министерству приходилось считаться въ его организаціонной дѣятельности и о которой уже было упомянуто нѣсколько выше.

Сложность вопроса и внутреннія междуведомственные тренія, которыхъ всегда было не мало, привели къ тому, что новый уставъ о воинской повинности былъ утвержденъ лишь въ 1912-мъ году. Уставъ, такимъ образомъ, закономъ незадолго до войны, онъ почти не оказалъ вліянія на условія фактическаго комплектованія арміи и порядокъ приведенія ея на военное положеніе. Къ тому же новый уставъ не далеко ушелъ отъ своего предшественника и ни въ какой мѣрѣ не обезпечивалъ русской арміи мирнаго времени возможности превращенія ея, съ объявленіемъ войны, въ «вооруженный народъ».

Теоретически необходимость построенія вооруженной силы современнаго государства на приведенномъ базисѣ можетъ быть и признавалась, но реальнаго осуществленія это положеніе не получило. Въ новомъ уставѣ на первомъ планѣ были сохранены соображенія административнаго, бытового и узкосемейнаго характера, которыя нѣрѣдко шли въ ущербъ интересамъ общегосударственнаго порядка. Въ соотвѣтствіи съ ними, новымъ уставомъ о воинской повинности попрежнему предусматривались значительныя льготы. Довольно большая часть инородческаго населенія не привлекалась въ войска вовсе. Нарачиваніе контингента запасныхъ затруднилось слишкомъ продолжительнымъ срокомъ службы мирнаго времени, ограничивавшимъ пропускъ черезъ ряды войскъ болѣе значительнаго числа новобранцевъ. Физическія требованія оставались чрезмѣрно повышенными. Списокъ должностей, занятіе коихъ освобождало отъ службы въ военное время, былъ объемистъ и включалъ въ себѣ рядъ должностей, исполненіе коихъ являлось прекрасною подготовкою для офицерскаго званія. Наоборотъ, обезпеченіе необходимыхъ для военныхъ надобностей фабрикъ, заводовъ и рудниковъ, достаточнымъ кадромъ квалифицированныхъ работниковъ, путемъ освобожденія ихъ отъ фактическаго назначенія въ войска, — не предусматривалось, и проведеніе этой мысли въ жизнь считалось даже вреднымъ нарушеніемъ принципа справедливости. О возможности досрочныхъ призывовъ въ законѣ упоминалось лишь вскользь. Наконецъ, огромная по численности категорія ратниковъ 2-го разряда предназначалась по закону исключительно для тыловой службы. Въ результатъ, при наличіи въ Россіи мужского населенія въ призывномъ возрастѣ свыше 25 милліоновъ людей, подъ ружье могло быть поставлено всего лишь около 8 милліоновъ. Принимая общее населеніе въ Россіи наканунѣ войны въ 175—180 милліоновъ душъ, эти 8 милліоновъ военнообязанныхъ составляли едва 5% всего населенія, въ то время какъ Германія смогла поставить подъ ружье 10—12 % своего населенія; теоретически же этотъ процентъ милитаризуемыхъ, при крайнемъ напряженіи всѣхъ народныхъ силъ, можетъ быть

поднять до 15%. Такимъ образомъ даже въ основномъ преимуществѣ нашемъ передъ сосѣдями — численномъ превосходствѣ въ людскомъ матеріалѣ — русская армія оказывалась ограниченной. Старая русская, хотя и нѣсколь-ко хвастливая поговорка «шашками закидаемъ» оказывалась фразой, безъ внутренняго содержанія. Ограниченная цифра людей, подлежащихъ призыву въ войска, заставила уже въ 1915-мъ году измѣнить дѣйствующій законъ въ томъ смыслѣ, чтобы распространить право направленія въ войска и на категорию ратниковъ 2-го разряда.

Въ «новомъ» законѣ объ отбываніи населеніемъ воинской повинности всего ярче отразились глубоко-мирныя настроенія русскихъ правящихъ сферъ. И какъ далека была этотъ законъ отъ правильнаго пониманія условий современной войны и отъ размѣра того напряженія, которое должна была вызвать надвигавшаяся война!

Но, чтобы закончить вопросъ о комплектованіи арміи, необходимо еще отмѣтить крайне недостаточное развитіе системы учебныхъ сборовъ запасныхъ и ратниковъ, каковыя сборы къ тому же сплошь и рядомъ отмѣнялись, для полученія средствъ на покрытіе разныхъ внезапно возникавшихъ расходовъ. Необходимо, затѣмъ, еще принять во вниманіе полное отсутствіе допризывной и виѣпризывной подготовки населенія, если не считать за таковую довольно уродливую организацію ротъ и командъ «потѣшныхъ», служившихъ больше карьернымъ цѣлямъ ихъ основателей и ревнителей, чѣмъ дѣлу серьезной подготовки молодежи къ защитѣ своей родины. Въ общемъ же, къ возникновенію въ населеніи гимнастическихъ, стрѣлковыхъ и вообще спортивныхъ обществъ правительство относилось крайне недоувѣрчиво, усматривая въ ихъ развитіи угрозу для внутренняго спокойствія въ странѣ. Между тѣмъ, бытъ нашей крестьянской среды, замкнутой въ своихъ узко-хозяйственныхъ интересахъ, въ высокой степени способствовалъ тому, что возвращавшіеся со службы солдаты весьма скоро теряли свой воинскій обликъ и приобрѣтеныи ими на службѣ спеціальныя знанія. Отсюда нетрудно придти къ выводу, что доведеніе нашей кадровой арміи, путемъ призыва запасныхъ и ратниковъ 1-го разряда, до штатовъ военнаго времени, хотя увеличивало численность этой арміи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, должно было неизбѣжно и значительно понижать ея боевыя достоинства. — Въ ней оставался одинъ оплотъ — одна крѣпкая нерушимая сила — русской кадровой офицеры.

Обращаясь къ вопросу о реорганизаціи нашей арміи послѣ войны 1904-05 г. г., отмѣтимъ еще разъ, что эта армія требовала многихъ и весьма коренныхъ реформъ. Къ сожалѣнію, провести таковыя оказалось невозможнымъ. Въ основу исчисленія вооруженныхъ силъ Россіи не было вообще положено никакого опредѣленнаго заданія. Численность содержимой арміи являлась какъ бы случайною данною: такою, какою позволяли отпускавшіеся матеріальныя средства и живыя силы безъ особаго ихъ напряженія. При непрерывномъ возрастаніи военной мощи нашихъ западныхъ сосѣдей, эти условія являлись конечно стѣснительными и государственно нецѣлесообразными.

Велѣдствіе личнаго несочувствія бывшаго Военнаго Министра Генерала Сухомлинова идеѣ 3-хъ баталіонныхъ полковъ, мы принуждены были остаться при нашихъ неуклюжихъ, мало гибкихъ и въ боевой обстановкѣ неэкономныхъ 4-хъ баталіонныхъ полкахъ въ пѣхотѣ. Различіе во взглядахъ на организацію конницы среди лицъ, занимавшихъ вліятельное положеніе въ нашей арміи, во избѣжаніе рѣзкихъ расхожденій, вынудило оставить въ сторонѣ и этотъ вопросъ. Наконецъ, недостатокъ средствъ привелъ къ необходимости остаться при всѣми сознававшимся недостаточномъ обеспеченіи нашихъ пѣхотныхъ частей артиллеріей и совершенно неудовлетворительной организаціи послѣдней, которая состояла изъ 8-ми орудійныхъ батарей — въ пѣхотѣ и 6-ти орудійныхъ — въ конницѣ. По тѣмъ же финансовымъ соображеніямъ, пришлось установить количество и организацію тяжелой артиллеріи и техническихъ войскъ, исходя не изъ потребности, а изъ возможности. Словомъ, вся работа по реорганизаціи арміи протекала подъ докучливымъ давленіемъ ряда вредившихъ дѣлу компромиссовъ, стороннихъ соображеній и разнаго рода ограничительныхъ условий.

Наиболѣе полно и рѣшительно былъ проведенъ вопросъ о расформированіи существовавшихъ до 1910-го года въ мирное время резервныхъ и крѣпостныхъ пѣхотныхъ частей, съ увеличеніемъ, взамѣнъ ихъ, числа полевыхъ дивизій (на 7 дивизій), усиленіемъ мирнаго состава цѣлаго ряда другихъ частей и принятіемъ новаго порядка формированія второочередныхъ частей при мобилизаціи. — Эти мѣры значительно усилили нашу перволинейную армію и ея кадровый составъ.

Упомянутыя резервныя части содержались въ мирное время въ весьма слабыхъ составахъ и располагались преимущественно во внутреннихъ округахъ Россіи малыми гарнизонами. Караульная служба и храненіе при нихъ огромныхъ неприкосновенныхъ запасовъ военнаго времени заѣдали ихъ внутреннюю жизнь; поэтому тактическая подготовка большинства этихъ частей была крайне недостаточной, и во всякомъ случаѣ ниже полевой пѣхоты. Взаимѣнъ содержанія резервныхъ частей, весьма широко развертывавшихся въ военное время и потому ослаблявшихся въ боевомъ отношеніи еще болѣе, для образованія второочередныхъ формированій принята была въ пѣхотѣ и артиллеріи система «скрытыхъ кадровъ», по образцу, установленному въ большинствѣ первоклассныхъ иностранныхъ армій. По этой системѣ, каждая полевая часть должна была, при мобилизаціи, выдѣлять заранѣе опредѣленнаго состава и численности личный кадръ, изъ котораго и подлежала развертыванію соотвѣтствующая второочередная часть.

Много упрековъ, полагаю несправедливыхъ, вызвало расформированіе крѣпостныхъ частей. Послѣднія содержались, въ качествѣ постоянныхъ гарнизоновъ крѣпостей, въ такихъ же сокращенныхъ составахъ, какъ и резервныя части, и притомъ почти безъ легкой запряженной артиллеріи и безъ обозовъ. Части эти создались подъ угломъ зрѣнія того предвзятаго мнѣнія, что дѣйствія въ районѣ крѣпостей (въ «крѣпостной войнѣ», какъ тогда говорили)

требуютъ особыхъ специальныхъ войскъ. Минувшая война окончательно разрушила этотъ предразсудокъ и предъявила требованіе — быть способной къ атакѣ и оборонѣ укрѣпленныхъ позицій — ко всей пѣхотѣ. Конечно, несомнѣннымъ преимуществомъ крѣпостныхъ частей было детальное знакомство ихъ съ данною крѣпостью, но во-первыхъ, для образованія полныхъ крѣпостныхъ гарнизоновъ военнаго времени упомянутыхъ крѣпостныхъ частей далеко не хватало, а во-вторыхъ — и это самое главное — изученіе мѣстныхъ условій оставалось вполне возможнымъ и для тѣхъ полевыхъ частей, кои должны были быть расположены въ мирное время въ крѣпостяхъ, взамѣнъ расформируемыхъ крѣпостныхъ частей, и кои при надобности могли также зачисляться, соотвѣтствующимъ распоряженіемъ въ составъ крѣпостныхъ гарнизоновъ военнаго времени. Преимущество же этихъ полевыхъ частей состояло въ томъ, что онѣ не были прикрѣпляемы заранее къ одной задачѣ и крѣпости, а могли быть используемы также въ полѣ, въ соотвѣтствіи съ обстановкой. Кромѣ того мобилизація такихъ частей требовала болѣе короткаго времени, что являлось большимъ преимуществомъ для безопасности приграничныхъ крѣпостей.

Въ результатѣ выполненной реорганизациі, русская армія передъ войной представлялась, въ общихъ чертахъ, въ слѣдующемъ видѣ:

37 полевыхъ корпусовъ (Гвардейскій, Гренадерскій; I — XXV армейскіе; I—III Кавказскіе; I—II Туркестанскіе, и I—V Сибирскіе). Нормальный составъ корпуса мирнаго времени — двѣ пѣхотныя и одна кавалерійская дивизіи. Нѣкоторые корпуса не имѣли кавалеріи вовсе; другіе — имѣли по двѣ конныхъ дивизіи и дополнительно по стрѣлковой бригадѣ.

Въ военное время конныя дивизіи выключались изъ состава корпусовъ и, въ видѣ отдѣльныхъ дивизій, а позднѣе — и особыхъ кавалерійскихъ корпусовъ, включались въ составъ армій; корпуса же снабжались корпусной конницей, преимущественно изъ конныхъ казачьихъ частей 2-й и 3-й очереди, однако мало подготовленныхъ для этой роли.

Всего въ мирное время содержалось 70 полевыхъ пѣхотныхъ дивизій, 18 стрѣлковыхъ бригадъ и одна Кубанская пластунская бригада. Въ цѣляхъ болѣе боевой прочности и для ускоренія мобилизаціи, нѣкоторыя дивизіи, расположенныя въ пограничныхъ наиболѣе угрожаемыхъ районахъ, содержались въ усиленныхъ составахъ, а кое-гдѣ — въ составахъ, почти приближавшихся къ военнымъ. — Съ объявленіемъ мобилизаціи, путемъ выдѣленія кадровъ и дополненія ихъ людьми изъ запаса, при дивизіяхъ, болѣе поданныхъ вглубь страны, формировались второочередныя пѣхотныя дивизіи; общее число послѣднихъ равнялось 35-ти. Большая часть этихъ дивизій были въ военное время постепенно сведены въ новые корпуса.

Боевая сила пѣхотной дивизіи военнаго времени — около 14 тыс. штъковъ.

Кавалерійскихъ и конныхъ казачьихъ дивизій въ мирное время было 24; кромѣ того 8 отдѣльныхъ бригадъ и нѣсколько полковъ.

Въ военное время число кавалерійскихъ частей не увеличивалось; число же казачьихъ частей дополнялось формированіемъ льготныхъ казачьихъ частей 2-й и 3-й очереди.

Сверхъ указанныхъ войскъ, въ распоряженіе военного вѣдомства, съ объявленіемъ мобилизациі, переходили части пограничной стражи, сведенныя постепенно въ полки — пѣхотные и конные. Изъ частей Заамурскаго округа пограничной стражи былъ впоследствии, во время самой войны, сформированъ особый корпусъ.

Кромѣ второочередныхъ частей, съ объявленіемъ мобилизациі, формировался по особому расчету рядъ ополченскихъ бригадъ и отдѣльныхъ частей. Ополченскія бригады постепенно переформировывались въ дивизіи, которыя также входили, наравнѣ съ второочередными, въ составъ новыхъ корпусовъ.

Числительный составъ арміи мирнаго времени опредѣлялся около 1.300/т. человекъ. Съ объявленіемъ мобилизациі, составъ арміи доводился, со всѣми ополченскими, тыловыми и запасными войсками, до 5-ти миллионъ человекъ, изъ коихъ боевой составъ корпусовъ и отдѣльныхъ дивизій, за округленіемъ, около 1½ милл. штыковъ и 150/т. пашекъ при 7/т. орудійхъ.

Изъ мѣропріятій дислокаціоннаго характера, относившихся къ разматриваемому періоду времени, большое вниманіе нашего общества привлекло къ себѣ перемѣщеніе изъ двухъ пограничныхъ военныхъ округовъ — Виленскаго и Варшавскаго — семи пѣхотныхъ и двухъ кавалерійскихъ дивизій съ двумя штабами корпусовъ во внутренніе округа Имперіи — Московскій и Казанскій. Это мѣропріятіе вызвало даже тревогу у нашихъ союзниковъ — французовъ, которые усматривали въ немъ ослабленіе нашего военного положенія на западныхъ границахъ. Между тѣмъ принятое рѣшеніе диктовалось весьма серьезными соображеніями, а именно стремленіемъ приблизить войска къ районамъ ихъ пополненія, тѣмъ значительно упрощалась и обезпечивалась ихъ мобилизациія. Недостаточно развитая сѣтъ желѣзныхъ дорогъ вынуждала расквартировать наши вооруженныя силы не равномерно по всей территоріи, какъ того требуютъ удобства мобилизациі и внутренней службы въ мирное время, а съ большимъ сдвигомъ къ западнымъ, наиболѣе угрожаемымъ границамъ. Я уже имѣлъ случай отмѣтить, что такая система дислокаціи имѣла свои дурныя и даже опасныя стороны, особенно сказывавшіяся при мобилизациі арміи. Густое расположеніе войскъ въ приграничныхъ районахъ, не имѣвшихъ достаточнаго числа запасныхъ и лошадей, требовало, съ объявленіемъ мобилизациі, подачи туда значительнаго числа укомплектованій изъ внутреннихъ районовъ Имперіи, причѣмъ передвиженіе на далекія разстоянія большого числа людей, не связанныхъ еще прочной войсковою организацией, всегда представляетъ извѣстныя трудности въ смыслѣ поддержанія столь необходимаго при мобилизациі порядка на желѣзныхъ дорогахъ. Съ другой стороны, наши западные противники, превосходившіе насъ своей готовностью, имѣли возможность открыть военныя дѣйствія быстрымъ вторженіемъ въ наши

предѣлы и ударомъ по войсковымъ частямъ, еще не окончившимъ своей мобилизаціи и сосредоточенія. Это было бы самымъ худшимъ для насъ началомъ войны, послѣдствія котораго было бы очень трудно исправить. Поэтому, когда наша желѣзнодорожная сѣть обогатилась открытіемъ новой мощной двухпутной магистрали Бологое—Сѣдлецъ, мы получили возможность исправить дислокацію нашихъ войскъ, въ соотвѣтствіи съ удобствами и безопасностью ихъ мобилизаціи. Названная желѣзнодорожная магистраль обеспечивала намъ, при мобилизаціи, возможность достигнуть, въ конечномъ результатѣ, даже нѣкотораго ускоренія въ общихъ срокахъ сосредоточенія нашихъ войскъ къ западнымъ границамъ, несмотря на оттяжку двухъ корпусовъ вглубь Имперіи.

Въ области мобилизаціонной техники было достигнуто также много улучшеній.

Усиленное вниманіе было обращено на дѣятельность уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ и подготовку мѣстныхъ гражданскихъ учреждений къ точному и своевременному выполнению ими мобилизаціонныхъ работъ и рядовъ. Отъ времени до времени производились повѣрочные сборы запасныхъ и опытныхъ мобилизаціи — въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ съ фактическимъ призывомъ запасныхъ и поставкою отъ населенія лошадей, повозокъ и сбруи.

Такъ какъ политическія осложненія, вызывающія необходимость приведенія арміи на военное положеніе, обыкновенно наступаютъ не вдругъ, а развертываются постепенно, то, дабы обезпечить успѣхъ этого сложнаго и отвѣтственнаго акта, еще въ 1913-мъ году было разработано положеніе о такъ называемомъ «предмобилизаціонномъ» періодѣ. Съ объявленіемъ такового, всѣ войска, учрежденія и заведенія должны были заново пересмотрѣть свои мобилизаціонные планы и подготовиться къ тѣмъ интенсивнымъ работамъ, кои подлежали осуществленію при мобилизаціи. Вместѣ съ тѣмъ, они должны были провѣрить всѣ запасы, принять мѣры къ исполненію недочетовъ въ нихъ и вызвать къ мѣстамъ службы отпусковыхъ чиновъ. Предмобилизаціоннымъ періодомъ не предусматривались однако никакія мѣры — ни явныя, ни скрытыя — по фактическому призыву въ войска людей изъ запаса и усиленію конскихъ средствъ, поставкою ихъ отъ населенія.

Измѣненія въ организаціи арміи и ея дислокаціи, о которыхъ шла выше рѣчь, неизбѣжно вызывали необходимость разработки новаго мобилизаціоннаго расписанія, каковое и было введено въ дѣйствіе въ 1910-мъ году, подъ названіемъ «мобилизаціоннаго расписанія № 18». Однако это расписаніе постепенно подверглось различнымъ частичнымъ улучшеніямъ и измѣненіямъ, почему къ концу 1914-го года имѣлось въ виду замѣнить его новымъ. Но такъ какъ работы по введенію новаго расписанія ко времени наступленія іюльскаго кризиса еще не были закончены, то армію пришлось привести на военное положеніе по измѣненному расписанію № 18. Особо-серьезнаго значенія это обстоятельство не имѣло и, какъ извѣстно, мобилизаціонныя работы были у насъ проведены точно и своевременно. Но конечно всякое новое мобилиза-

ціонное расписаніе вводило съ собою усовершенствованія въ мобилизаціонную технику и ускореніе въ готовность войскъ. Съ его введеніемъ было также обычно связываемо введеніе и новыхъ оперативныхъ соображеній. Съ другой стороны — въ предвидѣніи ввода новаго мобилизаціоннаго расписанія, жизнью устанавливалось обыкновенно менѣе тщательное отношеніе къ доживавшему свой вѣкъ старому расписанію. И потому, то обстоятельство, что намъ пришлось мобилизовать армію по расписанію, признанному устарѣвшимъ и подлежавшему въ ближайшее время замѣнѣ новымъ — лишній разъ доказываетъ, что необходимость приведенія нашей арміи на военное положеніе застигла насъ врасплохъ, такъ какъ въ этотъ переходный для мобилизаціи арміи періодъ времени мы менѣе всего могли желать возникновенія какихъ-либо военныхъ осложненій.

Но ни одно мѣропріятіе Военнаго вѣдомства не привлекло къ себѣ столько вниманія и не вызвало столько же обсужденій въ печати и обществѣ, скажу больше, — нападокъ, какъ вопросъ о такъ называемомъ «упраздненіи» крѣпостей.

Въ настоящее время, послѣ опыта минувшей войны, возможно ожидать обратной критики, т. е. упрека въ недостаточно смѣломъ рѣшеніи этого вопроса, но въ то время вѣра въ значеніе и силу крѣпостей для многихъ оставалась еще внѣ сомнѣній.

Уже издавна, впрочемъ, ведется такъ, что въ вопросѣ о крѣпостяхъ рѣзко сталкиваются два противоположныхъ мнѣнія. Сторонники одного изъ нихъ, обычно болѣе распространеннаго, склонны придавать крѣпостямъ преувеличенное значеніе; другіе — наоборотъ, относятся къ вопросу о военно-инженерной подготовкѣ государства съ явнымъ пренебреженіемъ. Изъ прежней своей служебной дѣятельности припоминаю яркій примѣръ нелѣпѣйшаго проекта, составленнаго, если не ошибаюсь, въ 1909-мъ году, въ стѣнахъ Инженернаго Замка, подъ руководствомъ крупнаго и лично очень одареннаго военнаго инженера; послѣдній предлагалъ покрыть всю территорію Россіи густою сѣтью крѣпостей. Что нужды въ томъ, что на одно поддержаніе этого лабиринта крѣпостей на высотѣ быстро развивающейся техники долженъ былъ, по всей вѣроятности, уходить ежегодно весь доходный бюджетъ Россійской Имперіи и что всей русской арміи едва ли хватило бы для надѣленія этихъ крѣпостей гарнизонами! — Весьма жалко, если курьезный проектъ этотъ не сохранится въ назиданіе грядущему поколѣнію въ дѣлахъ бывшаго отдѣла Генераль-Квартирмейстера Генеральнаго Штаба. Но наряду съ лицами, вѣрившими въ спасительныя для стратегіи свойства перекрытій изъ бетона и желѣза, были крайніе сторонники и другого теченія, готовые выбросить за бортъ всю благоприятную фортификацію, какъ вредный балластъ, препятствующій сосредоточенію средствъ и усилій на развитіи и техническомъ усовершенствованіи единственной реальной силы — полевой арміи.

Не будемъ здѣсь вдаваться въ углубленіе этого спорнаго расхожденія во взглядахъ по крайне интересному, впрочемъ, вопросу, живо касающемуся системы государственной обороны. Лично мнѣ всегда было ясно, что значеніе

всякаго укрѣпленнаго пункта или района опредѣляется единственно степенью той пользы, которую онъ способенъ принести живой силѣ — маневрирующей арміи, въ достиженіи передъ нею поставленныхъ задачъ. Столь же яснымъ было для меня и другое положеніе, что крѣпость, или даже система крѣпостей, предоставленная собственнымъ силамъ и способная, по своей природѣ, вліять лишь на крайне ограниченный районъ мѣстности, не въ состояніи задержать широкаго вторженія непріятеля въ страну. И наконецъ — что во многовѣковой борьбѣ артиллеріи и фортификаціи очередная побѣда все рѣшительнѣе переходитъ на сторону первой, въ результатъ чего сопротивление изолированной крѣпости, при наличіи у противной стороны мощной артиллеріи и большого количества боевыхъ припасовъ, не можетъ быть продолжительнымъ. Въ силу изложеннаго, въ мирное время, при заблаговременной подготовкѣ театра военныхъ дѣйствій въ военно-инженерномъ отношеніи, безусловно необходимо соблюденіе крайней умѣренности. Лучшее отсутствіе одной полезной для арміи крѣпости, чѣмъ наличіе излишней, всегда являющейся ослабляющимъ и стѣсняющимъ полевою армію факторомъ.

Чтобы выяснитъ значеніе мѣропріятія, которое было осуществлено подъ наименованіемъ «упраздненія крѣпостей», не отвѣчавшимъ вовсе сущности этого мѣропріятія, необходимо прежде всего пояснить, что всѣ наши крѣпости, ко времени приступа къ переоцѣнкѣ ихъ значенія, имѣли крайне устарѣлое начертаніе въ планѣ, состояли изъ укрѣпленій и построекъ несовершеннаго типа и профилей, снабжены были артиллеріей «музейныхъ» образцовъ и, обобранныя въ періодъ японской войны, были почти лишены необходимыхъ запасовъ. Перестройка крѣпостей шла, по отсутствію средствъ, весьма медленно и къ тому же безсистемно. Въмѣсто одновременныхъ, хотя бы только главнѣйшихъ работъ по всему обводу крѣпости — перестраивались лишь отдѣльныя точки этого обвода. Притомъ, вслѣдствіе прогресса артиллерійскаго огня въ дальности и стремленія обезпечить отъ такового огня центръ крѣпости, новыя укрѣпленія все болѣе выдвигались на мѣстности впередъ, лишаясь этимъ прочной поддержки соеѣдей и превращая постепенно наружное очертаніе крѣпости въ крайне уродливую, съ боевой точки зрѣнія, форму. Практиковавшаяся система перестройки крѣпостей приводила къ тому, что обороноспособность ихъ отъ перестройки не увеличивалась нисколько.

Такимъ образомъ технически наши крѣпости являлись вполне немощными и въ такомъ видѣ могли принести полевой арміи лишь одинъ вредъ. Онѣ требовали надѣленія ихъ многочисленными гарнизонами, тѣмъ большими, чѣмъ несовершеннѣе было техническое ихъ устройство, и этимъ весьма существенно должны были ослаблять численно нашу живую силу въ полѣ. Но даже широко снабженныя гарнизонами, эти крѣпости не могли ни при какой обстановкѣ явиться опорными пунктами для маневрированія полевой арміи. Напротивъ, эта послѣдняя вынуждалась постоянно считаться со слабою сопротивляемостью крѣпостей и необходимостью оказывать имъ поддержку во избѣжаніе возможнаго ихъ паденія.

Изъ изложеннаго видно, что Военному Вѣдомству предстояло заняться кореннымъ переустройствомъ нашихъ крѣпостей, каковое едва ли не граничило съ почти полнымъ возведеніемъ ихъ заново. Для этого требовались огромныя денежныя средства, отпускъ коихъ могъ идти лишь въ ущербъ ассигнованіямъ на полевую армію.

При такомъ положеніи дѣла было чрезвычайно важно отнестись съ особымъ вниманіемъ къ вопросу о томъ, какія крѣпости являлись, по условіямъ намѣчавшейся обстановки, дѣйствительно необходимыми для нашей полевой арміи, и безъ какихъ возможно было обойтись. Еще меньшее право на дальнѣйшее существованіе должно было быть признано за тѣми крѣпостями, кои, съ возникновеніемъ военныхъ дѣйствій, могли явиться лишь обузой для той же полевой арміи.

Для краткости, при разсмотрѣніи даннаго вопроса, — я въ дальнѣйшемъ ограничусь однимъ западнымъ фронтомъ.

Напомню еще разъ, что наши западныя сосѣди превосходили насъ въ срокахъ готовности своихъ вооруженныхъ силъ и потому имѣли возможность, съ началомъ войны, предупредить насъ своимъ вторженіемъ въ наши предѣлы. Производственные расчеты показали, однако, что наша армія къ сѣверу отъ Полѣсья, все-же будетъ въ состояніи принять ударъ главной массы германскихъ войскъ, примѣрно, на фронтѣ Ковна-Гродна-Брестъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, заблаговременное укрѣпленіе названныхъ пунктовъ, стратегическое значеніе коихъ въ данной зонѣ было прочно установлено, являлось вполне цѣлесообразнымъ. Пункты эти, заблаговременно превращенные въ современнаго характера крѣпости, должны были принести свою долю пользы и въ томъ случаѣ, если бы благоприятно сложившаяся обстановка позволила вынести наше первоначальное сосредоточеніе болѣе къ западу. При такой обстановкѣ, эти крѣпости, оказавшись въ тылу, обеспечивали бы положеніе нашей арміи отъ всякихъ случайностей, не притягивая въ то же время къ себѣ преждевременно войскъ, въ качествѣ собственныхъ гарнизоновъ.

Такимъ образомъ, значеніе названныхъ пунктовъ для полевой арміи являлось безспорнымъ при всякой обстановкѣ, и потому вопросъ о коренномъ переустройствѣ существовавшихъ крѣпостей — Ковны и Брестъ-Литовска — и срочномъ приступѣ къ заблаговременному укрѣпленію Гродны былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ.

Союзъ нашъ съ Франціей облегчалъ наше стратегическое положеніе настолько, что позволялъ рассчитывать на возможность, при благоприятной обстановкѣ, частичнаго вынесенія первоначальнаго стратегическаго развертыванія нашихъ вооруженныхъ силъ на территорію русской Польши. Этимъ достигалось занятіе выгоднаго охватывающаго положенія для наступательныхъ дѣйствій не только противъ австро-венгерской арміи въ Галичинѣ, но и противъ германскихъ войскъ въ Восточной Пруссіи. Но такъ какъ готовность германцевъ значительно превосходила готовность нашихъ войскъ, то, для обезпеченія нашего развертыванія, рѣшено было, въ дополненіе къ ука-

занной выше основной линіи крѣпостей, усовершенствовать и развить также укрѣпленія у Осовца, превративъ таковой въ заблаговременно укрѣпленный участокъ обще-войсковой позиціи вдоль долины р. Бобра. Позицію эту имѣлось въ виду использовать въ случаѣ попытки германцевъ открыть военныя дѣйствія вторженіемъ въ Бѣлостокскій районъ, черезъ который пролегали главнѣйшіе пути, связывающіе русскую Польшу съ Имперіей.

Какъ бы, однако, благоприятно ни оцѣнивать обстановку, вынесеніе нашего первоначальнаго стратегическаго развертыванія на линію средней Вислы являлось невозможнымъ. Болѣе быстро изготовлявшіяся войска нашихъ западныхъ сосѣдей, комбинированными дѣйствіями изъ Восточной Пруссіи и Галичины, могли въ этомъ случаѣ сжать наши войска съ двухъ сторонъ и поставить ихъ въ трудное положеніе раньше, чѣмъ они успѣли бы проявить свою дѣятельность. Вслѣдствіе этого всѣ крѣпости и укрѣпленія, находившіяся на Вислѣ и нижнемъ Наревѣ, оказывались въ положеніи полной оторванности отъ полевой арміи, при каковомъ условіи они теряли основанія для своего существованія.

Попытка удержать «Передовой» театръ отъ перехода его въ руки противника, путемъ изолированнаго удержанія въ нашихъ рукахъ созданнаго въ свое время укрѣпленнаго района Варшава-Новогеоргиевскъ-Зегржъ была бы вообще попыткою съ негодными средствами. Къ тому же каждая изъ названныхъ крѣпостей въ отдѣльности представляла совершенно устарѣвшую систему укрѣпленій, требовавшую полной перестройки и новаго снабженія всѣми техническими средствами, начиная, конечно, съ артиллеріи. Это вызывало многочисленныя совершенно непосильныя затраты. Независимо того являлась необходимостью предусмотрѣть снабженіе каждой крѣпости въ отдѣльности гарнизономъ и, сверхъ того, всего укрѣпленнаго района подвижнымъ резервомъ, что было сопряжено съ выдѣленіемъ изъ арміи не менѣе 200—250 тыс. войскъ, которыя могли принести неизмѣримо большую пользу своими дѣйствіями въ полѣ. Наконецъ, внутри названнаго укрѣпленнаго района находился многолюднѣйшій городъ — Варшава, который необходимо было обезпечить на все время обложенія продовольствіемъ и топливомъ, и который, конечно, являлся факторомъ, значительно ослаблявшимъ обороноспособность всего укрѣпленнаго района. Словомъ, при затратѣ громадныхъ силъ и средствъ, шансовъ на успѣхъ обороны не могло быть много, чтобы не сказать больше. Паденіе же цѣлага заранѣе подготовленнаго къ оборонѣ района должно было явиться столь сильнымъ ударомъ престижу отечественнаго оружія, что болѣе предусмотрительнымъ являлось его избѣжать.

Рѣшаясь на упраздненіе всѣхъ нашихъ привислинскихъ крѣпостей и отдѣльных укрѣпленій, Военное Вѣдомство допустило, однако, исключеніе въ пользу Новогеоргиевска, расположеннаго на фронтѣ противъ Германіи, при сліяніи съ Вислой Буго-Нарева, и въ недалекомъ разстояніи отъ столицъ Польши — Варшавы. Эту крѣпость рѣшено было развить и усовершенствовать — отчасти по причинамъ политическаго и психологическаго порядка,

отчасти въ предположеніи, что, въ случаѣ отвлеченія главной массы германцевъ на французскій фронтъ, наши военныя дѣйствія противъ Германіи могутъ, съ теченіемъ времени, получить такое развитіе, при которомъ обезпечиваемая названной крѣпостью переправа черезъ Вислу облегчитъ намъ маневрированіе на обѣихъ ея берегахъ.

Большое колебаніе вызывалъ вопросъ объ Ивангородѣ. Къ обсужденію его возвращались неоднократно. Составленные проекты показали, однако, что задача сохраненія въ нашихъ рукахъ мостовыхъ переправъ у этого пункта черезъ р. р. Вислу и Вепржъ не поддавалась разрѣшенію въ предѣлахъ тѣхъ средствъ, кои представлялось возможнымъ для сего выдѣлить. А такъ какъ появленіе передъ Ивангородомъ серьезныхъ непріятельскихъ силъ, по сдѣланнымъ подсчетамъ, едва-ли было возможно ранѣе начала второго мѣсяца войны, то это обстоятельство давало право надѣяться на созданіе у этого пункта позиціи временнаго характера съ фактическимъ открытіемъ военныхъ дѣйствій, что въ дѣйствительности и было исполнено.

Такимъ образомъ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба, въ которомъ съ 1910-го года было сосредоточено общее руководство вопросами по устройству, вооруженію и оборудованію крѣпостей, рѣшило сосредоточить усилія и ассигнуемые на крѣпостное дѣло кредиты на укрѣпленія на западномъ сухопутномъ фронтѣ только пяти пунктовъ: Ковны, Гродны, Брестъ-Литовска, Осовца и Новогеоргиевска. Въ короткій срокъ были заново пересоставлены и затѣмъ представлены на утвержденіе всѣ необходимые проекты, годами лежавшіе и старившіеся на шкафныхъ полкахъ различныхъ учреждений Военнаго Министерства. Въ основаніе вновь составленныхъ проектовъ были положены новые принципы крѣпостного стронтельства, изъ коихъ главнѣйшіе: одновременное развертываніе работъ по всему обводу и расчлененіе возводимыхъ укрѣпленій на составные элементы, съ тщательнымъ примѣненіемъ каждой отдѣльной постройки къ мѣстности и съ полной ея маскировкой.—Работа въ крѣпостяхъ закипѣла. Одновременно въ потребность возводившихся крѣпостей были сдѣланы заказы на тяжелую артиллерию наиболѣе современныхъ образцовъ и подвижнаго типа; также были даны заказы на разнаго рода дополнительныя техническія средства. Заказами этими преслѣдовалась двойная задача: снабженіе крѣпостей и созданіе запасовъ артиллеріи и матеріальнаго имущества, на случай необходимости овладѣнія непріятельскими укрѣпленными пунктами или созданія нашими войсками импровизированныхъ позицій тамъ, гдѣ въ этомъ явится необходимость по ходу операцій.

Къ сожалѣнію, трехлѣтній срокъ, вслѣдствіе недостаточнаго отпуска кредитовъ и грандіозности работъ, оказался слишкомъ краткимъ, и разразившаяся въ 1914-мъ году война застигла наши крѣпости въ далеко незаконченномъ видѣ.

Изъ приморскихъ крѣпостей на западномъ фронтѣ получили значительное приращеніе въ силѣ Кронштадтъ и Севастополь. Приступлено было также

къ созданію новой приморской крѣпости-базы въ Ревелѣ и намѣчалось возведеніе сильныхъ батарей на о. Макилото на сѣверномъ берегу Финскаго залива, въ цѣляхъ созданія остова морской укрѣпленной позиціи Ревель-Поркалаудъ. Позиція эта должна была преградить непріятельскому флоту доступъ въ Финскій заливъ и къ лежащей въ глубинѣ этого залива столицѣ Имперіи — Петербургу.

Нѣкоторыя второстепенныя приморскія крѣпости — Либавъ, Керчь, Очаковъ — подлежали упраздненію.

Но рѣшеніе упразднить рядъ крѣпостей, находившихся, по своему географическому положенію, въ прямой оперативной связи съ полевой арміей, вовсе не должно было вызывать вопроса о срытіи и уничтоженіи существовавшихъ укрѣпленій въ упраздняемыхъ крѣпостяхъ. Эти укрѣпленія устарѣвшихъ типовъ не могли для противника пріобрѣсти сколько-нибудь серьезнаго значенія; при случаѣ же мы могли ихъ даже использовать въ качествѣ недурныхъ, въ военномъ смыслѣ, «мѣстныхъ» предметовъ. Вопросъ объ уничтоженіи могъ возникнуть развѣ въ отношеніи правобережныхъ фортовъ Варшавской крѣпости, обращенныхъ фронтомъ въ нашу сторону. Эту именно точку зрѣнія отстаивало Главное Управление Генеральнаго Штаба, въ противоположность мнѣнію Главнаго Инженернаго Управленія, которое стремилось къ полному уничтоженію укрѣпленій упраздненныхъ крѣпостей и успѣло истратить даже кое-какія средства на это довольно безцѣльное дѣло.

Остается коснуться еще одного очень важнаго вопроса о состояніи нашихъ военныхъ запасовъ и тѣхъ средствахъ, кои были въ нашемъ распоряженіи для организациі непрерывнаго снабженія арміи въ періодъ войны.

Уже было отмѣчено, что наши такъ называемыя «неприкосновенныя» запасы, или, проще говоря, запасы военного времени, были въ корнѣ нарушены войной 1904—05 г. г. На возстановленіе ихъ по далеко не полнымъ исчисленіямъ требовалось нѣсколько сотенъ милліоновъ рублей, каковая сумма по тому времени представлялась для нашего Государственнаго Казначейства весьма внушительной. Русско-Японская война, обошедшаяся русскому народу въ 2½ милліарда рублей, нѣсколько подорвала наше финансовое положеніе. Независимо того, въ результатъ неудачной войны, мы вынуждены были осуществить рядъ дорогихъ мѣропріятій оборонительнаго характера, въ видѣ усиленія укрѣпленій Владивостока и устья Амура, а также проведенія Амурской жел. дороги, каковыя мѣропріятія должны были прочнѣе закрѣпить за нами нашу далекую восточную окраину. Кромѣ возстановленія запасовъ, требовалось еще ихъ общее увеличеніе, приведеніе матеріальной части арміи въ соотвѣтствіе съ современными требованіями и снабженіе той-же арміи новыми военно-техническими средствами. Нужны были новые образцы артиллеріи, особенно тяжелой, пулеметы, автомобили, воздухоплавательное искусство, полевая желѣзныя дороги, новыя средства связи. — Все это требовало денегъ и денегъ.

Полученіе кредитовъ на всѣ перечисленныя выше потребности пришлось, по недостатку средствъ, разредоточить на рядъ лѣтъ. Чтобы придать вопросамъ снабженія характеръ нѣкоторой планообразности, при отдѣлѣ Генераль-Квартирмейстера, по моему ходатайству, была образована комиссія Генерала Обручева, назначеніе которой состояло въ томъ, чтобы выдѣлить, въ особый перечень, всѣ первоочередныя потребности, для скорѣйшаго ихъ удовлетворенія. Однако, истребованіе кредитовъ даже на потребности первой очереди было сопряжено съ большими затрудненіями. До 1912-го года, на примѣръ, чрезвычайная смѣта Военнаго Министерства, на которую преимущественно относились расходы по возобновленію неприкосновенныхъ запасовъ, была ограничена определенной цифрой въ 70 милліоновъ рублей въ годъ. Но независимо этого ограниченія, всѣ законопроекты на отпускъ кредитовъ приходилось проводить черезъ рядъ комиссій — правительственныхъ и парламентскихъ, на что тратилось много времени и энергіи, и гдѣ первоначальныя предположенія военнаго вѣдомства подвергались нерѣдко существеннымъ урѣзкамъ. Особенно строги были правительственныя, такъ называемыя «согласительныя» комиссіи, въ которыхъ представители Министерства финансовъ и Государственнаго Контроля соперничали другъ съ другомъ въ стремленіи во что бы то ни стало урѣзать проекты военнаго вѣдомства и добиться сокращенія намѣчавшихся расходовъ, чтобы вогнать ихъ въ заранѣе фиксированную сумму. Въ долгіе ночные часы въ зданіи Канцеляріи Военнаго Министерства шли безконечно-мучительныя дебаты по отстаиванію каждаго рубля — одними въ пользу улучшенія обороны страны, — другими въ цѣляхъ сбереженія государственныхъ средствъ. Упоминаю объ этомъ отнюдь не въ цѣляхъ обвиненія кого-либо: каждый честно и добросовѣстно дѣлалъ свое дѣло и радѣлъ о нуждахъ государства такъ, какъ онъ ихъ понималъ... Урѣзанные проекты, пройдя Совѣтъ Министровъ, поступали затѣмъ въ законодательныя учрежденія, гдѣ допускалась защита ихъ лишь въ предѣлахъ, одобренныхъ такъ называемымъ «единымъ» правительствомъ. Ограниченіе это ложилось очень тяжелымъ бременемъ на лицъ, въ обязанность коихъ входило давать въ законодательныхъ учрежденіяхъ по такимъ проектамъ необходимыя разъясненія. Неудивительно поэтому, что, сквозь сдержанныя ихъ слова, нерѣдко прорывалась болѣе полная картина кричащихъ нуждъ государственной обороны. Надо отмѣтить, что Думскіе круги были въ общемъ очень отзывчивы къ военнымъ нуждамъ; бывали даже случаи частичнаго увеличенія испрашивавшихся кредитовъ въ порядкѣ думской законодательной инициативы. Въ Думской комиссіи государственной обороны мы, большинство обычныхъ представителей Военнаго Вѣдомства, — чувствовали себя въ атмосферѣ внимательнаго и благожелательнаго къ намъ отношенія. Въ болѣе сложныхъ или секретныхъ случаяхъ предварительно устраивались частныя собесѣдованія съ наиболее вліятельными членами той-же комиссіи, по инициативѣ послѣднихъ, каковыя бесѣды еще болѣе укрѣпляли взаимное пониманіе. Недовѣріе окружало лишь имя Военнаго Министра

Генерала Сухомлинова, который, кстати сказать, избѣгалъ бывать въ Думѣ; нерѣдко оно проявлялось и по отношенію къ дѣятельности Главнаго Артиллерійскаго Управленія.

Во главѣ этого управленія находился Генераль Кузьминъ-Караваевъ, который, однако, не былъ хозяиномъ положенія. Надъ нимъ тяготѣла воля Великаго Князя Сергія Михайловича, который до войны занималъ долгое время должность Генераль-Инспектора артиллеріи. Обязанности послѣдняго, по существу, сводились къ инспектированію артиллерійскихъ частей и руководству ихъ специальнымъ обученіемъ; такимъ образомъ Великій Князь не былъ непосредственно причастенъ къ сложному и ответственному дѣлу артиллерійскаго снабженія. Тѣмъ не менѣе, въ виду своего положенія, прежнихъ связей съ Генераломъ Кузьминымъ-Караваевымъ по совмѣстной службѣ въ Гвардейской конной артиллеріи и особыхъ свойствъ характера, Великій Князь Сергій Михайловичъ сумѣлъ занять такое положеніе, что ни одно сколько нибудь серьезное дѣло не рѣшалось въ Главномъ Артиллерійскомъ Управленіи помимо или вопреки его указаній. — Великій Князь такимъ образомъ являлся фактическимъ, хотя и безответственнымъ руководителемъ дѣятельности всего Главнаго Артиллерійскаго Управленія, что конечно надлежало признавать явленіемъ глубоко неправильнымъ.

Заботы Военнаго Вѣдомства по снабженію арміи матеріальною частью и по восстановленію запасовъ не ограничивались конечно только испрошеніемъ кредитовъ. Много энергіи и настойчивости приходилось затрачивать на размѣщеніе заказовъ и наблюденіе за своевременностью ихъ выполнения. Наличное число и производительная сила нашихъ заводовъ, изготовлявшихъ предметы военнаго снабженія, были недостаточны. Расширеніе отечественной военной промышленности требовало одновременныхъ крупныхъ денежныхъ затратъ и яснаго пониманія того обстоятельства, что такой путь является наиболѣе правильнымъ съ точки зрѣнія подготовки государства къ войнѣ. Что касается заказовъ за границей, то таковыя, по весьма понятнымъ финансовымъ соображеніямъ, были правительствомъ обставлены рядомъ серьезныхъ ограниченій. Поэтому къ нимъ представлялось возможнымъ прибѣгать въ мирное время лишь въ исключительныхъ случаяхъ, главнымъ образомъ при заказахъ такихъ предметовъ, выполненіе коихъ внутри страны встрѣчало техническія затрудненія. Въ результатъ всѣхъ перечисленныхъ неблагоприятныхъ условий, Военное Вѣдомство, особенно Главное Артиллерійское Управленіе, встрѣчалось съ очень крупными затрудненіями по размѣщенію заказовъ и нерѣдко подвергалось обвиненіямъ, не всегда, можетъ быть, справедливымъ, въ вяломъ использованіи уже отпущенныхъ кредитовъ, что служило причиною, затруднявшею испрошеніе дальнѣйшихъ ассигнованій.

Вопросъ о «нормахъ» запасовъ, для военнаго времени въ періодъ, непосредственно слѣдовавшій за Русско-Японской войной, не имѣлъ практическаго значенія, такъ какъ вначалѣ приходилось думать о восстановленіи за-

пасовъ, нарушенныхъ войной, хотя бы только до прежнихъ размѣровъ. Выполненіе этого первоначальнаго заданія требовало много времени и большихъ усилій, тѣмъ не менѣе, сознание необходимости использовать опытъ минувшей войны выдвигало на очередь и вопросъ о пересмотрѣ нормъ, въ особенности въ отношеніи боевыхъ припасовъ. На основаніи данныхъ о расходѣ въ русско-японскую войну винтовочныхъ патроновъ была установлена новая норма въ 1.000 патроновъ на пѣхотную винтовку и въ 75/т. патроновъ на войсковой пулеметъ. Однако эти нормы къ началу войны 1914-го года далеко не были достигнуты. Если принять во вниманіе даже тѣ сокращенія, кои были допущены подъ давленіемъ финансовыхъ соображеній, то и въ этомъ случаѣ недостатокъ ружейныхъ патроновъ къ началу войны 1914-го года слѣдуетъ исчислять примѣрно въ 300 милліоновъ патроновъ, что составляло свыше 10% отъ общаго числа подлежащихъ храненію. Такой же боевой комплектъ въ 1000 патроновъ былъ установленъ на основаніи того же опыта русско-японской войны и для легкой и конной пушки; равнымъ образомъ, примѣрно въ томъ же размѣрѣ были установлены боевые комплекты и для орудій горной, мортирной (гаубичной) и тяжелой полевой артиллеріи. Изъ числа 1000 выстрѣловъ, полагавшихся къ храненію на каждую легкую пушку, меньшая половина (428) должна была составлять возимый запасъ — при батареяхъ и въ артиллерійскихъ парковыхъ бригадахъ, придававшихся къ дивизіямъ; остальные же выстрѣлы (572) предназначались къ храненію въ мирное время при складахъ, составляя имущество такъ называемыхъ «мѣстныхъ» парковъ, которые въ военное время должны были подаваться на театръ военныхъ дѣйствій по желѣзной дорогѣ, для пополненія возимыхъ запасовъ. Въ каждомъ такомъ мѣстномъ паркѣ положено было содержать 14 милліоновъ винтовочныхъ и около 29/тыс. пушечныхъ 3-хъ дюйм. патроновъ. Имущество мѣстныхъ парковъ, для удобства храненія и сбереженія, содержалось въ различной степени готовности, частью въ видѣ отдѣльныхъ элементовъ выстрѣловъ.

Вслѣдствіе реорганизациі арміи по программѣ 1910-года и связанныхъ съ нею дислокаціонныхъ измѣненій, боевые комплекты, особенно мѣстныхъ парковъ, къ началу войны оказались въ довольно хаотическомъ состояніи. Во многихъ пунктахъ, въ которыхъ намѣчалось по новой дислокаціи ихъ размѣщеніе, не оказалось подходящихъ складовъ, почему части боевыхъ припасовъ приходилось временно хранить въ прежнихъ мѣстахъ или даже на заводахъ, какъ позволятъ помѣщенія. Вслѣдствіе этого произвести подсчетъ имѣвшихся боевыхъ припасовъ представлялось задачей крайне трудной, чѣмъ и объясняется неточность свѣдѣній о числѣ выстрѣловъ на пушку къ началу войны. Число это, по различнымъ источникамъ, колеблется отъ 850 до 1000 выстрѣловъ на легкую пушку; боевые комплекты для горныхъ пушекъ имѣлись полностью, и даже съ нѣкоторымъ избыткомъ; обезпеченіе же боевыми припасами полевой тяжелой артиллеріи находилось въ значительномъ менѣе благоприятномъ состояніи и некомплектъ таковыхъ припасовъ къ

началу войны, въ отношеніи нѣкоторыхъ образцовъ тяжелой артиллеріи, достигалъ 50% и даже больше.

Главное Управление Генеральнаго Штаба, ссылаясь на примѣръ западныхъ государствъ и принимая во вниманіе слабое развитіе нашей военной промышленности, упорно настаивало на дальнѣйшемъ увеличеніи нормъ боевыхъ комплектовъ, въ частности для полевой легкой артиллеріи до 1500 выстрѣловъ на пушку. Въ концѣ 1912-го года, подъ влияніемъ политическихъ осложненій, нашему Генеральному Штабу удалось исхлопотать даже особый дополнительный кредитъ въ 10 миллионъ рублей для усиленія боевыхъ комплектовъ, каковой кредитъ, однако, по самоуправству артиллерійскаго вѣдомства, былъ израсходованъ на другія менѣ серьезные надобности. Въ вопросѣ о вѣроятномъ расходѣ боевыхъ припасовъ артиллеріей въ будущую войну нашимъ представителямъ Генеральнаго Штаба пришлось столкнуться съ необычайной косностью руководителей артиллерійскаго вѣдомства, упорно выдвигавшихъ цифры, коими характеризовался расходъ боевыхъ припасовъ въ минувшую Русско-японскую войну. Опираясь на данныя этой войны, согласно коихъ весь расходъ опредѣлялся за всю компанію около 730 выстрѣловъ на пушку, а за время наиболѣе интенсивнаго періода Мукденскихъ боевъ въ 350—375 выстрѣловъ, и считаясь съ нѣкоторыми административно-хозяйственными удобствами, Главное Артиллерійское Управление растягивало готовность даже имѣвшихся въ наличности мѣстныхъ парковъ на срокъ до 480 дней. Только послѣ самыхъ рѣшительныхъ возраженій Главному Управленію Генеральнаго Штаба удалось настоять на значительномъ сокращеніи этого срока и принятіи мѣръ къ постепенному доведенію готовности всѣхъ имѣвшихся въ наличности мѣстныхъ парковъ до трехъ мѣсяцевъ. Какъ извѣстно, примѣрно съ конца третьяго и начала четвертаго мѣсяца войны, наша армія стала и въ дѣйствительности ощущать острую нужду сначала въ артиллерійскихъ припасахъ, а затѣмъ и въ ружейныхъ патронахъ.

Но увеличенію хранимыхъ въ мирное время запасовъ боевого снабженія арміи положенъ извѣстный предѣлъ. Никакое государство не въ состояніи содержать въ годы мира необходимое для современной войны количество боевого матеріала. Этому препятствуютъ не только финансовыя соображенія, но и трудность храненія и своевременнаго освѣженія имѣющихся запасовъ. Главнѣе же всего — непрерывное техническое совершенствованіе боевыхъ средствъ, заставляющее періодически мѣнять образцы боевого вооруженія и снабженія на болѣе современные.

Такимъ образомъ заготовленные въ мирное время запасы могутъ служить обезпеченіемъ лишь на первый періодъ войны. Для дальнѣйшаго питанія арміи, долженъ быть заранѣе подготовленъ своевременный, непрерывный и вполне достаточный притокъ необходимыхъ для арміи предметовъ снабженія. Чѣмъ надежнѣе и полнѣе будетъ организованъ этотъ притокъ, тѣмъ менѣе значительными могутъ быть запасы вооруженія и снабженія, хранимые государствомъ въ мирное время, и тѣмъ менѣе ощутительными будутъ

ошибки въ опредѣленіи размѣровъ военныхъ потребностей арміи, всегда трудно предвидимыхъ задолго впередъ. Само собой разумѣется, что только хорошо налаженное внутреннее производство можетъ служить прочной базой для обезпеченія потребностей арміи, возникающихъ въ періодъ самой войны. Заказы за границей являются недостаточно надежными, не говоря уже объ отрицательной сторонѣ ихъ въ финансовомъ отношеніи. Къ сожалѣнію, въ этомъ вопросѣ мы оказались недостаточно предусмотрительными. Наши казенные военные заводы къ началу войны оказались немощными и недостаточно подготовленными для развитія своей производительности. Еще менѣе, вѣрнѣе совершенно неподготовленной къ изготовленію военныхъ предметовъ оказалась наша частная промышленность, безъ содѣйствія которой вопросъ обезпеченія арміи всеѣмъ необходимымъ представлялся неразрѣшимымъ.

Такимъ образомъ въ военно-промышленномъ отношеніи Россія была подготовлена къ войнѣ крайне слабо. — О «мобилизаціи» отечественной промышленности, т. е. заблаговременной подготовкѣ ея къ цѣлямъ и потребностямъ войны думали недостаточно и отрывочно. Чтобы обезпечить таковую, требовалось заблаговременное снабженіе подходящихъ заводовъ соотвѣтственнымъ оборудованіемъ, предоставленіе техническому персоналу и квалифицированнымъ рабочимъ льготъ по отбыванію воинской повинности и обезпеченіе заводовъ необходимыми матеріалами. — Реальныхъ мѣръ къ осуществленію этихъ требованій принято не было, за что мы тяжело и поплатились въ періодъ самой войны.

Надо, однако, внести въ данный вопросъ необходимую справедливость. Грандиозный масштабъ надвигавшейся войны не былъ предвидѣнъ не только нами, но и всеѣми остальными участниками развернувшейся мировой борьбы. Недостатокъ въ предметахъ вооруженія и боевыхъ припасахъ обнаружился послѣ первыхъ же боевъ повсюду — и во Франціи, и въ Германіи. Но промышленность въ западныхъ государствахъ, вслѣдствіе значительнаго ея развитія, гораздо легче приспособилась къ военнымъ цѣлямъ, почему все другія великія Державы значительно быстрѣе вышли изъ создавашагося тяжелаго положенія, чѣмъ могли сдѣлать это мы. Въ ихъ распоряженіи оказался и заграничный рынокъ, использование котораго представляло для насъ значительныя затрудненія.

Вѣнцомъ всеѣхъ работъ по реорганизаціи арміи должна была послужить переработка «Положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время». Этимъ положеніемъ должны были опредѣляться: организація высшихъ войсковыхъ соединеній, управленіе ими, устройство тыла и служба всякаго рода снабженій

Дѣйствовавшее положеніе было издано въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія и при современныхъ условіяхъ являлось совершенно непримѣнимымъ. Это показала еще война 1904-05 г.г., въ періодъ которой пришлось внести массу коренныхъ измѣненій. Несмотря на рядъ комиссій, работавшихъ надъ новымъ проектомъ, дѣло не клеилось, и только къ январю 1913 года,* когда составленіе

проекта по ходатайству отдѣла Генераль-Квартирмейстера было изъято изъ тормазившихъ его комиссій и сосредоточено при названномъ отдѣлѣ Генеральнаго Штаба, работу удалось закончить. Проектъ встрѣтили, однако, много возраженій, преимущественно со стороны вѣдомствъ, занимавшихъ привилегированное положеніе и желавшихъ видѣть своихъ представителей въ болѣе самостоятельномъ положеніи, чѣмъ это было определено общей схемой. Разсмотрѣніе его затянулось на срокъ свыше года, и только надвинувшіяся событія 1914-го года ускорили благополучное разрѣшеніе дѣла. То, что казалось неразрѣшимымъ при мирныхъ условіяхъ жизни въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, было разрѣшено, въ предвидѣніи войны, въ одномъ ночномъ засѣданіи. Только 29-го Іюля 1914-го г., т. е. всего за три дня до начала войны, было утверждено Верховною властью одно изъ самыхъ важныхъ для военнаго времени положеній. И если вся эта грустная, но характерная для нашего мирнаго времени волокита не отразилась неблагоприятно на первыхъ же порахъ послѣ объявленія войны, то лишь потому, что проектъ, въ предвидѣніи затяжки его утвержденія, былъ Главнымъ Управленіемъ Генеральнаго Штаба заранѣе отпечатанъ и разосланъ въ войска, съ указаніемъ придерживаться его при разработкѣ всѣхъ подготовительныхъ къ войнѣ соображеній. Вслѣдствіе этого, армія получила возможность жить, въ соответствіи съ новымъ положеніемъ, съ перваго же дня войны.

Все изложенное въ настоящей главѣ съ достаточной убѣдительностью доказываетъ, что Россія къ началу войны 1914-го года далеко не была къ ней готова — ни политически, ни по состоянію своихъ финансовъ и промышленности, ни въ узко-военномъ отношеніи. И если Генераль Сухомлиновъ, занимавшій постъ Военнаго Министра, бросилъ въ одномъ изъ своихъ интервью, надѣлавшемъ много шума, свое: «Россія готова», то, по существу, слова эти были только легкомысленной бравадой или довольно дешевымъ политическимъ блефомъ.

При всемъ этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что наша армія менѣе всего была подготовлена къ веденію широкой наступательной войны, требующей болѣе гибкой и легкой организаци и широкаго снабженія мощной и подвижной тяжелой артиллеріей, авіаціонными средствами, современными средствами связи, желѣзнодорожными и понтонными частями, автомобильными транспортами. Всѣ эти вспомогательныя техническія средства были въ Россіи лишь въ зачаткѣ, какъ бы только «обозначены».

При такомъ состояніи военной подготовки Россія, конечно, не могла преслѣдовать никакихъ агрессивныхъ плановъ. Крайне медленными и подчасъ недостаточно твердыми шагами наше отечество къ 1914-му году едва успѣло возстановить свою вооруженную силу, разстроенную и ослабленную неудачною войною и революціонными переживаніями 1905 года, но лишь до той степени, которая давала ей возможность выйти изъ своего небытія и въ необходимыхъ случаяхъ громко произнести свое слово въ защиту собственныхъ интересовъ и государственнаго достоинства. Столь скромные результаты поч-

ти десятилѣтнихъ усилій — обычный удѣлъ вообще всѣхъ государствъ, не ведущихъ внѣшней активной политики. Въ нихъ всегда будетъ законнымъ и естественнымъ стремленіе направить главныя усилія народной энергіи и главную массу свободныхъ денежныхъ средствъ на развитіе внутреннихъ культурныхъ и промышленныхъ силъ страны.

Справедливость требуетъ, однако, отмѣтить, что въ отношеніи боевой подготовки Русская армія сдѣлала большіе успѣхи. Опытъ русско-японской войны былъ въ значительной мѣрѣ использованъ и проведенъ въ новыхъ уставахъ; офицерскій составъ омоложенъ и обновленъ; тактическія познанія и обученіе кадровыхъ частей въ большой степени возросли. Оставалось конечно, не мало слабыхъ мѣстъ, изъ коихъ главнѣйшее — недостатокъ у начальствующихъ лицъ навыковъ къ высшему управленію войсками и ихъ вожденію; но важно было уже то, что армія получила солидный импульсъ къ дальнѣйшему усовершенствованію.

Въ 1912-мъ году наше Морское Министерство внесло въ законодательныя учрежденія программу, предусматривавшую значительное усиленіе нашихъ морскихъ силъ, преимущественно въ Балтійскомъ морѣ, гдѣ имѣлась въ виду постройка линейнаго флота. Осуществленіе этой программы требовало отпуска грандіозныхъ средствъ, какъ единовременныхъ, такъ и постоянныхъ. Встрѣченная въ думскихъ кругахъ мало сочувственно, программа эта, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе особаго покровительства во вліятельныхъ сферахъ и настойчивости лицъ, ее отстаивавшихъ, была проведена черезъ законодательныя учрежденія и получила санкцію Верховной власти. Эта морская программа внесла большія трудности въ дѣло изысканія средствъ на дальнѣйшее усиленіе и усовершенствованіе нашей главной части вооруженныхъ силъ — сухопутной арміи.

Между тѣмъ угрожающее нарастаніе вооруженныхъ силъ и боевыхъ средствъ у нашихъ западныхъ сосѣдей не позволяло намъ оставаться на мѣстѣ. Уже въ 1913-мъ году стало извѣстно о новомъ усиленіи германской арміи. Энергически развивала свою военную силу и Австро-Венгрія. Эти обстоятельства вынудили въ свою очередь и наше Военное Министерство отвѣтить внесеніемъ въ законодательныя учрежденія новаго проекта дальнѣйшаго развитія нашей сухопутной вооруженной силы. Неизбѣжныя финансовыя затрудненія имѣлось ввиду преодолѣть путемъ граничныхъ займовъ и увеличенія налога на спиртъ.

Внесенный законопроектъ объ усиленіи арміи носилъ громкое названіе «Большой программы». Къ сожалѣнію, онъ явился результатомъ замкнутой и не до конца продуманной работы лишь одного изъ отдѣловъ Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба по устройству и службѣ войскъ. Отдѣлъ Генераль-Квартирмейстера былъ приглашенъ дать по этой программѣ свое заключеніе почти наканунѣ внесенія ея въ Совѣтъ Министровъ и ознакомленія думской комиссіей по оборонѣ съ содержаніемъ программы.

Согласно указанной программѣ, русская армія должна была въ теченіе ближайшаго четырехлѣтія 1914—17 г.г. увеличиться по штатамъ мирнаго времени на 12/т. офицеровъ и до 500/т. нижнихъ чиновъ, т. е. получить приращеніе болѣе чѣмъ на ¼ своего состава. Выполненіе программы требовало одновременнаго расхода около полумилліарда рублей и ежегоднаго увеличенія бюджета Военнаго Министерства на 140 милліоновъ рублей.

Развитіе нашей арміи намѣчалось въ двухъ направленіяхъ* — имѣлось въ виду созданіе новыхъ частей и усиленіе штатныхъ составовъ существовавшихъ войсковыхъ единицъ.

Подлежали сформированію вновь:

1) 140 бат. пѣхоты, причемъ создавалось три новыхъ корпуса (XXVI, XXVII и VI Сиб.).

2) 26 полковъ регулярной кавалеріи и кадры для второочередныхъ частей трехъ каз. войскъ, въ томъ числѣ въ главнѣйшемъ войскѣ — Донскомъ.

3) Свыше 500 легкихъ, мортирныхъ и тяжелыхъ батарей съ одновременнымъ переходомъ отъ 8-ми орудійныхъ батарей къ 6-ти орудійнымъ; этой мѣрой усиливалась наша артиллерія на 85% по числу батарей и на 20% по числу орудій — причемъ на корпусъ число огневыхъ единицъ доводилось до 27 (18 легкихъ, 6 мортирныхъ и 3 тяжелыхъ батарей), а число орудій до 156.

Намѣчалось также сформированіе нѣкотораго числа новыхъ частей въ инженерныхъ, техническихъ и обозныхъ войскахъ.

Безусловно сильными сторонами этой программы были:

1) Усиленіе штатныхъ составовъ существовавшихъ частей войскъ, дѣлавшее ихъ внутренне болѣе прочными, равно облегчавшее ихъ мобилизацію и выдѣленіе кадровъ для второочередныхъ частей.

2) Существенное усовершенствованіе въ организаціи полевой артиллеріи, въ результатъ которой число огневыхъ единицъ и отдѣльныхъ орудій на корпусъ доводилось почти до германской нормы; организація батарей приближалась къ болѣе современной, а введеніе въ полевую артиллерію тяжелыхъ образцовъ восполняло крупный недочетъ въ прежней организаціи нашей арміи.

3) Расширеніе нѣкоторыхъ нашихъ военныхъ заводовъ и арсеналовъ, долженствовавшее поставить дѣло боевого снабженія нашей арміи на болѣе прочное основаніе.

4) Довольно широкое развитіе, въ числѣ техническихъ войскъ, авіаціонныхъ частей, привлечшихъ къ себѣ особое вниманіе программы.

Но рядомъ съ отмѣченными достоинствами программа заключала въ себѣ и крупные недостатки. Она все же придавала излишнее значеніе увеличенію числа войскъ, въ ущербъ ихъ техническому снабженію. Особенно рельефно это выразилось въ значительномъ увеличеніи нашей кавалеріи, не вызывавшемся дѣйствительной надобностью. На ряду съ этимъ, въ программу не вошли мѣропріятія по обезпеченію вновь формировавшихся частей боевыми запасами военнаго времени и запасными частями. И, наконецъ, совершенно была упу-

цена необходимость усилить въ мирное время обученіе нашихъ военно-обязанныхъ, что составляло очень слабую сторону въ дѣлѣ боевой подготовки нашей арміи.

Наступившая война прервала въ самомъ началѣ выполненіе этой программы, оставшейся такимъ образомъ лишь документомъ, наглядно свидѣтельствующимъ о незаконченности нашей военной подготовки къ началу войны.

Какія бы, однако, мѣропріятія ни принимались нами для развитія арміи, на сторонѣ нашихъ западныхъ сосѣдей оставалось огромное преимущество, заключавшееся въ довольно значительномъ превосходствѣ въ срокахъ готовности ихъ вооруженныхъ силъ на границахъ. Только путемъ усиленнаго желѣзнодорожнаго строительства мы могли рассчитывать хотя нѣсколько смягчить невыгодность нашего положенія въ этомъ отношеніи. Поэтому съ 1912-го года было намѣчено осуществленіе особаго плана желѣзнодорожнаго строительства, въ основу котораго была положена мысль объ ускореніи нашего развертыванія и улучшеніи условій переброски войскъ вдоль западно-пограничнаго пространства. Проектировалась постройка новыхъ магистралей: Рязань-Тула-Варшава и Гришино-Ковель и устройство двойныхъ, а на нѣкоторыхъ участкахъ и четверныхъ колеи на линіяхъ рокаднаго назначенія.

Наиболѣе густое начертаніе наша желѣзнодорожная сѣть приобрѣла въ центральной части Привислинскаго Края и отчасти въ районѣ средняго Нѣмана. Но смыслъ этой сѣти съ заграничной Военное Вѣдомство съ давнихъ поръ ставило извѣстные предѣлы, исходя изъ соображеній болѣе быстрой готовности арміи нашихъ сосѣдей и угрозы ихъ вторженія. Такая политика вполне отвѣчала стремленію обезпечить нашу территорию отъ нашествія армій нашихъ западныхъ сосѣдей, но она же создавала неблагоприятныя условія для нашего собственнаго наступленія; поэтому въ послѣдніе годы, предшествовавшіе войнѣ, все опредѣленнѣе назрѣвала потребность внесенія въ этотъ вопросъ серьезныхъ поправокъ, въ зависимости отъ улучшавшихся условій готовности нашей арміи и отъ новыхъ оперативныхъ предположеній.

Къ сожалѣнію, къ началу войны наша приграничная желѣзнодорожная сѣть еще не получила того начертанія, которое соотвѣтствовало бы въ полной мѣрѣ нашимъ оперативнымъ предположеніямъ.

Общій прогрессъ русской арміи, новое предстоявшее усиленіе ея, какъ отвѣтъ на вооруженія нашихъ западныхъ сосѣдей, и намѣченныя мѣры по поднятію обороноспособности нашей родины вообще не могли, конечно, ускользнуть отъ бдительнаго глаза Германіи. Ей — какъ сторонѣ, активно готовившейся къ войнѣ, — принадлежала возможность произвести оцѣнку — выгодно ли вызвать неминуемо надвигавшееся столкновеніе народовъ Европы теперь же или дать отсрочку, рискуя дальнѣйшимъ усиленіемъ Россіи, еще далеко не развернувшей всѣхъ своихъ силъ и возможностей.

Событія показали, какой отвѣтъ былъ данъ Берлиномъ на этотъ вопросъ.

ГЛАВА III.

Друзья и недруги. — Основы нашего военного соглашения съ Франціей. — Сближеніе съ Англійей. — Позиціи Италіи, Турціи, прочихъ балканскихъ государствъ, Швеціи и Японіи, занятія названными государствами въ періодъ возникновенія военныхъ осложненій центральныхъ государствъ съ державами согласія.

Союзный договоръ между Германіей и Австро-Венгріей, ставшій, послѣ присоединенія къ нему Италіи, — Тройственнымъ, вызвалъ сближеніе Россіи съ Франціей. Обмѣнъ мнѣніями между правительствами двухъ послѣднихъ Державъ о желательности заключенія военного соглашения впервые произошелъ во второй половинѣ 1891-го года. Въ основѣ этого обмѣна лежала строго оборонительная мысль о цѣлесообразности совмѣстныхъ дѣйствій въ случаѣ вооруженнаго нападенія Державъ Тройственного Союза на оба или одно изъ договаривавшихся государствъ. Однако, начавшіеся переговоры закончились только черезъ годъ подписаніемъ проекта военной конвенціи Начальниками Генеральныхъ Штабовъ обоихъ государствъ: русскаго — Генерала Обручева и французскаго — Генерала Буадефра, а еще черезъ годъ — въ концѣ 1893-го года состоялось взаимное увѣдомленіе обоихъ правительствъ объ утвержденіи подписанной конвенціи.

Наиболѣе существенная часть этой конвенціи заключалась въ томъ, что объ договаривавшіяся стороны — Россія и Франція — обязывались другъ передъ другомъ, при первомъ извѣстіи объ общей мобилизаціи враждебнаго имъ Союза, мобилизовать всѣ свои вооруженныя силы и сосредоточить ихъ къ угрожаемымъ границамъ. Затѣмъ, для заблаговременнаго согласованія дальнейшихъ шаговъ обоихъ союзныхъ государствъ, устанавливалось, что, въ случаѣ нападенія со стороны Германіи или другой державы Тройственного Союза, поддержанной Германіей, на Россію или на Францію, другое изъ договаривавшихся государствъ должно придти къ первому, подвергшемуся нападенію, на помощь и использовать всѣ свои свободныя силы для дѣйствія противъ Германіи.

Такая формулировка соглашения, отдѣлявшая объявленіе мобилизаціи отъ перехода къ военнымъ дѣйствіямъ, была, повидимому, подсказана тѣмъ соображеніемъ, что только въ Россіи оба эти акта принадлежали компетенціи одной и той же власти — Верховной; во Франціи же мобилизація арміи вводилась декретомъ Президента Республики, а объявленіе войны должно было санкціонироваться Палатой.

Постепенно окрѣпшія между Россіей и Франціей связи вылились въ 1899-мъ году въ форму политическаго соглашения, къ которому упомянутая выше военная конвенція стала однимъ изъ дополненій. Съ этого года между обоими государствами установились вполне прочныя союзныя отношенія на почвѣ взаимнаго обезпеченія отъ враждебныхъ попытокъ Центральныхъ Державъ.

Наконецъ, лѣтомъ 1912-го года между Франціей и Россіей было заключено дополнительное соглашеніе по морской части, устанавливавшее связь и совмѣстную работу морскихъ генеральныхъ штабовъ обоихъ государствъ.

Какъ уже отмѣчено выше, Австро-Венгерскій ультиматумъ, приведшій къ вооруженному конфликту, былъ предъявленъ Сербіи 23-го іюля. Это было самое глухое для Парижа время года, обыкновенно начинающееся послѣ національнаго праздника 14-го іюля. Во исполненіе заблаговременно разработанной и принятой программы, тогдашній Президентъ французской Республики г. Пуанкаре, въ сопровожденіи Предсѣдателя Совѣта Министровъ г. Вивіани, находился въ торжественномъ морскомъ путешествіи въ Петербургъ, имѣвшемъ цѣлью передъ всѣмъ міромъ продемонстрировать союзническія узы, скрѣпявшія Францію и Россію. На обратномъ пути предполагалось посѣщеніе этими лицами всѣхъ трехъ столицъ Скандинавскихъ государствъ. Изъ Парижа выѣхалъ въ Петербургъ также російскій посолъ А. П. Извольскій. Въ столицѣ Россіи и ея ближайшихъ окрестностяхъ — Царскомъ, Павловскѣ и Красномъ Селѣ, въ честь высокихъ гостей, устраивались блестящіе приемы, празднества и воинскіе смотры. Апофеозомъ всѣхъ торжествъ долженъ былъ служить отвѣтный обѣдъ, данный того же 23-го іюля на борту французскаго военного корабля «La France» Президентомъ Республики Російскому Императору. Это тотъ самый корабль, который въ ночь на 26-ое августа 1922-го года, возвращаясь съ ночной артиллерійской стрѣльбы, наскочилъ на скалу и погибъ у сѣверныхъ береговъ своей родины, имя которой онъ гордо носилъ въ теченіе ряда лѣтъ.

Торжественно прозвучали и разнеслись по всему міру сильныя слова, произнесенныя въ застольной рѣчи Главой французскаго народа, напоминавшаго о томъ, что оба союзныхъ государства преисполнены стремленіями къ миру, при условіи сохраненія силы, чести и достоинства.

Такимъ образомъ, по странному совпаденію, которое едва-ли могло быть случайнымъ, не только въ одинъ день, но почти въ тотъ же часъ, какъ произнесены были эти слова, — австро-венгерскимъ правительствомъ былъ нанесенъ грубый, жестокій и несправедливый ударъ небольшому сербскому народу, пользовавшемуся покровительствомъ обѣихъ великихъ союзныхъ націй — Россіи и Франціи.

Нѣкоторые, въ свое время весьма вліятельныя лица, изъ консервативныхъ круговъ Россіи, довольно настойчиво брались предсказывать, что въ рѣшительную минуту Франція расторгнетъ союзъ съ Россіей и откажется отъ активнаго выступленія противъ Германіи. Имъ рисовалось такое поведеніе Франціи особенно возможнымъ въ томъ случаѣ, если конфликтъ возникнетъ на почвѣ балканскихъ дѣлъ, лишь косвенно интересующихъ Францію, или если Германія, рѣшившись напасть на Россію, сумѣетъ соответственными уступками залѣчить наиболѣе жгучія раны, нанесенныя ею Франціи въ 1870—71 г. г.

Мнѣніе это, по крайней мѣрѣ въ первой его части, повидимому существовало и въ Германіи. Оно едва ли осталось безъ извѣстнаго вліянія на планы Императора Вильгельма, зародившіяся у него подъ впечатлѣніемъ Сараевскаго событія. Къ тому же надвигавшіяся событія застали Францію въ такой періодъ

времени, когда во главѣ правительства стояли лица, принадлежавшія къ лѣвымъ парламентскимъ кругамъ, ставившимъ своей задачей поддержаніе мира вообще и желавшихъ, во всякомъ случаѣ сильнѣе другихъ, избѣжать тяжелой необходимости активнаго проявленія союза съ Россіей. Эта тенденція правительственныхъ и парламентскихъ круговъ, разумѣется, соответствовала мирнымъ настроеніямъ значительныхъ массъ французскаго народа. Изъ той же моей поѣздки во Францію въ 1913-мъ году, о которой я уже имѣлъ случай говорить, я отчетливо припоминаю, какъ, при посѣщеніи мною въ дни днѣвокъ нѣкоторыхъ французскихъ заводовъ и фабрикъ, совмѣстно съ любезнымъ и гостеприимнымъ Начальникомъ 11-ой пѣх. дивизіи Генераломъ Поліномъ и другими офицерами, мнѣ приходилось слышать за нашими спинами сдержанныя реплики рабочихъ, расчитанные, однако, на то, чтобы быть нами услышанными: «à bas la loi de trois ans!» Очевидно, этими возгласами имѣлось въ виду выразить свое отношеніе къ трехлѣтнему сроку службы подъ знаменами, къ которому Франція предполагала вернуться для упроченія кадра своей арміи, ввиду усиленія Германіей ея вооруженныхъ силъ. Слѣдуетъ наконецъ еще отмѣтить, что почти наканунѣ описываемыхъ событій во Франціи — въ Сенатѣ — происходили горячіе дебаты по вопросу о недостаточности военной готовности Франціи, особенно съ точки зрѣнія состоянія крѣпостей, отсутствія тяжелой артиллеріи и ограниченности военныхъ запасовъ.

Всѣ эти обстоятельства заставляли въ Россіи съ нѣкоторымъ волненіемъ ожидать, какъ отзовется на развивавшіяся событія наша союзница — Франція. Казалось очевиднымъ, что если она теперь оставитъ Россію, то въ будущемъ погибнетъ сама. Но все же, пока французское правительство не высказалось официально, могли существовать опасенія, что бдительность и прозорливость нашей союзницы могутъ быть усыплены завѣреніями и обѣщаніями Германіи.

Первыя ободряющія извѣстія были получены 28-го и 29-го іюля отъ спѣшно вернушагося въ Парижъ изъ поѣздки въ Петербургъ російскаго посла А. П. Извольскаго. Послѣ свиданія съ замѣстителемъ все еще отсутствовавшего изъ Франціи Предсѣдателя Совѣта Министровъ и Министра Иностранныхъ дѣлъ г. Вивіани, нашъ Посолъ успѣшилъ донести, что Правительство Франціи отказалось примкнуть къ точкѣ зрѣнія Германіи, заключающейся въ томъ, чтобы разсматривать возникшій между Австріей и Сербіей конфликтъ какъ мѣстный и потому считать его подлежащимъ непосредственному разрѣшенію только этихъ двухъ Державъ. Въ дальнѣйшемъ стало также извѣстнымъ, что Франція отклонила и другое предложеніе Германіи, — произвести въ дѣлахъ поддержанія мира совмѣстное воздѣйствіе обѣихъ Державъ на русское правительство. Въ своемъ отрицательномъ отвѣтѣ французское правительство указывало, что оно, въ согласіи съ мнѣніемъ Лондонскаго кабинета, признаетъ болѣе цѣлесообразнымъ предоставить намѣчаемую интервенцію не двумъ, а четыремъ Державамъ (Англии, Франціи, Германіи и Италіи), и что во всякомъ случаѣ умѣряющее воздѣйствіе должно быть направлено не на Россію, занявшую съ самаго начала примирительную позицію, а на Австрію, чрезмѣр-

ныя требованія которой выразились въ отказѣ обсудить немногія возраженія Сербіи и угрожаютъ вызвать всеобщую войну.

29-го іюля вернулись морскимъ путемъ въ Парижъ Президентъ французской Республики и глава правительства г. Вивіани, которые, на обратномъ пути изъ Петербурга, посѣтили лишь Стокгольмъ. Узнавъ въ столицѣ Швеціи о состоявшемся предъявленіи Австріей ультиматума Сербіи, высокіе путешественники отмѣнили свои дальнѣйшіе визиты въ Христіанію и Копенгагенъ и поторопились возвратиться во Францію. — Г. Вивіани, при первомъ своемъ свиданіи, въ день пріѣзда, съ А. П. Извольскимъ, подтвердилъ рѣшимость французскаго правительства дѣйствовать въ полномъ единеніи съ нами и добавилъ, что эта политика поддерживается широкими общественными кругами Франціи. вмѣстѣ съ тѣмъ глава французскаго правительства сообщилъ нашему послу о своемъ свиданіи съ германскимъ посломъ Барономъ Шеномъ, который заявилъ г. Вивіани жалобу на якобы военныя приготовленія Франціи, добавивъ, что, въ отвѣтъ на таковыя, Германія будетъ вынуждена принять военныя мѣры и со своей стороны. Мы уже видѣли, что это заявленіе представителя Германіи въ Парижѣ совпало по времени съ заявленіемъ германскаго посла въ Петербургѣ графа Пурталеса, о томъ, что Германія принуждена будетъ мобилизовать свои силы, если Россія не прекратитъ своихъ военныхъ приготовленій. — И я присоединяюсь къ тѣмъ, которые думаютъ, что этими двумя параллельными заявленіями съ несомнѣнной очевидностью подготовлялась Германіей почва для общей мобилизаціи всѣхъ ея вооруженныхъ силъ, съ отнесеніемъ виновности за этотъ шагъ на Россію и Францію.

Слѣдующіе дни были использованы Германіей, чтобы попытаться, путемъ переговоровъ въ Парижѣ, изолировать Россію отъ ея союзницы Франціи. Попытки эти оказались, однако, неудачными, и въ Парижѣ барону Шену дано было понять, что Франція пойдетъ по пути своихъ интересовъ и связывавшаго ее союза; возможность же сохраненія всеобщаго мира, по выраженію отвѣтственныхъ представителей французскаго правительства, продолжаетъ всецѣло оставаться въ рукахъ Императора Вильгельма.

Исчерпавъ такимъ образомъ все средства, чтобы разстроить прочно налаживавшееся единство въ дѣйствіяхъ Россіи и Франціи, и зайдя слишкомъ далеко въ своихъ враждебныхъ шагахъ по отношенію къ Россіи, Германія наконецъ раскрыла свои карты и 1-го августа объявила официально объ общей мобилизаціи всѣхъ своихъ вооруженныхъ силъ.

Очевидно, что наша союзница не могла оставаться спокойной зрительницей производившейся на ея границахъ мобилизаціи, тѣмъ болѣе, что послѣдняя была сопряжена со сосредоточеніемъ въ пограничныхъ съ Франціей районахъ германскихъ войскъ; мобилизація французской арміи стала поэтому неизбежной; и декретомъ Президента французской Республики, подписаннымъ 1-го августа — первымъ днемъ мобилизаціи было объявлено 2-ое августа 1914-го года. Этимъ актомъ Франція обезпечивала безопасность своей территоріи и

выполняла первую часть союзнических обязательств, принятых ею на себя военнымъ соглашеніемъ съ Россіей.

Объявленіе мобилизациі во Франціи еще не предрѣшало вопроса объ открытіи военныхъ дѣйствій противъ Германіи. Напротивъ, декретъ о мобилизациі сопровождался разъясненіемъ правительства, что Франція продолжаетъ стремиться къ сохраненію мира. Но для всѣхъ становилось яснымъ, что названная страна тѣсно связываетъ свою судьбу съ Россіей и что въ ней сложилась твердая рѣшимость не отступать, въ случаѣ надобности, отъ принятія вызова. Для Франціи вопросъ сводился лишь къ тому, чтобы неосторожнымъ шагомъ не подать Германіи повода къ нареканіямъ, что первое нападеніе произведено было французскими войсками.

Но уже 2-го августа, т. е. въ первый же день мобилизациі французской арміи, былъ обнаруженъ переходъ отдѣльными нѣмецкими отрядами, хотя и небольшой силы, французской границы; на территоріи Франціи произошло даже нѣсколько стычекъ. Въ этотъ же день было получено извѣстіе не только о вступленіи германскихъ войскъ на территорію Люксембурга, чѣмъ нарушался гарантированный особымъ трактатомъ нейтралитетъ названнаго Герцогства, но равно о такихъ передвиженіяхъ германскихъ войскъ, которыя ясно указывали на намѣреніе нарушить также нейтралитетъ Бельгіи.

3-го августа, около 7-ми часовъ вечера, германскій посолъ въ Парижѣ вручилъ французскому Министру Иностранныхъ дѣлъ ноту, въ которой объявлялось, что, ввиду явно агрессивныхъ дѣйствій Франціи, Германія считаетъ себя въ состояніи войны съ Франціей, по винѣ послѣдней. При этомъ, баронъ Шенъ заявилъ, что военныя дѣйствія германскихъ войскъ на французской территоріи явились лишь отвѣтомъ на произведенные, по его словамъ, налеты французскихъ авіаторовъ на германскую территорію. Равнымъ образомъ и нарушеніе Люксембургскаго и Бельгійскаго нейтралитетовъ было имъ объяснено также, какъ отвѣтъ на якобы констатированное намѣреніе Франціи двинуть свои войска противъ Германіи черезъ территорію этихъ государствъ.

4-го августа въ Парижѣ имѣло мѣсто историческое засѣданіе Палаты Депутатовъ, на которомъ противъ войны не раздалось ни одного голоса, даже съ самыхъ лѣвыхъ скамей. Заявленіе главы правительства о тѣсномъ единеніи съ Россіей вызвало бурныя овации. Такимъ образомъ Франція, какъ въ этомъ была убѣждена впрочемъ большая часть Россіи, осталась вѣрной союзу, имѣвшему подъ собою вполне прочную и реальную для обѣихъ сторонъ основу.

Ультиматумъ Бельгіи былъ предъявленъ Германіей уже на слѣдующій день по объявленіи нѣмцами общей мобилизациі, а именно 2-го августа. — Германія требовала свободнаго пропуска своихъ войскъ черезъ территорію Бельгіи. Въ случаѣ согласія, послѣдней гарантировались сохранность границъ послѣ войны и возмѣщеніе убытковъ. Этимъ актомъ Германія грубо нарушала трактатъ о бельгійскомъ нейтралитетѣ, который, въ свое время, былъ

подписать Пруссией, совместно с другими державами. Как известно, Бельгия ответила на ультиматумъ Германии отказомъ, полнымъ этического достоинства.

Благородная рѣшимость отстаивать съ оружіемъ въ рукахъ неприкосновенность своей территоріи ставила Бельгію въ ряды нашихъ союзниковъ. Нельзя было не проникнуться чувствомъ самаго глубокаго уваженія къ этой небольшой героической странѣ, когда изъ телеграммы А. П. Извольскаго отъ 3-го августа стало извѣстнымъ, что Бельгія пожелаала защищать себя отъ вражескаго нашествія только собственными силами и что поэтому она не предполагаетъ обращаться за помощью къ державамъ-поручительницамъ.

Весьма важнымъ факторомъ въ предстоявшей войнѣ являлась, конечно, та позиція, которую, съ началомъ военныхъ дѣйствій, займетъ Англія.

Существуетъ мнѣніе, въ основѣ своей, возможно, справедливое, что если бы Англія, при возникновеніи политическаго конфликта между Центральными державами, съ одной стороны, и Франціей и Россіей, съ другой, опредѣленно стала на сторону вторыхъ, то Германия не рѣшилась бы довести конфликтъ до вооруженнаго столкновения. Это мнѣніе можетъ найти подкрѣпленіе въ инцидентѣ 1911-го года, когда благопріятное для Франціи вмѣшательство Англіи въ Мароккскій вопросъ помѣшало Вильгельму II довести дѣло до войны. Къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ руководители Британской политики на первыхъ порахъ предпочли сохранить за собою свободу дѣйствій. По словамъ одного отвѣтственнаго англійскаго дѣятеля того времени, интересы Англіи не были «непосредственно еще поставлены на карту»; поэтому правительство Короля Георга, съ возникновеніемъ конфликта, признало возможнымъ предложить державамъ, въ интересахъ мира, свои услуги только въ качествѣ посредника.

Кромѣ увеличенія силъ и средствъ державъ Согласія и изоляціи Центральныхъ Государствъ отъ внѣшняго міра, вступленіе Англіи въ ряды противниковъ Германии имѣло для Россіи еще особое значеніе, такъ какъ оно приводило къ нейтрализаціи германскаго флота; послѣдній, такимъ образомъ, лишился возможности обезпечивать опасную для насъ десантную операцію на Финно-Балтійскомъ побережьи. Однако, Россія не была связана съ Англіей никакими формальными обязательствами и потому, несмотря на враждебность общей политики Германии интересамъ Британской Имперіи, вопросъ объ участіи Англіи въ войнѣ оставался для насъ вполне открытымъ. Впрочемъ, нельзя не отмѣтить, что со времени договора 1907-го года, устранившаго въ значительной мѣрѣ взаимную подозрительность въ азіатскихъ вопросахъ, англо-русскія отношенія приняли болѣе довѣрчивый характеръ. Почва для дальнѣйшихъ соглашеній была затѣмъ подготовлена посѣщеніемъ англійской королевской четой Ревеля въ 1908-мъ году.

Болѣе тѣсныя связи существовали у Англіи съ Франціей. Намъ было извѣстно, что еще въ 1912-мъ году сближеніе между этими двумя странами выразилось въ письменномъ обмѣнѣ мнѣніями французскаго и англійскаго Генеральныхъ Штабовъ, коими предусматривалась «возможность» помощи Фран-

ции со стороны Англии, в случае нападения на первую. Размѣръ этой помощи опредѣлялся въ шесть англійскихъ пѣх. и одну кав. дивизию, которыя намѣчались къ переброскѣ на материкъ въ теченіе первыхъ недѣль по открытіи военныхъ дѣйствій. — То отношеніе, которое въ 1913-мъ году встрѣтилъ генералъ, впоследствии маршалъ, Вильсонъ, прибывшій одновременно со мною во Францію на маневры XX-го корпуса и занимавшій въ то время однородную со мной должность въ Великобританской арміи, ярко подчеркивало, что въ нашемъ лицѣ французская армія и населеніе, всюду тепло насъ пріветствовавшее, видѣли представителей армій двухъ дружественныхъ Франціи государствъ.

Распространеніе возникшаго конфликта на Францію позволяло намъ при такихъ условіяхъ, въ извѣстной мѣрѣ, рассчитывать на благожелательное вмѣшательство въ развѣтывавшіяся событія и Англии.

Но болѣе всего — въ расчетахъ видѣть Англию на нашей сторонѣ — насъ укрѣплялъ фактъ нарушения Германіей бельгійскаго нейтралитета. Еще задолго до войны, нашъ Генеральный Штабъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что такой актъ со стороны Германіи будетъ рѣшающимъ въ дѣлѣ англійской политики; послѣдняя всегда ревниво оберегала ближайшіе къ англійской территоріи берега Сѣвернаго моря не только отъ захвата, но даже отъ вліянія Германіи. Наша военная агентура весьма тщательно, поэтому, слѣдила за тѣми мѣрами, которыя принимались Германіей, въ дѣляхъ заблаговременной подготовки своего наступленія черезъ Бельгію и Люксембургъ. И, надо сказать, она давала намъ въ этомъ отношеніи весьма цѣнные данныя. Мы почти не сомнѣвались въ томъ, что нашествіе нѣмцевъ на Францію должно послѣдовать черезъ Бельгію. Выборъ такой операціонной линіи подсказывался Германіи весьма вѣскими соображеніями. Направленіе это выводило германскія войска къ наиболѣе жизненнымъ центрамъ Франціи; оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, пролегало по районамъ, богатымъ путями сообщенія, и вело въ обходъ заблаговременно укрѣпленной границы Франціи отъ Лонгви до Бельфора.

Но все же изложенныя данныя являлись не болѣе какъ матеріаломъ для болѣе или менѣе обоснованныхъ заключеній по вопросу о позиціи Англии, не переходившихъ пока еще въ область реальныхъ фактовъ. Поэтому понятна та чуткость, съ которою мы прислушивались въ Россіи къ тому, что приносилъ намъ въ эти дни телеграфъ изъ Лондона.

Какъ уже отмѣчено, съ момента предъявленія Австріей ультиматума Сербіи, Англія заняла хотя и посредническую только, но вполне примирительную по отношенію къ намъ позицію. Она поддержала въ Вѣнѣ точку зрѣнія нашего Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, признала отвѣтъ Сербіи удовлетворившимъ ея самымъ строгимъ ожиданіямъ и заявила Германіи о своемъ желаніи совместно съ нею работать въ пользу сохраненія мира; но одновременно ея правительство оговорило, что, въ обратномъ случаѣ, Англія вынуждена будетъ оставить за собою свободу дѣйствій. Въ соответствии съ такимъ настроеніемъ, англійскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, сэръ Эдуардъ Грей, выступилъ 27-го

юля съ предложеніемъ созвать въ Лондонѣ конференцію изъ представителей четырехъ Державъ, чтобы обсудить возможные выходы изъ положенія. Къ вопросу о созывѣ конференціи англійскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ возвращался и впоследствии, когда 31-го юля Австрія заявила, черезъ своего Посла въ Петербургѣ, о готовности вступить въ обсужденіе создавшагося положенія и когда нашъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ С. Д. Сазоновъ, выразивъ по этому поводу свое удовлетвореніе, предложилъ въ свою очередь перенести эти переговоры въ Лондонъ. Была даже выработана принятая нашимъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ формула, долженствовавшая служить базой для работъ будущей конференціи, главное назначеніе которой должно было заключаться въ томъ, чтобы изучить способы удовлетворенія Австріи Сербіей безъ нарушенія суверенныхъ правъ послѣдней.

Но Германія искала другого. Всѣ ея усилія въ Лондонѣ были направлены не въ сторону отысканія путей къ сохраненію мира, а къ тому, чтобы, на случай столкновенія съ Россіей и Франціей, обезпечить себѣ нейтралитетъ Англій.

Однако, къ 1-му августа, изъ донесеній нашего посла въ Лондонѣ графа Бенкендорфа, съ опредѣленностью выяснилось, что Англія отвѣтила Германіи на ея домогательства о нейтралитетѣ категорическимъ отказомъ. Мало того, сэръ Эдуардъ Грей заявилъ германскому послу въ Лондонѣ, что, если возникнетъ война и Франція въ ней приметъ участіе, то Англія не можетъ остаться въ положеніи незаинтересованной страны. Передавая этотъ разговоръ нашему Послу, англійскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ добавилъ, что англійскій флотъ, мобилизованный почти наканунѣ конфликта для очередныхъ маневровъ, продолжаетъ находится въ полной готовности, и что германскія морскія силы лишены поэтому возможности выйти въ море.

Я живо помню этотъ день перваго августа. Стоялъ чудный лѣтній день. Уже вечерѣло, когда въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба было получено первое извѣстіе объ объявленіи намъ Германіей войны. Закончивъ всѣ необходимыя распоряженія, я, по просьбѣ Военнаго Министра, долженъ былъ повидать нашего Министра Иностранныхъ Дѣлъ С. Д. Сазонова, чтобы ориентировать его въ принятыхъ мѣрахъ. Мнѣ сказали, что онъ на обѣдѣ у англійскаго Посла, вслѣдствіе чего я проѣхалъ въ старинный величественный домъ, стоявшій на набережной у Троицкаго моста и занятый названнымъ посольствомъ. Я отчетливо помню ту спокойную увѣренность и удовлетворенность, которыми дышало лицо вышедшаго ко мнѣ въ отдѣльную залу нашего Министра. Настроеніе С. Д. Сазонова было для меня яркимъ доказательствомъ той доброжелательной къ намъ атмосферы, которая царила въ этомъ домѣ... Я вышелъ отсюда значительно успокоенный.

С. Д. Сазоновъ, который лично зналъ меня, задалъ мнѣ вопросъ, какъ я смотрю на будущее развертывающихся событій. Я отвѣтилъ, что борьба предстоитъ упорная, ибо одно сосредоточеніе всѣхъ нашихъ силъ на театрѣ войны потребуетъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ; результатъ же войны будетъ находиться для насъ въ прямой зависимости отъ того, какъ сложится въ теченіе ея наша

внутренняя обстановка. Мы не должны забывать минувшую Японскую войну и 1905-й годь...

Долженъ, однако, добросовѣстно оговориться, что говоря о длительности войны, я все же не имѣлъ въ виду четырехлѣтней ея продолжительности; я только предостерегалъ противъ легкомысленнаго оптимизма, охватившаго многихъ.

Наступившія на западномъ фронтѣ событія заставили вскорѣ Англію окончательно перейти на путь активныхъ дѣйствій противъ Германіи. 2-го августа нашъ посолъ въ Парижѣ телеграфировалъ С. Д. Сазонову, что въ столицѣ Франціи получено извѣстіе о направленіи германскихъ войскъ на Арлонъ, каковое движеніе, добавляя А. П. Извольскій, ясно указываетъ на намѣреніе нѣмцевъ нарушить бельгійскій нейтралитетъ. Это было первое свѣдѣніе, фактически раскрывшее намъ дѣйствительные планы германцевъ на ихъ западномъ фронтѣ и, какъ мы видѣли, вполне совпадавшее съ нашимъ представленіемъ о вѣроятномъ способѣ дѣйствій Германіи противъ Франціи. Извѣстіе это разрушало окончательно легенду о вѣроятности ускореннаго наступленія нѣмцевъ со стороны Меца или же района Саарбургъ-Брюксъ, о чемъ намъ доносилъ графъ Игнатъевъ въ своей телеграммѣ отъ 1-го августа. Черезъ нѣкоторое время пришло дополнительное извѣстіе о занятіи германскими войсками Люксембурга и объ ультиматумѣ, предъявленномъ Бельгіи. Эти факты были сочтены у насъ рѣшающими для Англіи.

4-го августа намъ стало извѣстно, что, по полученіи въ Лондонѣ извѣстія о фактическомъ нарушеніи Германіей пограничной съ Бельгіей линіи, великобританское правительство предъявило въ Берлинѣ ультиматумъ; въ немъ было заявлено, что, если Германія не откажется отъ нарушенія нейтралитета Бельгіи, то Англія вынуждена будетъ объявить ей войну. Посылая это требованіе, государственные люди Англіи не могли конечно не быть увѣренными въ томъ, что ультиматумъ будетъ отвергнутъ Берлиномъ, и такимъ образомъ на самомъ дѣлѣ Англія уже въ этотъ день стала передъ неизбѣжностью войны съ Германіей.

«Отнынѣ мы союзники» — такими словами привѣтствовалъ сэръ Эд. Грей нашего Посла въ Лондонѣ при очередномъ съ нимъ свиданіи 4-го августа. Развивая причины, по которымъ Англія рѣшила примкнуть къ воюющимъ противъ Германіи Державамъ, англійскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ указалъ, что его правительство не можетъ допустить произвольнаго нарушенія международныхъ договоровъ, тѣмъ болѣе Державами, ихъ подписавшими, и попрашія независимости малыхъ государствъ. «Россія и Англія», продолжалъ сэръ Грей, «поставлены въ необходимость обратиться къ войнѣ по параллельнымъ причинамъ», намекая этимъ на то, что оба государства стали на защиту нарушенныхъ правъ малыхъ государствъ: Россія — Сербіи и Англія — Бельгіи. — «Въ Англіи вѣрятъ въ святость договоровъ, и если мы», закончилъ свою бесѣду сэръ Грей, «позволимъ ихъ преступить даже тамъ, куда можетъ достигать наша сила, то все Европейское зданіе можетъ рухнуть».

Такимъ образомъ три Державы — Россія, Франція и Англія, многообразнымъ интересамъ коихъ грозила серьезная опасность со стороны новой политики Германской Имперіи, сумѣли, подъ влияніемъ надвигавшейся на нихъ военной опасности, сблизиться и образовать прочное Согласіе, для отстаиванія общими усилиями ихъ собственнаго положенія. Германской дипломатіи не удалось разьединить естественныхъ противниковъ ея политики, и на долю нѣмецкой стратегіи, слишкомъ увѣренной, быть можетъ, въ своихъ силахъ, выпадала трудная задача одновременной борьбы со всѣми тремя названными выше Державами.

Естественными союзниками Державъ Согласія являлись конечно Сербія и Бельгія — двѣ маленькія героическія страны, вынужденныя обстоятельствами испытать на себѣ первые удары Центральныхъ Державъ. Къ Сербіи примкнула и родственная ей Черногорія.

Читатель уже знаетъ, что, несмотря на кровавыя связи и издавна установившееся покровительство Россіи Сербіи, правительства обоихъ названныхъ государствъ не были связаны между собою никакими военными договорными отношеніями. Мысль о заключеніи такого договора отъ времени до времени поднималась, но осуществленія своего не получила изъ опасенія, что подобный актъ можетъ только связать Россію и вовлечь ее въ нежелательные конфликты. Но конечно отсутствіе формальнаго соглашенія ни въ какой мѣрѣ не означало наличія нашего равнодушія. Судьба Сербіи не переставала живѣйшимъ образомъ интересовать Россію, и сербскій народъ могъ быть всегда увѣренъ, что въ трудный моментъ его жизни Россія придетъ къ нему на помощь. Однако, для учета всей международной обстановки, Россіи выгодно было имѣть свободныя руки, не связанныя никакими письменными договорами.

Позиція Италіи оставалась первые дни недостаточно ясной. Официально она входила съ 1889-го года въ Тройственный Союзъ, но уже съ 1906—07 г. связи ея съ Германіей, и особенно Австро-Венгеріей, стали замѣтно ослабѣвать. Такое охлажденіе являлось вполне естественнымъ, если принять во вниманіе, что наиболѣе завѣтныя стремленія итальянскаго народа были направлены именно въ ту сторону, гдѣ они могли встрѣтить существенное препятствіе въ Австріи. Независимо того, Италія по внутреннему положенію страны не могла слѣдовать агрессивной политикѣ Центральныхъ Державъ. Уже въ 1913-мъ году она должна была по этой причинѣ отказаться отъ предлагавшихся ей Австріей активныхъ совмѣстныхъ дѣйствій на Балканахъ. Странѣ нужно было спокойствіе, почему, съ возникновеніемъ обще-европейскаго конфликта государственные дѣятели Италіи предпочитали для нея, по крайней мѣрѣ на первое время, состояніе нейтралитета. Такое намѣреніе итальянскихъ правительственныхъ сферъ, конечно, было не на-руку Германіи. Съ первыхъ же часовъ войны германское правительство, по поступавшимъ къ намъ свѣдѣніямъ, стремилось доказать въ Римѣ, что инициатива открытія враждебныхъ дѣйствій принадлежитъ Франціи и что поэтому Италія, въ силу союзнаго трактата, должна выступить на помощь Германіи. Эта точка зрѣнія была, однако, категорически отвергнута

итальянскимъ правительствомъ, которое внимательно слѣдило за развитіемъ кризиса. Тѣмъ не менѣе, полагая повидимому нецѣлесообразнымъ преждевременный разрывъ со своими давними союзниками, итальянское правительство изъявило готовность обсудить способы оказанія имъ помощи, если предварительно будутъ точно установлены условія этой помощи, отвѣчающія итальянскимъ интересамъ. На той же почвѣ предварительнаго выясненія условій, Италия не отказывалась вступить въ обмѣнъ мнѣній и съ Державами Согласія. Однако, первоначально выдвигавшіяся Италіей требованія, по своей безпредѣльности, не могли служить базой для веденія переговоровъ. Одинъ изъ итальянскихъ дипломатовъ, формулируя условія своей страны русскому коллегѣ, высказалъ, что завершеніе національнаго объединенія Италіи требуетъ присоединенія къ ней, съ одной стороны, графства Ниццы по рѣку Варъ и острова Корсики, съ другой же стороны — Адриатическаго побережья до Истрии включительно. Очевидно, что русское Министерство Иностранныхъ Дѣлъ отвергло самую мысль о возможности выдвиганія такой точки зрѣнія на обсужденіе Державъ Согласія.

Двойственная политика Италіи несомнѣнно указывала на рѣшеніе ея правительства выждать результата, во-первыхъ, ея двухстороннихъ переговоровъ, а во-вторыхъ — дѣйствительнаго хода событій на театрѣ войны. Тѣмъ не менѣе, то обстоятельство, что Италія не отказывалась отъ переговоровъ съ Державами Согласія давало надежду привлечь въ будущемъ это государство на ихъ сторону; этимъ обезпечивались Державамъ Согласія, прежде всего, значительное приращеніе въ живыхъ силахъ на сушѣ, а затѣмъ — возможность воспользоваться итальянскимъ флотомъ, чтобы, при помощи его, нейтрализовать австрійскія морскія силы, выходъ которыхъ изъ Адриатики могъ причинить не мало осложнений.

Къ сожалѣнію, переговоры съ Италіей приняли крайне затяжной характеръ, который оказался къ выгодѣ враждебной намъ стороны; Германцы широко использовали нейтралитетъ Италіи, какъ своего рода отдушину, для связи Центральныхъ Державъ съ внѣшнимъ міромъ.

Что касается Турціи, то едва ли можно было рассчитывать на привлеченіе этого государства въ ряды Державъ Согласія. Мы уже видѣли, что утвержденіе владычества Германіи на ближнемъ и среднемъ востокѣ составляло органическую часть того плана, надъ осуществленіемъ котораго работало правительство Императора Вильгельма въ годы, предшествовавшіе войнѣ. Очевидно, что, при такихъ условіяхъ, Германія должна была озаботиться тѣмъ, чтобы заблаговременно и накрѣпко связать судьбу Турціи съ собою. Эту задачу въ значительной мѣрѣ облегчало то обстоятельство, что, послѣ пораженія Франціи въ 1870-71 г.г. и дипломатической побѣды Бисмарка надъ Россіей на Берлинскомъ конгрессѣ, Германія разматривалась Турціей какъ самое могущественное государство на европейскомъ континентѣ. Къ тому же Константинопольское правительство наканунѣ войны находилось въ рукахъ партіи «Единеніе и Прогрессъ», иначе называвшейся младо-турецкой партіей, которая выросла и вос-

питалась на симпатияхъ къ Германіи. Наибольше энергичные представители этой партіи въ кабинетѣ министровъ — Талаатъ-бей, министръ внутреннихъ дѣлъ, и особенно Энверъ-паша — военный министръ, — являлись, вмѣстѣ съ тѣмъ, непримиримыми ненавистниками Россіи. Наличіе съ конца 1913-го года въ Константинополь германской военной миссіи съ Генераломъ Лиманъ-фонъ-Сандерсомъ во главѣ, по поводу исключительнаго положенія котораго въ рядахъ турецкихъ войскъ русское правительство протестовало безъ всякаго успѣха, ярко свидѣтельствовало о томъ, что между Германіей и Турціей устанавливались болѣе чѣмъ дружественныя отношенія. Тѣмъ не менѣе, благодаря наличію въ турецкомъ правительствѣ болѣе умѣренныхъ элементовъ, особенно въ лицѣ министра финансовъ Джавидъ-бея, у нашихъ дипломатовъ не была потеряна надежда на возможность удержать Турцію въ рамкахъ нейтралитета. Мы, военные, не обобщали себя этими надеждами, но не торопились и упреждать естественный ходъ событій. Вовлеченіе Турціи въ борьбу съ нами должно было вообще значительно усложнить наше положеніе. Враждебное выступленіе Оттоманской Имперіи, будучи связано съ закрытіемъ проливовъ, наносило громадный ущербъ нашей внѣшней торговлѣ и весьма затрудняло разрѣшеніе вопроса о доставкѣ изъ заграницы боевыхъ средствъ и матеріаловъ, которыми наша армія была недостаточно обезпечена. Оставались только пути черезъ Архангельскъ и Дальній Востокъ. Кромѣ того, вооруженныя силы Турціи создавали непосредственную военную угрозу на Черномъ море и на нашихъ южныхъ границахъ. При немедленномъ выступленіи противъ насъ Турціи, такое выступленіе, впрямь до сформированія второочередныхъ и ополченскихъ частей, представляло ту опасность, что могло отвлечь часть нашей полевой арміи отъ главной задачи на западномъ фронтѣ. Вполнѣ очевидно, что предстоявшая война съ Турціей должна была выдвинуть на очередь рядъ жгучихъ политическихъ вопросовъ о судьбѣ проливовъ и будущихъ границахъ Оттоманскихъ владѣній, каковыя вопросы не могли не интересовать Россію самымъ дѣйствительнымъ образомъ. Правильное пониманіе политической обстановки и природы военныхъ явленій должно было намъ подсказывать, что благополучное разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ будетъ зависѣть не отъ непосредственныхъ нашихъ успѣховъ надъ турецкой арміей, а отъ общей побѣды надъ вдохновительницей враждебнаго намъ союза — Германіей и ея ближайшей наперсницей — Австро-Венгріей. Но могли вырисоваться и другія вліятельныя теченія, которыя послужили бы тормазомъ къ сосредоточенію всѣхъ нашихъ вооруженныхъ силъ на западѣ, еслибы война съ Турціей открылась ранѣе полного окончанія такого сосредоточенія противъ Германіи и Австро-Венгріи.

Еще задолго до войны 1914-го года въ нашемъ Министерствѣ Иностраннхъ Дѣлъ былъ поднятъ вопросъ объ усиленіи готовности войскъ Одесскаго военного округа, въ цѣляхъ возможности непосредственнаго воздѣйствія на Турцію. Я былъ убѣжденнымъ противникомъ такого мѣропріятія и доказывалъ, что въ будущемъ война съ Турціей едва ли возможна безъ возникновенія военныхъ осложненій на нашихъ западныхъ границахъ, и потому гораздо цѣлесообраз-

нѣе всѣмъ имѣющіяся у насъ средства направить на усиленіе нашего военнаго положенія противъ Германіи и Австро-Венгрии. Моя точка зрѣнія не была, однако, принята, вслѣдствіе несогласія съ нею бывшаго Начальника Генеральнаго Штаба Генерала Жилинскаго, видимо вѣрившаго въ возможность разрѣшенія интересовавшихъ Россію проблемъ путемъ прямого воздѣйствія на Турцію.

Въ согласіи съ англійскимъ и французскимъ правительствами, нашъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ въ первые же дни войны указалъ М. Н. Гирсу, нашему Послу въ Константинополѣ, на необходимость стремиться къ удержанію Турціи въ состояніи нейтралитета. Чтобы облегчить эту задачу, С. Д. Сазоновъ не встрѣтилъ даже возраженій къ совмѣстному съ Англійей и Франціей заявленію Турецкому правительству, что, подъ условіемъ соблюденія строгаго нейтралитета, всѣ три Державы обязуются уважать неприкосновенность и независимость Турціи. Съ развитіемъ переговоровъ, правительствами тѣхъ же Державъ было выражено согласіе не возражать и противъ отъѣны капитуляцій, на чемъ упорно настаивалъ турецкій кабинетъ, въ лицѣ своего министра финансовъ Джавидъ-бея.

Однако эта уступчивость мало вліяла на рѣшенія турецкаго правительства, находившагося подъ сильнымъ давленіемъ Германіи и повидимому колебавшагося съ открытымъ выступленіемъ лишь въ силу внутреннихъ разногласій по вопросу о времени такового.

По донесенію нашего военнаго агента въ Константинополѣ, Турція уже въ первыхъ числахъ августа приступила къ мобилизаціи своихъ вооруженныхъ силъ. Чтобы оправдать свои военныя приготовленія, ею было выдвинуто противъ Державъ Согласія обвиненіе въ стремленіи создать на Балканахъ блокъ изъ «христіанскихъ» Державъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ извратить, путемъ этого названія, первоначальную цѣль предполагавшагося къ образованію союза Балканскихъ Государствъ. Въ этотъ періодъ времени австрійская политика, въ лицѣ своего представителя въ Константинополѣ маркиза Паллавичини, очень хлопотала о сближеніи Турціи съ Болгаріей на почвѣ сведения старыхъ счетовъ обоихъ этихъ государствъ съ Сербіей; однако турецкіе активисты предпочитали воспользоваться текущими обстоятельствами, чтобы, совмѣстно съ Германіей, нанести ударъ болѣе серьезнымъ противникамъ Турціи — Россіи и Англии. Наблюденіе за событіями и передвиженіями турецкихъ войскъ постепенно выяснило, что турецкая мобилизація имѣетъ въ виду не столько защиту нейтралитета и интересовъ Турціи въ Европейской части ея владѣній, сколько подготовку враждебныхъ дѣйствій противъ насъ, въ направленіи Кавказа, и противъ Англии, въ сторону Египта. Последнее предпріятіе облегчалось тѣмъ обстоятельствомъ, что еще до войны на подступахъ къ Египту и Суэцкому каналу — въ районѣ Палестины — уже значительно утвердилось и процвѣтало вліяніе нѣмцевъ — будущихъ союзниковъ Турціи. Съ теченіемъ времени мы стали располагать свѣдѣніями, удостовѣрившими заключеніе даже формальнаго союза Турціи съ Германіей, при посредствѣ германскаго посла въ Константинополѣ барона Вангенгейма. Какъ бы подтвержденіемъ этихъ свѣдѣній, служилъ

фактъ прибытія въ Константинополь изъ Германіи партій офицеровъ, солдатъ и разнаго рода специалистовъ, подъ видомъ простыхъ рабочихъ. Нашему послу въ Константинополь М. Н. Гирсу, проживавшему въ своей лѣтней резиденціи въ Буюкъ-Дера, на берегу Босфора, довелось даже лично разговаривать съ германскими солдатами артиллеристами, назначенными для обслуживания турецкихъ батарей, защищавшихъ Босфоръ. Очевидно, оборона проливовъ начала постепенно переходить въ германскія руки. Въ Константинополь стали также прибывать разнаго рода военные матеріалы, шедшіе транзитомъ черезъ Румынію и Болгарію.

Наконецъ, 11-го августа у насъ было получено извѣстіе о томъ, что два нѣмецкихъ крейсера «Гебенъ» и «Бреслау», которыхъ объявленіе войны — умышленно или случайно — застигло въ Средиземномъ морѣ, вошли въ Дарданеллы и направились къ Константинополю, гдѣ бросили якорь у входа въ Босфоръ, противъ Буюкъ-Дера. Оба крейсера были отчетливо видны изъ нашей лѣтней посольской резиденціи и М. Н. Гирсу ясно слышны были звуки нѣмецкаго гимна, ежедневно исполнявшагося на борту названныхъ нѣмецкихъ кораблей.

Появленіе послѣднихъ у входа въ Босфоръ было явнымъ нарушеніемъ Германіей нейтралитета Турціи и являлось для насъ фактомъ огромнаго значенія.

Если мы были готовы на большія жертвы, граничація даже съ опасностью вторженія турецкихъ полчищъ на нашу кавказскую территорію, во имя обезпеченія успѣха на главномъ западно-сухопутномъ фронтѣ, то, съ другой стороны, мы должны были проявлять особую заботливость къ тому, чтобы сохранить за собою полное господство нашего военнаго флота на Черномъ морѣ.

Это господство предоставляло намъ возможность безпрепятственнаго снятія всѣхъ сухопутныхъ войскъ съ обширнаго Черноморскаго побережья, поддержанія воднаго сообщенія между различными пунктами такого побережья и оказанія политическаго и военнаго вліянія на всѣ тѣ государства, морекія границы коихъ примыкали къ Черному морю. Самъ по себѣ турецкій флотъ, какъ по своимъ матеріальнымъ качествамъ, такъ и по степени обученности своего личнаго состава, не могъ, конечно, нарушить нашего морского господства тѣмъ болѣе, что въ его составъ не вступили тѣ два новѣйшихъ броненосца, которые были заказаны еще до войны Турціей въ Англии, но не прибыли въ турецкія воды, будучи задержаны на мѣстѣ постройки за открытіемъ военныхъ дѣйствій. Но, съ прибытіемъ въ Босфоръ двухъ нѣмецкихъ крейсеровъ, обладавшихъ превосходными морскими качествами и мощной дальнобойной артиллеріей, обстановка существенно мѣнялась. И хотя наша Черноморская эскадра продолжала себя считать сильнѣе турецкаго флота, усиленнаго нѣмецкими крейсерами, — все же задачи этой эскадры значительно осложнились.

Примѣръ «Гебена» и «Бреслау» могъ подѣйствовать заразительно и на планы австрійскаго военнаго флота. Въ Константинополь, гдѣ прибытіе нѣмецкихъ крейсеровъ вызвало большой подъемъ, упорно поддерживался слухъ о скоромъ

присоединеніи къ турецкому флоту еще двухъ военныхъ судовъ, на сей разъ австрійскихъ, что могло, какъ говорили дипломаты, окончательно вскружить голову турецкому правительству. Нашимъ Морскимъ вѣдомствомъ также не отрицалась возможность попытки со стороны Австріи, при сообществѣ Турціи, направить часть австрійскаго флота въ районъ проливовъ, причемъ въ этомъ случаѣ легко могло осуществиться уже преобладаніе вражескаго флота надъ нашей Черноморской эскадрой. вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе послѣдней затруднялось тѣмъ, что принятіе ею какихъ-либо предупредительныхъ мѣръ противъ появленія этого флота въ Черномъ морѣ, въ непосредственной близости къ Босфору, путемъ, напримѣръ, постановки минныхъ загражденій или выставленія охранныхъ судовъ, являлось для насъ трудно достижимымъ, по отдаленности базъ нашего флота и, во всякомъ случаѣ, могло быть истолковано, какъ актъ, явно враждебный и вызывающій противъ Турціи.

Хотя въ Средиземномъ морѣ и находились союзныя намъ эскадры Франціи и Англіи, но таковыя были заняты обезпеченіемъ морскихъ границъ своихъ собственныхъ владѣній и прикрытіемъ морскихъ перевозокъ французскихъ колониальныхъ войскъ изъ Африки въ метрополию. Въ силу этого, названные флоты принуждены были ограничиться лишь самыми минимальными мѣрами въ отношеніи наблюденія за австрійскимъ флотомъ. И только Италія, выступивъ на сторонѣ Державъ Согласія, могла бы своимъ флотомъ запретить окончательно выходъ австрійскимъ судамъ изъ Адриатики. Но римскій кабинетъ еще не склоненъ былъ къ активному выступленію.

Между тѣмъ водвореніе сильнаго враждебнаго Державамъ Согласія флота вблизи Чернаго моря могло быть очень чувствительнымъ ударомъ не только для Россіи, но и для ея союзниковъ. Появленіе этого флота въ Черномъ морѣ могло бы даже усилить неблагоприятныя Державамъ Согласія теченія въ Румыніи и Болгаріи, правительства коихъ медлили выявленіемъ своихъ намѣреній.

Въ виду прихода въ Константинополь «Гебена» и «Бреслау», Послы Державъ Согласія выразили Портѣ протестъ противъ нарушенія нейтралитета нѣмецкими военными судами и требовали удаленія или немедленнаго разоруженія этихъ судовъ. Но оттоманское правительство выдвинуло противъ этого протеста возраженіе, что прибывшіе въ турецкія воды германскіе крейсера приобрѣтены Турціей въ собственность. Несомнѣнно, что продажа эта была фиктивной, но маневръ турецкихъ правителей ослаблялъ и осложнялъ позицію представителей Державъ Согласія. По имѣвшимся донесеніямъ, Начальникъ французскаго морскаго Генеральнаго Штаба высказывался даже въ томъ смыслѣ, что, послѣ заявленія турецкаго правительства о покупкѣ германскихъ крейсеровъ, мы принимаемъ всякую почву для протеста, такъ какъ никто не можетъ воспретить воюющей сторонѣ добровольно себя ослаблять. Въ виду этого оставалось только настаивать, чтобы Турціей были выполнены естественныя послѣдствія таковой купли-продажи, т. е. чтобы весь нѣмецкій экипажъ былъ снятъ съ судовъ и, хотя бы противно международному праву, отправленъ обратно въ Германію. Эти условія, очевидно, сводили опасность отъ усиленія турецкаго флота двумя

новыми боевыми единицами до минимума. Но на новыя представленія, сдѣланныя въ соотвѣтствіи съ изложеннымъ, оттоманское правительство коварно отвѣтило, что не можетъ смѣнить нѣмецкія команды на корабляхъ, такъ какъ лучшая часть турецкаго личнаго состава, будучи командирована въ Англію для привода заказанныхъ броненосцевъ, тамъ задержана. Въ концѣ концовъ нѣмецкій флагъ на крейсерахъ былъ все же замѣненъ турецкимъ, названія крейсеровъ измѣнены и нѣмецкія команды, оставаясь на судахъ, смѣнили свои головные уборы на фески. Такими виѣшними мѣрами и закончился этотъ своеобразный маскарадъ, разыгранный германскимъ и турецкимъ правительствами. Не желая ускорять разрывъ, Державы Согласія вынуждены были примириться съ такимъ положеніемъ дѣла.

Выявленіе позиціи остальныхъ Балканскихъ государствъ — Румыніи, Болгаріи и Греціи — и естественное стремленіе спаять ихъ вмѣстѣ съ Сербіей въ одинъ общій союзъ потребовали отъ Державъ Согласія очень сложной и трудной дипломатической работы. Россія неизмѣнно вела на Балканахъ примирительную между вѣми названными государствами политику, но въ годы, предшествующіе войнѣ, встрѣчала серьезный противовѣсъ въ Германіи, Австро-Венгріи и отчасти Италіи. Эти Державы, и особенно Австро-Венгрія, искали случая перессорить мелкія Балканскія государства, въ цѣляхъ созданія повода для вмѣшательства въ ихъ дѣла. Такой политикѣ Державъ Тройственного Союза въ большой степени помогало то обстоятельство, что интересы Балканскихъ государствъ были перемѣнены настолько, что провести правильныя и справедливыя грани между ними было задачей едва ли разрѣшимой вообще. Тѣмъ не менѣе, съ началомъ войны 1914-го года, у Державъ Согласія явилась нѣкоторая надежда, что, передъ общою опасностью водворенія и укрѣпленія на Балканахъ германскаго вліянія, смолкнутъ мѣстные споры и сгладятся взаимныя разногласія, разъединявшія Балканскіе народы. Слѣдуя этой надеждѣ, всѣ правительства Державъ Согласія почти одновременно заговорили о крайней желательности воссозданія Балканскаго блока. Известно, что подобный блокъ изъ Сербіи, Болгаріи и Греціи возникъ въ 1912-мъ году на почвѣ общей борьбы этихъ государствъ съ Турціей изъ-за Македонскаго вопроса. Къ сожалѣнію, блокъ этотъ просуществовалъ недолго и распался послѣ печальнаго нападенія болгаръ, по приказу короля Фердинанда, въ ночь на 30 іюня 1913-го года, на ихъ недавнихъ союзниковъ. Нападеніе это, какъ известно, повело за собою весьма тяжкія послѣдствія для Болгаріи. Противъ ея политики ополчились не только Сербія и Греція, но Турція и Румынія. Оставленная вѣми, Болгарія должна была подписать 10-го августа того же года въ Букарестѣ унижательный миръ, которымъ болгарскій народъ заплатилъ за предательскую политику чуждаго ему по крови нѣмецкаго принца. Нынѣ, стремясь къ созданію болѣе широкаго блока, приобщеніемъ къ нему и Румыніи, Державы Согласія преслѣдовали задачу направлення части силъ этого блока, въ лицѣ Сербіи и Румыніи, противъ Австріи, и противопоставленія другой его части — въ составѣ Болгаріи и Греціи — Турціи, на случай проявленія послѣдней враждебныхъ

настроений. Совмѣстныя усилія Сербіи и Румыніи противъ Австріи могли конечно освободить часть нашихъ силъ на Галицкомъ фронтѣ и тѣмъ способствовать усилению нашего военного положенія противъ Германіи, несомнѣнно выгодному для общихъ интересовъ союза; угроза же греческихъ и болгарскихъ войскъ Турціи, быть можетъ, могла бы еще удержать послѣднюю отъ враждебнаго выступленія на сторону Центральныхъ Державъ.

Однако, осуществленіе упомянутаго блока встрѣтилось съ весьма большими трудностями. Каждый членъ намѣчавшагося союза стремился прежде всего, и возможно полнѣе, осуществить собственныя пожеланія, хотя бы за счетъ своихъ сосѣдей. Независимо того, дипломатамъ Согласія пришлось встрѣтиться съ разрушавшей ихъ усилія политической работой Центральныхъ Державъ, стремившихся создать, взамѣнъ Балканскаго блока, Турецко-Болгарско-Румынскій фронтъ, враждебный Державамъ Согласія. Наконецъ, родственныя связи и личныя симпатіи тѣхъ, кто занималъ троны Балканскихъ государствъ, отклоняли также нерѣдко, и въ значительной мѣрѣ, политику этихъ государствъ отъ національныхъ путей.

Въ центрѣ всѣхъ затрудненій несомнѣнно стояла Болгарія. Съ 1902-го года она была связана военнымъ соглашеніемъ съ Россіей, явившимся отвѣтомъ на соглашеніе Австріи съ Румыніей. Однако, протекшее съ момента заключенія этого акта время и измѣнившаяся политическая атмосфера фактически аннулировали соглашеніе. Съ одной стороны, Румынія значительно измѣнила свое враждебное отношеніе къ Россіи и даже искала путей сближенія съ нею; съ другой стороны, Болгарія, руководимая въ своей виѣшней политикѣ королемъ Фердинандомъ, посаженнымъ на престолъ влияніемъ Центральныхъ Державъ, все болѣе и болѣе стала удаляться отъ совѣтовъ Россіи и уклоняться въ сторону сближенія съ Державами Тройственнаго Союза. Это сближеніе стало особенно отчетливымъ послѣ упоминавшагося уже несчастнаго нападенія Болгаріи на ея бывшихъ союзниковъ въ 1913-мъ году. Униженная, оскорбленная и уменьшенная въ своихъ размѣрахъ Бухарестскимъ договоромъ, Болгарія рѣшила искать случая для своего возрожденія, но путь, избранный ея правителями, оказался и на этотъ разъ гибельнымъ для болгарскаго народа. Правительство короля Фердинанда поставило себя задачей войти въ сепаратное соглашеніе съ Турціей, что должно было развязать ему руки для задуманнаго въ будущемъ реванша; одновременно же оно, черезъ Австро-Венгрію, старалось найти связи съ Германіей, которая казалась упомянутому выше Болгарскому правительству непобѣдимой. Такая политика болгарскаго правительства была какъ нельзя болѣе на-руку Германіи; Императоръ Вильгельмъ не могъ не оцѣнивать географическаго положенія Болгаріи, лежащей на пути осуществленія ближневосточной проблемы — Берлинъ-Константинополь-Багдадъ. Съ военной же точки зрѣнія, включеніе Болгаріи въ союзъ Центральныхъ Державъ обезпечивало послѣднему непосредственную связь съ Турціей, а выступленіе болгарской арміи противъ Сербіи должно было способствовать захватнымъ стремленіямъ Австро-Венгрии и попутно облегчать Двудеиной Имперіи ея борьбу противъ Россіи.

Чтобы вырвать, при такихъ условіяхъ, Болгарію изъ рукъ Центральныхъ Державъ, надо было сдѣлать попытку очень широкаго удовлетворенія народныхъ пожеланій этой заведенной въ тупикъ страны. Необходимо было не только обезпечить Болгаріи расширеніе за счетъ Турціи, но и рѣшиться на рядъ тяжелыхъ жертвъ въ ея пользу со стороны окружавшихъ ее сосѣдей. Уступки эти должны были выразиться въ отторженіи въ пользу Болгаріи: отъ Сербіи значительной части Македоніи, отъ Румыніи — южной части Добруджи, отъ Греціи — Каваллы съ Сересомъ и Драмой. Очевидно, что, взамѣнъ этихъ уступокъ, приходилось искать соответственныхъ компенсацій: для Румыніи въ сторону Трансильваніи и Буковины, для Сербіи — въ сторону Адриатики и отчасти Албаніи, для Греціи — въ сторону Эпира и острововъ. Къ сожалѣнію, эти направленія затрагивали, въ нѣкоторой части, уже интересы Великихъ Державъ Согласія и Италіи. Но стержнемъ всѣхъ затрудненій являлось то обстоятельство, что всѣ три сосѣднія съ Болгаріей государства — Сербія, Румынія и Греція, особенно первая, должны были идти на уступку принадлежавшихъ имъ «фактически» территорій, владѣніе коими являлось къ тому же отчасти вопросомъ ихъ національной гордости; взамѣнъ же этихъ территорій, имъ предлагались компенсаціи, въ видѣ пріобрѣтеній въ результатѣ успѣховъ только что начавшейся войны. Условія — далеко не равныя, и потому не удивительно, что принятіе таковыхъ условій встрѣчало уклончивое отношеніе со стороны правительствъ всѣхъ трехъ Балканскихъ государствъ. По донесеніямъ нѣкоторыхъ нашихъ дипломатическихъ представителей, дѣло обстояло такъ, что всякое правительство, которое пошло бы въ ту минуту на сколько-нибудь значительныя территоріальныя уступки въ пользу Болгаріи, не могло бы даже удержаться у власти. Въ наиболѣе трудномъ положеніи оказывалась, конечно, Сербія, какъ государство, на защиту котораго стали Державы Согласія и которому непосредственно угрожало нападеніе Болгаріи съ тыла. Но и его правительству, во главѣ котораго стоялъ г. Пашичъ, повидимому можно было только навязать намѣченные уступки въ пользу Болгаріи. Что же касается Греціи и Румыніи, то эти государства не проявляли никакой склонности къ жертвамъ и предпочитали активному выступленію политику пассивнаго выжиданія; это давало имъ возможность опредѣлить свои дѣйствія въ будущемъ, въ зависимости отъ дѣйствительнаго успѣха сторонъ на театрѣ войны.

Въ частности, Румынія, какъ уже было отмѣчено, еще съ 1900-го года была связана военнымъ соглашеніемъ съ Австро-Венгеріей, направленнымъ противъ Россіи и Болгаріи. Однако, мы уже знаемъ, что съ теченіемъ времени государственные люди Румыніи, оказавшіеся у власти, стали тяготиться своими связями съ Центральными Державами и проявлять склонность къ сближенію съ Державами Согласія. Вліяніе Германіи оставалось все же весьма сильнымъ въ этой странѣ — при дворѣ и въ нѣкоторыхъ общественныхъ группировкахъ. Борьба двухъ противоположныхъ теченій и стремленіе детально выяснить реальныя выгоды отъ принятія того или иного окончательнаго рѣшенія долго не позволяли Румыніи выйти изъ состоянія выжиданія. Что касается Державъ Согласія, то онѣ

имѣли даже много случаевъ для предъявленія Румыніи обвиненій въ нарушеніи ею нейтралитета въ пользу враждебнаго имъ союза, такъ какъ румынское правительство допускало довольно свободно провозъ военныхъ матеріаловъ и нужныхъ для военныхъ цѣлей специалистовъ изъ Германіи въ Турцію.

Въ отношеніи Греціи Державы Согласія имѣли основаніе пребывать довольно долго въ убѣжденіи, что стоявшее у власти правительство г. Венизелоса сумѣетъ убѣдить короля Константина дать согласіе на активное выступленіе страны на сторонѣ названныхъ Державъ. Въ срединѣ августа Предсѣдатель греческаго Совѣта Министровъ далъ официальное завѣреніе нашему Посланнику въ Афинахъ, что правительство, въ полномъ согласіи съ Королемъ, при первомъ обращеніи къ нему готово къ такому выступленію и что моментъ выступления будетъ вполне зависѣть отъ Великихъ Державъ. Однако, въ нашемъ распоряженіи имѣлись и другія данныя, свидѣтельствовавшія, что родственныя связи Короля съ Германскимъ Дворомъ перетягиваютъ его симпатію въ другую сторону. Съ теченіемъ времени, германское вліяніе при греческомъ Дворѣ стало укрѣпляться настолько, что возможность видѣть Грецію нашей союзницей становилась все болѣе проблематичной. Эти сомнѣнія вполне подтвердились дальнѣйшими событіями.

Въ концѣ концовъ, всѣ изложенныя обстоятельства привели дипломатовъ Согласія къ заключенію, что созданіе единаго Балканскаго блока является задачей недостижимой. Выводъ этотъ вынудилъ названныхъ дипломатовъ перейти на другіе пути, о коихъ я упомяну въ своемъ мѣстѣ, но которые, однако, также не дали благоприятныхъ результатовъ.

Чтобы покончить съ группировкой Европейскихъ Державъ къ началу войны, остается сказать еще нѣсколько словъ о Швеціи, какъ ближайшей сосѣдкѣ Россіи. Ея географическое положеніе, связи съ Германіей, вліяніе шведской партіи въ Финляндіи и наличіе у шведовъ, хотя небольшой, но хорошо организованной арміи и довольно сильнаго флота, приспособленнаго къ дѣйствіямъ въ прибрежныхъ водахъ, создавали для Россіи вполне реальную угрозу. Хотя шведскій народъ, въ его цѣломъ, и не желалъ войны, но дворъ, военная партія, аристократія и нѣкоторыя націоналистически настроенныя политическія партіи, имѣли къ ней замѣтное тяготѣніе. Представитель шведской арміи въ Петербургѣ еще задолго до войны ярко подчеркивалъ свои близкія отношенія съ военнымъ агентомъ Германіи и симпатіи къ послѣдней. Намъ было документально извѣстно, что въ періодъ развитія конфликта, приведшаго къ войнѣ, Германія упорно стремилась привлечь Швецію на свою сторону, рассчитывая на ея симпатіи къ себѣ. Съ этими данными Россіи приходилось считаться, особенно въ начальный періодъ войны, пока еще не вполне обрисовалась обстановка. Чтобы избѣжать осложненій со Швеціей, Державамъ Согласія приходилось, нерѣдко во вредъ себѣ, проявлять крайне внимательное и даже снисходительное отношеніе къ шведскимъ торговымъ интересамъ. Такой способъ дѣйствій считался почти единственнымъ, чтобы удержать Швецію въ положеніи нейтральной страны. Какъ ни важно было полное изолированіе Германіи съ сѣвера, прихо-

дилось смотрѣть сквозь пальцы на ростъ шведской торговли и мириться съ тѣмъ, что Швеція служила посредницей въ сношеніяхъ Германіи съ внѣшнимъ міромъ. Возможно, что такое отношеніе Державъ Согласія къ шведской торговлѣ въ концѣ концовъ даже устранило дальнѣйшія попытки Германіи къ вовлеченію Швеціи въ войну, такъ какъ, въ случаѣ возникновенія таковой, для нѣмцевъ закрывалась бы одинъ изъ главнѣйшихъ путей, служившихъ имъ для полученія извнѣ необходимыхъ продуктовъ и матеріаловъ.

Весьма крупнымъ для насъ факторомъ являлся разрывъ Японіи съ Германіей, послѣдовавшій во второй половинѣ августа. Какъ извѣстно, наша Дальневосточная сосѣдка была связана договорными отношеніями съ Англіей. Поэтому, послѣ присоединенія таковой къ Франціи и Россіи, благожелательное отношеніе Японіи къ Державамъ Согласія являлось обезпеченнымъ. Но Японія имѣла и непосредственный интересъ принять участіе въ войнѣ. Это государство, уже много лѣтъ страдавшее отъ переизбытка населенія, должно было видѣть въ развитіи своей промышленности и внѣшней торговли на Тихомъ океанѣ одинъ изъ наиболѣе существенныхъ выходовъ изъ своего тяжелаго положенія. Поэтому, для Японіи представлялось чрезвычайно выгоднымъ воспользоваться предстоявшей войной, чтобы вытѣснить изъ Китая и вообще сферы Тихаго океана Германію, какъ одну изъ своихъ серьезныхъ соперницъ, влияние которой на востокѣ росло съ каждымъ годомъ. Дальнѣйшая попытка къ установленію болѣе тѣсной политической связи, путемъ заключенія тройнаго Русско-Англо-Японскаго соглашенія, на основѣ охраны правъ договаривавшихся сторонъ въ Азіи, не была, однако, доведена до конца. Тѣмъ не менѣе, Россія, съ выступленіемъ Японіи противъ Германіи, приобрѣтала увѣренность въ своей безопасности на Дальнемъ Востокѣ и потому имѣла возможность въ свои силы, тамъ находившіяся, привлечь къ борьбѣ на западномъ фронтѣ. Кромѣ того Россія приобрѣтала возможность размѣщенія части своихъ военныхъ заказовъ въ Японіи, что являлось также большимъ плюсомъ для нашей арміи, очень нуждавшейся въ притокѣ къ ней боевыхъ матеріаловъ. Наконецъ Японія снабдила насъ нѣкоторымъ количествомъ тяжелой артиллеріи, хотя и устарѣвшихъ образцовъ.

19-го августа японскій повѣренный въ дѣлахъ въ Берлинѣ вручилъ германскому Министру Иностранныхъ Дѣлъ ноту, въ которой, ссылаясь на англо-японскій союзъ, правительство Микадо требовало удаленія или разоруженія германскихъ судовъ, находившихся въ японскихъ и китайскихъ водахъ, и предоставленія японскимъ властямъ, безъ всякихъ условій, территоріи Кіао-Чоу. Требования эти мотивировались необходимостью для Японіи принять всѣ мѣры къ устраненію причинъ, могущихъ нарушить миръ на Дальнемъ Востокѣ. Въ отвѣтъ на этотъ ультиматумъ, срокъ котораго былъ ограниченъ четырьмя сутками, германское правительство отвѣтило 23-го августа отозваніемъ своего Посланника изъ Токио и врученіемъ паспортовъ японскому повѣренному въ Берлинѣ.

Этимъ актомъ Германія оказалась въ войнѣ съ Японіей.

Сводя все изложенное, слѣдуетъ, въ конечномъ выводѣ, признать, что война началась для насъ при крайне благоприятной политической обстановкѣ. На сторону Россіи и ея основной союзницы — Франціи съ первыхъ же дней войны оказались Англія, Японія, Сербія, Черногорія и Бельгія; Германія же не только никого не привлекла вновь, но даже растеряла своихъ бывшихъ союзниковъ — Италію и Румынію, которыя предпочли отойти отъ прежнихъ связей для выжиданія. — Такое положеніе нашихъ противниковъ явилось результатомъ или дурной ихъ политики, или переоцѣнки собственныхъ силъ; вѣрнѣе же, того и другого вмѣстѣ.

Чтобы тѣснѣе спаять соглашеніе, правительствами Англіи, Франціи и Россіи былъ заключенъ договоръ, въ силу котораго договаривавшіяся Державы обязывались другъ передъ другомъ не заключать сепаратнаго мира съ ихъ противниками; при наступленіи же времени для заключенія общаго мира, — не предъявлять никакихъ условий, безъ предварительнаго согласія на эти условія всѣхъ остальныхъ союзныхъ Державъ, принявшихъ участіе въ договорѣ.

ГЛАВА IV.

Наше стратегическое развертываніе и идеи, положенныя въ основу его. — Планы „А“ и „Г“. — Периодическія совѣщанія начальниковъ генеральныхъ штабовъ Россіи и Франціи. — Военная игра старшихъ войсковыхъ начальниковъ въ г. Кіевѣ, въ апрѣлѣ 1914-го года.

Основныя положенія военной конвенціи, заключенной въ 1892-мъ году между Россіей и Франціей на случай нападенія на нихъ Державъ Тройственного Союза во главѣ съ Германіей, подвергались впоследствии неоднократно обсужденію въ особыхъ совѣщаніяхъ Начальниковъ Генеральныхъ Штабовъ обоихъ союзныхъ государствъ. Совѣщанія эти, вначалѣ рѣдкія, съ 1910-го года приобрѣли характеръ ежегодный и происходили то въ Парижѣ, то въ Петербургѣ. Они носили строго секретный характеръ. — Съ русской стороны въ нихъ принималъ участіе только одинъ Начальникъ Генеральнаго Штаба; со стороны французовъ, кромѣ Начальника Генеральнаго Штаба, изрѣдка приглашались его ближайшіе сотрудники. Составленіе протоколовъ поручалось или нашему военному агенту въ Парижѣ, или же французскому военному аташе въ Петербургѣ, влѣдствіе чего лица эти приглашались къ присутствованію въ засѣданіяхъ совѣщанія, въ качествѣ дѣлопроизводителей. Надо сказать откровенно, что при той калейдоскопической смѣнѣ Начальниковъ Генеральныхъ Штабовъ, которая происходила не только у насъ, но и во Франціи, составъ совѣщаній не въ достаточной степени гарантировалъ полноту и глубину изслѣдованія тѣхъ вопросовъ, кои ставились на его обсужденіе. Впрочемъ, коренныхъ измѣненій въ конвенцію упомянутыми совѣщаніями почти не вносилось, и вопросы, подлежащіе обсужденію, касались преимущественно порядка «выполненія» первоначальныхъ операцій, или имѣли характеръ технической, какъ, напримѣръ,

обезпеченіе связи, желѣзнодорожное строительство въ Россіи и т. д. Съ сожалѣніемъ приходится отмѣтить, что на этихъ совѣщаніяхъ ни разу не былъ поднимаемъ вопросъ о совмѣстной разработкѣ общаго плана войны, и насколько мнѣ извѣстно, предположенія сторонъ о веденіи войны не ставились никогда, въ цѣломъ, на свободное обсужденіе представителей союзныхъ государствъ. Равнымъ образомъ никогда не былъ не только обсужденъ, но даже затронутъ вопросъ о единствѣ командованія, или хотя бы только о способахъ согласованія военныхъ операций въ періодъ самой войны. Такимъ образомъ огромной важности, хотя и крайне деликатный во всякаго рода военныхъ коалиціяхъ вопросъ о единствѣ управленія, единствѣ направляющей воли — оставался не урегулированнымъ и потому таившимъ въ себѣ зародыши неизбѣжной слабости и несогласованности будущихъ дѣйствій.

Результатомъ такого положенія дѣлъ было то, что надвинувшаяся война Державъ Согласія съ Центральными Державами велась почти вполне самостоятельно на трехъ фронтахъ: западномъ — французскомъ, восточномъ — русскомъ и южномъ — сербскомъ. Впослѣдствіи, образовались еще другіе самостоятельные фронты, напримѣръ — съ присоединеніемъ къ Державамъ Согласія Италіи — итальянскій. Сепаратное или автономное начало, столь вредное въ военномъ дѣлѣ, вполнѣ вошло въ область военнаго управленія вооруженными силами Державъ Согласія, впрочемъ, еще глубже, чѣмъ то отмѣчено выше, и мы могли, напримѣръ, наблюдать на западномъ французскомъ фронтѣ присутствіе англійской арміи, Командующему которой были даны опредѣленные директивы его правительствомъ — никогда, ни въ какомъ случаѣ и ни въ какомъ смыслѣ не входятъ въ подчиненіе генералу союзной арміи.

На первыхъ же совѣщаніяхъ начальниковъ генеральныхъ Штабовъ было признано обѣими сторонами съ полной опредѣленностью, что въ будущемъ столкновеніи главнымъ противникомъ надлежитъ считать Германію, противъ которой и долженъ быть поэтому проявленъ союзниками максимумъ военныхъ усилій. При этомъ подтверждалось, что выраженіе «оборонительная война», во имя которой была заключена военная конвенція, не должно пониматься въ томъ смыслѣ, что союзники должны держаться оборонительнаго образа дѣйствій. Напротивъ, неоднократно подчеркивалась безусловная необходимость какъ для французской, такъ и для русской арій энергическихъ и, по возможности, одновременныхъ наступательныхъ дѣйствій.

Согласно основнымъ положеній заключенной конвенціи, союзники должны были выставить противъ Германіи арміи опредѣленной численности силы; для Франціи эта сила была опредѣлена цифрою отъ 1.200/т. до 1.300/т. и для Россіи отъ 700/т. до 800/т. человекъ. При этомъ обѣими сторонами было принято за основаніе, что наиболѣе вѣроятнымъ должно считаться предположеніе о направленіи Германіей большей части ея войскъ, съ началомъ войны, противъ Франціи и что рѣшительныя дѣйствія противъ Россіи явятся лишь послѣдующимъ актомъ, въ результатъ успѣха надъ Франціей. Исходя изъ такого предположенія, къ пожеланіямъ Франціи, формулировавшимся на совѣщаніяхъ На-

чальниками Французскаго Генеральнаго Штаба, представители русской стороны относились съ большимъ вниманіемъ и неизмѣнной отзывчивостью, какъ къ сторонѣ, долженствовавшей выдержать первый, наиболѣе грозный ударъ общаго врага. Въ сущности на совѣщаніяхъ дѣло сводилось почти къ тому, что Франція предъявляла свои пожеланія, Россія же выясняла степень возможности и способы ихъ удовлетворенія. Несомнѣнно, что такое положеніе въ значительной мѣрѣ должно было сковывать нашу стратегию и свободное распоряженіе собственными силами въ начальный періодъ войны.

Веѣ Начальники Французскаго Генеральнаго Штаба, послѣдовательно смѣнявшіе другъ друга, предъявляли на совѣщаніяхъ нашимъ представителямъ неизмѣнное требованіе, сводившееся къ принятію нами наступательнаго образа дѣйствій противъ Германіи, притомъ осуществляемаго возможно большими силами и, главное, въ кратчайшій срокъ. Становясь на точку зрѣнія Франціи и даже интересовъ союза, въ его цѣломъ, нельзя было отказать этому требованію въ цѣлесообразности. Дѣйствительно, только такимъ способомъ, отвѣчавшимъ природѣ дѣйствій противъ Германіи по наружнымъ операціоннымъ линіямъ и угрожавшимъ неприкосновенности нѣмецкой территоріи, возможно было рассчитывать приковать къ восточнымъ границамъ этой Имперіи болѣе или менѣе значительныя силы послѣдней и тѣмъ обезпечить Франціи, при ея столкновеніи съ главною массою общаго врага, наиболѣе выгодное для нея численное соотношеніе. Съ другой стороны, вопліѣ логическимъ являлось стремленіе противопоставить «послѣдовательнымъ» ударамъ Германіи, занимавшей внутреннее положеніе, «одновременныя» и хорошо согласованныя контръ-дѣйствія союзниковъ съ обоихъ противоположныхъ фронтовъ: восточнаго-французскаго и западнаго-русскаго. Но такой способъ дѣйствій могъ быть принятъ нами къ исполненію лишь ставъ на путь большихъ жертвъ и самоотверженія.

Я уже отмѣтилъ, что, несмотря на мою близкую прикосновенность къ оперативнымъ дѣламъ, мнѣ не приходилось слышать, чтобы на совѣщаніяхъ Начальниковъ Генеральныхъ Штабовъ союзныхъ Державъ подвергался обсужденію вопросъ о совмѣстной разработкѣ общаго плана. Едва-ли поэтому когда либо ставился въ совѣщаніяхъ и вопросъ о наилучшемъ способѣ встрѣчи французскими вооруженными силами удара, подготовлявшагося противъ нихъ Германіей. Повидимому, этотъ послѣдній вопросъ считался не составною частью общаго плана, каковымъ онъ долженъ бы быть по существу, а исключительно дѣломъ нашего союзника. Возможно, что поэтому на совѣщаніяхъ и не высказывалось никогда съ нашей стороны сомнѣній въ цѣлесообразности, съ общей точки зрѣнія, того плана рѣшительнаго наступленія съ фронта Бельфоръ-Лонгви, которымъ французы предполагали не только парировать ударъ нѣмцевъ, но даже вырвать инициативу дѣйствій изъ ихъ рукъ. Планъ этотъ, какъ извѣстно, смѣнили болѣе осторожныя предположенія Французскаго Генеральнаго Штаба, существовавшія включительно до 1911-го года.

Зато вопросъ о порядкѣ осуществленія, съ началомъ войны, нашего наступленія въ предѣлы Германіи занимать всегда центральное мѣсто въ про-

граммъ совѣщаній и привлекалъ къ себѣ наибольшее вниманіе нашихъ союзниковъ. Опредѣляя силы, долженствовавшія быть выставленными Россіей противъ Германіи въ 700—800/т. человекъ, военная конвенція умалчивала, однако, о томъ, кого собственно слѣдуетъ подразумѣвать въ этой суммѣ: общію ли численность войскъ, подлежащихъ сосредоточенію на границѣ съ Германіей, или только боевой ихъ составъ; не имѣлось также никакихъ указаній и о срокахъ сосредоточенія этой массы войскъ; поэтому Русскій Генеральный Штабъ всегда понималъ приведенную цифру, какъ опредѣляющую общую численность тѣхъ войскъ, которыя должны быть выставлены Россіей противъ Германіи ко времени окончанія сосредоточенія къ западнымъ границамъ всѣхъ рѣшительно силъ Имперіи.

По отношенію къ вопросу о численности войскъ, могущихъ быть выдѣленными «въ первую очередь» для первоначальныхъ дѣйствій противъ Германіи, Начальники Русскаго Генеральнаго Штаба постоянно указывали на все возрастающія вооруженія Австро-Венгрии и готовность ея арміи, изъ которыхъ вытекала для насъ необходимость прежде всего и самымъ рѣшительнымъ образомъ парировать опасность, угрожающую намъ со стороны послѣдней Державы. Мысль эта прививалась, однако, нашимъ союзникамъ съ большимъ трудомъ. Намъ неизмѣнно возражали, что побѣда надъ главнымъ противникомъ — Германіей — устранить все остальные опасности.

Наиболѣе опредѣленно остановился на вопросѣ о числѣ нашихъ войскъ, которое французскіе военные представители желали бы видѣть назначеннымъ въ первую очередь для дѣйствій противъ Германіи, Начальникъ Французскаго Генеральнаго Штаба Генераль Дюбайль на совѣщаніи, происходившемъ въ августѣ 1911-го года въ Красномъ Селѣ. Генераль Дюбайль заявилъ, что онъ будетъ считать себя вполне удовлетвореннымъ въ случаѣ, если наше наступленіе противъ Германіи состоится съ такими силами, которыя будутъ способны приковать къ себѣ отъ 5-ти до 6-ти германскихъ корпусовъ на Восточно-Прусской границѣ.

Что касается направленія нашего удара, то французы постоянно подчеркивали необходимость наступленія вглубь непріятельской страны для пораженія жизненныхъ центровъ Германіи. На двухъ послѣднихъ передъ войной совѣщаніяхъ, происходившихъ въ 1912-мъ и 1913-мъ годахъ, Начальникъ Французскаго Генеральнаго Штаба, Генераль, нынѣ Маршалъ, Жоффръ высказывался о желательности занятія нашими вооруженными силами такого исходнаго положенія, при которомъ возможно было бы развить рѣшительное наступленіе съ юга на Алленштейнъ, въ случаѣ сосредоточенія нѣмцевъ въ Восточной Пруссіи, или — еще лучше — по лѣвому берегу р. Вислы на Берлинъ, если бы нѣмцы развернули противъ насъ силы въ районѣ Торнъ-Познань.

Наконецъ, по вопросу о начальномъ срокѣ нашего наступленія наши представители на совѣщаніяхъ указывали, что условіе его «одновременности» съ наступленіемъ французовъ, вслѣдствіе недостаточной быстроты мобилизаціи и сосредоточенія русской арміи къ границамъ, является для насъ условіемъ со-

вершено невыполнимымъ. На послѣднемъ совѣщаніи 1913-го года Генераль Жоффри, указавъ, что силы, выставляемыя Франціей, будутъ превосходить на 200/т. человекъ цифру, предусмотрѣнную конвенціей, сдѣлалъ заявленіе, что сосредоточеніе французской арміи на сѣверо-восточной границѣ будетъ закончено, въ большей своей части, на 10-ый день мобилизаціи, и что наступленіе этой группы войскъ начнется на слѣдующій день, съ утра. Несмотря на безспорные успѣхи, сдѣланные нами въ послѣдніе годы передъ войной въ области мобилизаціи и сосредоточенія, мы не могли, однако, считать себя готовыми къ боевымъ дѣйствіямъ въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ, къ указанному выше времени готовности французской арміи. Наши союзники, впрочемъ, это понимали и потому отмѣчали на совѣщаніяхъ, лишь въ качествѣ руководящаго начала, что значеніе нашего наступленія будетъ для нихъ возрастать въ мѣрѣ ускоренія такового.

Чтобы содѣйствовать ускоренію нашего наступленія противъ Германіи, наша союзница Франція открыла у себя для нашего правительства широкій кредитъ на постройку желѣзнодорожныхъ линій стратегическаго значенія. Эта финансовая помощь, нами въ свое время широко использованная, и отъ которой мы не отказывались и на будущее время, накладывала на свободное творчество отечественной стратегіи еще дѣйствительнѣе свою тяжелую руку. Рука эта чувствовалась на протяженіи всего періода существованія нашихъ союзныхъ отношеній съ Франціей, и отъ ея давящаго вліянія не могъ освободиться ни одинъ изъ руководителей Русскаго Генеральнаго Штаба. Въ этомъ отношеніи не представлялъ исключенія ни Генераль Обручевъ, пытавшійся при самомъ заключеніи конвенціи отстаивать свободу распредѣленія нашихъ силъ, ни Генераль Палицынъ, о которомъ сохраняется память, какъ о Начальникѣ Генеральнаго Штаба, послѣ Генерала Обручева, болѣе другихъ независимомъ и много поработавшемъ въ области отечественной стратегіи. Между тѣмъ періодъ пребыванія послѣдняго въ должности Начальника Генеральнаго Штаба (1905—1908) былъ для этого наиболѣе удобнымъ временемъ. Дѣйствительно, періодъ этотъ непосредственно примыкалъ къ неудачно для насъ закончившейся японской войнѣ, послѣ которой сокращеніе нашихъ западныхъ друзей — французъ — явленіемъ вполне понятнымъ и легко объяснимымъ. — Постепенно, однако, наша боевая готовность стала подниматься, и уже на томъ же послѣднемъ передъ войной совѣщаніи 1913-го года, о которомъ упомянуто выше, бывший въ то время Начальникомъ Русскаго Генеральнаго Штаба Генераль Жилинскій, — впоследствии Главнокомандующій войсками, предназначавшимися для дѣйствій противъ Германіи, — заявилъ Генералу Жоффри, что сосредоточеніе русскихъ войскъ противъ Германіи можетъ быть закончено, въ главныхъ чертахъ, къ 15-му дню мобилизаціи и что наступленіе этой группы войскъ начнется тотчасъ же послѣ этого дня. Несомнѣнно, что при указаніи начальнаго срока возможнаго наступленія нашихъ армій надлежало считать его приуроченнымъ къ той географической линіи, которой опредѣлялся фронтъ нашего

стратегическаго развертыванія; послѣдній же естественно долженъ былъ быть поданъ, въ цѣляхъ безопасности, нѣсколько вглубь страны. Учитывалось ли это обстоятельство представителями французскаго Генеральнаго Штаба вообще, и въ какой мѣрѣ, — мнѣ остается неизвѣстнымъ.

Изъ всего изложеннаго видно, что Россія, вступивъ въ союзныя отношенія съ Франціей, приняла на себя серьезное и тяжелое обязательство — предугадать своими подготовительными къ войнѣ соображеніями быстрое и энергическое наступленіе противъ Германіи, организуемое достаточными, по условіямъ обстановки, силами. Значеніе этого наступленія для нашихъ союзниковъ — французовъ естественно должно было возрастать въ зависимости отъ силъ, съ которыми таковое будетъ произведено, начальнаго его срока и направленія, въ которомъ оно будетъ развиваться.

Какъ извѣстно, высшимъ войсковымъ соединеніемъ въ мирное время въ Россіи являлся корпусъ. Хотя корпуса и входили въ составъ военныхъ округовъ, на которые въ военномъ отношеніи была подраздѣлена вся Имперія, но, съ объявленіемъ войны, эта связь нарушалась, и личный составъ управленій военныхъ округовъ служилъ лишь кадромъ для формированія высшихъ штабовъ управленій военнаго времени.

Согласно положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время, корпуса, въ числѣ, соотвѣтствовавшемъ той или иной стратегической задачѣ, должны были сводиться въ арміи. Нѣсколько армій, предназначавшихся для достиженія болѣе широкой стратегической задачи и долженствовавшихъ дѣйствовать совмѣстно на опредѣленномъ фронтѣ, могли соединяться въ болѣе крупное соединеніе, образуя арміи даннаго фронта. Всѣ же войска, какъ вошедшія въ составъ фронтовъ, такъ и оставшіяся въ составѣ отдѣльныхъ армій, кои предназначались для достиженія общихъ цѣлей войны, составляли Дѣйствующую Армію, непосредственно подчиняющуюся Верховному Главнокомандующему. Однако, на обязанности Военнаго Министерства продолжали оставаться заботы по снабженію этой арміи всѣмъ необходимымъ, въ соотвѣтствіи съ общими заданіями, долженствовавшими исходить отъ Верховнаго Главнокомандующаго. Такимъ образомъ, Военный Министръ являлся какъ бы Главнымъ Начальникомъ Снабженій всей Дѣйствующей Арміи.

Разработка соображеній о первоначальномъ распредѣленіи войскъ по арміямъ и армій по фронтамъ, постановка войскамъ первыхъ боевыхъ задачъ, а равно выработка главнѣйшихъ основаній устройства тыла лежала на обязанности Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба, по отдѣлу Генераль-Квартирмейстера. Всѣ основныя данныя по этимъ вопросамъ естественно должны были представляться, еще въ мирное время, на утвержденіе Государя Императора, какъ Верховнаго Вождя всѣхъ вооруженныхъ силъ Имперіи. Данныя эти, начиная съ 1912-го года, стали включаться въ «Основныя указанія Командующимъ войсками, на случай войны съ Державами Тройственнаго Союза», каковыя указанія составляли базу для всѣхъ дальнѣйшихъ соображеній и работъ

по подготовкѣ къ войнѣ. Эти указанія дополнялись, въ видѣ особаго приложенія, «боевымъ расписаніемъ» войскъ по арміямъ и фронтамъ.

Исходя изъ этихъ основныхъ документовъ и въ развитіе ихъ, должны были составлять свои болѣе детальныя подготовительныя къ войнѣ соображенія всѣ довольствующія управленія Военнаго Министерства, штабы военныхъ округовъ, войска и причастныя къ мобилизаціи и войнѣ учрежденія другихъ министерствъ, причемъ совокупность всѣхъ этихъ работъ и составляла то, что обычно принято было называть «планомъ» войны.

Если припомнить, что сухопутная граница Россіи имѣла необъятное, во много тысячъ верстъ протяженіе и что мы были окружены многочисленными сосѣдями, изъ которыхъ съ каждымъ могли возникнуть военныя осложненія, то станетъ яснымъ, насколько сложной и трудной представлялась задача по поддержанію для всѣхъ фронтовъ нашихъ подготовительныхъ къ войнѣ соображеній на должной ступени ихъ разработки.

Но нашимъ подсчетамъ мирнаго времени, соединенныя силы Россіи и Франціи, которыя могли принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ первый періодъ войны, нѣсколько превосходили силы Германіи и Австро-Венгріи. Но Центральныя Державы имѣли огромныя преимущества какъ въ стратегическомъ отношеніи, такъ и въ смыслѣ взаимнаго снабженія и общаго управленія. Занимая внутреннее положеніе и пользуясь богато и цѣлесообразно развитой желѣзнодорожной сѣтью, онѣ являлись на театрѣ военныхъ дѣйствій хозяевами положенія, имѣя возможность комбинировать свои силы въ каждый данный моментъ по ихъ усмотрѣнію и обстановкѣ. Это облегчало нашимъ противникамъ удержаніе въ ихъ рукахъ инициативы дѣйствій. Почти любая переброска силъ съ одного фронта на другой, а тѣмъ болѣе въ предѣлахъ одного фронта, могла быть исполнена въ теченіе самаго короткаго срока, исчисляемаго немногими днями. То же внутреннее положеніе давало имъ возможность приходить другъ другу на помощь снабженіемъ и техническими средствами; Главнокомандованіямъ же обѣихъ союзныхъ Державъ не представляло труда поддерживать непрерывность общенія между собою и потому своевременно сговариваться о предстоящихъ операціяхъ. Отмѣченныя преимущества были столь значительны, что ихъ всегда слѣдуетъ имѣть въ виду при оцѣнкѣ взаимнаго положенія сторонъ въ минувшую войну.

Изъ двухъ союзниковъ — Франціи и Россіи — военно-политическое положеніе первой Державы въ годы, непосредственно предшествовавшіе войнѣ, значительно упростилось и облегчилось по сравненію съ таковымъ же положеніемъ второй. Въ самомъ дѣлѣ, мы уже видѣли, что еще задолго до войны отъ Тройственнаго Союза стала замѣтно отпадать Италія, и такимъ образомъ вниманіе Франціи могло сосредоточиться только на одномъ противникѣ — Германіи. Правда, послѣдняя съ каждымъ годомъ усиливала свои вооруженныя силы и совершенствовала свою военную систему; ея военная мощь неизмѣнно возрастала. Но съ другой стороны сближеніе между Франціей и Англіей компенсировало положеніе въ томъ смыслѣ, что дѣлало не только возможной, но

даже въ известной степени вѣроятной военную помощь Франціи со стороны Британской Имперіи. Въ сущности, наличие франко-англійской военной коопераціи выявилось съ того момента, когда Англія, подъ вліяніемъ интенсивнаго судостроительства, предпринятаго Германіей въ началѣ текущаго столѣтія, рѣшила сосредоточить почти весь свой военный флотъ въ Сѣверномъ морѣ, предоставивъ Средиземное море попеченію одной Франціи.

Напротивъ того, военно-политическая обстановка, съ которой приходилось считаться Россіи, постепенно, изъ года въ годъ, значительно усложнилась. Я уже отмѣчалъ, что въ Россіи съ давнихъ поръ установилась вполне опредѣленная точка зрѣнія, нашедшая себѣ полное подтвержденіе въ послѣдовавшихъ событіяхъ, что Германія и Австро-Венгрія представляютъ на-крѣпко спаянный монолитный союзъ, враждебный Россіи. При такихъ условіяхъ естественно надо было предвидѣть, что русская армія, при столкновеніи на западныхъ границахъ, будетъ имѣть противъ себя не только германскія войска, но и всѣ, или почти всѣ, вооруженныя силы Австро-Венгерской монархіи. Хотя Румынія, заключившая въ 1900-мъ году военное соглашеніе съ Австро-Венгріей, направленное противъ Россіи, впоследствии стала проявлять склонность къ сближенію съ Державами Согласія, однако удѣльный вѣсъ ея арміи въ русскихъ военныхъ кругахъ никогда не оцѣнивался сверхъ мѣры и потому болѣе примирительная политика нашей юго-западной сосѣдки не составляла для военного положенія Россіи факта особо большого значенія. Гораздо большее значеніе въ оцѣнкѣ нашего положенія на западѣ имѣло то обстоятельство, что военная мощь Австро-Венгріи, направляемая твердой и опытной рукой начальника австро-венгерскаго Генеральнаго Штаба Генерала Конрада фонъ Хецендорфа, непрерывно совершенствовалась и выросла въ годы, непосредственно предшествовавшіе войнѣ, въ очень серьезную наступательную силу, съ которой Россіи приходилось все болѣе и болѣе считаться.

Независимо изложеннаго, Россія должна была имѣть въ виду и то обстоятельство, что міровая политика Германіи все болѣе захватывала въ орбиту своего непосредственнаго вліянія Турцію; въ то же время Германія привлекала къ себѣ вниманіе и симпатіи довольно широкихъ и весьма вліятельныхъ общественныхъ круговъ въ Швеціи.

Мы уже видѣли, какими серьезными послѣдствіями угрожало вовлеченіе въ борьбу Турціи на сторонѣ нашихъ противниковъ.

Весьма серьезную военную угрозу, но только на сѣверо-западныхъ границахъ, могла создать и Швеція, въ силу ея географическаго положенія и исторической подозрительности къ мощи Россіи. Намъ нельзя было забывать, что страна эта обладала хорошо организованной, хотя и небольшой, вооруженной силой — сухопутной и морской, и что, при извѣстныхъ условіяхъ, шведы могли получить поддержку со стороны германскаго флота — военнаго и транспортнаго. При такихъ условіяхъ враждебный къ намъ десантъ въ Финляндіи, на ближайшихъ подступахъ къ столицѣ Имперіи — Петербургу, представлялся задачей, вполне осуществимой.

Всѣ эти неблагопріятныя условія обстановки русскому Генеральному Штабу приходилось конечно очень серьезно учитывать, при разработкѣ имъ плана стратегическаго развертыванія вооруженныхъ силъ Имперіи, на случай войны на западныхъ границахъ.

Война съ Центральными Державами, по своему масштабу, требовала отъ Россіи проявленія полного напряженія силъ и средствъ. Поэтому, при возникновеніи политическихъ осложненій съ названными Державами, только общая мобилизація всѣхъ вооруженныхъ силъ Имперіи могла отвѣчать создававшейся обстановкѣ. Въ соответствіи съ симъ, только такая мобилизація и предусматривалась планомъ войны на западномъ фронтѣ. Къ сожалѣнію, окончательная готовность нашихъ войскъ далеко не отвѣчала нашимъ пожеланіямъ, несмотря на значительные успѣхи, достигнутые нами въ послѣдніе годы передъ войной въ этомъ отношеніи. Дальность разстояній и крайне недостаточное развитіе отечественныхъ путей сообщенія, вообще, и желѣзнодорожныхъ въ частности, накладывали тяжелую руку на всѣ расчеты по мобилизаціи и сосредоточенію нашихъ вооруженныхъ силъ къ границамъ. Такъ, изъ 37-ми полевыхъ корпусовъ, коими наканунѣ войны располагала Россія, только 28 могли закончить свое сосредоточеніе къ западнымъ границамъ въ первыя 3—4 недѣли по объявленіи мобилизаціи. Къ этому времени могли, конечно, закончить свое сосредоточеніе и всѣ конныя части, за исключеніемъ тѣхъ, которыя были расквартированы въ отдаленныхъ округахъ. Что касается второочередныхъ дивизій, то онѣ, формируясь почти полностью въ Европейской Россіи, также успѣвали закончить свою мобилизацію и сосредоточеніе въ теченіе того же періода времени. Но надо имѣть въ виду, что наши второочередныя части, долженствовавшія формироваться впервые по новой системѣ, неполно снабженныя, имѣвшія въ своей основѣ довольно слабые кадры и подлежащія укомплектованію людьми старшихъ возрастовъ, не могли считаться, въ начальный періодъ войны, вполне боеспособными. Ихъ рекомендовалось втягивать въ работу лишь постепенно. — Что касается, затѣмъ, остальныхъ 9-ти корпусовъ, расквартированныхъ въ мирное время въ Сибири, Туркестанѣ и Закавказьи, а также тѣхъ нѣсколькихъ второочередныхъ дивизій, кои формировались въ отдаленныхъ раіонахъ, то эти войска могли начать свой подходъ къ западно-пограничнымъ раіонамъ лишь со второго мѣсяца. Очевидно, что включеніе при такихъ условіяхъ, названныхъ корпусовъ и второочередныхъ дивизій въ «первоначальныя» соображенія, охватывавшія лишь періодъ развертыванія и первыхъ операцій, являлось совершенно нецѣлесообразнымъ. Вслѣдствіе этого въ основное «боевое расписаніе» войскъ могло быть заблаговременно включено не свыше 80% всѣхъ вооруженныхъ силъ Имперіи. Остальныя войска, по окончаніи мобилизаціи, предполагалось также направлять на западъ, на театръ военныхъ дѣйствій, за исключеніемъ конечно тѣхъ частей, которыя должны были охранять наши азіатскія границы и не могли быть замѣнены новыми формированиями ополченскаго характера. Но эти войска должны были получать свое назначеніе лишь по мѣрѣ подхода къ театру военныхъ дѣйствій, въ соответ-

ствин съ обстановкой, которая сложится къ тому времени. Поэтому желѣзнодорожныя перевозки были заблаговременно разработаны лишь для головныхъ корпусовъ, долженствовавшихъ слѣдовать съ каждой изъ нашихъ окраинъ, и притомъ только до границъ будущаго театра военныхъ дѣйствій; дальнѣйшее же направленіе въ предѣлахъ этого театра войска съ окраинъ должны были получать, какъ уже сказано выше, дополнительно, въ зависимости отъ обстановки. — Дѣйствительность подтвердила правильность и практичность порядка, принятаго въ отношеніи войскъ, долженствовавшихъ слѣдовать на западъ съ нашихъ азиатскихъ окраинъ.

Западная сухопутная граница Россіи, въ центральной ея части, образовывалась, какъ извѣстно, изъ Русской Польши, которая врѣзалась широкимъ и глубокимъ блинкомъ между Германіей и Австро-Венгріей, приближая насъ, примѣрно на 300 верстъ, къ крайне важнымъ и жизненнымъ центрамъ нашихъ западныхъ сосѣдей. Такое начертаніе пограничной линіи должно было представлять для Россіи весьма значительныя стратегическія выгоды, на которыя не разъ указывали намъ и наши союзники — французы, но лишь при одномъ непремѣнномъ условіи — превосходствѣ надъ нашими сосѣдями въ срокахъ готовности къ наступленію. Увы, условіе это являлось для насъ въ разсматриваемый періодъ времени недостижимымъ. Наши западные сосѣди обладали значительнымъ преимуществомъ надъ нами въ быстротѣ изготвленія своихъ войскъ и, такимъ образомъ, имѣли полную возможность предупредить насъ своимъ собственнымъ вторженіемъ въ наши предѣлы. При такихъ условіяхъ положительныя свойства нашего, такъ называемаго, «Передоваго» театра, къ сожалѣнію, превращались въ глубоко отрицательныя.

Въ самомъ дѣлѣ, пользуясь болѣе раннею готовностью своихъ армій, Германія и Австро-Венгрія могли, съ началомъ войны, поставить на этомъ театрѣ наши не готовые къ встрѣчѣ войска въ крайне тяжелыхъ стратегическія условія, особенно при согласованномъ наступленіи изъ Восточной Пруссіи въ направленіи на Бѣлостокъ и изъ Галичины на Брестъ-Литовскъ. Извѣстно, что приблизительно такой комбинированный ударъ нѣмецкихъ и австрійскихъ войскъ, съ цѣлью отрѣзанія нашихъ войскъ, располагавшихся на передовомъ театрѣ, одно время входилъ въ планы нашихъ западныхъ сосѣдей. Опасность подобнаго образа дѣйствія чувствовалась у насъ настолько остро, что въ 1910-мъ году, какъ это было уже мною отмѣчено, состоялось рѣшеніе вывести изъ русской Польши часть нашихъ войскъ, которыя были тамъ расквартированы по дислокаціи мирнаго времени. Въ связи съ этимъ былъ пересмотрѣнъ и вопросъ о нашихъ крѣпостяхъ на средней Вислѣ и Буго-Наревѣ.

Трудность положенія нашихъ войскъ на Передовомъ театрѣ естественно должна была возрастать въ мѣрѣ возрастанія численности тѣхъ силъ, съ коими Германія и Австро-Венгрія могли оперировать противъ насъ. Въ этомъ отношеніи надо было различать два положенія, вытекавшія изъ образа дѣйствій главнаго нашего противника — Германіи. Въ самомъ дѣлѣ, географическое положеніе Австро-Венгрии дѣлало вполне безспорнымъ направленіе всей, или

почти всей, арміи Двуетидной Монархіи противъ Россіи. Что касается Германіи, то, напротивъ, союзъ Россіи съ Франціей ставилъ ее въ очевидную необходимость, въ случаѣ войны съ этими Державами, раздѣлить силы между двумя фронтами. При этомъ, для Германіи, какъ стороны, занимавшей внутреннее положеніе, очевидно представлялись двѣ возможности: направить главныя силы на западъ или востокъ. Чтобы дать себѣ отчетъ въ возможныхъ дѣйствіяхъ нашихъ противниковъ, въ Отдѣлѣ Генераль-Квартирмейстера Генеральнаго Штаба въ 1913-мъ году была впервые разработана записка, впоследствии освѣщенная къ 1-му марта 1914-го года, о силахъ и вѣроятныхъ планахъ нашихъ западныхъ противниковъ. Записка разбирала оба указанные выше случая. Составленіемъ ея преслѣдовались двѣ цѣли: во первыхъ, — объединить въ одномъ трудѣ всѣ данныя, явившіяся результатомъ сбора и тщательнаго изученія свѣдѣній о подготовкѣ къ войнѣ Центральныхъ Державъ, и, во вторыхъ, — попытаться, путемъ извѣстныхъ выводовъ, положить предѣлы тому разброду мнѣній, который до этого времени существовалъ въ этомъ отношеніи между Главнымъ Управленіемъ Генеральнаго Штаба и штабами нѣкоторыхъ военныхъ округовъ.

Согласно данныхъ этой записки, предполагалось, что Австро-Венгерія изъ своихъ 16-ти корпусовъ, содержащихся въ мирное время, можетъ въ первую очередь выставить противъ насъ около 12—13 корпусовъ, оставляя 3—4 корпуса на границѣ съ Сербіей, впредь до выясненія обстановки. Развертываніе австро-венгерской арміи рисовалось намъ по тѣмъ документамъ, которые имѣлись въ нашемъ распоряженіи, на фронтѣ Ярославль-Львовъ-Трембовля, съ главнымъ направленіемъ для наступленія на фронтъ Сѣдлецъ-Брестъ-Кобринъ.

Что касается Германіи, то предполагалось, что, въ случаѣ направленія ей главныхъ силъ на западный фронтъ, противъ насъ въ Восточной Пруссіи можетъ быть оставлено отъ 3 до 6 полевыхъ корпусовъ; если же главный ударъ Германіи въ первую очередь будетъ направленъ противъ насъ, то допускалась возможность предназначенія на нашъ фронтъ до 18-ти перволинейныхъ корпусовъ. Определенныхъ свѣдѣній о характерѣ развертыванія противъ насъ германскихъ силъ не имѣлось; къ выясненію этого вопроса подходили теоретически, путемъ детальнаго изученія желѣзнодорожной сѣти, причѣмъ предполагалось, что развертываніе германскихъ войскъ произойдетъ примѣрно вдоль желѣзнодорожной магистрали Инстербургъ-Алленштейнъ-Дейтчъ-Эйлау.

Разумѣется, оба наши противника могли себя еще значительно усилить путемъ формированія военного времени.

Учитывая послѣднее обстоятельство, упомянутая записка, въ конечномъ результатѣ, приходила къ выводу, что противъ насъ можетъ быть выставлено въ начальный періодъ войны: Австро-Венгеріей около 650 батальоновъ и Германіей, — въ случаѣ направленія главнаго удара на западъ, отъ 200 до 300 батальоновъ; въ обратномъ же случаѣ — свыше 800 батальоновъ.

Готовность австро-венгерскихъ войскъ къ наступленію опредѣлялась 15-мъ

днем мобилизации; готовность германских сил принималась на 9—10 день в первом случае, и на 18-й день — во втором.

В частности, при оценке в данной записке вопроса, — какому решению Германии следует отдать предпочтение в смысле его большей вероятности, указывалось прежде всего на то обстоятельство, что французская армия имела значительное превосходство в сроках готовности перед нашей; поэтому она и должна была расцениваться в Германии в качестве противника, наиболее ей угрожающего, по крайней мере в первый период войны. Эта угроза должна была приобрести в глазах немцев особое значение еще и потому, что западно-пограничные районы Германии являлись наиболее промышленными, а значит, в обстановке войны, и наиболее важными районами всей Империи.

Мы теперь, в качестве посторонних наблюдателей за жизнью Германии, больше чем когда либо можем дать себе отчет в том, что представлял для немецкой военной промышленности Рурский бассейн, не только в смысле добычи угля, но и наличие в нем крупнейших металлургических заводов. Современная же война требует такого неисчислимого количества предметов боевого снабжения, что районы их производства становятся в военное время наиболее жизненными центрами государства и потому неприятельское вторжение в эти районы представляет исключительную опасность. — Несомненно, что наилучшим способом для предупреждения такой опасности должно было служить собственное вторжение германской армии в пределы Франции, а это последнее вызывало необходимость сосредоточения главных сил немцев на их западном фронте. С другой стороны, медленность нашей мобилизации и сосредоточения к границам, о какой медленности к тому же у наших противников сложилось преувеличенное мнение, — давали основание немецкому Генеральному Штабу рассчитывать, что, при оставлении на восточном фронте даже ограниченных германских сил, все же представится возможным сдержать наступление наших войск быстрым вторжением в наши пределы всех австро-венгерских вооруженных сил. Изложенные соображения, по нашей оценке, совпадавшей, как мы видели, с мнением французов, дала более вероятным предположение о направлении Германии в первый период войны главных сил против Франции. Таким решением Германия, вместе с тем, могла попутно рассчитывать затруднить для Англии оказание помощи ее союзнице — Франции, а в случае решительного успеха, даже привлечь на свою сторону Италию, не окончательно еще порвавшую прежние связи с Тройственным Союзом. Тщательное наблюдение за усиленно железнодорожною подготовкою Германии на ее западном фронте и особенно на бельгийской границе, совершавшеюся, повидимому, в целях достижения возможности быстрого сосредоточения на этом фронте значительных сил, укрепили нас в правильности наших теоретических предположений. Вместе с тем, одним из косвенных указаний на то, что германцы готовят широкое наступление на запад и предполагают ограничиться стратегической обороной на востоке, служило и то обстоятельство,

что въ послѣдніе годы передъ войной въ Германіи занимался весьма усиленно вопросомъ объ усовершенствованіи на восточномъ фронтѣ крѣпостей. Значеніе же послѣднихъ гораздо существеннѣе въ обстановкѣ именно оборонительной войны, какъ точекъ опоры для болѣе слабой дѣйствующей арміи.

Однако, вполне очевидно, что всѣ эти соображенія не исключали для Германіи возможности принятія и второй комбинаціи, а именно оборонительнаго образа дѣйствій на западномъ фронтѣ и рѣшительнаго удара на восточномъ. Такой планъ долгіе годы имѣлся въ разработанномъ видѣ въ распоряженіи Германскаго Генеральнаго Штаба, и въ пользу такого образа дѣйствій передъ войной, отъ времени до времени, во враждебномъ намъ союзѣ вновь стали раздаваться отдѣльные голоса изъ числа тѣхъ, кои внимательно слѣдили за прогрессомъ русской арміи.

Разница въ обстановкѣ, въ зависимости отъ того или другого рѣшенія Германіи, была для Россіи столь существенной, что передъ русскимъ Генеральнымъ Штабомъ стояла необходимость имѣть въ разработанномъ видѣ два плана, или вѣрнѣе два варианта стратегическаго развертыванія нашихъ вооруженныхъ силъ: одинъ — вариантъ «А» — на случай направленія Германіей главныхъ силъ противъ Франціи; другой — вариантъ «Г» — при обратномъ рѣшеніи Германіей даннаго вопроса. Мысль имѣть два варианта плана впервые появилась въ отдѣлѣ Генераль-Квартирмейстера и была имъ проведена въ 1912-мъ году. Такъ какъ первое рѣшеніе Германіи, при которомъ предполагалось направить главные ея силы противъ Франціи, признавалось все же болѣе вѣроятнымъ, то и соответствующій этому рѣшенію вариантъ нашего стратегическаго развертыванія считался основнымъ; онъ и долженъ былъ выполняться, съ объявленіемъ мобилизаціи и войны, автоматически. Переходъ же къ другому варианту, отвѣчавшему хотя и менѣе вѣроятному, но болѣе тяжелому для насъ случаю направленія главныхъ силъ всего враждебнаго союза противъ насъ — долженъ былъ совершаться лишь при условіи особаго на то распоряженія.

Въ основу перваго варианта была положена идея широкаго наступленія, какъ способа дѣйствій, наиболѣе выгоднаго въ психологическомъ отношеніи и дающаго возможность обезпечить собственную территорию отъ вражескаго нашествія. — Этотъ способъ дѣйствій, при разсматриваемой обстановкѣ, являлся, конечно, наиболѣе соответственнымъ и съ точки зрѣнія общихъ интересовъ союза.

Изъ двухъ противниковъ — Германіи и Австро-Венгріи — главнымъ признавался нами, конечно, первый. — Германія являлась главой и входнотельницей всего враждебнаго намъ союза; поэтому побѣда надъ нею и должна была въ конечномъ счетѣ считаться главною частью нашей задачи. Но на пути выполненія этой задачи, мы должны были, въ обстановкѣ, которая намъ рисовалась, какъ наиболѣе вѣроятная, предварительно столкнуться со всей австро-венгерскою арміею; послѣдняя, въ данныхъ условіяхъ, являлась главной боевой силой на нашемъ фронтѣ, стѣснявшей свободу дѣйствій нашей арміи. Только предварительный разгромъ

австро-венгерскихъ вооруженныхъ силъ обезпечивалъ русской арміи въ будущемъ возможность широкаго и безопаснаго вторженія въ предѣлы Германіи. Въмѣстѣ съ тѣмъ, нанесеніе рѣшительнаго удара въ первую голову Австро-Венгріи должно было оцѣниваться нами какъ актъ глубокаго политическаго значенія для Россіи. Не слѣдуетъ забывать, что уже въ теченіе многихъ лѣтъ Вѣнское правительство являлось зачинщикомъ всякихъ смуть и виновникомъ ряда униженій, выпадавшихъ на долю родственныхъ намъ Балканскихъ народовъ; независимо того въ составѣ пестрой монархіи Габсбурговъ находилось до 20 милліоновъ славянъ, освобожденіе коихъ изъ подъ чужеземнаго ига всегда являлось исторической задачей Россіи. Такимъ образомъ, вторженіе нашихъ войскъ въ Австро-Венгрію должно было оцѣниваться какъ освободительное со стороны Россіи усиліе и этимъ своимъ характеромъ популяризовать самую идею войны, какъ у насъ на родинѣ, такъ и за рубежомъ, среди всѣхъ славянскихъ племенъ. Военный успѣхъ надъ Двуетиной Монархіей несомнѣнно могъ привести къ полному распаду таковой, къ ея выходу изъ войны и освобожденію отъ нѣмецкаго ига славянъ. Наконецъ, при сложившейся обстановкѣ, дѣйствіями противъ Австріи мы могли разсчитывать значительно облегчить военное положеніе Сербіи, поднять авторитетъ Державъ Согласія на Балканахъ и возбудить тяготѣніе къ нимъ Италіи и Румыніи.

Изложенныя соображенія и были причиной того, что въ основу варианта А, предусматривавшаго стратегическое развертываніе русской арміи, въ случаѣ направленія Германіей главныхъ силъ на западъ, легла идея нанесенія рѣшительнаго удара Австро-Венгріи. Отсюда и самое названіе, присвоенное этому развертыванію — вариантъ «А» — (Австрія).

Но, подготавливая этотъ ударъ, мы не могли забывать о той грозной обстановкѣ, которая должна была сложиться, при данныхъ условіяхъ, для нашей союзницы Франціи, долженствовавшей принять на себя въ первую очередь главный ударъ нѣмцевъ. Мы должны были помнить о нашей обязанности помочь ей самымъ рѣшительнымъ образомъ. Въ равной мѣрѣ мы должны были озаботиться также самымъ дѣйствительнымъ обезпеченіемъ со стороны Германіи и нашего собственнаго маневра противъ австро-венгерскихъ войскъ. Обѣ эти задачи, одинаково важныя, наилучшимъ образомъ разрѣшались собственнымъ нашимъ вторженіемъ въ предѣлы Восточной Пруссіи, которая служила естественнымъ плацдармомъ для сбора германскихъ войскъ, оставляемыхъ противъ насъ, и нанесеніемъ этимъ войскамъ рѣшительнаго пораженія. Естественнымъ послѣдствіемъ такого образа дѣйствій должно было быть овладѣніе нами Восточной Пруссіей и выходъ нашихъ войскъ къ нижнему теченію р. Вислы. Съ занятіемъ же такого положенія, не только сокращалось общее протяженіе нашего стратегическаго фронта, болѣе чѣмъ на 300 верстъ, но и упрощалось положеніе нашего праваго фланга, слишкомъ отнесеннаго назадъ по условіямъ начертанія нашей пограничной линіи. Самое же главное, что, съ выходомъ къ нижней Вислѣ, позволявшимъ соотвѣтственно выдвинуть наши войска на среднемъ теченіи той же рѣки, и съ разгромомъ австрійской арміи на лѣ-

вомъ флангъ нашего общаго стратегическаго фронта, — для русской арміи создавалось исключительно выгодное исходное положеніе, которое обеспечивало ей возможность дальнѣйшаго развитія операций вглубь Германіи, и притомъ въ крайне опасныхъ для послѣдней направленіяхъ. Передъ нашими войсками открывались пути не только въ Познанскую провинцію, родственную намъ по населенію, но и въ промышленную Силезію, потеря которой во время войны для Германіи должна была явиться очень тяжелымъ ударомъ; далѣе же — лежали ближайшіе пути къ Берлину, въ направленіи котораго, не считаясь съ первоначальной обстановкой, насъ такъ упорно и настойчиво приглашалъ наступать бывший начальникъ Генеральнаго Штаба и Главнокомандующій французской арміей Генераль Жоффри. При этомъ наступленіи лѣвый флангъ нашего стратегическаго фронта могъ бы найти себѣ опору въ родственныхъ намъ Чехіи и Словакіи. Правда, фронтальное овладѣніе германскимъ участкомъ р. Вислы не могло, конечно, входить въ наши предварительные расчеты. Этотъ участокъ представлялъ изъ себя довольно сильную оборонительную линію протяженіемъ свыше 200 верстъ, съ рядомъ заблаговременно укрѣпленныхъ пунктовъ, для взятія которыхъ съ фронта у насъ не было достаточно мощной подвижной тяжелой артиллеріи. Но, съ другой стороны, нижнее теченіе Вислы легко обходилось вполне доступнымъ форсированіемъ той же рѣки въ нашихъ предѣлахъ; большинство же германскихъ укрѣпленій на Вислѣ имѣло не достаточно обеспеченный тылъ.

Основную мысль движенія на Берлинъ Русское Верховное Главнокомандованіе преслѣдовало въ теченіе всего перваго періода войны. Но, конечно, эту мысль надо понимать не въ прямомъ, а въ переносномъ ея значеніи. Всякому читателю, знакомому съ вопросомъ о постановкѣ цѣлей войны, должно быть ясно, что конечной задачей всякой вооруженной борьбы не можетъ быть занятіе какого-либо географическаго района или пункта, хотя бы и столицы государства. Примѣръ Москвы въ 1812-мъ году служить тому лучшимъ доказательствомъ. Можно указать и на болѣе близкіе, по времени, примѣры — занятіе нашими противниками въ 1914-мъ году Брюсселя и Бѣлграда, каковыя факты вызвали лишь новый приливъ рѣшимости со стороны нашихъ союзниковъ — Бельгіи и Сербіи — вести войну до конца. Чтобы побѣда стала безспорной, необходимо уничтоженіе сопротивляемости врага, которая характеризуется состояніемъ его вооруженныхъ силъ, экономики и больше всего общенародной психики. Очевидно, что, при такихъ условіяхъ, смертельное раненіе непріятеля достигается скорѣе всего перенесеніемъ войны вглубь его собственной страны и нанесеніемъ на этой территоріи разрушительныхъ ударовъ по непріятельской живой силѣ и источникамъ ея питанія. Такъ какъ въ данномъ случаѣ Германія являлась главой и вдохновительницей враждебнаго намъ союза, то конечныя усилія наши и должны были быть направлены противъ нея, тѣмъ болѣе, что черезъ ея территорію лежалъ кратчайшій путь нашего соединенія съ западными союзниками. Всѣ препятствія, встрѣчавшіяся на пути, должны были разсматриваться нами лишь какъ побочныя обстоятельства, подлежащія устраненію въ

цѣляхъ достиженія главной задачи — задачи уничтоженія военной мощи Германіи.

Читатель вѣроятно припомнить, что мобилизація нашей арміи пришлась въ періодъ работъ по переходу отъ дѣйствовавшаго «мобилизаціоннаго расписанія № 18 измѣненнаго» къ новому расписанію. По установившемуся у насъ порядку, къ введенію каждаго новаго мобилизаціоннаго расписанія былъ приурочиваемъ и переходъ къ заново пересмотрѣнному плану стратегическаго развертыванія нашихъ вооруженныхъ силъ, который былъ связываемъ съ соотвѣтствовавшимъ ему мобилизаціоннымъ расписаніемъ и общимъ планомъ желѣзнодорожныхъ перевозокъ. Поэтому, приступая къ выполненію мобилизаціи нашей арміи по старому расписанію, пришлось считать основнымъ и подлежавшій въ скоромъ времени замѣнѣ планъ стратегическаго развертыванія, съ введеніемъ въ него, конечно, тѣхъ измѣненій изъ новаго плана, которыя оказались возможнымъ осуществить безъ коренной ломки. Это все же значительно осложняло дѣло, требуя внесенія въ составъ арміи и въ желѣзнодорожныя перевозки ряда измѣненій противъ первоначальныхъ предложеній. Для упрощенія, при дальнѣйшемъ изложеніи порядка нашего стратегическаго развертыванія, я придержусь лишь той его формы, въ которую это развертываніе вылилось въ дѣйствительности.

Итакъ, по основному варианту А, который, какъ всякій планъ стратегическаго развертыванія, не шель далѣе постановки первыхъ боевыхъ задачъ, главный ударъ русскихъ вооруженныхъ силъ намѣчался въ первую очередь противъ австро-венгерской арміи. Естественнымъ раіономъ сосредоточенія этой арміи противъ насъ являлась Галичина, въ которой австрійскій генеральный штабъ, какъ мы уже видѣли, могъ развернуть, по нашимъ предварительнымъ подсчетамъ, 12—13 полевыхъ корпусовъ, оставляя остальные 3—4 корпуса противъ Сербіи. Очевидно, что для успѣха нашего удара противъ австро-венгерской арміи являлась необходимостью назначить максимумъ силъ. Такъ рѣшила бы вопросъ свободная стратегія. Однако, русскій Генеральный Штабъ, какъ мы уже видѣли, въ рѣшеніи этого исключительно важнаго вопроса не могъ считать себя свободнымъ; онъ долженъ былъ внимательно сообразовать свои рѣшенія съ общими задачами союза и тѣми обязательствами, кои были приняты на себя Россіей по отношенію къ Франціи.

Какъ мы знаемъ, Франція, при направленіи противъ нея главныхъ силъ Германіи, вводила въ свои расчеты быстрое вторженіе русскихъ силъ на территорію послѣдней. Мы видѣли также, что, по нашимъ расчетамъ, Германія, развивая главныя усилія противъ Франціи, все же могла оставить противъ насъ отъ 3 до 6 полевыхъ корпусовъ, въ особенности, въ случаѣ одновременнаго выступленія на сторонѣ Тройственнаго Союза Италіи, которая могла замѣнить для этой цѣли часть германскихъ корпусовъ въ Эльзасѣ. Корпуса, выставленныя Германіей противъ насъ, могли быть еще значительно усилены добавленіемъ къ нимъ резервныхъ и ландверныхъ формированій. Припомнимъ также, что на совѣщаніяхъ, происходившихъ до войны, наши союзники высказывались

за желательность нашего вступленія въ Германію съ такими силами, при которыхъ мы могли бы имѣть шансы на успѣхъ противъ 5—6 германскихъ корпусовъ, усиленныхъ, конечно, формированіями военного времени. Въмѣстѣ съ тѣмъ намъ надлежало еще учитывать, что германскія войска, по сравненію съ нашими, были значительно богаче снабжены артиллеріей, превосходившей нашу не только числомъ орудій, но и наличиемъ тяжелой артиллеріи, которой у насъ почти не было. Въ то время, когда мы имѣли на корпусъ всего 12—14 легкихъ и двѣ мортирные (гаубичныя) батареи, а всего 108—124 орудія, германскій корпусъ былъ обезпеченъ 21 легкой, 3 гаубичными и 4 тяжелыми батареями, что составляло 160 орудій. Наконецъ нельзя было упускать изъ виду и того обстоятельства, что весь восточно-германскій фронтъ, особенно же районъ Восточной Пруссіи, былъ тщательно подготовленъ въ желѣзнодорожномъ отношеніи, благодаря чему высокая сама по себѣ маневренная способность германскихъ войскъ должна была найти для себя чрезвычайно благоприятныя условія. — Всѣ эти обстоятельства, въ общей совокупности, требовали, чтобы на германскомъ фронтѣ для нашего наступленія были собраны вполнѣ достаточныя силы, которыя и были опредѣлены въ 9 полевыхъ корпусовъ.

Наряду съ вопросомъ о назначеніи достаточныхъ силъ для нашихъ наступательныхъ дѣйствій противъ Германіи, на рѣшенія нашего Генеральнаго Штаба давило соображеніе о необходимости, по крайней мѣрѣ въ начальный періодъ войны, обезпеченія района Финляндіи и Петербурга отъ возможныхъ угрозъ со стороны Швеціи и германскаго десанта, который считался не невозможнымъ. Полагалось необходимымъ оставленіе въ районѣ Петербурга не менѣе двухъ корпусовъ и, сверхъ того, условно — гвардейскаго корпуса, пока на смѣну ему не будутъ готовы второочередныя дивизіи. Затѣмъ гвардейскій корпусъ предполагалось направить на западный фронтъ (предпочтительно въ составъ 1-ой арміи).

Всѣ эти соображенія и требованія должны были служить исходными данными для опредѣленія тѣхъ силъ, кои могли быть назначены въ первую очередь для нашего вторженія въ предѣлы Австро-Венгріи.

Въ конечномъ итогѣ оказывалось, что изъ 28-ми полевыхъ корпусовъ, которые могли быть развернуты Россіей на западныхъ границахъ въ теченіе перваго мѣсяца войны, противъ Австро-Венгріи представлялось возможнымъ развернуть въ первую очередь лишь 16 полевыхъ корпусовъ. Для усиленія ихъ пришлось допустить въ намѣчавшемся наступленіи участіе также нѣкотораго числа второочередныхъ дивизій, въ качествѣ третьихъ дивизій въ корпусахъ, хотя таковыя дивизіи и не признавались достаточно подготовленными для немедленнаго боевого ихъ использованія.

Ограничивающія условія, которыя приходилось имѣть въ виду русскому Генеральному Штабу при разработкѣ разсматриваемаго варианта стратегическаго развертыванія, на этомъ, однако, не заканчивались. Велѣдствіе крайней быстроты, съ коей ожидалось развертываніе событій на французско-германскомъ фронтѣ, а также короткаго мобилизационнаго срока германскихъ войскъ

на нашихъ границахъ, приходилось принимать максимальныя усилія къ тому, чтобы, въ интересахъ оказанія скорѣйшей помощи нашимъ союзникамъ и собственной безопасности, ускорить нашу готовность противъ Германіи, хотя бы въ ущербъ готовности нашихъ армій на австро-венгерскомъ фронтѣ. Поэтому на фронтъ противъ Германіи считалось необходимымъ намѣтить корпуса съ болѣе быстрой готовностью.

Обстановка, въ предвидѣніи которой былъ разработанъ вариантъ А нашего плана, была все же такова, что позволяла использовать, хотя и не въ полной мѣрѣ, выгоды нашего Передового театра. Послѣднія заключались въ возможности занятія нами охватывающаго положенія не только по отношенію австро-венгерскихъ вооруженныхъ силъ въ Галичинѣ, но и германскихъ войскъ, предполагая ихъ сосредоточеніе въ Восточной Пруссіи, примѣрно на меридіанѣ Мазурскихъ озеръ. Конечно, на сторонѣ нашихъ противниковъ, и особенно Германіи, все же и въ этомъ случаѣ оставались выгоды болѣе ранняго изготвленія, но благоприятствующими для насъ факторами, позволявшими принять болѣе смѣлое рѣшеніе въ данной обстановкѣ, являлись: во-первыхъ, направленіе главныхъ силъ Германіи противъ Франціи, съ вѣроятнымъ оставленіемъ противъ насъ относительно не очень крупнаго заслона, и во-вторыхъ, принятое нами рѣшеніе объ образованіи достаточно сильнаго фронта противъ той же Германіи, составленнаго къ тому же изъ войскъ съ ускоренною готовностью. При такихъ условіяхъ имѣлись всѣ основанія рассчитывать не только на прочное удержаніе важнаго для нашего на передовомъ театрѣ Гродно-Бѣлостокскаго района, черезъ который проходили всѣ главнѣйшіе пути связи съ Имперією, но и на развитіе нашей наступательной операціи въ Восточную Пруссію, съ обходомъ Мазурскихъ озеръ съ запада. Что же касается опасности вторженія въ предѣлы Передового театра австро-венгерскихъ войскъ въ первыя недѣли войны, то таковое, какъ мы увидимъ дальше, имѣлось въ виду парализовать прежде всего энергическимъ наступленіемъ со стороны Киевскаго фронта, а затѣмъ созданіемъ особо-устойчивой опорной группы войскъ на наиболѣе опасныхъ для насъ направленіяхъ на Брестъ-Литовскъ.

Въ соотвѣтствіи со всѣми изложенными выше соображеніями, вариантъ А вылился, при выполненіи, въ слѣдующія конкретныя формы:

Всѣ войска, назначенныя для развитія наступательныхъ дѣйствій противъ Австро-Венгріи, какъ имѣвшія общую цѣль и предназначенныя для дѣйствій въ одномъ оперативномъ районѣ, должны были войти въ составъ «Юго-Западнаго фронта» (Генералъ Ивановъ) и развернуться въ двухъ группахъ: двѣ арміи (4-ая и 5-ая), въ составѣ семи полевыхъ корпусовъ, — на южномъ участкѣ Передового театра и двѣ другія арміи (3-ья и 8-ая), въ составѣ девяти полевыхъ корпусовъ, — на Киевскомъ участкѣ общаго фронта.

Цѣлью дѣйствій армій Юго-Западнаго фронта ставилось пораженіе австро-венгерскихъ вооруженныхъ силъ, развертывавшихся въ Галичинѣ, имѣя въ виду воспрепятствовать отходу значительныхъ силъ противника на югъ за р. Днѣстръ и на западъ къ Кракову. Въ результатъ пораженія австро-венгерскихъ

войскъ должно было явиться овладѣніе Галичиной и горными перевалами, ведущими въ Венгерскую равнину.

Главный ударъ возлагался на 3-ью и 8-ую арміи, развертывавшіяся на Киевскомъ участкѣ Юго-Западнаго фронта. Поэтому на составъ и болѣе раннюю готовность этихъ армій было обращено особое вниманіе. — На 5-ую армію возлагалась дополнительная задача удержанія Брестъ-Кобринскаго района при всякой обстановкѣ.

Болѣе подробно составъ и развертываніе армій Ю. З. фронта представляется въ слѣдующемъ видѣ:

4-ая армія (генераль Баронъ Зальца) — въ районѣ Люблина, между Вислой и Вепржемъ, въ составѣ XIV, XVI и Грен. корпусовъ, трехъ второочередныхъ дивизій и 4½ кон. дивизій (всего 9 пѣх. див., 1 стр. бриг., 4½ кон. див.).

5-ая армія (генераль Плева) — въ районѣ Холмъ-Ковель, по обомъ берегамъ р. Зап. Буга, въ составѣ V, XVII, XIX и XXV корпусовъ, пяти второочередныхъ дивизій и 5 кон. дивизій (всего 13 пѣх. и 5 кон. дивизій).

3-ья армія (генераль Рузскій) — на фронтѣ Луцкъ-Дубно-Ляховцы, между р. р. Стырь и Горынь, въ составѣ IX, X, XI, XXI и III Кавказскаго корпусовъ, четырехъ второочередныхъ дивизій и 4 конныхъ дивизій (всего 14 пѣх. и 4 кав. дивизій).

8-ая армія (генераль Брусиловъ) — на фронтѣ Николаевъ-Черный Островъ-Дунаевцы, въ составѣ VII, VIII, XII и XXIV корпусовъ, одной второочередной дивизіи и 5 конныхъ дивизій (всего 9 пѣх. див., 2 стр. бригады и 5 кон. див.).

Районы развертыванія двухъ послѣднихъ армій предопредѣлялись направлениемъ двухъ желѣзнодорожныхъ магистралей, ведущихъ въ предѣлы Восточной Галичины и способствовавшихъ нашему наступленію.

Итого на Юго-Западномъ (Ю.-З.) фронтѣ подлежало развертыванію, примѣрно на фронтѣ до 500 верстъ: 16 полев. корпусовъ, 13 второочередныхъ дивизій и 18½ конныхъ дивизій, не входившихъ въ составъ корпусовъ, или 45 пѣх. дивизій, 3 стр. бригады и 18½ конныхъ дивизій (всего 744 бат. пѣх. и 444 эск. и сотенъ, безъ пограничной стражи и корпусной конницы).

Противъ Германіи должны были развернуться двѣ арміи въ составѣ 9 полевыхъ корпусовъ, объединявшіяся въ рукахъ Главнокомандующаго «Сѣверо-Западнымъ фронтомъ» (Генераль Жилинскій); изъ нихъ 1-ая армія (генераль Ренненкампфъ), изъ четырехъ полевыхъ корпусовъ — I, III, IV, XX, семи второочередныхъ дивизій и 5½ кон. дивизій (всего 15 пѣх. див., 1 стр. бриг. и 5½ кон. див.), — въ районѣ къ западу отъ средняго теченія р. Нѣмана, и 2-ая армія (генераль Самсоновъ), изъ пяти полевыхъ корпусовъ — II, VI, XIII, XV, XXIII, четырехъ второочередныхъ дивизій и 4 кон. дивизій, (всего 14 пѣх. див., 1 стр. бриг. и 4 конныхъ дивизіи), — на Бобръ-Наревскомъ участкѣ упомянутого фронта въ районѣ Гродна-Ломжа-Бѣлостокъ.

Итого, на Сѣверо-Западномъ (С.-З.) фронтѣ подлежало развертыванію примѣрно на фронтѣ до 250 верстъ: 9 полевыхъ корпусовъ, 11 второочередныхъ дивизій и 9½ конныхъ дивизій, не входившихъ въ составъ корпусовъ, или 29

пѣх. дивизій, 2 стрѣлк. бригады и 9½ кон. дивизій (всего 480 бат. пѣх., изъ коихъ 176 бат. второочередныхъ, 220 эск. и сотенъ, — безъ пограничной стражи и корпусной конницы).

Дополнительное включеніе столь большого числа второочередныхъ дивизій въ составъ армій С.-З. фронта объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ районѣ этихъ армій находилось большинство нашихъ пограничныхъ крѣпостей, нуждавшихся въ снабженіи ихъ довольно значительными гарнизонами. Въ составъ же 1-ой арміи входили кромѣ того три второочередныя дивизіи Риги-Шавельскаго района, долженствовавшія прикрывать важное направление Тильзитъ-Рига-Цесковъ и являвшіяся уступомъ за правымъ флангомъ всего нашего стратегическаго фронта. Дивизіи эти намѣчено было соединить въ особый корпусъ (XXVI), подлежавшій сформированію съ открытіемъ военныхъ дѣйствій.

Всѣ второочередныя части не предназначались для непосредственнаго участія въ наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ Германіи, по крайней мѣрѣ въ начальный періодъ войны.

Обѣ арміи С.-З. фронта имѣли общую задачу — разбить германскія войска, сосредоточенныя въ Восточной Пруссіи, и, овладѣвъ послѣдней, выйти къ нижнему теченію р. Вислы. Въ соответствии съ этой задачей, 1-ая армія должна была готовиться къ наступленію въ обходъ Мазурскихъ озеръ съ сѣвера, а 2-ая армія, — оставляя полосу названныхъ озеръ, — къ востоку. Такъ какъ 2-ая армія своимъ положеніемъ на Бобръ-Наревскомъ участкѣ являлась прикрытіемъ тыла 4-ой и 5-ой армій, то ей, для выполнения этой задачи, было дано дополнительное указаніе — удерживать районъ Гродна-Бѣлостокъ при всякой обстановкѣ.

Въ составъ вышеперечисленной шестой арміи вошли сверхъ того пѣшія и конныя части пограничной стражи, остававшіяся на границѣ для охраны таковой.

Имѣвшіяся тяжелыя артиллерійскія бригады были приданы къ 1—5 арміямъ, по одной на армію; готовность ихъ, однако, запаздывала по сравненію съ полевыми войсками.

Что касается сроковъ готовности всѣхъ этихъ армій, то они опредѣлялись слѣдующими днями мобилизаціи: полевые войска С.-З. фронта, за исключеніемъ половины XIII корпуса и двухъ полковъ XX-го корпуса, заканчивали свое сосредоточеніе къ вечеру 12-го дня мобилизаціи; на Ю.-З. же фронтѣ — 3-ья и 8-ая арміи заканчивали свое сосредоточеніе (безъ III Кавк. корпуса и значительной части XXIV-го корпуса) къ 19-му дню мобилизаціи, а 4-ая и 5-ая арміи — къ 24-му дню. Тыловыя корпусныя и армейскія учрежденія подтягивались полностью позднѣе.

Слабость нашего Балтійскаго флота и незаконченность морской укрѣпленной позиціи Ревель-Поркалаудъ, долженствовавшей, совмѣстно съ флотомъ, преграждать непріятельскимъ морскимъ силамъ доступъ въ Финскій заливъ, дѣлали наше положеніе на ближайшихъ подступахъ къ столицѣ Имперіи и въ

Финляндіи крайне непрочнымъ, особенно въ виду неяснаго политическаго положенія, занятаго передъ войной Швеціей. Ввиду этого, какъ мною было уже отмѣчено выше, впредь до выясненія обстановки, намѣчалось оставленіе въ Финляндіи и въ районѣ Петербурга на первое время трехъ полевыхъ корпусовъ, образовавшихъ 6-ую армію, не входившую въ составъ фронта и непосредственно подчинявшуюся Верховному Главнокомандующему. Во главѣ этой арміи долженъ былъ стоять Великій Князь Николай Николаевичъ, который въ мирное время занималъ должность Главнокомандующаго войсками Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа. Однако, съ фактическимъ объявленіемъ войны, Великій Князь, какъ объ этомъ будетъ сказано впоследствии, былъ призванъ на высокій и отвѣтственный постъ Верховнаго Главнокомандующаго всѣми вооруженными силами Имперіи, вошедшими въ Дѣйствующую Армію.

По выясненіи обстановки и сформированіи второочередныхъ дивизій, которыя могли замѣнить полевые части, всѣ три полевыхъ корпуса 6-ой арміи намѣчались къ постепенной перевозкѣ на западный фронтъ, что въ дѣйствительности и было выполнено. Такимъ образомъ упомянутые три корпуса, по существу, являлись резервомъ въ распоряженіи Верховнаго Главнокомандующаго.

Полный составъ 6-ой арміи въ началѣ войны (генералъ фанъ-деръ-Флитъ) — Гвард., XVIII и XXII корпуса; 50-ая пѣх. дивизія; три второочередныхъ дивизій и 1½ кон. дивизій (всего 8 пѣх. дивизій, 5 стр. бриг. и 1½ кон. дивизій).

Наконецъ, на южныхъ границахъ Европейской Россіи, прилегающихъ къ Румыніи и Черноморскому побережью, ввиду невыяснившейся позиціи Румыніи и Турціи, предусматривалось формированіе, съ наблюдательными цѣлями, 7-ой арміи (генералъ Никитинъ), также непосредственно подчинявшейся Верховному Главнокомандующему и составленной изъ четырехъ второочередныхъ дивизій и 1½ кон. дивизій.

Всего Россія въ первую очередь могла выставить на западномъ фронтѣ: 28 полевыхъ корпусовъ, 1 первоочередную и 31 второочередную пѣх. дивизію и 31 конную дивизію, не входившихъ въ составъ корпусовъ, или 86 пѣх. дивизій, 10 стрѣлковыхъ бригадъ и 31 кон. дивизію (всего 1456 бат. 736 эск. и сотенъ и около 6.000 орудій, безъ пограничной стражи и корпусной конницы).

Если выдѣлить изъ этихъ силъ войска, которыя на первое время признавалось необходимымъ оставить въ районѣ Петербурга, въ Финляндіи и на южныхъ границахъ, примыкавшихъ къ Черному морю, то окажется, что для наступательныхъ цѣлей на С.-З. и Ю.-З. фронтахъ намѣчалось сосредоточеніе съ началомъ войны: 25 полевыхъ корпусовъ, 24 второочередныхъ пѣх. дивизій и 28 конныхъ дивизій, не входившихъ въ составъ корпусовъ, или 74 пѣх. дивизій, 5 стрѣлков. бригадъ и 28 кон. дивизій (всего 1224 бат., 664 эск. и сотенъ и свыше 5000 орудій).

Мы уже видѣли, что, согласно нашихъ подсчетовъ мирнаго времени, при направленіи главныхъ силъ Германіи на западный фронтъ, противъ насъ слѣ-

довало ожидать развертыванія отъ 15 до 19 неприятельскихъ корпусовъ, общео численностью 850—950 батальоновъ. Такимъ образомъ мы рассчитывали въ этомъ случаѣ имѣть надъ нашими противниками въ началѣ войны довольно значительный перевѣсъ въ силахъ (свыше 20%). Что касается сроковъ готовности, то въ этомъ вопросѣ дѣло обстояло далеко не столь благополучно. По нашимъ расчетамъ противники въ разбираемомъ случаѣ, т. е. при направленіи главныхъ силъ Германіи противъ Франціи, заканчивали свое сосредоточеніе полностью къ 15-му дню мобилизаціи; мы же къ этому времени могли считать подвезенными къ театру военныхъ дѣйствій лишь около половины всѣхъ силъ; полный же сборъ нашихъ войскъ могъ закончиться лишь къ концу 4-ой недѣли мобилизаціи.

Постепенно, по мѣрѣ формированія ополченскихъ частей, изъ состава 6-ой и 7-ой армій были переброшены на театръ военныхъ дѣйствій не только всѣ полковыя, но и второочередныя части.

Въ такомъ видѣ намѣчалось выполненіе развертыванія русской арміи на западныхъ границахъ, при условіи направленія главныхъ силъ Германіи противъ Франціи.

Изъ состава всѣхъ тѣхъ силъ, кои могли быть развернуты въ западно-пограничныхъ районахъ въ первую очередь, нѣсколько болѣе половины было предназначено для наступленія противъ Австріи; около трети — для развертыванія противъ Германіи и вторженія въ предѣлы Восточной Пруссіи и около шестой части — для обезпеченія столицы Имперіи и второстепенныхъ районовъ, вошедшихъ въ театръ военныхъ дѣйствій.

При такомъ распредѣленіи войскъ мы, однако, обезпечивали за собою лишь относительное превосходство въ силахъ (около 100 бат.) надъ австро-венгерской арміей, противъ которой намѣчался главный ударъ. Составителямъ плана, конечно, не могла не быть ясной эта его слабая сторона. Но другого выхода имъ не представлялось. Можно было, конечно, сожалѣть, что Россія, войдя въ союзныя отношенія съ Франціей, оказалась вынужденной ограничить извѣстными условіями свободу распоряженія собственными вооруженными силами, но нельзя было разматривать запротоколенныя соглашенія съ нашей союзницей, какъ пресловутый «клочокъ бумаги». Союзъ обязывалъ, и каждая сторона, вступившая въ соглашеніе, уважая себя, должна была найти въ себѣ волю для подчиненія собственныхъ намѣреній и выгодъ общимъ заданіямъ. Всякій, бывавшій на войнѣ, хорошо знаетъ, какъ пагубно отражается на общемъ замыслѣ участіе въ немъ ненадежныхъ партнеровъ или соудей. Россія не могла допустить, чтобы, въ результатѣ ея отступленія отъ принятыхъ на себя обязательствъ, могла сложиться на фронтѣ ея западныхъ союзниковъ обстановка, болѣе тяжелая, чѣмъ та, которая предусматривалась заранѣе. Ограничивая свои силы, собираемыя для удара противъ Австро-Венгріи, Россія имѣла къ тому-же основанія рассчитывать восполнить недостаточную численность своихъ войскъ ихъ доблестью и превосходствомъ надъ противникомъ, а также довольно значительнымъ перевѣсомъ въ численности конницы и полевой ар-

тиллерии. Кроме того, в состав армий Ю.-З. фронта процентное отношение полевых войск к второчередным было значительно больше выгодным, чем в армиях С.-З. фронта.

Наконец, надо иметь в виду, что в распоряжении Верховного Главнокомандующего оставались, в виде резерва, еще три полевых корпуса 6-ой армии, которые могли быть использованы в зависимости от обстановки. После состоявшегося в первый же период войны направления двух корпусов этой армии *) в состав Ю.-З. фронта, последний возрос до 18 полевых корпусов, что дало уже заметный численный перевес в наших силах над австрийцами.

Мы имели значительный, в общем больше чем двойной, перевес в коннице над нашими западными противниками. Отсюда могла родиться мысль о целесообразности массового набѣга этой конницы на неприятельскую территорию с началом открытия военных действий. Теоретически можно было даже намѣтить крайне выгодные направления для такого набѣга, например — от средней Вислы, по лѣвому берегу, вглубь Германии. Но осуществлению этой операции — хотя и заманчивой, но очень трудной, в условиях культурной неприятельской страны, — мешали многие обстоятельства. Такая операция требует прежде всего внезапности. Между тем инициатива объявления войны, а значить, и открытия военных действий, вследствие миролюбивой политики России, едва ли когда либо могла принадлежать нам; наши противники, таким образом, всегда могли иметь в своем распоряжении время, необходимое для осуществления тех мероприятий по прикрытию пограничных районов, которые были ими заблаговременно, и притом крайне тщательно и целесообразно, разработаны.

С другой стороны, наша конница, сверх тех заданий, которые обычно возлагаются на этот род оружия в первоначальный период развертывания войск, должна была нести еще специальные задачи по наблюдению и прикрытию тех направлений, кои не могли войти в районы непосредственного развертывания армий, и без того раскинувшихся в пограничной полосе, по местным условиям, на слишком широком фронте во много сотен верст; ко всему тому, несмотря на доблесть и порыв наших конных частей, с коими они прибыли на границу, части эти были крайне мало подготовлены, и еще менее технически снабжены, для самостоятельной и продолжительной работы в неприятельской стране, в обстановке современной войны. При таких условиях и наличии у неприятеля воздушных средств разведки, велосипедных и мотоциклетных команд, броневых машин, широкой телеграфной и телефонной сети, — трудно было рассчитывать на успех какого-либо глубокого рейда. Вернее думать, что этот последний лишь в конце измотал бы силы нашей конницы и надолго вывел бы ее из строя. Пример работы нашей конницы в Восточной Пруссии, о которой рѣчь будет впереди,

*) XXII корпус в это время еще не мог быть выведен из Финляндии.

— яркое тому доказательство. Наконецъ, для успѣха такой отвѣтственной и сложной операціи, нужны исключительные кавалерійскіе начальники, которыхъ, къ сожалѣнію, наша конница, въ условіяхъ мирной жизни, не сумѣла выдвинуть.

Выше было отмѣчено, что напряженіе, которое имѣла въ виду проявить Россія при борьбѣ на западномъ фронтѣ, не исчерпывалось тѣми силами, которыя были включены въ основное боевое расписаніе. Предполагалось привлечь еще войска изъ отдаленныхъ округовъ, въ которыхъ оставались, хотя мобилизованные, но не получившіе окончательнаго назначенія 9 корпусовъ и 4 второочередныхъ дивизіи. Изъ числа этихъ войскъ считалось необходимымъ оставить на мѣстахъ, до полнаго выясненія политической обстановки, всѣ второочередныя дивизіи и, сверхъ того, два корпуса на Дальнемъ Востокѣ и по одному корпусу въ Закавказьи и Туркестанѣ. Такимъ образомъ, въ первую очередь были предназначены для отправки на западный театръ военныхъ дѣйствій: изъ Сибири — III, II и I Сибирскіе корпуса, съ Кавказа — II Кавказскій корпусъ и изъ Туркестана — I Туркестанскій корпусъ, изъ двухъ стрѣлковыхъ бригадъ, со включеніемъ въ него также 11-й Сибирской стрѣлк. дивизіи изъ Омска.

Хотя мы и предвидѣли вѣроятность войны съ Турціей на Кавказскомъ фронтѣ, но это не остановило нашей рѣшимости притянуть на главный западный театръ все, что можно, ограничиваясь оставленіемъ на Кавказѣ и въ смежномъ съ нимъ Туркестанѣ минимальнаго количества войскъ. — Присоединеніе Японіи къ Державамъ Согласія позволило намъ впоследствии взять изъ Сибири всѣ остальные корпуса и второочередныя дивизіи и даже перебросить на театръ военныхъ дѣйствій войска Заамурскаго округа пограничной стражи, переформированныя въ особый корпусъ. И такимъ образомъ не менѣе пяти и до восьми корпусовъ, считая замурцевъ, должны были дополнительно прибыть на западный фронтъ, гдѣ эти силы могли быть использованы въ соотвѣтствіи съ той обстановкой, которая сложится ко времени ихъ прибытія. Это обстоятельство давало русскому Верховному Главнокомандующему право вести первыя боевыя операціи съ болѣе широкимъ и смѣлымъ размахомъ.

При предназначеніяхъ на высшія командныя должности военного времени и установленіи порядка формированія штабовъ фронтовъ и армій были приняты всѣ мѣры, чтобы обезпечить надлежащій подборъ лицъ. Главнокомандующимъ арміями Сѣверо-Западнаго фронта былъ назначенъ генералъ Жилинскій, занимавшій почти три года должность Начальника Генеральнаго Штаба и перешедшій затѣмъ на должность Командующаго войсками Варшавскаго военного округа; должность Начальника Штаба этого фронта долженъ былъ принять генералъ Орановскій, занимавшій въ мирное время должность Начальника Штаба Варшавскаго округа, специализировавшагося на преимущественномъ изученіи германскаго фронта. На должность Главнокомандующаго арміями Юго-Западнаго фронта былъ назначенъ генералъ Ивановъ, перешедшій

съ мобилизаціей на этотъ постъ съ поста Командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа; Начальникомъ штаба этого фронта долженъ былъ быть генералъ Алексѣевъ, стоявшій нѣсколько лѣтъ во главѣ Штаба Кіевскаго военнаго округа; въ этомъ же штабѣ было сосредоточено детальное изученіе въ военномъ отношеніи Австро-Венгерской монархіи. Въ составъ штабовъ обоихъ фронтовъ вошло также по нѣскольку офицеровъ Генеральнаго Штаба изъ штабовъ соотвѣтственныхъ пограничныхъ округовъ. Командующій 1-ой арміей генералъ Ренненкампфъ — занималъ до войны должность Командующаго войсками Виленскаго военнаго округа, на территоріи котораго его армія и должна была развернуться; для сформированія же штаба этой арміи цѣликомъ былъ использованъ штабъ того-же Виленскаго округа. Личный составъ 3-й и 8-й армій, развертывавшихся на территоріи Кіевскаго военнаго округа, — почти цѣликомъ былъ взятъ изъ штаба и управленій этого округа. Штабы 4-ой и 5-ой армій были соотвѣтственно сформированы изъ штабовъ Казанскаго и Московскаго военныхъ округовъ, офицеры коихъ ежегодно командировались на полевые поѣздки въ районы развертыванія этихъ армій. Наконецъ, для формированія органовъ управленія 2-ой арміи каждое назначеніе было также по возможности продумано. Командующій арміей генералъ Самсоновъ пользовался большой и вполне заслуженной боевой и служебной репутаціей. За нѣсколько лѣтъ до войны онъ занималъ должность Начальника Штаба Варшавскаго военнаго округа. Начальникъ Штаба армій, генералъ Постовскій — бывшій Генералъ-Квартирмейстеръ штаба того-же Варшавскаго округа, который одно время даже продвигался мѣстнымъ начальствомъ на должность начальника штаба этого округа. Генералъ-Квартирмейстеръ армій — генералъ Филимоновъ — бывшій начальникъ штаба Новогеоргіевской крѣпости. Начальникъ оперативнаго отдѣленія этой арміи былъ назначенъ изъ офицеровъ Генеральнаго Штаба, служившихъ въ оперативной части Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба (полковникъ Вяловъ). Всѣ эти лица, такимъ образомъ, должны были по прежней своей службѣ хорошо знать германскій фронтъ и задачи армій. Даже на случайно освободившейся постъ командира XIII-го корпуса, включеннаго въ составъ 2-ой арміи, было съ нарочитою цѣлью назначено лицо (генералъ Клюевъ), занимавшее раньше постъ начальника штаба Варшавскаго военнаго округа и имѣвшее по этой должности извѣстныя общепризнанныя заслуги. Ко всему изложенному слѣдуетъ еще добавить, что, при опредѣленіи состава армій, преслѣдовалась цѣль образованія ихъ по возможности изъ войскъ того округа, изъ управленій котораго формировался штабъ арміи. Всѣ эти мѣры, конечно, должны были облегчить предстоящую боевую работу армій

Здѣсь умѣстно будетъ также упомянуть, что въ Апрѣлѣ 1914-го года, т. е. всего за три мѣсяца до начала войны, была наконецъ осуществлена въ г. Кіевѣ стратегическая военная игра, въ которой приняли непосредственное участіе всѣ Командующіе войсками военныхъ округовъ Европейской Россіи — будущіе Главнокомандующіе и Командующіе арміями, съ ихъ начальниками штабовъ. Надо замѣтить, что занятія военной игрой получили въ русской ар-

ми довольно широкое развитие лишь среди офицеровъ Генеральнаго Штаба и, въ самое послѣднее десятилѣтіе передъ войной, лишь отчасти въ войсковыхъ частяхъ. Старшіе начальники къ нимъ привлекались, въ качествѣ участниковъ, крайне рѣдко, и этого рода занятія не пользовались ихъ любовью. Если отъ времени до времени и организовывались военныя игры для болѣе крупныхъ начальниковъ, то все же онѣ ограничивались предѣлами одного какого-либо военного округа. Значеніе же военной игры, организованной въ Кіевѣ въ 1914-мъ году, именно и заключалось въ томъ, что, для участія въ ней, были собраны почти всѣ лица, долженствовавшія съ мобилизаціей занять самыя высокія и отвѣтственные посты въ Дѣйствующей Арміи. Кромѣ того въ основу этой игры были положены имѣвшіяся свѣдѣнія о силахъ и намѣреніяхъ нашихъ предполагаемыхъ противниковъ — Германіи и Австро-Венгріи, вѣроятная политическая обстановка и наши дѣйствительныя предположенія на случай войны съ Центральными Державами Европы. Вслѣдствіе этого, на описываемой военной игрѣ должны были разыгратъ стратегическія комбинаціи, весьма близкія къ тѣмъ, кои впоследствии развернулись въ дѣйствительности, и потому участники таковой игры, при желаніи, могли вынести изъ нея много полезнаго.

Мысль объ одновременномъ созывѣ всѣхъ высшихъ чиновъ арміи, коимъ во время войны предстояло занять отвѣтственные посты, съ тою цѣлью, чтобы на практикѣ, путемъ военной игры, ознакомить ихъ съ наиболее вѣроятной обстановкой, въ ея цѣломъ, и совместно обсудить рѣшенія, которыя могли бы быть въ этой обстановкѣ приняты, родилась еще въ концѣ 1910-го года. Ей очень сочувствовалъ бывшій Военный Министръ Генераль Сухомлиновъ. Однако, при проведеніи таковой мысли въ жизнь, пришлось натолкнуться на упорѣйшее внутреннее сопротивленіе со стороны тѣхъ, кто, повидимому, опасался обнаружить во время этихъ занятій свою отсталость въ военномъ дѣлѣ, или усматривалъ въ нихъ лишь обидную для себя и своего служебнаго положенія провѣрку знаній и опыта въ управленіи войсковыми массами. Игра, организованная въ началѣ 1911-го года, была сорвана самымъ внезапнымъ образомъ. — Уже все для нея было подготовлено. — Потрачено много труда на предварительную разработку программы и подготовку данныхъ. — Назначено время и мѣсто. — Всѣ предположенные участники вызваны въ Петербургъ. — Говорилось о вѣроятномъ посѣщеніи занятій Государемъ, какъ Верховнымъ Вождемъ Арміи. — Въ назначенный день и къ условленному часу въ залахъ Зимняго Дворца, гдѣ должна была происходить военная игра, были разставлены столы, на нихъ разложены топографическія карты и прочіе необходимые матеріалы. — Оставалось раздать заданія, съ которыми я и прибылъ во Дворецъ. И вдругъ... по телефонному звонку, въ часъ начала игры — полная отмена. Сборъ Командующихъ войсками и ихъ начальниковъ штабовъ предложено использовать для обычныхъ ежегодно практиковавшихся совѣщаній о мѣстныхъ нуждахъ округовъ. Такъ неожиданно и, скажу, довольно обидно окончилась первая попытка влить свѣжую живую струю въ нашу подготовку къ военнымъ операціямъ. Потребовалось три года и довольно большая настойчивость, чтобы

стало возможнымъ, почти наканунѣ войны, осуществленіе этой крайне важной и, думается мнѣ, полезной мысли.

Результаты первой военной игры конечно не могли быть полными. Приходилось считаться съ огромными трудностями, встрѣченными при руководствѣ ею, которыя проистекали какъ изъ недостатка опыта, такъ и изъ того, что необходимо было считаться съ высокимъ служебнымъ положеніемъ участниковъ и ихъ недоверіемъ къ дѣйствительнымъ цѣлямъ игры. Тѣмъ сильнѣе приходится сожалѣть, что организація такихъ занятій, которыя безспорно способствовали бы самоусовершенствованію нашего высшего команднаго состава и установленію среди него единства взглядовъ и взаимнаго пониманія, встрѣчала столь долгое и упорное противодѣйствіе. Позволительно думать, что многіе роковые промахи и ошибки могли бы быть избѣгнуты во время войны, при болѣе продолжительномъ опытѣ и довѣрчивомъ отношеніи къ этимъ занятіямъ со стороны участниковъ таковыхъ.

Наши морскія силы, исключая тѣ суда, кои находились на Дальнемъ Востока и въ заграничныхъ портахъ, были разъединены географическими условіями на двѣ независимыя другъ отъ друга части, соотвѣтственно находившіяся въ Балтійскомъ и Черномъ моряхъ. Съ объявленіемъ мобилизаціи Балтійскій флотъ, крайне ограниченный по своему боевому составу, получалъ задачу, опираясь на береговые укрѣпленія Ревель-Поркалаудъ, преграждать непріятельскому флоту входъ въ Финскій заливъ. Такъ какъ задача флота являлась частью болѣе общей задачи, возлагавшейся на 6-ую армію по прикрытію столицы Имперіи и оборонѣ Финляндіи, то для объединенія морскихъ и сухопутныхъ дѣйствій, Командующій морскими силами Балтійскаго моря былъ подчиненъ Главнокомандующему 6-ой арміей*). Задача Черноморскаго флота являлась болѣе широкой и самостоятельной: флотъ долженъ былъ поддерживать наше господство въ Черномъ морѣ. Въ соотвѣтствіи съ сѣмъ, Командующій морскими силами Чернаго моря — адмиралъ Эбергардтъ — былъ поставленъ въ непосредственное подчиненіе Верховному Главнокомандующему.

Уже съ давнихъ поръ между военнымъ и военно-морскимъ вѣдомствомъ велся безконечный споръ по вопросу о взаимоотношеніи флота и береговыхъ укрѣпленій, въ особенности же о томъ, кому должны были быть подчинены приморскія крѣпости — базы. Какъ извѣстно, вопросы эти въ различныхъ государствахъ рѣшались различно и, при изученіи ихъ, можно было натолкнуться на курьезы, вродѣ подчиненія въ предѣлахъ одной и той же крѣпости батарей, смотрящихъ въ море — военно-морскому начальству, а батарей, входящихъ въ сухопутную оборону — сухопутному начальству. Морскому Министру адмиралу Григоровичу, при разрѣшеніи вопроса о созданіи укрѣпленной позиціи Ревель-Поркалаудъ, удалось отстоять передачу этой позиціи и постройку крѣпости Императора Петра I у Ревеля въ руки морского вѣдомства; это предрѣшало и судьбу Севастопольской крѣпости, которая, съ переходомъ къ военному времени, была подчинена Командующему морскими силами Чернаго моря.

*) Почетное званіе, которое сохранилось лично за командующимъ 6-й арміей.

Съ объявленіемъ общей мобилизаціи и связаннымъ съ нею приступомъ къ сосредоточенію Дѣйствующей Арміи къ западнымъ границамъ, территоріи Виленскаго, Варшавскаго, Кіевскаго (только губерніи праваго берега Днѣпра) и частью Петербургскаго и Одесскаго пограничныхъ военныхъ округовъ — должны были составить театръ военныхъ дѣйствій, съ подчиненіемъ такового военной власти. При этомъ, нѣсколько видоизмѣнились границы военныхъ округовъ и, въ соотвѣтствіи съ условіями военного времени, военно-окружныя управления изъ Вильны и Варшавы должны были перемѣститься соотвѣтственно въ Двинскъ и Минскъ. Территорію С.-З. фронта, при вариантѣ А, долженъ былъ составить Двинскій военный округъ, а территорію Ю.-З. — Минскій и Кіевскій военные округа. Однако, это разграниченіе тыловъ было уже 12-го Августа измѣнено въ томъ смыслѣ, что Минскій военный округъ перешелъ къ Главному Начальнику Снабженій С.-З. фронта, съ изытіемъ изъ его вѣдѣнія лишь нѣкоторыхъ желѣзнодорожныхъ линій, необходимыхъ для обслуживания 4-ой и 5-ой армій Ю.-З. фронта. Что касается Петербургскаго и Одесскаго военныхъ округовъ, то таковыя должны были образовать территорію отдѣльныхъ 6-ой и 7-ой армій, причѣмъ командуящими этими арміями, какъ не входившими въ составъ армій фронтовъ, непосредственно подчинялись Верховному Главнокомандующему. Наконецъ, территорія упразднявшагося Варшавскаго военного округа должна была составить войсковые районы тѣхъ армій, кои на ней развертывались и дѣйствовали.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о вариантѣ Г (Германія), осуществленіе котораго предполагалось въ томъ, хотя и менѣе вѣроятномъ, но не исключавшемся случаѣ, если бы Германія рѣшилась направить, съ началомъ войны, значительныя силы на свой восточный фронтъ. При такихъ условіяхъ Россія имѣла бы противъ себя соединенныя силы обѣихъ Центральныхъ Державъ, которыя не только превосходили бы русскія вооруженныя силы своею численностью, но еще имѣли бы на своей сторонѣ огромное преимущество въ срокахъ готовности, несмотря на то, что въ этомъ случаѣ ихъ собственное сосредоточеніе, конечно, должно было нѣсколько затянуться. Очевидно, мы не могли рассчитывать воспрепятствовать вторженію нашихъ противниковъ въ предѣлы собственной территоріи и потому въ основаніе нашего стратегическаго развертыванія должно было быть положено прежде всего условіе его безопасности. Обстановка повелительно требовала въ этомъ случаѣ болѣе глубокаго отнесенія зонъ нашего развертыванія внутрь страны. Оборона Передового театра являлась невозможной, такъ какъ этотъ театръ неизбежно охватывался неприятелемъ со всѣхъ сторонъ. Весь первый періодъ войны долженъ былъ принять оборонительный характеръ, въ ожиданіи подхода всѣхъ войскъ изъ Сибири, Туркестана и Закавказья или измѣненія обстановки, подъ влияніемъ событій на союзномъ намъ западномъ фронтѣ. Въ такихъ условіяхъ весьма рельефно вырисовывалось раздѣляющее значеніе нашего Полѣсся, представляющаго и до сихъ поръ большія затрудненія для веденія въ немъ операцій крупнаго масштаба. Такъ какъ для нашихъ противниковъ главнѣйшіе и кратчайшіе пути къ

объёмъ столицамъ Имперіи — Петербургу и Москвѣ, являвшимся вмѣстѣ съ тѣмъ жизненными центрами всей страны, пролегалъ къ сѣверу отъ Полѣсья, то на сѣверномъ участкѣ общаго фронта естественно и подлежала развертыванію большая часть нашихъ вооруженныхъ силъ. По соображеніямъ, составленнымъ къ новому мобилизаціонному расписанію, изъ 28 полевыхъ корпусовъ, включенныхъ въ основное боевое расписаніе, 20 корпусовъ (арміи 6, 4, 1, 2 и 5 съ добавлением одного корпуса изъ состава 8-ой арміи) должны были развернуться къ сѣверу отъ р. Припяти, съ главными силами, примѣрно, на фронтѣ нашихъ основныхъ крѣпостей Ковно-Гродно-Брестъ Литовскъ (1, 2 и 5-ая арміи), имѣя за правымъ открытымъ флангомъ уступъ въ районѣ Ново-Свѣнцианъ (4-ая армія) и, конечно, особую армію (6-ую) на подступахъ къ столицѣ Имперіи — Петербургу. Последнему въ данномъ случаѣ болѣе чѣмъ когда-либо могла угрожать опасность десанта. При отсутствіи же такового, эта армія, пользуясь желѣзнодорожною сѣтью, легко могла быть подана на фронтъ въ желаемомъ направленіи.

Къ югу отъ Полѣсья имѣлось въ виду развернуть, при данной обстановкѣ, только восемь корпусовъ (арміи 3-ья и 8-ая), которые должны были взять на себя задачу прикрытія путей къ р. Днѣпру. Соответственно этому раздѣленію силъ на два фронта, перераспредѣлялась между послѣдними и территория театра военныхъ дѣйствій, съ разграничительной линіей, проходившей черезъ Полѣсье. Такимъ образомъ, Минскій военный округъ переходилъ въ подчиненіе Сѣверному фронту.

Примѣрно въ той же пропорціи, какъ и полевая войска, между фронтами распредѣлялись и второочередныя части. Въ общемъ — 70% всѣхъ силъ, включенныхъ въ основное боевое расписаніе (свыше 1000 батальоновъ), подлежали, по варианту Г, сосредоточенію къ сѣверу отъ Полѣсья на фронтѣ противъ Германіи. Къ этимъ силамъ, начиная со второго мѣсяца войны, могли начать свой подходъ войска отдаленныхъ округовъ.

Такимъ образомъ, и въ этомъ случаѣ мы могли рассчитывать имѣть противъ главной массы непріятельскихъ войскъ — на сей разъ германскихъ — нѣкоторый численный перевѣсъ въ силахъ.

Что касается нашей боевой готовности, то таковая оставалась прежней, т. е. для войскъ Европейской Россіи — конецъ 4-ой недѣли. И хотя для сосредоточенія противъ насъ 18-ти германскихъ полевыхъ корпусовъ съ соответственнымъ числомъ резервныхъ формированій требовалось, по нашимъ подсчетамъ, около 18-ти дней, все же мы оставались въ этомъ отношеніи, значительно позади нашихъ противниковъ. Положеніе осложнялось еще и тѣмъ, что германцы, пользуясь нашей неготовностью, могли начать наступленіе и ранѣе полнаго окончанія ихъ сосредоточенія.

Выше я имѣлъ уже случай отмѣтить, что основнымъ вариантомъ нашего стратегическаго развертыванія являлся вариантъ А, и что онъ долженъ былъ автоматически осуществляться съ объявленіемъ общей мобилизаціи. Что касается варианта Г, то для перехода къ нему должно было послѣдовать особое приказаніе, въ зависимости отъ дѣйствительно выяснившейся обстановки. Въ

соответствіи съ этимъ условіемъ планы перевозки по желѣзнымъ дорогамъ тѣхъ войсковыхъ эшелоновъ, которые должны были мѣнять свое направленіе, были составлены такимъ образомъ, что, если бы такое дополнительное приказаніе послѣдовало въ теченіе первой недѣли или даже нѣсколько позднѣе, то переходъ отъ варианта А къ варианту Г могъ быть совершенъ безъ всякой ломки и коренныхъ разстройствъ въ работѣ желѣзныхъ дорогъ. Вся задача заключалась лишь въ томъ, чтобы своевременно вскрыть дѣйствительныя намѣренія Германіи, которыя, при организованномъ наблюденіи, не могли долгое время оставаться тайной.

И дѣйствительно, Русское Верховное Главнокомандованіе, путемъ установленія съ перваго дня мобилизаціи наблюденія за перевозкою германскихъ войскъ, весьма скоро получило неопровержимыя доказательства того, что главныя силы направляются Германіей на западъ. Поэтому, принятый къ выполненію съ того-же перваго дня вариантъ А стратегическаго развертыванія русскихъ вооруженныхъ силъ былъ доведенъ до конца съ тѣми измѣненіями, которыя вытекали изъ болѣе детальнаго выясненія обстановки и о которыхъ будетъ упомянуто въ дальнѣйшихъ главахъ.

ГЛАВА V.

Назначеніе Верховнаго Главнокомандующаго. — Первые дни мобилизаціи и войны. Нѣкоторыя правительственныя мѣропріятія. — Настроенія въ обществѣ и въ народѣ. — Ставка и ея жизнь.

По основнымъ законамъ Россійской Имперіи, Верховнымъ Вождемъ всѣхъ вооруженныхъ силъ Россіи являлся Государь Императоръ. Назначеніе на время войны особаго Верховнаго Главнокомандующаго предусматривалось Положеніемъ о полевомъ управленіи войскъ въ военное время лишь на тотъ случай, если бы Государь не выразилъ желанія предводительствовать войсками лично. — Императоръ Николай II не желалъ, повидимому, заранѣе связывать себя какимъ либо рѣшеніемъ и потому вопросъ о порядкѣ высшаго управленія войсками въ случаѣ войны оставался въ мирное время не до конца выясненнымъ. Не было опредѣленнаго указанія на то, что Государь лично станетъ во главѣ войскъ, но не было также сдѣлано никакихъ распоряженій на другой случай. — Вопросъ попросту оставался на вѣсу.

Заблаговременно, какъ это было принято въ отношеніи вообще всѣхъ высшихъ должностей военнаго времени, послѣдовало предназначеніе Верховною властью лишь ближайшихъ сотрудниковъ будущаго Верховнаго Главнокомандующаго. Начальникомъ его штаба долженъ былъ быть Генераль Янушевичъ, занявшій незадолго до войны, по личному избранію Государя, должность Начальника Генеральнаго штаба; къ замѣщенію должности Генераль-Квартирмейстера при Верховномъ Главнокомандующемъ былъ назначенъ я, какъ

*X, "Смѣна Красавицы", какъ называли его + Акарацин.
Болгарской секции, Бѣлошанской мафии. Какъ она кончатъ
на дѣланы Нѣко Шкоп. Гл.? Кривобелинъ Сурковичъ*

занимавший въ мирное время въ теченіе пяти лѣтъ должность Генераль-Квартирмейстера Генеральнаго штаба.

Неопредѣленное положеніе вопроса о Верховномъ Главнокомандованіи нельзя было, конечно, признать нормальнымъ. При условіи, что Государь Императоръ могъ, съ наступленіемъ войны, признать для себя невозможнымъ стать лично во главѣ войскъ, его замѣститель неизбѣжно долженъ былъ оказаться въ счѣн трудномъ положеніи. Извѣстно, насколько важно, чтобы исполнителемъ плана являлся его составитель; въ данномъ же случаѣ будущій отвѣтственный руководитель войной былъ лишень возможности не только оказать влияние, но даже заблаговременно и достаточно подробно ознакомиться съ подготовительными къ войнѣ работами; ближайшіе же его сотрудники не были съ нимъ спаяны предварительной совмѣстной работой мирнаго времени.

Въ первые дни по объявленіи войны ходили довольно упорные слухи о томъ, что Государь имѣетъ ввиду лично стать во главѣ дѣйствующихъ армій и флота. Я склоненъ думать, что эти слухи имѣли подъ собою реальные основанія и что таковыми дѣйствительно были намѣренія Государя. — Не скрою, что я очень сожалѣлъ о наличіи такого предположенія и въ этомъ отношеніи я раздѣлялъ лишь мнѣніе многихъ другихъ. Не мало самыхъ глубокихъ сомнѣній возникало по сему поводу.

Въ лицѣ Германіи и Австро-Венгріи мы имѣли передъ собою весьма серьезныхъ противниковъ, притомъ, какъ уже было отмѣчено, превосходившихъ насъ въ быстротѣ изготовленія ихъ армій. Нельзя было, конечно, предвидѣть вообще, а въ данной обстановкѣ въ особенности, какъ повернется колесо военнаго счастья, и потому крайне неосторожно было бы ставить авторитетъ Главы Государства въ какое либо соотношеніе со всегда возможными колебаніями на фронтѣ. Съ другой стороны, въ виду грандіозности предстоявшей борьбы, все государство должно было подвергнуться крайне серьезнымъ внутреннимъ напряженіямъ и даже испытаніямъ, которыя требовали не только сосредоточенія вниманія Верховной власти на внутренней жизни страны, но и преимущественнаго пребыванія Главы Государства въ центрѣ этой страны, а не на театрѣ военныхъ дѣйствій. Должна была смущать и недостаточность военнаго опыта у Государя, не успѣваго, въ бытность Наслѣдникомъ, на практикѣ пройти черезъ высшія командныя должности въ арміи, и еще болѣе то многочисленное окруженіе, которое, подъ видомъ Царевой свиты, неизбѣжно утвердилось бы въ Ставкѣ и которое, не неся никакой отвѣтственности, могло до крайности осложнить и затруднить работу высшаго командованія. — Оцѣнивая всю сложность и трудность положенія, въ случаѣ личнаго предводительствованія дѣйствующими войсками, Государь поставилъ этотъ вопросъ на обсужденіе въ особомъ Совѣщаніи изъ Министровъ, на которомъ большинство изъ присутствовавшихъ высказали соображенія не въ пользу отъѣзда Государя къ арміи. Подъ влияніемъ этихъ совѣтовъ, Государь до времени отказался отъ первоначальной мысли — стать во главѣ войскъ, отправлявшихся на театръ военныхъ дѣйствій.

Итакъ, предстоялъ выборъ Верховнаго Главнокомандующаго. — Въ обще-

ствѣ и арміи знали только одного кандидата; таковымъ быть Великій Князь Николай Николаевичъ. — Человѣкъ крупнаго размаха, прямой, рѣшительный, получившій законченное высшее военное образованіе, имѣвшій за собою опытъ Турецкой войны, связанной съ популярнымъ именемъ его отца — Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, импонировавшій своею вышностью, прошедшій, наконецъ, рядъ строевыхъ должностей отъ младшаго офицера до Главнокомандующаго стolicнымъ военнымъ округомъ включительно, — въ такомъ видѣ рисовался обликъ Великаго Князя Россіи. Люди, ближе его знавшіе, особенно офицерство, нѣсколько опасливо относились къ его порывистости и подчасъ рѣзкости, но эта черта характера съ годами сглаживалась, а искренность и рыцарское благородство, всегда руководившія его поступками, отнимали почву для долгой обиды. — Великій Князь, на протяжении своей многолѣтней службы въ арміи, занималъ рядъ очень отвѣтственныхъ должностей — Генераль-Инспектора кавалеріи, Главнокомандующаго войсками Гвардіи и Петербургскаго военного округа, Предсѣдателя Комитета Государственной обороны. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ предназначался, въ случаѣ войны, на отвѣтственный постъ Главнокомандующаго арміями для дѣйствій противъ Германіи и лишь во время управленія Военнымъ Министерствомъ Генерала Сухомлинова, у котораго были личные непріязненные отношенія къ Великому Князю, послѣдній былъ назначенъ на менѣе активную должность Главнокомандующаго 6-ой отдѣльной арміей, долженствовавшей прикрывать столицу Имперіи. По всѣмъ перечисленнымъ выше должностямъ Великій Князь имѣлъ возможность, ближе другихъ, ознакомиться съ подготовительными къ войнѣ соображеніями, хотя и мѣнявшимися, но все же, до извѣстной степени, носившими преемственный характеръ. На этихъ же должностяхъ Великимъ Княземъ приобретено было и обширное знакомство съ личнымъ составомъ арміи, особенно въ періодъ нахождения его во главѣ стolicнаго военного округа, такъ какъ почти всякій пріѣзжавшій въ Петербургъ войсковой начальникъ считалъ своимъ долгомъ представиться Августѣйшему Главнокомандующему.

Имя Великаго Князя было также извѣстно за границей. Года за два до войны, Великій Князь, окруженный импозантною свитой, посѣтилъ Францію, гдѣ произвелъ весьма сильное впечатлѣніе на нашихъ союзниковъ. — Его горячо чествовали, какъ будущаго Верховнаго Главнокомандующаго русской арміей.

При дворѣ Великаго Князя, однако, не всѣ любили; вѣрнѣе, боялись его вліянія и личной популярности; преувеличивали также его честолюбіе. вмѣстѣ съ тѣмъ не желали замѣчать его искренней лояльности и преданности идеѣ Царя, въ которой онъ выросъ и самовоспитался. Близко, изо дня въ день и при разноразной обстановкѣ наблюдая Великаго Князя, я вынесъ глубокое убѣжденіе, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ преданныхъ Императору Николаю людей.

Повидимому неблагопріятныя Великому Князю дворцовыя теченія послужили основаніемъ тому, что, рядомъ съ именемъ Великаго Князя, стали называть, какъ возможнаго кандидата на постъ Верховнаго Главнокомандующаго, Военнаго министра Генерала Сухомлинова. Это былъ человѣкъ несомнѣнно

способный, но мало вдумчивый, скажу болѣе — для своего отвѣтственнаго поста легкомысленный. Будучи въ свое время хорошо образованнымъ, Генераль Сухомлиновъ пересталъ вполнѣ интересоваться военнымъ дѣломъ и потому постепенно значительно отсталъ отъ такового, потерявъ способность оцѣнивать значеніе нѣкоторыхъ новѣйшихъ въ немъ факторовъ. Лишенный дара слова, онъ рѣдко и всегда мало удачно выступалъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ, почти никогда не удосуживался бывать въ думскихъ комиссіяхъ и не пользовался въ Таврическомъ дворцѣ ни авторитетомъ, ни симпатіями. — Не любя работы и никогда не отдавая себя ей, онъ вынужденъ былъ довѣрять своимъ сотрудникамъ, которыхъ предпочиталъ выбирать изъ среды лицъ, знакомыхъ ему по предшествовавшей службѣ въ Кіевскомъ военномъ округѣ. — Извѣстно, что этотъ округъ, во главѣ котораго долго стоялъ М. И. Драгомировъ, стяжалъ себѣ одно время выдающуюся репутацию своей боевой подготовкой, и службою въ немъ практически воспиталось цѣлое поколѣніе офицеровъ Генеральнаго штаба. — Предоставляя своимъ ближайшимъ помощникамъ и сотрудникамъ свободу въ работѣ, которая, будучи мало регулируема, нерѣдко шла во вредъ единству дѣла, Генераль Сухомлиновъ въ то же время ревниво оберегалъ и упрямо отстанвалъ тѣ, немногія впрочемъ, основы устройства арміи и ея подготовки, которыя почему либо запечатлѣлись у него, какъ непререкаемыя. Сдвинуть его съ этихъ положеній бывало до чрезвычайности трудно, и это обстоятельство создавало иногда невыносимые для его сотрудниковъ тиски. Будучи по натурѣ большимъ себялюбцемъ, Генераль Сухомлиновъ никогда не могъ, а вѣрнѣе, и не хотѣлъ отрѣшиться отъ личныхъ счетовъ съ людьми. Своими мягкими, почти кошачьими манерами онъ умѣлъ очаровывать людей, которымъ хотѣлъ нравиться, и одно время пользовался большимъ вліяніемъ у Государя. Мало искренній, подозрительный и мстительный, онъ нерѣдко пользовался этимъ вліяніемъ, чтобы жестоко раздѣливаться съ тѣми, кого считалъ для себя опасными. Примѣры тому — Генералы Мышлаевскій и Поливановъ. Въ частной жизни Генераль Сухомлиновъ окружилъ себя сѣтью льстецовъ, злостныхъ сплетниковъ и авантюристовъ. — Я думаю, что связь съ этими людьми и положила начало тѣмъ тягчайшимъ испытаніямъ, которыя вполнѣ выпали на его печальную долю. Былъ ли Генераль Сухомлиновъ виновенъ въ тѣхъ преступленіяхъ, въ которыхъ его обвиняли? Думаю, что въ предательствѣ и измѣнѣ своей Родинѣ не повиненъ. Но несомнѣнно, что вокругъ него, въ домѣ на Мойкѣ, водворилась нездоровая атмосфера, и нельзя не сожалѣть о томъ порядкѣ, при которомъ возможно было занятіе одного изъ очень отвѣтственныхъ государственныхъ постовъ, въ теченіе семи исключительно трудныхъ лѣтъ, столь неподходящимъ лицомъ, каковымъ былъ генераль Сухомлиновъ.

Слухи о возможности предстоящаго назначенія Генерала Сухомлинова на высокой постъ Верховнаго Главнокомандующаго имѣли подъ собою вполнѣ реальную почву. Объ этомъ мнѣ говорилъ Начальникъ Генеральнаго штаба Генераль Янушкевичъ, который едва ли не самъ принималъ участіе въ выдвиже-

ни этой кандидатуры на случай, если не состоится назначение на постъ Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича. Циркулировавшіе въ столицѣ вокругъ этого вопроса слухи очень волновали общество, пока наконецъ 2-го Августа не появился Высочайшій указъ о назначеніи Верховнымъ Главнокомандующимъ дѣйствующихъ арміи и флота Великаго Князя Николая Николаевича.

Рѣшившись на назначеніе особаго Верховнаго Главнокомандующаго, Государь, однако, едва-ли окончательно разстался съ мыслью о томъ, чтобы принять самому въ будущемъ Верховное руководство войсками. Объ этомъ, между прочимъ, свидѣтельствовали слова указа о назначеніи Главнокомандующимъ Великаго Князя, каковое назначеніе мотивировалось невозможностью, по причинамъ обще-государственнаго характера, стать Государю теперь же во главѣ сухопутныхъ и морскихъ силъ, привлеченныхъ для военныхъ дѣйствій. — Выходило такъ, что назначеніе Великаго Князя являлось какъ бы временнымъ, и это свое положеніе Великій Князь всегда учитывалъ, особенно подчеркивая его въ періоды пребыванія Государя въ арміи.

Со дня назначенія Великаго Князя на постъ Верховнаго Главнокомандующаго популярность его стала расти и крѣпнуть въ арміи, обществѣ и простомъ народѣ не по днямъ, а по часамъ. Популярность эта не оставила его ни въ періодъ военныхъ неудачъ, ни даже послѣ удаленія на Кавказъ. Я видѣлъ портреты Великаго Князя въ простыхъ крестьянскихъ избахъ на почетномъ мѣстѣ еще въ 1917 году послѣ революціи, низвергшей всѣхъ прежнихъ боговъ. Мнѣ приходилось также слышать о томъ сочувствіи, съ которымъ простой народъ выходилъ на встрѣчу поѣзду Великаго Князя, при слѣдованіи послѣдняго чрезъ всю Россію изъ Тифлиса въ Могилевъ въ Мартѣ 1917-го года, когда Великій Князь былъ вызванъ, чтобы, въ соотвѣтствіи съ послѣднимъ распоряженіемъ отрекшагося Императора, вновь стать во главѣ войскъ.

Среди войскъ имя Великаго Князя произносилось съ рѣдкимъ благоговѣніемъ; оно было окружено особымъ ореоломъ. Про Великаго Князя ходили легендарные рассказы, рисовавшіе его народнымъ богатыремъ, всюду посѣвавшимъ на помощь, всюду пресекавшимъ зло и водворявшимъ порядокъ. — То въ пылу боя глазамъ бойцовъ представлялась его характерная высокая и тонкая фигура съ открытымъ энергичнымъ лицомъ, и его видѣли обходящимъ ряды войскъ въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ и спасающимъ своими распоряженіями положеніе; то въ артиллеріи, вынужденной безпомощно умолкнуть изъ-за отсутствія боевыхъ припасовъ, распространялся бодрящій слухъ о прибытіи снарядовъ, подвезенныхъ въ поѣздѣ самимъ «Верховнымъ»; то чудился онъ войскамъ, только что потерпѣвшимъ боевую неудачу и еще не успѣвшимъ пережить горькую отъ этого обиду, разбирающимъ лично дѣло, чтобы успокоить честно исполнившихъ свой долгъ и жестоко покарать виновныхъ. Въ рассказахъ этихъ было много вымысла, но дорогого простому солдатскому сердцу. — Но особенно преувеличенными являлись розсказы о необузданныхъ проявленіяхъ у Великаго Князя чувства гнѣва по отношенію къ прови-

нившимся начальникамъ. Лично мнѣ пришлось видѣть Великаго Князя лишь однажды рѣзко всплывшимъ въ тяжелые дни отхода изъ Галичины на своего адъютанта, забывшаго своевременно передать какое то распоряженіе. Но съ какою искренностью онъ старался затѣмъ загладить свою несдержанность!

Вообще Великій Князь умѣлъ быть внимательнымъ, какъ почти никто, и лично у меня никогда не изгладится благодарное воспоминаніе о его трогательныхъ заботахъ, когда я въ Ставкѣ зимою 1914—15 года заболѣлъ крайне мучительною и упорною нервною экземою руки на почвѣ переутомленія работою. *Князь Николай Николаевичъ! В. Кн. не забудитъ Васю!*

До войны мнѣ никогда не приходилось служить непосредственно подъ начальствомъ Великаго Князя, если не считать нѣсколькихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ я командовалъ батальономъ въ Петербургѣ и Красномъ Селѣ въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку. Однако, по должности Генераль-Квартирмейстера Генеральнаго штаба, я нерѣдко принималъ участіе въ служебныхъ поѣздкахъ и совѣщаніяхъ, кои организовывались подъ высшимъ руководствомъ Великаго Князя, какъ Главнокомандующаго войсками Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, для выясненія различныхъ вопросовъ по оборонѣ Балтійскаго побережья вообще и Кронштадтской крѣпости въ частности. — Какъ лицо, долженствовавшее всегда имѣть передъ глазами интересы обороны всего государства, я нерѣдко бывалъ поставленъ въ необходимость отмѣчать невозможность или несвоевременность осуществленія тѣхъ или иныхъ изъ намѣчавшихся предположеній, ввиду наличія болѣе существенныхъ и неотложныхъ потребностей въ другихъ районахъ нашего обширнаго отечества. Во всѣхъ этихъ случаяхъ я неизмѣнно встрѣчалъ, въ лицѣ моего высокаго оппонента, внимательное и вполнѣ выдержанное къ себѣ отношеніе. Я успѣлъ уже тогда удостовѣриться, что Великій Князь умѣлъ выслушивать и цѣнить открытое и обоснованное слово.

Послѣ назначенія Великаго Князя Николая Николаевича Верховнымъ Главнокомандующимъ, я счелъ своимъ долгомъ выяснить, не пожелаетъ ли Великій Князь видѣть въ должности Генераль-Квартирмейстера при себѣ какое либо другое лицо. — Такъ какъ Великій Князь проводилъ эти дни у себя въ имѣніи подл Петербургомъ и просилъ никого не беспокоиться явкою къ нему, то я обратился съ соотвѣтственной просьбой по данному вопросу къ Начальнику Штаба Генералу Янушкевичу, долженствовавшему видѣть Великаго Князя у Государя. Не знаю, въ какой формѣ Генералъ Янушкевичъ выполнилъ мою просьбу, но черезъ него я получилъ отвѣтъ, что Великій Князь не предполагаетъ дѣлать какихъ либо измѣненій въ составѣ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ и проситъ всѣхъ оставаться на своихъ мѣстахъ.

Объявленіе мобилизаціи и предстоявшая война вызвали въ Петербургѣ съ внѣшней стороны большой подъемъ. Начались патріотическія манифестаціи. Государственный Совѣтъ и Государственная Дума горячо отозвались на предстоящія событія. Рассказывали, что на торжественномъ засѣданіи послѣдней депутатъ крайней правой Пуришкевичъ, подл влияніемъ охватив-

шаго его патриотическаго чувства, бросился пожать руку своему политическому противнику, лидеру партіи к.-д. Милюкову, желая этимъ движеніемъ запечатлѣть готовность совмѣстно работать на пользу Родины. — 2-го Августа въ Зимнемъ Дворцѣ были собраны члены законодательныхъ учреждений, сенатъ, члены правительства, генералы и офицеры, высшіе чины всѣхъ вѣдомствъ, представители города и другіе именитые люди столицы для торжественнаго выслушанія Манифеста о войнѣ. На обширной площади передъ Дворцомъ собрались несмѣтныя массы столичнаго люда. Всѣ слились въ одномъ общемъ взрывѣ патриотизма и были охвачены жадной примѣрнаго наказанія дерзкаго нарушителя мира — Германіи и ея приспѣшницы Австро-Венгрии. — Столь же торжественно и съ внутреннимъ подъемомъ прошли посвященныя войнѣ засѣданія столичной Городской Думы и С.-Петербургскаго Губернскаго Земства.

Призывъ людей и поставка лошадей, повозокъ и упряжи проходили повсюду вполне успѣшно. Технически эти операціи были хорошо разработаны, а приемы ихъ выполненія практически провѣрены рядомъ повѣрочныхъ и опытныхъ мобилизацій, широко практиковавшихся въ мирное время. Всѣ предварительные расчеты оправдывались, работа желѣзныхъ дорогъ шла вполне точно.

Но рядомъ съ настроеніемъ бодрости, хотя и глухо, все же звучали и тревожныя ноты.

На томъ же торжественномъ засѣданіи Государственной Думы, о которомъ я упоминалъ выше, съ лѣвыхъ скамей поднялся депутатъ, котораго Предсѣдатель Думы М. В. Родзянко вынужденъ былъ остановить за пораженческій тонъ его рѣчи. — Еще во время пребыванія Президента французской Республики на русской территоріи, среди рабочихъ Петербурга была организована забастовка, какъ бы выражавшая протестъ противъ выявленія силы и могущества Двойственнаго союза. Произошли столкновенія съ полиціей, и для обезпеченія порядка въ столицѣ, пришлось даже вернуть въ Петербургъ часть конницы изъ Красносельскаго лагеря. — Съ началомъ мобилизаціи безпорядки среди призванныхъ прокатились довольно широкой волной по ряду мѣстностей въ Россіи. Кое гдѣ, какъ напримѣръ въ Барнаулѣ Томской губерніи, они приобрѣли очень бурный характеръ. — Для подавленія ихъ, пришлось принять крутыя мѣры, до употребленія оружія включительно. Возникновеніе этихъ безпорядковъ пытались объяснить пьянымъ угаромъ толпы. Но это объясненіе нельзя было назвать исчерпывающимъ. Высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ еще до начала мобилизаціи, винная торговля была воспрещена во всей Имперіи на весь періодъ мобилизаціи. Такимъ образомъ, буйства пьяной толпы могли быть лишь слѣдствіемъ, но не первопричиной безпорядковъ. Въ далекихъ народныхъ глубинахъ таился какой то иной разлагающій ферментъ. — Чья то злая воля вела толпы запасныхъ къ запертымъ виннымъ складамъ и лавкамъ, толкая ихъ на разгромъ и безчинства.

Даже въ Петербургѣ воодушевленіе, охватившее народную толпу, въ концѣ концовъ вылилось въ уродливую форму. 4-го Августа вечеромъ произошелъ

разгромъ германскаго посольства. Я лично былъ свидѣтелемъ этой глубоко безобразной картины, въ которой развернулись дикіе и опасныя истинныя толпы. Тюремнаго вида зданіе германскаго посольства горѣло внутри, а металлическихъ истукановъ-тевтоновъ, долженствовавшихъ, по мысли нѣмецкихъ архитекторовъ, украшать фасадъ, топили по сосѣдству въ Мойкѣ. — Полиція бездѣйствовала, видимо боясь заслужить упрекъ въ отсутствіи патріотизма. Говорили объ убійствѣ какого то старика-нѣмца, котораго толпа обвинила въ шпіонствѣ...

Постепенно стали вырисовываться и другіе отрицательныя признаки настроенія массъ. Патріотическія манифестаціи и взрывы энтузіазма являлись, повидимому, лишь дешевымъ фасадомъ, за которымъ скрывалась невзрачная дѣйствительность. Я уже отмѣчалъ, что русскій народъ оказался психологически къ войнѣ неподготовленнымъ. Главная масса его — крестьянство едва ли отдавала себѣ ясный отчетъ, зачѣмъ его зовутъ на войну. Цѣли войны были ему неясны. Крестьянинъ шелъ на призывъ потому, что привыкъ вообще исполнять все то, что отъ него требовала власть; онъ терпѣливо, но пассивно несъ свой крестъ, пока не подошли великія испытанія.

Народныя настроенія нашей молодой по культурѣ націи, вслѣдствіе недостаточнаго воспитанія, и не могли быть стойкими. — Они легко должны были подвергаться колебаніямъ, походя на быстро смѣняющіяся настроенія ребенка, который часто улыбается, не успѣвъ еще смахнуть слезъ со своего лица. Не могло быть въ народныхъ массахъ, при существовавшихъ условіяхъ, и сознанія государственнаго единства, крайне трудно прививаемаго при наличіи разноплеменности, безконечныхъ пространствъ, рѣдкаго населенія и плохихъ сообщеній. Даже коренное русское населеніе было лишено сознанія единства. Мы — Вятскіе, Тульскіе или Пермскіе, до насъ нѣмецъ не дойдетъ, — такими словами часто и, надо сказать, довольно правильно характеризовали у насъ неосознательное отношеніе крестьянства къ вопросу объ общей опасности государству.

Не было здороваго пониманія долга и въ кругахъ интеллигенціи. Это лучше всего доказывается обиліемъ лицъ, искавшихъ случая или возможности уклониться отъ призыва вовсе, или въ крайности, — избѣжать тягостей службы на фронтѣ, пристроившись въ тылу. Нашъ мобилизаціонный отдѣлъ былъ заваленъ просьбами и ходатайствами объ освобожденіяхъ или въ крайности временныхъ отсрочкахъ призыва. — И что еще хуже: эти случаи не вызвали необходимыхъ репрессій со стороны власти и даже не клеймились должнымъ образомъ нравственно; въ обществѣ, напротивъ, относились къ этому явленію съ почти преступною снисходительностью. Тыловымъ нерѣдко протезировали, ихъ пригрѣвали и старались закрѣпить ихъ незаконное положеніе болѣе прочнымъ и устойчивымъ образомъ.

Къ сожалѣнію, ничего не было сдѣлано и въ періодъ самой войны, чтобы поднять національное чувство въ обществѣ и подготовить народъ къ длительной и трудной войнѣ. Даже тогда, когда затяжной ея характеръ сталъ для

всѣхъ уже очевиднымъ. — Какой рѣзкій контрастъ съ тѣмъ, что сдѣлали наши союзники — французы, которые, будучи по натурѣ много экспансивнѣ насъ, сумѣли выковать въ себѣ желѣзную выдержку и спокойствіе въ тяжелыхъ испытаніяхъ, пришедшихъ на ихъ долю! Тамъ уклоняющемуся не было мѣста на Родинѣ.

И если бы возрожденной Россіи, въ которую я не перестаю горячо вѣрить, довелось въ будущемъ вновь стать съ оружіемъ въ рукахъ на защиту своего достоинства и правъ, то я считалъ бы однимъ изъ необходимѣйшихъ условий, для успѣха борьбы, жертвенное содѣйствіе русской женщины — матери, жены, сестры, невѣсты, которая должна видѣть свою патриотическую задачу не только въ облегченіи страданій раненыхъ и больныхъ воиновъ, но и въ созданіи такихъ условий въ семьѣ и обществѣ, при которыхъ случаи уклоненія отъ прямого участія въ военныхъ дѣйствіяхъ стали бы морально невозможными.

Что касается арміи, то она встрѣтила объявленіе войны спокойно и увѣренно. — Офицерство было воодушевлено, въ главной своей массѣ, горячимъ порывомъ. Но никто, даже на верхахъ, не отдавалъ себѣ отчета въ предстоявшихъ трудностяхъ. На будущее смотрѣли розово. — Разставаясь съ семьями и насиженными гнѣздами, мечтали возвратиться къ себѣ домой «къ Рождеству» и, конечно, съ побѣдой. Никто не предвидѣлъ ни четырехлѣтней трудной, полной лишеній и смертельныхъ опасностей жизни, ни многомѣсячнаго пещернаго существованія въ окопахъ, ни тѣмъ болѣе мучительныхъ переживаній революціоннаго времени и тяжкаго позора Родины...

Приведеніе на военное положеніе первоочередныхъ войскъ не встрѣтило никакихъ затрудненій. Указанныя части, въ полныхъ составахъ и съ положеннымъ имуществомъ, своевременно заканчивали свою мобилизацію и выступали въ районы ихъ стратегическаго развертыванія. Столичный обыватель могъ ежедневно любоваться на улицахъ, ведущихъ къ вокзаламъ, стройными и бодрыми рядами войсковыхъ частей, направлявшихся въ блестящемъ порядкѣ, для посадки на желѣзную дорогу. — Нѣсколько хуже обстояло дѣло со второочередными частями. Онѣ представляли довольно пеструю картину. Скелетъ ихъ долженъ былъ образовать тотъ небольшой кадръ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, который заблаговременно, еще въ мирное время, предназначался для выдѣленія, при мобилизаціи, изъ состава соответственныхъ первоочередныхъ частей. Кадръ этотъ, такимъ образомъ, имѣлъ возможность подготовиться къ своимъ будущимъ обязанностямъ. Однако, численность его была недостаточна; на практикѣ же, при самой мобилизаціи, вслѣдствіе преступнаго непониманія вреда, приносимаго общему дѣлу, бывали случаи подмѣны этого кадра болѣе слабыми элементами или отправленія изъ его состава людей съ продолжительными командировки, вызывавшіяся неизбежными при мобилизаціи потребностями. — Съ другой стороны, прибывавше на укомплектованіе второочередныхъ частей люди, по преимуществу старшихъ сроковъ службы, оказывались, вслѣдствіе недостаточнаго вниманія, удѣлявшагося учебнымъ сборамъ, безъ всякихъ знаній и отвыкшими отъ воинской дисциплины. Среди нихъ попа-

дались и такіе, которые въ мирное время проходили службу не въ томъ родѣ оружія, въ который поступали при мобилизаціи. Такъ напримѣръ, много крѣпостныхъ артиллеристовъ попало въ пѣхотныя части. Не исключены были также случаи серьезныхъ недочетовъ въ вооруженіи и имуществѣ второочередныхъ частей. Не во всѣхъ частяхъ винтовки были передѣланы для стрѣльбы остроконечными патронами; не было походныхъ кухонь, ихъ приходилось замѣнять котлами или кухнями-самодѣлками; въ артиллеріи пушки были не послѣдняго образца, частью изношены, съ несовершенными прицѣльными приспособленіями; въ паркахъ перевозку боевыхъ припасовъ приходилось организовывать на обывательскихъ подводахъ. — Всѣ эти недочеты материальнаго характера были конечно извѣстны Военному Министерству, но отъ этого дѣлу не становилось легче. Пополненіе недостатковъ шло медленно и не всегда планомѣрно. Изъ года въ годъ свѣдѣнія о недостающемъ имуществѣ вносились въ мобилизаціонный отчетъ, ввидѣ ряда сухихъ цифръ, принимавшихъ живыя формы лишь для тѣхъ, кто серьезно вдумывался въ ихъ значеніе. Когда въ отдѣлѣ Генераль-Квартирмейстера незадолго до войны былъ составленъ докладъ, имѣвшій цѣлью рельефно подчеркнуть, какъ отразится недостатокъ въ имуществѣ на боевой готовности арміи, то этотъ докладъ встрѣтилъ въдомственную ревность со стороны отдѣла, долженствовавшего слѣдить за ходомъ пополненія неприкосновенныхъ запасовъ и увидѣвшаго въ данномъ выступленіи вмѣшательство въ чужое дѣло.

Въ результатѣ всего изложеннаго, несмотря на то, что сроки мобилизаціонной готовности второочередныхъ частей были оттянуты на нѣсколько дней назадъ, по сравненію съ полевыми войсками, части эти выступили на театр военныхъ дѣйствій въ полусыромъ видѣ и не могли считаться готовыми для боевого ихъ использования. — Тѣмъ не менѣе, въ періодъ самой войны въ тѣхъ второочередныхъ частяхъ, въ которыхъ подобраны были соответственные начальники, сумѣвшіе пріобрѣсти авторитетъ и добиться внутренней спайки, создалась такая моральная сила, въ которой потонули матеріальные недочеты. И будущій историкъ несомнѣнно отмѣтитъ рядъ второочередныхъ дивизій, пріобрѣвшихъ себѣ почетную боевую извѣстность въ нашей арміи.

Велѣдъ за призывомъ военнообязанныхъ для укомплектованія арміи, долженъ былъ начаться призывъ ополченцевъ, въ потребность подлежащихъ сформированію ополченскихъ частей. Соответствующій манифестъ объ этомъ состоялся 7-го Августа. Ополченскія части формировались по особому распisanію, состояли изъ дружинъ, сотенъ и батарей, частью отдѣльныхъ, частью сведившихся въ бригады изъ трехъ родовъ оружія; онѣ были предназначены для тыловой службы на театрѣ военныхъ дѣйствій и для гарнизонной службы внутри Имперіи. — Съ теченіемъ времени, часть ополченскихъ бригадъ была переформирована въ полевые дивизіи.

Въ общемъ итогѣ установилось почти единодушное мнѣніе о томъ, что наша мобилизація прошла съ большимъ успѣхомъ. — Кажется, за все время пребыванія Генерала Сухомлинова въ должности Военнаго Министра, онъ былъ

только раз встрѣченъ въ Таврическомъ Дворцѣ знаками всеобщаго къ нему вниманія и одобренія. Это было въ день торжественнаго засѣданія Государственной Думы по случаю объявленія войны, и такая встрѣча приписывалась успѣшному началу и ходу мобилизаціи. — Бывшій Начальникъ мобилизаціоннаго отдѣла Генераль Лукомскій, высоко полезную работу котораго я ни въ какой мѣрѣ не имѣю ввиду преуменьшать, былъ впоследствии пожалованъ необычнымъ знакомъ признанія его заслугъ въ дѣлѣ мобилизаціонной подготовки: снѣ получилъ орденъ Св. Владиміра на «Георгіевской» лентѣ. — Любители шутокъ впоследствии прозвали это странное орденское сочетание: «Владиміромъ Георгіевичемъ». — И нельзя не признать, что если говорить о мобилизаціи арміи, подѣ которой понимать приведеніе этой арміи съ мирнаго положенія на военное, то этотъ актъ прошелъ дѣйствительно вполнѣ гладко и въ полномъ соотвѣтствіи съ расчетами мирнаго времени. Но оставалось вѣдь подготовки и исполненія нѣчто гораздо большее, — отсутствовала вовсе мобилизація страны, то есть приспособленіе всѣхъ ея живыхъ силъ къ длительной и упорной войнѣ. Необходимость таковой мобилизаціи даже не сознавалась и никакихъ почти мѣръ не только къ интенсификаціи, но даже просто къ сохраненію промышленной и сельско-хозяйственной жизни страны принято не было. Нѣкоторые мобилизаціонныя мѣры, даже болѣе того, просто на просто подрывали эту жизнь, какъ, напримѣръ, призывъ въ войска почти всѣхъ квалифицированныхъ рабочихъ, съ замѣною ихъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ, по необходимости, новыми непривычными къ специальнымъ работамъ людьми. Это обстоятельство не только должно было повлечь за собою увеличеніе общаго числа заводскихъ и рудниковыхъ рабочихъ, что сейчасъ же отразилось на недостаткѣ рабочихъ въ деревнѣ, но послужило также началомъ серьезнаго паденія общей производительности заводовъ, а также добычи въ рудникахъ и каменноугольныхъ кояхъ. — И когда на это крайне серьезное обстоятельство промышленниками было обращено вниманіе Военнаго Министерства, то послѣднее долго не признавало возможнымъ измѣнить этотъ вредный порядокъ, ссылаясь на несправедливость держать опытнаго металлиста или шахтера въ тылу у станка или въ шахтѣ, въ относительной безопасности, когда его однолѣтки обязаны были службою на фронтѣ. — Равнымъ образомъ, какъ увидимъ далѣе, отсутствовали и планъ правильнаго питанія дѣйствующей арміи хорошо обученными пополненіями и достаточнымъ боевымъ снабженіемъ. Дѣло въ общемъ обстояло такъ, будто войнѣ суждено было закончиться въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. — Но кто же виновенъ въ такой непродуманности? Думается — всѣ или никто. Это потому, что въ Россіи вообще не существовало «настроеній» къ серьезной подготовкѣ къ войнѣ, и всякая чрезвычайная мѣра военнаго характера не могла не разбиться о мирныя тенденціи и финансовыя затрудненія. И еще потому, что масштабъ надвинувшейся войны, ея продолжительность и требовавшееся для ея веденія напряженіе были скрыты отъ всѣхъ современниковъ этой титанической борьбы, не исключая и германцевъ, коихъ у насъ привыкли считать образцомъ прозорливости и систематичности.

— Болѣе чѣмъ вѣроятно, что и будущее вооруженное столкновение встрѣтитъ народы, которымъ суждено будетъ принять въ немъ участіе, вновь неготовыми къ тѣмъ неожиданностямъ, которыми ихъ подаритъ новая обстановка и новыя условія войны. — Первыми изъ этой неготовности, какъ это случилось и въ минувшую войну, выйдутъ, конечно, тѣ, кто скорѣе учтетъ значеніе новыхъ факторовъ и сумѣетъ ими овладѣть, силою своей энергіи и техники.

Высочайшимъ указомъ 10-го Августа были обнародованы правила, коими Россія имѣла ввиду руководствоваться въ періодъ войны. Документомъ этимъ Россія опредѣленно стала на основу тѣхъ нормъ, кои были выработаны и установлены современнымъ международнымъ правомъ. — Объявленными правилами, прежде всего, регулировались отношенія къ подданнымъ непріятельскихъ и нейтральныхъ государствъ. Природа войны сама по себѣ крайне сурова и потому въ отношеніи къ интересамъ частныхъ лицъ приходится принимать ограничивающія свободу этихъ лицъ мѣры, если онѣ диктуются соображеніями государственной цѣлесообразности; важно лишь не допустить произвола и ненужной жестокости. — Мѣры, установленныя у насъ въ отношеніи подданныхъ враждебныхъ и нейтральныхъ странъ въ общемъ не выходили за предѣлы тѣхъ, кои были приняты вообще всѣми участниками міровой войны. Затѣмъ, тѣмъ же указомъ 10-го Августа, подтверждалось соблюденіе Россіей, при условіи конечно взаимности, всѣхъ разновременно заключенныхъ, на случай войны, декларацій и конвенцій и, въ числѣ таковыхъ, о неупотребленіи взрывчатыхъ и разрывныхъ пуль, а также снарядовъ, имѣющихъ цѣлью распространеніе удушающихъ или вредоносныхъ газовъ.

Слѣдуя все болѣе разраставшемуся въ обществѣ движенію «противъ водки», правительство въ началѣ Сентября провело Высочайшее повелѣніе о продолженіи, впредь до окончанія военнаго времени, уже существовавшего, въ видѣ временной мѣры, на періодъ мобилизаціи, воспрещенія продажи спирта, вина и водочныхъ издѣлій для мѣстнаго употребленія въ Имперіи. — Мѣра эта являлась, конечно, глубоко цѣлесообразной.

Съ началомъ приведенія на военное положеніе арміи, приступило къ мобилизаціи своихъ учреждений и Россійское общество Краснаго Креста. Назначеніе этого общества, какъ извѣстно, состояло въ томъ, чтобы облегчить задачи Военно-Санитарнаго вѣдомства въ дѣлѣ оказанія первой помощи раненымъ и больнымъ и дальнѣйшаго ихъ лѣченія. — При усиленномъ развертываніи своихъ учреждений, вызванномъ масштабомъ предстоявшей войны, нашъ Красный Крестъ встрѣтилъ большія трудности въ дѣлѣ укомплектованія этихъ учреждений персоналомъ врачей. Для разрѣшенія этой задачи, пришлось постепенно прибѣгнуть къ ряду исключительныхъ мѣръ, вплоть до предложенія врачамъ изъ военноплѣнныхъ работать, при ихъ желаніи конечно, по своей спеціальности. — Слѣдуетъ отмѣтить, что наше военно-санитарное вѣдомство въ мирное время мало думало надъ тѣмъ, чтобы обезпечить войска на военное время достаточнымъ числомъ наиболѣе необходимой категоріи врачей-хирурговъ; поэтому въ горячій періодъ боевъ подача первой помощи раненымъ за-

держивалась и работа ложилась далеко неравномерно на наличныхъ врачей. — Въмѣстѣ съ тѣмъ, назначенія врачей на случай мобилизаціи нерѣдко дѣлались «въ слѣпую», безъ принятія въ расчетъ ихъ специальности. Могу этому привести яркій примѣръ: Мой знакомый, въ свое время извѣстный всему Петербургу специалистъ по нервнымъ болѣзнямъ, докторъ Карпинскій горько жаловался мнѣ, что получилъ при мобилизаціи назначеніе на должность старшаго врача въ одинъ изъ захолустныхъ тыловыхъ госпиталей, не то въ Уфѣ, не то въ Оренбургѣ; между тѣмъ его помощь и совѣты могли принести неоцѣнимую пользу гдѣ либо въ центральномъ пунктѣ или специальномъ заведеніи, въ особенности ввиду наблюдавшагося повышенія процента нервныхъ заболѣваній въ арміи. — Подобныхъ случаевъ неправильнаго использованія врачей было конечно не мало, — я привелъ лишь одинъ, изъ болѣе рельефныхъ.

12-го Августа, по инициативѣ Московскаго Губернскаго Земства, въ Москвѣ было положено начало Всероссийскому Земскому Союзу помощи больнымъ и раненымъ воинамъ. — Нѣсколькими днями позднѣе — тамъ же и съ тою же цѣлью — образованъ былъ Всероссийскій Союзъ городовъ. — Оба союза были приняты подъ флагъ Краснаго Креста.

Широкой рѣжкой потекли разнаго рода пожертвованія во всѣ перечисленныя организаціи. — Создавались и другія частныя организаціи, также принявшія за гуманитарную работу на пользу арміи подъ флагомъ того же Краснаго Креста. — Русское общество искало выхода охватившему его порыву и во главѣ управленія и завѣдыванія учрежденіями различныхъ гуманитарныхъ организаціи стали люди, за которыми числились большія общественныя заслуги.

Въ началѣ войны на самомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, изъ неправительственныхъ организаціи, допускалась работа лишь учреждений Росс. Общества Краснаго Креста. — Дальнѣйшая помощь, ввидѣ участія въ эвакуаціи внутрь Имперіи и систематическаго лѣченія въ глубокомъ тылу, — должна была составить задачу земскихъ, городскихъ, дворянскихъ, купеческихъ и др. частныхъ организаціи. Но весьма скоро развившіяся военныя дѣйствія нарушили первоначальныя предположенія, и дѣятельность всѣхъ организаціи вышла далеко за предѣлы намѣчавшихся вначалѣ границъ.

Нельзя найти достаточно краснорѣчивыхъ словъ, чтобы достойно отмѣтить высоко-полезную и самоотверженную работу Россійскаго Общества Краснаго Креста и всѣхъ другихъ частныхъ гуманитарныхъ организаціи. — Ихъ дѣятельность не ограничилась предѣлами медико-санитарной помощи и постепенно охватила всѣ стороны войскового быта, проникнувъ до самыхъ передовыхъ линій и приходя на помощь всѣмъ нуждамъ чиновъ арміи. Въ настоящемъ очеркѣ затруднительно привести даже простой перечень наименованій всѣхъ тѣхъ учреждений, коими обслуживались разностороннія потребности войскъ. — Впослѣдствіи, нѣкоторые изъ перечисленныхъ организаціи расширили свою дѣятельность до того, что организовали отряды для производства разнаго рода окопныхъ и дорожныхъ работъ; онѣ же, эти организаціи, стали пригото-

вителями разнаго рода предметовъ для интендантства; завели свои фабрики и заводы; распространили свои заботы на инвалидовъ войны и военно-пѣльныхъ, а когда въ 1915-мъ году началось стихійное движеніе бѣженцевъ съ запада на востокъ, — они занялись питаніемъ двигавшихся по дорогамъ людей и ихъ скота, расселеніемъ бѣженцевъ и ихъ устройствомъ.

Но даже на солнцѣ есть пятна. — Были они, конечно, и въ дѣятельности названныхъ выше гуманитарныхъ организацій.

Я не хотѣлъ бы подробно останавливаться на недочетахъ въ этой дѣятельности, но все же не могу пройти мимо, не указавъ на тотъ вредъ, который наносился общему дѣлу слишкомъ широкимъ освобожденіемъ личнаго персонала отъ службы на фронтѣ, въ рядахъ войскъ. Среди служившихъ въ многочисленныхъ учрежденіяхъ названныхъ выше организацій было не мало «уклонявшихся», которыхъ окрестили пелестной кличкой «земгусаровъ». Работа этихъ людей всегда вызывала въ войскахъ чувство предубѣжденія, и отъ наличія этой категоріи служащихъ страдала репутація учреждений, ихъ пріютившихъ.

Не дѣлая никакихъ выводовъ и обобщеній, но лишь въ интересахъ исторической правды, должно также отмѣтить, что изъ лицъ, служившихъ въ гуманитарныхъ общественныхъ организаціяхъ, вышелъ не одинъ дѣятель, «успѣшно» поработавшій въ періодъ революціоннаго угара надъ разложеніемъ нашей усталой и обезкровленной арміи.

Объявленіе намъ Германіей и Австро-Венгріей войны совпало, по времени, съ обычнымъ пребываніемъ за границей большого числа русскихъ подданныхъ, прибывавшихъ туда не только для отдыха и лѣченія, но и на лѣтніе заработки. Число такихъ лицъ обыкновенно достигало нѣсколькихъ сотенъ тысячъ. — Такъ это было и въ 1914-мъ году. — Застигнутые объявленіемъ войны, все находившіеся за границей русскіе люди спѣшно сорвались съ мѣсть и хлынули въ обратный путь, на родину. — При переѣздѣ въ Россію, имъ пришлось испытать не мало лишеній, тревогъ, а подчасъ и тяжелыхъ обидъ. — Проѣхать сухимъ путемъ, черезъ нашу западную границу, удалось лишь немногимъ и только въ самые первые дни. Большинство же возвращавшихся вынуждено было искать болѣе кружныхъ путей, преимущественно черезъ нейтральную Швецію. — Во время этого путешествія, оказавшагося довольно длительнымъ и утомительнымъ, многіе испытали крайнюю нужду въ средствахъ, бѣлѣ и теплой одеждѣ, ставшей необходимой при осеннемъ переѣздѣ по морьямъ. — Возвращавшіеся черезъ Швецію получали возможную помощь отъ «Русскаго Комитета», образовавшагося при русской дипломатической миссіи въ Стокгольмѣ; такіе же комитеты постепенно организовались и въ другихъ странахъ.

Много помогали русскимъ людямъ, при возвращеніи ихъ домой, Московскій Городской Комитетъ помощи застигнутымъ войной за границей. — Этотъ Комитетъ былъ, впрочемъ, образованъ Московскимъ Городскимъ Общественнымъ Управленіемъ лишь въ Октябрѣ 1914-го года. — Впослѣдствіи онъ перенесъ свою дѣятельность на дѣло оказанія помощи нашимъ военнопѣльнымъ.

Уже на третьемъ мѣсяцѣ войны, свободному возвращенію русскихъ подданныхъ въ отечество былъ, однако, положенъ предѣлъ въ Центральныхъ Державахъ, находившихся съ нами во враждебныхъ отношеніяхъ. — Не успѣвшіе выѣхать къ этому времени изъ предѣловъ Германіи и Австро-Венгрии были тамъ задержаны и приравнены къ тѣмъ русскимъ, кои, будучи признаны нашими противниками военнообязанными, лишены были права на выѣздъ въ самый моментъ объявленія намъ войны.

Чтобы облегчить нашимъ военнообязаннымъ, оказавшимся за границей, выполнение лежавшаго на нихъ долга, имъ было разрѣшено вступать въ ряды союзныхъ намъ армій, разумѣется, съ согласія соответствующихъ правительствъ.

Въ первые дни войны у насъ, въ столицѣ, чувствовалась неувѣренность за вѣдущую ея безопасность. Многихъ давило кошмаръ возможной высадки германцевъ въ Финляндіи, вблизи Петербурга. Ходили слухи, что нѣмцы сосредоточиваютъ въ Штеттинѣ большое количество транспортовъ и что нѣсколько непріятельскихъ крейсеровъ прошли Бельты, направляясь на востокъ. Какъ бы къ подтвержденію этихъ слуховъ, 3-го Августа пришло извѣстіе о томъ, что германскіе крейсера наканунѣ бомбардировали Либаву. Въ слѣдующую ночь, въ очень поздній часъ, я былъ вызванъ къ телефону изъ штаба округа лицомъ, занимавшимъ въ этомъ штабѣ очень отвѣтственный постъ. Лицомъ этимъ было мнѣ сообщено, что съ побережья получены донесенія о подозрительномъ появленіи въ морѣ большого числа невѣдомыхъ огней. Я долженъ былъ успокоить своего собесѣдника соображеніемъ, что отъ непріятельскаго флота трудно ожидать столь большой любезности, какъ подходъ къ намъ съ предупрежденіемъ собственными огнями. И дѣйствительно, по провѣркѣ оказалось, что огни принадлежали какимъ то мирнымъ купеческимъ судамъ, случайно прошедшимъ въ туманѣ мимо нашихъ сторожевыхъ судовъ и постовъ и вошедшимъ въ Финскій заливъ. Фактъ этотъ характеренъ однако въ томъ отношеніи, что имъ рисуется степень нервности, которая была присуща многимъ, даже изъ среды военныхъ круговъ.

Нервное безпокойство улеглось окончательно лишь къ 5-му Августа, когда стало извѣстнымъ, что Англія объявила войну Германіи. Съ этого момента германскій флотъ, по общему мнѣнію, обрекался на бездѣйствіе, и петербургскій обыватель отнынѣ пріобрѣталъ спокойствіе за морскіе подступы къ столицѣ Имперіи. — На самомъ же дѣлѣ мы были обязаны обезпеченіемъ столицы со стороны моря прежде всего бдительности и энергіи нашего Балтійскаго флота, находившагося подъ начальствомъ доблестнаго и высокопопулярнаго Адмирала Эссена.

Оборона Финскаго залива, велѣдствіе матерьяльной слабости нашего флота, не имѣвшаго возможности искать встрѣчи съ непріателемъ въ открытомъ морѣ, была построена на созданіи центральной морской оборонительной позиціи Наргенъ-Поркалаудъ, долженствовавшей преградить непріателю доступъ въ Финскій заливъ. Фланги этой позиціи, вынесенной къ устью названнаго

залива, должны были найти себѣ опору въ дальнѣйшихъ батареяхъ крупнаго калибра на о.о. Наргенъ и Макилото, а промежутокъ между батареями долженъ былъ быть прегражденъ, съ наступленіемъ военнаго времени, установкою сплошнаго миннаго загражденія. — Но, чтобы установка подобнаго миннаго загражденія оказалась практически осуществимой, необходимо было приступить къ ней своевременно. Правильное разрѣшеніе этого вопроса до крайности беспокоило Командующаго флотомъ, который не могъ не опасаться внезапнаго появленія германскаго флота въ нашихъ водахъ, въ каковомъ случаѣ весь планъ нашей обороны могъ нарушиться самъ собою. Между тѣмъ ходатайства Эссена о предоставленіи ему права приступить къ постановкѣ миннаго загражденія по его усмотрѣнію не увѣчивались успѣхомъ. Такое же отрицательное къ себѣ отношеніе встрѣтилъ выдвинутый Адмираломъ Эссеномъ планъ загражденія Кильской бухты, которымъ имѣлось ввиду предотвратить возможность внезапнаго выхода въ море германскаго флота. Проектъ этотъ былъ отвергнутъ все по той же причинѣ нежеланія вступить на путь обостренія конфликта и «подать поводъ къ недоразумѣніямъ и осложненіямъ». — И только, когда было получено донесеніе отъ нашей агентуры о сосредоточеніи въ Килѣ значительныхъ силъ германскаго флота, который, по расчету времени, черезъ 35—40 часовъ хода могъ войти въ Финскій заливъ, только тогда Адмиралу Эсену было Высочайше разрѣшено приступить къ выполненію намѣченной операціи по установленію въ устьѣ Финскаго залива сплошнаго миннаго загражденія.

Въ ночь на 30-е Юля нашъ флотъ вышелъ къ о. Наргену, въ районѣ котораго на слѣдующее утро, послѣ шестичасовой самоотверженной работы, имъ и было выставлено проектированное минное загражденіе поперекъ Финскаго залива. — Въ слѣдующіе дни, въ дополненіе къ таковому загражденію, съ лихорадочной поспѣшностью были возведены новыя батареи на Наргенѣ, Сурупѣ и Макилото. — Оборудована была также передовая позиція, прикрывшая Ботническій заливъ и подступы къ центральной позиціи; кромѣ того минированы важнѣйшіе шхерные проходы. — Затѣмъ было приступлено къ изысканію и траленію новыхъ фарватеровъ для глубоко сидящихъ судовъ.

Съ прегражденіемъ Финскаго залива, было достигнуто обезпеченіе ближайшихъ морскихъ подступовъ къ столицѣ Имперіи, что и дало возможность въ послѣдствіи снять съ побережья всѣ оставшіяся на немъ войска и отправить ихъ на западный фронтъ.

Въ тылу названной центральной позиціи въ распоряженіи Балтійскаго флота имѣлись крѣпости: Петра Великаго (Ревель) и Свеаборгъ, служившія флоту оперативными базами, и крѣпость Кронштадтъ, въ качествѣ базы хозяйственной.

Укрѣпивъ центральную морскую позицію, Адмиралъ Эссенъ, чтобы дать выходъ энергіи подчиненному ему флоту и нанести противнику возможный вредъ, развилъ систему морскихъ налетовъ въ южную часть Балтійскаго моря, съ цѣлью постановки минныхъ загражденій въ непріятельскихъ водахъ. —

Эта самоотверженная дѣятельность нашего флота доставляла много хлопотъ нашему противнику. Она затрудняла связь Германіи со Швеціей, черезъ которую происходили сношенія первой съ вѣнскимъ міромъ и доставлялись въ Германію пищевые продукты и матерьялы для военной промышленности. Не разъ на выставившихся нашимъ флотомъ минахъ взрывались и нѣмецкія суда. Кромѣ того, смѣлая, доходившая до дерзости активная дѣятельность нашего сильнаго духомъ флота вынуждала германцевъ держать въ Балтійскомъ морѣ значительныя морскія силы, отвлекая ихъ отъ Сѣвернаго моря; флотъ этотъ сталъ примѣнять для собственнаго обезпеченія, такую же систему постановки минныхъ загражденій на путяхъ слѣдованія нашихъ судовъ. Но стѣснивъ постановкою минныхъ загражденій движеніе нашихъ судовъ, непріятель стѣснилъ тѣмъ самымъ и свои собственныя дѣйствія. Въ результатъ этого, на первыхъ же порахъ, въ ночь на 27-е Августа, германскій крейсеръ «Магдебургъ» съѣлъ на мель у входа въ Финскій заливъ. На этомъ крейсерѣ нами, между прочимъ, были захвачены цѣннѣйшіе документы, давшіе намъ возможность въ послѣдствіи расшифровывать морскія распоряженія и донесенія непріятеля. Съ этого времени для насъ и нашихъ союзниковъ многія секретныя заданія непріятельскаго флота не являлись болѣе неожиданностью.

Большимъ недочетомъ нашей судостроительной программы довоеннаго времени было недостаточное вниманіе, удѣлявшееся ею развитію нашего подводнаго флота. Еще задолго до войны сухопутный генеральный штабъ тщетно пытался привлечь вниманіе руководящихъ морскихъ круговъ къ этому наиболѣе дѣйствительному средству въ рукахъ слабѣйшаго на морѣ. — Но наше морское министерство упорно стояло на скорѣйшей необходимости возсозданія, послѣ несчастной японской войны, линейнаго флота. — Нынѣ, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, недостатокъ подводныхъ средствъ защиты береговъ долженъ былъ дать себя почувствовать съ особой остротой. Чтобы придти намъ на помощь, Британское морское командованіе рѣшило отправить въ русскія воды, черезъ Зундъ, шесть своихъ подводныхъ лодокъ. Одна изъ нихъ не дошла по назначенію; остальные пять благополучно прибыли въ Гельсингфорсъ, если не ошибаюсь, во второй половинѣ Августа и доблестно работали, вмѣстѣ съ нашими моряками, въ теченіе всей войны.

Что касается сухопутнаго фронта, то враждебныя дѣйствія на немъ начались 1-го Августа, то есть въ первый же день по объявленіи намъ Германіей войны.

Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, германскія войска проявили серьезныя намѣренія къ развитію наступательныхъ дѣйствій на лѣвомъ берегу р. Вислы гдѣ у насъ, для прикрытія мобилизаціи, оставались только части пограничной стражи, кавалерія и стрѣлки. — Въ первые же дни войны нѣмцами были заняты Бендинъ, Калишь и Ченстоховъ; затѣмъ они стали постепенно продвигаться на Лодзь.

Съ объявленіемъ намъ войны Австро-Венгріей, на лѣвомъ берегу Вислы въ нашихъ предѣлахъ появились и австрійскія войска. Ихъ отряды изъ трехъ

*Защиты
Кресты, охоты
моряки...*

родовъ оружія были обнаружены на направленіи Мѣховъ—Андреевъ. — Къ серединѣ Августа австрійцы подошли къ Кѣльцамъ.

Интересно отмѣтить еще слѣдующіе эпизоды:

16-го Августа одна изъ кавалерійскихъ дивизій австро-венгерской арміи, снабженная артиллеріей и усиленная двумя батальонами пѣхоты, подошла къ Владимиру-Волынску; здѣсь она окружила квартировавшій въ городѣ 68-й Бородинскій полкъ, съ приданной ему полусотней Донцовъ. — По непредусмотрительности мѣстнаго командованія, гарнизонъ Владимиръ-Волынска не имѣлъ въ своемъ составѣ артиллеріи. Бородинцы, лишенные такимъ образомъ возможности отвѣчать на огонь непріятельской артиллеріи, должны были выдержать, при крайне неблагоприятныхъ условіяхъ, упорный бой, въ результатѣ котораго отстояли себя и городъ.

Какъ бы въ отместку за это нападеніе, наша сводная кав. дивизія (2-я и 3-я отд. бригады) 5-й арміи произвела, съ развѣдывательными цѣлями, 21-го Августа смѣлый налетъ на Каміонку-Струмилову. — При вступленіи въ городъ, былъ смертельно раненъ, пулею въ животъ, Командовавшій дивизіей Генераль Ванновскій (Сергѣй) — сынъ бывшаго военнаго Министра и первая жертва войны среди Генераловъ Россійской арміи.

17-го Августа австрійцами былъ занятъ Каменецъ-Подольскъ; черезъ нѣсколько дней городъ былъ очищенъ непріателемъ.

Нападеніе на Владимиръ-Волынскъ и временное занятіе врагомъ Каменецъ-Подольска — два эпизода совершенно мѣстнаго и ограниченнаго значенія, — произвели въ нашемъ обществѣ, и даже среди войскъ, очень сильное впечатленіе, и вызвали толки по поводу яко бы бездѣйствія нашего командованія. — Этотъ фактъ лишній разъ свидѣтельствуеть, насколько важны въ психологическомъ отношеніи первыя извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. Военный Министръ, Генераль Сухомлиновъ написалъ мнѣ горячее письмо, сѣтуя на бездѣятельность Генерала Иванова, и напоминалъ мнѣ о необходимости настаивать на скорѣйшемъ переходѣ арміи Ю.-З. фронта въ наступленіе.

Всѣ пограничныя столкновенія, хотя и давали намъ кое какія свѣдѣнія о непріятелѣ, но далеко не достаточныя для сужденія о фактическихъ его силахъ на театрахъ войны и общей группировкѣ. Въ современныхъ условіяхъ, сборъ такихъ свѣдѣній, кромѣ агентуры, можетъ обезпечить лишь авіація, которая даетъ возможность установить систематическое наблюденіе за работой желѣзныхъ дорогъ и скопленіемъ войскъ въ тѣхъ или иныхъ районахъ. Передъ агентурой она имѣетъ огромныя преимущества, какъ въ смыслѣ скорости доставки добытыхъ свѣденій, такъ и въ смыслѣ большей ихъ достовѣрности. Но, къ сожалѣнію, наши авіаціонныя средства находились въ зачаточномъ состояніи, почему услугами ихъ мы почти не имѣли возможности пользоваться. — Приходилось поэтому базироваться почти исключительно на агентурныхъ свѣдѣніяхъ и слухахъ, доходившихъ до насъ всякими кружными путями.

Подготовительными къ войнѣ соображеніями мѣстомъ расположенія штаба Верховнаго Главнокомандующаго (Ставки, какъ впоследствии стали его на-

зывать) было назначено м. Барановичи, находившееся у узловой железнодорожной станции того же наименования. — Отъезд из Петербурга, где распоряжением Главного Управления Генерального штаба формировался этот штаб, был первоначально намечен на 10-й день мобилизации (9-е Августа), но затем отсрочен на несколько дней и окончательно установлен на 14-е Августа. — Первый эшелон штаба, с которым назначил свой отъезд Великий Князь Верховный Главнокомандующий, должен был отойти в 11 часов вечера со станции Новый Петергоф. — Был чудный, еще совсем летний вечер. Постепенно на станцию стали собираться отъезжающие и лица, их провожавшие. Последних было немного — только самые близкие. Приехал Великий Князь, Верховный Главнокомандующий, со своим младшим братом Петром Николаевичем, безотлучно его сопровождавшим в течение всей войны; заблаговременно собралась и его малочисленная свита. — Ждали Государя, но он не приехал. — Это некоторых искренно опечалило, других больно задело. — После краткого молитвословия, все стало молча прощаться и расходиться по назначенным каждому в поезде местам. Еще минута — и поезд тихо безшумно стал отходить при глубоком торжественном молчании провожавших. В темноте на дебаркадеру нам из вагонов виднелись поднятые руки оставшихся, творивших крестные знамения вслед удалявшемуся поезду. — Каждому в этом поезде, вероятно, думалось о том, что ждет нашу Родину впереди и каково будет его личное возвращение!.. Да и суждено ли всем возвратиться в покидаемую столицу, к мирным условиям жизни!..

Поезд Верховного состоял из нескольких вагонов, преимущественно первого класса. Посредине поезда находился обыкновенный вагон-ресторан. Рядом с ним — низкий старинный вагон-салон Великого Князя Николая Николаевича, который помещался в нем, вместе с братом. Еще рядом — вагон Начальника Штаба, в котором было отведено купе мне и помещался также личный адъютант Генерала Янушкевича. — Остальные чины штаба, следовавшие с этим поездом, разместились по двое в каждом купе.

Чтобы не нарушить воинского движения, поезд шел по воинскому графику, продвигаясь лишь медленно вперед. На следующий день, только под вечер, мы прибыли в Лиду, где уже разместился штаб Главнокомандующего армиями С.-З. фронта. Здесь Верховный Главнокомандующий имел первую продолжительную беседу с Генералом Жилинским. — Только 16-го Августа, около полудня, мы прибыли, наконец, в Барановичи.

Верховный Главнокомандующий и чины его штаба продолжали жить в вагонах во все время пребывания ставки в Барановичах, то есть до второй половины Августа 1915-го года. — Для установки поезда, в котором помещались Великий Князь Верховный Главнокомандующий, его брат, адъютанты, военные представители иностранных союзных держав, Начальник штаба, Генерал-Квартирмейстер и несколько офицеров Генерального штаба, — была выстроена небольшая железнодорожная ветка; она заканчивалась ту-

пикомъ, упрившимся въ прекрасный сосновый лѣсъ. Въ этомъ же лѣсу, у тупика, стоялъ казенный домъ, занимавшійся въ мирное время Начальникомъ желѣзнодорожной бригады, квартировавшей въ Барановичахъ. Нѣсколько поодаль, вблизи желѣзнодорожныхъ казармъ, расположился второй поѣздъ съ остальными чинами штаба. Помѣщенія для занятій чиновъ штаба были отведены въ казармахъ; управление же Генераль-Квартирмейстера размѣстилось въ упомянутомъ выше домѣ Начальника желѣзнодорожной бригады. Домъ этотъ, выстроенный изъ дерева, недурной съ внѣшней стороны архитектуры, состоялъ всего изъ пяти-шести довольно просторныхъ комнатъ. Направо отъ входа — кабинетъ Генераль-Квартирмейстера съ огромнымъ столомъ, занимавшимъ почти треть комнаты, для работы надъ картами, и съ другимъ столомъ, размѣрами много меньше, для съемныхъ работъ; въ остальныхъ комнатахъ по двое и по трое работали сотрудники Генераль-Квартирмейстера — офицеры Генеральнаго штаба. — Наконецъ, рядомъ съ домомъ въ отдѣльной пристройкѣ — находился оперативный телеграфъ.

Вотъ и вся Ставка.

Впослѣдствіи, но уже къ лѣту 1915-го года, къ указанному оборудованію добавлены были: навѣсъ надъ поѣздомъ, для предохраненія отъ дождя и жары, шатеръ-столовая, раскинутый въ лѣсу, и расширена была аппаратная; кромѣ того, кругомъ было устроено нѣсколько цвѣточныхъ клумбъ.

Охрану Ставки поочередно несъ одинъ изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ; при ставкѣ кромѣ того находилась особая батарея, кустарнымъ образомъ приспособленная для стрѣльбы по аэропланамъ. — Выдѣленіе особыхъ аэроплановъ для охраны Ставки было невозможно, вслѣдствіе крайней бѣдности нашихъ авіаціонныхъ средствъ.

Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго, въ періодъ пребыванія во главѣ армій Великаго Князя Николая Николаевича, былъ крайне малочисленъ.

Онъ состоялъ изъ слѣдующихъ управленій: Генераль-Квартирмейстера, вѣдавшего разработкой оперативныхъ вопросовъ и службою Генеральнаго штаба; Дежурнаго Генерала, въ вѣдѣніи котораго находились вопросы о назначеніяхъ, числительности и укомплектованіи вооруженныхъ силъ, равно о степени обезпеченія ихъ главнѣйшими видами довольствія; Начальника военныхъ сообщений, руководившаго эксплуатацией всѣхъ путей сообщения на театрѣ войны, и Военно-морского управленія, въ которомъ сосредоточивались всѣ вопросы, касавшіеся дѣйствій флота. — Кромѣ того, при Начальникѣ штаба состояла дипломатическая часть и гражданская канцелярія.

Въ управленіи Генераль-Квартирмейстера состояло всего 13-ть офицеровъ Генеральнаго штаба и 2 военныхъ топографа. Всѣ они работали очень дружно, съ полною самоотверженностью, и я вспоминаю о нашей совмѣстной съ ними работѣ не иначе, какъ съ чувствомъ глубокаго уваженія и личной признательности къ каждому изъ моихъ бывшихъ сотрудниковъ.

Положеніе Генераль-Квартирмейстера въ Ставкѣ было до чрезвычайности

труднымъ и деликатнымъ. — Начальникъ штаба Генераль Янушкевичъ не пользовался, въ необходимой мѣрѣ, дѣловымъ авторитетомъ ни среди подчиненныхъ, ни въ арміи. Своимъ служебнымъ выдвигеніемъ сначала на постъ Начальника Генеральнаго штаба, а затѣмъ — съ началомъ войны — Начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго, онъ былъ обязанъ личному расположенію къ нему Государя, и это было всемъ хорошо извѣстно. — Неподготовленный предшествующей службой къ широкой оперативной работѣ и не вошедшій въ нее, онъ предпочиталъ въ вопросахъ стратегіи держаться нейтрально, ослабляя такой своей позиціей, помимо можетъ быть своей воли, авторитетъ Ставки и способствуя этимъ излишнему нарастанію самостоятельности фронтовъ, при которой осуществленіе всякой стратегической комбинаціи требовало большихъ усилій воли и напряженія. Въ равной мѣрѣ, Генераль Янушкевичъ не сумѣлъ приобрести вліянія на ходъ не только правительственной машины, но даже административно-хозяйственной работы Военнаго министерства. — Эти обстоятельства въ значительной мѣрѣ затрудняли веденіе войны.

Здѣсь необходимо отмѣтить, что наше Положеніе о полевоомъ управленіи войскъ въ военное время было приноровлено къ предположенію, что во главѣ дѣйствующихъ войскъ будетъ находиться Государь Императоръ. Ближайшими сотрудниками Верховнаго Вождя въ этомъ случаѣ должны были являться Начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго по вопросамъ оперативнаго характера и Военный Министръ по дѣламъ снабженія Дѣйствующей Арміи всемъ необходимымъ; при этомъ, для заказовъ и военныхъ заготовокъ, какъ внутри Имперіи такъ и за границей, въ распоряженіи Военнаго Министра оставался аппаратъ, ввидѣ всѣхъ довольствующихъ главныхъ управленій Военнаго министерства. Такъ какъ Начальникъ штаба и Военный Министръ находились бы, въ этомъ случаѣ, въ непосредственномъ подчиненіи одному лицу — Государю Императору, то, при такой схемѣ, связь и взаимное согласованіе должны были считаться обезпеченными. — Напротивъ, съ назначеніемъ на должность Верховнаго Главнокомандующаго особаго лица, стройность этой схемы нарушалась, ибо Военный Министръ оказывался внѣ подчиненія фактическому вождю арміи и лицу, отвѣтственному за ходъ военныхъ дѣйствій. — Хотя отношенія Великаго Князя Николая Николаевича и Генерала Сухомлинова были наружно корректными, но не близкими и недосѣточно довѣрчивыми. Военный Министръ рѣдко и на самый короткий срокъ пріѣзжалъ въ Ставку, чаще одновременно съ Государемъ, когда обстановка менѣе способствовала детальной совмѣстной работѣ. — Основываясь на нормахъ прежнихъ войнъ, Генераль Сухомлиновъ повидимому недостаточно довѣрялъ тѣмъ тревожнымъ сообщеніямъ о всякаго рода нуждахъ арміи и надвигавшемся недостаткѣ боевого снабженія, кои шли изъ Ставки едва ли не со второго мѣсяца войны. Это обстоятельство несомнѣнно отразилось неблагоприятно въ томъ отношеніи, что мѣры по надлежащему обезпеченію нашей арміи предметами боевого снабженія принимались съ нѣкоторымъ запозданіемъ.

Жизнь въ Ставкѣ протекала разбѣренно и съ монастырскою простотою. День для моихъ сотрудниковъ начинался очень рано, такъ какъ уже къ 9-ти часамъ утра всѣ донесенія, поступившія за ночь, должны были быть нанесены на карты. — Основною картою для работъ штаба считалась 10-ти верстная карта изданія нашего Военно-Топографическаго отдѣла, которая, по масштабу своему, вполне отвѣчала характеру работъ Верховнаго Главнокомандованія. Однако, карта эта, къ сожалѣнію, оказалась далеко не совершенною, по нанесеннымъ на ней подробностямъ, въ особенности въ отношеніи изображенія главнаго для стратегіи — путей сообщенія. Весьма часто поэтому приходилось прибѣгать къ болѣе детальнымъ картамъ, каковыми были карты — 3, 2 и 1-верстные, и также карты заграничныхъ изданій. Слѣдить за развитіемъ боевыхъ операцій приходилось, разумѣется, по картамъ и планамъ болѣе крупныхъ масштабовъ.

Къ 10-ти часамъ утра въ кабинетъ Генераль-Квартирмейстера, гдѣ всегда происходили оперативные доклады, приходилъ Верховный Главнокомандующій съ Начальникомъ штаба. — Докладъ продолжался отъ одного до двухъ часовъ времени, смотря по матеріалу. Затѣмъ я диктовалъ, рѣже писалъ собственноручно, текуція распоряженія, редактировалъ подготовленное очередное сообщеніе въ прессу, или шелъ въ аппаратную для бесѣды со штабами фронтовъ. Работа эта нерѣдко затягивалась часомъ до 3—4, съ получасовымъ перерывомъ для завтрака. Послѣ 4-хъ часовъ пополудни, время до шести оставалось сравнительно свободнымъ; каждый пользовался имъ по своему вкусу; любители ѣздить верхомъ и ходить пѣшкомъ — отправлялись на прогулку въ дивный лѣсъ, окружавшій Ставку со всѣхъ сторонъ. — Къ 6-ти часамъ собиралась новая серія донесеній; новая разборка ихъ; если нужно — докладъ Верховному Главнокомандующему, на сей разъ чаще у него въ вагонѣ, или въ вагонѣ Начальника штаба; новыя распоряженія. Въ 8 часовъ вечера обѣдъ, а затѣмъ работа надъ болѣе крупными вопросами, требовавшими болѣе продолжительнаго времени и сосредоточенія. — Схема эта конечно нарушалась, сообразно обстановкѣ въ періодъ боевыхъ операцій.

Но даже въ періодъ сихъ послѣднихъ штабъ Верховнаго Главнокомандующаго тщательно избѣгалъ вмѣшиваться въ детали выполненія операцій и перегружать низшіе штабы излишними распоряженіями и требованіями отчетовъ, внѣочередныхъ донесеній и т. п. — При томъ огромномъ, сложномъ и деликатномъ механизмѣ, какой представляетъ изъ себя современная многомиллионная армія, раскинутая на тысячевертныхъ пространствахъ, подраздѣленная на рядъ организаціонныхъ клѣтокъ (корпуса, арміи, фронты), — жизнь и правильная работа войскъ могутъ быть обеспечены только въ томъ случаѣ, если каждая инстанція будетъ дѣлать только свое дѣло, не вмѣшиваясь въ компетенцію и не тормозя дѣятельности другой инстанціи. Вмѣшательство высшихъ штабовъ, докатываясь до низовъ, обычно создаетъ крайне нервную атмосферу; правильное же веденіе операціи, длящейся къ тому же при нынѣшнихъ условіяхъ иногда недѣли, требуетъ спокойствія и глубокаго уваженія къ тому обык-

новенно очень ограниченному времени, которое каждому удается выкроить для необходимаго физическаго отдыха. — Къ тому же приходится всегда имѣть ввиду, что высшіе штабы получаютъ свѣдѣнія о происходящемъ на периферіи, гдѣ собственно рѣшается вопросъ кровью, не непосредственно, а черезъ рядъ инстанцій, и притомъ съ неизбѣжнымъ запозданіемъ — хорошо, если только на нѣсколько часовъ; поэтому и распоряженія ихъ могутъ имѣть дѣйствительную цѣнность только въ томъ случаѣ, если будутъ соображены не только съ этимъ обстоятельствомъ, но еще и со временемъ, необходимымъ для приведенія отдаваемыхъ распоряженій въ исполненіе.

Въ самомъ началѣ войны въ Ставкѣ, въ управленіи Генераль-Квартирмейстера, были разработаны мѣры по сбору, храненію и постепенной эвакуаціи изъ театра войны вглубь страны накопившихся военно-историческихъ матерьяловъ. — Съ этой цѣлью, при штабахъ фронтовъ были образованы особыя архивныя ячейки, устанавливались ероки сдачи войсками дѣлъ и документовъ, равно порядоки отправки ихъ въ Москву, въ главное хранилище. — Благодаря этимъ мѣрамъ, должна была быть достигнута полная сохранность всѣхъ наиболѣе цѣнныхъ матерьяловъ по минувшей войнѣ; однако, послѣдовавшая велѣдъ за революціей большевистская вакханалія вѣроятно внесла немалое разстройство и въ состояніе нашихъ архивныхъ учреждений.

Изъ иностранныхъ военныхъ представителей союзныхъ намъ Державъ въ Ставкѣ непрерывно находились: отъ Франціи — Генераль Маркизь де Лагипшъ, отъ Великобританіи — Генераль Вильямсъ, отъ Бельгіи — Генераль Баронъ де Риккель, отъ Японіи — Генераль Оба, позднѣе — Генераль Накадзима, отъ Сербіи — Полковникъ Лонткевичъ. Позднѣе, уже въ 1915-мъ году, въ Ставку прибыли Военные представители: Черногоріи — Генераль Мартиновичъ и Италіи — Полковникъ Ропола. — Всѣ военные представители союзныхъ намъ Державъ раздѣляли нашъ скромный образъ жизни. Такъ же, какъ мы, они жили въ поѣздѣ Верховнаго Главнокомандующаго, въ особомъ отведенномъ для нихъ вагонѣ. Между нами сразу установились прочныя отношенія, въ основѣ коихъ лежало взаимное уваженіе и довѣріе. Я беру на себя смѣлость думать, что всѣ мы одинаково тепло вспоминаемъ о долгихъ дняхъ, вмѣстѣ прожитыхъ въ тѣсномъ боевомъ содружествѣ.

Въ концѣ 14-го и въ началѣ 15-го года Ставку въ разное время посѣтили особо командированныя на русскій фронтъ лица дружественныхъ намъ государствъ: отъ Франціи — Генераль По, отъ Англій — генераль Паджетъ и отъ Бельгіи генераль де-Виттъ. — Эти высокочестные и уважаемые представители союзныхъ намъ армій были встрѣчены у насъ съ исключительнымъ почетомъ. — Ими были доставлены Верховному Главнокомандующему Великому Князю Николаю Николаевичу, Начальнику штаба Генералу Янушкевичу и мнѣ, по должности Генераль-Квартирмейстера, высокіе орденскіе знаки отъ главъ союзныхъ намъ націй; съ разрѣшенія Государя, присланные ордена были приняты нами, какъ знаки признанія особыхъ заслугъ передъ общимъ дѣломъ доблестной Русской арміи.

Начальник штаба, Генераль-Квартирмейстеръ, представители иностранныхъ союзныхъ армій, чины личной свиты Верховнаго Главнокомандующаго и часть офицеровъ Генеральнаго штаба, изъ числа моихъ ближайшихъ сотрудниковъ, довольствовались въ вагонѣ-ресторанѣ поѣзда Верховнаго Главнокомандующаго, въ качествѣ постоянныхъ гостей Великаго Князя. Чтобы, хотя въ нѣкоторой степени отвѣтить на вниманіе гостепріимнаго хозяина, мы, чины штаба, вносили нашу посильную ежемѣсячную лепту на увеличеніе матерьяльныхъ средствъ тѣхъ лѣчебныхъ учреждений, кои находились подъ непосредственнымъ покровительствомъ супруги нашего Верховнаго Главнокомандующаго Великой Книгини Анастасіи Николаевны. — Прочіе чины штаба, обычно довольствовавшіеся въ отдѣльной столовой, приглашались небольшими группами отъ имени Великаго Князя, въ качествѣ гостей, поочередно, въ вагонъ-ресторанъ его поѣзда. — Тамъ же къ завтраку или обѣду, почти ежедневно появлялись лица, почему либо вызванныя въ Ставку съ фронта, или прибывшіе по разнымъ случаямъ гости, преимущественно изъ столицы. Паломничество въ Ставку постепенно вошло въ моду и многія чиновныя лица очень усердно добивались права побывать въ ней. — Посѣщенія эти въ большинствѣ случаевъ бывали не бесполезны, ибо способствовали информированію о жизни и настроеніяхъ на фронтѣ и въ тылу. Но въ тяжелые періоды боевыхъ испытаній наличие гостей въ Ставкѣ, конечно, не могло не утяжелять положенія тѣхъ, кто долженъ былъ отвѣчать на весьма понятные разспросы пріѣзжихъ гостей.

Весьма часто, и почти всегда неожиданно, метеоромъ, появлялся въ Ставкѣ Принцъ А. П. Ольденбургскій, который почти въ самомъ началѣ войны былъ назначенъ на специально для него, повидимому, созданную должность Верховнаго Начальника Санитарной и Эвакуаціонной части. Мнѣ лично, непосредственно не прикасавшемуся къ названному дѣлу, не ясна была необходимость учрежденія такой должности, но бурные приемы Принца Ольденбургскаго, — человѣка лично глубоко почтеннаго, преданнаго порученному ему дѣлу до самозабвенія и всегда движимаго лучшими намереніями, нерѣдко вызывали во мнѣ сомнѣніе въ ихъ цѣлесообразности и полезности.

Къ сожалѣнію, Ставка крайне рѣдко и не планомерно, а только случайно посѣщалась Министрами, въ результатъ чего не чувствовалось должной связи и, можетъ быть, взаимнаго пониманія между Верховнымъ Главнокомандованіемъ и Правительствомъ. — Довольно частые пріѣзды главы Правительства, престарѣлаго Предсѣдателя Совѣта Министровъ И. Л. Горемыкина, не могли, конечно, создать той прочной спайки между работой фронта и тыла, которая требуется желѣзными обстоятельствами военнаго времени. Требованія Ставки не находили должнаго отклика въ тылу, въ правящихъ кругахъ, ревниво оберегавшихъ свою независимость и желавшихъ видѣть въ этихъ требованіяхъ лишь претенціозное вмѣшательство Ставки въ управление страной.

Установивъ съ Верховнымъ Главнокомандованіемъ лишь строго формальныя отношенія, Правительство не сумѣло или не хотѣло приблизить къ себѣ и общественные круги внутри страны. — А между тѣмъ моментъ открытія

военныхъ дѣйствій могъ быть особо благопріятнымъ, чтобы растопить ледь, давно уже образовавшійся между двумя названными сторонами. — Война, конечно, не время для реформъ, но искреннее рѣшеніе и общаніе стать на путь таковыхъ, по завершеніи войны, могли еще создать базу для установленія довѣрія и совмѣстной работы по доведенію страны до побѣднаго конца. — Напротивъ, оставаясь изолированнымъ, правительство обрекало себя на безсиліе и невозможность вызвать къ жизни необходимое напряженіе страны: чѣмъ болѣе испытанія, вызываемыя войной, сгущались, тѣмъ наша правительственная власть, подъ ихъ давленіемъ, болѣе слабѣла.

Страна продолжала жить своею особою жизнью, далеко отличною отъ жизни въ суровыхъ условіяхъ военнаго времени. Постепенно въ ней стали зрѣть всякаго рода смертоносныя начала, борьба съ которыми была не подъ силу непопулярной власти.

Война являлась какъ бы обособленнымъ дѣломъ арміи, не проникавшимъ во все существо народной жизни. — Успѣхъ, при такихъ условіяхъ, не могъ считаться достаточно обеспеченнымъ.

Отъ времени до времени въ Ставку пріѣзжалъ, всегда на нѣсколько дней, Государь Императоръ. Ни Императрица, ни Наслѣдникъ въ періодъ пребыванія во главѣ войскъ Великаго Князя не сопутствовали Государю во время пріѣздовъ его въ Ставку. Обычную свиту Государя составляли: Министръ Двора — Графъ Фредериксъ, Дворцовый Комендантъ — Генераль Воейковъ, въ должности Гофмейстера — Князь Долгоруковъ, Начальникъ походной Канцеляріи — Князь Орловъ, Начальникъ конвоя — Графъ Граббе, лейбъ-хирургъ — Профессоръ Федоровъ и еще 2—3 флигель-адъютанта, чаще другихъ — Дрентельнъ и Саблинъ. — Кромѣ царскаго поѣзда, въ Ставку прибывалъ еще дополнительный поѣздъ со служащими болѣе второстепенныхъ ранговъ.

Прибытіе Государя въ Ставку измѣняло обычную жизнь послѣдней лишь немногимъ. Государь держалъ себя очень просто. По утрамъ Императоръ Николай всегда пѣшкомъ, въ сопровожденіи лейбъ-казака, приходилъ въ кабинетъ Генераль-Квартирмейстера, гдѣ выслушивалъ очередной докладъ; вечерній докладъ происходилъ послѣ обѣда въ салонѣ Императорскаго поѣзда. — Къ Высочайшему столу, къ завтраку и обѣду, неизмѣнно приглашались: Верховный Главнокомандующій, Начальникъ штаба, Генераль-Квартирмейстеръ и дежурный офицеръ Генеральнаго штаба; затѣмъ вмѣстѣ или поочередно военные представители союзныхъ армій и отъ времени до времени старшіе чины штаба прочихъ управленій. Бесѣды послѣ завтрака и обѣда въ сосѣднемъ салонѣ обыкновенно затягивались, почему я особенно дорожилъ даннымъ мнѣ, черезъ министра Двора, разрѣшеніемъ считать себя свободнымъ немедленно послѣ окончанія завтрака или обѣда, не дожидаясь времени, когда Государь закончитъ обходъ и разговоръ съ приглашенными.

Для установки Царскаго поѣзда, въ лѣсу, окружавшемъ Ставку, была проведена особая вѣтка, въ разстояніи примѣрно нѣсколькихъ сотъ шаговъ отъ поѣзда Верховнаго Главнокомандующаго. — Прилагались особыя заботы

чтобы придать мѣсту кругомъ Царскаго поѣзда возможно болѣе нарядный видъ, дабы отнять поводъ къ возбужденію какихъ либо невыгодныхъ сравненій. — Всякія заботы, клонившіяся къ тому, чтобы возможно ярче подчеркнуть исключительно высокое положеніе Государя Императора, какъ Главы всего Государства, были конечно вполне естественны и со стороны Великаго Князя, являлись всегда глубоко искренними. Но, къ сожалѣнію, нельзя скрыть и того, что въ это исключительно трудное время, приходилось углубляться въ житейскія мелочи, чтобы не подать лишняго повода къ злостному клеветничеству, распустившему свои паучьи сѣти вокругъ Ставки съ первыхъ же дней войны.

Верховный Главнокомандующій рѣдко выѣзжалъ изъ Ставки и лишь на самый короткій срокъ. Свои поѣздки онъ ограничивалъ преимущественно случаями необходимости совѣщаній съ Главнокомандующими фронтами. Для взаимныхъ встрѣчъ выбирался, смотря по обстановкѣ, какой либо центральный пунктъ, куда всѣ приглашенные на совѣщаніе съѣзжались къ опредѣленному часу. — Изъ состава поѣзда Верховнаго Главнокомандующаго, находившагося въ Барановичахъ, вытягивался вагонъ Великаго Князя и Начальника штаба, которые и составляли остовъ формировавшагося для поѣздки экстреннаго поѣзда. Число лицъ, сопровождавшихъ Верховнаго Главнокомандующаго, было очень ограниченнымъ: Начальникъ штаба, Генераль-Квартирмейстеръ, одинъ, два офицера Генеральнаго штаба и дежурный адъютантъ. Если подлежали обсужденію, сверхъ вопросовъ оперативныхъ, еще вопросы административно-хозяйственные и желѣзнодорожные, то иногда приглашались Дежурный Генераль и Начальникъ военныхъ сообщеній.

Совѣщанія обыкновенно продолжались отъ двухъ до четырехъ часовъ, послѣ чего всѣ разъѣзжались. — Къ войскамъ Верховный Главнокомандующій почти не выѣзжалъ, опасаясь своими приѣздами отрывать ихъ отъ нормальной работы и — еще болѣе — нарушать правильность воинскаго желѣзнодорожнаго движенія.

Цѣль практиковавшихся совѣщаній заключалась въ томъ, чтобы, путемъ живой бесѣды съ Главнокомандующими фронтами, выяснить обстановку на фронтахъ, очередныя задачи, которыя ставили себѣ Главнокомандующіе, исходя изъ общихъ директивъ, главнѣйшія нужды фронтовъ и настроеніе войскъ и самыхъ Главнокомандующихъ. — Въ тяжелые періоды военныхъ испытаній и неудачъ Главнокомандующіе фронтами не разъ обращались къ Великому Князю сами съ настоятельными просьбами о его прибытіи къ нимъ на фронтъ. Великому Князю неоднократно приходилось въ такіе періоды морально поддерживать своихъ ближайшихъ сотрудниковъ по командованію войсками, а также предостерегать ихъ отъ слишкомъ поспѣшныхъ рѣшеній, не вызывавшихся общимъ ходомъ событій. — Никакихъ директивъ обычно на мѣстѣ не отдавалось и таковыя составлялись лишь по возвращеніи въ Ставку, съ учетомъ всѣхъ тѣхъ впечатлѣній, которыя были вынесены изъ свиданія съ Главнокомандующими. — Не могу, однако, не отмѣтить, что Главнокомандующіе фронтами рѣдко поднимались, въ своихъ сужденіяхъ, до высоты общихъ задачъ и

ограничивались обыкновенно отстаиваніемъ частныхъ интересовъ своего соб-
ственного фронта. Въ словахъ ихъ, даже въ періоды относительныхъ удачъ,
всегда чувствовались неувѣренность и темныя краски. Въ общемъ не было
особой готовности жертвовать ради облегченія своего сосѣда, не было и бод-
рости, какъ равно твердой вѣры въ успѣхъ. Особенно пессимистически и не
опредѣленно бывалъ настроенъ, въ своихъ докладахъ, Генераль Иванова, не-
смотря на то, что ему пришлось работать на болѣе выигрышномъ и легкомъ,
по крайней мѣрѣ въ началѣ войны, фронтѣ — австрійскомъ.

Несмотря на крайнюю перегруженность работой, я при всякой возможности
старался посѣщать штабы фронтонъ, а иногда и армій, чтобы входить въ лич-
ное общеніе съ тѣми лицами, съ которыми мнѣ приходилось работать. Въ этомъ
отношеніи мнѣ помогало то обстоятельство, что съ большинствомъ изъ нихъ
я былъ лично, а иногда и хорошо знакомъ по своей прежней службѣ въ должно-
сти Генераль-Квартирмейстера Генеральнаго штаба, къ обязанностямъ кото-
раго, между прочимъ, относилось завѣдываніе личнымъ составомъ офицеровъ
Генеральнаго штаба и вопросами прохожденія ихъ службы. — При такихъ ус-
ловіяхъ, два—три часа бесѣды давали, въ смыслѣ установленія взаимнаго по-
ниманія, гораздо больше чѣмъ листы написанной бумаги или длительные те-
леграфные переговоры. — Мнѣ приходилось очень сожалѣть, что обстановка и
недостатокъ времени не позволяли мнѣ ближе подойти въ этотъ періодъ вре-
мени къ войскамъ. Съ ихъ боевою жизнью и дѣятельностью я познакомился
лишь впоследствии, въ должности Командира корпуса и Командующаго арміей.
— Я, кромѣ того, ставлю себѣ въ большую вину, что мало пользовался посыл-
кою моихъ сотрудниковъ, офицеровъ Генеральнаго штаба ввѣреннаго мнѣ уп-
равленія, на фронтъ, для полученія непосредственныхъ и не подлежащихъ
сомнѣнію свѣдѣній о ходѣ военныхъ дѣйствій, психикѣ войскъ и матеріаль-
номъ ихъ обезпеченіи.

ГЛАВА VI.

Начало выполнения нашихъ наступательныхъ предположеній. — Восточно-прусская операція и
подготовительныя мѣры къ развитію наступательныхъ дѣйствій на лѣвомъ берегу р. Вислы.

Извѣстіе о нарушеніи Германіей нейтралитета Бельгій являлось для насъ
яркимъ доказательствомъ того, что главныя силы нѣмцевъ будутъ брошены
на ихъ западный фронтъ.

Последующія свѣдѣнія лишь подтверждали этотъ выводъ. Въ самомъ
дѣлѣ, уже въ теченіе первыхъ дней послѣ объявленія войны Верховному Глав-
нокомандованію стало извѣстно, что части не только II-го германскаго корпуса
(Штетинъ), но и пограничныхъ съ нами корпусовъ — V-го (Познань) и VI-го
(Бреславль) совершаютъ посадку на желѣзную дорогу и отправляются въ за-
падномъ направленіи. Свѣдѣніе это, въ отношеніи V-го корпуса, являлось, од-
нако, недостаточно провѣреннымъ. Тѣмъ не менѣе становилось яснымъ: во-

первых, что со стороны Германіи намъ не угрожаетъ болѣе десантной операціи на Балтійскомъ побережьи, такъ какъ нѣмецкія войска увозятся на западъ даже изъ ближайшихъ къ намъ приморскихъ районовъ (Штетинъ); вторыхъ, что главная масса войскъ, оставляемыхъ противникомъ, будетъ сосредоточена, въ соответствии съ нашими предположеніями, въ Восточной Пруссіи, откуда полевые войска не увозились, и, въ третьихъ — что ядро этихъ войскъ составлять три мѣстныхъ восточно-пруссскихъ полевыхъ корпуса (I, XVII и XX), усиленныхъ, можетъ быть, V корпусомъ и, конечно, извѣстнымъ числомъ резервныхъ, ландверныхъ и ландштурменныхъ формированій. Такимъ образомъ, развертывая на фронтѣ противъ Германіи наши 1-ю и 2-ю арміи, мы могли быть увѣрены, что будемъ обладать значительнымъ превосходствомъ въ силахъ, которое, въ извѣстной мѣрѣ, уравниваетъ болѣе обильное снабженіе нѣмцевъ артиллеріей. Независимо того, по отношенію къ германскимъ войскамъ въ Восточной Пруссіи мы могли рассчитывать занять охватывающее положеніе, которое давало бы намъ возможность, при движеніи впередъ, угрожать ихъ сообщеніямъ; и наконецъ, мы имѣли полное основаніе предполагать, что, при нашемъ быстромъ наступленіи въ Восточную Пруссію, нѣмцы не въ состояніи будутъ усилить противъ насъ свои войска, такъ какъ вся масса ихъ будетъ занята боевою работою на главномъ западномъ фронтѣ. Условіе это, конечно, могло существенно измѣниться, если бы мы, по времени, запоздали и начали наступленіе тогда, когда первыя боевыя задачи на западномъ фронтѣ оказались бы германцами уже выполненными, или когда были бы закончены ихъ новыя очередныя формированія. Всѣ эти соображенія говорили о цѣлесообразности смѣлыхъ и немедленныхъ дѣйствій нашихъ войскъ въ направленіи Восточной Пруссіи. Имѣя въ виду важность нашего выдвигенія къ нижней Вислѣ, мы не должны были упускать случая воспользоваться, для выполненія этой задачи, относительной слабостью на С.-З. фронтѣ нашего врага.

Въ равной мѣрѣ на насъ лежала моральная обязанность оказать нашимъ союзникамъ на западѣ помощь — тѣмъ болѣе быструю и дѣйствительную, чѣмъ сильнѣе готовился ударъ, заносимый надъ ними германцами. Поддержка нашихъ западныхъ союзниковъ, съ цѣлью облегчить имъ побѣду надъ нѣмцами, диктовалась, при этомъ, не только соображеніемъ, вытекавшимъ изъ нашихъ союзныхъ съ ними отношеній, но и нашими собственными интересами. Нельзя было забывать, что нѣмцы, одержавъ крупный успѣхъ на западѣ, приобрѣтали возможность переброски значительныхъ силъ на свой восточный фронтъ — противъ насъ.

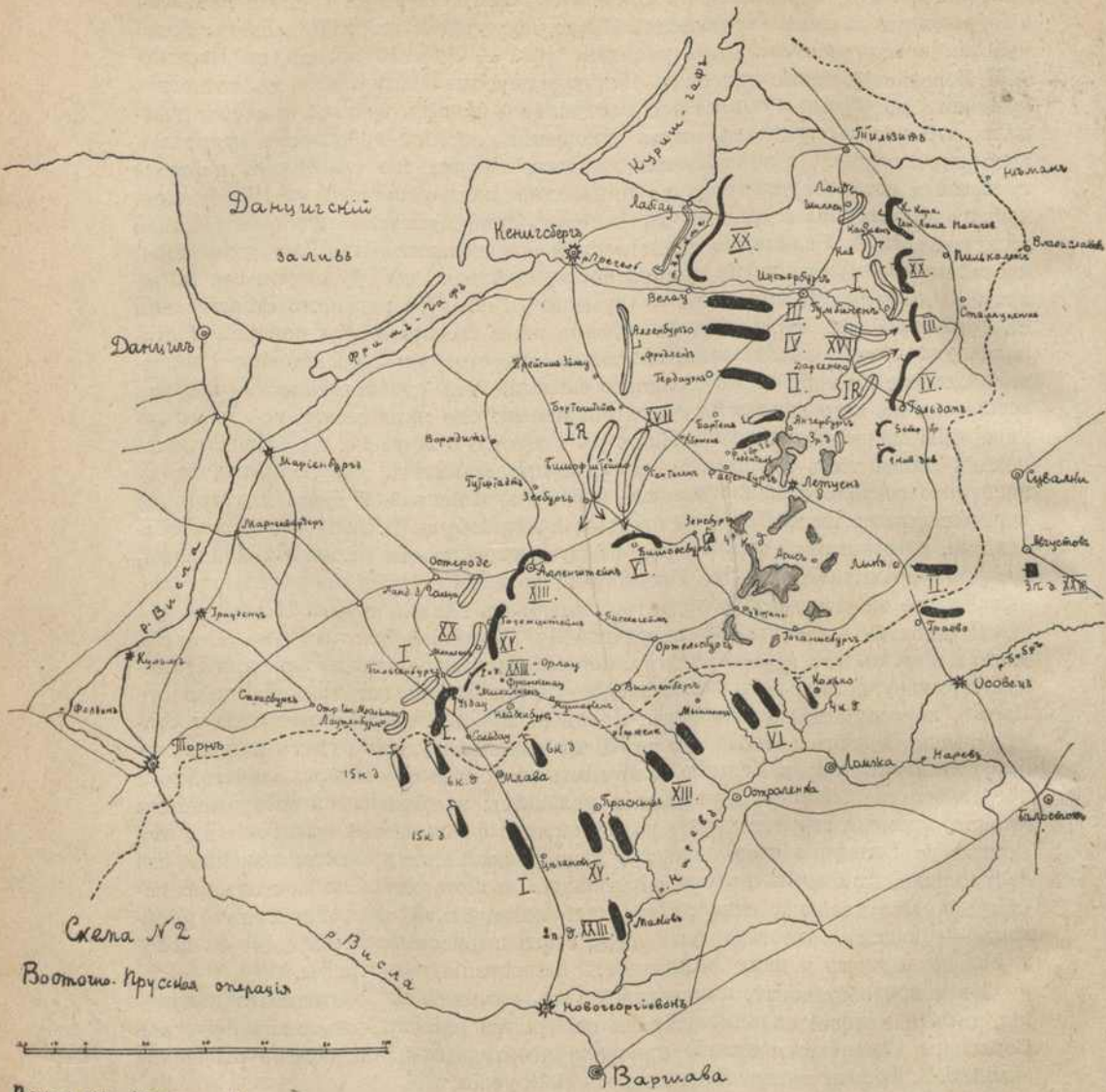
Ставѣ было хорошо извѣстно, что наше наступленіе вообще, въ предѣлы же Германіи въ особенности, ожидалось во Франціи съ нескрываемою напряженностью. Нашъ военный агентъ въ Парижѣ, Полковникъ графъ Игнатьевъ, еще въ самые первые дни по объявленіи войны, телеграфировалъ, что французскій военный министръ высказалъ ему надежду на то, что все наши усилія будутъ направлены противъ Германіи, и что Австрія будетъ нами оцѣнена въ качествѣ «quantité negligible». Французскій Посолъ въ Петербургѣ, г.

Палеологъ, лично обращался къ Императору Николаю II съ горячей просьбой о скорѣйшемъ нашемъ наступленіи. Иначе, предупреждалъ г. Палеологъ, французская армія рискуетъ быть раздавленной. — Русскій посолъ въ Парижѣ, А. П. Извольскій, также доносилъ о «лихорадочномъ» нетерпѣніи, съ которымъ ожидаютъ во Франціи извѣстій о наступленіи нашихъ войскъ, причѣмъ добавилъ, что разочарованіе въ этомъ отношеніи способно произвести «удручающее» впечатлѣніе. Во всѣхъ этихъ данныхъ несомнѣнно слышались нервныя тревожныя ноты. Основываясь на нихъ, прикомандированный къ Штабу Верховнаго Главнокомандующаго, въ качествѣ представителя дипломатическаго вѣдомства, Н. А. Базили, со свойственной ему деликатностью, но неизмѣнной настойчивостью, едва ли не ежедневно подчеркивалъ тѣ трудности, кои выпадутъ на долю нашей союзницы — Франціи въ ея предстоящемъ столкновеніи съ Германіей, если ей не будетъ оказана нами своевременная помощь. Я старался успокоить Н. А. Базили, объясняя ему, что русское Верховное Главнокомандованіе находится въ полномъ сознаніи той отвѣтственности, которая возложена на него союзными обязательствами; оно принимаетъ всѣ мѣры къ ускоренію вторженія нашихъ войскъ въ Восточную Пруссію, не скрывая даже передъ собою тѣхъ опасностей, которыя представляетъ это ускореніе, ввиду неполнаго сосредоточенія, главнымъ образомъ, войскъ 2-ой арміи и нѣкоторой неготовности ея тыла. Съ своей стороны я дѣлился съ Н. А. Базили тѣми опасеніями, которыя охватывали меня, ввиду рискованности положенія, создавагося для французской арміи. Доходившія до насъ свѣдѣнія опредѣленно указывали, что ей угрожаетъ обходъ германцевъ съ сѣвера, черезъ Бельгію.

И дѣйствительно, послѣ предъявленія Германіей ультиматума Бельгій, уже въ ночь съ 3-го на 4-ое августа, первые германскіе отряды перешли границу этого государства и въ ближайшіе же дни атаковали пограничную крѣпость Льежъ, лежащую на переправахъ черезъ р. Маасъ. Это обстоятельство достаточно ясно свидѣтельствовало о томъ, что нѣмецкій ударъ будетъ направленъ на французовъ черезъ Бельгію, и притомъ не только со стороны праваго, но и лѣваго берега р. Маасъ. При такихъ условіяхъ, намѣчавшееся соображеніями мирнаго времени стратегическое развертываніе французской арміи къ югу отъ Лонгви до Бельфора оказывалось крайне рискованнымъ; предположенное же наступленіе этой арміи въ сторону Эльзаса и Лотарингіи на востокъ, по самому замыслу своему, едва ли обѣщало закончиться стратегическимъ успѣхомъ. — Довольно отчетливо уже тогда стала вырисовываться трудность положенія французовъ и даже возможность надвиженія катастрофы.

Въ такой обстановкѣ, вытекавшей, какъ изъ оцѣнки собственнаго положенія, такъ и условій складывавшихся на фронтѣ нашихъ союзниковъ, русское Верховное Главнокомандованіе признало необходимымъ скорѣйшее вторженіе арміи С.-В. фронта въ предѣлы Восточной Пруссіи.

Наши предчувствія въ отношеніи западнаго фронта весьма скоро оправдались. Уже 23-го августа, въ воскресенье, въ періодъ полнаго развитія нашего наступленія, А. П. Извольскій доносилъ: «Съ субботы начались серьезныя

операции на всемъ фронтѣ отъ Эльзаса до Бельгіи. Въ Эльзасѣ и Вогезахъ французы имѣли успѣхъ и продвигаются впередъ. Въ Лотарингіи они потерпѣли неудачу и должны были отступить, но повидимому, остановили натискъ. Главное сраженіе происходитъ въ Бельгіи. О ходѣ его пока свѣдѣній нѣтъ». А еще черезъ два дня, 25-го августа, въ донесеніяхъ того же лица мы встрѣчаемся уже со слѣдующими строками: «Сегодня газеты изображаютъ неудачу французовъ на Бельгійскомъ театрѣ и въ Лотарингіи. Начинаетъ замѣчаться неудовольствіе противъ правительства и военного министра, наше наступленіе вызываетъ восторгъ».

Цѣлью нашего наступленія въ Восточную Пруссію Верховное Главнокомандованіе намѣчало пораженіе войскъ, оставленныхъ нѣмцами противъ насъ въ названномъ районѣ. При этомъ 1-ая армія должна была вести наступленіе съвертѣ Мазурскихъ озеръ, съ охватомъ лѣваго фланга противника; 2-ая армія — наступать въ обходъ Мазурскихъ озеръ съ запада. Между 1-й и 2-й арміями предугадывалась необходимость установленія тѣсной связи, путемъ выдѣленія противъ фронта Мазурскихъ озеръ достаточно сильнаго заслона.

По существу, задачи, возлагавшіяся на арміи С.-З. фронта, оставались тѣ же, которыя предусматривались подготовительными къ войнѣ соображеніями мирнаго времени; онѣ сводились къ тому, чтобы охватить противника съ обоихъ фланговъ и воспрепятствовать его отходу за р. Вислу.

Подтверждая эти задачи въ своей первой директивѣ, отданной 10-го августа, Верховное Главнокомандованіе, ввиду остраго положенія на французскомъ фронтѣ, выражало мнѣніе, что наступленіе арміи С.-З. фронта можетъ начаться уже съ 14-го дня мобилизаціи. Однако, окончательное опредѣленіе времени и порядка выполненія изложенныхъ въ директивѣ предугаданій оставлялось за Главнокомандующимъ С.-З. фронтомъ. Принимая во вниманіе удаленность районовъ развертыванія корпусовъ отъ границы, переходъ таковой главными силами 1-й и 2-й армій, при соблюденіи намѣчавшагося начальнаго срока наступленія, могъ состояться примѣрно на 17-й—18-й дни мобилизаціи.

По подсчету Верховнаго Главнокомандованія, арміи С.-З. фронта ко времени начала своего наступленія, должны были имѣть двойное превосходство въ силахъ надъ германцами, а именно — свыше 200 бат. полевыхъ войскъ противъ 100 нѣмецкихъ полевыхъ батальоновъ, предполагая сосредоточеніе въ Восточной Пруссіи четырехъ полевыхъ корпусовъ (I, XVII, XX и V); сверхъ того огромное превосходство въ конницѣ. Ввиду такого соотношенія въ силахъ, Верховное Главнокомандованіе уже къ этому времени отказалось отъ мысли о включеніи въ составъ 1-й арміи 1-го арм. корпуса, долженствовавшаго быть перевезеннымъ изъ района Петербурга, и рѣшило перенести его сосредоточеніе къ Варшавѣ, какъ объ этомъ будетъ подробнѣе изложено нѣсколько ниже.

Главнокомандующій С.-З. фронтомъ Генераль Жилинскій, во исполненіе данныхъ ему указаній, предполагалъ возможность перейти границу: въ 1-й арміи — по корпусамъ, эшелонами, начиная съ 14-го по 18 день мобилизаціи, и во 2-й арміи — всѣми корпусами на 18-й день. — Верховный Главнокоманду-

юцій призналь, однако, нежелательнымъ выдвигеніе 1-й арміи къ границѣ по частямъ, въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, директивой по С.-З. фронту, переходъ черезъ границу былъ окончательно назначенъ для всѣхъ корпусовъ 1-й арміи одновременно — на 17-ое августа, то есть на 18-й день мобилизаціи, и для главныхъ силъ корпусовъ 2-й арміи — на 19-ое августа, т. е. на 20-й день мобилизаціи.

Если припомнить, что на послѣднемъ передъ войной совѣщаніи Начальниковъ Генеральныхъ Штабовъ союзныхъ Державъ въ 1913-мъ году Генераль Жилинский, занимавшій въ то время должность Начальника русскаго Генеральнаго Штаба, указывалъ, что наступательныя дѣйствія на германскомъ фронтѣ могутъ быть начаты нами «тотчасъ же послѣ 15-го дня мобилизаціи», то сама собою должна отпасть легенда о томъ, что, по настоянію Верховнаго Главнокомандованія, начало наступленія арміи С.-З. фронта было сверхъ мѣры ускорено. Въ конечномъ результатѣ, начало наступленія было опредѣлено почти въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, какъ оно намѣчалось въ мирное время бывшимъ Начальникомъ Генеральнаго Штаба, занимавшимъ затѣмъ постъ Командующаго войсками Варшавскаго военнаго округа, а съ мобилизаціей — должность Главнокомандующаго арміями С.-З. фронта.

Тѣмъ не менѣ, справедливость требуетъ отмѣтить, что 2-я армія оказалась къ указанному ей сроку не вполне готовой къ наступленію въ тыловомъ отношеніи. — Исторіи предстантъ выяснить, была ли эта неготовность результатомъ недостаточной энергіи военно-административныхъ органовъ этой арміи и С.-З. фронта, не выполнившихъ заблаговременно установленнаго заданія, или же она должна быть приписана неправильности расчетовъ мирнаго времени по опредѣленію срока окончательной готовности тыла названной арміи. — Такъ какъ, однако, положеніе на фронтѣ нашихъ союзниковъ, какъ мы видѣли, складывалось крайне неблагопріятно и даже грозно, то дальнѣйшее промедленіе съ началомъ наступленія арміи С.-З. фронта представлялось Верховному Главнокомандованію съ общей точки зрѣнія недопустимымъ.

По подсчетамъ штаба С.-З. фронта, въ предстоящемъ наступленіи должны были принять участіе 256 бат., 196 эск. и сотенъ и свыше 1000 орудій. — Принимаемая во вниманіе подавляющее превосходство надъ непріателемъ въ силахъ, выгодное охватывающее положеніе арміи С.-З. фронта и служебный стажъ руководителя предстоящей операціи Генерала Жилинскаго, — Ставка имѣла основаніе быть спокойной за судьбу этой операціи. Ея вниманіе болѣе привлекалъ Ю.-З. фронтъ, гдѣ соотношеніе въ силахъ было не столь выгоднымъ и гдѣ поэтому отъ руководителей требовалось крайнее напряженіе волевыхъ качествъ.

Независимо того, въ періодъ подготовки нашихъ войскъ къ наступленію, Ставка была еще озабочена вопросомъ объ упроченіи нашего положенія на средней Вислѣ.

Выдвинутое положеніе Русской Польши, какъ это было уже выяснено, при условіи болѣе быстрой готовности арміи нашихъ сосѣдей, дѣлало оборону ея,

и особенно западной части, крайне затруднительной. Намъ могла угрожать опасность потери всей лѣвобережной половины, не исключая Варшавы, уже въ начальный періодъ войны. Захватъ непріятелемъ столицы Польши долженъ былъ явиться для насъ событіемъ крайне болѣзненнымъ по соображеніямъ не только политическимъ, но и психологическимъ. Поэтому, съ фактическимъ выясненіемъ того обстоятельства, что Германія оставила противъ насъ ограниченныя силы, мы должны были включить въ число нашихъ первоочередныхъ боевыхъ задачъ прочное обезпеченіе отъ врага Варшавы. Въ смыслѣ стратегическомъ, еще большее значеніе приобретало, при разсматриваемой обстановкѣ, удержаніе въ нашихъ рукахъ всего средняго теченія р. Вислы, съ переправами на ней, что гарантировало намъ свободное развитіе операцій на лѣвомъ берегу названной рѣки, какъ въ сторону Германіи, такъ и въ сторону Австріи.

Мы уже знаемъ, что съ первыхъ же дней войны на лѣвомъ берегу р. Вислы обозначилось наступленіе не только германцевъ, но и австрийцевъ, съ общимъ направленіемъ на фронтъ Лодзь-Кѣльцы.

Наши передовыя части, — пограничная стража, кавалерія, и стрѣлки, — задерживая непріятеля, постепенно отходили на среднюю Вислу. Къ 20-августа наступленіе непріятеля развилось настолько, что имъ было занято фронтъ Лодзь-Скаржинско-Опатовъ. Впослѣдствіи выяснилось, что въ районѣ лѣваго берега р. Вислы оперировалъ германскій ландверный корпусъ Генерала Войрша, наступавшій изъ Силезіи, и австрийскій отрядъ генерала Куммера, педшій отъ Кракова. Имъ предшествовала конница. Здѣсь же на лѣвомъ берегу р. Вислы впервые были обнаружены и польскіе легіонеры, изъ австрийскихъ уроженцевъ, предводимые Пилсудскимъ.

Хотя нашимъ Верховнымъ Главнокомандованіемъ этому наступленію непріятельскихъ силъ придавалось только демонстративное значеніе, тѣмъ не менѣе оно создавало угрозу Варшавѣ, Ивангороду и вообще нашему положенію на средней Вислѣ, крайне непрочному, такъ какъ названный участокъ рѣки былъ прикрытъ войсками лишь весьма слабо; значеніе же такового участка характеризовалось еще тѣмъ, что къ нему примыкали наружные фланги нашихъ 2-й и 4-й армій. Всѣ эти обстоятельства должны были быть нами учтены, какъ только въ нашемъ распоряженіи оказались средства для парирования тѣхъ непріятностей, кои могли насъ ожидать въ этомъ районѣ.

Направленіе главныхъ силъ Германіи противъ Франціи естественно ослабляло вѣроятность враждебнаго противъ Россіи выступленія Швеціи, тѣмъ болѣе, что здоровыя мирныя теченія постепенно брали въ этой странѣ верхъ надъ воинствующими элементами. Это обстоятельство позволило намъ уже въ первой трети августа рискнуть начать переброску на западную сухопутную границу полевыхъ корпусовъ, входившихъ въ составъ 6-й арміи. Въ первую очередь были предназначены къ перевозкѣ два корпуса — Гвардейскій и XVIII; лишь одинъ корпусъ XXII-й былъ задержанъ еще на нѣкоторое время въ Финляндіи, впредь до окончательнаго выясненія обстановки. Названные корпуса и были предназначены къ сосредоточенію въ районѣ Варшавы. Къ нимъ дол-

жень былъ присоединиться еще I-й корпусъ, изъ состава первой арміи, которымъ, какъ мы уже видѣли, было признано возможнымъ ослабить армію С.-З. фронта, ввиду достаточно выгоднаго соотношенія силъ этихъ армій съ силами германцевъ въ Восточной Пруссіи. Упомянутые три корпуса должны были составить новую 9-ю армію, не только надежно обеспечивавшую всю среднюю Вислу, но и предназначавшуюся для развитія болѣе широкихъ активныхъ операцій на лѣвомъ берегу этой рѣки. Были также приняты мѣры къ снабженію этой новой арміи конными частями, получившими на томъ же берегу Вислы равдывательныя задачи. Названная армія должна была временно состоять въ непосредственномъ распоряженіи Верховнаго Главнокомандующаго.

Ожнѣ 9-й арміи, у Ивангорода, было приступлено къ спѣшному возведенію на лѣвомъ берегу Вислы укрѣпленной позиціи, достаточно удаленной отъ имѣвшихся у названнаго пункта мостовъ черезъ эту рѣку и ея притокъ р. Вепржъ. Эта позиція строилась однимъ изъ нашихъ извѣстныхъ военныхъ инженеровъ (генераломъ Шварцомъ), съ соблюденіемъ всѣхъ современныхъ условий; вполнѣмъ она развилась соотвѣтственно дѣйствительнымъ потребностямъ арміи и могла во много разъ надежнѣе и полнѣе выполнить свое стратегическое заданіе, чѣмъ устарѣлыя и не представлявшіе никакой сопротивляемости форты незадолго до войны упраздненной Ивангородской крѣпости.

Эти мѣры должны были вполнѣ упрочить наше положеніе на средней Вислѣ.

Однако, Ставка, обдумывая вопросъ о дальнѣйшемъ развитіи наступательныхъ дѣйствій на лѣвомъ берегу названной рѣки, по выполненіи первоначальныхъ задачъ, возложенныхъ на армію С.-З. и Ю.-З. фронтовъ, имѣла въ виду осуществить дальнѣйшую переброску на среднюю Вислу XXII-го корпуса изъ Финляндіи и III-го Сибирскаго корпуса, прибытіе котораго на театръ военныхъ дѣйствій изъ Сибири ожидалось въ недалекомъ будущемъ. Въ дальнѣйшемъ Ставка рассчитывала притянуть туда же, для послѣдующаго наступленія на лѣвомъ берегу р. Вислы, II-й и I-й Сибирскіе, I-й Туркестанскій и II-й Кавказскій корпуса. Хотя свѣдѣнія изъ Турціи становились съ каждымъ днемъ все болѣе угрожающими, тѣмъ не менѣе Верховное Главнокомандованіе не останавливалось передъ намѣреніемъ оставить въ Закавказьи лишь I-й Кавказскій корпусъ, для достиженія максимума силъ на главнѣйшемъ — западномъ фронтѣ.

Въ предвидѣніи необходимости формированія новыхъ армій изъ всѣхъ перечисленныхъ корпусовъ и чтобы имѣть наготовѣ замѣстителей на должности командующихъ арміями, въ Ставку въ первые же дни войны были вызваны командовавшіе войсками Иркутскаго и Приамурскаго военныхъ округовъ Генералы Эвертъ и Лечицкій, явившіеся естественными кандидатами на должности командующихъ арміями. Генералъ Лечицкій и принялъ въ командованіе 9-ю армію, формировавшуюся, какъ мы видѣли, въ Варшавѣ.

Независимо перечисленныхъ корпусовъ, Ставка рассчитывала также на возможность переброски на лѣвый берегъ р. Вислы части силъ Ю.-З. фронта,

по завершеніи конечно намѣчавшейся операціи въ Галичинѣ. Этими мѣрами имѣлось въвиду довести силы, подлежащія развертыванію на лѣвомъ берегу р. Вислы для дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій, до 20-ти полевыхъ корпусовъ. Но, разумѣется, Верховное Главнокомандованіе, стремясь къ скорѣйшему перенесенію операцій на лѣвый берегъ р. Вислы, отчетливо сознавало, что обстоятельства могутъ заставить использовать вновь ожидающіяся на театрѣ военныхъ дѣйствій свѣжія силы — частью или полностью — и на правомъ берегу той же рѣки для доведенія задуманныхъ въ первую очередь операцій до благополучнаго исхода. Великій Князь предвидѣлъ, что, въ современныхъ условіяхъ, войска, уже введенныя въ дѣйствіе, быстро теряютъ свою наступательную силу и легко поддаются изнашиванію. Поэтому, для развитія и доведенія до конца разъ начатыхъ операцій, крайне важно своевременное стягиваніе къ району дѣйствій сильныхъ и по возможности свѣжихъ резервовъ.

Но возвратимся къ описанію хода событій на правомъ берегу Вислы.

Итакъ, 17-го августа главныя силы 1-й русской арміи должны были перейти границу Германіи. Это былъ 18-й день нашей мобилизаціи и 16-й день мобилизаціи арміи нашей союзницы Франціи, которая, какъ извѣстно, объявила у себя мобилизацію не одновременно съ нами, а двумя днями позднеѣ. На 18-ое августа, какъ объ этомъ будетъ подробно изложено въ слѣдующей главѣ, было назначено начало наступленія и на австрійскомъ фронтѣ нашей 8-й арміи. Этими дѣйствіями должно было быть положено начало фактическому выполненію наступательныхъ операцій, предусматривавшихся нашими подготовительными къ войнѣ соображеніями.

Главнокомандующіе фронтами, въ соответствіи съ закономъ, опредѣлявшимъ ихъ права и обязанности, являлись войсковыми начальниками, вполнѣ самостоятельными въ предѣлахъ выполненія поставленныхъ имъ цѣлей и предоставленныхъ въ ихъ распоряженіе средствъ. При такихъ условіяхъ, роль Верховнаго Главнокомандующаго, который не пожелалъ бы своимъ вмѣшательствомъ стѣснить творчество и ограничить права непосредственно подчиненныхъ ему начальниковъ, не должна была выходить за предѣлы постановки этимъ начальникамъ болѣе или менѣе широкихъ задачъ, назначенія въ ихъ распоряженіе соответствующихъ цѣлямъ средствъ и согласованія ихъ дѣйствій. Опытъ минувшей войны выяснилъ многіе недостатки такой системы верховнаго управленія войсками, при которомъ излишне преуменьшается личное вліяніе Верховнаго Главнокомандующаго на непосредственный ходъ, а значитъ, и результаты наиболѣе отвѣтственныхъ операцій. Однако, пока этотъ порядокъ существовалъ и не нарушена была вѣра Верховнаго Главнокомандующаго въ авторитетъ его ближайшихъ сотрудниковъ, надлежало очень остерегаться вредныхъ послѣдствій отъ вмѣшательства сверху въ кругъ правъ и обязанностей Главнокомандующихъ фронтами. Въ силу этого соображенія веденіе намѣчавшихся на С.-З. и Ю.-З. фронтахъ операцій было сосредоточено въ рукахъ Генераловъ Жилинскаго и Иванова, въ штабы которыхъ къ тому же естественно поступали всѣ необходимыя для сего данныя гораздо

своевременнѣе и полнѣе, чѣмъ въ Ставку. За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда вмѣшательство Верховнаго Главнокомандующаго являлось неизбежнымъ, вліяніе его на боевыя дѣйствія ограничивалось взаимнымъ согласованіемъ выполнявшихся операций между собою и проявлялось на каждомъ фронтѣ еще постолько, поскольку въ распоряженіи его имѣлись или поступали вновь дополнительные средства для веденія войны — живыя и матерьяльныя.

Отмѣчая это обстоятельство, я бы хотѣлъ избѣгнуть упрека въ томъ, что заранѣе стремлюсь переложить съ однихъ плечъ на другія тяжесть отвѣтственности за неуспѣхъ той или другой операции. — Я только констатирую обстановку, въ которой приходилось работать, и внутренне очень скорбѣлъ, и продолжаю скорбѣть, что Верховное Главнокомандованіе, которое ни при какихъ условіяхъ не считало себя свободнымъ отъ отвѣтственности за ходъ военныхъ дѣйствій, не могло быть, въ силу ряда весьма разнообразныхъ обстоятельствъ, полнымъ хозяиномъ и руководителемъ дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. — Одна изъ наиболѣе существенныхъ причинъ указаннаго явленія заключалась въ подтвержденной опытомъ войны неправильной организациі нашего высшаго управленія войсками на театрѣ войны, на чемъ я предполагаю болѣе подробно остановиться въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ.

Директивой Главнокомандующаго С.-З. фронтомъ отъ 13-го августа, силы германцевъ, оставленные въ Восточной Пруссіи, опредѣлялись въ 3—4 корпуса съ нѣсколькими резервными дивизіями и ландверными бригадами; авангарды этихъ войскъ предполагались выдвинутыми къ границамъ, главныя же силы — расположенными за линіей Мазурскихъ озеръ. Согласно этой же директивѣ, генераль Жилинскій считалъ цѣлью наступленія армій С.-З. фронта — разбитіе непріятеля, отрѣзаніе его отъ Кенигсберга и захватъ его путей отступленія къ Вислѣ. Для достиженія этой цѣли 1-ая армія должна была наступать отъ линіи Вержболово-Сувалки на фронтъ Инстербургъ-Ангеребургъ, въ обходъ линіи Мазурскихъ озеръ съ сѣвера; 2-ая же армія — отъ линіи Августовъ-Граево-Мышинець-Хоржеле на фронтъ Летценъ-Арисъ-Руджаны-Ортельбургъ, направляя главныя силы арміи отъ линіи Мышинець-Хоржеле черезъ Руджаны и Пассенгеймъ на фронтъ Растенбургъ-Зеебургъ.

1-я армія, какъ уже сказано, должна была перейти границу главными силами 17-го августа; 2-я армія — двумя днями позднѣе, за исключеніемъ правофланговаго корпуса этой арміи (II-го), который долженъ былъ перейти границу 18-го августа, какъ ближайшій къ 1-й арміи. Оттяжка въ срокахъ перехода корпусами 2-й арміи границы являлась результатомъ намѣренія генерала Жилинскаго направить лѣвофланговые корпуса этой арміи западнѣе, чѣмъ это было предположено первоначально, «дабы сдѣлать обходъ болѣе глубокимъ и вѣрнѣе облегчить наступленіе 1-й арміи». Въ дѣйствительности же такой порядокъ наступленія, хотя и приводилъ къ болѣе глубокому обходу непріятеля, но представлялъ извѣстную опасность именно для 1-й арміи, которая, будучи въ первую очередь выдвинута къ сторонѣ противника, могла подвергнуться отдѣльному отъ 2-й арміи пораженію. И если такое изолиро-

ванное выдвиженіе 1-й арміи не встрѣтило возраженій со стороны Ставки, то лишь потому, что обстановка на западномъ фронтѣ требовала скорѣйшаго проявленія нашей активности; страховкой же противъ указанной выше опасности служила числительная сила 1-й арміи, не уступавшая, по нашимъ соображеніямъ, силѣ тѣхъ германскихъ войскъ, которыя могли быть собраны противъ этой арміи.

При слагавшейся обстановкѣ, задача 1-й арміи должна была заключаться въ томъ, чтобы своимъ болѣе раннимъ выступленіемъ притянуть на себя главныя силы непріятеля, вступить съ ними въ бой и настойчиво удерживать ихъ передъ собой, охватывая съ сѣвера, пока 2-я армія не выйдетъ имъ во флангъ и даже тылъ съ юга.

Войска обѣихъ нашихъ армій, по директивѣ, должны были войти въ тѣсную между собою связь на фронтѣ Инстербургъ-Ангербургъ-Растенбургъ-Зебургъ, общимъ протяженіемъ около 120 километровъ. Развивая дальнѣйшія дѣйствія въ духѣ указанной директивы, имѣлось въ виду достигнуть окруженія непріятеля или — при неполной удачѣ — его отступленія за Вислу, въ результатѣ котораго все-же явилось бы овладѣніе всей Восточной Пруссіей и выходъ нашъ къ переправамъ на нижней Вислѣ, т. е. выполнение всей первоначальной боевой задачи, возлагавшейся на арміи С.-З. фронта.

Мѣстными факторами, затруднявшими выполнение намѣчавшейся операціи, являлась — разобщавшая операціонные пути обѣихъ нашихъ армій трудно проходимая полоса Мазурскихъ озеръ, съ небольшою непріятельской крѣпостцой Летценомъ въ центрѣ; крѣпость Кенигсбергъ, откуда можно было ожидать контръ-удара при продвиженіи 1-й арміи вглубь Восточной Пруссіи, и открытый лѣвый флангъ 2-й арміи, подверженный удару со стороны Сольдау-Остероде, представлявшихъ изъ себя довольно развитые железнодорожные узлы.

Эти данныя мѣстной обстановки требовали принятія извѣстныхъ мѣръ. Въ цѣляхъ обезпеченія внутреннихъ фланговъ 1-й и 2-й армій отъ непріятельскаго удара изъ за Мазурскихъ озеръ и для поддержанія связи между ними, со стороны верхняго Бобра подлежалъ выдвиженію къ Летцену, Ариэу и Юганисбургу II-й арм. корпусъ. Этотъ корпусъ, расквартированный въ мирное время въ районѣ Гродны и выдвинутый съ мобилизаціей къ Августову, несъ на себѣ, въ періодъ развертыванія армій, задачу по прикрытію путей, ведущихъ со стороны Германіи къ верхнему Бобру и Гроднѣ. Такъ какъ пути эти вели въ районъ развертыванія 2-й арміи, то естественно, что названный корпусъ, въ періодъ вышолненія своей первоначальной задачи, былъ включенъ въ составъ 2-й арміи. Съ развитіемъ же наступательныхъ дѣйствій, корпусъ этотъ, какъ имѣвшій своей задачей наступленіе отъ Августова на фронтъ Летценъ-Юганисбургъ, получалъ болѣе естественное тяготѣніе къ 1-й арміи, въ составъ которой и былъ поэтому включенъ 23-го августа.

Чтобы имѣть возможность при наступленіи обезпечить себя со стороны кр. Кенигсбергъ, связанной мощными железнодородными линіями и морскимъ

путемъ съ внутренними районами Германской Имперіи, 1-я армія должна была имѣть средства для выдвигенія къ сторонѣ названной крѣпости особаго заслона. Первоначально, задача по наблюденію и даже временному прикрытію могла быть возложена на ту кавалерійскую массу, которая находилась въ распоряженіи генерала Ренненкампа, и съ этою цѣлью была сосредоточена на правомъ флангѣ арміи; возможно, что для поддержки этой конницы встрѣтилась бы даже надобность выдѣлить временно изъ состава арміи 1—2 пѣх. дивизіи. Болѣе же постоянный и прочный заслонъ могъ быть образованъ впоследствии изъ тѣхъ второочередныхъ дивизій, кои по боевому расписанію были включены въ составъ 1-й арміи и прибытіе коихъ на театръ военныхъ дѣйствій было совсѣмъ не за горами.

Наконецъ, для прикрытія лѣваго фланга 2-й арміи въ распоряженіи Командующаго этой арміей имѣлись двѣ кав. дивизіи (6-я и 15-я); независимо того, Генераль Жилинскій указалъ генералу Самсонову на возможность выдвигенія изъ Новогеоргіевска 2-й пѣх. дивизіи (XXIII-го корпуса), каковая дивизія должна была составлять гарнизонъ названной крѣпости, впредь до прибытія на ея смѣну второочередныхъ частей. Позднѣе, распоряженіемъ Верховнаго Главнокомандующаго, къ Млавѣ былъ поданъ изъ Варшавы 1-й арм. корпусъ, который, вмѣстѣ съ присоединенной къ нему 1-й стр. бригадою, отошедшею съ лѣваго берега р. Вислы, составилъ сильную уступную группу на лѣвомъ открытомъ флангѣ 2-й арміи и былъ впоследствии включенъ въ составъ этой послѣдней арміи. Мѣрой этой попутно былъ восполненъ составъ 2-й арміи, уменьшившейся, вслѣдствіе передачи II-го корпуса, съ развитіемъ наступленія, въ составъ 1-й арміи.

Къ вечеру 16-го августа, 1-я армія генерала Ренненкампа, въ составѣ трехъ корпусовъ (III, IV и XX), 5-й стрѣлк. бригады и 5½ кав. дивизій, развернулась вдоль границы съ Восточной Пруссіей на фронтѣ Владиславовъ-Мерунскентъ. Вся масса конницы, за исключеніемъ 1-й кав. дивизіи, находившейся на лѣвомъ флангѣ, была сосредоточена на правомъ открытомъ флангѣ арміи. Газвѣдкой и небольшими стычками передовыхъ частей было выяснено, что въ районѣ Пилькаленъ у непріятеля находится сильный конный отрядъ съ артиллеріей; южнѣе — на всемъ фронтѣ впереди арміи — обнаружены были части I-го герм. корпуса и ландвера.

Такимъ образомъ уже на слѣдующій день, 17-го августа, при переходѣ границы, арміи генерала Ренненкампа предстояло столкнуться и вступить въ бой съ непріятелемъ.

Объ этомъ боѣ, разыгравшемся не доходя Сталлупенена, до Ставки дошли своевременно лишь крайне отрывочныя и неполныя свѣдѣнія. Они сводились къ тому, что германцы, въ конечномъ результатѣ, принуждены были отступить, потерявъ нѣсколько орудій, и что нѣкоторыя наши части понесли серьезные потери отъ огня тяжелой артиллеріи противника, которой у насъ не было. Въ дѣйствительности же, какъ это выяснилось впоследствии, уже въ этомъ первомъ столкновеніи ярко обнаружались съ нашей стороны крупныя недочеты

въ области управленія войсками и развѣдки, въ результатѣ коихъ послѣдовала тяжелая тактическая неудача въ одной изъ пѣхотныхъ дивизій и почти полная гибель на полѣ сраженія одного изъ нашихъ очень доблестныхъ полковъ, неожиданно атакованнаго нѣмцами во флангъ и тылъ. Такимъ образомъ, съ перваго же дня войны выявилась старая язва, съ давнихъ поръ отравлявшая здоровую жизнь нашей арміи, — стремленіе къ сокрытію правды. Это неискоренившееся зло не разъ въ теченіе войны препятствовало вѣрной оцѣнкѣ обстановки и своевременному устраненію недочетовъ, путемъ добросовѣтнаго вскрытія ихъ до основанія.

Послѣ столкновенія 17-го августа въ районѣ Сталлупенена, нѣмцы отошли въ западномъ направленіи. Наша 1-я армія, согласно распоряженію генерала Ренненкампа, должна была въ теченіе 18-го и 19-го августа продвинуться на фронтъ нѣсколько восточнѣе Гумбинена, на которомъ на 20-ое августа всей арміи предугазана была дневка.

Такимъ образомъ, углубившись примѣрно на 25—30 километровъ во внутрь непріятельской страны, наши войска пріостанавливались для отдыха, оставляя впереди себя въ распоряженіи противника важный мѣстный узелъ шоссе-северныхъ дорогъ, сходящихся къ Гумбинену, а за нимъ и удобную для перегруппировокъ противника — желѣзную дорогу Тильзитъ-Инстербургъ-Даркементъ-Гольдапа.

Подъ прикрытіемъ частей I-го герм. корпуса, отходившихъ, въ общемъ, въ районъ къ сѣверу отъ Гумбинена, Командующій 8-й германской арміей генералъ баронъ фонъ Притвицъ-Гафронъ, пользуясь отчасти желѣзными дорогами, успѣлъ сосредоточить XVII-й корпусъ къ Даркемену и свои резервные части — I Р-й корпусъ и 3-ю рез. дивизію, не входившую въ составъ этого корпуса, — въ районѣ Ангербурга и къ западу отъ Гольдапа. Кромѣ того въ районѣ Шиллена сосредоточивались нѣмецкія ландверныя части изъ Кенигсберга и Тильзита.

Уже 19-го августа на правомъ флангѣ нашей 1-й арміи разыгрались вновь боевыя столкновенія. Наша конница атаковала въ районѣ Каушена одну изъ нѣмецкихъ ландверныхъ бригадъ. Въ этомъ бою впервые выдвинулся своей блестящей конной атакой на непріятельскую батарею Л.-Гв. Коннаго полка ротмистръ баронъ Врангель, молодой доблестный офицеръ, будущій вождь бѣлаго движенія въ Крыму.

Южнѣе конницы — правофланговый корпусъ 1-й арміи (XX-й) ввязался въ довольно упорный бой съ частями I-го герм. корпуса, занявшими укрѣпленную позицію къ сѣверо-востоку отъ Гумбинена.

Съ разсвѣтомъ 20-го августа обозначилось наступленіе нѣмцевъ по всему фронту 1-й арміи. Непріятель обрушился главными силами на два правофланговыхъ корпуса (XX-й и III-й), пытаясь охватить ихъ съ обоихъ наружныхъ фланговъ. Попытка эта не удалась; на правомъ нашемъ флангѣ атака нѣмцевъ была остановлена огнемъ доблестныхъ батарей 28-й артиллерійской бригады, прикрывавшихъ отходъ своей пѣхоты, оставаясь въ сферѣ самаго близкаго не-

приятельскаго ружейнаго, пулеметнаго и артиллерійскаго огня. Хотя артиллерія эта и вышуждена была оставить на полѣ сраженія невывезенными 8 орудій, но своимъ геройскимъ поведеніемъ она спасла положеніе; извѣстно, что самымъ дѣйствительнымъ и рѣшающимъ выстрѣломъ является выстрѣлъ по неприятелю «въ упоръ», который иногда и приходится выкупать послѣдующею гибелью орудія. Наступающій южнѣ Гумбиненскаго шоссе XVII-й герм. корпусъ былъ также остановленъ въ своей атакѣ и понесъ тяжкія потери отъ огня нашей артиллеріи и контръ-атаки пѣхоты.

Къ 4 часамъ пополудни на нѣкоторыхъ участкахъ поля сраженія обозначилось нѣмцкое отступленіе, которое, какъ выяснилось впоследствии, съ наступленіемъ темноты приняло общій характеръ.

Такимъ образомъ послѣ двухдневнаго боя у Гумбинена, имѣвшаго въ общемъ встрѣчный характеръ, поле сраженія осталось за нами. Противникъ, который оказался не уступавшимъ намъ въ численности, и былъ снабженъ отсутствовавшей у насъ въ этомъ бою тяжелой артиллеріей понесъ значительный уронъ и принужденъ былъ начать отходъ, оставляя намъ плѣнныхъ, раненыхъ, матеріальную часть. Мы вправѣ были считать себя побѣдителями. — Особенно насъ радоваль успѣхъ надъ I-мъ германскимъ корпусомъ, считавшимся однимъ изъ лучшихъ корпусовъ германской арміи.

Вмѣстѣ съ отступавшими нѣмецкими войсками поднялась съ мѣстъ волна бѣженцевъ. Населеніе оставляло свои насиженные мѣста и, нагрузивъ домашнимъ скарбомъ повозки, запрудило дороги вглубь страны. Получалось впечатлѣніе полной эвакуаціи нѣмцами Восточной Пруссіи. Такъ, по крайней мѣрѣ, оцѣнили обстановку, на основаніи поступавшихъ къ нему свѣдѣній, Главнокомандующій С.-В. фронтомъ, и мы теперь знаемъ, что намѣреніе командовавшаго 8-й германской арміей генерала Притвица дѣйствительно заключалось въ томъ, чтобы отвести свои войска за нижнюю Вислу.

Впечатлѣніе отъ побѣды генерала Ренненкампа и спѣшнаго отступленія германцевъ было столь сильнымъ, что одно время возникла даже мысль о переброскѣ 1-й арміи къ Варшавѣ, дабы, закрѣпивъ за собою владѣніе Восточной Пруссіей вступившей въ ея предѣлы съ юга 2-й арміей, подойти быстрѣе къ вопросу о перенесеніи военныхъ дѣйствій на лѣвый берегъ р. Вислы.

Установившаяся во многихъ кругахъ за генераломъ Ренненкампомъ, послѣ боксерскаго возстанія въ Манчжуріи и Японской войны, прочная боевая репутація вселяла увѣренность въ томъ, что одержанная надъ германцами побѣда будетъ имъ использована въ полной мѣрѣ. Однако, на этотъ разъ, командующій 1-й русской арміей не уяснилъ себѣ обстановки и вытекавшей изъ нея необходимости, въ интересахъ всей операціи, удерживать отходившаго передъ нимъ противника дальнѣйшими наступательными боями, или по крайней мѣрѣ организовать преслѣдованіе и наблюденіе за нимъ выдвиненіемъ впередъ своей многочисленной кавалеріи. Несмотря на наличіе послѣдней, Генералъ Ренненкампфъ послѣ боя 20-го августа постепенно потерялъ соприсношеніе съ неприятелемъ, широкій отход котораго выяснился для него окон-

чательно лишь по прошествии нескольких дней. Ссылаясь на утомление войск, необходимость подтянуть пополнения и запасы, а равно выждать подход второочередных дивизий и приданной армии тяжелой артиллерийской бригады, генерал Ренненкампф продолжал оставаться со своей армией в районе происшедшего боя в течение двух последующих дней. Только 23-го августа войска 1-й армии возобновили наступление, которое, однако, велось, несмотря на отсутствие сопротивления со стороны противника, крайне вяло и нерешительно.

Столь значительная потеря генералом Ренненкампом времени, позволила разбитым немецким войскам благополучно выйти из сферы боя и получить свободу дальнейших действий. Пользуясь богато развитою сетью желѣзных дорог, германское командование направило I-й герм. корпус в район Дейч-Эйлау и 3-ю рез. дивизию — через Алленштейн к Гогенштейну для усиления его XX-го германского корпуса, находившагося в районе Остероде и прикрывавшаго пути в Восточную Пруссию с юга. Что же касается XVII-го и I Р. герм. корпусов, то они безпрепятственно отходили походным порядком на запад до тех пор, пока новыми руководителями 8-й германской армии Генералами Гинденбургом и Людендорфом не были повернуты на юг через Бишофсбург и Зеебург на Алленштейн и Пассенгейм, в район действий армии Генерала Самсонова. Против армии генерала Ренненкампа, в качестве заслона, остались лишь — на северном берегу р. Прегеля гарнизон Кенигсберга, и южнѣе — части германской кавалерии, поддерживаемыя небольшими отрядами ландвера и ландштурма. Очевидно, что, при энергическом наступлении армии генерала Ренненкампа, столь рѣзкое изменение в направлении движения отходивших походным порядком германских корпусов — XVII и I Р. стало бы совершенно невозможным.

2-я русская армия генерала Самсонова начала свое наступление с фронта Августов-Новогеоргиевск 18-го августа. Заложив с началом наступательного марша, вследствие стремления к дальнѣйшему уклонению своих корпусов к западу и недостаточно правильного расчета времени, эта армия перешла неприятельскую границу лишь в период времени, с 19-го по 22-го августа, т. е. на срок от одного до трех суток позднѣе, чемъ это было предусмотрено директивой Генерала Жилинского.

Упомянутое уклонение 2-й армии к западу выразилось в томъ, что лѣвофланговые корпуса этой армии, вмѣсто указанного директивой Главнокомандующаго С.-З. фронтомъ направления на Хоржеле-Пассенгеймъ, оказались нацѣленными на фронтъ Нейденбург-Сольдау. Генералъ Самсоновъ мотивировалъ такое свое рѣшение желаніемъ еще глубже охватить флангъ неприятеля и приблизиться къ желѣзнодорожной линіи Новогеоргиевск-Млава, долженствовавшей облегчить подвоз къ армии всего ей необходимаго.

Изменение в направлении корпусов 2-й армии являлось крайне неблагоприятнымъ факторомъ в дѣлѣ согласованія действий армии С.-З. фронта. Сдвигъ лѣваго фланга этой армии примѣрно на два перехода к западу дол-

женъ былъ привести либо къ растяжкѣ ея фронта, являвшагося и безъ того слишкомъ обширнымъ, либо къ разрыву съ 1-й арміей. Сверхъ того облическое движеніе корпусовъ 2-й арміи должно было удлинитъ ихъ путь, что, какъ мы видѣли, оттягивало время перехода ими границы; наконецъ, такое движеніе влекло за собою отдаленіе срока соединенія обѣихъ армій и вызывало необходимость крайней форсировки, съ самаго начала, наступательнаго марша 2-й арміи. Что же касается улучшенія условій подвоза, то нельзя не отмѣтить, что таковое достигалось, повидимому, проще быстрѣйшимъ овладѣніемъ желѣзнодорожной линіей Ортельсбургъ-Юганисбургъ-Лыкъ-Просткенъ, связывавшейся у Граево черезъ Бѣлостокъ съ русской желѣзнодорожной сѣтью.

Порядокъ слѣдованія корпусовъ 2-й арміи справа налѣво былъ слѣдующимъ: II-й, VI-й, XIII-й XV-й и 2-я пѣх. дивизія XXIII-го корпуса; лѣвѣе этой послѣдней дивизіи выдвигался I-й корпусъ. На флангахъ наступала кавалерія: на правомъ, въ промежуткѣ между II-мъ и VI-мъ корпусами — 4-я кав. дивизія, и на лѣвомъ флангѣ — 6-я и 15-я. Другая дивизія XXIII-го корпуса — 3-я гвардейская — была выдѣлена Главнокомандующимъ С.-В. фронтомъ въ свой резервъ и оставалась сначала въ Соколкѣ, затѣмъ въ Августовѣ. Лишь впослѣдствіи, съ развитіемъ операци, эта дивизія была перевезена въ Цѣхановъ и отдѣльные полки ея приняли участіе въ бояхъ, разыгравшихся на лѣвомъ флангѣ арміи.

При передвиженіяхъ въ предѣлахъ Русской Польши, войска 2-й арміи должны были преодолѣвать большія трудности, происходившія отъ тяжелыхъ печеныхъ дорогъ, непривычныхъ переходовъ, при очень жаркой погодѣ и непалаженности тыла. Мѣстныхъ средствъ почти не было, а организовать подвозъ, при отсутствіи въ зонѣ наступленія желѣзныхъ дорогъ, хозяйственнымъ органамъ арміи не удавалось. Нѣкоторые магазины, подлежавшіе образованію въ ближайшемъ тылу распоряженіемъ интендантства фронта, оказались недостаточно пополненными запасами, а армейскіе транспорты прибыли къ арміи съ неполнымъ числомъ повозокъ. Не справлялись со своимъ дѣломъ и полевые хлѣбопекарни, которыхъ было едва достаточно для снабженія арміи хлѣбомъ при условіи расположенія на мѣстѣ. Съ движеніемъ же арміи впередъ и необходимостью передвиженія вслѣдъ за войсками и полевыхъ хлѣбопекаренъ, работа ихъ должна была прерваться и недостатокъ въ хлѣбѣ становился ощутительнымъ. Войскамъ нерѣдко приходилось выпекать собственнымъ попеченіемъ хлѣбныя лепешки. Въ результатъ такого положенія, армія, съ первыхъ же дней марша, стала страдать отъ отсутствія главнѣйшихъ продуктовъ питания: для людей — печенаго хлѣба и для конскаго состава — зернового фуража. Ея корпуса, при переходѣ границы, оказались уже въ значительной мѣрѣ утомленными и изнуренными.

Къ вечеру 22-го августа корпуса 2-й арміи заняли фронтъ Ортельсбургъ-Вилденбургъ-Нейденбургъ-Сольдау, общимъ протяженіемъ около 70 километровъ. Напомнимъ читателю, что къ этому времени 1-я армія все еще оставалась въ районѣ Гумбиненскаго боя, т. е. въ разстояніи свыше 100 километровъ отъ

2-й арміи. Связью между об'ямами арміями служилъ II-й корпусъ, перешедшій въ этотъ день въ составъ 1-й арміи; корпусъ этотъ занималъ Лыкъ и выдвинулъ отъ себя авангарды въ направленіи къ Летцену, Арису и Юганисбургу.

Обстановка передъ фронтомъ 2-й арміи представлялась не ясной. До похода къ границѣ имѣлись свѣдѣнія самаго общаго характера о наличіи, якобы, довольно крупныхъ силъ въ районѣ Нейденбургъ-Гиллгенбургъ-Сольдау. Предполагались также занятыми Ортельсбургъ-Юганисбургъ и Лыкъ. Были свѣдѣнія о появленіи какихъ-то силъ у Страусбурга и продвиженіи ихъ къ Лаутенбургу. Можно было догадываться, что въ этомъ направленіи подтягивались гарнизоны Торна и другихъ Вислинскихъ укрѣпленій. Наконецъ, по слухамъ, въ районѣ Алленштейна находился XX-й германскій корпусъ. Однако вступленіе 2-й арміи на непріятельскую территорию не ознаменовалось никакими серьезными боями. Слабыя передовыя части противника передъ нашими войсками успѣшно отходили; нѣмецкое населеніе покидало свои жилища.

Вслѣдствіе отсутствія авіаціонныхъ средствъ, все, что происходило у германцевъ за чертою его передовыхъ отрядовъ, оставалось для насъ сокрытымъ.

Чтобы удовлетворить естественному чувству радости, охватившему представителей союзныхъ армій, находившихся при Ставкѣ, при полученіи первыхъ извѣстій о переходѣ нашими войсками границы, — имъ предложена была поѣздка въ Нейденбургъ. Они посѣтили XV-й корпусъ и вернулись обратно довольные и освѣженные всеѣмъ видѣннымъ въ пути. Съ особенной восторженностью рассказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ представитель французской арміи генераль маркизъ де Лагитъ, свидѣтельствовавшій объ образцовомъ порядкѣ не только на фронтѣ, но и въ тылу видѣнной имъ арміи. Въ особенности его поразили порядокъ въ XV-мъ арм. корпусѣ (генераль Мартосъ).

Съ развитіемъ наступленія 2-й арміи, стремленіе къ дальнѣйшему сдвигу ея корпусовъ къ западу не только не покидаетъ командующаго 2-й арміей, но, наоборотъ, все прочіе въ немъ укрѣпляется. 23-го августа генераль Самсоновъ ходатайствуетъ передъ Главнокомандующимъ С.-З. фронтомъ о разрѣшеніи ему наступать вмѣсто назначеннаго направленія на Растенбургъ-Зеебургъ, отъ котораго онъ фактически уже отклонился, — на фронтъ Алленштейнъ-Остероде. Генераль Жилинскій сначала противится этому, но затѣмъ, уступая рисовавшейся ему обстановкѣ, устанавливаетъ новое направленіе для наступленія корпусовъ 2-й арміи на фронтъ Зенсбургъ-Алленштейнъ. Рѣшеніе это Главнокомандующій С.-З. фронтомъ мотивируетъ выяснившимся спѣшнымъ отходомъ германцевъ передъ арміей генерала Ренненкампа; но каково дѣйствительное направленіе этого отхода — остается и Генералу Жилинскому, и генералу Ренненкампу фактически неизвѣстнымъ. Войска 1-й арміи, возобновивъ свое наступленіе лишь 23-го августа, предоставили такимъ образомъ, нѣмцамъ свободно отходить назадъ и незамѣтно приступить къ выполненію перегруппировки, указанной новымъ командоваіемъ 8-й германской арміи. Выпустивъ противника изъ сферы своего вліянія и наблюденія, Генераль Ренненкампа, а за нимъ и руководитель всей операціи на С.-З. фронтѣ генераль Жи-

линскій, оказались вѣдѣ возможности оцѣнивать обстановку по ея дѣйствительнымъ даннымъ. Вниманіе ихъ, вопреки мнѣнію Ставки, привлекается лежавшей впереди праваго фланга 1-й арміи кр. Кенигсбергъ, миновать которую быстрымъ движеніемъ главныхъ силъ на юго-западъ, съ цѣлью сближенія со 2-й арміей и выполненія основной задачи по охвату неприятеля съ сѣвера, они не рѣшаются. Въ соответствии съ симъ три корпуса 1-й арміи (XX-й, IV-й и III-й) направляются Генераломъ Ренненкампомъ на фронтъ Лабіау-Велау-Алленбургъ и только одинъ корпусъ (II-й) — на фронтъ Гердауень-Розенталь (близъ Растенбурга).

Названныхъ пунктовъ части 1-й арміи достигли лишь 26-го августа, сдѣлавъ такимъ образомъ, въ среднемъ, отъ 20 до 60 километровъ въ теченіе четырехъ дней похода — съ 23-го по 26-ое августа — и потерявъ, для выполненія этого передвиженія, со времени окончанія Гумбиненскаго боя (вечеръ 20-го августа), шесть сутокъ. Напомнимъ, что, по первоначальной директивѣ Главнокомандующаго С.-З. фронтомъ, Растенбургъ намѣчался, какъ пунктъ, на который должны были быть нацѣлены правогофланговые части 2-й арміи, но послѣдняя, какъ мы уже видѣли, все болѣе уклонялась къ западу. Тѣмъ не менѣе, простой расчетъ времени и разстояній показываетъ, что если-бы Генералъ Ренненкампфъ, прикрывшись конницей и даже двумя полевыми корпусами къ сторонѣ Кенигсберга, — съ остальными двумя корпусами своей арміи двинулся вдоль желѣзной дороги Инстербургъ-Гердауень-Бишофбургъ и, не теряя времени, продвинулся бы въ теченіе минувшихъ 6 дней только на 100 километровъ впередъ, что не представляло чего-либо невозможнаго, то онъ несомнѣнно ударилъ бы по тыламъ передвигавшихся на югъ XVII-го и I Р.-го германскихъ корпусовъ, которые, какъ мы увидимъ ниже, 26-го августа вели бой съ нашимъ VI-мъ корпусомъ въ районѣ того же Бишофбурга. Но потерявъ сопркословеніе съ противникомъ и не зная направленія его отхода, ни Командующій 1-й арміей, ни Главнокомандующій С.-З. фронтомъ не имѣли данныхъ, чтобы предписать такое движеніе.

Между тѣмъ, при дальнѣйшемъ наступленіи 2-й арміи съ занятаго ею фронта — Ортельсбургъ-Нейденбургъ-Сольдау, въ центрѣ ея и на лѣвомъ флангѣ начали развертываться крупныя боевыя столкновенія, въ началѣ удачныя для войскъ генерала Самсонова.

23-го августа въ центрѣ арміи, на фронтѣ Орлау-Франкенау-Михалкентъ разыгрывается двухдневный бой XV-го корпуса съ частями XX-го германскаго корпуса, усиленнаго ландверными формациями. Нѣмцы, атакованные на укрьпленной ими позиціи съ фронта XV-мъ корпусомъ и угрожаемые обходомъ ихъ лѣваго фланга нашимъ XIII-мъ корпусомъ, въ результатѣ боя спѣшно отходятъ въ сѣверо-западномъ направленіи. 24-го августа на крайнемъ лѣвомъ флангѣ нашъ I-й корпусъ занимаетъ Уздау и продвигается даже еще нѣсколько впередъ, въ направленіи на Гильгенбургъ. На усиленіе корпуса къ Млавѣ подвозятся эшелонами части 3-й гв. дивизіи и 1-й стрѣлковой бригады. Въ слѣдующіе дни, несмотря на атаки нѣмцевъ съ запада, центральная группа на-

шихъ корпусовъ (XV-й и XIII-й), подъ прикрытіемъ 2-й пѣх. дивизіи XXIII-го корпуса, развернувшейся въ районѣ Франкенау, продолжаетъ съ боями продвигаться къ сѣверу. При этомъ, подъ влияніемъ обстановки, она все болѣе уклоняется къ сѣверо-западу и окончательно нацѣливается, съ согласія Главнокомандующаго С.-З. фронтомъ, на линію Алленштейнъ-Остероде, взаменъ установленнаго 23-го августа направленія на фронтъ Зенбургъ-Алленштейнъ и первоначально указаннаго директивой генерала Жилинскаго отъ 13-го августа фронта Растенбургъ-Зеебургъ. Вместе съ тѣмъ, въ цѣляхъ связи и прикрытія своего внутренняго фланга, далеко оторвавагося отъ 1-ой арміи, генераль Самсоновъ, уступая требованіямъ генерала Жилинскаго, передвигаетъ свой право-фланговый корпусъ (VI-й), съ приданной къ нему 4-й кавалерійской дивизіей, въ районъ Бишофбургъ-Зенебургъ.

Послѣдствія такихъ дѣйствій и распоряженій оказались, однако, крайне невыгодными для общаго положенія 2-й арміи. Уклонивъ свой фронтъ еще болѣе къ западу, генераль Самсоновъ, вмѣсто того, чтобы имѣть шансы самому выйти во флангъ и тылъ разбитой подъ Гумбининомъ германской арміи, все болѣе и болѣе открываетъ свой правый флангъ и подтапливаетъ не только его, но даже тылъ своей арміи подъ ударъ двухъ непріятельскихъ германскихъ корпусовъ (I Р. и XVII), вышедшихъ изъ подъ наблюденія 1-й арміи и свободно выполнявшихъ свой новый маневръ. — Вместе съ тѣмъ правофланговый корпусъ 2-й арміи (VI-й) оказывается оторваннымъ на значительное разстояніе отъ центральной группы своей арміи, способствуя тѣмъ ослабленію ея ударной силы и обрекая себя на возможность отдѣльнаго пораженія.

Обезпокоенный складывавшейся на С.-З. фронтѣ обстановкой, Верховный Главнокомандующій 26-го августа счелъ необходимымъ лично прибыть въ штабъ фронта, чтобы, въ бесѣдѣ съ генераломъ Жилинскимъ, выразить ему свои опасенія и потребовать ускоренія движенія арміи Генерала Ренненкампа.

Положеніе на фронтѣ 2-й арміи стало дѣйствительно вырисовываться въ весьма неблагоприятномъ свѣтѣ. Центральная группа арміи генерала Самсонова (корпуса XV-й и части XXIII-го и XIII-го корпусовъ) встрѣтила уже 26-го августа упорное сопротивленіе нѣмцевъ, собравшихъ въ районѣ къ юго-востоку отъ Остероде до пяти дивизій и сосредоточившихъ на своемъ новомъ фронтѣ сильную тяжелую артиллерію. Наши войска, ведя крайне упорные бои, не въ состояніи были продвинуться за линію Алленштейнъ-Гогенштейнъ-Липау (юго-западнѣе Михаллена). Въ то же время на правомъ флангѣ арміи — VI-й корпусъ, будучи атакованъ XVII-мъ германскимъ корпусомъ, поддержаннымъ I Р-мъ корпусомъ, понесъ 26-го августа серьезную неудачу и, потерявъ связь со штабомъ 2-й арміи, оказался отброшеннымъ къ югу отъ Бишофбурга. Этимъ своимъ отступленіемъ онъ открылъ обоимъ названнымъ выше германскимъ корпусамъ пути въ обходъ праваго фланга и въ тылъ центральной группѣ 2-й арміи. Равнымъ образомъ и на лѣвомъ флангѣ этой арміи — I-й корпусъ, составлявшій, при перемѣнѣ фронта 2-й арміи на сѣверо-западъ, ось маневра и устрѣвннй, какъ уже было сказано, выдвинуться къ Уздау, былъ 27-го ав-

густа атакуют частями I-го германского корпуса и съ лѣваго фланга группою генерала Мюльмана изъ ландверныхъ частей, подвезенныхъ изъ Торна и другихъ Вислинскихъ укрѣпленій. Корпусъ, не исчерпавъ, къ сожалѣнію, до конца боевую сопротивляемость своихъ войскъ, отошелъ черезъ Сольдау къ Млавѣ, открывъ этимъ неприятелю дорогу черезъ Нейденбургъ-Мушакенъ въ тылъ той-же центральной группѣ 2-й арміи со стороны ея лѣваго фланга. Наконецъ, вслѣдствіе крайне вялаго наступленія 1-й арміи, производившагося къ тому же въ несоотвѣтственномъ направленіи, и постепеннаго уклоненія 2-й арміи къ западу, разстояніе между внутренними флангами обѣихъ армій все еще оставалось въ нѣсколько десятковъ километровъ (Розенталь-Бишофсбургъ), и такимъ образомъ, армія генерала Самсонова не могла рассчитывать въ теченіе ближайшаго времени на какую-либо помощь со стороны 1-й арміи.

Чтобы выяснитъ въ столь критическій періодъ операціи положеніе въ центральной группѣ корпусовъ и принять личное руководство ихъ дѣятельностью, генераль Самсоновъ счелъ необходимымъ утромъ 28-го августа выѣхать изъ Нейденбурга — мѣста расположенія его штаба — къ XV-му корпусу. Имѣются данныя, что генераль Самсоновъ 27-го и даже 28-го августа все еще рассчитывалъ совокупными силами I-го, XXIII-го и особенно XV-го и XIII-го корпусовъ разбить западную группу неприятеля и, такимъ образомъ, выйти побѣдителемъ изъ создавашагося для него сложнаго положенія. Трудно высказывать мнѣніе по поводу даннаго предположенія командующаго 2-й арміей. Известно, что между побѣдою и пораженіемъ проходитъ часто едва замѣтная грань, ощутить которую на разстояніи, какъ времени такъ и мѣста, никогда не удается. Въ этомъ послѣднемъ соображеніи вѣроятно и заключалась основная причина, по которой генераль Самсоновъ рѣшилъ 28-го августа выѣхать впередъ къ войскамъ. Но его отъѣздъ требовалъ, конечно, со стороны штаба особыхъ мѣръ и заботъ по поддержанію связи со штабомъ фронта и всеми частями арміи. Этого сдѣлано не было и управленіе арміей, а также связь съ фронтомъ, съ отъѣздомъ генерала Самсонова, были нарушены. Прибывъ въ районъ XV-го корпуса, генераль Самсоновъ освѣдомился, однако, о крайнемъ утомленіи войскъ и тяжелыхъ потеряхъ, дѣлавшихъ дальнѣйшее ихъ боевое напряженіе, по оцѣнкѣ мѣстныхъ начальниковъ, едва ли возможнымъ. Подъ влияніемъ такого заключенія, генераль Самсоновъ не счелъ возможнымъ настаивать на дальнѣйшемъ продолженіи боевъ и отдалъ приказъ объ общемъ отходѣ арміи, въ ночь на 29-ое августа, къ Янову и Хоржеле. Судьба операціи была этимъ рѣшена и въ дальнѣйшемъ вопросъ сводился лишь къ тому, каковы будутъ потери арміи при отходѣ въ столь трудныхъ условіяхъ.

Уже черезъ нѣсколько часовъ послѣ отъѣзда генерала Самсонова на сѣверъ, Нейденбургъ былъ занятъ нѣмцами, проникшими туда со стороны Уздау и выдвинувшими конныя части, самокатчиковъ и броневые автомобили на Мушакенъ. Вслѣдъ за этимъ неприятель успѣлъ отбросить 2-ю пѣх. дивизію XXIII-го корпуса отъ Франкенау на востокъ, что открывало ему дорогу въ тылъ XV-му корпусу. Съ востока же, навстрѣчу этимъ частямъ, черезъ Пассен-

геймъ продвигались части XVII-го германск. корпуса, и такимъ образомъ катастрофа близилась къ своей роковой развязкѣ. Обозначившееся вокругъ нашихъ войскъ непріятельское кольцо все болѣе и болѣе сжималось, пока къ 30-му августа не сомкнулось окончательно. Положеніе нашихъ частей внутри постепенно сдавливавшаго ихъ кольца значительно затруднилось еще вслѣдствіе потери связи и управления. — «Нашъ все поражало своей неожиданностью», — такъ характеризуетъ положеніе одинъ изъ участниковъ этихъ трагическихъ событій. Войска, непрерывно атакуемые непріятелемъ со всѣхъ сторонъ, разбились на отдѣльные отряды и колонны, которые, дѣйствуя разрозненно, стремились проложить себѣ дорогу силою. Несмотря на крайнее мужество и отвагу — лишь очень немногимъ эти попытки удалось...

Въ тяжкій для русской арміи день 30-го августа въ лѣсахъ сѣвернѣе шоссе Нейденбургъ-Вилленбергъ перестали существовать только впоследствии вновь восстановленные XIII-й и XV-й корпуса и значительная часть XXIII-го корпуса. Много доблестныхъ героевъ нашли здѣсь мѣсто вѣчнаго упокоенія; другіе, исчерпавъ все свои силы, обречены были долгіе годы войны томиться въ германскомъ плѣну.

Командовавшій арміей генераль Самсоновъ 29-го августа выѣхалъ изъ Орлау, рассчитывая достигнуть Янова, чтобы снова взять въ свои руки потерянное имъ управленіе арміей и войти въ связь со штабомъ фронта. Направляясь кружными путями черезъ лѣсъ, сначала верхомъ, затѣмъ пѣшкомъ, онъ въ ночь на 30-ое августа, недалеко отъ Вилленберга, по свидѣтельству сопровождавшихъ чиновъ его штаба, покончилъ съ собою, не имѣя, повидимому, силъ пережить постигшую его неудачу. Подробности этой трагедіи остаются, впрочемъ, все еще недостаточно выясненными. — Да будетъ миръ праху этого крупнаго, но незадачливаго вождя русской арміи, съ именемъ котораго связывалось много разрушенныхъ надеждъ...

Для штаба С.-З. фронта трудное положеніе 2-й арміи, повидимому, выяснилось въ полной мѣрѣ лишь къ 27-му августа. Только въ этотъ день генераль Жилинскій указалъ командующему 1-й арміей на необходимость оказать содѣйствіе 2-й арміи, которое и выразилось въ распоряженіи о выдвигеніи на поддержку этой арміи двухъ лѣвофланговыхъ корпусовъ (IV-го и II-го) и кавалеріи. Но потерявъ соприкосновеніе съ противникомъ, эти корпуса были нацѣлены на угадъ — на фронтъ Прейсш-Эйлау-Бишофштейнъ, т. е. въ западномъ направленіи, гдѣ противника не было. Это обстоятельство, очень характерное само по себѣ, не могло впрочемъ отразиться невыгодно на судьбѣ 2-й арміи, такъ какъ выручка ея являлась запоздалой по времени. Уже 29-го августа, вслѣдствіе совершившагося отхода этой арміи, корпуса 1-й арміи, достигшіе указанной выше линіи, были остановлены; кавалеріи же было приказано продолжать движеніе и организовать поиски въ районѣ Вормдигъ-Алленштейнъ-Пассенгеймъ для выясненія положенія генерала Самсонова и оказанія ему возможной помощи. Исполняя это распоряженіе, наши конные отряды бросились вглубь Восточной Пруссіи. Задачи, поставленныя передъ ними,

открыли широкое поле для боевой работы нашей конницы, которая не привела, однако, кт цѣли, какъ запоздалая; она лишь въ значительной мѣрѣ измотала конскій составъ нашихъ частей. Подойдя къ Вормдиту и Алленштейну, наша конница натолкнулась на нѣмецкіе пѣхотные отряды, снабженные артиллеріей и броневиками, съ которыми и имѣла серьезныя стычки.

Столь же запоздалыми явились попытки облегчить положеніе центральной группы 2-й арміи со стороны 1-го корпуса, перешедшаго въ наступленіе на Нейденбургъ, и VI-го корпуса, долженствовавшего двинуться изъ Ортельсбурга къ Виленбергу. Руководство этими корпусами, со стороны арміи, по существу прекратилось со времени отъѣзда генерала Самсонова изъ Нейденбурга на сѣверъ. Съ этого же момента, какъ уже было отмѣчено, прервалась и связь генерала Самсонова со штабомъ фронта, распоряженія котораго этимъ естественно были затруднены до крайности.

Надо отмѣтить вообще крайне плохую работу службы связи въ описанную операцію. Не только Ставка и штабъ С.-З. фронта по 1—2 дня не знали, что происходитъ въ арміяхъ, но даже корпуса одной и той же арміи не были ориентуемы въ томъ, что дѣлается у ихъ сосѣдей.

Отысканіе персональных виновниковъ столь тяжкаго для Россіи пораженія не входитъ въ мою задачу. Мы слишкомъ часто, особенно въ послѣднее время, привыкли возлагать отвѣтственность за крупныя, почти историческаго значенія событія на отдѣльных лицъ, взамѣнъ того, чтобы зародыши такихъ событій искать въ причинахъ и условіяхъ болѣе общихъ. Безпристрастный читатель вѣроятно не откажетъ въ признаніи того факта, что, при ознакомленіи съ ходомъ всей только что описанной операціи, ему приходилось непрерывно констатировать результаты нашей плохой развѣдки, ненадежной связи, неправильной оцѣнки обстановки и иныхъ крупныхъ недочетовъ въ области управленія и маневрированія. Недочеты эти являлись результатомъ недостаточной подготовки вообще всей нашей арміи и только проявились съ особенной рельефностью при нашей первой серьезной встрѣчѣ съ болѣе искуснымъ противникомъ.

Въ частности, насъ несомнѣнно приблизили къ катастрофѣ нижеслѣдующіе факторы, перечисляемые ниже въ хронологическомъ порядкѣ:

Несвоевременная готовность и неправильный расчетъ времени наступленія 2-й арміи, потребовавшіе форсировки движенія и приведшіе къ изнуренію войскъ этой арміи еще до начала боевыхъ дѣйствій.

Медленность и нерѣшительность дѣйствій 1-й арміи, дозволившія германскимъ войскамъ выйти изъ неудачно сложившагося для нихъ боя и выполнить перегруппировку, намѣченную новымъ ихъ командованіемъ.

Полная потеря соприкосновенія съ неприятелемъ 1-й арміи; какъ результатъ этого, — дѣйствія въ слѣпую и преувеличенное вниманіе къ Кенигсбергу.

Послѣдовательное и настойчивое уклоненіе 2-й арміи къ западу, способствовавшее удаленію ея отъ 1-й арміи и обнаженію ея праваго фланга и тыла.

Разброска корпусов 2-й армии, приведшая къ отдельному поражению VI-го корпуса.

Поспѣшный и мало-обоснованный отходъ 1-го корпуса, открывавшій неприятелю путь въ обходъ лѣваго фланга 2-й армии.

Причины отступленія нашего 1-го корпуса остаются до сихъ поръ еще не выясненными. Но каковы бы онѣ ни были, можно отмѣтить, что отходъ этого корпуса на Нейденбургъ, въ сторону сближенія съ остальными войсками 2-й армии, повидимому, привелъ бы къ менѣе тяжкимъ послѣдствіямъ, чѣмъ эксцентрическое отступленіе въ Млавѣ, которое открыло нѣмцамъ прямые пути съ запада въ тылъ центральной группѣ корпусовъ этой армии.

Отмѣчая наши недочеты, нельзя, въ противоположность имъ, не подчеркнуть искусства нашихъ противниковъ — германцевъ, искусства, заключавшагося, главнымъ образомъ, въ умѣніи использовать каждый промахъ. Ихъ дѣйствія отличались при этомъ крайней смѣлостью и настойчивостью. Они умѣли рисковать и не разъ балансировали между пораженьемъ и побѣдой. И, какъ это бываетъ всегда, чѣмъ ближе они подходили къ возможности пораженья, тѣмъ полнѣе и рѣшительнѣе оказалась ихъ побѣда.

Въ періодъ только что описанной операціи у насъ были обнаружены случаи послышки нешифрованныхъ распоряженій по «искровому» телеграфу. Эти телеграммы перехватывались не только нашими станціями, но очевидно и неприятельскими. Пользованіе полевымъ беспроволочнымъ телеграфомъ было вообще для нашихъ штабовъ дѣломъ совершенно новымъ и потому непривычнымъ. Впрочемъ, и наши противники грѣшили тѣмъ-же и отъ времени до времени намъ удавалось перехватывать ихъ столь же откровенныя донесенія и распоряженія. Фактъ этотъ, конечно, нисколько не избавляетъ насъ отъ упрека въ непростительной халатности.

Интересно отмѣтить, что случаевъ послышки ложныхъ радио, съ цѣлью затруднить ориентировку противной стороны, зарегистрировать мнѣ не удалось, ни теперь, ни позже.

Весьма сильное впечатлѣніе производили на наши войска дѣйствія тяжелой артиллеріи противника. Снаряды этой артиллеріи у насъ послѣ первыхъ же боевъ прозвали «чемоданами», каковая кличка очень скоро привилась во всей армии. «Противникъ бросаетъ чемоданы» — обычная фраза, которой стали пестрить войсковыя донесенія съ фронта.

Что касается дѣйствій нашей кавалеріи, то надо отмѣтить, что главнымъ врагомъ ея въ Восточной Пруссіи явились вооруженные броневые автомобили, впервые появившіеся на поляхъ сраженій, и отряды нѣмецкихъ мотоциклистовъ и самокатчиковъ, кои, пользуясь густо развитою сѣтью шоссеиныхъ дорогъ, значительно стѣсняли свободу дѣйствій нашихъ конныхъ отрядовъ.

Участники Восточно-Прусскаго похода свидѣтельствуютъ довольно единогласно о прекрасно организованномъ содѣйствіи мѣстнаго нѣмецкаго населенія своимъ войскамъ. Кромѣ вольныхъ стрѣлковъ, шнырявшихъ на своихъ мотоциклетахъ и велосипедахъ по всей странѣ и высматривавшихъ наше располо-

женіе, населеніе сигнализировало о нашихъ передвиженіяхъ огнями, пожарами, пусканіемъ въ ходъ вѣтряныхъ мельницъ, колокольнымъ звономъ. Наши войска со всѣхъ сторонъ были окружены шпионами и соглядатаями, что, конечно, осложняло ихъ боевую работу и облегчало ориентировку противника.

ГЛАВА VII.

Галицкая операція и ея ближайшіе результаты. — Сношеніе съ Главной Сербской Квартирой и переходъ Сербской арміи въ наступленіе.

Дѣйствительная обстановка на Австро-Венгерскомъ фронтѣ болѣе или менѣе удовлетворительно выяснилась лишь къ срединѣ августа и даже нѣсколько позднѣе. Къ этому времени удалось установить сборъ значительныхъ силъ австрійцевъ за р. Саномъ и на фронтѣ Ярославъ-Львовъ. Въ восточной Галичинѣ обстановка вырисовывалась болѣе туманно; все же можно было сдѣлать выводъ, что непріятель находится въ этомъ районѣ въ гораздо меньшихъ силахъ и что онъ еще не закончилъ своего развертыванія, которое происходитъ подъ прикрытіемъ р.р. Зап. Буга, Золотой Липы и Днѣстра.

Полезно еще разъ подчеркнуть, что ничтожность нашихъ авіаціонныхъ средствъ и техническое несовершенство аппаратовъ препятствовали, несмотря на личную отвагу и жертвенность нашихъ летчиковъ, успѣшному производству глубокихъ развѣдокъ; безъ таковыхъ же свѣдѣній объ общемъ расположеніи непріятеля всегда будутъ страдать большою неточностью. Тѣмъ не менѣе добытыя данныя съ очевидностью свидѣтельствовали, что австрійскія арміи фактически развертывались много западнѣе, чѣмъ это предполагалось нами по свѣдѣніямъ мирнаго времени. вмѣстѣ съ тѣмъ, отнесеніе развертыванія австрійскихъ войскъ на восточномъ участкѣ ихъ фронта за линію рѣкъ — Западный Бугъ, Золотая Липа и Днѣстръ, т. е. вглубь территоріи, въ связи съ необнаруженіемъ на томъ же участкѣ сколько-нибудь значительныхъ силъ, должно было служить для насъ яркимъ доказательствомъ того, что австрійское главное командованіе не имѣетъ въ виду развитія широкихъ наступательныхъ дѣйствій на востокъ, къ сторонѣ Кіевского военного округа. Напротивъ, сборъ значительныхъ силъ за р. Саномъ и на фронтѣ Ярославъ-Львовъ, вмѣстѣ съ фактомъ болѣе медленной готовности нашихъ 5-ой и особенно 4-ой армій, какъ бы подтверждали предсудатривавшееся еще въ мирное время нашимъ Главнымъ Управленіемъ Генеральнаго Штаба предположеніе о вѣроятности натиска со стороны австрійцевъ на эти, именно, арміи. Чтобы парализовать опасность такого удара и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вырвать инициативу изъ рукъ нашего врага, Русское Верховное Главнокомандованіе находило необходимымъ противопоставить такому способу дѣйствій скорѣйшее вторженіе нашихъ 3-й и 8-й армій въ предѣлы Галичины, съ общимъ направленіемъ на Львовъ. При успѣхѣ такого наступленія, названныя двѣ арміи выходили во флангъ, и даже въ тылъ

нацѣленной на сѣверъ австрійской группѣ войскъ, положеніе которой становилось бы тѣмъ труднѣе, чѣмъ глубже она вторглась бы въ предѣлы русской Польши, къ тому же бездорожной въ этой ея части. Независимо того, наступленіемъ 3-й и 8-й армій выгодно сближались между собою всѣ четыре арміи нашего Ю.-З. фронта, чѣмъ уменьшалась опасность ихъ разрыва, вытекавшая изъ наличія лѣсисто-болотистаго пространства между верховьями Западнаго Буга и р. Стыри.

Въ годы мирной работы, между Главнымъ Управленіемъ Генеральнаго Штаба и штабомъ Кіевскаго военнаго округа существовало коренное различіе во взглядѣ на вѣроятный планъ первоначальныхъ дѣйствій австрійцевъ, въ случаѣ открытія ими противъ насъ войны. Основываясь на сопоставленіи сроковъ боевой готовности, обѣ стороны допускали возможность, и даже признавали вѣроятнымъ, вторженіе австрійцевъ, съ началомъ военныхъ дѣйствій, въ наши предѣлы. Но Главное Управленіе Генеральнаго Штаба считало болѣе вѣроятнымъ нанесеніе главнаго удара австрійцевъ въ сѣверномъ направленіи, въ предѣлы русской Польши и на сближеніе съ восточнымъ фронтомъ германцевъ; штабъ же Кіевскаго военнаго округа отстаивалъ преимущества для австрійцевъ восточнаго операціоннаго направленія, указывая, что наступленіе на сѣверъ явится возможнымъ для нашего противника лишь послѣ успѣха надъ нашими арміями на Кіевскомъ фронтѣ.

Разница въ оцѣнкѣ обстановки порождала разницу и во взглядахъ на болѣе цѣлесообразный способъ нашихъ собственныхъ дѣйствій. Мѣстное начальство Кіевскаго военнаго округа всегда настановало на усиленіи 3-й и 8-й армій и оттяжку ихъ наступленія, считая болѣе соответственнымъ выждать движеніе впередъ австрійцевъ и рассчитывая встрѣтить ихъ короткимъ сосредоточеннымъ контръ-ударомъ. Напротивъ, Главное Управленіе Генеральнаго Штаба, исходя изъ соображенія о вѣроятномъ направленіи главныхъ усилій австрійцевъ къ сѣверу и учитывая опасность такого удара для нашихъ западывавшихъ въ своей готовности 4-й и 5-й армій, требовало скорѣйшаго перехода въ наступленіе армій, развертывавшихся на территоріи Кіевскаго военнаго округа; въ этомъ наступленіи оно видѣло способъ отвести ударъ австрійцевъ отъ сѣверной группы нашихъ войскъ. Для того же, чтобы ослабить рискъ такого изолированнаго наступленія 3-й и 8-й армій, въ центральномъ органѣ Генеральнаго Штаба хорошо сознавали необходимость ускоренія готовности этихъ армій и охотно шли на возможное ихъ усиленіе. Мы видѣли, что въ составъ этихъ армій, въ дополненіе къ пяти корпусамъ Кіевскаго военнаго округа и одного корпуса Одесскаго военнаго округа, было намѣчено включеніе изъ внутреннихъ округовъ двухъ корпусовъ — III-го Кавказскаго и XXIV-го. Къ сожалѣнію, частая смѣна Начальниковъ Генеральнаго Штаба и недостаточная ихъ авторитетность очень затрудняли установленіе единства въ пониманіи сущности первыхъ боевыхъ операцій.

Какъ это видно изъ предыдущаго, дѣйствительная обстановка на австрійскомъ фронтѣ складывалась ближе къ предположеніямъ Главнаго Управленія

Генеральнаго Штаба, преемственно раздѣлявшимся и Верховнымъ Главнокомандованіемъ. Поэтому послѣднее, подтверждая 12-го августа Главкомандующему арміями Ю.-З. фронта необходимость приступить къ выполнению боевой задачи, возложенной на войска этого фронта Высочайшими указаніями, вмѣстѣ съ тѣмъ требовало ускоренія начала наступленія 3-й и 8-й армій. По расчетамъ Верховнаго Главнокомандованія, такое наступленіе могло бы начаться изъ районовъ сосредоточенія армій уже 18-го августа, т. е. на 19-й день мобилизаціи, не дожидаясь прибытія III-го Кавказскаго и отчасти XXIV арм. корпусовъ; на такое ослабленіе 3-й и 8-й армій считалось возможнымъ рискнуть, имѣя въ виду выгодно складывавшуюся обстановку и соотношеніе въ силахъ, при ожидавшейся встрѣчѣ съ австрійцами въ восточной Галичинѣ. Однако, генераль Ивановъ, въ своемъ первоначальномъ отвѣтѣ, считалъ необходимымъ оттянуть указанный срокъ на 1—2 дня и лишь послѣ повторнаго настоянія Ставки — выразилъ согласіе принять указанные ему сроки въ основаніе своихъ расчетовъ.

Въ конечномъ результатѣ, Главкомандующій арміями Ю.-З. фронта опредѣлить начало наступленія для 8-й арміи — на 18-ое августа, а для 3-й арміи, находившейся нѣсколько впереди, — однимъ днемъ позднеѣ т. е. на 19-ое августа. При этихъ условіяхъ переходъ границы долженъ былъ быть выполненъ названными арміями 21-го и 22-го августа, т. е. на 22-й—23-й дни мобилизаціи.

На военной игрѣ старшихъ войсковыхъ начальниковъ 1914-го года Генералу Иванову, состоявшему въ то время Командующимъ войсками Киевскаго военнаго округа и уже тогда предназначавшемуся въ военное время на должность Главкомандующаго арміями Ю.-З. фронта, было предложено высказать сроки возможнаго наступленія армій этого фронта. Несмотря на всеобщую осторожность этого генерала, при которомъ состоялъ, въ качествѣ Начальника штаба армій фронта, генераль Алексѣевъ, отвѣтъ былъ таковъ, что 3-я и 8-я арміи могутъ начать наступленіе на 20-й день мобилизаціи. Въ дѣйствительности только 8-я армія начала наступленіе днемъ раньше, 3-я же армія перешла въ наступленіе 19-го августа, т. е. точно на 20-й день мобилизаціи. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ, какъ и въ вопросѣ о чрезмѣрномъ ускореніи времени наступленія армій С.-З. фронта, неправъ тѣ, кто утверждаетъ, что Верховное Главнокомандованіе не проявило должной выдержки, при опредѣленіи начального срока наступленія 3-й и 8-й армій. Если же принять во вниманіе ту обстановку, которая въ дѣйствительности складывалась на фронтѣ 4-й и 5-й армій, то едва ли возможно будетъ отказать тому же Верховному Главнокомандованію въ признаніи цѣлесообразности его настояній въ вопросѣ о скорѣйшемъ переходѣ къ наступательнымъ дѣйствіямъ 3-й и 8-й армій.

Психологія того времени вообще далеко не совпадала съ мнѣніемъ тѣхъ лицъ, кои нынѣ думаютъ, что оттяжка нашего наступленія могла бы оказаться по тѣмъ или инымъ причинамъ намъ полезной. Все ждали отъ нашихъ

Х *Сфера бездарики разбалла. Слова Божь, война, разн. чин.*
156 *Брус и Родко Д. мурита самим домъ, фотки в Мр. Рр.*
только момент и к тому же ввиду дѣл. конисем
мне, не могу, на дѣл. убожи.

войскъ скорѣйшаго движенія впередъ, переноса войны на неприятельскую территорию, и изъ самыхъ разнообразныхъ русскихъ круговъ поступали въ Ставку выраженія смущенія по поводу «замедлившася» наступленія. Особенно негодовали Военный Министръ генераль Сухомлиновъ — бывший Командующій войсками Киевскаго военнаго округа, написавшій мнѣ горячее письмо по поводу казавшейся ему бездѣятельности армій Ю.-З. фронта. Я не хочу, однако, этимъ сказать, что общее требованіе скорѣйшаго наступленія вліяло въ какой-либо мѣрѣ на рѣшенія Верховнаго Главнокомандованія; послѣднее считалось лишь съ наличной обстановкой и предположеніями мирнаго времени, явившимися результатомъ заблаговременнаго изученія условий готовности нашихъ армій.

Зная о нѣкоторой склонности Главнокомандующаго арміями Ю.-З. фронта къ колебаніямъ, Верховный Главнокомандующій, Великій Князь Николай Николаевичъ счелъ необходимымъ передъ началомъ Галичской операціи посѣтить штабъ Ю.-З. фронта, чтобы, при личномъ свиданіи съ генераломъ Ивановымъ, ввести послѣдняго въ кругъ своихъ предположеній и пожеланій. Свиданіе это состоялось 18-го августа въ Ровнѣ и на немъ были окончательно установлены детали наступленія, а также рѣшенъ вопросъ о переброскѣ III-го Кавказскаго корпуса въ составъ 4-й арміи, какъ о томъ будетъ упомянуто нѣсколько ниже.

Такъ какъ на пути наступленія нашихъ войскъ предстоило встрѣча ихъ съ неприятельскими крѣпостями и укрѣпленными позиціями, то Верховное Главнокомандованіе, предусматривая таковую встрѣчу, еще въ серединѣ августа отдадо распоряженіе о приступѣ къ формированію въ нашихъ крѣпостяхъ, при крѣпостной артиллеріи, подвижныхъ артиллерійскихъ группъ. Однако, наша крѣпостная артиллерія состояла почти цѣлкомъ изъ устарѣвшихъ и маломощныхъ орудій, обезпеченныхъ притомъ крайне недостаточными боевыми комплектами; поэтому на указанныя выше импровизированныя артиллерійскія формированія нельзя было возлагать особыхъ надеждъ.

Рѣшивъ вопросъ о порядкѣ наступленія, Верховный Главнокомандующій русскими вооруженными силами, въ цѣляхъ согласованія дѣйствій русской и сербской армій и нанесенія ими одновременнаго удара общему врагу — Австро-Венгріи, — высказалъ, въ особой телеграммѣ отъ 13-го августа на имя Сербскаго Королевича Александра, пожеланіе о переходѣ въ рѣшительное наступленіе сербской арміи. Это пожеланіе находилось въ полномъ согласіи съ видами и нашей союзницы — Франціи, правительство которой еще въ началѣ августа просило русское Верховное Главнокомандованіе оказать свое вліяніе на сербовъ въ этомъ именно смыслѣ. Время для такового наступленія оказывалось для сербовъ крайне подходящимъ. Австрійцы, объявивъ намъ войну и стремясь сосредоточить противъ насъ возможно большія силы, приступили, по имѣвшимся у насъ точнымъ свѣдѣніямъ, къ переброскѣ части своихъ войскъ съ сербскаго фронта на нашъ, естественно облегчая тѣмъ осуществленіе наступательной задачи сербамъ.

Здѣсь — съ сожалѣніемъ конечно, — умѣстно будетъ вновь отмѣтить, что сербская армія, усиленная черногорскими контингентами, составляла третій вполне самостоятельный фронтъ Державъ Согласія. Если между Россіей и Франціей, несмотря на отсутствіе общаго плана войны, все же существовалъ нѣкоторый предварительный сговоръ по вопросу о первоначальныхъ военныхъ дѣйствіяхъ, то по отношенію къ Сербіи не было сдѣлано и этого минимальнаго шага къ установленію единства дѣйствій. До возникновенія войны 1914-го года у Франціи не имѣлось повода къ военному сближенію съ Сербіей; таковое сближеніе, какъ мы уже видѣли, не получило никакой официальной конкретизаціи и между Россіей и Сербіей. Но очевидно, что оказавшись, съ момента возникновенія вооруженнаго конфликта съ Австріей, подъ защитой Великихъ Державъ Согласія, Сербія не могла не сознавать, что совѣтъ этихъ Державъ, и въ частности пожеланія русскаго Верховнаго Главнокомандующаго, имѣвшія въ виду общую пользу и конечный успѣхъ, должны были являться для нея, въ мѣрѣ возможности, обязательными. Поэтому призывъ Великаго Князя Николая Николаевича, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣтилъ со стороны сербскаго Главнокомандованія живѣйшій откликъ.

Австрійскія силы, предназначенныя для дѣйствій противъ Сербіи, успѣли въ это время уже вторгнуться въ предѣлы послѣдней со стороны р.р. Дрины и Саввы и къ срединѣ августа выйти на фронтъ Шабаць-Любавія. Здѣсь онѣ были атакованы сербами, перешедшими 20-го августа, согласно совѣта русскаго Верховнаго Главнокомандованія, въ контръ-наступленіе. Послѣ ряда упорныхъ боевъ, австрійцы потерпѣли поражение и стали быстро отходить обратно за Дрину и Савву. Уже 24-го августа нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Сербіи В. Н. Штрандманъ сообщалъ намъ телеграммой, что сербская территорія вполне очищена отъ непріятели. Къ сожалѣнію, сербская армія не имѣла возможности пожать плоды своихъ первыхъ побѣдъ. Уже въ это время она начинала чувствовать острый недостатокъ въ боевыхъ припасахъ, главнымъ образомъ — артиллерійскихъ. Этотъ недостатокъ самымъ губительнымъ образомъ вліялъ на дальнѣйшее развитіе наступательныхъ операцій сербской арміи.

Главнокомандующій арміями Ю.-З. фронта Генераль Ивановъ, установивъ начальнымъ срокомъ наступленія 8-й и 3-й армій 18-е и 19-е августа, предписалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, выдвинуть отъ 4-й и 5-й армій авангарды на линію Вильколазь—Владимиръ-Волинскъ. Подъ прикрытіемъ этихъ авангардовъ, должно было произойти продвиженіе впередъ и главныхъ силъ названныхъ армій съ такимъ расчетомъ, чтобы общее ихъ наступленіе могло начаться 23-го августа. Однако, къ этому времени, какъ уже отмѣчено было, выяснилось, что наши свѣдѣнія мирнаго времени, касавшіяся формы стратегическаго развертыванія австро-венгерскихъ армій, оказались не точными, и что развертываніе австрійцевъ въ дѣйствительности произошло значительно западнѣе, чѣмъ мы ожидали, а именно, примыкая вплотную къ р. Вислѣ. — Такое развертываніе могло явиться угрозой нашему правому флангу Ю.-З. фронта. Но

такъ какъ сосредоточеніе нашихъ армій къ этому времени подходило уже къ концу и измѣнить таковое не представлялось возможнымъ, то Начальникъ штаба армій Ю.-З. фронта генераль Алексѣевъ намѣревался отвѣтить на эту новую данную обстановку подачей 4-й и 5-й армій болѣе къ западу въ періодъ самого выполненія намѣчавшагося наступательнаго марша. Ставка же, со своей стороны приняла рѣшеніе направить на Ивангородъ уже перевозившійся въ составъ 4-й арміи III-й Кавказскій корпусъ и одну кон. дивизію. Эти войска и должны были составить обезпеченіе праваго фланга армій Ю.-З. фронта отъ угрожавшаго имъ обхода непріятелемъ.

Въ общемъ къ 23-му августа штабомъ Ю.-З. фронта были окончательно разработаны планъ наступленія, который выливался въ слѣдующія формы: 4-я армія — овладѣваетъ теченіемъ р. Сана отъ Лежайска до устья и затѣмъ выдвигается примѣрно на линію Мелецкъ-Лежайскъ, «чтобы обезпечить за собою прочное владѣніе промежуткомъ между Вислой и Саномъ и принять на себя первый ударъ даже превосходныхъ силъ противника», удерживая его до подхода подкрѣпленій. При завершеніи операций, эта же армія, ударомъ въ направленіи Дембица-Ряшевъ, должна была выполнять одно изъ основныхъ заданий Ю.-З. фронта — воспрепятствовать отступленію значительныхъ силъ непріятеля къ Кракову. 5-ю армію намѣчалось вывести на фронтъ Цѣшановъ-Рава Русская-Магировъ. Считалось, что отсюда она можетъ съ одинаковымъ удобствомъ оказать помощь 4-й арміи, атаковать промежутокъ Львовъ-Перемышль, «или оказать помощь 3-й арміи подъ Львовомъ». Такимъ образомъ, 5-я армія должна была представлять маневренную группу для сосредоточенія тамъ, гдѣ это по обстоятельствамъ представится необходимымъ.

На 3-ю армію возлагалась «важнѣйшая задача въ развитіи первоначальной операціи наступленія на Львовъ». Она «наноситъ ударъ пункту, важному въ военномъ и политическомъ отношеніи».

8-я армія — «содѣйствуетъ 3-й арміи въ выполненіи основной ея задачи». Утвердившись на р. Стрыгѣ, она продолжаетъ наступленіе, имѣя осью такового дорогу Бережаны-Рогатинь-Подкамень и ведя лѣвофланговые корпуса уступомъ назадъ, для обезпеченія себя со стороны Днѣстра или переброски части силъ на правый берегъ этой рѣки.

Мнѣ неизбѣжно пришлось сдѣлать нѣсколько дословныхъ выписокъ изъ соотвѣтственнаго доклада Начальника Штаба Ю.-З. фронта, излагавшаго приведенный планъ. Это было необходимо, чтобы отмѣтить то значеніе, которое въ этотъ періодъ времени склонны были на Ю.-З. фронтѣ придавать Львову. 5-ая армія, которая, при своемъ первоначальномъ развертываніи, примыкала вплотную къ лѣвому флангу 4-й арміи, нацѣливалась на фронтъ Цѣшановъ-Рава Русская, съ рискомъ оторваться на 2—3 перехода отъ своего сосѣда справа. Этою цѣлью имѣлось въ виду достигнуть возможности взаимодѣйствія трехъ лѣвофланговыхъ армій, общюю численностью въ 12 корпусовъ, подъ Львовымъ. Однако, какъ увидимъ дальше, поправка, внесенная въ этотъ планъ дѣйствіями живой силы противника — его арміей, вскорѣ освободила

Ю.-З. фронтъ отъ «Львовскихъ миражей». Для достиженія успѣха надъ главными силами австрійской арміи, избравшими для своего наступленія сѣверное направленіе, Главнокомандованію Ю.-З. фронта пришлось не только притянуть къ 4-й арміи всю 5-ю армію и усилить первую, при содѣйствіи Ставки, на три корпуса (считая и III-й Кавк.), но еще наставить передъ Командующимъ 3-й арміей на томъ, чтобы онъ двигалъ все или большую часть своихъ корпусовъ сѣвернѣ Львова, для оказанія содѣйствія 5-й арміи. Мѣры эти сводились къ сосредоточенію 12—14 корпусовъ, но уже не въ районѣ Львова, а противъ австрійской арміи, вторгшейся, какъ мы сейчасъ увидимъ, въ наши предѣлы на фронтѣ между Вислой и Зап. Бугомъ.

Наступленіе 3-й и 8-й армій, коими открылись военныя дѣйствія противъ Австро-Венгрии, началось въ установленные сроки и стало развиваться съ самаго начала вполне успѣшно. Верховный Главнокомандующій, Великій Князь Николай Николаевичъ, передъ вступленіемъ нашихъ войскъ въ Галичину, обратился ко всемъ славянскимъ народамъ, томившимся подъ властью Габсбурговъ, съ призывомъ стать на борьбу за свою свободу и содѣйствовать всеми силами успѣхамъ русскихъ войскъ, видя въ нихъ освободителей. Такимъ образомъ, Россія вновь выступала въ роли Державы-Освободительницы родственныхъ ей по крови подъяремныхъ славянскихъ народовъ. При своемъ наступленіи, обѣ вышеназванныя арміи главными своими силами заняли полосу мѣстности отъ линіи Луцкъ-Каміонка-Струмилова къ югу до р. Днѣстра. По мѣрѣ сближенія съ противникомъ, фронтъ этихъ армій, такимъ образомъ, постепенно и значительно сокращался. Для прикрытія лѣваго фланга отъ угрозы изъ за Днѣстра, на которомъ у противника имѣлся рядъ укрѣпленныхъ переправъ — у Залециковъ, Нижніова, Галича, и Николаева, — командующій 8-й арміей велъ свой лѣвофланговый корпусъ (XXIV) уступомъ назадъ. По правому берегу р. Днѣстра наступалъ особый Заднѣстровскій отрядъ.

Нѣсколько замедленное продвиженіе 3-й и 8-й армій въ теченіе первыхъ дней ихъ наступленія вызвало со стороны Верховнаго Главнокомандующаго указаніе Генералу Иванову, что наступленіе этихъ армій должно впредь вестись «съ возрастающей энергіей и быстротой». Это требованіе представлялось выполнимымъ, ввиду отсутствія со стороны противника сколько-нибудь серьезнаго сопротивленія.

Въ періодъ сближенія нашихъ 3-й и 8-й армій съ австрійцами, въ Ставкѣ были получены тревожныя извѣстія о настроеніяхъ въ Румыніи и мобилизациі ея армій. Въ связи съ этими слухами, намѣчалось, въ случаѣ враждебнаго выступленія противъ насъ названнаго государства, повернуть 8-ю армію на югъ съ цѣлью удара ею по румынской арміи. Однако, въ дальнѣйшемъ получены были болѣе успокоительныя свѣдѣнія, позволившія Ю.-З. фронту сосредоточить свои силы и вниманіе на одномъ противникѣ — австрійцахъ.

26-го августа обѣ наступавшія арміи стали выходить на фронтъ Каміонка-Бускъ-Монастерязьско; здѣсь онѣ впервые столкнулись съ главными силами

3-й австро-венгерской армии генерала Брудермана. После двухдневных боев, получивших общее название боев на Золочовских высотах и р. Золотой Липы, неприятель, угрожаемый обходами с обоих флангов и понесший тяжелые потери, отступил в западном направлении, преследуемый нашей конницей.

Упомянутыми боями было выяснено, что силы австрийцев на восточном участке их фронта не превышают 3—4 корпусов. Это обстоятельство лишь раз подтверждало предположение Ставки, что главную массу австро-венгерской армии нам надлежит ожидать не северном участке их фронта, и следовательно оправдывало требование о скорейшем наступлении 3-й и 8-й армий. Равным образом оно доказывало целесообразность принятого решения о частичной перегруппировке войск в предѣлах Ю.-З. фронта, заключавшейся в переброске III-го Кавк. корпуса из района 3-й армии на правый фланг Ю.-З. фронта, где события к тому времени приобретали весьма серьезный для нас характер.

И действительно, уже 17-го августа передовые части австрийцев атаковали у Красника, на крайнем правом фланге Ю.-З. фронта, нашу кавалерию, поддержанную пехотой. После довольно продолжительного и упорного боя, неприятель, впрочем, вынужден был к отступлению. Но уже в течение последующих дней, почти одновременно со вступлением наших 3-й и 8-й армий на территорию Галичины, австрийцы, воспользовавшись преимуществом в своей готовности над нашими северными армиями Ю.-З. фронта переправились в значительных силах через р.р. Сань и Таневь и вторглись в предѣлы Русской Польши на довольно широком фронте.

Мне уже пришлось отметить, что, согласно директивы Главнокомандующего Ю.-З. фронтом Генерала Иванова, 4-я и 5-я армии должны были 23-го августа начать наступление с фронта Вильколязь—Владимирь-Волыньск на юг. Таким образом на данном участке фронта об стороны — русские и австрийцы — проявили почти одновременно стремление к переходу в наступление, справедливо оценивая выгоды такого образа действия, связанного с захватом инициативы.

В результате двух встречных наступлений, авангарды нашей 4-й армии столкнулись 23-го и 24-го августа, на фронте к югу от Красника и р. Порь, со всей левобланговой австрийской армией (1-й армией генерала Данкла).

Вторично разыгравшийся 23-го августа у Красника бой окончился на сей раз не в нашу пользу. В этот же день боем было выяснено наступление сильной неприятельской колонны вдоль р. Вислы на Аннополь-Юзефовъ, являвшейся серьезной угрозой для правого фланга 4-й армии. В последующие дни, в результате ряда боев, 4-я армия была потеснена на север и оказалась вынужденной откинуть свой правый фланг назад. Австрийцы, продолжая атаки по всему фронту 4-й армии, выявили с особенною силою стремление развить свой успех против нашего правого фланга, направляя свой главный удар через Ополе и Ходель. Так как перевозка III-го Кавказ. корпуса ока-

звалась слишком растянутой, то, чтобы остановить развившейся обход, угрожавшей 4-й армии и закрыть свободное пространство, образовавшееся между правофланговым корпусом этой армии и р. Вислой, Верховный Главнокомандующий был вынужден спешно свернуть следовавший в Варшаву XVIII-й корпус на Ивангород. Корпус этой был затѣм выдвинут в общую боевую линию и включен в состав 4-й армии. Были также приняты мѣры къ ускоренію перевозки в 4-ю армию включенных в нее второочередных дивизій.

Съ своей стороны, командующій 5-й арміей генералъ Плева, по просьбѣ своего сосѣда справа генерала барона Зальца, распорядился командировать изъ состава своего правофлангового корпуса (XXV-го) бригаду пѣхоты в непосредственное распоряженіе командующаго 4-й арміей. Бригада эта подошла форсированнымъ маршемъ къ Люблину и была направлена на усиленіе праваго фланга названной арміи.

Одновременно съ развитіемъ первыхъ серьезныхъ боевыхъ столкновеній на фронтѣ нашей 4-й арміи, восточнѣе ея, стала наступать 5-я армія генерала Плева. Ввиду обнаруженія передъ ея фронтomъ серьезнаго противника и труднаго положенія 4-й арміи, главнокомандующій Ю.З. фронтomъ указалъ генералу Плева на необходимость облегчить положеніе сосѣдней арміи измѣненіемъ направленія трехъ лѣвофланговыхъ корпусовъ 5-й арміи такимъ образомъ, чтобы они могли выйти во флангъ и тылъ непріятельскимъ корпусамъ, какъ атакующимъ 4-ю армию, такъ и вновь обнаружившимся на направленіи Томашовъ-Замостье.

25-го августа 5-я армія приступила къ выполненію указаннаго ей маневра. Послѣдній долженъ былъ заключаться в томъ, чтобы, удерживая правофланговый корпусъ (XXV-й) в районѣ Замостья и оказывая имъ непосредственную помощь 4-й арміи, остальными тремя корпусами сдѣлать захожденіе лѣвымъ флангомъ впередъ, выдвигая ихъ первоначально уступами на фронтъ Комаровъ-Лашовъ-Сокаль. Этотъ крайне сложный и трудный маневръ привелъ корпуса 5-й арміи къ ряду упорныхъ и кровопролитныхъ боевъ в районѣ Томашова. Они явились в результатѣ встрѣчнаго движенія в сѣверномъ и сѣверо-восточномъ направленіяхъ корпусовъ 4-й австро-венгерской арміи генерала Ауфенберга, наступавшей восточнѣе 1-й австро-венгерской арміи генерала Данкля, и уступомъ назадъ по отношенію къ послѣдней.

26-го августа XIX-й корпусъ 5-й арміи атаковалъ австрійцевъ юго-западнѣе Комарова и отгѣснилъ ихъ къ Томашову. Для содѣйствія этому корпусу и развитія успѣха, командующій 5-й арміей генералъ Плева направилъ къ Томашову остальные свои два лѣвофланговые корпуса (V-й и XVII-й), причѣмъ отъ движенія этихъ корпусовъ в тылъ Томашевской группѣ непріятеля ожидался очень крупныя результаты. Однако, в дѣйствительности дѣло сложилось иначе. Противникъ спѣшно подтягивалъ свои силы, которыя стали постепенно выходить во флангъ передвигавшимся къ Томашову лѣвофланговымъ корпусамъ 5-й арміи. Особенно опаснымъ в этомъ отношеніи являлось

наступление австрийской группы Эрцгерцога Иосифа-Фердинанда, обнаружившееся со стороны Белза и Уньюа.

Съ 28-го августа для 5-й арміи начинается рядъ тяжелыхъ дней. Весьма крупныя силы, опредѣлившіяся въ 4—5 австрийскихъ корпусовъ, пытаются схватить три лѣвофланговыхъ корпуса нашей 5-й арміи съ трехъ сторонъ. Пронсходитъ рядъ очень упорныхъ боевъ, въ которыхъ со стороны нашихъ войскъ и ихъ начальниковъ было проявлено много доблести. Особенно выдѣлялся XIX-й корпусъ съ его мужественнымъ командиромъ корпуса (генераломъ Горбатовскимъ), который 27-го и 28-го августа геройски отбивался отъ наседавшаго на него съ трехъ сторонъ противника, пока къ нему не подошли другіе корпуса. Сосѣдній съ нимъ корпусъ, неожиданнымъ выходомъ въ тылъ непріятелю, совершенно разгромилъ 28-го августа 15-ю гонвендную дивизию. Тѣмъ не менѣе, положеніе всѣхъ трехъ лѣвофланговыхъ корпусовъ 5-й арміи съ каждымъ днемъ становилось труднѣе и сложнѣе. Они понесли большія потери; трудность же ихъ положенія усугублялась тѣмъ обстоятельствомъ что правофланговый корпусъ 5-й арміи (XXV-й), оказывавшій непосредственной содѣйствіе 4-й арміи, вынужденъ былъ подъ давленіемъ непріятеля и общей обстановки на фронтѣ 4-й арміи, отойти за Красноставъ. Съ другой стороны, уклоненіе лѣвофланговыхъ корпусовъ 5-й арміи къ западу привело къ еще большому удаленію ихъ отъ правофланговыхъ корпусовъ 3-й арміи, наступавшей, какъ уже отмѣчалось, правымъ флангомъ на Каміонку. Такимъ образомъ группа нашихъ корпусовъ въ районѣ Томашова являлась безъ связи съ сосѣдями, почти изолированной.

Въ такой исключительно трудной обстановкѣ командующій 5-й арміей вынужденъ былъ 30-го августа подъ вечеръ отдать приказаніе объ отходѣ всей своей арміи на линію Красноставъ или, если не удастся его занять вновь, то — на Холмъ—Владиміръ—Волынскъ. Свое рѣшеніе генераль Плеве мотивировалъ «невозможностью достигнуть боемъ рѣшительнаго успѣха и помѣшать прорыву австрийцевъ между 4-й и 5-й арміями.»

Но еще болѣе тяжело складывалась въ эти дни обстановка на фронтѣ нашей 4-й арміи. Австрийцы настойчиво продолжали тѣснить ея корпуса, направляя свои усилія на оба фланга названной арміи. 28-го августа командующій 4-й арміей признаетъ свое положеніе настолько угрожаемымъ, что проситъ Главнокомандующаго Ю.-З. фронтомъ указать ему задачу на случай вынужденнаго отхода за р. Вепржъ. Генераль Ивановъ указываетъ ему на этотъ случай — упрочиться на р. Вепржъ, прикрывая пути къ участку р. Буга между Дрогичинскимъ и Брестомъ. 5-й арміи намѣчается поставить въ этомъ случаѣ задачу — стать на путяхъ къ Бресту, продолжая развивать активныя дѣйствія своимъ лѣвымъ флангомъ, для оказанія помощи сосѣдней слѣва 3-й арміи.

Въ ночь на 29-ое августа, по наведенному на р. Вислѣ у Юзафова мосту, началась переправа на правый берегъ рѣки австрийскихъ войскъ, до того времени наступавшихъ, подъ начальствомъ генерала Куммера, по лѣвому

берегу Вислы на Радомь. За австрийцами къ переправѣ потянулся германскій ландверный корпусъ генерала Войрша. Получены были свѣдѣнія о попыткѣ непріятели устроить переправу черезъ Вислу еще сѣвернѣе — у Казмержа. Къ этому пункту былъ высланъ особый отрядъ, который, однако, выяснилъ ложность этого извѣстія.

Въ то же время на лѣвомъ берегу р. Вислы, противникъ, занимавшій Радомь, началъ наступленіе на Ивангородъ. 1-го сентября его передовыя части подошли къ нашимъ укрѣпленіямъ лѣваго берега р. Вислы и завязали перестрѣлку съ нашимъ охраненіемъ. Дѣло кончилось демонстраціей послѣ которой непріятель отошелъ въ направленіи на Радомь.

Съ прибытіемъ на правый берегъ Вислы подкрѣпленій, австрийское командованіе приступаетъ съ новой силой къ выполненію охвата 4-й арміи съ обѣихъ фланговъ. На нашемъ правомъ флангѣ, благодаря своевременной подачѣ головныхъ частей XVIII-го корпуса, эту попытку удастся остановить, но на лѣвомъ флангѣ обстановка складывается значительно менѣе благопріятно. Къ 1-му сентября австрийцамъ удастся глубоко охватить лѣвый флангъ 4-й арміи, и, прорвавшись въ стѣлкѣ между 4-й и 5-й арміями, занять желѣзнодорожную станцію Травники на лѣвомъ берегу р. Вепржа, на половинѣ пути между Люблинымъ и Холмомъ; этимъ была прервана ближайшая желѣзнодорожная связь между обѣими вышеназванными арміями. Правофланговый корпусъ 5-й арміи (XXV-й), подъ влияніемъ этой обстановки, оставляетъ Краснотавъ и отходитъ 2-го сентября къ Реіовцу, стремясь прикрыть своимъ новымъ расположеніемъ г. Холмъ.

Для полной характеристики общаго положенія, надо еще добавлять, что русской арміи какъ разъ въ этотъ періодъ времени пришлось переживать трагическій исходъ операціи въ Восточной Пруссіи. Въ результатъ пораженія почти всей 2-й русской арміи, весь Наревскій фронтъ оказывался открытымъ для вторженія черезъ него съ сѣвера въ русскую Польшу нѣмцевъ, къ которымъ — намъ было это извѣстно — слѣзили подкрѣпленія съ западнаго фронта. Въ такой обстановкѣ назрѣвала возможность серьезной угрозы со стороны нѣмцевъ тылу нашихъ 4-й и 5-й армій, пути сообщенія и отхода которыхъ лежали черезъ Польшу. О томъ, что германскія желѣзныя дороги приспособлялись для массовыхъ перевозокъ и что въ пути съ запада на востокъ находится не менѣе 70 воинскихъ поѣздовъ, Ставка была освѣдомлена своей развѣдкой уже 29-го августа. Принимая во вниманіе количество поѣздовъ, необходимое для подъема одного корпуса, и время, потребное для переброски корпуса съ западнаго фронта на восточный — не трудно было прийти къ заключенію, что въ пути находится не менѣе корпуса войскъ, вѣрнѣе же больше, и что появленіе новыхъ частей на нашемъ восточномъ фронтѣ слѣдуетъ ожидать уже въ первыхъ числахъ сентября. Расчеты эти, какъ мы теперь уже знаемъ, оказались очень близкими къ дѣйствительности, такъ какъ въ это время шла дѣйствительно перевозка съ западнаго фронта на восточный германскихъ корпусовъ XI-го и Гв. Р., съ добавленіемъ къ нимъ 8-й кав. дивизіи, при-

чемъ эти войска уже 7-го сентября приняли участіе въ боевыхъ дѣйствіяхъ на нашемъ фронтѣ. Но объ этомъ рѣчь нѣсколько впереди.

При описанныхъ выше болѣе чѣмъ сложныхъ условіяхъ, отъ русскаго Верховнаго Главнокомандующаго требовалось много выдержки и твердости духа, чтобы съ достоинствомъ выйти изъ создавшагося труднаго положенія. Путь былъ только одинъ — добиться рѣшительной побѣды надъ австро-венгерской арміей. Первоначальныя предположенія о развитіи наступательныхъ дѣйствій на лѣвомъ берегу г. Вислы болѣе не соответствовали обстановкѣ, тѣмъ болѣе, что два корпуса (I-й и XVIII-й) изъ трехъ, находившихся въ непосредственномъ распоряженіи Верховнаго Главнокомандующаго, уже были израсходованы. Оставалось довольствоваться подготовкою рѣшительнаго контръ-удара на правомъ берегу названной рѣки. Въ соответствіи съ такимъ рѣшеніемъ, Верховный Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ особымъ обращеніемъ призвалъ войска Ю.-З. фронта къ полному напряженію силъ и одновременно утвердилъ рядъ мѣръ, клонившихся къ скорѣйшему созданію на правомъ флангѣ названнаго фронта ударной группы войскъ. Энергичное наступленіе этой группы, согласованное съ развивавшимся наступленіемъ 3-й и 8-й армій могло не только выправить наше положеніе на сѣверномъ участкѣ Ю.-З. фронта, но, въ конечномъ результатѣ, создать катастрофическое положеніе для австро-венгерскихъ вооруженныхъ силъ. Ввиду трудности обстановки на фронтѣ 4-й арміи, командованіе этой арміи еще 25-го августа было ввѣрено генералу Эверту, твердому и спокойному вождю, который къ тому же, передъ отъѣздомъ въ армію, получилъ личныя указанія Верховнаго Главнокомандующаго. Затѣмъ Начальнику военныхъ сообщений при Верховномъ Главнокомандующемъ генералу Ронжину было предложено принять мѣры къ ускоренію перевозки III-го Кавк. и XVIII-го корпусовъ и трехъ второочередныхъ дивизій, уже направленныхъ на фронтъ 4-й арміи. Независимо того, 29-го августа изъ Варшавы въ районъ дѣйствія той же арміи была начата перевозка послѣдняго изъ находившихся въ распоряженіи Верховнаго Главнокомандующаго корпусовъ — Гвардейскаго, въ составѣ 1 и 2 гв. дивизій и гв. стр. бригады. Такъ какъ, съ подходомъ всѣхъ этихъ частей, составъ 4-й арміи долженъ былъ увеличиться до шести корпусовъ съ нѣсколькими второочередными дивизіями, то, для удобства управленія, было предудказано раздѣленіе этой арміи на двѣ арміи: 4-ю и 9-ю генерала Лечицкаго. Намѣчался также поворотъ на Люблинъ ожидавшагося на театрѣ военныхъ дѣйствій XXII-го корпуса, но перевозка его оказалась крайне растянутой и запаздывавшей. Наконецъ, Ставкой были намѣчены мѣры къ сбору конной группы на лѣвомъ берегу р. Вислы, въ районѣ Радома, каковая группа, при условіи энергичныхъ дѣйствій, могла въ будущемъ создать серьезную угрозу путямъ отступленія австрійцевъ на Краковъ.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ мѣръ, правый флангъ Ю.-З. фронта долженъ былъ получить въ теченіе ближайшаго времени усиленіе на 9½ пѣх. дивизій (152 бат.); общія же силы, сосредоточенныя противъ австрійцевъ, съ подходомъ

всѣхъ намѣченныхъ подкрѣпленій, должны были возрасти до 18-ти полевыхъ корпусовъ, или, со второчередными дивизіями, до 51-й пѣх. дивизіи и 4-хъ стрѣлк. бригадъ (848 бат.). По подсчетамъ штаба Ю.-З. фронта, между Вислой и Вепржемъ наступало 129 австр. батальоновъ, кои въ послѣднихъ числахъ августа могли быть усилены лишь войсками генерала Куммера (съ лѣваго берега р. Вислы) и германскимъ ландвернымъ корпусомъ генерала Войрша. Мы же, по выполненіи всѣхъ перевозокъ, могли имъ противопоставить 248 батальоновъ, и такимъ образомъ за нами было обезпечено явное превосходство въ силахъ не только на всемъ фронтѣ противъ австрійцевъ, но и въ районѣ рѣшительнаго боя.

Предоставивъ такимъ образомъ въ распоряженіе Главнокомандующаго Ю.-З. фронта всѣ свободныя силы, Верховный Главнокомандующій, непреклонно преслѣдуя задачу разгрома австрійцевъ, въ завершаніе всѣхъ мѣръ, отдалъ 31-го августа приказъ о переходѣ арміями Ю.-З. фронта въ кратчайшій срокъ къ самымъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Особое напряженіе было потребовано отъ правофланговыхъ армій генераловъ Эверта и Лечицкаго. Въ тѣхъ районахъ, гдѣ наступленіе невозможно, говорилось въ приказѣ, войска должны держать занятія ими мѣста до послѣдняго человѣка. — Чтобы прослѣдить порядокъ выполненія этого приказа, Великій Князь 1-го сентября выѣхалъ въ мѣсто расположенія штаба Ю.-З. фронта, гдѣ имѣлъ личное свиданіе съ генераломъ Ивановымъ.

Результаты всѣхъ перечисленныхъ мѣръ, кои были приняты для обезпеченія успѣха сѣверной группы Ю.-З. фронта, не преминули сказаться въ теченіе ближайшихъ же дней.

Уже 2-го сентября генераль Эвертъ, пользуясь прибывшими къ нему свѣжими силами, произвелъ удачную контръ-атаку на своемъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ и заставилъ австрійцевъ отступить, оставивъ намъ нѣсколько тысячъ плѣнныхъ. Этотъ день принесъ намъ нѣкоторый успѣхъ и на правомъ флангѣ той же арміи, гдѣ мы, съ помощью частей XVIII-го корпуса, отбросили противника на нѣсколько верстъ назадъ.

4-го сентября, согласно распоряженія Главнокомандующаго Ю.-З. фронтомъ, наше наступленіе должно было принять болѣе общій характеръ. Къ этому времени правофланговые корпуса Ю.-З. фронта — XVIII-й и XIV-й — съ нѣкоторыми дополнительными къ нимъ частями и конницей, составили 9-ю армію (генерала Лечицкаго), и тремъ арміямъ, составлявшимъ сѣверную группу Ю.-З. фронта (9-й, 4-й и 5-й), было приказано атаковать непріятеля и нанести ему пораженіе, стремясь отбросить его къ р. Вислѣ. Этимъ распоряженіемъ, повидимому явившимся результатомъ успѣха, одержаннаго на лѣвомъ флангѣ 4-й арміи, Главнокомандованіе Ю.-З. фронта, очевидно, имѣло въ виду прижать 1-ую австро-венгерскую армію генерала Данкля къ Вислѣ, съ цѣлью, въ дальнѣйшемъ, ея окруженія. Задача эта, какъ увидимъ дальше, достигнута не была, и армія генерала Данкля успѣла уйти за р. Санъ. Между тѣмъ, для ея выполненія, сѣверной группѣ армій Ю.-З. фронта необходимо было дать такія направленія,

при которыхъ затруднялось выполненіе одного изъ основныхъ заданий, поставленныхъ Ю.-З. фронту по воспрепятствованію отхода значительныхъ силъ непріятеля къ Кракову, ибо осуществленіе этой послѣдней задачи, очевидно, требовало быстѣйшаго выдвигенія впередъ не лѣвофланговыхъ частей сѣверной группы армій, а наоборотъ, — правофланговыхъ. Изложенный фактъ служить хорошимъ доказательствомъ, какъ трудно обезпечить осуществленіе идеи, положенной въ основу операціи руководящимъ центромъ, въ томъ случаѣ, когда выполненіе этой операціи уходитъ изъ рукъ упомянутаго центра и переходитъ къ другой, хотя бы и подчиненной инстанціи.

Интересно отмѣтить, какъ отрядный эпизодъ частной инициативы, что, при развитіи 9-й арміей наступательныхъ дѣйствій, въ ея районъ были временно привлечены генераломъ Лечицкимъ двѣ батареи 6-ти дм. тяжелыхъ гаубиць изъ состава Ивангородской крѣпостной артиллеріи. Командантъ этого укрѣпленнаго пункта генералъ Шварцъ съ необыкновенной энергіей снабдилъ эти батареи конскимъ составомъ, организовалъ изъ мѣстныхъ средствъ обозъ, поднявшій необходимые для нихъ боевые припасы, и отправилъ эти батареи по желѣзной дорогѣ до ст. Вонвольницы, откуда онѣ были двинуты на Ополе, гдѣ и приняли крайне полезное участіе въ бою. Этотъ фактъ приобретаетъ особый интересъ, если сопоставить его съ другимъ случаемъ въ одной изъ армій Ю.-З. фронта, въ которой въ періодъ интенсивныхъ боевъ приданная этой арміи тяжелая артиллерійская бригада оставалась въ глубокомъ тылу и была выдвинута впередъ лишь по указанію Ставки. Значеніе тяжелой артиллеріи въ полевоомъ бою было осознано у насъ въ войскахъ не сразу и лишь путемъ горькаго опыта.

При выполненіи наступательныхъ задачъ, возложенныхъ на три сѣверныя арміи Ю.-З. фронта, выпадала весьма сложная роль на 5-ю армію, которую генералъ Плевѣ выполнилъ съ примѣрнымъ самоотверженіемъ. Эта армія, перейдя 4-го сентября въ наступленіе, обнаружила передъ собою лишь слабыя силы австрійцевъ, постепенно убывавшія съ ея фронта въ неизвѣстномъ пока направленіи. Не имѣя непосредственно передъ собою предмета для дѣйствій, 5-я армія получила двойственную задачу. Она должна была двумя своими правофланговыми корпусами (XXV-мъ и XIX-мъ) оказывать содѣйствіе лѣвому флангу 4-й арміи въ поставленной этой арміи активной задачѣ; другими же двумя корпусами (V-мъ и XVII-мъ) — наступать на Томашовъ для содѣйствія 3-й арміи, которая, какъ увидимъ дальше, съ 6-го сентября вступила въ упорные бои съ австрійцами, неожиданно оказавшимися у Равы-Русской. Эксцентрическое наступленіе корпусовъ 5-й арміи связывалось конницей генерала А. Драгомирова (2½ кав. див.), наступавшей въ промежуткѣ между обѣими группами корпусовъ этой арміи и находившейся въ готовности броситься на противника, въ случаѣ обнаруженія его отступленія.

Вышеописанный переломъ въ положеніи дѣлъ на сѣверномъ участкѣ Ю.-З. фронта созданъ не только подъ влияніемъ мѣръ по непосредственному усиленію на немъ нашихъ войскъ, но и въ результатѣ той угрозы, которая

создавалась для австрийцев наступленіем наших 3-й и 8-й армій. — Обѣ при-
чины дѣйствовали совокупно, другъ друга дополняя.

Мы уже видѣли, что, по условіямъ мѣстности, между 5-й и сосѣдней съ
нею 3-й арміями лежало обширное и малоудобное пространство, разъединяв-
шее эти арміи уже въ періодъ ихъ развертыванія. Промежутокъ этотъ возросъ
еще больше съ выполненіемъ лѣвофланговыми корпусами 5-й арміи предписан-
наго имъ въ свое время маневра на фронтъ Замостье-Томашевъ. Къ началу
боевъ 5-й арміи въ районѣ послѣдняго пункта, разрывъ этотъ оказался не менѣе
3—4 переходовъ. Поэтому Ставка очень привѣтствовала стремленіе Главноко-
мандованія Ю.-З. фронтомъ перемѣстити главныя силы 3-й арміи на пути, про-
легающіе къ сѣверу отъ желѣзной дороги Броды-Львовъ, захвативъ ею районъ
примѣрно до Мосты-Вельки. Цѣлью этого перемѣщенія должно было быть ско-
рѣйшее сближеніе 3-й арміи съ 5-й и дальнѣйшее наступленіе главныхъ силъ
арміи генерала Рузскаго черезъ Раву-Русскую во флангъ и тылъ той группѣ
австрийскихъ войскъ, которая, какъ мы уже видѣли, стремилась прорваться че-
резъ Томашевъ и Замостье къ переправамъ черезъ р. Западный Бугъ въ районѣ
Грубешовъ-Холмъ. О необходимости предусматривать въ своихъ расчетахъ та-
кое перемѣщеніе къ сѣверу штабъ Ю.-З. фронта предупреждалъ генерала Руз-
скаго еще до боевъ на Золочовскихъ высотахъ, но командующій 3-й арміей не
считалъ въ то время возможнымъ осуществить таковое перемѣщеніе, вслѣдствіе
происшедшаго уже сближенія съ противникомъ и назрѣвавшихъ боевъ.

Вполнѣ очевидно, что перемѣщеніе къ сѣверу 3-й арміи требовало соответ-
ственнаго передвиженія къ сѣверу же и корпусовъ 8-й арміи, къ чему не могло
встрѣтиться съ особыхъ препятствій, такъ какъ въ бояхъ на Золотой Липѣ про-
тивъ названной арміи были обнаружены лишь слабыя силы австрийцевъ.

По окончаніи указанныхъ выше боевъ на Золочовскихъ высотахъ и Золотой
Липѣ, генералъ Рузскій, въ рукахъ котораго временно было объединено руко-
водство боевыми дѣйствіями 3-й и 8-й армій, призналъ необходимымъ, ввиду
подхода ко Львову, приостановить движеніе ему вѣршенныхъ войскъ на 2—3
дня, начиная съ 29-го августа, съ цѣлью производства развѣдки Львовскихъ
укрѣпленій, пополненія состава своихъ частей и устройства тыла. Главноко-
мандующій Ю.-З. фронтомъ генералъ Ивановъ разрѣшилъ эту остановку, но
вновь подтвердилъ необходимость въ дальнѣйшемъ имѣть въ виду перемѣщеніе
3-й арміи къ сѣверу. Чтобы правильно объяснить причину такой задержки въ
наступленіи, необходимо отмѣтить, что мѣстное начальство Кіевского военнаго
округа, въ теченіе ряда лѣтъ, предшествовавшихъ войнѣ, настойчиво культи-
вировало въ себѣ представленіе о Львовѣ, какъ о пунктѣ, укрѣпленія котораго,
незвизирая на ихъ временный характеръ, представляютъ значительную силу.
Такое отношеніе ко Львову ярко было подчеркнуто на проходившей въ апрѣ-
лѣ мѣсяцъ 1914-го года военной игрѣ, въ теченіе которой генераломъ Ивано-
вымъ были проявлены очень осторожныя и даже нерѣшительныя шаги въ пе-
риодъ подхода его силъ къ упомянутому пункту. Между тѣмъ перерывъ въ на-
ступленіи 3-й и 8-й армій кореннымъ образомъ противорѣчилъ всей обстанов-

къ, складывавшейся въ дѣйствительности къ этому времени на Ю.-З. фронтѣ и требовавшей, наоборотъ, энергичнаго, во что бы то ни стало, движенія 3-й и 8-й армій впередъ, съ цѣлью сближенія ихъ съ 4-й и 5-й арміями, переживавшими очень трудные дни. Опасеніе, что Львовскія укрѣпленія могутъ задержать передъ собою корпуса генерала Рузскаго и затянуть время сближенія ихъ съ 5-й арміей и было главнымъ основаніемъ, по которому Ставка поддерживала стремленіе штаба Ю.-З. фронта направить 3-ю армію на пути сѣвернѣе Львова.

Ввиду изложеннаго, намѣреніе генерала Рузскаго — приостановить наступленіе его арміи — встрѣтило самое рѣшительное противодѣйствіе со стороны Верховнаго Главнокомандованія. Мы уже видѣли, что вся энергія Верховнаго Главнокомандующаго въ эти дни была направлена къ тому, чтобы раздавить сѣверную группу австрійцевъ въ ближайшее же время. Поэтому, намѣчавшаяся генераломъ Рузскимъ задержка, какими бы причинами она ни вызывалась, была признана Великимъ Княземъ совершенно недопустимой, «ибо она, — какъ говорилось въ соответствующемъ распоряженіи, — дастъ передышку противнику и позволить исполнить переброску силъ отъ Львова на сѣверъ». Взамѣнъ остановки, генералу Рузскому предписывалось — держать стремительнымъ наступленіемъ находящагося передъ нимъ противника «за горло», развивая своимъ правымъ флангомъ дѣйствія въ обходъ Львова съ сѣвера.

Развѣдкой къ этому времени было выяснено, что австрійцы, послѣ боевъ на Золочовскихъ высотахъ и Золотой Липѣ, отошли назадъ и, значительно усилившись, заняли временно укрѣпленную позицію на восточныхъ подступахъ къ Львову, съ продолженіемъ ея къ югу до Галича, вдоль р. Гнилой Липы. Ввиду этого и во исполненіе повелѣнія Верховнаго Главнокомандующаго, 3-я и 8-я арміи начали съ утра 29-го августа атаку этихъ позицій; правофланговый же корпусъ 3-й арміи (XXI-й), во исполненіе настоятельнаго требованія Ю.-З. фронта, былъ, наконецъ, 30-го августа направленъ въ районъ Каміонки-Мосты-Вельки. На правомъ флангѣ арміи была сосредоточена также и часть конницы. Въ теченіе трехъ дней 3-я австро-венгерская армія генерала Брудермана, возросшая въ своемъ составѣ вновь прибывшими большею частью съ Сербскаго фронта подкрѣпленіями, пыталась сдержать напоръ русскихъ армій. Однако, 31-го августа австрійцы были сбиты со своихъ позицій и стали поспѣшно, а мѣстами и безпорядочно, отходить на западъ. Въ наши руки стали переходить брошенные непріятелемъ орудія, паркы, обозы. Передъ русскими войсками открылись пути къ историческому Львову. Послѣ краткаго сопротивленія австрійцевъ на ближайшихъ къ городу позиціяхъ, столица древней Галичины была занята русскими войсками около полудня 3-го сентября. Наканунѣ этого дня палъ также укрѣпленный Галичъ.

Занятіе русскими войсками Львова, соединявшаго въ себѣ историческій, культурный и административный центръ всей Галичины, имѣло весьма важное политическое и психологическое значеніе. Городъ этотъ представлялъ, кромѣ того, огромный узелъ желѣзнодорожныхъ и грунтовыхъ путей, ведущихъ къ Сану и Днѣстру, чѣмъ собственно опредѣлялось его специально-военное зна-

ченіе. Вмѣстѣ со Львовомъ въ наши руки переходила и богатая военная добыча. Успѣхи, достигнутые въ восточной Галичинѣ и завершенные переходомъ въ наши руки Львова, до извѣстной степени, смягчали горечь Восточно-Прусскихъ неудачъ.

Распоряженіемъ Верховнаго Главнокомандующаго, изъ всѣхъ завоеванныхъ мѣстностей восточной Галичины, въ цѣляхъ созданія военно-административнаго управленія, было образовано особое Генераль-Губернаторство, во главѣ котораго былъ поставленъ генераль графъ Г. А. Бобринскій. Причины, по которымъ выборъ для замѣщенія столь отвѣтственной должности палъ на названное лицо, остались мнѣ неизвѣстными. Графъ Бобринскій — человекъ, лично достойный самаго глубокаго уваженія, оказался, однако, на занятомъ имъ посту недостаточно твердымъ. Его администрація стала весьма быстро и неумѣстно «русифицировать» край, а духовенство — насаждать православіе.

Вскорѣ послѣ занятія нами Львова, по соглашенію Верховнаго Главнокомандующаго съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, въ Галичину былъ командированъ состоявшій при Ставкѣ представитель дипломатическаго вѣдомства Н. А. Базили, съ цѣлью ввести Главнаго Начальника завоеваннаго края въ кругъ взглядовъ, существовавшихъ въ Ставкѣ и въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ на порядокъ управленія Галичиной. Прибывъ во Львовъ и ознакомившись на мѣстѣ съ положеніемъ дѣлъ, Н. А. Базили убѣдился, что проводимая на мѣстѣ внутренняя политика находится въ рѣзкомъ противорѣчій съ существовавшими въ Ставкѣ взглядами, которые были построены на полномъ уваженіи къ національнымъ и религиознымъ возрѣваніямъ мѣстнаго населенія. Свои впечатлѣнія Н. А. Базили изложилъ въ длинной телеграммѣ въ Ставку на имя Начальника Штаба, содержаніе которой вызвало со стороны Главнокомандующаго арміями Ю.-З. фронта генерала Иванова предложеніе автору телеграммы немедленно выѣхать изъ края. Вернувшись въ Ставку, Н. А. Базили напелъ, однако, поддержку въ лицѣ Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича, каковая поддержка выразилась въ отправкѣ особаго письма на имя главы правительства, Предсѣдателя Совѣта Министровъ И. Л. Горемыкина. Письмо это не оказало, однако, сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на направленіе дальнѣйшей политики въ Галичинѣ, и, такимъ образомъ, Верховный Главнокомандующій оказался фактически безсильнымъ установить на завоеванной дѣйствующей арміей непріятельской территоріи тотъ порядокъ, который онъ считалъ справедливымъ и цѣлесообразнымъ. Все осталось по-прежнему, въ особенноти въ области религіи.

Въ январѣ 15-го года, графъ Бобринскій вынужденъ былъ издать особый циркуляръ, коимъ призывалъ священнослужителей всѣхъ вѣроисповѣданій къ полной вѣротерпимости; въ циркулярѣ, между прочимъ, предписывалось властямъ не требовать отъ униатскихъ и католическихъ священниковъ молитвы «за Царя», но запретить имъ произносить молитвы за австрійскаго Императора. Попытки высшей гражданской власти урегулировать церковно-религиозные и политическіе вопросы, однако, и на этотъ разъ не дали результатовъ. Недовѣр-

живое отношеніе къ намъ мѣстнаго населенія, къ сожалѣнію, осталось и оно оказалось при оставленіи нами въ томъ же году Галичины.

Послѣ занятія Львова, 3-я армія приступила, наконецъ, къ рѣшительному перемѣщенію своихъ главныхъ силъ къ сѣверу въ новый районъ. Къ 5-му сентября она выдвинулась на фронтъ Варенжъ-Янувъ. Ея задача заключалась въ томъ, чтобы дѣйствовать во флангъ и тылъ сѣверной группѣ австрійцевъ, успѣвшей, вслѣдствіе отхода нашей 5-й арміи, своими правофланговыми корпусами продвинуться до Красностава и Грубешова. 8-я армія, ведя операцію противъ укрѣпленнаго Николаева, который быть взятъ нами въ ночь на 6-е сентября, выдвигалась въ то же время къ р. Верешницѣ, съ задачей обезпечить за нами обладаніе Львовомъ и прикрыть намѣчавшуюся операцію 3-ю арміи. Верешница представляла сильную естественную позицію, на которую, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, отошелъ противникъ изъ подъ Львова. Наконецъ, Днѣстровскій отрядъ долженъ былъ продвинуться къ Станиславу и вести развѣдку по правому берегу р. Днѣстра.

Продолжая наступленіе, наши 3-я и 8-я арміи въ составѣ восьми корпусовъ, однако, уже 6-го сентября вновь столкнулись съ австрійцами, обнаружившимися на фронтѣ отъ Равы-Русской до устья р. Верешницы. Непріятель своимъ лѣвымъ флангомъ атаковалъ въ этотъ день наши войска 3-й арміи. Въ послѣдующіе дни, на всемъ указанномъ выше фронтѣ разыгрались упорнѣйшіе бои, выяснившіе наличие у противника значительныхъ силъ. Постепенно стало обнаруживаться, что австрійцы успѣли сосредоточить противъ насъ не менѣе восьми корпусовъ, перебросивъ на лѣвый флангъ своего вост. фронта 4-ю армію ген. Ауфенберга, дѣйствовавшую раньше на сѣверномъ направленіи противъ нашей 5-й арміи, и подвезя къ правому флангу своей 3-й арміи, отступившей изъ подъ Львова и перешедшей подъ начальство генерала Бороевича, 2-ю армію генерала Бемъ-Эрмоли; послѣдняя была составлена частью изъ войскъ, снятыхъ съ Сербскаго фронта. Такимъ образомъ, наши 3-я и 8-я арміи обнаружили противъ себя три австрійскія арміи — 4-ю, 3-ю, и 2-ю. — Очевидно, мы имѣли здѣсь дѣло съ новымъ маневромъ австрійскаго главнокомандованія, поставившимъ себя задачей отчаяннымъ усиліемъ противъ 3-й и 8-й армій вырвать побѣду изъ нашихъ рукъ; въ крайнемъ же случаѣ — обезпечить безпрепятственное отступленіе своей сѣверной группы войскъ за р. Санъ. Въ теченіе шести дней, съ 6-го по 11-ое сентября, австрійцы оспаривали у нашихъ войскъ побѣду. Особенно тяжелымъ оказалось положеніе нашей 8-й арміи, которая должна была принять на себя ударъ значительныхъ австрійскихъ силъ, перешедшихъ въ наступленіе изъ за Верешницы. Противникъ напрягалъ крайнія усилія, направляя ихъ, какъ противъ лѣваго фланга этой арміи, такъ и въ стыкъ между нею и 3-й арміей. Для парированія возможнаго разрыва, за отсутствіемъ резервовъ, пришлось использовать нашу кавалерію. Но судьба всей операціи, очевидно, должна была рѣшиться на сѣверномъ открытомъ флангѣ въ районѣ Равы-Русской. Здѣсь сосредоточились усилія правофланговаго корпуса нашей 3-й арміи (XXI-го), наступавшаго отъ Варенжа, и двухъ лѣвофланговыхъ корпусовъ (V-го

*Судя по
дѣлу 3-го
За 1 генералъ
губернатора
наперѣ = 60%
ар. и 30%
Н. и. в. отъ
у. и. и. и.*

и XVII-го) 5-й арміи, первоначально направленныхъ, какъ мы уже знаемъ, въ районъ Томашова. Занявъ этотъ пунктъ 9-го сентября, оба корпуса продолжали свое наступленіе во флангъ и тылъ генералу Ауфенбергу, который велъ бой у Равы-Русской. Дѣйствуя въ связи съ XXI-мъ корпусомъ 3-й арміи, эта группа изъ трехъ корпусовъ, своимъ наступленіемъ съ сѣвера, заняла столь угрожающее положеніе по отношенію къ австрійскимъ арміямъ, дѣйствовавшимъ въ сторону Львова, что ея движеніемъ судьба всей операціи была рѣшена.

12-го сентября, на разсвѣтѣ, сталъ выясняться отходъ австрійцевъ по всему фронту отъ Равы-Русской до Днѣстра. Немедленно съ нашей стороны началось преслѣдованіе — авангардами и конницей. Последняя доносила, что въ тылу неприятеля по желѣзнымъ дорогамъ идетъ усиленный вывозъ войскъ на западъ, эшелонъ за эшелономъ.

Любопытно отмѣтить, что въ тотъ же день 12-го сентября въ Ставкѣ была получена телеграмма нашего военного агента въ Парижѣ, извѣщавшая насъ о результатахъ Марнскаго сраженія; полковникъ графъ Игнатьевъ доноситъ, что французскій Главнокомандующій генералъ Жоффри разрешилъ ему охарактеризовать событія послѣднихъ дней на французскомъ фронтѣ словомъ: «побѣда».

Въ періодъ боевъ 3-й и 8-й армій на фронтѣ отъ Равы-Русской до устья р. Берешницы, наши сѣверныя арміи Ю.-З. фронта продолжали съ боями продвигаться впередъ. Однако, 8-го сентября онѣ встрѣтили упорное сопротивленіе противника между Вислою и верховьями р. Поръ, заставившее ихъ приостановиться. Австрійцы успѣли въ этомъ районѣ подтянуть къ своему правому флангу германскій ландверный корпусъ генерала Войрша, сломить сопротивленіе котораго фронтальнымъ ударомъ намъ не удавалось. Только на слѣдующій день, съ выходомъ правофланговыхъ корпусовъ 5-й арміи во флангъ и даже тылъ неприятельскимъ войскамъ, занимавшимъ теченіе р. Поръ, создался вновь благоприятный переломъ. Въ результатѣ такового, сопротивленіе арміи генерала Данкля было окончательно сломлено, и противникъ сталъ спѣшно отходить къ Сану, бросая оружіе и сдаваясь массами въ плѣнъ.

Дальнѣйшее преслѣдованіе неприятеля было поручено попрежнему 9-й и 4-й арміямъ. Правофланговые же корпуса 5-й арміи получили приказаніе Главнокомандующаго Ю.-З. фронтомъ круто измѣнить направленіе для движенія на Цѣшановъ, въ цѣляхъ сближенія съ остальными корпусами своей же арміи.

Къ 12-му сентября 9-ая армія стала подходить къ Сану и на слѣдующій день началась переправа частей на лѣвый берегъ рѣки. 4-я армія наступала къ Таневу. Противникъ продолжалъ отходить спѣшно и безпорядочно. Однако, нашимъ войскамъ не удалось воспрепятствовать его отходу по путямъ на Краковъ. Уйдя за Санъ, неприятель уже нигдѣ не оказывалъ намъ серьезнаго сопротивленія и направилъ свое дальнѣйшее отступленіе за р. Вислоку, сбиваясь въ кучу и обнажая пути въ Венгрію и Буковину. Свыше сорока его дивизій, представлявшія, впрочемъ, въ большинствѣ жалкіе остатки прежней арміи, столпились на тѣсномъ пространствѣ между Карпатами и р. Вислою.

Сильное утомление и потери русских армий, к сожалѣнію, ограничили предѣлы преслѣдованія разбитаго врага. Главнокомандующій арміями Ю.-З. фронта находилъ необходимымъ дать войскамъ отдыхъ, для ихъ укомплектованія и устройства тыла. Войска, оставивъ далеко позади свои тыловыя учрежденія, терпѣли недостатокъ въ хлѣбѣ и даже въ соли. Во многихъ частяхъ, продвигнувшихся впередъ, наступилъ особо-мучительный «соляной голодъ».

Особый видъ голода отъ недостатка соли

Вниманіе Главнокомандующаго фронтомъ къ тому же въ большой степени было отвлечено задачей по ликвидаціи крѣпости Перемышль, наличію которой придавалось преувеличенное значеніе. Въ Ставкѣ не всеміи раздѣлялись взгляды Главнокомандующаго Ю.-З. фронтомъ на этотъ вопросъ. Указывалось на отсутствіе у насъ осадныхъ парковъ, недостатокъ полевой тяжелой артиллеріи вообще и потому рекомендовалось ограничиться выставленіемъ, для наблюденія за гарнизономъ крѣпости, лишь заслона, продолжая попрежнему искать живую силу непріятеля и пытаться ее добить. Однако, генералъ Ивановъ, чувствуя себя отвѣственнымъ хозяиномъ въ Галичинѣ, настойчиво проводилъ свою точку зрѣнія. Донесенія о небоеспособности гарнизона Перемышля убѣдили и Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго признать въ принципѣ допустимымъ «и другія болѣе быстрыя дѣйствія» противъ крѣпости, при благоприятной къ тому обстановкѣ.

Для первоначальнаго обложенія Перемышля была предназначена 3-я армія. Соедінія съ нею армій 4-я, 5-я и 8-я должны были обеспечивать эту операцію, причѣмъ первыя двѣ — закрѣпиться ниже Перемышля на р. Санѣ, овладѣвъ имѣвшимися на немъ у австрійцевъ предмостными укрѣпленіями у Ярослава, Сенявы и Ниско; послѣдняя же — занять пространство между названной крѣпостью и Днѣстромъ. Такимъ образомъ, для преслѣдованія отходившаго къ Кракову непріятеля оставалась одна 9-ая армія, которая, будучи усилена однимъ корпусомъ (XVI) изъ состава 4-й армій, въ двадцатыхъ числахъ сентября дошла до р. Вислоки. Сформированный на лѣвомъ берегу р. Вислы конный отрядъ генерала Новикова, въ составѣ нѣсколькихъ дивизій, получилъ задачу по развѣдкѣ и обезпеченію праваго фланга армій фронта. Для наблюденія же за путями по правому берегу Днѣстра — къ горнымъ переваламъ были выдвинуты отряды пѣхоты и конницы. Послѣдняя появилась на южныхъ склонахъ Карпатъ, угрожая своимъ нашествіемъ Венгерской равнинѣ.

Въ Буковинѣ — былъ занятъ главный городъ Черновцы и весь прилегающій районъ.

Такъ закончилась русская наступательная операція въ Галичину, въ которой, по сравненію съ Восточно-Прусскою операціей, поставленная задача сочеталась значительно болѣе счастливо съ ея выполненіемъ. Австро-Венгерскія вооруженныя силы подверглись рѣшительному пораженію; отходу ихъ на югъ за Днѣстръ было положено препятствіе, но за австрійцами осталась возможность отхода въ западномъ направленіи, на Краковъ. Въ этомъ послѣднемъ

отношеніи задача, поставленная арміямъ Ю.-З. фронта, оказалась неосуществленной.

Въ только что описанной операціи, охватившей пространство свыше 500 километровъ и продолжавшейся свыше трехъ недѣль, съ каждой стороны приняли участіе миллионныя арміи, непрерывно состязавшіяся другъ съ другомъ боемъ и маневромъ.

Русскія войска проявили въ этой операціи много доблести и неутомимости. Они показали, что, соотвѣтственно управляемые, умѣютъ вырывать побѣду изъ рукъ очень искуснаго врага. Хотя австрійская армія была качественно не сильна, но отдѣльныя ея части, особенно нѣмецкія и мадьярскія, дрались упорно. Кроме того, непріятельскія войска хорошо велись и имѣли во главѣ настойчивыхъ и рѣшительныхъ генераловъ. Съ нашей стороны всѣ роды войскъ благородно соперничали другъ передъ другомъ въ порывѣ и самоотверженности. Но особо слѣдуетъ подчеркнуть ярко проявившееся искусство и дѣйствительность нашего артиллерійскаго огня. Наша полевая артиллерія съ полною справедливостью заслужила названіе владычицы Галичскихъ полей сраженія, и ея спокойная и самоотверженная работа вызывала восторженные о ней отзывы со стороны пѣхоты; для послѣдней она не только подготавливала, но иногда и прокладывала путь къ побѣдѣ и славѣ.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что высокая подготовка полевой артиллеріи въ стрѣльбѣ во многомъ обязана настойчивости и знаніямъ Генераль-Инспектора Великаго Князя Сергія Михайловича. — Насколько была вредна его безотвѣтственная дѣятельность въ области артиллерійскаго снабженія, настолько его работа въ годы, предшествовавшіе войнѣ, по прямымъ обязанностямъ Генераль-Инспектора артиллеріи, должна быть признана полезной и плодотворной. Великій Князь былъ большимъ знатокомъ искусства стрѣльбы полевой артиллеріи и много потрудился надъ поднятіемъ этой важной отрасли подготовки въ родномъ для него родѣ оружія.

Въ періодъ Галичской операціи съ несомнѣнною достовѣрностью было установлено употребленіе австрійцами въ бояхъ ружейныхъ патроновъ съ разрывными пулями, что находилось въ полномъ противорѣчій съ постановленіями Петербургской деклараціи 1868-го года и Брюссельской конференціи 1874-го года. Правда, патроны эти были изготовлены для практическаго обученія стрѣльбѣ въ мирное время; но это обстоятельство нисколько не ослабляетъ силы обвиненія нашего бывшаго противника въ томъ, что фактически онъ допускалъ и на войнѣ примѣненіе боевыхъ средствъ, наносившихъ излишне-мучительныя раненія и осужденныхъ международными соглашениями.

Вліяніе нашихъ первыхъ наступательныхъ операцій на дальнѣйшій ходъ міровой войны. — Переходъ I-й арміи генерала Ренненкампа къ оборонѣ и отступленіе за Нѣманъ. — Нѣкоторыя причины и размѣръ нашихъ неудачъ въ Восточной Пруссіи. — Смѣна Главнокомандующаго С.-З. фронта и Августовская наступательная операція.

Вторженіе русскихъ войскъ въ Восточную Пруссію, произведенное значительными силами и съ неожиданной для нашихъ противниковъ стремительностью, вызвало тревогу не только въ германскомъ Главнокомандованіи, но и во всемъ нѣмецкомъ народѣ за судьбу восточныхъ областей Имперіи. Послѣ пораженія подъ Гумбиненомъ, нѣмцы считали Восточную Пруссію для себя потерянной, что особенно больно задѣвало самолюбіе Императора Вильгельма, какъ Короля Прусскаго, и подняло на ноги политически могущественную партію прусскихъ аграріевъ, испугавшихся за судьбу своихъ владѣній. Нѣмецкая Главная Квартира, подъ давленіемъ этихъ обстоятельствъ, вынуждена была немедленно приступить къ выработкѣ плана обратнаго овладѣнія упомянутой провинціей, что требовало прежде всего значительнаго усиленія войскъ на восточномъ фронтѣ. Такъ какъ въ распоряженіи нѣмецкаго Главнокомандованія не было свободныхъ силъ, то оно оказалось передъ необходимостью начать частичную переброску войскъ съ западнаго фронта на восточный.

Чтобы оцѣнить въ полной мѣрѣ значеніе этого рѣшенія, необходимо, хотя вкратцѣ, напомнить, въ чемъ заключалась основная идея наступательнаго плана Германіи противъ Франціи, и какъ развертывались въ дѣйствительности событія на фронтѣ нашихъ союзниковъ.

Извѣстно, что нѣмцы, открывая войну противъ Франціи, приняли въ основаніе своихъ дѣйствій планъ, разработанный еще задолго до войны бывшимъ Начальникомъ Германскаго Большаго Генеральнаго Штаба генераломъ графомъ фонъ Шлиффеномъ. Планъ этотъ заключался въ томъ, чтобы форсировать Бельгію, глубоко охватить лѣвый флангъ французской арміи, отрѣзать послѣднюю отъ всякой возможности полученія помощи со стороны Англіи и, въ такихъ условіяхъ, нанести ей смертельный ударъ, въ результатѣ котораго должно было послѣдовать паденіе Парижа и принужденіе французовъ къ тяжкому миру. Весь этотъ планъ базировался на молниеносной стремительности дѣйствій и на подавляющемъ въ точкѣ удара превосходствѣ въ силахъ, долженствовавшемъ гарантировать нѣмцамъ вѣрный успѣхъ и быстрое освобожденіе части ихъ войскъ для послѣдующей переброски таковыхъ на восточный фронтъ, противъ насъ.

Первые шаги нѣмцевъ были проведены въ соответствіи съ ихъ предположеніями. — Огромная лавина германскихъ войскъ, свыше 25-ти корпусовъ, форсировавъ границы Люксембурга и Бельгіи, стала заливать неудержимымъ потокомъ территоріи этихъ государствъ и, уже въ двадцатыхъ числахъ августа, самымъ рѣшительнымъ образомъ угрожать сѣверо-восточнымъ областямъ Франціи. Бельгійская армія, не будучи въ состояніи остановить нашествіе нѣм-

цель, вынуждена была отходить къ фортамъ Антверпена, увлекая, однако, за собою лишь слабыя германскія силы.

Дальнѣйшему столь-же головокружительному успѣху нѣмцевъ должно было способствовать то обстоятельство, что почти все французскія вооруженныя силы (1-я — 5-я арміи), примѣнительно къ принятому до войны плану, оказались къ срединѣ августа развернутыми на фронтѣ Мезьерь-Бельфорь, оставляя такимъ образомъ сѣверо-восточную границу Франціи безъ сколько-нибудь надежнаго прикрытія.

Приведеніе на военное положеніе вооруженныхъ силъ союзницы Франціи — Англій, по условіямъ организациі и системы комплектованія, требовало много времени и усилий. Къ срединѣ августа на материкъ хотя была перевезена экспедиціонная армія, но лишь въ составѣ двухъ корпусовъ и одной кавалерійской дивизіи, т. е. четырехъ пѣх. дивизій, вмѣсто шести, намѣчавшихся по первоначальному соглашенію союзныхъ Генеральныхъ Штабовъ. Командующій этой арміей Маршалъ Френчъ былъ поставленъ своимъ правительствомъ въ совершенно независимое отъ французскаго главнокомандованія положеніе и, кромѣ того, былъ снабженъ весьма ограничивавшими его возможности инструкціями. При такихъ условіяхъ, французы не имѣли, конечно, основаній рассчитывать на быструю и достаточно сильную помощь со стороны англичанъ на сухопутномъ фронтѣ.

Трудно предположить, чтобы указанная выше форма стратегическаго развертыванія французской арміи явилась результатомъ отрицанія ея Генеральнымъ Штабомъ возможности нарушенія германцами, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, нейтралитета Бельгіи. Вѣроятность такого способа дѣйствій всегда подчеркивалась представителями нашего Генеральнаго Штаба и, поскольку я знаю, мгновенно это никогда не оспаривалось нашими союзниками. Вѣрнѣе поэтому думать, что въ руководящихъ военныхъ кругахъ Франціи существовало убѣжденіе, что обходное движеніе нѣмцевъ черезъ Бельгію можетъ быть парировано, и даже вовсе предупреждено, быстрымъ и энергичнымъ вторженіемъ французскихъ войскъ въ Эльзасъ-Лотарингію; если же обстановка позволитъ — то и въ болѣе глубокихъ направленіяхъ. Такое заключеніе намъ позволяетъ во всякомъ случаѣ сдѣлать знакомство съ тѣми доктринами, въ коихъ французская армія воспитывалась въ періодъ, предшествовавшій войнѣ, и среди которыхъ доктрина наступленія, не безъ основанія конечно, пользовалась особымъ почетомъ и вниманіемъ.

Еще болѣе показательнымъ въ этомъ смыслѣ является то обстоятельство, что французы не измѣнили своихъ первоначальныхъ предположеній даже послѣ полученія совершенно опредѣленныхъ извѣстій о фактическомъ движеніи германскихъ войскъ черезъ Люксембургъ и Бельгію. Ихъ не смутило и то, что германцы въ огромныхъ силахъ переправились на лѣвый берегъ р. Мааса, въ районѣ Наморь-Льежь, и такимъ образомъ отчетливо обнаружили стремленіе къ очень глубокому обходу французской арміи съ ея лѣваго фланга.

Настойчиво преслѣдуя мысль, положенную, повидимому, въ основу забла-

современного разработанного плана, французы открыли военные действия против Германии вторжением в пределы Эльзаса и Лотарингии двух своих правофланговых наиболее сильных армий (1-й и 2-й).

По поводу этого наступления наш посол в Париж А. П. Извольский 17-го августа доносил: «Опубликованы первые официальные известия о ряде успехов французского оружия. Публика, с уверенностью в конечной победе, ожидает предстоящих на днях больших сражений. Мы известно, что командный состав и правительство очень довольны ходом военных действий и считают окончательно установленным два факта: высокий нравственный подъем французских войск и превосходство французской полевой артиллерии над германской. Известие о начавшемся наступлении нашей армии встречено с живейшей радостью и усиливает оптимистическое настроение».

Из дальнейших донесений А. П. Извольского выяснилось, что 18-го августа в Париж была получена, и на следующий день опубликована, телеграмма генерала Жоффра на имя военного Министра, в коей сообщалось, что французская армия продолжает продвигаться вглубь Эльзаса и что германцы отступают, оставляя раненых и бросая материальную часть. Но уже на следующий день французы наткнулись на сильно укрепленные позиции немцев по обоим берегам р. Саары, севернее Саарбурга. 20-го августа атаки французов были отбиты с кровавыми для них потерями; германцы перешли сами в контр-наступление и в следующие дни и обь наступающа армия наших союзников были принуждены к отходу на французскую территорию. К последним числам августа бои на этом участке фронта постепенно затихли, наступление французов свелось на нить обь правофланговую их армию составили в дальнейшем заслонь кь западу, обеспечивавший от обхода с праваго фланга остальные силы наших союзников.

Столь же неудачными по результатам оказались наступательные действия лѣвофланговых армий наших союзников. Командующий 5-й, наиболее северной французской армией, видя себя глубоко обойденным слѣва немцами, настойчиво ходатайствовал о разрѣшеніи переменить фронтъ его арміи на северъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, придвинуться къ р. Самбрѣ; это разрѣшеніе онъ получилъ только 15-го августа. Тѣмъ не менѣе французская Главная Квартира не оставляла мысли о томъ, чтобы наступленіемъ двухъ своихъ центральныхъ армій (3-й и 4-й), въ направленіи на Люксембургъ и бельгійскій Люксембургъ, создать рѣшительную угрозу путямъ сообщеній и бельгійскимъ, переправившихся на лѣвый берегъ р. Маасъ между Намюромъ и голландской границей. Что касается 5-й французской арміи, то таковая должна была своимъ наступленіемъ на северъ отъ Самбры удерживать обходящія колонны немцевъ, чтобы дать время проявиться дѣйствіямъ 3-й и 4-й армій. Поддержку 5-й французской арміи слѣва должна была оказать англійская армія, выдвигавшаяся черезъ Монсѣ на Нивель.

Эксцентрическое наступленіе вышеназванныхъ трехъ французскихъ армій (3-й — 5-й) привело къ упорнымъ встрѣчнымъ боямъ, разыгравшимся въ Арде-

надъ и на Самбрѣ и закончившимся общимъ отходомъ французовъ по всему ихъ фронту, каковой результатъ вполне отчетливо обозначился уже къ 25-му августа. — Отходъ французовъ вынудилъ къ такому же отходу и английскую армію маршала Френча.

Положеніе французовъ становилось критическимъ. 29-го августа къ намъ поступило свѣдѣніе, что послѣдовавшее занятіе нѣмцами С.-Кантена создало въ столицѣ Франціи настоящую тревогу. Намъ сообщали, что появившіеся надъ Парижемъ нѣмецкіе авіоны разбрасывали въ большомъ числѣ прокламаціи, въ которыхъ говорилось о полномъ разгромѣ французской и английской армій. 30-го августа А. П. Извольскій доносилъ, что наканунѣ въ Совѣтъ Министровъ себуждался вопросъ о возможности возникновенія такой обстановки, при которой станеть необходимымъ отъѣздъ изъ Парижа Президента Республики и Правительства. Какъ извѣстно, эти предположенія оправдались и правительство 2-го сентября переѣхало въ Бордо. За правительствомъ послѣдоваль и дипломатическій корпусъ. Изъ представителей иностранныхъ нейтральныхъ государствъ въ Парижѣ остался лишь одинъ посолъ С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ г. М. Геррикъ, для самоотверженной работы по представительству въ различныхъ случаяхъ передъ германскимъ командованіемъ. Съ отъѣздомъ официальнаго міра, тревога въ Парижѣ усилилась еще болѣе. Столицу Франціи стали снѣшно оставлять и болѣе состоятельные люди, по адресу коихъ остроумный парижанинъ пустилъ ходкое словечко: «tournedos à la Bordelaise...»

Словомъ, въ концѣ августа Парижъ сталъ подготавливаться къ очень тяжелымъ возможностямъ. Положеніе оцѣнялось настолько критическимъ, что въ этотъ періодъ времени англійскій Посолъ въ Петербургѣ, повидимому, не безъ вѣдома французскаго правительства, зондироваль почву, не представится ли возможнымъ перебросить на французскій фронтъ 3—4 нашихъ корпуса черезъ Архангельскъ, причемъ выполненіе морской перевозки намѣчалось въ недѣльный срокъ. Когда осуществленіе этой мысли оказалось невозможнымъ, возникло, по инициативѣ французскаго правительства, другое предположеніе о привлеченіи на французскій фронтъ японскихъ войскъ. Всѣ эти подробности очень характерны потому, что рисуютъ, съ какимъ напряженіемъ мысли наши союзники искали возможности измѣнить въ выгодную для себя сторону соотношеніе борющихся на фронтѣ силъ.

Но тяжелыя испытанія, выпавшія въ первыя недѣли войны на долю французскаго народа, подходили къ концу.

Разсказываютъ, что создатель германскаго плана наступленія противъ Франціи графъ Шлиффенъ, на смертномъ одрѣ, уже въ забытїи, неизмѣнно требоваль усиленія праваго фланга нѣмецкихъ армій. Если разсказъ этотъ вѣрнъ, то требованіе бывшаго Начальника Германскаго Генеральнаго Штаба, вѣроятно, всего болѣе относилось къ тому періоду въ развитіи обдумывавшейся имъ операціи, къ которому подошло наше описаніе. Дѣйствительно, именно теперь, послѣ неудачныхъ попытокъ французовъ задержать нѣмецкое наступле-

ние контръ-маневрами, когда ихъ лѣвый наружный флангъ былъ обойденъ и нѣмцамъ оставалось лишь опустить уже занесенный молотъ, — для главнаго нѣмецкаго командованія былъ особенно дорогъ каждый батальонъ, каждая рота. И именно въ этотъ періодъ времени, подъ давленіемъ извѣстія о нашемъ вторженіи въ Восточную Пруссію, германское верховное командованіе оказалось вынужденнымъ ослабить предстоявшій нѣмцамъ рѣшительный ударъ, путемъ спѣшной переброски части ихъ войскъ съ западнаго фронта на восточный. Развертывавшіяся у нѣмцевъ на востокъ событія не позволяли медлить, и потому къ перевозкѣ были предназначены такіа части, которыя скорѣе другихъ могли быть посажены на желѣзную дорогу и прибыть къ мѣсту новаго назначенія. Въ соотвѣтствіи съ такимъ заданіемъ, были сняты съ праваго обходившаго французовъ фланга два корпуса (Гвард. рез. и XI-й) и одна кав. дивизія (8-ая). Въ дополненіе къ нимъ былъ предназначенъ еще и третій корпусъ, но уже съ лѣваго нѣмецкаго фланга, перевозку котораго представилось возможнымъ отмѣнить лишь впоследствии. Принятое германскимъ главнокомандованіемъ рѣшеніе о переброскѣ части силъ на восточный фронтъ явилось, конечно, для дальнѣйшаго хода событій на западѣ факторомъ огромнаго значенія. Кроме численнаго и притомъ значительнаго ослабленія уже занесеннаго удара, это рѣшеніе несомнѣнно оказало еще свое подтачивающее вліяніе на духовное равновѣсіе германскихъ вождей, ихъ вѣру въ предстоящее дѣло, а значитъ и волю къ побѣдѣ. . .

Около того-же времени Генералъ Жофферъ, пытаясь остановить дальнѣйшій обходъ нѣмцевъ, принялъ рѣшеніе о сформированіи на крайнемъ лѣвомъ флангѣ своего фронта новой арміи. Командованіе этой арміей было поручено генералу Монури, который до этого времени былъ занятъ формированіемъ въ Верденѣ особой «Лотарингской» арміи, первоначально предназначавшейся для дѣйствій противъ Меца.

Новая 6-я армія генерала Монури, составленная всего изъ одного полевого корпуса и нѣсколькихъ резервныхъ дивизій, должна была сосредоточиться въ Аміенѣ, однако, вслѣдствіе быстро развивавшагося наступленія германцевъ, районъ сбора этой арміи пришлось отнести къ Парижу. И дѣйствительно, лѣвофланговые англійская и три французскія арміи, стали отходить, подъ напоромъ германцевъ, къ Марнѣ, удерживаясь на своемъ крайнемъ правомъ флангѣ у крѣпости Верденъ, служившей, такимъ образомъ, какъ бы осью всего движенія. — Чтобы усилить положеніе на фронтѣ, было спѣшно приступлено къ формированію въ центрѣ отступавшихъ войскъ новой 9-й французской арміи Генерала (нынѣ Маршала) Фоша.

Въ новомъ районѣ сосредоточенія генералъ Монури со своей арміей былъ подчиненъ Военному Губернатору Парижа генералу Галлиени, который былъ занятъ спѣшной подготовкой беззащитной столицы Франціи къ оборонѣ. Последней угрожала самая дѣйствительная опасность, такъ какъ на нее, непосредственно съ сѣвера, надвигалась правофланговая, наиболѣе сильная 1-я германская армія генерала фонъ Клука, легко сметавшая все встрѣчавшіяся ей на

луги неприятельскія войска. Настѣвiе врага на Парижъ казалось неотврати-мымъ. И вдругъ 3-го сентября совершенно неожиданно для французовъ было получено ими донесенiе о внезапномъ поворотѣ германскихъ колоннъ, угро-жавшихъ Парижу, на юго-востокъ въ направленiи на Мо; столица Францiи оказывалась при этомъ внѣ зоны наступленiя нѣмцевъ.

Существоетъ разсказъ, передаваемый французскими авторами будто на одной изъ военныхъ игръ, происходившихъ въ Берлинѣ до войны, генералъ фонъ Клуку подвергся со стороны бывшаго Начальника Большого Генеральнаго Штаба генерала фонъ Мольтке серьезной критикѣ за то, что онъ направилъ на этой игрѣ свои войска отъ Компьера непосредственно на Парижъ. Генералу фонъ Клуку, якобы, поставлена была на видъ недопустимость оставленiя безъ вниманiя живой силы неприятеля — армiи. Трудно, конечно, сказать, поскольку въ дѣйствительности на рѣшенiи генерала фонъ Клука отразились впечатлѣнiя отъ бывшей военной игры, но несомнѣнно, что имъ было принято рѣшенiе — нанести въ первую очередь ударъ французскимъ войскамъ, отходившимъ на юго-востокъ отъ Парижа. При этомъ, послѣдовавъ за отступавшими французскими войскамъ, генералъ фонъ Клуку долженъ былъ стянуть войска своей армiи на болѣе тѣсномъ фронтѣ и приблизить ее къ сосѣдней — 2-й германской армiи генерала фонъ Бюлова. А такъ какъ обѣ названныя германскiя армiи — 1-я и 2-я — были въ это время ослаблены выдѣленiемъ изъ состава каждой по одному корпусу на восточный фронтъ, то естественнымъ результатомъ такихъ дѣйствiй и должно было быть оставленiе Парижа, съ его богато развитымъ железнодорожнымъ узломъ, внѣ праваго фланга германскихъ армiй. То-же ослабленiе германскаго ударнаго крыла вынудило генерала фонъ Клуку ограничить-ся прикрытiемъ своей армiи отъ Парижскаго гарнизона лишь однимъ резервнымъ корпусомъ, представлявшимъ, конечно, при данной обстановкѣ слишкомъ недостаточный заслонъ. Все эти обстоятельства создавали для армiи генерала Моури, хотя и слабаго состава, чрезвычайно выгодное стратегическое положенiе, которыми и воспользовались вожди французской армiи.

5-го сентября, по приказу генерала Галлиени, 6-я армiя перешла въ энергичное наступленiе по правому берегу р. Марны, въ направленiи къ р. Уркъ. Генералъ Моури, поддержанный англiйской армiей Маршала Френча, наступавшей по лѣвому берегу той же рѣки, привлекъ къ себѣ вниманiе германцевъ и тѣмъ облегчилъ переходъ въ контръ-наступленiе остальныхъ лѣвофланговыхъ французскихъ армiй — 5-й, 9-й, 4-й и 3-й. Это контръ-наступленiе, начавшееся 6-го сентября по директивѣ Главнокомандующаго французской армiей генерала Жоффра, развернулось на широкомъ фронтѣ отъ Парижа до Вердена и превратилось въ многодневное кровопролитное сраженiе, получившее названiе битвы на Марнѣ. Кульминационнаго напряженiя эта битва достигла 10-го сентября, въ теченiе котораго 9-я армiя генерала Фоша одержала надъ нѣмцами рѣшительный успѣхъ. Этотъ успѣхъ и закрѣпить за французами побѣду, начало которой положено было самоотверженными дѣйствiями генерала Моури.

По такой схемѣ разыгралось извѣстное сраженiе на р. Марнѣ. Несомнѣнно,

что русская армия, своим стремительным и самоотверженным вторжением въ предѣлы Восточной Пруссіи, значительно облегчила складывающуюся для нашихъ западныхъ союзниковъ обстановку. Искусство ихъ вождей и высокая доблесть ихъ войскъ сдѣлали остальное. Марнская побѣда спасла Францію отъ нависшей надъ нею катастрофы и до основанія разрушила надежду Германіи покончить борьбу на западномъ фронтѣ однимъ молниеноснымъ ударомъ.

Одинъ изъ очень авторитетныхъ свидѣтелей описанныхъ событій передаетъ свои впечатлѣнія о первомъ періодѣ войны на французскомъ фронтѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Первый мѣсяцъ войны представляется мнѣ истиннымъ кошмаромъ: послѣ первыхъ незначительныхъ успѣховъ, мы почти безъ всякаго предупрежденія о грозившей бѣдѣ очутились наканунѣ казавшагося неминуемымъ занятія столицы неприятелемъ; отъѣздъ Президента, правительства и дипломатическаго Корпуса изъ Парижа былъ настоящимъ бѣгствомъ. Французскія арміи отступали въ порядкѣ, но съ чрезвычайною быстротою; нѣмцы шли по ихъ пятамъ прямо по направленію къ Парижу, возможная защита котораго измѣрялась не днями, а часами. Совершенно точно выяснить, что именно произошло отъ момента оставленія правительствомъ Парижа (2 сентября нов. ст.) до 12-го сентября, когда въ первый разъ было произнесено слово «побѣда», покуда почти невозможно. Изъ разговоровъ съ освѣдомленными лицами, я прихожу къ заключенію, что назрѣвала необходимость пожертвовать Парижемъ и отступить еще далѣе вглубь страны. Но потомъ родилась мысль о созданіи изъ нѣкоторыхъ корпусовъ, быстро перевезенныхъ съ крайняго праваго фланга, изъ Марокскихъ войскъ и территоріальныхъ частей — арміи генерала Монури, неожиданное появленіе коей на правомъ флангѣ нѣмцевъ поставило въ опасное положеніе армію генерала фонъ Клука и подало сигналъ къ побѣдоносному наступленію французовъ. Остается не вполне яснымъ, почему именно, разъ нѣмцы задумали наступленіе на столицу и повернулись фронтомъ къ отступавшей французской арміи. Одно компетентное лицо объясняетъ это ихъ убѣжденіемъ, что французская армія находилась въ полномъ разстройствѣ, что небольшого усилія ихъ было достаточно, чтобы окончательно ее разсѣять, и что, послѣ этого, Парижъ достался бы имъ безъ всякаго боя. Какъ бы то ни было и кому бы ни принадлежала инициатива перехода французовъ въ наступленіе, бой на р. Марнѣ имѣлъ характеръ дѣйствительной и блестящей побѣды, измѣнившей весь послѣдующій ходъ военныхъ событій...»

Но если Марнская побѣда свела на нѣтъ одну иллюзію германскаго Генеральнаго Штаба, заключавшуюся въ мечтѣ покончить войну на западѣ однимъ стремительнымъ ударомъ, то Галичская побѣда, одержанная русскими войсками надъ австрійцами, погребла и другую надежду руководителей противной намъ стороны — о возможности удержанія ихъ восточнаго фронта, впрямь до освобожденія германскихъ силъ на западѣ, одною австро-венгерскою арміею, поддержанной лишь относительно слабыми силами Германіи. Марна и Галичина

— два почти совпавшія по времени пораженія нашихъ противниковъ — вернули ихъ изъ міра грезъ къ реальной дѣйствительности; передъ ними раскрылась картина не гордыхъ всеокрушающихъ побѣдъ, но упорной затяжной борьбы, коначные результаты коей не могли не скрываться въ туманной дали...

Послѣ катастрофы со 2-й арміей, въ штабѣ С.-З. фронта ярко обнаружилась растерянность. вмѣсто отдачи распоряженій, соотвѣтствовавшихъ данной обстановкѣ, въ Ставку были командированы на автомобилѣ генераль-квартирмейстеръ штаба фронта генераль Леонтьевъ «за полученіемъ указаній».

Выходъ изъ строя значительной части 2-й арміи ставилъ насъ дѣйствительно въ очень трудное положеніе. Мы уже видѣли, что германское Верховное Главнокомандованіе направило съ западнаго фронта въ Восточную Пруссію довольно крупныя подкрѣпленія, и что передъ нѣмцами для вторженія въ Русскую Польшу открывался весь Наревскій фронтъ. Между тѣмъ, на южномъ участкѣ нашего передового театра въ это время шли упорные бои съ австрійцами, пытавшимися опрокинуть наши 4-ю и 5-ю арміи. Подходили критическіе дни, отъ результата которыхъ зависѣлъ весь ходъ Галичской наступательной операціи. При такихъ условіяхъ, форсированіе германцами Нарева и дальнѣйшее ихъ наступленіе въ южномъ направленіи, навстрѣчу австрійцамъ, могло создать угрозу для тыловъ нашихъ 4-й и 5-й армій и, такимъ образомъ, приобрести рѣшающее значеніе. Противодѣйствіе такому наступленію германцевъ изъ Восточной Пруссіи на югъ могло быть оказано наиболѣе дѣйствительнымъ образомъ только контръ-маневромъ армій С.-З. фронта въ западномъ направленіи, во флангъ и тылъ движенію нѣмцевъ. Но, для обезпеченія успѣха такого маневра, необходимо было собрать дополнительныя силы, до прибытія коихъ единственнымъ препятствіемъ на пути осуществленія германскаго наступленія являлась наша 1-я армія, продолжавшая оставаться въ Восточной Пруссіи.

При такой обстановкѣ, надлежало прежде всего подумать о томъ, чтобы сохранить положеніе арміи генерала Ренненкампа въ Восточной Пруссіи, какъ ограничивавшее свободу дѣйствій противника и являвшееся исходнымъ для будущаго маневра; остатками же 2-й арміи представлялось наиболѣе цѣлесообразнымъ занять линію р. Бобра и отчасти Нарева, откуда могло быть оказано содѣйствіе 1-й арміи, не только въ западномъ, но и въ сѣверномъ направленіяхъ. Такимъ своимъ расположеніемъ корпуса 2-й арміи попутно являлись прикрытіемъ и важнаго въ военномъ отношеніи Бѣлостокскаго района, черезъ который пролегалы главнѣйшіе пути, связывавшіе Имперію съ Передовымъ театромъ. Наконецъ, этотъ же Бѣлостокскій районъ могъ служить первоначальнымъ райономъ сосредоточенія и для тѣхъ подкрѣпленій, кои представлялось возможнымъ подтянуть на театръ военныхъ дѣйствій, въ видѣ XXII-го корпуса изъ Финляндіи и III-го Сиб. корпуса. Этотъ послѣдній корпусъ двигался въ головѣ подкрѣпленій, перевозившихся на театръ военныхъ дѣйствій, по указаніямъ Став-

ки, изъ Сибири. Кромѣ того, мы могли рассчитывать въ ближайшее время подтянуть въ тотъ районъ I-й Турк. и II-й Кавк. корпуса.

Намѣчавшееся расположеніе войскъ С.-З. фронта отвѣчало, вмѣстѣ съ тѣмъ, и тому случаю, если бы германцы, рѣшивъ дѣйствовать съ осторожностью, задались болѣе скромной задачей освобожденія всей территоріи Восточной Пруссіи отъ русскихъ войскъ. Въ этомъ случаѣ, ихъ наступленію противъ нашей 1-й арміи, наиболѣе выгодному со стороны Мазурскихъ озеръ, могло быть противопоставлено наше контръ-наступленіе во флангъ съ линіи Бобра.

Всю проектировавшуюся группировку представлялось, однако, возможнымъ закончить лишь къ 12—14-му сентября, и, слѣдовательно, только съ этого числа весь обновленный въ своемъ составѣ С.-З. фронтъ (свыше 200 бат.) могъ перейти къ новому рѣшительному наступленію противъ гѣмцевъ.

Между тѣмъ гѣмцы заканчивали начатую ими перевозку подкрѣпленій съ западнаго фронта ранѣе насъ и потому на ихъ сторонѣ оставалась возможность предупредить насъ своимъ наступленіемъ. Такой оборотъ дѣла казался лично мнѣ весьма вѣроятнымъ, и въ этомъ случаѣ изолированное положеніе 1-й арміи должно было считаться весьма рискованнымъ. Имѣя въ виду это соображеніе, Ставка настойчиво указывала С.-З. фронту на необходимость прочнаго закрѣпленія 1-й арміей своего положенія въ Восточной Пруссіи и рекомендовала разрушеніе тѣхъ желѣзныхъ дорогъ, по которымъ противникъ могъ направить свои силы противъ названной арміи. Такъ какъ, по мѣстнымъ условіямъ, лѣвый флангъ арміи Генерала Ренненкампа являлся наиболѣе угрожаемымъ, то дабы придать ему большую устойчивость, намѣчалось шедшій въ головѣ вѣхъ подкрѣпленій XXII-й корпусъ выдвинуть къ Лыку. Названный корпусъ, состоявшій изъ четырехъ стрѣлковыхъ бригадъ, имѣлъ гибкую организацию, прекрасный офицерскій составъ и, какъ располагавшійся въ мирное время въ Финляндіи, вдали отъ своихъ пополненій, содержался по штатамъ, близкимъ къ военнымъ; поэтому на боевыя качества этого корпуса, являвагося, въ данной обстановкѣ, обезпеченіемъ лѣваго фланга 1-й арміи, возлагались прочныя надежды.

Въ соотвѣтствіи со всѣми изложенными выше соображеніями, указанія, данныя Ставкой штабу С.-З. фронта и подробно развитыя при послѣдовавшемъ 2-го сентября личномъ свиданіи Верховнаго Главнокомандующаго съ Генераломъ Жилинскимъ, въ общемъ, сводились къ слѣдующему:

1-й арміи надлежало удерживаться на путяхъ отъ Инстербурга и Ангербурга на линіи Вильковичи-Сувалки, имѣя, такимъ образомъ, у себя въ тылу въ своемъ распоряженіи три желѣзныя дороги на Ковну, Олиту и Гродну. 2-я армія (генерала Шейдемана) — должна была стягиваться на фронтъ Осовець-Ломжа, имѣя за своимъ вѣншиимъ флангомъ, примѣрно у Замброва, уступъ; она же должна была выдѣлить изъ своего состава особую группу для удержанія Варшавы; ядро этой группы долженъ былъ составить XXVII-й корпусъ, вновь сформированный изъ двухъ второочередныхъ дивизій. Войскамъ обѣихъ армій указывалось укрѣпиться и подготовить тыловыя позиціи. Изъ вновь

ожидавшихся къ прибытію на театр военныхъ дѣйствій корпусовъ (XXII-го, III-го сиб., а впоследствии I-го Турк. и II-го Кавк. корпусовъ) намѣчалось образовать новую 10-армію временно — генерала Радкевича, затѣмъ генерала Флуга); корпуса этой арміи, по мѣрѣ ихъ подхода, предполагалось выдвигать въ Лыскій районъ и далѣе на фронтъ Летценъ-Арисъ-Юганисбургъ, гдѣ они должны были входить въ связь съ 1-й арміей.

Дополнительнымъ распоряженіемъ Ставки обращалось также вниманіе штаба С.-З. фронта на необходимость усилить наблюденіе за Балтійскимъ побережьемъ, ввиду полученія нашимъ морскимъ Генеральнымъ Штабомъ извѣстія о подготовкѣ, якобы, нѣмцами десантной экспедиціи.

Главкомандующій арміями С.-З. фронта Генераль Жилинскій и его Начальникъ Штаба Генераль Орановскій высказывали сомнѣніе въ возможности въ ближайшее время перехода арміями названнаго фронта въ наступленіе; оба они находили неизбѣжнымъ ограничить задание для армій этого фронта только обороной занимавшагося ими положенія въ Восточной Пруссіи и по Нареву до Вислы. Такой способъ дѣйствій неизбѣжно приводилъ къ новой разброскѣ силъ армій С.-З. фронта, вынуждавшихъ прикрывать непомѣрно растянутый фронтъ отъ Балтійскаго моря черезъ Осовець и Ломжу до Варшавы включительно. Однако, съ этой точкой зрѣнія приходилось считаться. Перенесенная катастрофа наложила замѣтный отпечатокъ на настроеніе не только войскъ, но и начальствующихъ лицъ С.-З. фронта.

Учитывая всѣ эти мало благоприятныя обстоятельства, изъ конхъ складывалась обстановка на С.-З. фронтѣ, Верховный Главкомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ ставилъ себя цѣлью, какъ мы уже видѣли въ предыдущей главѣ, достигнуть, во что бы то ни стало, и въ ближайшіе же дни, рѣшительной побѣды надъ австрійцами. Въ случаѣ не успѣха — надо было предвидѣть возможность возникновенія такихъ условий, при которыхъ можетъ стать неизбѣжнымъ отходъ нашихъ сѣверныхъ армій Ю.-З. фронта за р. Зап. Бугъ.

Какъ бы настойчиво ни было высшее управленіе войсками въ достиженіи поставленной имъ положительной задачи, оно все же никогда не должно упускать изъ виду возможной неудачи. Въ подготовкѣ для себя и, можетъ быть, ближайшихъ своихъ сотрудниковъ соотвѣтствующаго рѣшенія на этотъ случай и состоитъ обязательная для каждаго крупнаго военачальника предусмотрительность. Поэтому, въ данной трудной обстановкѣ Ставка сочла себя обязанной 31-го августа предупредить Главкомандованіе С.-З. фронтомъ, что, въ случаѣ безусловной невозможности въ теченіе ближайшихъ дней достигнуть рѣшительныхъ успѣховъ надъ австрійцами, арміямъ Ю.-З. фронта будетъ указано постепенно отходить за р. Зап. Бугъ съ общимъ направленіемъ на Дрогичинъ-Брестъ-Кобринъ и что, при такой обстановкѣ, арміи С.-З. фронта обязаны будутъ образовать заслонъ, прикрывающій отъ нѣмцевъ это передвиженіе. Направленіе отхода армій Ю.-З. фронта было согласовано съ предположеніями генерала Иванова, установленными имъ, какъ мы уже видѣли, еще 28-го августа.

Наконецъ Верховный Главнокомандующій, желая вызвать самодѣятельность руководившаго арміями С.-В. фронта центра, счелъ необходимымъ напомнить генералу Жилинскому, что веденіе операций, въ предѣлахъ поставленной фронту задачи, должно составлять обязанность Главнокомандующаго арміями фронта и что въ этомъ отношеніи онъ, по закону, пользуется необходимою самостоятельностью.

Несмотря на представленія штаба 1-й арміи о желательности, при создавшихся условіяхъ, оттянуть главныя силы этой арміи къ Инстербургу, дабы занять болѣе сосредоточенное расположеніе и имѣть возможность встрѣтить вѣроятныя обходныя движенія непріятеля контръ-ударомъ, генералъ Ренненкампфъ рѣшилъ занять и укрѣпиться на позиціи отъ моря до Мауерскаго озера — на фронтѣ вдоль р. Дейме и далѣе къ югу отъ Веллау на Алленбургъ и Ангербургъ, вытнувъ почти все свои силы въ одну линію и имѣя противъ Летцена лишь одну дивизію, въ видѣ заслона. Позиція, на которой остановился генералъ Ренненкампфъ, могла считаться достаточно сильной съ фронта, но она представляла большія невыгоды, вслѣдствіе необезпеченности фланговъ. Особенно опаснымъ представлялся ей лѣвый флангъ. Хотя онъ былъ поданъ уступомъ назадъ, но примыкалъ къ Мазурскимъ озерамъ, районъ коихъ представлялъ крайне закрытую и пересѣченную мѣстность, удобную для скрытаго сосредоточенія непріятельскихъ силъ. Къ этому надо добавить, что небольшая германская крѣпосца Летценъ, закрывавшая одинъ изъ главныхъ проходовъ черезъ Мазурскія озера, оставалась въ рукахъ нашихъ противниковъ, по отсутствію у насъ подвижной тяжелой артиллеріи, соответственнаго калибра, для ея взятія. Независимо того, со стороны лѣваго фланга, отчасти вслѣдствіе его отпесеннаго назадъ положенія, отходили кратчайшіе пути къ среднему Нѣману, и такимъ образомъ развитіе на этихъ путяхъ непріятельскаго успѣха могло сразу создать серьезную угрозу для всей 1-й арміи.

Къ началу сентября генералу Ренненкампфу удалось притянуть въ районъ арміи 5½ второочередныхъ дивизій. Изъ нихъ двѣ дивизіи составили на правомъ флангѣ арміи новый корпусъ (XXVI-й); другія двѣ дивизіи оставались въ качествѣ какъ бы армейскаго резерва: 54-я у Инстербурга и 72-я у Даркемена; одна дивизія вошла въ составъ одного изъ корпусовъ и, наконецъ, бригада 68-й дивизіи заняла Тильзитъ, обезпечивая своимъ расположеніемъ правый флангъ и тылъ арміи. Такимъ образомъ, силы 1-й арміи генерала Ренненкампфа въ Восточной Пруссіи возросли до 14-ти пѣх. дивизій; составъ конницы оставался прежній.

Уже начиная съ 1-го сентября въ штабъ 1-й арміи стали поступать свѣдѣнія, наводившія на мысль о совершающемся сосредоточеніи нѣмцевъ противъ этой арміи, и притомъ преимущественно противъ ея лѣваго фланга. Эти данныя должны были служить предостереженіемъ для 1-й арміи; одновременно онѣ подавали намъ надежду на то, что ожидавшаяся развязка операціи на австрійскомъ фронтѣ не будетъ осложнена и затруднена наступленіемъ нѣмцевъ въ сторону Нарева, каковое наступленіе приобрѣтало для насъ особую опасность.

со времени выясненія невозможности своевременно противопоставить ему наступательный контръ-маневръ арміями С.-З. фронта.

Въ дальнѣйшемъ выяснилось фактическое появленіе въ Восточной Пруссіи новыхъ частей, очевидно изъ числа тѣхъ, кои перебрасывались съ западнаго фронта. Нашими станціями «искрового телеграфа» была перехвачена нешифрованная нѣмецкая радіограмма, предупреждавшая кр. Кенигсбергъ о слѣдующемъ перевозкѣ въ ея районъ «гвардіи». Результаты изученія военныхъ игръ германскаго Генеральнаго Штаба, образцы конхъ отъ времени до времени попадали въ наши руки, учили насъ, что высшимъ образцомъ нѣмецкой стратегіи всегда считался маневръ, приводившій къ обходу обоихъ фланговъ противника, каковой маневръ и былъ, какъ извѣстно, примѣненъ руководителями 8-й германской арміи противъ арміи генерала Самсонова. Поэтому, поступившее свѣдѣніе о движеніи гвардіи въ направленіи Кенигсберга являлось для насъ очень показательнымъ; оно заставило Ставку обратить вниманіе штаба С.-З. фронта на возможность одновременнаго охвата арміи генерала Ренненкампа съ обоихъ фланговъ. — Предупрежденіе это, какъ увидимъ дальше, оказалось далеко не лишнимъ основанія.

Отъ первыхъ чиселъ сентября стали обнаруживаться отдѣльныя попытки нѣмцевъ къ наступленію противъ различныхъ участковъ фронта 1-й арміи; эти попытки, впрочемъ, имѣли лишь развѣдывательный или демонстративный характеръ. Но уже 7-го сентября на нашемъ лѣвомъ флангѣ развились болѣе серьезныя дѣйствія. Здѣсь обнаружено было наступленіе нѣмцевъ на Арисъ. Еще южнѣе, у Бялы, наши выдвинутыя впередъ части XXII-го корпуса были атакованы нѣмцами и потерпѣли серьезную неудачу. Несмотря на полученную поддержку, четыре полка этого корпуса были отбѣснены въ направленіи на Граево. Въ результатѣ боевыхъ столкновеній этого дня, получалось опредѣленное впечатлѣніе, что мы наканунѣ новой большой наступательной операціи нѣмцевъ, направляемой на сей разъ противъ нашей 1-й арміи.

Въ теченіе слѣдующихъ двухъ дней — 8-го и 9-го сентября, — нажимъ германцевъ обнаружился по всему фронту 1-й арміи. Неприветелемъ была введена въ дѣйствіе сильная тяжелая артиллерія. На лѣвомъ флангѣ арміи атаки нѣмцевъ значительно расширились и приняла угрожающіе размѣры. Здѣсь противникъ повелъ энергичное наступленіе отъ Летцена на Поссертъ и Круглянкенъ и съ Ариса на Виндминенъ. Находившаяся на нашемъ лѣвомъ флангѣ дивизія II-го корпуса постепенно отбѣснялись неприветелемъ въ сѣверо-восточномъ направленіи. На перешейкахъ между озерами появилась неприветельская конница. Что касается положенія на фронтѣ арміи генерала Ренненкампа, то на немъ фактически обнаружены были части, принадлежавшія двумъ новымъ германскимъ корпусамъ, раньше числившимся на западномъ фронтѣ. Съ прибытіемъ ихъ, силы нѣмцевъ въ Восточной Пруссіи должны были возрасти до 15—16 пѣх. дивизій, не считая войскъ на второстепенныхъ направленіяхъ. Изъ этихъ силъ не менѣе двухъ корпусовъ были обнаружены переброшенными уже по восточ-

ную сторону Мазурскихъ озеръ. Тѣмъ не менѣе наши войска на фронтѣ арміи упорно отстаивали свое положеніе, которое признавалось вполне устойчивымъ. Серьезныя опасенія внушала лишь лѣвый флангъ.

Генераль Ренненкампфъ, видя этотъ флангъ въ угрожаемомъ положеніи, отдалъ распоряженіе объ усиленіи его XX-мъ корпусомъ, подлежащимъ переброскѣ съ крайняго праваго фланга, а также 54-й и 72-й дивизіями, составлявшими его резервъ. Энергичнымъ нажимомъ 10-й арміи со стороны Бобра положеніе на стыкѣ между 1-й и 10-й арміями могло стать даже выигрышнымъ. Однако, подкрѣпленія, назначенныя генераломъ Ренненкампомъ для сбора на лѣвомъ флангѣ, могли подойти полностью лишь къ 11-му сентябрю. Намѣчавшееся же наступленіе всего XXII-го корпуса черезъ Лыкъ на Видминянтъ въ тылъ непріятелю, обходившему лѣвый флангъ 1-й арміи, генераль Жилинскій не считалъ возможнымъ осуществить, вслѣдствіе, какъ онъ доносилъ, «нѣсколько разстроеннаго состоянія» названнаго корпуса послѣ боя у Бялы. Видя тяжелое положеніе своего лѣваго фланга и лишившись надежды на полученіе содѣйствія со стороны корпусовъ 10-й арміи, генераль Ренненкампфъ, вечеромъ 9-го сентябрю, приказалъ корпусамъ 1-й арміи начать отходъ, который, при сложившихся условіяхъ, надлежало, повидимому, признать вполне цѣлесообразнымъ. Отходъ этотъ начался въ полномъ порядкѣ и совершенно былъ безпрепятствененъ. Заслуживаютъ быть отмѣченными дѣйствія IV-го корпуса, который по инициативѣ своего доблестнаго командира (генерала Алиева), прежде чѣмъ начать отходъ, атаковалъ передъ собою нѣмцевъ и далеко отбросилъ ихъ къ юго-западу.

Чтобы выяснить положеніе 1-й арміи и причины отказа генерала Жилинскаго отъ активныхъ дѣйствій 10-й арміи, на успѣхъ которыхъ возлагалось много надеждъ, Верховный Главнокомандующій 11-го сентябрю прибылъ въ Бѣлостокъ, гдѣ послѣ личной бесѣды съ генераломъ Жилинскимъ удостовѣрился въ томъ, что управленіе арміями С.-З. фронта серьезно нарушено. Въмѣсто организациі, во что бы то ни стало, вызывавшагося всей обстановкой рѣшительнаго удара частями 10-й арміи со стороны верхняго Бобра въ тылъ нѣмцамъ, обходившимъ нашу 1-ю армію съ ея лѣваго фланга, Главнокомандующій арміями С.-З. фронта придавалъ рѣшающее значеніе донесенію командира XXII-го корпуса о временной небоеспособности его корпуса, понесшаго, какъ мы видѣли, лишь частичную неудачу у Бялы. Но независимо названнаго корпуса, въ распоряженіи Главнокомандующаго фронтомъ имѣлась еще вновь прибывшая на театръ военныхъ дѣйствій 8-я Сиб. стр. дивизія III-го Сиб. корпуса, къ которой подходила вторая дивизія того-же корпуса — 7-я Сибирская. Отказавшись отъ наступленія частями 10-й арміи, генераль Жилинскій приказалъ отвести XXII-й корпусъ къ Августову, а части III-го сиб. корпуса — къ Праеву, мотивируя это рѣшеніе необходимою дать время для окончательнаго устройства корпусовъ новой арміи. Что же касается 2-й арміи, то ея корпусы были, безъ ясно опредѣленной задачи, направлены на фронтъ Мышинецъ-Хоржеле, гдѣ они и ввязались въ безцѣльные бои съ германскими ландверными частями.

Упущенное время не давало возможности его наверстать и, хотя Верховный Главнокомандующий потребовал наступления корпусов 10-й армии через Маркграбово на Гольдап, но на результаты этого движения рассчитывать было уже трудно. Поэтому 13-го сентября корпус 10-й армии получили приказание отойти за р. Бобръ. Оставалось, таким образом, надеяться лишь на благополучный выход из боя корпусов 1-й армии, в результате своевременно принятого решения об их отходе.

Къ сожалѣнію эта надежда оказалась лишь на половину осуществленной. Только правофланговые корпуса 1-й армии (XXV, I-й, III-й и отчасти IV-й), отходившіе съ фронта Лабяу-Порденбургъ на фронтъ Средники-Маріамполь, выполнили свой отходъ въ условіяхъ болѣе или менѣе нормальныхъ. Хотя германское командованіе и бросило къ сѣверу отъ желѣзной дороги Инстербургъ-Ковна на фронтъ Пилькаленъ-Тильзитъ 2^я корпуса (IP. и Гв. P. корпуса, гарнизонъ кр. Кенигсбергъ и ландв. бригада изъ Мемеля), съ очевидною цѣлью отрѣзать наши правофланговые части отъ переправъ и приказать ихъ къ р. Нѣманъ, но эта задача нѣмцамъ не удалась. Правофланговые колонны 1-й армии успѣли своевременно выйти изъ подъ ударовъ названныхъ германскихъ корпусовъ; послѣдніе, такимъ образомъ, вышли въ пустую, почему и были остановлены германскимъ командованіемъ, не доходя Нѣмана. Лишь одна ландверная бригада, двигаясь, повидимому, изъ Тильзита, успѣла атаковать 15-го сентября на р. Нѣманъ у Средники аррьергардъ XXVI-го корпуса, достигнувъ его на переправѣ. Атака этой бригады была отбита съ большимъ для нея урономъ.

Что касается лѣвофланговыхъ корпусовъ 1-й армии (II-го и XX-го), которые, вмѣстѣ съ тремя кавалерійскими дивизіями, прикрывали отъ обхода съ юга движеніе 1-й армии, то ихъ отходъ протекалъ въ гораздо болѣе сложныхъ и трудныхъ условіяхъ. Положеніе этихъ частей особенно осложнилось, когда, послѣ занятія Гольдапа, нѣмцы стали 12-го сентября дебушировать изъ Роминтенской пуши, направляясь къ Виштинецкому озеру. Этимъ движеніемъ подвергались угрозѣ пути отхода 1-й армии не только на Кальварію, но и на Маріамполь. Велѣды за кавалеріей, стали выходить изъ названнаго лѣса непріятельскія пѣхотныя колонны. Къ этому времени генералъ Ренненшампфъ, неожиданно уѣхавшій въ Ковну, потерялъ всякую связь съ корпусами, которые приходилось разбѣжывать разсылкою особыхъ офицеровъ генеральнаго штаба. Управленіе арміей было нарушено и отступленіе приняло неорганизованный характеръ, регулировавшійся лишь инициативой корпусныхъ командировъ и кавалерійскихъ начальниковъ. И если всѣ корпуса, въ конечномъ результатѣ, вышли изъ охватывавшаго ихъ съ юга непріятельскаго полукольца, то этимъ они обязаны съ одной стороны проявленному ими напряженію, а съ другой — тому обстоятельству, что съ теченіемъ времени, бросокъ нѣмцевъ ослабѣлъ, и что значительная часть ихъ конницы направилась по дальнимъ путямъ, въ обходъ Роминтенской пуши съ юга, потерявъ на это движеніе время.

Къ 14—15-му сентября 1-я армія, послѣ ряда упорныхъ боевъ и тяжелаго отступленія, понеся крупныя потери, закончила свой отходъ и окончательно

вышла из угрожающаго ей положенія. Задуманное германскимъ командованіемъ окруженіе — нашему искусному противнику на сей разъ не удалось.

О состояніи своей арміи генераль Ренненкампфъ лаконически доносилъ въ Ставку примѣрно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: отдохнемъ, подкрѣпимся и снова будемъ готовы къ бою. — Дѣйствительность оказалась, однако, далеко менѣе утѣшительною, и войска 1-й арміи потребовали кореннаго обновленія и пополненія.

Такимъ образомъ, въ результатѣ мѣсячныхъ боевъ и двухъ тяжелыхъ и кровавыхъ операций, арміи С.-З. — фронта, имѣвша, въ общей ихъ совокупности, все время численное превосходство надъ противникомъ и занимавшія выгодное исходное охватывающее положеніе, не только оказались не въ состояніи выполнить возложенную на нихъ наступательную задачу, но, въ конечномъ итогѣ, были отброшены обратно въ наши предѣлы, понеся очень крупныя потери въ людяхъ и матеріальной части и получивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, серьезный моральный надломъ.

Въ теченіе этихъ операций ярко вырисовывались многіе недочеты организаціи, техническаго снабженія, мирнаго воспитанія и образованія нашей арміи.

Многія наши отдѣльныя войсковыя части дали блестящіе образцы доблести, стойкости въ бою и неутомимости. Но, наряду съ такими частями, обнаружались и другія, отъ которыхъ можно было требовать проявленія большей сопротивляемости и напряженія. При этомъ разница въ боевыхъ качествахъ и въ выдержкѣ нашихъ войсковыхъ частей не ограничивалась существовавшимъ раздѣленіемъ ихъ на первоочередныя и второочередныя, — такая разница была бы вполне естественной и не представляла бы чего-либо неожиданнаго. Но боевой удѣльный вѣсъ нашихъ войсковыхъ частей оказался далеко не одинаковымъ и въ предѣлахъ одной и той же категоріи войскъ. Трудно дать въ короткомъ изложеніи исчерпывающее объясненіе этой боевой нестроты нашихъ войсковыхъ частей, такъ какъ причины, ее обусловливавшія, были весьма различны. Прежде всего — различныя условія жизни, обученія и воспитанія кадровъ мирнаго времени; разнообразіе раіоновъ комплектованія войсковыхъ частей новобранцами и запасными; индивидуальныя качества начальниковъ, и еще болѣе — традиціи самыхъ частей войскъ, и даже тѣхъ военныхъ округовъ, къ составу коихъ эти части принадлежали въ мирное время. Какъ извѣстно, командующіе войсками въ военныхъ округахъ пользовались у насъ въ мирное время большою самостоятельностью въ дѣлѣ руководства обученіемъ вѣрныхъ имъ войскъ. Поэтому, на примѣръ, влияние школы такихъ крупныхъ воспитателей, какъ долго стоявшій во главѣ войскъ Кіевскаго военнаго округа генераль М. И. Драгомировъ, съ его незамѣнимымъ сотрудникомъ, въ должности Начальника Штаба, генераломъ Е. С. Шимановскимъ, или какъ командовавшій войсками Варшавскаго военнаго округа генераль І. В. Гурко, работу котораго продолжилъ и развилъ А. К. Пузыревскій, — наложило на войска названныхъ двухъ военныхъ округовъ особо-цѣнный отпечатокъ, сохранившійся на нихъ вплоть до войны 1914-го года.

Справедливость, однако, требует отметить, что кадровый состав нашей армии мирного времени, в смысле воспитания и обучения, находился в годы, предшествовавшие войне, несмотря на некоторое различие, все же на высоте или не ниже достаточной высоты во всех округах. Поэтому недочеты войск, в отношении боевой выдержки, слѣдует приписать в большой степени влиянію тѣх контингентов запасных, кои влились, съ объявленіем мобилизаціи, в ряды войскъ. Эти люди, влѣдствіе ихъ недостаточной специальной подготовки в мирное время, малой сознательности и отсутствия живой связи съ арміей, представляли в огромномъ большинствѣ сырой матеріалъ, долженствовавшій замѣтно понижать боевые достоинства нашихъ войсковыхъ частей, съ выступленіемъ ихъ в походъ. При такомъ условіи, дѣятельность войсковыхъ частей на войнѣ, особенно в первое время, должна была неизбѣжно оказаться в чрезвычайно большой зависимости отъ случайныхъ явленій обстановки. Такія войска могли дѣлать чудеса и тутъ же сдавать безъ достаточно видимыхъ и осязаемыхъ оснований.

Отмѣченная выше пестрота и хрупкость боевыхъ качествъ нашихъ войскъ в значительной мѣрѣ затрудняли замыселъ и выполнение маневровъ, при которыхъ требуется, чтобы войска, составляющія точки опоры маневра, не сдавали до завершения такового. Мы же не могли найти никакого мѣрила для опредѣленія боевой силы той или другой группы войскъ. Указывая на эту неблагоприятную данную, нельзя пройти мимо и другого важнаго недостатка нашихъ войскъ — ихъ слабой маневренной способности. Кромѣ невтянутости людей, тутъ большое влияніе оказывали и разнаго рода организаціонные недочеты, дѣлавшіе наши войска грузными и малоподвижными.

Техническое снабженіе нашей армии оказалось совершенно недостаточнымъ. Успѣхъ в бою поучался слишкомъ дорогой цѣной, в силу почти полнаго отсутствія у насъ полевой тяжелой артиллеріи, ставшей необходимымъ оружіемъ наступающаго, и недостаточнаго снабженія войскъ пулеметами. Наличие тяжелой артиллеріи у противника производило на наши войска в первое время подавляющее впечатлѣніе и, по отзывамъ многихъ начальниковъ, огонь этой артиллеріи являлся в первый періодъ войны основной причиной не всегда полной устойчивости нашихъ войскъ.

Зачаточное состояніе отечественной авіаціи дѣлало нашихъ начальниковъ совершенно слѣпыми, такъ какъ, при современныхъ условіяхъ, конница не в состояніи ни добывать, ни своевременно сообщать необходимыя свѣдѣнія о расположеніи и передвиженіяхъ непріятеля. Только воздушный наблюдатель, снабженный фотографическимъ аппаратомъ и радіостанціей, способенъ стать надежнымъ современнымъ развѣдчикомъ, имѣющимъ возможность глубоко проникнуть в расположеніе непріятеля и дать быстрыя и неопровержимыя доказательства того, что имъ наблюдено. Вслѣдствіе отсутствія у насъ достаточныхъ авіаціонныхъ средствъ, непріятель, пользуясь своей богато развитой железнодорожной сѣтью, могъ свободно маневрировать, какъ хотѣлъ, будучи увѣренъ, что его планы не могутъ быть нами своевременно вскрыты. Съ другой

стороны, владѣя значительнѣе развитыми воздушными средствами, тотъ же непріятель имѣлъ возможность совершенно безнаказанно слѣдить за каждымъ нашимъ шагомъ, учитывая его въ своихъ предположеніяхъ. — Нищенское снабженіе средствами связи, почти полное отсутствіе полевого беспроводнаго телеграфа, въ пользованіи которымъ мы не имѣли никакого навыка, затрудняли установленіе прочной связи и взаимодѣйствія войскъ, что, какъ мы видѣли, было одною изъ основныхъ причинъ нашихъ неудачъ. Для примѣра, достаточно привести, что въ первое время войны въ распоряженіи управленія Генераль-Квартирмейстера Ставки имѣлся, для связи со штабами фронтовъ, лишь одинъ аппаратъ Юза, цѣнный въ томъ смыслѣ, что его конструктивныя данныя значительно облегчали непосредственные переговоры. — Снабженіе телеграфнымъ имуществомъ штабовъ фронтовъ было столь же мизернымъ. — Наконецъ, слабое снабженіе полевыми желѣзнодорожными парками, автомобильными транспортомъ, примѣненіе коней въ Восточной Пруссіи и Галичинѣ могли быть очень широкимъ, и погонными средствами затрудняли подвозъ и прочную связь съ тыломъ. Два или три десятка прекрасныхъ грузовыхъ машинъ были почему то прикомандированы къ Ставкѣ, гдѣ, конечно, обречены были на бездѣйствіе; мнѣ удалось имъ исходатайствовать командированіе на фронтъ.

Техническое превосходство непріятели естественно било по воображенію нашихъ войскъ и подавляло бодрость ихъ духа.

Но болѣе всего, въ минувшихъ операціяхъ противъ германцевъ, выявились серьезныя недостатки въ управленіи войсками, какъ естественный результатъ отсутствія должнаго подбора, обученія и совершенствованія высшаго команднаго состава въ мирное время. Мы уже видѣли, съ какими трудностями и препятствіями были сопряжены попытки создать это обученіе, путемъ серьезно поставленныхъ занятій военной игрой. На этомъ пути пришлось столкнуться съ ложнымъ самолюбіемъ и опасеніями обнаружить личную отсталость.

Описанныя операціи, разыгравшіяся на С.-З. фронтѣ, даютъ нѣсколько разительныхъ примѣровъ такихъ положеній въ предѣлахъ этого фронта, при которыхъ нападеніе непріятели на одну изъ армій не вызывало должныхъ активныхъ дѣйствій со стороны остальныхъ войскъ фронта, пребывавшихъ въ бездѣйствіи. Въ результатѣ, нашъ противникъ, имѣя, въ общемъ, на названномъ фронтѣ силы, значительно намъ уступающія, успѣвалъ ихъ сосредоточивать, пользуясь своею подвижностью и нашимъ бездѣйствіемъ, то противъ одной, то противъ другой арміи и ставить себя въ положеніе, гарантировавшее ему побѣду.

Вполнѣ очевидно, что всѣ недостатки, присущіе нашей арміи, существовали и на Ю.-З. фронтѣ, гдѣ, однако, конечные результаты нашей наступательной операціи оказались иными. Но не надо забывать, что германцы представляли, по сравненію съ австрійцами, гораздо болѣе подвижнаго и искуснаго противника. Надо принять во вниманіе также и то обстоятельство, что руководящая роль въ исполненіи операціи на Ю.-З. фронтѣ фактически принадлежала Начальни-

ку Штаба этого фронта генералу Алексеѣву — человѣку большихъ военныхъ знаний, опыта и настойчивости. Несомнѣнно, что наши первоначальные успѣхи въ Галичинѣ должны быть крѣпко связаны съ именемъ этого крупнаго военнаго дѣятеля пережитой эпохи.

Чтобы выяснитъ болѣе детально причины и размѣръ пораженія 1-й арміи, по повелѣнію Верховнаго Главнокомандующаго, въ Ковну выѣхалъ Начальникъ Штаба генераль Янушкевичъ. Верховнымъ Главнокомандующимъ намѣчалась замѣна генераловъ Жилинскаго и Ренненкампа. Но послѣдній имѣлъ при Дворѣ сильную руку, которая видимо представила Государю дѣйствія его въ невѣрно-благоприятномъ освѣщеніи. Соотвѣтственное представленіе Верховнаго Главнокомандующаго объ отчисленіи генерала Ренненкампа было предупреждено Высочайшей телеграммой съ крайне неожиданнымъ совѣтомъ — ввѣритъ генералу Ренненкампу главнокомандованіе арміями С.-З. фронта, а генерала Жилинскаго обратитъ къ исполненію обязанностей Варшавскаго генераль-губернатора, каковую должность онъ занималъ до войны, вмѣстѣ съ командованіемъ войсками Варшавскаго военнаго округа. Надо замѣтить, что съ переходомъ къ организаціи управленія Привислинскимъ Краемъ, въ соотвѣтствіи съ положеніемъ о полевомъ управленіи войскъ въ военное время, должность Варшавскаго Генераль-Губернатора была упразднена, за ненадобностью. — Въ конечномъ результатѣ, генераль Ренненкампфъ сохранилъ свое положеніе командующаго 1-й арміей, а генераль Жилинскій получилъ назначеніе въ распоряженіе Военнаго Министра. На постъ Главнокомандующаго арміями С.-З. фронта былъ предназначенъ генераль Рузскій, замѣтно выдвинувшійся въ періодъ Галичской операціи, несмотря на нѣкоторую излишнюю осторожность, проявленную имъ, при подходѣ къ Львову. Должность командующаго 3-й арміей намѣчалось замѣстить генераломъ Радко-Дмитріевымъ, доблестно до того командовавшимъ VIII-мъ арм. корпусомъ.

Новаго Главнокомандующаго арміями С.-З. фронта генерала Рузскаго я зналъ хорошо и съ давнихъ поръ. Еще будучи молодымъ офицеромъ Генеральнаго Штаба въ штабѣ Кіевского военнаго округа, я привыкъ, вмѣстѣ съ остальными офицерами Генеральнаго Штаба этого округа, относиться къ нему съ большимъ довѣріемъ и уваженіемъ. Генераль Рузскій, состоя въ то время въ чинѣ полковника и въ должности Начальника Штаба одной изъ пограничныхъ дивизій, предназначался въ военное время на должность начальника штаба конной группы изъ нѣсколькихъ дивизій, долженствовавшихъ сосредоточиться на границѣ съ Австро-Венгріей для выполненія очень отвѣтственной задачи. Впослѣдствіи генераль Рузскій занималъ въ Кіевскомъ военномъ округѣ рядъ отвѣтственныхъ должностей до Помощника Командующаго войсками включительно и былъ очень популяренъ въ этомъ округѣ. Спокойный, разсудительный, прямой, хотя и нѣсколько суховатый, но очень простой въ обращеніи, одаренный достаточно твердымъ характеромъ — онъ имѣлъ всѣ данныя, чтобы быть хорошимъ, въ современномъ смыслѣ, военнаго начальникомъ. Къ его мнѣніямъ всегда стоило внимательно прислушиваться. Къ сожалѣнію, слабое здоровье

генерала Рузскаго часто препятствовало полному проявлению его природных дарований и онъ бывалъ вынуждаемъ, отъ времени до времени, отказываться отъ активной дѣятельности для болѣе или менѣе продолжительнаго отдыха.

Пораженіемъ обѣихъ нашихъ армій въ Восточной Пруссіи былъ нанесенъ жестокой ударъ нашему военному престижу и общему стратегическому положенію нашихъ войскъ на театрѣ войны; слѣды этого удара не могли изгладиться въ теченіе всей войны. Извѣстно, какъ всегда тяжело отражаются на всемъ ходѣ войны первыя неудачи. Въ психику многихъ начальниковъ и войсковыхъ частей проникло губительное убѣжденіе въ безусловномъ превосходствѣ надъ нами нашего сѣвернаго противника — германцевъ и неувѣренность въ собственныхъ силахъ. И не они ли, эти сомнѣнія, отравляли въ дальнѣйшемъ волю руководителей войны на всемъ ея протяженіи, заставляя нерѣдко предпочитать, взамѣнъ постановки оперативныхъ заданий, въ зависимости отъ ихъ дѣйствительной стратегической цѣнности, болѣе легкія, но менѣе благодарныя дѣйствія по линіямъ «меньшаго сопротивленія»?!

Уже было выяснено, что наше наступленіе вглубь Германіи могло проявить себя свободно лишь при условіи предварительнаго обезпеченія праваго фланга, проще и надежнѣе всего достигавшагося выходомъ нашихъ войскъ къ нижней Вислѣ. Приводя къ значительному сокращенію нашего стратегическаго фронта, это выдвигеніе тѣмъ самымъ попутно давало возможность достигнуть весьма важной экономіи въ силахъ, и, слѣдовательно, обезпечивало развитіе дальнѣйшаго наступленія не только съ болѣею безопасностью, но и въ болѣе рѣшительныхъ формахъ. Однако, эта предварительная задача на С.-З. фронтѣ выполнена не была и успѣхи на австрійскомъ фронтѣ не могли выполнить указаннаго существеннаго пробѣла. Нашъ правый флангъ продолжалъ висѣть въ воздухѣ. И даже болѣе того; чѣмъ глубже на западъ намъ удалось бы проникнуть, тѣмъ острѣе должна была чувствоваться непрочность и даже рискованность нашего положенія, легко подвергавшагося ударамъ справа. Между тѣмъ, послѣ неудачъ 1-й и 2-й армій, задача овладѣнія Восточной Пруссіей, вслѣдствіе ея непопулярности, никогда болѣе не могла быть поставлена открыто и въ полномъ ея объемѣ. Восточная Пруссія была окрещена генераломъ Алексѣевымъ наименованіемъ «осиная гнѣзда», и всѣ попытки вновь подготовить выдвигеніе вопроса объ овладѣніи ею, какъ увидимъ дальше, всегда разбивались о тѣ или другія обстоятельства. Къ идеѣ возобновленія рѣшительныхъ дѣйствій въ направленіи Восточной Пруссіи искусственно прививалось недоувѣріе и даже какое-то суевѣрное предубѣжденіе не только среди высшаго команднаго состава, но и въ войскахъ. Въ результатѣ — всѣ наступательныя дѣйствія на правомъ берегу р. Вислы противъ Германіи стали носить характеръ бессистемныхъ полумѣръ, а на выполненіи ихъ неизмѣнно лежалъ отпечатокъ вялости и нерѣшительности.

Такимъ образомъ сложный и трудный вопросъ объ обезпеченіи фланга и тыла нашихъ армій со стороны Восточной Пруссіи оказался неразрѣшеннымъ. Этому флангу нашего стратегическаго фронта надолго суждено было оставать-

ся нашимъ самымъ уязвимымъ мѣстомъ, сковывавшимъ всѣ стратегическія комбинаціи и всегда отлекавшимъ большія силы на его обезпеченіе, которое, однако, оставалось всегда только условнымъ.

Потери, понесенныя русской арміей въ операціяхъ, разыгравшихся въ Восточной Пруссіи, были весьма значительны. Мы потеряли около 250/т. человекъ убитыми, ранеными и военнопленными, свыше 600 орудій, массу пулеметовъ и прочей матеріальной части.

Изъ 15-ти корпусовъ, входившихъ въ серединѣ сентября въ составъ С.-З. фронта и занимавшихъ протяженіе въ 400 верстъ отъ Ковны черезъ Гродну, Осовець до Варшавы, лишь четыре корпуса вновь сформированной 10-й арміи являлись вполне боеспособными; два корпуса (XXVI-й и XXVII-й) были составлены цѣликомъ изъ второочередныхъ частей, не пріобрѣвшихъ еще прочной боевой спайки; два съ половиною корпуса (XIII, XV и половина XXIII-го корпуса) были почти уничтожены въ результатѣ Самсоновскаго пораженія; остальные шесть съ половиною корпусовъ — одни болѣе, другіе менѣе — потеряли огромный процентъ своего личнаго состава и значительную часть своего имущества. Возстановленіе этихъ корпусовъ представляло для насъ большія трудности; въ особенности затруднительнымъ оказалось снабженіе ихъ винтовками, орудіями и пулеметами, такъ какъ наши запасы вооруженія были крайне ограничены; запаса же пулеметовъ не было вовсе.

Изъ всѣхъ армій С.-З. фронта наибольшую тревогу внушало состояніе 1-й арміи генерала Ренненкампа, которая непосредственно прикрывала своимъ расположеніемъ прямые пути вглубь страны, на Вильну. Поэтому вниманіе Ставки было прежде всего обращено на то, чтобы скорѣйшимъ образомъ пополнить именно эту армію. Еще въ періодъ отхода ея, къ ней была подвезена, изъ состава 7-й арміи, одна второочередная дивизія (64-я), а затѣмъ — направлены, въ срочномъ порядкѣ, пополненія, притомъ не только въ видѣ маршевыхъ ротъ изъ запасныхъ частей, но и въ видѣ организованныхъ единицъ. Такъ, цѣликомъ были взяты четвертые батальоны съ пулеметными командами и нѣсколько артиллерійскихъ дивизионовъ изъ состава второочередныхъ дивизій, входившихъ въ составъ 6-й арміи и остававшихся на Балтійскомъ побережьи. Этой мѣрой, хотя и была временно нарушена организація названныхъ дивизій, но зато сразу достигалось поднятіе боевой готовности 1-й арміи, каковая задача, въ данномъ случаѣ, считалась первенствующей. Въ цѣляхъ того же скорѣйшаго укомплектованія этой арміи, было разрѣшено использовать также личный составъ и матеріальную часть одной изъ наиболѣе пострадавшихъ второочередныхъ дивизій.

Что касается 2-й арміи, то къ ней также были направлены пополненія, немедленно послѣ отступленія ея изъ Восточной Пруссіи. Остатки же XIII-го и XV-го корпусовъ были оттянуты въ глубокой тылъ, гдѣ намѣчалось формированіе этихъ корпусовъ заново. Одновременно были приняты мѣры къ ускоренію прибытія на театръ военныхъ дѣйствій изъ Сибири слѣдующаго II-го Сиб. корпуса, пунктомъ высадки котораго была назначена сначала ст. Малкинъ, затѣмъ ст. Черемха.

Приступлено было также къ восстановленію нормальной организаціи второсередныхъ дивизій 6-й арміи.

Выполненіе всѣхъ этихъ мѣропріятій требовало, конечно, извѣстнаго времени.

17-го сентября въ главнокомандованіе войсками С.-З. фронта вступилъ генералъ Рузскій. Новый Главнокомандующій предполагалъ оставить 1-ю армію генерала Ренненкампа на лѣвомъ берегу р. Нѣмана, но, ознакомившись съ ея состояніемъ, измѣнить свое намѣреніе и, отдавъ приказаніе о дальнѣйшемъ отходѣ этой арміи за рѣку, возложилъ на нее задачу по прикрытію средняго течения р. Нѣмана между Ковной и Гродной (отъ Пренъ до Мереча) и по наблюденію за дорогами, ведущими по правому берегу этой рѣки, въ обходъ Ковны.

Въ соотвѣтствіи съ этой задачей, 10-й арміи, головные корпусы которой отошли за Бобръ и Наревъ, указано было овладѣть сѣверными и западными выходами изъ Августовскихъ лѣсовъ, занимаемые, эта армія могла съ одной стороны прикрывать Гродна-Бѣлостокскій районъ, а съ другой — угрожать подступамъ нѣмцевъ къ среднему Нѣману.

Что касается 2-й арміи, состоявшей, какъ мы уже видѣли, изъ корпусовъ, понесшихъ крупныя потери, то, ввиду имѣвшихся свѣдѣній о сосредоточеніи значительныхъ германскихъ силъ въ районѣ къ югу отъ Млавы, ей указывалось, въ случаѣ необходимости, отходить на переправы верхняго Нарева, съ общимъ направленіемъ на Бѣлостокъ-Бѣльскъ. Такъ какъ изложенныя выше данныя о группировкѣ противника на Млавскомъ направленіи впослѣдствіи не оправдались, то отходъ корпусовъ 2-й арміи къ верхнему Нареву фактически не состоялся.

Между тѣмъ противникъ, вынудившій къ отступленію наши арміи С.-З. фронта за р.р. Нѣманъ, Бобръ и Наревъ, продолжалъ проявлять свою активность.

26-го сентября нѣмцы приблизились къ Осовцу и открыли тяжелой артиллеріей жестокой огонь по этой слабой, насквозь прострѣливавшейся крѣпостцѣ. Огонь по укрѣпленіямъ ея велся въ теченіе 4-хъ дней. Противникъ пытался даже атаковать вынесенную впередъ, на правый берегъ Бобра, такъ называемую Соснинскую позицію, но былъ отбитъ. Бетонныя сооруженія Осовца хорошо сопротивлялись непріятельскимъ снарядамъ, но бомбардировкой были произведены пожары и перебиты всѣ телефонные провода; названная же выше передовая позиція у Сосни — сравнена съ землею. Чрезвычайно интересенъ былъ доставленный потомъ въ Ставку чертежъ укрѣпленій Осовецкой крѣпости въ планѣ, съ нанесенными на немъ попаданіями, свидѣтельствовавшими объ искусствѣ германской артиллеріи и интенсивности ея огня.

Одновременно съ подходомъ германцевъ къ Осовцу, обнаружилось наступленіе нѣмцевъ отъ Копцово къ Сопоцкину и Друскеникамъ. У послѣдняго, противникъ въ теченіе двухъ дней, 26-го и 27-го сентября, настойчиво пытался спуститься къ Нѣману, но былъ отбитъ и вынужденъ къ отступленію.

Въ слѣдующіе дни, 10-я армія приступила къ исполненію поставленной ей задачи по вытѣсненію противника изъ Августовскихъ лѣсовъ. Эти дѣйствія,

которые могут быть объединены под именем Августовской операции, привели къ ряду довольно упорных боевъ, особенно въ районѣ Августова и Сувалокъ, завершившихся въ первыхъ числахъ октября отходомъ непріятеля къ границѣ.

Своимъ искуснымъ маневрированиемъ германцы долгое время заставляли наши войска преувеличивать дѣйствовавшія противъ нихъ на самомъ дѣлѣ силы. Однако, постепенно передъ фронтомъ нашихъ армій С.-З. фронта стало выясняться ослабленіе непріятеля, который убывалъ въ неопредѣлившемся еще для насъ направленіи. Главнокомандующій арміями С.-З. фронта рѣшилъ воспользоваться этимъ ослабленіемъ, чтобы очистить нашу территорию отъ врага и вновь отбросить его къ Мазурскимъ озерамъ. Въ соответствии съ этой задачей, 1-й арміи было приказано переправиться на лѣвый берегъ р. Немана и наступать съвернѣе 10-й арміи на фронтъ Сталупенень-Сувалки.

Наступленіе это не встрѣтило серьезнаго сопротивленія, за исключеніемъ Владиславова, гдѣ произошелъ довольно упорный бой. Это наступленіе имѣло ту хорошую сторону, что должно было оздоравливающимъ образомъ поддѣйствовать на психику войскъ 1-й арміи, незадолго передъ тѣмъ перенесшихъ тяжелое отступленіе.

Совмѣстное наступленіе 1-й и 10-й армій привлекло на себя вниманіе Главной Германской Квартіры, крайне чутко относившейся къ возможности новаго вторженія нашего въ Восточную Пруссію. Въ результатѣ создавагося безпокойства, на Восточно-Прусскій фронтъ, въ началѣ октября, былъ направленъ одинъ изъ германскихъ корпусовъ (XXV P.) изъ числа тѣхъ, кои сформировались внутри страны и предназначались для отправления на французскій фронтъ.

Со взятіемъ 3-го октября войсками 10-й арміи Сувалокъ и послѣдовавшимъ затѣмъ очищеніемъ германцами нашей территоріи, 1-я и 10-я арміи продолжали свое наступленіе болѣе рѣшительно. Тѣсня и отбрасывая передъ собою противника, наши войска въ половинѣ октября вновь стали на германской землѣ и здѣсь приступили къ закрѣпленію своего положенія.

Въ этотъ же періодъ времени, какъ объ этомъ будетъ подробнѣе изложено въ слѣдующей главѣ, началась постепенная переброска войскъ Ю.-З. фронта къ Варшавѣ и къ р. Вислѣ, гдѣ назрѣвала новая операція. На Восточно-Прусскомъ участкѣ нашего фронта, въ концѣ концовъ, осталась лишь одна 10-я армія, въ составѣ шести корпусовъ (III, XX, XXII, XXVI, II Кавк. и III Сиб.). Въ командованіе этой арміей вступилъ генералъ Сиверсъ.

Главнокомандующій С.-З. фронтомъ, лично знавшій генерала Сиверса, передъ тѣмъ командовавшаго X-мъ корпусомъ въ составѣ 3-й арміи, характеризовалъ его какъ генерала «направленія методическаго»; это качество генерала Русскій признавалъ отвѣчающимъ тѣмъ задачамъ, кои оставались на 10-й арміи. Генералъ Сиверсъ, кромѣ того, довольно долго занималъ должность начальника штаба Виленскаго военнаго округа и, такимъ образомъ, тотъ районъ, въ которомъ ему предстояло дѣйствовать, долженъ былъ быть для него хорошо знакомымъ.

Шагъ за шагомъ, именно методически, 10-я армія принудила нѣмцевъ къ серединѣ ноября отступить на укрѣпленную ими Ангерашскую позицію и южнѣе — на линію Мазурскихъ озеръ. Возможность достиженія тѣми же способами дальнѣйшихъ успѣховъ являлась, однако, вполне сомнительной.

ГЛАВА IX.

Вопросъ о переносѣ нашихъ военныхъ дѣйствій на лѣвый берегъ р. Вислы. — Германо-австрийское наступленіе и наша Варшавская операція.

Марнская побѣда, какъ мы уже видѣли, создала на западномъ фронтѣ переломъ въ пользу нашихъ союзниковъ. Наступательное движеніе нѣмцевъ захлебнулось; затѣмъ арміи ихъ стали медленно откатываться назадъ. — Понесенное нѣмцами пораженіе не привело, однако, къ очищенію французской территоріи; ихъ арміи отходили въ относительномъ порядкѣ и сохраняли свою бое-способность. Врагъ весьма скоро оказался закрѣпившимся на позиціяхъ по рѣкѣ Энъ, каковыя позиціи въ самый короткій срокъ приобрѣли сильно укрѣпленный характеръ. Такимъ образомъ, на фронтѣ нашихъ союзниковъ предстояла упорная и, какъ надо было предполагать, длительная позиціонная борьба. Какъ сообщалъ нашъ Посолъ въ Парижѣ А. П. Извольскій, уже вскорѣ послѣ Марнскаго сраженія Главнокомандующій французской арміей генералъ Жоффръ доносилъ своему правительству, что успѣхи вѣренной ему арміи «отнынѣ будутъ измѣряться не десятками и даже не отдѣльными километрами, а всего только метрами». Но и эти скромные успѣхи оказались лишь временными. Военныя дѣйствія постепенно стали затихать, и на фронтѣ французской арміи устанавливалось какъ бы нѣкоторое равновѣсіе.

Одновременно стало выясняться что нѣмцы быстро разливаются къ сѣверу, грозя вновь охватить французовъ съ ихъ лѣваго фланга и проявляя стремленіе докатиться до естественнаго предѣла западнаго сухопутнаго фронта — морского побережья. И если до Марны нашествіе врага угрожало Парижу, то теперь возникла опасность для ближайшихъ морскихъ базъ англичанъ на материкѣ — Калѣ и Булони. Съ переходомъ этихъ пунктовъ въ руки нѣмцевъ, англичанамъ пришлось бы относить свое базированіе болѣе вглубь Ламанша; для нѣмцевъ же расширялось поле дѣйствій ихъ подводныхъ лодокъ и открывалась возможность непосредственной угрозы англійскимъ берегамъ.

Счастливымъ случай далъ, однако, нашимъ союзникамъ возможность расшифровывать военныя радіограммы нѣмцевъ и такимъ образомъ ихъ командованіе оказывалось въ курсѣ всѣхъ намѣчавшихся передвиженій противника. При этомъ условіи и наличіи на французской территоріи мощной желѣзнодорожной сѣти, генералу Жоффру не трудно было противодѣйствовать нѣмецкому маневру своевременною переброскою къ сѣверу своихъ собственныхъ войскъ. Въ результатѣ такого положенія дѣлъ, нашимъ союзникамъ, къ серединѣ октября,

удалось, послѣ ряда упорныхъ боевъ, протянуть вплоть до Ньюпорта сплошную стѣну изъ войскъ и тѣмъ окончательно преградить возможность движенія нѣмцевъ не только къ Парижу, но и къ Калѣ.

Но такой способъ дѣйствій не могъ создать выхода изъ создавшейся обстановки, несомнѣнно грозившей затянуться надолго.

Французская армія понесла значительныя потери. Успѣхъ надъ такимъ первокласснымъ противникомъ, какимъ являлись нѣмцы, не дается, конечно, даромъ. Особенно велика была убыль въ офицерахъ. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ возобновлять активныя дѣйствія, необходимо было пополнить понесенныя потери въ личномъ составѣ, что требовало извѣстнаго времени.

Прекрасная французская полевая пушка (прославленное 75 м/м орудіе) доказала свое несомнѣнное превосходство надъ легкой артиллеріей противника. Но современные бои, и особенно наступательные, требуютъ, кромѣ легкой артиллеріи, наличия на поле сраженія болѣе мощныхъ образцовъ, способныхъ прокладывать дорогу своей гѣхотѣ черезъ укрѣпленныя позиціи противника. Такого рода артиллеріей французская армія далеко не могла считать себя обеспеченной; пополнение же этого недочета въ вооруженіи требовало также довольно продолжительнаго времени. Наконецъ, уже послѣ боевъ на Марнѣ французская армія стала ощущать недостатокъ въ артиллерійскихъ снарядахъ, расходъ которыхъ въ минувшихъ бояхъ превзошелъ самыя смѣлыя воображенія. Пришлось ставить на ноги всю промышленность, чтобы обезпечить дальнѣйшія потребности въ этомъ отношеніи; но и самыя напряженныя усилія могли дать необходимый результатъ также лишь по истеченіи все того же времени.

Такимъ образомъ, рядъ обстоятельствъ дѣлалъ почти неизбѣжнымъ болѣе или менѣе продолжительный перерывъ въ активныхъ дѣйствіяхъ французской арміи, а вмѣстѣ съ нею и ея союзниковъ — англичанъ и бельгійцевъ. Очевидно, что нѣмцы, пользуясь этимъ перерывомъ, могли сдѣлать новую попытку къ переходу въ наступленіе и къ захвату инициативы въ свои руки, тѣмъ болѣе, что, какъ это было извѣстно, внутри Германіи производились новыя формировавія. Подобный поворотъ дѣлъ на фронтѣ нашихъ союзниковъ, по свидѣтельству компетентныхъ наблюдателей, могъ вызвать уныніе во французскомъ народѣ и недовольство въ общественныхъ кругахъ, все еще рассчитывавшихъ на скорое и, конечно, побѣдоносное завершеніе войны.

Въ стремленіи найти выходъ изъ очерченнаго выше нелегкаго положенія, наши союзники невольно обращались мыслью въ нашу сторону. Уже въ срединѣ сентября, когда наши побѣдоносно наступавшія арміи подошли на Галичскомъ фронтѣ къ р. Сану, французское правительство обратилось къ Министру Иностранныхъ Дѣлъ С. Д. Сазонову съ выраженіемъ надежды на перенесеніе въ ближайшее время нашихъ дѣйствій на лѣвый берегъ р. Вислы, съ цѣлью скорѣйшаго наступленія вглубь Германіи. Это было несомнѣнною попыткою вмѣшательства французскаго правительства въ дѣло нашей стратегіи, почему С. Д. Сазоновъ, со свойственнымъ ему тактомъ и всегдашнимъ достоинствомъ, отвѣтилъ, что ожидаемое отъ насъ наступленіе несомнѣнно обозначится, какъ

только будет покончено съ австрійской арміей въ Галичинѣ, но что онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не считаетъ для себя возможнымъ оказывать какое-либо вліяніе на рѣшенія Верховнаго Главнокомандующаго, который, въ интересахъ дѣла, долженъ пользоваться полною свободою дѣйствій. Въ своемъ отвѣтѣ С. Д. Сазоновъ добавилъ, что, по его мнѣнію, только Главнокомандующимъ обѣими союзными арміями должна принадлежать возможность обмѣниваться взглядами по вопросамъ о военныхъ дѣйствіяхъ и взаимномъ ихъ согласованіи. И, дѣйствительно, при отсутствіи органа общаго командованія, лишь установленіемъ, путемъ непосредственныхъ сношеній, взаимнаго довѣрія между руководителями обѣихъ названныхъ армій, можно было рассчитывать достигнуть гарантій наилучшаго направленія общихъ усилій. Тѣмъ не менѣе, нашъ Посоль въ Парижѣ доносилъ, что онъ не считаетъ себя вправе скрывать о возникновеніи во французскихъ кругахъ критическаго отношенія къ нашимъ дѣйствіямъ, и намекалъ на возможность выявленія недовольства, которое, по его мнѣнію, намъ надлежало разсѣять, давъ французамъ увѣренность, «что мы значительно увеличиваемъ наши силы противъ Германіи».

Переносъ военныхъ дѣйствій на лѣвый берегъ р. Вислы, какъ мы уже видѣли, входилъ въ расчеты Ставки съ перваго дня войны. Наша операція вглубь Германіи всегда рисовалась Ставкѣ въ видѣ широкаго наступленія массы войскъ между р. Вислой, ниже Варшавы, и Судетскимъ хребтомъ, черезъ провинціи Познань и Силезію. Операціонное направленіе это кратчайшимъ образомъ вело къ самому сердцу Германіи. На его пути лежали принадлежавшія въ то время Германіи польскія провинціи, гдѣ мы рассчитывали поднять волну освободительнаго движенія. Захватывался попутно богатый промышленный районъ Верхней Силезіи, существенно важный для Германіи, съ точки зрѣнія изготовленія военныхъ матеріаловъ. Правда, при наступленіи главной массы войскъ по лѣвому берегу р. Вислы, наши арміи встрѣчали на своемъ пути двѣ германскія крѣпости — Познань и Бреславль и оставляли у себя на флангѣ австрійскую крѣпость Краковъ. Но чѣмъ шире и энергичнѣе было бы наше вторженіе въ Германію, тѣмъ легче было бы овладѣніе нами этими крѣпостями. Какъ говорилъ еще «старый» Мольтке, правда, по другому поводу: «крѣпостями легче овладѣть побѣдою надъ арміей, чѣмъ непосредственно ихъ осадою». Правильность этой точки зрѣнія намъ пришлось провѣрить опытомъ, къ сожалѣнію, надъ нашими собственными крѣпостями въ 1915-мъ году.

Надо, однако, имѣть въ виду, что наступленіе по лѣвому берегу р. Вислы первоначально намѣчалось Ставкой въ предположеніи благополучнаго разрѣшенія наступательныхъ операцій на флангахъ нашего стратегическаго фронта въ Восточной Пруссіи и Галичинѣ. Теперь же обстановка для наступленія значительно осложнялась тѣмъ обстоятельствомъ, что не только Восточная Пруссія осталась за нѣмцами, но и наши арміи С.-З. фронта потеряли, хотя и временно, свою боеспособность. Равнымъ образомъ на лѣвомъ нашемъ флангѣ, — хотя австро-венгерскія арміи и понесли серьезное пораженіе, но успѣли выйти изъ намѣчавшагося окруженія и стать на путяхъ къ Кракову, откуда, пользуясь

желѣзнодорожнымъ сообщеніемъ, могли быть перемѣщены въ любомъ направленіи. При такой обстановкѣ на флангахъ, наше наступленіе въ центральной части стратегическаго фронта представляло значительную долю риска, каковой рискъ могъ быть покрытъ лишь одержаніемъ рѣшительнаго успѣха въ бою надъ противникомъ.

Пораженіе живой силы непріятели способно, какъ извѣстно, покрыть всѣ недочеты стратегическаго положенія и совершенно очевидно, что, съ разгромомъ германской арміи на лѣвомъ берегу р. Вислы, вопросъ о Восточной Пруссіи, накрѣпко сплетенный съ упроченіемъ нашего праваго фланга, отпалъ бы самъ собою. Но нельзя забывать и того, что, при нормальномъ развитіи всякой военной операціи, бой является послѣднимъ актомъ; результаты его подвержены вліянію всякихъ случайностей, и что задача стратегіи въ томъ и заключается, чтобы подготовить для боя наиболѣе благоприятную обстановку.

Однимъ изъ условій для созданія такой обстановки, при развитіи нами наступательныхъ дѣйствій на лѣвомъ берегу Вислы, являлось, конечно, полученіе серьезныхъ гарантій отъ нашихъ союзниковъ, что ими будутъ приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы сковать германцевъ и этимъ отнять у нихъ возможность новой переброски ихъ войскъ противъ насъ. Исходя изъ этого, Верховный Главнокомандующій, сообщая о своихъ наступательныхъ предположеніяхъ французскому Верховному Командованію, призналъ необходимымъ поставить передъ послѣднимъ для выясненія два вопроса: во-первыхъ — каковы предположенія генерала Жоффра на случай, если бы Германцы рѣшили оставить противъ французскъ минимальныя силы, а остальные бросить на нашъ восточный фронтъ, и во-вторыхъ — ставить ли генералъ Жоффр конечной цѣлью своихъ дѣйствій, въ соотвѣтствіи съ задачей, поставленной ему его правительствомъ, очищеніе отъ непріятели лишь территорій Франціи и освобожденіе Эльзаса и Лотарингіи, или продвиженіе до Рейна, или, наконецъ, вторженіе вглубь Германіи. Бесѣдуя по тѣмъ же вопросамъ съ французскимъ посломъ въ Петроградѣ г. Палеологомъ, С. Д. Сазоновъ сообщилъ ему для ориентаціи, что Россія имѣетъ въ виду добиваться установленія въ Европѣ такого порядка, который бы на долгіе годы обезпечивалъ общій миръ. На эти коренные вопросы и сдѣланное С. Д. Сазоновымъ заявленіе было получено, въ двадцатыхъ числахъ сентября, отвѣтъ, что начинающіеся на лѣвомъ флангѣ французскаго фронта бои, о которыхъ уже упомянуто выше, отнимаютъ у нѣмцевъ возможность переброски значительныхъ силъ на восточный фронтъ, и что если данныя боевыя столкновенія закончатся въ пользу французскъ, то послѣдующее наступленіе ихъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ остановлено, ни на линіи Рейна, ни на какой другой линіи. — Конечная цѣль войны, поставленная Россіей, какъ значилось въ отвѣтѣ, въ полномъ объемѣ совпадаетъ съ таковою же цѣлью Франціи.

Въ предвидѣніи широкаго развитія военныхъ дѣйствій на территоріи Польши, Великій Князь Николай Николаевичъ, въ качествѣ Верховнаго Главнокомандующаго русскими вооруженными силами, призналъ соотвѣтственнымъ, съ соиз-

воленія Государя Императора, еще въ самомъ началѣ войны, а именно 14-го августа, обратиться съ особымъ воззваніемъ къ польскому народу. Проектъ воззванія былъ выработанъ при ближайшемъ участіи С. Д. Сазонова и члена Государственнаго Совѣта графа Велепольскаго. Въ этомъ воззваніи говорилось:

«Поляки. Пробилъ часъ, когда мечта вашихъ отцовъ и дѣдовъ можетъ осуществиться.

Полтора вѣка тому назадъ живое тѣло Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ея. Она жива надеждой, что наступитъ часъ воскресенія польскаго народа, братскаго примиренія ея съ Великой Россіей»...

И далѣе:

«Пусть сотрутся границы, разрѣзавшія на части польскій народъ. Да соединится онъ во-едино подъ скипетромъ Русскаго Царя.

Подъ скипетромъ этимъ возродится Польша, свободная въ своей вѣрѣ, въ языкѣ, въ самоуправленіи...»

Приходится отмѣтить неудачу этого воззванія. Оно не вызвало энтузіазма въ населеніи Польши. Руководящіе польскіе круги признали его содержаніе составленнымъ въ слишкомъ общихъ и мало-опредѣленныхъ выраженіяхъ. Съ другой стороны, не безъ основанія, выражалось сомнѣніе и въ томъ, насколько искренно и единодушно привѣтствовано было это воззваніе нашимъ правительствомъ, стоявшимъ тогда у власти, какъ равно и нѣкоторыми русскими общественными кругами, преимущественно праваго направленія. Агентство Гаваса, передавая содержаніе этого воззванія за границу, перевело терминъ: «самоуправленіе», употребленное Верховнымъ Главнокомандующимъ, выраженіемъ: *Autonomie*. Это слово возбудило въ Парижѣ къ себѣ среди поляковъ нѣкоторый интересъ и даже послужило основаніемъ А. П. Извольскому для соотвѣстнаго запроса въ Петербургъ. Однако, на этотъ вопросъ послѣдовалъ очень уклончивый отвѣтъ, въ которомъ наше правительство указывало, что пока еще преждевременно облекать «общія обѣщанія» воззванія въ болѣе конкретныя формы. Полякамъ рекомендовалось «довѣріе и терпѣливая готовность» отложить всѣ вопросы, вызванные воззваніемъ, до окончанія войны. Дано было даже понятъ, что заявленія Верховнаго Главнокомандующаго слѣдуетъ понимать, какъ сдѣланныя на случай завоеванія Познани. Такимъ образомъ, создавалось впечатлѣніе, что этому воззванію предстоитъ испытать судьбу «потерянной грамоты», и что во всякомъ случаѣ въ нашихъ руководящихъ кругахъ существуютъ теченія, явно отрицательныя къ польской автономіи. Повидимому, такія теченія дѣйствительно существовали; въ основѣ ихъ, насколько мнѣ извѣстно, лежало опасеніе, что автономія, дарованная Польшѣ, можетъ служить заразительнымъ примѣромъ для другихъ народностей Россіи и вызвать въ послѣдствіи необходимость проведенія коренныхъ реформъ во внутренней жизни всего государства, каковыя реформы признавались въ нѣкоторыхъ кругахъ не желательными. Приходилось слышать, что лица крайняго праваго направленія, занимавшія въ Правительствѣ выдающееся положеніе, были болѣе склонны даже къ полному отдѣленію Польши отъ Россіи, чѣмъ къ предоставленію ей

политическихъ свободъ, видя въ первомъ рѣшеніи меньшее зло и опасность для сохраненія внутренняго уклада русской жизни; ихъ интересовали, якобы, лишь вопросъ объ обезпеченіи въ будущей независимой Польшѣ государственной власти, соотвѣтствовавшей ихъ политическимъ взглядамъ.

Такимъ образомъ воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго, съ одной стороны, оказалось какъ въ видѣ общаго настроенія русской правительственной власти и нѣкоторыхъ общественныхъ круговъ, а съ другой — не удовлетворило своими обѣщаніями и польскую массу. Въ этихъ невольнo выявившихся противорѣчій заключалась, быть можетъ, даже его вредная сторона. Наибольше активные элементы польскаго народа, преимущественно группировавшіеся въ Австріи и неудовлетворенные воззваніемъ, болѣе рѣшительно отошли отъ Россіи и стали на путь явно ей враждебный. Ряды легионовъ Пилсудскаго, дравшихся на сторонѣ Австріи, начали охотно пополняться поляками, мечтавшими о возсозданіи своей Родины на началахъ полнаго отдѣленія ея отъ братской Россіи...

По мѣрѣ углубленія нашихъ армій Ю.-З. фронта въ Галичину, фронтъ ихъ все болѣе суживался — съ сѣвера направленіемъ теченія р. Вислы выше Сандомира, съ юга — Карпатскимъ хребтомъ. При такихъ условіяхъ, становилась естественной необходимостью оттяжки излишняго количества нашихъ войскъ, въ цѣляхъ использования ихъ въ какихъ-либо новыхъ направленіяхъ. Мы уже видѣли, что, послѣ отступленія австрийцевъ въ направленіи на Краковъ, изъ пяти армій фронта лишь одна (9-я) была выдвинута къ р. Вислукѣ; остальные четыре временно были оставлены на р. Санѣ. Предполагая, что начавшееся обложеніе Перемышля закончится къ послѣднимъ числамъ сентября, начальникъ штаба Ю.-З. фронта генералъ Алексѣевъ, въ письмѣ отъ 20-го сентября, на имя начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго, счелъ необходимымъ изложить свои соображенія по вопросу о характерѣ дальнѣйшихъ дѣйствій. По его предположеніямъ, надлежало перебросить на лѣвый берегъ р. Вислы, сначала на р. Ниду и далѣе на фронтъ Петроковъ-Мѣховъ, отъ 12 до 16 корпусовъ, съ которыми наступать черезъ Краковъ на Вѣну, или черезъ Калишъ, въ промежутокъ между Познанью и Бреславлемъ, на Лиссу и Берлинъ. По расчетамъ генерала Алексѣева, голова перебрасываемыхъ на Ниду корпусовъ Ю.-З. фронта могла быть на этой рѣкѣ между 10-мъ и 15-мъ октября. Въ случаѣ принятія такого плана, С.-З. фронтъ долженъ былъ взять на себя обезпеченіе праваго фланга и тыла наступающей группы войскъ Ю.-З. фронта, передвинувъ первоначально свои главныя силы на фронтъ Новогеоргіевскъ-Ломжа и развивая затѣмъ наступленіе черезъ Плоцкъ на Познань. Планъ этотъ, справедливо оцѣнивая значеніе наступленія по лѣвому берегу р. Вислы, не предвидѣлъ однако того состоянія армій С.-З. фронта, которое исключало въ данное время возможность ихъ маневрированія и которое, наоборотъ, заставило новаго Главнокомандующаго этимъ фронтомъ генерала Рузскаго отдать распоряженіе объ оттяжкѣ упомянутыхъ армій за р.р. Нѣмагъ, Бобръ и верхній Наревъ. Учитывая дѣйствительную обстановку на С.-З. фронтѣ, при которой нѣмцы, въ особенности послѣ пораженія арміи генерала Ренненкампа, могли, безъ особаго для себя риска,

развить свои дальнѣйшія операціи къ нижнему Нареву и тѣмъ воспрепятствовать нашему наступленію на лѣвомъ берегу р. Вислы, а также принимая въ соображеніе поступавшія въ штабъ С.-З. фронта данныя о скопленіи нѣмецкихъ силъ въ районѣ Прасныша, — Ставка, въ лицѣ Генераль-Квартирмейстера, предлагала прежде всего, для обезпеченія праваго фланга будущихъ наступательныхъ операцій Ю.-З. фронта, перебросить на нижній Нареви 5-ю армію, въ составѣ четырехъ корпусовъ и трехъ кав. дивизій, со включеніемъ этой арміи въ составъ С.-З. фронта. Эта армія, по существу, и могла выполнять ту роль, которую генераль Алексѣевъ въ своемъ проектѣ предлагалъ возложить на армію С.-З. фронта. Но такъ какъ выдѣленіе 5-й арміи должно было ослабить силы Ю.-З. фронта, то такое ослабленіе имѣлось въ виду въ теченіе ближайшаго времени компенсировать направленіемъ въ составъ этого фронта двухъ сибирскихъ корпусовъ (II-го и I-го), уже находившихся въ пути, и дополнительно переброскою корпусовъ изъ состава армій С.-З. фронта, по окончаніи ихъ укомплектованія. Къ переброскѣ на нижній Нареви Ставкою намѣчалась именно 5-я армія потому, что она, подъ руководствомъ своего командующаго — Генерала Плеве, счастливо дополнявшася начальникомъ штаба арміи генераломъ Миллеромъ, уже доказала свои маневренныя достоинства. Занимая же располженіе на нижнемъ Наревѣ, ей въ будущемъ могли предстать къ разрѣшенію очень ответственныя и сложныя задачи на томъ или другомъ берегу Вислы, смотря по обстановкѣ.

Въ равной мѣрѣ генераль-квартирмейстеръ Ставки полагалъ болѣе осторожнымъ выдвигеніе армій Ю.-З. фронта на лѣвый берегъ р. Вислы черезъ Ивангородъ, гдѣ имѣлись постоянныя переправы, прикрытыя укрѣпленіями; переходъ же этихъ армій по временнымъ мостамъ на участкѣ р. Вислы выше Сандомира, въ сферѣ возможнаго вліянія противника, и при колеблющемся въ осеннее время уровнѣ воды въ рѣкѣ, весьма характерномъ для всей Вислинской рѣчной системы, не могъ не признаваться операціей мало надежной и во всякомъ случаѣ не лишеной риска.

Къ сожалѣнію, по окончаніи германскаго наступленія противъ 1-й арміи генерала Ренненкампа, повлекшаго за собою отходъ не только этой арміи за Нѣманъ, но и сосѣднихъ 10-й и 2-й армій за Бобръ и Нареви, развѣдка на С.-З. фронтѣ долго не могла выяснитъ истинной группировки непріятельскихъ силъ. Мы уже видѣли, что Главнокомандующій С.-З. фронтомъ считалъ вѣроятнымъ ихъ сосредоточеніе на Млавскомъ направленіи, почему и сдѣлалъ распоряженіе объ оттяжкѣ, въ случаѣ подтвержденія этого предположенія, слабыхъ и разстроенныхъ предшествовавшими боями силъ 2-й арміи за верхній Нареви.

Между тѣмъ, уже начиная съ половины сентября до штаба Ю.-З. фронта стали доходить слухи о намѣчающейся, якобы, перевозкѣ германскихъ войскъ на австрійскій фронтъ. Штабъ Ю.-З. фронта, по условіямъ мѣстной обстановки, считалъ мало вѣроятнымъ появленіе нѣмцевъ на направленіяхъ къ Ярославу и Перемышлю, но высказывался за возможность совмѣстныхъ германо-австрійскихъ дѣйствій вдоль обоихъ береговъ р. Вислы, въ направленіи къ устью р. Сана.

Предвидя возможность наступления противника по лѣвому берегу р. Вислы, Главнокомандованіе Ю.-З. фронта, еще въ періодъ наступления своихъ армій къ Сану, дѣлало попытки къ переброскѣ части силъ своей правофланговой 9-й арміи на лѣвый берегъ р. Вислы; но эти попытки въ то время, по условіямъ боевой обстановки, не удавались.

Вышеупомянутые слухи о переброскѣ германскихъ войскъ на австрійскій фронтъ учитывались и Ставкой, какъ вполне возможные, ввиду пораженія, понесеннаго австрійскими арміями и казавшагося неизбежнымъ обращенія главнокомандованія такими арміями къ своему могущественному союзнику за необходимую помощь. Оставалось, однако, разгадать, какую ближайшую оперативную цѣль можетъ преслѣдовать прибытіе германскихъ войскъ на австрійскій фронтъ и прежде всего выяснить наблюденіемъ — послѣдуетъ ли это новое сосредоточеніе германскихъ войскъ противъ насъ, — если только ему суждено осуществиться, — за счетъ западнаго фронта, или за счетъ новыхъ формированій, подготавливавшихся внутри страны, или же наконецъ къ переброскѣ на австрійскій фронтъ будутъ предназначены только войска, дѣйствовавшія ранѣе въ Восточной Пруссіи.

22-го сентября въ г. Холмѣ состоялось совѣщаніе Верховнаго Главнокомандующаго съ Главнокомандующими арміями обоихъ фронтовъ, на которомъ долженъ былъ подвергнуться обсужденію вопросъ объ общемъ положеніи и предстоящихъ задачахъ. Однако, вопросъ, подлежавшій обсужденію, былъ на самомъ совѣщаніи значительно суженъ и разсмотрѣнъ въ далеко неполномъ объемѣ. Вслѣдствіе нарастанія свѣдѣній о совершающейся перегруппировкѣ германскихъ войскъ, характеръ бои не могъ быть еще окончательно установленъ, и принимая во вниманіе временную потерю боеспособности армій С.-З. фронта, совѣщаніемъ было признано цѣлесообразнымъ принятіе мѣръ для самостоятельнаго обезпеченія праваго фланга армій Ю.-З. фронта, на случай угрозы такому. Эти мѣры должны были заключаться въ переброскѣ изъ Галичины въ районъ Ивангорода 4-й арміи генерала Эверта, въ составѣ трехъ корпусовъ и одной конной дивизіи, и въ перемѣнѣ базирования всѣхъ армій Ю.-З. фронта исключительно на Кіевскій военный округъ. — Передвиженіе 4-й арміи въ новый районъ намѣчалось закончить къ первымъ числамъ наступающаго октября.

Прочное закрѣпленіе нашихъ армій Ю.-З. фронта на р. Санѣ совпало по времени съ неожиданнымъ большимъ подъемомъ воды на этой рѣкѣ и на р. Вислѣ. Временные мосты были частью сорваны, частью серьезно повреждены и потому передвиженія корпусовъ, вызывавшіяся ихъ задачами, должны были быть приостановлены на нѣсколько дней, въ ожиданіи спада водъ. Случай этотъ на опытѣ доказывалъ, насколько небезопасной являлась проектировавшаяся штабомъ Ю.-З. фронта переброска въ осеннее время года большей части войскъ этого фронта на лѣвый берегъ р. Вислы по мостамъ временнаго характера.

Разрывъ сообщеній осложнялъ положеніе нашихъ армій на р. Санѣ въ томъ смыслѣ, что подъемъ воды могъ повториться въ любое время и въ буду-

щемъ. — Эта зависимость отъ трудно предвидимаго явленія природы выраста-
ла въ особо неблагоприятное условіе въ связи со свѣдѣніями о готовившемся
переходѣ не только германскихъ, но и австрійскихъ войскъ въ наступленіе по
обоимъ берегамъ р. Вислы и съ выяснившейся невозможностью рассчитывать
въ ближайшее время на содѣйствіе армій С.-З. фронта. Однако, предрѣшенная
перевоска 4-й арміи на Вислу въ районъ Ивангорода, вмѣстѣ съ переносомъ
базирования всѣхъ армій Ю.-З. фронта на Кіевскій военный округъ, равно какъ
слабая наступательная способность австро-венгерскихъ войскъ, едва ли успѣв-
шихъ основательно оправиться отъ недавно нанесенныхъ имъ ударовъ, явля-
лись данными, которыя устранили поводъ къ особому безпокойству о судьбѣ
армій названнаго фронта; къ тому же эти арміи числили въ своемъ составѣ
свыше 50-ти пѣх. дивизій. — Тѣмъ неожиданнымъ явилось для Ставки рѣшеніе
генерала Иванова, созрѣвшее у него къ 25-му сентября, о необходимости, съ
началомъ наступленія нашихъ противниковъ, начать отходъ всѣми арміями
Ю.-З. фронта на линію Ивангородъ-Яворовъ, съ отдѣльнымъ отрядомъ у Льво-
ва. Рѣшеніе это Главнокомандующій фронтомъ мотивировалъ соображеніемъ о
цѣлесообразности встрѣчи наступающаго непріятеля энергичнымъ контръ-уда-
ромъ съ новаго фронта, при выходѣ войскъ послѣдняго изъ полосы лѣсовъ,
прилегающихъ къ правому берегу р. Сана.

Изложенный планъ Главнокомандующаго арміями Ю.-З. фронта, не вызы-
вавшійся по существу дѣйствительною обстановкою, встрѣтилъ со стороны
Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича самое
отрицательное къ себѣ отношеніе. Организованное наблюденіе за пассажир-
скимъ движеніемъ внутри Германіи не давало пока поводовъ къ предположе-
нію о наличіи какихъ-либо массовыхъ воинскихъ перевозокъ, которыя бы свидѣ-
тельствовали о возможности появленія на нашемъ фронтѣ новыхъ нѣмецкихъ
силъ; съ другой стороны, штабъ С.-З. фронта продолжалъ колебаться въ при-
знаніи факта замѣтнаго ослабленія непріятельскихъ войскъ на Восточно-Прус-
скомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Такимъ образомъ накопленіе непріятельскихъ
войскъ, постепенно обнаружившееся въ районѣ Каттовиць-Крейцбургъ, не могло
явиться для армій Ю.-З. фронта факторомъ столь угрожающаго значенія, кото-
рымъ бы оправдывалось рѣшеніе, намѣчавшееся генераломъ Ивановымъ. По-
этому, въ отмѣну такового рѣшенія, Главнокомандующему Ю.-З. фронта было
указано перемѣстить, съ возможной энергіей и быстротой, на участокъ Вислы
между Ивангородомъ и устьемъ Сана не одну, а не менѣе двухъ армій и счи-
тать для себя обязательнымъ удержаніе важнѣйшаго участка Галичины Яро-
славъ-Черемшль-Львовъ, каковое требованіе естественно сводилось къ проч-
ному удержанію остальными арміями Ю.-З. фронта, остававшимися въ Гали-
чинѣ, линіи р. Сана.

30-го сентября на убитомъ въ районѣ дѣйствій армій С.-З. фронта нѣмец-
комъ офицерѣ была найдена записная книжка, свидѣтельствовавшая о томъ,
что въ районѣ Сувалкской губерніи изъ прежнихъ шести корпусовъ, принимав-
шихъ участіе въ наступленіи противъ генерала Ренненкампа, осталось только два

корпуса (I и IP), съ нѣсколькими отдѣльными дивизіями и ландверными бригадами; этимъ выяснялось, документально, что остальные четыре корпуса (XI, Гв. Р., XX и XVII) переброшены въ новый районъ, каковымъ, очевидно, и являлась верхняя Силезія.

Впослѣдствіи обнаружилось, что къ корпусамъ I-му и IP-му присоединены были еще XXVP-й корпусъ; къ переброшеннымъ же въ Силезію четыремъ корпусамъ германскимъ командованіемъ были притянуты съ различныхъ участковъ фронта еще двѣ отдѣльныя пѣх. дивизіи и нѣсколько ландверныхъ и ландштурменныхъ бригадъ; все эти силы развернулись вдоль Силезской границы. Независимо того, съ праваго берега р. Вислы были притянуты германскій ландверный корпусъ генерала Войрша и части 1-й австрійской арміи генерала Данкля. Такимъ образомъ, для намѣчавшагося германскимъ командованіемъ наступленія по лѣвому берегу р. Вислы, было развернуто не менѣе шести германскихъ корпусовъ и, сверхъ того, части 1-й австрійской арміи.

Надо, однако, имѣть въ виду, что дѣйствительныя силы нашихъ противниковъ стали намъ болѣе или менѣе опредѣленно извѣстны лишь къ самому концу назрѣвавшей операціи. Въ различные же періоды таковой эти силы опредѣлялись различно, и притомъ со значительнымъ уклономъ въ сторону ихъ преувеличенія.

Изъ изложеннаго выше видно, что Главнокомандующій Ю.-З. фронтомъ склоненъ былъ оцѣнивать наступленіе нѣмцевъ по лѣвому берегу р. Вислы лишь съ точки зрѣнія угрозы правому флангу и тылу своихъ армій. При этомъ, на основаніи собственной оцѣнки обстановки, генераль Ивановъ готовъ былъ принять рѣшеніе, которое сводилось къ оставленію значительной части завоеванной территоріи Галичины и было связано съ кореннымъ измѣненіемъ положенія армій Ю.-З. фронта на театрѣ военныхъ дѣйствій.

На этомъ фактѣ, хотя и не имѣвшемъ реальныхъ послѣдствій, такъ какъ рѣшеніе генерала Иванова не было приведено въ исполненіе, вслѣдствіе вмѣшательства Верховнаго Главнокомандующаго, стоить все же останоиться.

Въ связи съ описанными уже операціями, фактъ этотъ ясно подчеркиваетъ основной недостатокъ нашей организаціи вышшаго управления вооруженными силами на театрѣ войны. Уже съ давнихъ поръ, почти исторически, сложилось раздѣленіе нашими подготовительными къ войнѣ соображеніями Дѣйствующей Арміи, при войнѣ на западѣ, на два мощныхъ и во многихъ отношеніяхъ почти самостоятельныхъ фронта — германскій и австро-венгерскій. Въ такомъ подраздѣленіи неизбежно лежалъ зародышъ — съ одной стороны фактическаго ограниченія власти и вліянія на военныя дѣйствія Верховнаго Главнокомандующаго, а съ другой — возможнаго проявленія главнокомандующими арміями фронтовъ столь широкой самодѣятельности, которая могла идти во вредъ единству дѣйствій, и даже цѣлямъ войны. Мы уже видѣли, что, по закону, Главнокомандующіе арміями фронтовъ являлись лицами съ чрезвычайно широкими правами, правда, въ предѣлахъ полученныхъ ими отъ Верховнаго Главнокомандующаго указаній. Но эти послѣднія, ввиду огромнаго протяженія каждаго

фронта и значительнаго числа войскъ, на немъ дѣйствовавшихъ, могли очевидно обнимать лишь крупныя цѣли и широкія заданія. И такимъ образомъ, фактически, организація нашего высшаго военнаго управления, установивъ, на случай столкновенія на западныхъ границахъ, раздѣленіе войскъ на два фронта, отвѣчала болѣе идеѣ веденія Россіей не одной войны съ монолитнымъ германо-австрійскимъ союзомъ, а какъ бы двухъ, хотя и связанныхъ между собою, но все же раздѣльныхъ войнъ, изъ коихъ — одна противъ Германіи, и другая — противъ Австро-Венгріи. Къ такой организаціи, естественно, должно было быть приспособлено и наше полевое управление войсками, предусматривавшее для фронтовъ выдѣленіе самостоятельныхъ тыловыхъ районовъ, отдѣльныхъ участковъ желѣзнодорожной сѣти и предоставленіе въ распоряженіе этихъ фронтовъ разнаго рода отдѣльныхъ источниковъ снабженія (отдѣльные склады запасовъ, запасныя части, лечебныя заведенія и т. д.) Такимъ образомъ, примѣняясь къ закону, за Верховнымъ Главнокомандующимъ оставались лишь, хотя и очень отвѣтственные, но все же ограниченныя функціи, въ общемъ сводившіяся къ указанію фронтамъ болѣе или менѣе общихъ заданій и регулировкѣ ихъ отношеній; къ распредѣленію, въ соотвѣтствіи съ заданіями, вооруженныхъ силъ, путемъ ли дополнительнаго назначенія на тотъ или другой фронтъ войскъ, постепенно прибывавшихъ изъ глубины Имперіи, или переброски войскъ, уже находившихся на театрѣ военныхъ дѣйствій, съ одного фронта на другой, и, наконецъ, къ распредѣленію пополненій и средствъ снабженія, направлявшихся на театръ военныхъ дѣйствій изъ внутреннихъ районовъ Имперіи.

Попытки заблаговременно, еще въ мирное время, измѣнить установленный подготовительными къ войнѣ соображеніями порядокъ раздѣленія дѣйствующей арміи на два фронта — германскій и австрійскій — неизмѣнно обрекались на неудачу, такъ какъ принятый порядокъ вошелъ слишкомъ прочно въ пониманіе главными руководителями Военнаго вѣдомства характера будущихъ военныхъ дѣйствій. Еще менѣе, думается мнѣ, было возможно внести коренное измѣненіе въ организацію верховъ арміи въ періодъ самой войны, такъ какъ для этого надо было, не считаясь съ личными самолюбіями, упразднить рядъ высокихъ и отвѣтственныхъ должностей и сосредоточить въ рукахъ Верховнаго Главнокомандованія не только управленіе военными дѣйствіями на фронтѣ, но и всю службу тыла. Эта коренная ломка, сама по себѣ трудная въ періодъ военныхъ дѣйствій и дѣлавшая фигуру Верховнаго Главнокомандующаго еще центральнѣе, несомнѣнно вызвала бы, при существовавшихъ условіяхъ, едва ли одолжимую оппозицію. Верховный Главнокомандующій могъ, конечно, сравнительно безпрепятственно образовать вмѣсто двухъ три фронта, но такое рѣшеніе, будучи только паллиативнымъ, внесло бы немного улучшеній въ сущность дѣла; осуществленіе же его требовало сформированія новаго штаба фронта и ряда многихъ дополнительныхъ управленій, что представляло извѣстныя невыгоды и трудности. Тѣмъ не менѣе Ставка, какъ увидимъ дальше, не разъ обращалась къ этой мысли, хотя и смогла осуществить ее лишь къ осени 1915-го года.

Конечно, съ упраздненіемъ фронтовъ, на Верховное Главнокомандованіе не могла лечь непосильная задача по непосредственному управленію десятью и болѣе арміями, и надобность въ частичномъ введеніи какой-либо посредствующей инстанціи явилась бы сама собою. Но, во-первыхъ, при условіяхъ современной войны, приписываемая еще Наполеону норма о предѣлахъ человѣческой способности въ дѣлѣ управленія войсками, ограничиваемая пятью отдѣльными единицами, подлежала бы, вѣроятно, нѣкоторому пересмотру, а во-вторыхъ — совсѣмъ другое дѣло, если бы промежуточная инстанція между арміями и Верховнымъ Главнокомандованіемъ имѣла бы, по природѣ своей, только временный характеръ и притомъ исключительно командный. При такихъ условіяхъ, она не могла бы давить своей самостоятельностью, и Верховный Главнокомандующій имѣлъ бы возможность ею пользоваться лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это вызывалось обстановкой, и на тѣхъ участкахъ общаго фронта — преимущественно второстепенныхъ, — гдѣ это признавалось бы имъ соответственнымъ. Организация высшаго управленія приобрѣла бы въ этомъ случаѣ гибкость, легко приспособлялась бы къ индивидуальнымъ качествамъ лица, коему ввѣрено Верховное Главнокомандованіе, и не ослабляла бы его вліянія на направленіе военныхъ операцій. Задачи каждой инстанціи были бы болѣе ограничены, переброски войскъ съ одного участка фронта на другой быстрое и менѣе болѣзненны, самые же планы Верховнаго Главнокомандованія легче и полнѣе осуществляемы. При наличной же организации, опытъ скоро показалъ на примѣрахъ, что, для сбора на какомъ-либо новомъ направленіи необходимыхъ силъ, Ставкѣ нерѣдко приходилось терять на предварительные переговоры много времени и указывать не только число корпусовъ, подлежащихъ перевозкѣ, но даже номера или названія этихъ корпусовъ, во избѣжаніе полученія частей, численно ослабленныхъ или подорванныхъ въ боевомъ отношеніи. Вопросъ, разумѣется, не въ томъ, что Верховный Главнокомандующій не могъ, при наличной организации, провести въ жизнь свои требованія — для этого у него было достаточно власти, а слѣжныхъ исполнителей болѣе, чѣмъ надо; но вопросъ былъ въ томъ, полезно ли и насколько вмѣшательство сверху въ исполнительную часть заданий, вопреки установленной организации, чѣмъ неизбежно нарушался правильный ходъ машины, построенной на иныхъ началахъ.

Наступленіе германцевъ, обозначившееся на лѣвомъ берегу р. Вислы, развилось настолько быстро, что въ послѣднихъ числахъ сентября ихъ фронтъ опредѣлялся уже линіей Ласкъ-Роспржа-Влощова-Андреевъ-Пинчовъ. Въ этотъ же періодъ времени было получено подтвержденіе свѣдѣній, имѣвшихся впрочемъ уже и ранѣе, о переправѣ на лѣвый берегъ р. Вислы значительныхъ силъ австрійцевъ. Такимъ образомъ, по времени, мы были предупреждены въ намѣчавшемся нами наступленіи, и предполагавшееся генераломъ Алексѣевымъ выдвигеніе корпусовъ Ю.-З. фронта въ первой половинѣ октября на р. Ниду не могло бы состояться безпрепятственно; мы должны были бы въ этомъ случаѣ вступить въ бой съ непріателемъ на лѣвомъ берегу р. Вислы при очень

неблагоприятныхъ для насъ условіяхъ. Къ этому времени на правомъ берегу той же рѣки нашъ разбитый въ Галичинѣ противникъ занималъ линію р. Дунайца и горные перевалы отъ Горлице до Ужока. Имѣлись признаки, свидѣтельствовавшіе о томъ, что австрійцы и на этомъ фронтѣ послѣдуютъ примѣру германцевъ и перейдутъ такимъ образомъ въ общее наступленіе. Примѣръ союзниковъ, видимо, дѣйствовалъ на нихъ заразительно. Верховное австрійское командованіе, находившееся въ рукахъ Эрцгерцога Фридриха и Начальника его Штаба генерала Конрада, очевидно, не мало потрудилося надъ тѣмъ, чтобы привести въ порядокъ войска, разстроеныя предшествовавшими пораженіями. Оправдывалась пословица, что «недорубленный лѣсъ снова вырастаетъ».

Съ принятіемъ къ учету австрійцевъ, силы противниковъ, готовившихся къ наступленію противъ насъ на обоихъ берегахъ р. Вислы, должны были опредѣляться въ 20 слишкомъ корпусовъ.

Наиболѣе опаснымъ представлялся для насъ ударъ, готовившійся неприятелемъ вдоль лѣваго берега р. Вислы. На этомъ направленіи развернулся болѣе серьезный противникъ, въ лицѣ германцевъ; съ этого же берега могла явиться угроза всему нашему положенію въ Галичинѣ. Мы уже видѣли, что одни слухи о сосредоточеніи германцевъ въ верхней Силезіи и возможности ихъ наступленія по лѣвому берегу р. Вислы вынудили насъ отдать распоряженіе о переброскѣ изъ Галичины на Вислу сначала одной, а затѣмъ и двухъ армій.

Но здѣсь же, на лѣвомъ берегу Вислы, находилось и наиболѣе уязвимое мѣсто всего наступательнаго маневра, задуманнаго противъ насъ германо-австрійскимъ командованіемъ. Оно заключалось въ открытомъ лѣвомъ флангѣ германцевъ, противъ котораго самъ собою напрашивался нашъ контръ-ударъ.

На этомъ соображеніи Русское Верховное Главнокомандованіе и построило весь свой контръ-маневръ, долженствовавшій обезвредить наступательный планъ нашихъ противниковъ.

Согласно основной идеѣ этого контръ-маневра, русская армія должна была прочно удерживаться на линіи р.р. Сана и средней Вислы; закрѣпить за собою на лѣвомъ берегу р. Вислы достаточно широкіе плацдармы у Ивангорода и въ районѣ Варшавы, для дебушированія своихъ войскъ, и сосредоточить сильную ударную грушу на правомъ флангѣ своего новаго оперативнаго фронта, протягивавшагося между Вислою, ниже Новогеоргіевска, и Днѣстромъ, у Старе-Място.

Въ соответствіи съ изложеннымъ, Главнокомандующему арміями Ю.-З. фронта было указано — стремиться къ переброскѣ на среднюю Вислу трехъ армій (4-й, 9-й и 5-й) въ составѣ 9—10 корпусовъ; въ первую же очередь перемѣстить на фронтъ отъ Ивангорода до устья р. Сана двѣ арміи (4-ю и 9-ю), какъ то и было установлено болѣе ранними распоряженіями. Что касается С.-З. фронта, то такому предписано было начать сосредоточеніе къ Варшавѣ 2-й арміи, пока въ составѣ четырехъ корпусовъ (вновь прибывшаго на театръ военныхъ дѣйствій II-го Сиб., I-го, XXIII-го и XXVII-го); къ этой арміи долженъ былъ быть

дополнительно поданъ 1-й Сиб. корпусъ, подходившій по жел. дорогѣ изъ района Имперіи.

Этими указаніями было положено начало тому маневру, которымъ русское Верховное Главнокомандованіе рѣшило отвѣтить на наступленіе германо-австрийцевъ къ Средней Вислѣ и Сану.

Выполненіе полученныхъ распоряженій требовало отъ Ю.-З. фронта довольно сложной перегруппировки и прежде всего вывода изъ Галичины трехъ армій (4-й, 9-й и 5-й). Между тѣмъ, часть этихъ армій, перейдя черезъ р. Санъ, къ концу сентября уже значительно продвинулась впередъ. 9-я армія подошла вплотную къ р. Вислокъ; южнѣе ея стала выдвигаться 4-я армія, пока не была остановлена для переброски на Вислу; еще южнѣе — 5-я армія, занявшая своими корпусами фронтъ Ржешувъ-Ярославъ и выдвинувшая свою конницу въ районъ Шильзно-Ясло-Дукла. — 3-я армія, блокировавшая Перемышль, подлежала передвиженію на сѣверъ отъ названной крѣпости, чтобы занять р. Санъ, послѣ очищенія ея вытягивавшимися изъ Галичины 4-й и 5-й арміями. — Лишь одной 8-й арміи не приходилось передвигаться, оставаясь на старыхъ ею занятыхъ мѣстахъ, къ югу отъ Перемышля до Старого Мяста на р. Днѣстрѣ. Конница этой арміи къ тому времени, къ которому относится мой рассказъ, заняла горные пути на фронтѣ отъ Санюка до Яблонницы (къ юго-западу отъ Делатиня).

Германскія и австрийскія войска, при своемъ наступленіи по лѣвому берегу р. Вислы, на фронтѣ Сандомиръ-Ивангородъ-Варшава, имѣли на своей сторонѣ, по сравненію съ нами, выгоды болѣе короткихъ разстояній. Вслѣдствіе этого, на конный корпусъ генерала Новикова, состоявшій изъ нѣсколькихъ конныхъ дивизій и находившійся въ районѣ р. Ниды, Ставкой была возложена, сверхъ развѣдывательныхъ функцій, еще задача по возможному задержанію противника съ цѣлью выигрыша времени для выполненія нашими арміями соотвѣствующихъ передвиженій.

При дальнѣйшей организаціи задуманнаго контръ-маневра, у русскаго Верховнаго Главнокомандованія возникла мысль о цѣлесообразности объединенія всѣхъ армій, долженствовавшихъ принять участіе въ намѣченной операціи, въ однѣхъ рукахъ. Такъ какъ большинство этихъ армій принадлежало къ Ю.-З. фронту, то естественнымъ объединителемъ въ данной операціи долженъ былъ явиться генералъ Ивановъ. Мы уже видѣли, что послѣдній склоненъ былъ оцѣнивать наступленіе германо-австрийцевъ къ средней Вислѣ лишь съ точки зрѣнія угрозы правому флангу и тылу армій Ю.-З. фронта. Ставя его въ отвѣтственное положеніе по отношенію ко всей задуманной операціи, можно было, вмѣстѣ съ тѣмъ, рассчитывать привлечь его вниманіе къ участку р. Вислы сѣвернѣе устья р. Шилцы и, вслѣдствіе этого, полнѣе использовать силы Ю.-З. фронта, для организаціи болѣе глубокаго и сильнаго удара въ лѣвый флангъ и даже тылъ противника со стороны Варшавы. Надо имѣть въ виду, что, для выполненія этой послѣдней задачи, въ распоряженіи Верховнаго Главнокомандующаго имѣлись только два вполнѣ свѣжихъ корпуса — 2-й Сиб. и 1-й Сиб., подходившій на театръ военныхъ дѣйствій. Въ составѣ армій С.-З. фронта, за

исключением корпусов 10-й армии, прикрывавших одно из важнейших направлений на Гродну и Бѣлостокъ, находились лишь корпуса, болѣе или менѣе сильно потерявшіе въ прежнихъ неудачныхъ для нихъ операціяхъ и еще въ значительной мѣрѣ не пополненные. И такимъ образомъ, формирование сильной ударной группы на правомъ флангѣ новаго фронта не могло состояться безъ участія корпусовъ Ю.-З. фронта, который для сего и обязывался перебросить на участки Вислы, сѣвернѣе Пилицы, 5-ю армию, въ составѣ трехъ корпусовъ.

Вслѣдствіе сосредоточенія, при такихъ условіяхъ, въ рукахъ генерала Иванова управленія шестью арміями, ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣлось въ виду предоставить право временнаго объединенія командованія арміями, оставшимися въ Галичинѣ, въ лицѣ командующаго 8-й арміей генерала Брусилова. Этимъ создавался первоначальный остовъ для будущаго раздѣленія всей дѣйствующей армии на три фронта: сѣверный — по правому берегу р. Вислы, вдоль границъ съ Восточной Пруссіей; западный — на лѣвомъ берегу р. Вислы, и южный — въ Галичинѣ.

Въ силу всѣхъ этихъ соображеній, директивой Верховнаго Главнокомандующаго, 2-я армія, въ составѣ пяти корпусовъ, со 2-го октября передавалась въ подчиненіе Главнокомандующаго Ю.-З. фронтомъ, которому и ввѣрялось веденіе всей предстоящей операціи. С.-З. фронту ставилась задача — обеспечивать правый флангъ этой операціи и подготовить переброску еще не менѣе двухъ корпусовъ на поддержку войскъ, предназначенныхъ къ операціи на Вислѣ. Разграничительная линія была перенесена къ востоку отъ линіи Праснышъ-Маковъ-Вышковъ, и Минскій военный округъ переходилъ въ распоряженіе Ю.-З. фронта.

Такимъ образомъ, въ подчиненіе генералу Иванову, на время операціи передавалось пять корпусовъ (изъ коихъ два Сибирскихъ, вполнѣ свѣжихъ) и еще два корпуса были обѣщаны дополнительно (II-й и IV-й). — Всего семь корпусовъ. — Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ю.-З. фронту подтверждалось требованіе поддержать операцію въ районѣ Варшавы 5-й арміей, въ составѣ трехъ корпусовъ.

Въ конечномъ счетѣ распоряженія Ставки сводились къ тому, чтобы изъ числа 25 корпусовъ, подлежащихъ развертыванію на новомъ фронтѣ отъ р. Вислы, ниже Новогеоргиевска, до верхняго теченія Днѣстра у Старе-Място, сосредоточить къ сѣверу отъ устья р. Пилицы, для удара по лѣвому открытому флангу наступающихъ нѣмцевъ, 10 корпусовъ (2-я и 5-я армія), то есть 40% всѣхъ силъ.

Передвиженія, предстоявшія арміямъ Ю.-З. фронта, во исполненіе распоряженій Верховнаго Главнокомандующаго, были весьма затруднены наступившей неблагоприятной погодой, разрывомъ многихъ мостовъ на Санѣ, вслѣдствіе внезапно поднявшейся, свыше одного метра, воды и крайне плохого состоянія дорогъ. Многимъ корпусамъ, по отсутствію желѣзныхъ дорогъ, пришлось сдѣлать весь путь походнымъ порядкомъ; тѣ же корпуса, коимъ предстояло быть

передвинутыми въ районъ Ивангорода и сѣвернѣе, могли быть посажены на желѣзную дорогу лишь въ Люблинѣ и, слѣдовательно, до станціи посадки имъ все же надлежало сдѣлать не менѣе 5—6 переходовъ.

Для характеристики предстоящихъ прохожденію дорогъ, необходимо замѣтить, что онѣ пролегали во многихъ мѣстахъ по болотистымъ и лѣснымъ пространствамъ. Часть изъ нихъ была даже укрѣплена накатникомъ. Но если вспомнить, что по этимъ дорогамъ дважды прошли австрійцы — при наступленіи и отходѣ — и теперь второй разъ должны были проходить наши войска, причѣмъ времени и средствъ для ремонта почти не было, а передъ началомъ движенія прошли сильные дожди, то всякому, знакомому со свойствами мѣстнаго грунта, станетъ яснымъ, какія трудности нашимъ войскамъ приходилось преодолевать при движеніи. Пролежавшее къ сѣверу отъ Янова до Люблина единственное шоссе оказалось настолько разбитымъ, что движеніе по немъ было еще затруднительнѣе, чѣмъ по обыкновеннымъ грунтовымъ дорогамъ. Люди вязли въ грязи по колѣна. Артиллерія и повозки застревали на каждомъ шагу. Чтобы вытаскивать ихъ изъ наиболѣе вязкихъ мѣстъ приходилось впрягать до 12-ти лошадей, въ результатѣ чего конскій составъ вышелъ изъ похода очень пострадавшимъ.

Своевременному выполненію этой грандіозной рокировочной операціи должна была содѣйствовать, какъ уже было сказано выше, конная масса генерала Новикова. Однако, съ приближеніемъ къ переправамъ на р. Вислѣ, генералъ Новиковъ получилъ приказаніе, оставивъ часть своихъ силъ на направленіяхъ къ Ивангороду, съ остальными слѣдовать по правому берегу Вислы къ Варшавѣ, гдѣ формировалась новая ударная группа войскъ. Этимъ распоряженіемъ открывался южный участокъ прежняго фронта генерала Новикова, ввиду этого послѣдовало весьма неосторожное рѣшеніе, рекомендованное штабомъ Ю.-З. фронта, — возложить задачу прикрытія войскъ 9-й арміи, развертывавшихся на Вислѣ и нижнемъ Санѣ, на особый авангардъ, выдвинутый къ Опатову, въ составѣ двухъ стрѣлковыхъ бригадъ и одной гвардейской кавалерійской бригады, поддержанныхъ вполнѣ въ послѣдствіи еще одной пѣхотной бригадою, выдвинутою къ Климонтову. Рѣшеніе это привело къ весьма тяжелому для насъ Опатовскому бою, разыгравшемуся 3-го и 4-го октября. Доблестные стрѣлки, вязавшіеся въ бой со значительно превосходившими ихъ силами противника, наступавшими широкимъ фронтомъ, были весьма быстро охвачены съ ихъ праваго открытаго фланга и тѣмъ поставлены въ крайне трудное положеніе, изъ котораго имъ удалось выйти лишь цѣной очень крупныхъ потерь. Названному отряду, оказавшемуся вполнѣ изолированнымъ на лѣвомъ берегу Вислы, пришлось, какъ выяснено было боемъ, имѣть дѣло съ частями 1-ой австрійской арміи и двухъ правофланговыхъ корпусовъ германской 9-й арміи, наступавшей сѣвернѣе австрійцевъ. Очевидно, что въ характерѣ самой задачи Опатовскаго отряда — задержать, находясь въ одной точкѣ, движеніе непріятельской арміи, наступавшей, естественно, широкимъ фронтомъ, лежалъ зародышъ неудачи, постигшей этотъ отрядъ.

Послѣ боя подъ Опатовымъ, главныя силы отряда отошли къ Сандомиру, который однако же черезъ два дня былъ взятъ австрійцами, угрозой съ тыла, со стороны праваго берега р. Вислы. Къ этому времени вообще уже вполне ясно обнаружилось наступленіе австрійцевъ на широкомъ фронтѣ отъ Вислы до Санока и Лиско. Недобитый нами противникъ ожилъ, и намъ приходилось вновь имѣть дѣло со всей австрійской арміей, но уже при менѣе благоприятной для насъ обстановкѣ, такъ какъ рядомъ съ ними, хотя и по другому берегу Вислы, наступали германцы; наши же силы въ Галичинѣ должны были значительно уменьшиться, вслѣдствіе переброски трехъ армій Ю.-З. фронта на среднюю Вислу. Какъ читатель уже знаетъ, въ Галичинѣ должны были остаться только 3-я и 8-я арміи, изъ коихъ первая къ тому же была занята блокадой Перемышля. Такъ какъ ей предстояло замѣнить собою на Сангъ войска, уходившія изъ Галичины къ сѣверу, то возникалъ въ острой формѣ вопросъ о томъ, какъ быть съ названной крѣпостью.

Чтобы освободить 3-ю армію изъ подъ Перемышля, было приступлено къ формированію особой блокадной арміи, вслѣдствіи получившей наименованіе 11-й арміи. Ядро ея должны были составить два корпуса (XXVIII-й и XXIX-й), подлежащія сформированію изъ второочередныхъ дивизій. Однако, формирование этой арміи не разрѣшало вопроса о Перемышлѣ, такъ какъ, при сильномъ нажимѣ австрійцевъ, сохраненіе блокады названной крѣпости являлось задачей крайне трудно разрѣшимою. Вслѣдствіе этого, по приказанію генерала Иванова, отрядомъ генерала Щербачова въ началѣ октября была произведена попытка взять крѣпость открытою силой. Австрійцы были штыками выбиты изъ нѣсколькихъ фортовъ, но дальнѣйшія усилія къ распространенію достигнутаго успѣха окончились неудачею. Наши войска, въ концѣ концовъ, были выведены изъ непріятельскихъ укрѣпленій и отведены обратно въ свои линіи.

Вслѣдствіе этого съ развитіемъ австрійскаго наступленія, блокаду Перемышля пришлось снять и временно ограничиться наблюденіемъ за однимъ восточнымъ фронтомъ этой крѣпости. Наша же 3-я армія, противъ которой обнаружено было усиленное накапливаніе австрійцевъ, веда задерживающіе бои, должна была стягиваться за р. Сангъ.

Возвращаясь къ вопросу о формированіи 11-й арміи, я считаю безынтереснымъ отмѣтить, что первоначально командованіе этой арміей предполагалось предоставить генералу Куропаткину, но затѣмъ выборъ Великаго Князя окончательно остановился на генералѣ Селивановѣ, бывшемъ командирѣ Владивостокской крѣпости, а затѣмъ командовавшемъ войсками Иркутскаго военного округа. Мужество и хладнокровіе генерала Селиванова было оценено въ тяжелое революціонное время, которое Россія переживала послѣ неудачной Японской войны.

Генералъ Куропаткинъ съ первыхъ же дней войны почувствовалъ для себя невозможность оставаться вдали отъ развертывавшихся событій. Обращаясь ко многимъ лицамъ съ просьбой помочь ему въ устройствѣ на театр военныхъ дѣйствій, онъ писалъ и мнѣ, прося о содѣйствіи въ предоставленіи ему кор-

пуса. Мои ходатайства не имѣли, однако, успѣха. Лишь осенью 1915-го года, когда я принялъ въ командованіе XXV-й корпусъ на германскомъ фронтѣ, генераль Куропаткинъ оказался моимъ боевымъ сосѣдомъ по должности Командира Гренад. Корпуса. Мнѣ странно было видѣть его въ одномъ служебномъ положеніи съ собою — когда-то молодымъ капитаномъ Генеральнаго Штаба въ то время, когда А. Н. былъ уже Военнымъ Министромъ. По службѣ своей въ мобилизаціонномъ отдѣлѣ главнаго Штаба, я имѣлъ тогда случай сопровождать его въ одной изъ инспекторскихъ поѣздокъ. Генераль Куропаткинъ вѣсь съ большимъ достоинствомъ и заботливостью свою скромную для него командную должность, и я увѣренъ, что гренадеры тепло вспоминаютъ своего стараго Командира корпуса. Въ началѣ 1916 года А. Н. Куропаткинъ, по личному избранію Государя, былъ назначенъ, минуя постъ командующаго арміей, Главнокомандующимъ на Сѣверный фронтъ. По этой должности дѣятельность А. Н. была подвергнута многимъ нападкамъ, насколько справедливымъ — мнѣ неизвѣстно.

Согласно установленнаго порядка новаго развертыванія армій Ю.-З. фронта, на средней Вислѣ сѣвернѣе 3-й арміи должна была развернуться 9-я армія, занявъ своими корпусами (XIV, XVII и Гвард.) нижнее теченіе р. Сана и участокъ р. Вислы до устья р. Илжянки. Необходимыя передвиженія этой арміи были закончены въ началѣ октября. Послѣ Опатовскаго боя, по мѣрѣ подхода къ фронту названной арміи непріятеля, она оттянула всѣ свои части на правый берегъ Сана и Вислы. Непріятель, занявъ противоположный берегъ, ограничился на Вислѣ обстрѣломъ нашихъ позицій интенсивнымъ артиллерійскимъ огнемъ. На нижнемъ Санѣ австрійцы вели себя болѣе активно и обнаруживали склонность къ наступленію; однако, попытки ихъ организовать переправу черезъ рѣку неизмѣнно разстраивались нашимъ огнемъ.

Сѣвернѣе 9-й арміи, вдоль Вислы, развернулась 4-я армія (корпуса XVI, Грен. и III Кавк.), выдвинувъ на лѣвый берегъ рѣки авангарды у Казимержа и Ново-Александріи и связавшись съ ними мостовыми переправами, которыя были прикрыты небольшими тетъ-де-понами. Въ районъ этой арміи входилъ Ивангородъ, который къ этому времени приобрѣлъ уже довольно значительную силу сопротивленія. Основная линія обороны этого пункта была на лѣвомъ берегу р. Вислы вынесена на 5—7 верстъ отъ мостовъ, которые такимъ образомъ, оказывались достаточно прикрытыми; устарѣвшія же форты прежней крѣпости составили теперь вторую линію обороны. Вновь созданная укрѣпленная позиція поддерживалась нѣсколькими десятками тяжелыхъ орудій, доставленныхъ изъ Ивангорода, и имѣла свой самостоятельный гарнизонъ. Словомъ, въ данное время у Ивангорода мы имѣли достаточно прочно защищенный постоянный мостовыя переправы черезъ Вислу и Вепражъ и небольшой обезпеченный плацдармъ на лѣвомъ берегу Вислы. Изъ состава Ивангородскаго гарнизона была вперед выдвинута къ Радому бригада гѣхоты; эта бригада въ періодъ Опатовскаго боя имѣла столкновеніе съ германцами, послѣ котораго стала отходить на Козеницы. Непріятель, слѣдуя за ней, приблизился

къ Ивангородской укрѣпленной позиціи и занявъ Горбатку, Зволень и Целевль.

Что касается, наконецъ, 5-й арміи (корпуса V, XVII и XIX), которая должна была развернуться по Вислѣ сѣвернѣе 4-й, до Яблонны, та таковая опаздывала въ своемъ прибытіи. Къ 8—9 октября корпуса этой арміи стали лишь собираться у Люблина для посадки на желѣзную дорогу. Ввиду этого обстоятельства, на фронтъ этой арміи къ Вислѣ были временно выдвинуты II-й и XXIII-й корпуса, ослабившіе такимъ образомъ ударную группу, собиравшуюся у Варшавы.

Эта послѣдняя, въ видѣ 2-й арміи, сосредоточивалась главными силами на лѣвомъ берегу р. Вислы. Къ указанному выше времени въ ея составѣ находились полностью II-й сиб., I-й и XXVII-й корпуса; I-й Сиб. корпусъ только заканчивалъ свою перевозку, а IV-й — нѣсколько задержался прибытіемъ, вслѣдствіе неправильныхъ распоряженій 1-й арміи, изъ состава которой онъ перемѣщался. Сильный авангардъ отъ 2-й арміи былъ выдвинутъ къ Гройцамъ.

Въ такой обстановкѣ Главнокомандующій Ю.-З. фронтомъ рѣшилъ перейти къ активнымъ дѣйствіямъ. Согласно отданныхъ имъ распоряженій, къ утру 10-го октября 4-я армія должна была совершить переправу на лѣвый берегъ р. Вислы и затѣмъ продвигаться на фронтъ Козенице — устье р. Илжанки; II-й и XXIII-й корпуса имѣли задачей переправиться черезъ р. Вислу по возведенному мосту противъ Гуры Кальваріи и далѣе выдвинуться на фронтъ Гройцы-Барка; наконецъ 2-я армія должна была обеспечивать эту переправу съ сѣвера и сосредоточить всѣ свои корпуса на лѣвомъ берегу р. Вислы. Въ дальнѣйшемъ, съ подходомъ 5-й арміи, всѣ названныя три арміи должны были перейти въ общее наступленіе на фронтъ Скерневице—Радомъ — устье р. Илжанки. Конная группа генерала Новикова должна была перекинуться по правому берегу р. Вислы на правый флангъ фронта и выйти къ р. Бзурѣ.

Однако, обстановка сложилась не въ пользу такого наступленія.

Уже наканунѣ нѣмцы пытались наступать противъ нашей укрѣпленной позиціи у Ивангорода, но были отбиты. Отойдя на нѣкоторое разстояніе, нѣмцы стали энергично окапываться; въ дальнѣйшемъ они ограничились обстрѣломъ старой линіи фортовъ и района мостовъ, лишь изрѣдка пытались переходить въ частичныя наступленія противъ главнѣйшихъ участковъ нашей линіи обороны.

Въ теченіе ночи, на 10-е октября, начали переправу на лѣвый берегъ рѣки гренадеры у Новой Александріи и XVI-й корпусъ у Казимержа. Оба эти корпуса не въ состояніи были, однако, достаточно продвинуться впередъ; подъ напоромъ нѣмцевъ, понеся значительныя потери, они принуждены были къ утру 11-го октября отойти на правый берегъ Вислы, снявъ и частью уничтоживъ свои мосты. Противъ гренадерскаго корпуса обнаружилось присутствіе нѣмецкой гвардіи. Непріятель, подойдя къ рѣкѣ и выдвинувъ свои батареи, открылъ сильный артиллерійскій обстрѣлъ противоположнаго берега, коимъ у Новой Александріи подверглась опасности желѣзнодорожная линія на Ивангородъ, по которой въ это время шла перевозка на сѣверъ корпусовъ 5-й арміи.

III-й Кавк. корпусъ, сосредоточенный на правомъ берегу р. Вислы у Ивангорода, началъ переправу 12-го октября ниже названнаго пункта противъ Козенице, чтобы выйти въ лѣвый флангъ и тылъ неприятелю, продолжавшему интенсивно укрѣпляться передъ нашей Ивангородской позиціей, съ очевидной цѣлью преградить нашимъ войскамъ возможность дебушированія на лѣвый берегъ Вислы. Переправа эта удалась, но Кавказцы, вполнѣдствіи поддержанные частями XVII корпуса, попали на лѣвомъ берегу р. Вислы въ очень трудное положеніе, влѣдствіе крайне болотистой и неблагоприятной мѣстности, а затѣмъ и серьезнаго противодѣйствія противника.

Утромъ 10-го октября началъ переправляться противъ Гуры Кальваріи и XXIII-й корпусъ. Но уже на слѣдующій день выяснилось, что со стороны р. Пилицы, черезъ Варку и Ялобжеги, наступаютъ значительныя германскія силы, которыя, повидимому, постепенно перемѣщались къ сѣверу. Обнаруженъ былъ также подходъ неприятельскихъ колоннъ со стороны Скерневицъ. Авангардъ нашей 2-й арміи, выдвинутый къ Гройцамъ, былъ сбитъ и отошелъ съ большими потерями. Неприятель, не ограничившись этимъ успѣхомъ, упорно развивалъ свое наступленіе въ направленіи на Пясечну и Надаржинъ, угрожая прорывомъ къ Варшавѣ. Въ общемъ силы германцевъ, направленные противъ Варшавы, опредѣлялись штабомъ 2-й арміи въ 3—4 корпуса. При этихъ условіяхъ Командующій этой арміей генералъ Шейдеманъ не призналъ возможнымъ удерживаться на избранномъ имъ ранѣе фронтѣ Блоне-Гродискъ-Надаржинъ-Пясечно и рѣшилъ, въ ночь на 12-ое октября, отвести свои войска на линію прежнихъ Варшавскихъ фортовъ. Неприятель тотчасъ же занялъ оставленную нами линію и спѣшно сталъ на ней закрѣпляться. Особенное вниманіе онъ удѣлилъ укрѣпленію Пясечны и Прушкова, — пункта, лежащаго на Варшаво-Вѣнской ж. дорогѣ, въ 18-ти верстахъ отъ Варшавы, въ которомъ были сосредоточены богатѣйшія желѣзнодорожныя мастерскія.

Отходъ 2-й арміи на линію Варшавскихъ фортовъ ставилъ въ изолированное положеніе переправившійся на лѣвый берегъ Вислы XXIII-й корпусъ, которому генералъ Ивановъ приказалъ отойти обратно на правый берегъ рѣки. Движеніе это было выполнено въ ночь на 12-ое октября и, по окончаніи такового, мосты черезъ Вислу у Гуры Кальваріи были уничтожены.

Такимъ образомъ намѣчавшаяся Ю.-З. фронтомъ на 10-е октября переправа на лѣвый берегъ р. Вислы ряда корпусовъ закончилась повсемѣстной неудачей. Мы потеряли, къ тому же, рядъ мостовъ, связывавшихъ насъ съ лѣвымъ берегомъ Вислы, постройка коихъ намъ стоила многихъ усилій.

Въ ту же ночь на 12-ое октября генералъ Ивановъ спѣшно просилъ доложить Верховному Главнокомандующему просьбу пріѣхать, ввиду создаваемаго положенія, въ Холмъ — мѣсто расположенія штаба Ю.-З. фронта; просьба эта немедленно и была исполнена Великимъ Княземъ. На состоявшемся на слѣдующій день свиданіи, въ присутствіи генераловъ Янушкевича, Алексѣева и моего, генералъ Ивановъ имѣлъ очень озабоченный видъ, чрезвычайно беспокоился

о судьбѣ XXIII-го корпуса и отряда у Козеницъ и жаловался на несоответственные распоряженія и дѣйствія Командующаго 2-й арміей. По детальномъ выясненіи обстановки, Верховный Главнокомандующій указалъ генералу Иванову на необходимость — во-первыхъ, ускорить прибытіе на назначенный участокъ Вислы 5-й арміи, изъ состава коей одинъ корпусъ (XVII-й) оказался, къ сожалѣнію, уже использованнымъ у Козеницъ, и во-вторыхъ — подтянуть II-й и XXIII-й корпуса къ Варшавѣ, дабы выполнить намѣчавшееся раньше сосредоточеніе у этого пункта семи корпусовъ 2-й арміи. Выполненіе этихъ мѣропріятій давало возможность вновь перейти соединенными силами 2-й и 5-й армій въ рѣшительное наступленіе противъ нѣмцевъ, ставя себѣ прежнюю цѣль охвата ихъ лѣваго фланга. Дабы обезпечить успѣхъ этого удара, Верховный Главнокомандующій предложилъ генералу Иванову назначить Командующимъ 2-й арміей генерала Алексѣева, къ которому Великій Князь лично питалъ большое довѣріе. Назначеніе это могло имѣть въ виду еще и то соображеніе, что съ развитіемъ операціи явилась бы возможность объединить руководство всеми арміями, переправившимися на лѣвый берегъ Вислы, въ рукахъ генерала Алексѣева и такимъ образомъ выполнить намѣчавшейся переходъ къ раздѣленію дѣйствующихъ армій на три фронта; одновременно же явилась бы возможность возвратитъ генерала Иванова къ прежней дѣятельности въ Галичинѣ, съ которой онъ былъ тѣсно связанъ своею предшествовающею боевою дѣятельностью. Однако, генераль Иванова соглашался на новое назначеніе генерала Алексѣева лишь при условіи моего перемѣщенія на должность Начальника штаба Ю.-З. фронта. Такъ какъ Великій Князь своего согласія на это перемѣщеніе не далъ, то все осталось по старому. Интересно отмѣтить, что ни генераль Алексѣевъ, ни я, при которыхъ весь этотъ разговоръ происходилъ, не были спрошены по поводу намѣчавшихся измѣненій въ нашемъ служебномъ положеніи. Справедливо предполагалось, что въ военное время каждый воинъ обязанъ нести службу на томъ посту, на которомъ его работа признается наиболѣе полезной для дѣла.

По возвращеніи въ Барановичи, безпокойство о судьбѣ выполнявшейся операціи не покинуло Верховнаго Главнокомандующаго. Настроеніе генерала Иванова, его преждевременный переходъ въ наступленіе, искажавшій въ нѣкоторой мѣрѣ замыселъ всей операціи; и проявленная при этомъ разрозненность дѣйствій, приведшая къ неудачѣ, — все эти обстоятельства вызывали сомнѣнія въ томъ, насколько обезпеченъ конечный успѣхъ операціи. А между тѣмъ мнѣніе Верховнаго Главнокомандующаго было таково, что на берегахъ Вислы можетъ быть рѣшена участь перваго періода кампаніи, почему для достиженія этого успѣха надлежало проявить максимальныя усилія. При такихъ условіяхъ, не представлялось болѣе возможнымъ оставаться въ роли только наблюдателя событій. Чтобы измѣнить это положеніе и привлечь къ дѣлу силы обоихъ фронтовъ, у Верховнаго Главнокомандующаго оставался только одинъ путь — стать самому во главѣ руководства выполненіемъ всей операціи, съ подраздѣленіемъ вновь созданнаго фронта и войскъ, на немъ дѣйствовав-

нихъ, между двумя непосредственно подчиненными ему начальниками — генералами Рузскимъ и Ивановымъ, съ предоставленіемъ каждому изъ нихъ отдѣльной, болѣе суженной частной задачи.

Въ соотвѣтствіи съ симъ, Верховнымъ Главнокомандующимъ 13-го октября была отдана директива, въ силу коей съ 12 часовъ ночи на 14-ое октября 2-я и 5-я арміи, а также конница генерала Новикова, переходили въ подчиненіе Главнокомандующему С.-З. фронтомъ, и разграничительная линія между фронтами переносилась на р. Пиллицу. Ближайшей и главнѣйшей задачей нашихъ армій по-прежнему должно было оставаться пораженіе непріятеля, наступавшаго по лѣвому берегу р. Вислы, съ нанесеніемъ ему сильнаго удара въ его лѣвый флангъ. Во исполненіе этой общей задачи, Главнокомандующему С.-З. фронтомъ надлежало, въ ожиданіи окончательнаго сбора всѣхъ силъ, расширить на лѣвомъ берегу р. Вислы имѣвшійся плацдармъ для свободнаго дебушированія изъ него въ будущемъ войскъ, Ю.-З. фронту указывалась необходимость согласовывать свои дѣйствія съ С.-З. фронтомъ и приковывать къ себѣ возможно большее число непріятельскихъ силъ, чтобы облегчить выполнение основной задачи, возложенной на 2-ю и 5-ю арміи С.-З. фронта.

Здѣсь очень кстати будетъ отмѣтить, что неправильное пониманіе значенія разграничительныхъ линій между фронтами, арміями, корпусами и другими болѣе мелкими подраздѣленіями, съ каковымъ пониманіемъ приходилось нерѣдко встрѣчаться, увеличивало слабую природу всякаго вообще «стыка», нуждающагося, наоборотъ, въ особой о немъ заботливости. — Линіи эти надлежало, конечно, понимать лишь какъ разграничивающія раіоны театра военныхъ дѣйствій: впередъ, — къ сторонѣ противника, — для движенія и обычной, повседневной развѣдки; назадъ, — въ стору тыла, — для расположенія и передвиженія тыловыхъ учреждений и использованія мѣстныхъ средствъ. Но эти линіи не должны были стѣснять ни въ какомъ смыслѣ боевыя дѣйствія войскъ, и обязательное оказаніе соуду помощи и выручки должно было оставаться неизблемой основой дѣятельности каждаго начальника. «Самъ погибай, а соуду выручай» — таковъ вѣчный лозунгъ истиннаго воина, который, конечно, долженъ осуществляться съ должнымъ разумѣніемъ и учетомъ всей обстановки.

Что касается вопроса о времени перехода въ наступленіе, то, при опредѣленіи его, встрѣтились чрезвычайныя затрудненія. Вполнѣ очевидно, что съ началомъ активныхъ дѣйствій необходимо было торопиться, ибо противникъ, разгадавъ нашъ маневръ, легко могъ уйти изъ подъ намѣчавшагося удара. На ускореніи срока перехода въ наступленіе особенно настаивалъ и штабъ Ю.-З. фронта, все еще опасавшійся удара нѣмцевъ южнѣ Пиллицы, въ обходъ праваго фланга армій своего фронта. И дѣйствительно, одно время были объективные признаки, что германцы массивуютъ свои главныя силы на участкѣ р. Вислы отъ Козеницъ до Юзефова. Сильный напоръ шелъ на наши войска, переправившіяся на лѣвый берегъ Вислы у Козеницъ. Генералъ Ивановъ, еще 13-го октября, во время личнаго свиданія съ Верховнымъ Главнокомандующимъ, испросилъ разрѣшеніе Великаго Князя задержать въ раіонѣ Ивангорода изъ

состава 5-й армии XVII-й корпусъ, использованный имъ для поддержки III-го Кавказскаго корпуса. Теперь онъ доносилъ, въ качествѣ мотива для перехода въ общее наступленіе, что корпуса эти «изнемогаютъ у Козеницъ».

Однако, штабъ С.-З. фронта докладывалъ о неготовности армій, предназначенныхъ для главнаго удара, что прежде всего обусловливалось неприбытіемъ слѣдовавшихъ изъ состава Ю.-З. фронта корпусовъ 5-й армии; послѣдніе же должны были смѣнить на Вислѣ II-й и XXIII-й корпуса, подлежавшіе присоединенію ко 2-й армии. Послѣ длительныхъ и трудныхъ переговоровъ, начало общаго наступленія было назначено на 18-ое октября, но едва объ этомъ были сдѣланы соответственные распоряженія, какъ штабы обоихъ фронтовъ, и въ первую голову штабъ Ю.-З. фронта, по разнымъ причинамъ, просили о дальнѣйшей отсрочкѣ. Послѣдняя была дана и окончательно начальнымъ срокомъ общаго наступленія было намѣчено 21-е октября; время же до этого числа должно было быть использовано 2-й арміей для расширенія плацдарма на лѣвомъ берегу р. Вислы, главнымъ образомъ въ направленіи на Пясечну, чтобы этимъ облегчить установленіе оперативной связи этой армии съ соседней 5-й арміей, долженствовавшей собраться у Карчева и противъ Гуры-Кальваріи.

Съ переходомъ 2-й армии въ подчиненіе Главнокомандующаго арміями С.-З. фронта, ей было предписано перейти къ активнымъ дѣйствіямъ, чтобы занять прежній фронтъ, оставленный ею 12-го октября. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ состава остальныхъ двухъ армій С.-З. фронта — VI-му корпусу приказано было перейти въ Пултускъ и I-му Турк. — въ Рожаны, т. е. придвинуться ближе къ правому флангу 2-й армии

Эта послѣдняя армія, развивая на лѣвомъ берегу Вислы наступленіе, частично начавшееся уже 13-го октября, вела въ послѣдующіе дни упорные бои, лишь съ рѣдкими перерывами. — 14-го октября, послѣ горячаго боя, ею было обратно взято Прушковъ. Наши войска, постепенно отодвигая нѣмцевъ, сражались съ исключительнымъ подъемомъ. Изъ-за праваго ихъ фланга стала постепенно выдвигаться впередъ конница, направившаяся частью къ Ловичу, частью (ген. Новиковъ) къ Сохачеву на Бзурѣ.

Въ это же время на правомъ берегу Вислы стали подходить къ своему участку корпуса 5-й армии. Одинъ изъ нихъ (XIX-й) переправился между Карчевымъ и Варшавой на лѣвый берегъ, для совмѣстнаго съ лѣвымъ флангомъ 2-й армии удара; другой (V-й), — по отсутствію средствъ къ переправѣ, остался на правомъ берегу, содѣйствуя первому своимъ огнемъ и охраняя участки Вислы вверхъ до устья р. Пилицы. Дополнительно въ составъ 5-й армии были включены I-й Сиб. корпусъ, входившій ранѣе во 2-ю армию.

На 20-е октября 2-й армии назначено было овладѣніе прежней линіей фронта, проходившей черезъ Гродискъ; 5-й армии предписано было принять участіе въ наступленіи, сообразуя свои дѣйствія съ дѣйствіями правофланговой 2-й армии.

Но уже въ ночь на этотъ день неожиданно было замѣчено отхождъ противника по всему фронту сѣвернѣе Пилицы. Признаки ослабленія нѣмцевъ были

обнаружены также въ районѣ Козениць. У Ивангорода — въ расположеніи противника стало замѣтно менѣе дыма отъ костровъ и очаговъ.

Первое извѣстіе объ отходѣ нѣмцевъ къ сѣверу отъ Пилицы было получено въ Ставкѣ изъ Варшавы отъ мѣстнаго завѣдывающаго передвиженіемъ войскъ. Повидимому, онъ получилъ это свѣдѣніе отъ своихъ желѣзнодорожниковъ съ головныхъ участковъ. Надо замѣтить, что отъ желѣзнодорожныхъ агентовъ, самоотверженно работавшихъ впереди, часто получались весьма цѣнные свѣдѣнія о передвиженіяхъ противника, хотя иногда и окрашивавшіяся въ нѣсколько панической цвѣтъ.

Германцы, обойденные конницей со стороны р. Брузы и охватываемые слѣва нашими правофланговыми корпусами, повидимому почувствовали опасность своего положенія и потому начали общій отходъ, прикрываясь арьергардами, временно еще остававшимися на прежнихъ позиціяхъ.

Ввиду столь коренной перемѣны въ обстановкѣ, Ставкой 20-го октября, то есть немедленно по полученіи свѣдѣній о началѣ отхода непріятеля, было указано перейти обомъ фронтамъ въ энергичное наступленіе на линію Лодзь-Петроковъ-Опочна-Опатовъ-Сандомиръ, продолжая развивать ударъ правымъ флангомъ. Этимъ распоряженіемъ было положено начало нашему дальнѣйшему наступленію по лѣвому берегу р. Вислы, которое и будетъ описано въ слѣдующей главѣ.

Германскія войска отходили въ порядкѣ. Въ минувшую войну они не разъ показали свое умѣніе быстро и своевременно выходить изъ неудачно слагавшейся для нихъ боевой обстановки. Отступленіе для нѣмцевъ не было признакомъ пораженія, но лишь однимъ изъ приѣмовъ маневрированія. Въ данномъ случаѣ, заблаговременнымъ отступленіемъ, германцы успѣли ускользнуть изъ подъ вѣрно нацѣленнаго и уже занесеннаго надъ ихъ лѣвымъ флангомъ удара. Быстрымъ и внезапнымъ отходомъ они успѣли выиграть время, которымъ искусно воспользовались для капитальной порчи оставляемыхъ желѣзныхъ и шоссеиныхъ дорогъ. И надо отдать должное ихъ искусству: порча производилась настолько основательно, что это обстоятельство въ большой мѣрѣ затруднило намъ не только преслѣдованіе врага, но и вообще дальнѣйшее наступленіе. На желѣзныхъ дорогахъ германцы взрывали и предавали огню станціонныя зданія и сооруженія — водонапорныя башни, водокачки, стрѣлки. На протяженіи пути, на большихъ участкахъ, ими взрывались рельсы, мосты, водосточныя трубы, виадуки, и притомъ настолько умѣло, что произведенныя разрушенія съ трудомъ поддавались быстрому исправленію. На шоссеиныхъ дорогахъ оказывались также совершенно разрушенными всѣ искусственныя сооруженія, самое же полотно перекопаннымъ или взорваннымъ участками въ шахматномъ порядкѣ. Телеграфныя столбы спиливались или сваливались, изоляторы разбивались, проволока разрѣзалась, едва ли не на каждомъ пролетѣ. Словомъ картина разрушенія представлялась ужасающей. О ней краснорѣчиво свидѣтельствовали военные представители союзныхъ намъ

Державъ, пожелавшіе принять участіе въ организованной для нихъ Ставкой поѣздкѣ по путямъ отхода германской арміи на Лодзь.

Постепенно отходъ непріятеля сталъ обнаруживаться также на путяхъ отъ Ивангорода и Новой Александріи, а затѣмъ шириться еще болѣе къ югу. Вслѣдъ за германцами, стали откатываться и австрійцы. Ихъ попытки форсировать Санъ окончились для нихъ полною неудачею. — Непосредственно за противникомъ наши войска, переправляясь съ боями черезъ Вислу и Санъ, переходили въ наступленіе, которое и развернулось постепенно на огромномъ фронтѣ, протяженіемъ свыше 400 верстъ — отъ нижней Взуры до предгорій Карпаты.

Такъ закончилась наша Варшавская операція. — Она является одною изъ наиболѣе намъ удавшихся стратегическихъ комбинацій, несмотря на сложность замысла и необходимость преодоленія ряда затрудненій, не исключая и внутреннихъ. Мы одержали надъ нашими противниками несомнѣнно очень крупную стратегическую побѣду. Отвѣчая на, его маневръ соотвѣствующимъ контръ-маневромъ, намъ удалось, несмотря на крайне форсированное движеніе нѣмцевъ и наличіе на ихъ сторонѣ болѣе короткихъ разстояній, подвести къ рѣшительному участку нашего фронта — району Ивангорода, а затѣмъ Варшавы, превосходныя по числу силы, обезпечивавшія намъ побѣду, и поставить ихъ въ крайне выгодное исходное положеніе, создавъ угрозу лѣвому германскому флангу и даже его тылу. Стратегія сдѣлала свое дѣло столь ярко, что нѣмцы не осмѣлились принять рѣшительнаго боя. Вся послѣдующая задача ихъ свелась къ тому, чтобы выйти, изъ того положенія, которое создалось ихъ стремительнымъ наступленіемъ. Мы же не только отстояли наше положеніе на средней Вислѣ и въ Галичинѣ, но передъ нами открылись пути въ Познань, Силезію и Моравію. Я уже отмѣчалъ промышленное значеніе Силезіи для Германіи; вступленіе же нашихъ войскъ въ Моравію могло угрожать цѣлости всей Австро-Венгерской монархіи. Равнымъ образомъ, у насъ были основанія предполагать, что мы встрѣтимъ сочувствіе населенія и въ Познани. Въ штабъ Верховнаго Главнокомандующаго уже стали поступать различныя ходатайства о принятіи мѣръ къ охранѣ памятниковъ польской старины, на случай ожидавшагося вступленія нашего въ предѣлы германской Польши...

Каковы же были дѣли описаннаго германо-австрійскаго наступленія? Дать полный и безошибочный отвѣтъ на этотъ вопросъ, конечно, не въ моихъ возможностяхъ. Для этого надлежало бы прежде всего обратиться къ детальному изученію германскихъ первоисточниковъ. Но весьма вѣроятно, что германскіе вожди, будучи освѣдомлены о нашихъ наступательныхъ планахъ на лѣвомъ берегу Вислы, имѣли прежде всего въ виду своимъ внезапнымъ наступленіемъ, поддержаннымъ австрійцами, разстроитъ эти планы и выиграть время, впредь до освобожденія части ихъ силъ на западномъ фронтѣ, гдѣ въ это время разыгрывались упорные бои за подступы къ Калѣ. — Весь характеръ германскихъ дѣйствій, первоначальное сосредоточеніе ихъ корпусовъ и усилій на участкѣ р. Вислы отъ Козенице до Юзефова и агентурныя свѣдѣ-

нія объ усиленном сборѣ ими данныхъ о состояніи правобережныхъ путей даютъ основаніе предполагать, что первоначальной цѣлью наступленія германцевъ являлось стремленіе къ переправамъ черезъ р. Вислу, съ цѣлью дальнѣйшаго наступленія въ обходъ праваго фланга и тыла нашихъ армій Ю.З. фронта. Въ этомъ плагѣ австрійцамъ, для отвлеченія нашего вниманія, представлялось форсированіе р.р. Вислы и Сана съ фронта и задача деблокады Черемышля. Планъ этотъ, крайне смѣлый по замыслу, могъ поконтиться только на мысли, что мы не сумѣемъ своевременно его открыть и провести соответствующую рокировочную операцію, въ результатѣ чего участокъ р. Вислы, намѣченный для удара, окажется слабо обороняемымъ. Когда же выяснилось не только занятіе названнаго участка Вислы нашими войсками, но и стремленіе послѣднихъ къ переходу на лѣвый берегъ рѣки, то германское командованіе, быстро учтя измѣнившуюся обстановку, рѣшило, заслонившись прочно къ сторонѣ Вислы, развить ударъ съвертѣе, перебросивъ часть своихъ войскъ черезъ р. Цилицу и энергично наступая вдоль лѣваго берега Вислы на Варшаву. — Такъ по крайней мѣрѣ рисовались намъ планы нѣмцевъ въ Ставкѣ, и я думаю, что мы были недалеко отъ истины.

ГЛАВА X.

Наше наступленіе на лѣвомъ берегу р. Вислы и контръ-маневръ германцевъ. — Лодзинскіе бой и операція подъ Брезинами.

Мы видѣли въ предыдущей главѣ, что германцамъ, благодаря заблаговременному и быстрому отступленію, удалось выйти изъ подъ занесеннаго надъ ними удара. Это обстоятельство не только не исключало необходимости нашего дальнѣйшаго наступленія, но, наоборотъ, вынуждало насъ еще настойчивѣе стремиться къ энергическому движенію впередъ, съ цѣлью настигнуть отходившаго противника и принудить его къ бою въ невыгодныхъ для него условіяхъ.

Только полная побѣда надъ зарвавшимися германцами могла обезпечить намъ дальнѣйшую свободу дѣйствій и упрочить наше стратегическое положеніе на лѣвомъ берегу р. Вислы, значительно ослабившееся нашею предшествовавшею Восточно-Прусскою неудачею и недостаточно полно использованной побѣдой въ Галичинѣ.

Но при этомъ мы находились въ необходимости учитывать то обстоятельство, что наши шансы на побѣду должны были прогрессивно уменьшаться, по мѣрѣ приближенія нашихъ противниковъ къ своимъ границамъ. Въ то время, какъ мы являлись на лѣвомъ берегу р. Вислы обладателями весьма слабо развитой желѣзнодорожной сѣти, которая не позволяла намъ строить расчеты на переброскѣ войскъ съ одного участка общаго фронта на другой, — наши противники, по мѣрѣ своего отхода, получали въ свое распоряженіе

двѣ мощныя желѣзнодорожныя магистралы, пролегавшія по ихъ территоріи, и глубоко охватывавшія весь нашъ театръ военныхъ дѣйствій: Ряшевѣ-Тарновѣ-Каттовницѣ-Торнѣ-Лыкѣ и Санокѣ-Одербергѣ-Бреславль-Познань-Инстербургѣ. При безспорномъ искусствѣ въ маневрированіи, данное условіе являлось огромнымъ для нашихъ противниковъ преимуществомъ, которое въ полной мѣрѣ оцѣнивалось у насъ въ Ставкѣ. — Единственнымъ средствомъ, писалъ Верховный Главнокомандующій генералу Иванову, удержать инициативу въ нашихъ рукахъ и парировать возможное контръ-наступленіе германцевъ въ какомъ-либо невыгодномъ для насъ направленіи — является энергическое и скорѣйшее наступленіе.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ мнѣніемъ, при первыхъ же извѣстіяхъ объ отходѣ германцевъ на фронтѣ къ сѣверу отъ р. Пилицы и въ районѣ Ивангорода, Ставкой было отдано распоряженіе о выдвигеніи армій С.-З. фронта на лѣвомъ берегу р. Вислы, для преслѣдованія непріятеля, на фронтъ Лодзь-Петроковъ, съ принятіемъ всѣхъ мѣръ по обезпеченію этого наступленія со стороны Торнскаго района; для этого рекомендовалось имѣть на угрожаемомъ направленіи конницу, а за правымъ флангомъ наступающихъ армій — одинъ корпусъ, ввидѣ уступа. Арміямъ Ю.-З. фронта, одновременно, указывалось стремиться выйти на фронтъ Опочна-Опатовъ-Сандомиръ.

Разграничительной линіей между фронтами должна была, по-прежнему, служить р. Пилица.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, было отдано распоряженіе о скорѣйшемъ возстановленіи разрушенныхъ непріятелемъ дорогъ и устройствъ обезпеченныхъ черезъ р. Вислу переправъ.

Организація нашего дальнѣйшаго наступленія оказалась, однако, до чрезвычайности трудною. Кромѣ капитальной порчи нѣмцами, а отчасти и австрійцами, всѣхъ путей сообщенія, намъ приходилось считаться съ крайнимъ утомленіемъ нашихъ войскъ, особенно 5-й и 4-й армій, на долю которыхъ выпало совершить передъ тѣмъ изъ Галичины рядъ напряженнѣйшихъ маршей, при исключительно трудной обстановкѣ. — Эти обстоятельства, вызывая промедленіе, создавали съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе неблагопріятныя условія для дальнѣйшаго развитія нашего наступленія на лѣвомъ берегу р. Вислы.

Теоретически, наступленіе главной массы нашихъ войскъ намѣчалось на фронтъ Гнѣзно-Козель (250 килом.), т. е. въ обходъ Познани съ юга. Изъ 95-ти пѣх. дивизій, коими располагалъ къ тому времени Верховный Главнокомандующій, на указанный фронтъ должны были наступать свыше 40 дивизій (2-я, 5-я, 4-я и 9-я арміи), которыя первою своею задачею должны были, конечно, считать — одержаніе побѣды надъ германо-австрійскими войсками, оперировавшими на лѣвомъ берегу р. Вислы; около 30 дивизій (арміи 1-я и 10-я) должны были обезпечивать движеніе этой массы со стороны праваго фланга, продвигаясь къ нижней Вислѣ, какъ по правому, такъ и по лѣвому ея берегу, и 25 дивизій (арміи 3-я, 8-я и 11-я) — сковывать австрійскія арміи къ югу отъ той же рѣки. Очевидно, что всѣ эти три группы должны были дѣйствовать въ полной связи,

взаимно помогая другъ другу въ достиженіи общей цѣли. При указанномъ распредѣленіи силъ, въ Ставкѣ естественно вновь возникала мысль объ образованіи третьяго фронта, но и на этотъ разъ мысль эта не получила, по разнымъ причинамъ, своего осуществленія.

Наступленіе нашихъ армій по лѣвому берегу р. Вислы, кромѣ обстоятельствъ, о которыхъ указано было выше, встрѣтило на первыхъ же порахъ серьезную задержку со стороны германцевъ въ районѣ Равы и на р. Пилицѣ у Нове-Място и Бялобржеги, а также со стороны австрийцевъ — восточнѣе Радома. Сопротивленіе, оказанное ими, было, однако, къ 29-му октября сломлено, и наши противники оказались вновь вынужденными поспѣшно отступать въ направленіяхъ на Лодзь, Петроковъ и Кѣльцы.

Къ сожалѣнію, сдвигъ австрийцевъ на р. Санѣ оказался неожиданно труднымъ для нашихъ армій, оперировавшихъ въ Галичинѣ. Повидимому надломъ войскъ Двудеиной Монархіи былъ не столь глубокимъ, какъ онъ намъ рисовался непосредственно послѣ Галичской операціи. Штабъ Ю.-З. фронта, въ своихъ донесеніяхъ, отмѣчалъ, что австрийскія войска обнаруживаютъ стойкость и упорство, едва ли не болѣе значительныя, чѣмъ въ начальный періодъ войны. Чтобы понудить австрийцевъ къ отступленію отъ р. Сана, явилась необходимость въ оказаніи содѣйствія нашимъ арміямъ, оперировавшимъ въ Галичинѣ, тѣми войсками Ю.-З. фронта, кои первоначально предназначались для наступленія по лѣвому берегу р. Вислы. Первымъ наиболѣе крупнымъ результатомъ такого отвлеченія войскъ отъ ихъ прямой задачи явилась потеря времени, отразившаяся и на войскахъ С.-З. фронта, такъ какъ вытекавшая изъ новой задачи перегруппировка войскъ Ю.-З. фронта вынуждала снизить разграничительную между фронтами линію, первоначально проведенную по р. Пилицѣ, болѣе чѣмъ на 40 верстъ къ югу. Это же обстоятельство, въ свою очередь, потребовало излишнихъ передвиженій уже со стороны армій С.-З. фронта и, кромѣ того, повлекло за собою невыгодную дополнительную растяжку армій названнаго фронта къ югу.

Опасаясь потерять соприкосновеніе съ германцами, Ставка настойчиво требовала отъ штаба Ю.-З. фронта скорѣйшаго завершенія операцій на Санѣ и затѣмъ дальнѣйшаго продвигенія впередъ на лѣвомъ берегу р. Вислы.

Однако, Главнокомандующій Ю.-З. фронтомъ находилъ эти задачи непосильными для армій своего фронта. Онъ указывалъ на упорство находившагося передъ ними непріятеля, котораго продолжалъ считать главнымъ нашимъ противникомъ и противъ котораго, по его мнѣнію, надлежало первоначально направить все наши усилія. Въ соответствіи съ этимъ, главнокомандованіе Ю.-З. фронтомъ предлагало приостановить все операціи противъ Германіи и сосредоточить свыше 20-ти корпусовъ для дѣйствій противъ австро-венгерской арміи. Въ основѣ этого предложенія несомнѣнно лежала идея, что «нашъ путь на Берлинъ лежитъ черезъ Вѣну». Однако, Верховный Главнокомандующій съ такою постановкою вопроса не призналъ возможнымъ въ то время согласиться. Углубленіе большей части нашихъ силъ въ Галичину не

отвѣчало общей обстановкѣ и могло, при нашей малой маневренной подвижности, поставить насъ даже въ трудное положеніе, въ случаѣ переброски значительныхъ германскихъ силъ съ западнаго фронта на восточный. Кромѣ того, Ставка оставалась при убѣжденіи, что сдвигъ австрійцевъ съ Сана можетъ быть достигнутъ и безъ столь дорогихъ жертвъ, а именно — какъ естественное послѣдствіе успѣховъ 4-й и 9-й армій на лѣвомъ берегу р. Вислы. — Успѣхъ этотъ началъ обозначаться уже 3-го ноября и выразился въ занятіи нами Кѣлецъ и Сандомира, каковыя факты не могли остаться безъ вліянія на положеніе австрійцевъ на Санѣ.

Во избѣжаніе слишкомъ рѣзкаго выдвигенія 2-й и 5-й армій впередъ, Верховный Главнокомандующій признавалъ необходимымъ, отъ времени до времени, придерживать ихъ наступленіе, въ ожиданіи результата дѣйствій нашихъ армій противъ австрійцевъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, усматривая крайнюю медленность и малоуспѣшность въ дѣйствіяхъ нашихъ 1-й и 10-й армій, оперировавшихъ въ Восточной Пруссіи, Великій Князь, еще въ концѣ октября, одобрилъ предположеніе Ставки объ оставленіи передъ фронтомъ Мазурскихъ озеръ одной 10-арміи (генерала Сиверса), въ составѣ шести наиболѣе ослабленныхъ предшествовавшими боями корпусовъ, снабдивъ ихъ необходимой по характеру задачи, тяжелой артиллеріей, хотя бы изъ Ковны или Осовца. Освобождавшіеся же два корпуса (I-й Турк. и VI-й), съ добавленіемъ къ нимъ вновь прибывавшихъ на театръ военныхъ дѣйствій V-го и V-го Сибирскаго корпусовъ, вмѣстѣ съ управленіемъ 1-й арміей (генерала Ренненкампа) было намѣчено перебросить на Млавское и Влоцлавское направленія, на которыхъ стали довольно свободно хозяйничать германцы. Новыя задачи этой арміи должны были заключаться въ томъ, чтобы прикрыть направленія къ Варшавѣ по обоимъ берегамъ р. Вислы; въ случаѣ же наступленія противника по лѣвому берегу этой рѣки съ фронта Познань-Торнъ, — оказать содѣйствіе 2-й арміи по обезпеченію праваго фланга послѣдней. вмѣстѣ съ тѣмъ, 1-я армія должна была быть готовой оказать съ юга содѣйствіе 10-й арміи, въ случаѣ успѣшнаго продвигенія послѣдней за линію Мазурскихъ озеръ, на что, впрочемъ, было очень мало надеждъ.

По выполненіи переброски въ новый районъ, части 1-й арміи, выдвинутыя на Млавское направленіе, достигли довольно значительныхъ результатовъ. Онѣ вынудили нѣмцевъ, занимавшихъ районъ Млава-Праснышъ, къ отступленію на линію Сольдау-Нейденбургъ и даже создали угрозу новаго нашего вторженія въ Восточную Пруссію съ юга. Германское командованіе, всегда нервно относившееся къ появленію такой возможности, стало снѣшно подтягивать къ указанному фронту подкрѣпленія и, въ числѣ ихъ, двѣ кав. дивизіи, вновь переброшенныя на нашъ фронтъ съ запада.

Предположенія Ставки о вліяніи успѣха 4-й и 9-й армій, дѣйствовавшихъ на лѣвомъ берегу Вислы, на положеніе дѣлъ въ Галичинѣ оправдались въ полной мѣрѣ. Вслѣдъ за отходомъ австрійскихъ войскъ на лѣвомъ берегу р. Вислы, обозначилось также ихъ отступленіе сначала на Санѣ, а затѣмъ и

южнѣе — на фронтѣ противъ нашей 8-й арміи. Въ соотвѣтствіи съ сѣмъ, пошло быстрѣе наше наступленіе, и къ 8-му ноября на лѣвомъ берегу р. Вислы арміи Ю.-З. фронта стояли уже на линіи примѣрно отъ Пржедборжа къ югу до устья р. Ниды. Продвинулись впередъ и наши Галичскія арміи, хотя онѣ все еще находились осаженными на нѣсколько переходовъ назадъ. — Австрійскія арміи отходили на западъ, къ Кракову; лишь часть ихъ войскъ взяла направленіе на юго-западъ отъ Перемышля, уходя въ Карпаты. — Блокада Перемышля, прерванная нами въ періодъ наступленія австрійцевъ къ Сану, была возобновлена вновь.

Примѣрно къ тому же времени, 2-я и 5-я арміи С.-З. фронта вышли на линію Унеіовъ - Шадекъ - Ласкъ - Роспржа - Предборжъ, имѣя уступомъ за правымъ флангомъ одинъ корпусъ (II-й) у Кутно и впереди фронта — конницу генераловъ Шарпанте (Кавк. кав. див.) и Новикова (8-я и 14-я кав. див.). — Выдвиженіе впередъ нашего праваго фланга не могло еще въ то время оцѣниваться отрицательно, такъ какъ всѣ органы развѣдки доносили, въ полномъ согласіи между собою, о постепенномъ отходѣ главной массы германскихъ войскъ на Ченстоховъ, Велюнь и лишь частично — на Калишъ. Раіоны эти, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, усиленно укрѣплялись. Такимъ образомъ, мы находились въ убѣжденіи, что нашъ противникъ передъ нами и что онъ отходитъ въ юго-западномъ направленіи; поэтому нѣкоторое выдвигеніе впередъ нашего праваго обходящаго фланга являлось, наоборотъ, даже цѣлесообразнымъ.

Конечно флангъ этотъ могъ представлять для германскаго командованія извѣстную приманку, но, для развитія противъ него наступательныхъ дѣйствій, наши противники должны были имѣть свободныя силы. Восточно-Прусскій театръ не могъ выдѣлить для сего достаточныхъ войскъ. Что же касается западнаго фронта, то на немъ во Фландріи въ этотъ періодъ времени шла еще ожесточенная борьба. Нѣмцы, стремясь прорваться къ Калъ, повели противъ нашихъ союзниковъ во второй половинѣ октября широкое наступленіе на участкѣ между р. Лисъ и моремъ, для котораго въ Бельгіи ими была образована особая армія изъ свѣжихъ войскъ, незадолго передъ тѣмъ закончившихъ свое формированіе и обученіе въ глубинѣ Германіи. Мы уже знаемъ, что одинъ изъ этихъ корпусовъ (XXV Р.) былъ, взамѣнъ Бельгіи, направленъ на восточный фронтъ въ Пруссію вслѣдствіе развивавшагося нами наступленія отъ средняго Нѣмана и изъ Августовскихъ лѣсовъ. Едва ли возможно было, при такихъ условіяхъ, ожидать, по крайней мѣрѣ въ ближайшій періодъ времени, дальнѣйшаго ослабленія непріателемъ его западнаго фронта, для переброски войскъ противъ насъ.

Тѣмъ не менѣе Ставка, въ своихъ сношеніяхъ со штабомъ С.-З. фронта, не разъ возвращалась къ вопросу о мѣрахъ по обезпеченію праваго фланга 2-й арміи. Особая надежды въ этомъ отношеніи возлагались на содѣйствіе, которое могло быть оказано правофланговымъ корпусамъ 2-й арміи со стороны 1-й арміи генерала Рейненкампфа. Отъ послѣдней были выдвинуты на лѣвый берегъ р. Вислы: кавалерія къ Избицѣ и V-й Сибирскій корпусъ къ Влоц-

лавску; кромѣ того, подтягивался другой корпусъ (VI-й Сиб.) къ Плоцку. 1-я армія имѣла въ своемъ распоряженіи мостовыя переправы черезъ Вислу у Влоцлавска, Плоцка, Вышгорода и Новогеоргиевска.

Принимая во вниманіе всю обстановку, Главнокомандованіе С.-В. фронтомъ, въ лицѣ генерала Рузскаго и его ближайшихъ сотрудниковъ, упорно настаивали на необходимости атаковать объединенными силами, въ кратчайшій срокъ, отходившихъ въ юго-западномъ направленіи нѣмцевъ, чтобы воспрепятствовать ихъ укрѣпленію вдоль восточной границы Силезіи и отнять у нихъ возможность свободной переброски войскъ вдоль фронта. Мнѣніе это раздѣлялось и въ Ставкѣ, и такъ какъ противникъ, по мѣрѣ своего отхода, сближался со своими желѣзными дорогами, получая въ нихъ средство для контръ-маневра, то Верховный Главнокомандующій признавалъ всякую задержку въ наступленіи до крайности для насъ невыгодной. Приходилось торопиться уже потому, что, начиная съ десятыхъ чиселъ ноября въ штабъ С.-В. фронта стали поступать, правда туманныя, свѣдѣнія о появленіи германскихъ войскъ въ различныхъ пунктахъ къ сѣверу отъ Калиша и въ Торнскомъ районѣ. Проверить эти свѣдѣнія и выяснитъ направленія, по коимъ непріятель производитъ свое накапливаніе, представлялось крайне труднымъ, вслѣдствіе недостаточности авіаціонныхъ средствъ. Отсутствие же какихъ либо указаній на усиленіе военныхъ перевозокъ въ самой Германіи давало увѣренность, что перегруппировки нѣмцевъ, если онѣ и совершаются, имѣютъ лишь мѣстный характеръ, въ предѣлахъ ихъ восточнаго фронта. Штабъ С.-В. фронта относился ко всемъ этимъ свѣдѣніямъ очень скептически: еще 13-го ноября онъ считалъ главную массу германскихъ войскъ — у Ченстохова, Велюни и Калиша, допуская, впрочемъ, на Торнскомъ направленіи присутствіе одного корпуса, переброшеннаго изъ Восточной Пруссіи.

При наличіи такихъ шаткихъ данныхъ — почти въ слѣпую — Верховному Главнокомандующему приходилось принять одно изъ двухъ рѣшеній — или, на основаніи мало проверенныхъ свѣдѣній, отказаться отъ намѣченной атаки противника въ юго-западномъ направленіи и приспособиться къ дѣйствіямъ въ новомъ направленіи на сѣверо-западъ, или, считая главную массу непріятеля все еще на прежнихъ путяхъ, настойчиво стремиться къ немедленной его атакѣ, въ расчетъ на достаточность принятыхъ мѣръ по обезпеченію праваго фланга наступающей массы войскъ. Мы видѣли, что на этомъ флангѣ, кромѣ конницы, могло быть собрано не менѣе трехъ корпусовъ (II-й, V-й Сиб. и VI-й Сиб.). Верховное Главнокомандованіе не нашло достаточныхъ данныхъ для измѣненія уже принятаго имъ рѣшенія, полагая, путемъ энергической атаки непріятеля въ юго-западномъ направленіи, во-первыхъ — предупредить возможность переброски главныхъ силъ противника на новыя направленія и, во-вторыхъ — сохранить инициативу дѣйствій въ нашихъ рукахъ.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ рѣшеніемъ, Ставка предложила штабамъ фронтовъ въ кратчайшій срокъ закончить свою подготовку къ наступленію, начальній срокъ котораго намѣчался на 14-ое ноября. Къ этому времени предпола-

лагся выходъ и упроченіе Галичскихъ армій на линіи р. Дунаецъ и на Карпатскихъ перевалахъ. Намѣчавшееся наступленіе имѣло задачей сломить сопротивленіе непріятеля, укрѣплявшагося, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, на линіи Калишъ-Ченстоховъ, и, затѣмъ, прочно утвердиться на фронтѣ Ярочинь-Островъ-Кемпень-Крейцбургъ-Люблинецъ-Каттовицъ-Освѣцимъ. Выходъ на эту линію имѣлъ для насъ огромное значеніе, такъ какъ онъ отдавалъ въ наше распоряженіе весьма важную для развитія будущихъ дѣйствій германскую желѣзнодорожную магистраль. Для объединенія дѣйствій, 4-я армія, на время наступленія, должна была перейти во временное подчиненіе Главнокомандующему С.-В. фронтомъ, которому и надлежало установить порядокъ дальнѣйшаго движенія, «при непремѣнномъ условіи, какъ говорилось въ соответствующемъ распоряженіи Ставки, принятія самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ по наилучшему обезпеченію праваго фланга».

Однако, намѣчавшееся наступленіе еще разъ разбилося о неготовность армій Ю.-В. фронта. На сей разъ дѣло затормозила 4-ая армія, въ которой неожиданно оказался израсходованнымъ весь сухарный запасъ. По допесенію штаба фронта, пополненіе этого запаса не могло состояться своевременно изъ за задержки въ возстановленіи желѣзнодорожнаго сообщенія, съ которымъ, однако, сосѣдній С.-В. фронтъ, гдѣ разрушенія были далеко не меньшими, уже справился. Готовность 4-й арміи грозила затянуться болѣе, чѣмъ на недѣлю. Только личное вмѣшательство Верховнаго Главнокомандующаго устранило эту опасность и привело къ срочной доставкѣ сухарнаго запаса къ 4-й арміи на автомобиляхъ.

Между тѣмъ уже 11-го ноября обнаружилось наступленіе германцевъ съ фронта Нешава-Радзеевъ на Влоцлавскъ, противъ нашего V-го Сиб. корпуса. Это наступленіе, которому въ первые дни штабъ С.-В. фронта не склоненъ былъ придавать рѣшающаго значенія, явилось, однако, начальнымъ актомъ германскаго контръ-маневра, пріостановившаго наше наступленіе и приведшаго къ жестокимъ Лодзинскимъ боямъ.

Въ настоящее время не является болѣе тайной, что германское главнокомандованіе на восточномъ фронтѣ, въ лицѣ генерала Гинденбурга и начальника его штаба генерала Людендорфа, рѣшило воспользоваться медленностью нашего наступленія, чтобы, спасая свое положеніе и желая остановить наше наступленіе, угрожавшее Познани и Силезіи, быстро и скрыто сосредоточить новую ударную группу на фронтѣ Торь-Врешень, съ которою и перейти въ наступленіе между Вислой и Вартой противъ праваго фланга нашихъ войскъ, наступавшихъ на лѣвомъ берегу р. Вислы. Для этого сосредоточенія была предназначена 9-я германская армія генерала Макензена (XI, XVII, XX корпуса и 3-я гв. дивизія), усиленная двумя корпусами (IP. и XXVP.) изъ 8-й Восточно-Прусской арміи. Ослабленіе этой послѣдней было признано возможнымъ, вслѣдствіе окончанія формированія въ Восточной Пруссіи, взамѣнъ уходившихъ корпусовъ, нѣсколькихъ второочередныхъ дивизій. Въ армію генерала Макензена входило также 6 кав. дивизій, изъ коихъ 2 австрійскія; часть этихъ

дивизій составляла два кав. корпуса генераловъ Фроммеля и Рихтгофена. Южнѣе 9-й арміи, должна была обезпечивать Силезскую границу армейская группа генерала Вейрша (Гв. Р. и ландв. корпуса и двѣ отд. дивизіи), въ районѣ Ченстохова, по обѣ стороны которой пристраивались 2-я и 1-я австрійскія арміи, вступившія, такимъ образомъ, на германскую территорию, въ Силезію. Итого, наши противники имѣли на лѣвомъ берегу р. Вислы въ началѣ операціи противъ насъ не менѣе 14 корпусовъ, изъ коихъ, по расчету силъ, не менѣе 8 корпусовъ германскихъ. Къ этимъ силамъ могли быть подтянуты подкрѣпленія изъ 4-й австрійской арміи, сосредоточивавшейся къ Кракову. Наконецъ, впослѣдствіи, начиная со второй половины ноября, къ этимъ силамъ стали постепенно подходить назначенные къ перевозкѣ съ западнаго французскаго фронта, четыре корпуса (II, III Р., XIII и XXIV Р.), главные резервы крѣпостей Познань, Бреславль и Торнъ, и 1-я дивизія, дополнительно переброшенная изъ Восточной Пруссіи; всего, по расчету числа дивизій, свыше шести германскихъ корпусовъ. Такимъ образомъ къ концу операціи наши противники должны были имѣть на лѣвомъ берегу р. Вислы не менѣе 20—22 корпусовъ, изъ коихъ, по расчету силъ, не менѣе 14 германскихъ корпусовъ.

Рѣшеніе о перегруппировкѣ было принято германскимъ командованіемъ около 3-го ноября и выполнено въ теченіе недѣльнаго срока, изъ чего можно видѣть, что своевременной атакой въ первыхъ числахъ ноября въ Ченстоховскомъ направленіи мы имѣли возможность предупредить задуманный нѣмцами контръ-маневръ. Такимъ образомъ, только собственному неумѣію — срочно преодолѣть тѣ препятствія, которыя возникали на пути выполнения нашего первоначальнаго плана, предусматривавшаго эту атаку, — мы обязаны неудачѣ всего нашего замысла и выпаденію изъ нашихъ рукъ инициативы дѣйствій. Плохая же развѣдка, — эта неизмѣнная спутница всѣхъ нашихъ военныхъ начинаній, привела къ тому, что германцы сумѣли скрыть отъ насъ свою перегруппировку. Нашей медленности и плохой освѣдомленности германцы противопоставили быстроту и скрытность, давшія, въ конечномъ результатѣ, внезапность подготовлявшагося ими противъ насъ удара.

Къ 11-му ноября, т. е. ко дню наступленія германскихъ войскъ съ фронта Радзеевъ-Нешава на Влоцлавскъ, арміи С.-З. фронта занимали слѣдующее положеніе:

1-я армія (генераль Ренненкампфъ): V Сиб. корпусъ — въ районѣ Влоцлавска; VI Сиб. корпусъ — на пути въ Плоцкъ изъ Плонска; VI арм. корпусъ — въ районѣ Серпеца, и I Турк. — на Млавскомъ направленіи, въ наступленіи на Сольдау. Кавалерія — у Избицы и Лицно. Расположеніе арміи являлось несомнѣнно разбросаннымъ, что можетъ быть объяснено обширностью задачъ, лежавшихъ на этой арміи, и отчасти — отсутствіемъ до этого дня угрожающихъ свѣдѣній о противникѣ.

2-я армія (генераль Шейдеманъ) — имѣла уступомъ за своимъ правымъ флангомъ II-й корпусъ нѣсколько сѣверо-западнѣе Кутно; остальные корпуса въ порядкѣ ихъ перечисленія, — XXIII, II Сиб., IV и I-й — на фронтѣ Унеиовъ-

Шадекъ-Ласкъ-Ведлевъ; кавалерія (генералы Новиковъ и Шарпантье) — на фронтѣ къ сѣверу отъ Калиша до Варты, примѣрно у Конины.

Южнѣе 2-й арміи — 5-я армія (генераль Плеве), изъ корпусовъ I Сиб., XIX и V, — на фронтѣ черезъ Роспржу до Пржедборжа; далѣе къ югу — 4-я армія (корпуса Грен., XVI, III Кавк. и XVII) — на фронтѣ до Пинчова.

Наконецъ, 10-я армія изъ шести корпусовъ (III, XX, XXII, XXVI, II Кавк. и III Сиб.) — на фронтѣ противъ Мазурскихъ озеръ и укрѣпленной нѣмцами линіи Ангераппа.

Къ югу отъ арміи генерала Рузскаго стояли арміи Ю.-З. фронта по р.р. Нидѣ (корпуса Гв. XXV и XIV, принадлежавшіе къ составу 9-й арміи), Дунайцу и далѣе — глубоко втянувшись въ Карпаты.

Всего къ началу операціи на лѣвомъ берегу р. Вислы находилось 16 корпусовъ.

Столкновения, происшедшія 11-го ноября между передовыми частями V-го Сиб. корпуса и наступавшими нѣмецкими войсками, вылились на слѣдующій день въ довольно упорный бой у Влоцлавска. Въ результатѣ такого, нашъ корпусъ отошелъ на позиціи впереди Гостынина. Свѣдѣнія о составѣ наступавшихъ войскъ были крайне неудовлетворительны, по своей разнорѣчивости, и твердо установлено было лишь наличие частей XXV Р. корпуса, подвезеннаго нѣмцами изъ Восточной Пруссіи. Характеризуя происшедшій у Влоцлавска бой, генераль-квартирмейстеръ штаба С.-З. фронта Генераль Бончъ-Бруевичъ высказывалъ, что между Кониномъ и р. Вислой наступали лишь двѣ германскія дивизіи. Хотя одна изъ дивизій V Сиб. корпуса понесла большія потери, особенно въ офицерскомъ составѣ, тѣмъ не менѣе генераль Бончъ-Бруевичъ, держался того мнѣнія, что, въ данномъ бою, мы имѣли дѣло съ наличиемъ малой стойкости у нашихъ войскъ. Если сопоставить все это съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ дѣйствительности на указанномъ выше фронтѣ наступало пять германскихъ корпусовъ и что противъ V-го Сиб. корпуса дѣйствовали части трехъ корпусовъ (XXV Р., I Р. и XX), то воочью открывается наша изъ рукъ вонъ плохая освѣдомленность о неприятелѣ.

Опираясь на данныя своего штаба, Главнокомандующій арміями С.-З. фронта не имѣлъ основаній отказываться отъ выполненія указанного ему наступательнаго плана, почему на слѣдующій день послѣ Влоцлавскаго боя генераломъ Рузскимъ были отданы необходимыя распоряженія о переходѣ съ утра 14-го ноября 2-й, 5-й и 4-й арміи въ наступленіе на фронтъ Калишъ-Бендинъ. Однако, оцѣнивая въ этотъ день наступавшія между Вислой и Вартой силы германцевъ уже болѣе значительными, генераль Рузскій указывалъ 2-й арміи вести свое наступленіе уступами, правымъ флангомъ назадъ, при каковомъ порядкѣ движенія эта армія могла удобнѣе произвести перемѣну фронта на сѣверо-западъ. Правофланговымъ же частямъ 2-й арміи (корпусамъ II-му и отчасти XXIII-му) указывалось быть въ готовности оказать содѣйствіе V-му Сиб. корпусу, къ которому долженъ былъ также подойти VI-й Сиб. корпусъ, по окончаніи переправы черезъ р. Вислу у Плоцка. Такимъ образомъ данныя

распоряженія сводились къ тому, чтобы, въ случаѣ надобности, сосредоточить на фронтѣ между р.р. Вислой и Неромъ, къ западу отъ Гостынина и Кутно, силы трехъ-четырехъ корпусовъ.

Одобривъ распоряженія по усилению праваго фланга нашего стратегическаго фронта на лѣвомъ берегу Вислы, Верховный Главнокомандующій указалъ генералу Рузскому, что, при создавшейся обстановкѣ, основной его задачей должна считаться задача разбитія германцевъ, наступающихъ на фронтъ Плоцкъ-Унеиовъ, почему Главнокомандованію С.-З. фронта надлежитъ принять заблаговременныя мѣры для образованія необходимыхъ резервовъ; со своей же стороны Великій Князь отдалъ распоряженіе о перевозкѣ изъ Петрограда въ Варшаву, въ составъ войскъ С.-З. фронта, двухъ второчередныхъ дивизій.

15-го ноября въ Ставкѣ было получено агентурное донесеніе о начавшейся, якобы, эвакуациі нѣмцами Ченстохова и переброскѣ оттуда войскъ по желѣзной дорогѣ на Торнъ и далѣе въ Плоцкую губернію, что указывало на возможность наступленія нѣмцевъ и по правому берегу р. Вислы. Въ связи съ этимъ свѣдѣніемъ, Великій Князь обратилъ вниманіе генерала Рузскаго на необходимость быть готовымъ къ маневрированію войсками его фронта на обонхъ берегахъ р. Вислы; это требовало, по мнѣнію Ставки, устройства обезпеченныхъ переправъ, подготовки желѣзныхъ дорогъ и заблаговременныхъ соображеній о переброскѣ, въ случаѣ выясненія необходимости, 5-й арміи, а можетъ быть и части 4-й, на правый берегъ р. Вислы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Верховнымъ Главнокомандующимъ была отмѣчена необходимость побудить 10-ю армію къ болѣе энергическимъ дѣйствіямъ, при отсутствіи коихъ не оправдывалось наличіе въ этой арміи шести корпусовъ.

Однако, постепенно выяснилось, что на правомъ берегу р. Вислы, на Млавскомъ и Серпецкомъ направленіяхъ, дѣйствуютъ относительно небольшія силы германцевъ — въ общемъ три-четыре пѣхотн. дивизіи съ двумя кав. дивизіями, переброшенными сюда съ западнаго фронта. Назначеніе этихъ войскъ, повидимому, состояло только въ томъ, чтобы затруднить сосредоточеніе всей нашей 1-й арміи на лѣвомъ берегу р. Вислы. Такимъ образомъ опредѣлено выяснилось, что главное наше вниманіе должно было быть сосредоточено на томъ, чтобы ликвидировать развивавшееся наступленіе германцевъ на лѣвомъ берегу Вислы.

Я уже отмѣтилъ, что, распоряженіемъ генерала Рузскаго, на фронтѣ между р. Вислой и Неромъ, впереди Кутно, должны были собраться три-четыре нашихъ корпуса для отраженія наступающихъ германцевъ; составъ послѣднихъ не былъ еще точно выясненъ, въ дѣйствительности же достигалъ 5—5½ корпусовъ. Хотя каждый изъ нашихъ корпусовъ, по числу батальоновъ, былъ значительно сильнѣе германскаго, и, такимъ образомъ, между сторонами не было существенной разницы въ числѣ батальоновъ, но въ маневренной войнѣ огромное преимущество всегда будетъ на сторонѣ того, кто обладаетъ болѣе гибкой и легкой организаціей, каковою являлась организація нашего про-

тивника. Независимо того, германцы были сосредоточены, мы — же разбросаны. Они богаче насъ были снабжены артиллеріей, а ихъ резервныя части, по своимъ боевымъ качествамъ, значительно превосходили наши второочередныя дивизіи, изъ коихъ цѣликомъ были составлены V-й и VI-й Сибирскіе корпуса. Но важнѣе всего было то, что руководство наступавшими германскими войсками находилось въ рукахъ одного военачальника, тогда какъ наши корпуса принадлежали къ составу двухъ сосѣднихъ армій и, въ силу этого, были лишены ближайшаго объединенія. Намѣчавшійся германцами ударъ приходился по стыку между двумя арміями, всегда представляющему наиболѣе уязвимое мѣсто. Правда, въ виду назрѣвавшихъ событій, генераль Рузскій, съ частью своего штаба, находился въ Варшавѣ, невдалекѣ отъ участка, на которомъ ожидалось событія; но онъ продолжалъ управлять дѣйствіями своего фронта въ нормальномъ порядкѣ, т. е. чрезъ командующихъ арміями. Нарушить привычный порядокъ управленія войсками генераль Рузскій, повидимому, не рѣшался. Привычка къ законамъ установленнымъ формамъ, хотя бы и въ ущербъ существу, къ сожалѣнію, была обычнымъ явленіемъ въ нашей арміи, и я бы поэтому не рѣшился поставить ее въ особый упрекъ Главнокомандованію арміями С.-З. фронта; но несомнѣнно, что, при данныхъ условіяхъ, дѣло конечно выиграло бы отъ изыятія упомянутыхъ корпусовъ въ оперативномъ отношеніи изъ вѣдѣнія соответствующихъ командующихъ арміями, съ подчиненіемъ ихъ непосредственно генералу Рузскому, или въ крайности — одному изъ командующихъ арміями, или даже кому-либо изъ наличныхъ командировъ корпусовъ. Этимъ было бы достигнуто наиболѣе дѣйствительнымъ образомъ столь необходимое въ военномъ дѣлѣ единство дѣйствій и устранено вредное тяготѣніе упомянутыхъ корпусовъ къ своимъ арміямъ, несомнѣнно облегчавшее противнику прорывъ между ними.

14-го ноября нѣмцы энергично атаковали II-й и особенно XXIII-й корпуса на участкѣ южнѣе желѣзной дороги изъ Кутно на Влоцлавскъ до р. Неръ включительно. Сѣвернѣе той же желѣзной дороги ихъ усилія были направлены отъ Коваля на Гостынинъ. Всѣ эти атаки особаго успѣха не имѣли, за исключеніемъ района дѣйствій нашего XXIII-го корпуса, на которомъ, послѣ кровопролитныхъ схватокъ, наша 3-я гв. дивизія къ утру 15-го ноября должна была отойти на лѣвый берегъ р. Нера; 1-я же стрѣлковая бригада отошла на Ленцицу. Развивая достигнутый частичный успѣхъ, нѣмцы отгѣснили, въ теченіе 15-го ноября, нашихъ стрѣлковъ къ Озеркову и гѣмъ открыли себѣ путь на Ловичъ; въ этомъ послѣднемъ направленіи и двинулась часть ихъ войскъ. Движеніе это создало угрозу лѣвому флангу нашего II-го корпуса, переключеннаго къ этому времени въ составъ I-й арміи. Корпусъ этотъ, атакованный, къ тому же еще и съ фронта, отошелъ къ вечеру того же дня назадъ, увлекая за собою V-й Сиб. корпусъ, дѣйствовавшій съ частями VI-го Сиб. корпуса нѣсколько сѣвернѣе. Въ результатъ, указанная группа корпусовъ отошла на позицію восточнѣе Кутно и Гостынина, примкнувъ правымъ своимъ флангомъ къ р. Вислѣ, почти вилотную къ Плоцку.

Двухдневными боями 14-го и 15-го ноября было, наконецъ, документально установлено наличие у противника, между р. р. Вислой и Неромъ, XI, XVII, XX и части XXV Р. корпусовъ; кромѣ того — нѣсколькихъ кав. дивизій. Лишь I Р. корпусъ и 3-я гв. дивизія все еще оставались не обнаруженными.

Ввиду фактическаго прорыва нѣмцевъ отъ Ленчицы въ направленіи на Ловичъ, къ послѣднему пункту, для непосредственнаго его прикрытія, были спѣшно направлены по желѣзной дорогѣ черезъ Варшаву два Туркестанскихъ стрѣлковыхъ полка и полкъ офицерской стрѣлковой школы (всего 6 бат.). Кромѣ того, къ Варшавѣ была направлена вновь прибывшая 6-я Сиб. стрѣлк. дивизія. Для окончательнаго же закрытія образовавшагося прорыва, приказано было группѣ корпусовъ 1-й арміи, отошедшихъ на позиціи восточнѣе Гостынина и Кутно, перейти снова въ наступленіе; наконецъ, въ районѣ дѣйствій 2-й арміи, II-му Сиб. корпусу — подтянуться къ XXIII-му, для совмѣстной атаки германцевъ на участкѣ Ленчица-Домбе, съ развитіемъ главнаго удара на Ленчицу.

Слѣдующій день, 16-го ноября, не улучшилъ, однако, нашего положенія. — XXIII-й и II-й Сиб. корпуса вели упорный встрѣчный бой съ нѣмцами на участкѣ между р. р. Бзурой и Вартой, но къ вечеру вынуждены были къ отходу; противникъ окончательно и значительными силами укрѣпился на Нерѣ и Бзурѣ, примѣрно до Орлова. Въ сѣверо-восточной группѣ нашихъ корпусовъ день закончился также неблагополучно, и находившійся на лѣвомъ флангѣ II-й корпусъ отошелъ за р. Скудву, очистивъ путь на Кутно. Послѣдній, впрочемъ, еще раннимъ утромъ былъ занятъ противникомъ, выдвинувшимъ впередъ свою кавалерію. При этомъ продвиженіи, непріятельскимъ разъѣздомъ былъ случайно захваченъ въ плѣнъ попавшійся разъѣзду на пути, въ автомобилѣ, Варшавскій Губернаторъ Баронъ Корфъ.

Разруха, произведенная германскимъ контръ-наступленіемъ на правомъ флангѣ нашихъ войскъ, вынудила Главнокомандующаго С.-З. фронтомъ, еще въ ночь на 16-ое ноября, отдать распоряженіе о приостановкѣ наступленія 2-й, 5-й и 4-й армій, производившагося въ юго-западномъ направленіи, и о перегруппировкѣ этихъ армій. Лѣвофланговые корпуса 2-й арміи (IV-й и I-й), еще не введенные въ бой, получили распоряженіе перейти къ Лютомереку и Ласку, т. е. приблизиться къ району разыгрывавшагося сраженія; въ дальнѣйшемъ ихъ имѣлось ввиду вывести на направленіе Лодзь-Ленчица. 5-й арміи было первоначально указано подтянуться ближе къ району Петрокова, который прорѣзывался желѣзной дорогой; затѣмъ, два корпуса этой арміи (XIX-й и I-й Сиб.) получили приказаніе выйти на лѣвый флангъ 2-й арміи. Что же касается третьяго корпуса арміи генерала Плеве (V-го), то его предполагалось перевезти по жел. дорогѣ въ Скерневицы, въ распоряженіе Главнокомандующаго фронтомъ, въ дѣйствительности же эта мѣра была осуществлена лишь частично: на Скерневицы была направлена только одна дивизія этого корпуса (10-я); другая же дивизія (7-я) осталась при арміи, для обезпеченія ея лѣваго фланга.

Наконецъ, 4-й арміи было указано временно остановиться на достигнутомъ

фронтъ, соотвѣтственно растянувъ лишь свое расположеніе къ сѣверу до Норадомска.

Однако, свѣдѣнія о дальнѣйшемъ ослабленіи германскихъ силъ на Ченстоховскомъ направленіи и непрекращающейся переброскѣ ихъ въ районъ Торна и даже на правый берегъ р. Вислы, побудили Ставку вернуться къ вопросу объ ускореніи атаки противника на направленіяхъ Краковъ-Ченстоховъ, съ цѣлью сковать его на этомъ фронтѣ и лишить возможности продолжать переброску своихъ войскъ на сѣверъ. Такъ какъ Главнокомандующій С.-З. фронтомъ былъ отвлеченъ операціей, развивавшейся между р.р. Вислой и Вартой, то задача эта была въ полномъ объемѣ возложена на генерала Иванова, въ подчиненіе которому и была вновь передана, въ ночь съ 17-го на 18-ое ноября, вся 4-я армія. Новая разграничительная линія между фронтами была проведена черезъ Госпржу на Велюнь. Въ случаѣ успѣха, генераль Иванова долженъ былъ въ дальнѣйшемъ, изолировать Краковъ, стремиться къ захожденію своими двумя правофланговыми арміями, лѣвымъ плечомъ впередъ, въ направленіи на Люблинецъ. Въ предвидѣніи же дѣйствій подъ Краковомъ, сдѣлано было распоряженіе о формированіи подвижныхъ тяжелыхъ батарей изъ состава Брестъ-Литовской и другихъ крѣпостей.

Возобновивъ наступленіе, 4-я армія подошла къ позиціямъ непріятеля, занятымъ послѣднимъ на подступахъ къ фронту Ченстоховъ-Козегловы; здѣсь эта армія ввязалась въ бой, встрѣтивъ со стороны противника упорное сопротивленіе. — 9-я же армія, съ боями, стала подвигаться къ Кракову.

Дѣйствія 5-й и 4-й армій въ расходящихся направленіяхъ должны были неизбежно привести къ разрыву между ними и образованію не занятого нашими войсками промежутка. Для заполнения такового, Ставка отдала распоряженіе о выдвигеніи обѣими названными арміями на наружные ихъ фланги конныхъ группъ, долженствовавшихъ связаться другъ съ другомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, ввиду обнаруженнаго сдвига австрійскихъ войскъ въ Галичинѣ и переброски ихъ къ сѣверу отъ Кракова, Главнокомандующему Ю.-З. фронтомъ рекомендовалось сосредоточить на лѣвомъ берегу р. Вислы не только 4-ю и 9-ю арміи, но подтянуть туда же и часть 3-й арміи; на правомъ же берегу р. Вислы, наступленіемъ 8-й арміи на Змигродь-Дуклу, попытаться затруднить указанную выше переброску австрійцевъ къ сѣверу отъ Кракова. Передвиженіемъ частей 3-й арміи на лѣвый берегъ р. Вислы и послѣдовательнымъ перемѣщеніемъ корпусовъ къ сѣверу могла бы быть обезпечена также задача усиленія праваго фланга 4-й арміи, на случай необходимости оказать этимъ флангомъ помощь арміямъ С.-З. фронта.

Указанная выше перегруппировка армій С.-З. фронта должна была закончиться къ вечеру 17-го ноября, и на слѣдующій день генераль Рузскій намѣчалъ перейти къ совмѣстной атацѣ германцевъ 1-й 2-й и 5-й арміями, имѣя цѣлью останоить дальнѣйшее наступленіе непріятеля и закрыть образовавшійся разрывъ фронта на Ловичскомъ направленіи. Къ лѣвобережной группѣ корпусовъ 1-й арміи ожидался подходъ головныхъ частей VI арм. корпуса,

переправлявшихся въ Плоцкъ; къ Ловичу же была двинута по желѣзной дорогѣ 6-я Сиб. дивизія, подвозившаяся болѣе раннимъ распоряженіемъ къ Варшавѣ.

Предположенная на 18-е ноября атака, однако, не состоялась. — 2-я армія, подъ сильнымъ напоромъ противника на II-й Сиб. корпусъ, по обѣ стороны котораго выходили IV-й и I-й арм. корпуса, отошла на фронтъ Брезинны-Стрыковъ-Эгержъ-Константиновъ, занявъ такимъ образомъ дугообразное положеніе на путяхъ къ Лодзи. Равнымъ образомъ и 1-я армія, уничтоживъ, по распоряженію генерала Ренненкампа, мостъ у Плоцка, была внезапно и безъ достаточныхъ основаній отведена на цѣлый переходъ назадъ на фронтъ Илово-Шемянице, прикрывъ своимъ лѣвофланговымъ корпусомъ (II-мъ) пути на Ловичъ.

Въ результатъ такого эксцентрическаго отхода, разрывъ между лѣвымъ флангомъ 1-й арміи и правымъ флангомъ 2-й арміи еще болѣе расширился, достигнувъ нѣсколькихъ десятковъ верстъ. Въ это пространство свободно могъ вливаться противникъ, занявшій еще 17-го ноября Пюнтекъ.

Съ сожалѣніемъ приходится констатировать тотъ диссонансъ, который существовалъ между настроеніями, съ одной стороны, Главнокомандованія С.-З. фронтомъ, а съ другой — большинства исполнителей, отдававшихъ распоряженія на мѣстахъ. Въ то время, какъ генераль Рузскій и его штабные сотрудники настойчиво стремились выправить положеніе переходомъ въ наступленіе, вторые — болѣе тяготѣли къ уступкѣ неприятелю пространства и оборонѣ. Генераль Рузскій доносилъ въ Ставку, что «въ настроеніи начальствующихъ лицъ, по заявленіямъ командующихъ, не замѣчается должнаго подъема».

Штабъ С.-З. фронта желалъ видѣть 2-ю армію на фронтѣ Пюнтекъ-Лодзь; боевыя же дѣйствія противника вынуждали Командующаго этой арміей отводить свои войска все болѣе и болѣе на югъ, причемъ генераль Шейдеманъ утѣшалъ себя достаточно безнадежною мыслью исправить послѣдствія такого отхода въ будущемъ, ударомъ во флангъ обходившему его противнику. Потокъ послѣдняго, постепенно отбѣгая войска 2-й арміи къ Лодзи, неизмѣнно разливался, направляясь на Стрыковъ, Брезинны, Колошки и Рзговъ. Уже 18-го ноября непріятельскіе разѣзды, доходившіе до Петрокова и Томашова, прервали прямую телеграфную связь между штабомъ 2-й арміи и штабомъ фронта. Положеніе этой арміи съ каждымъ днемъ становилось все серьезнѣе.

Несостоявшееся 18-го ноября совмѣстное наступленіе было перенесено Главнокомандующимъ арміями С.-З. фронта на слѣдующее число; но и въ этотъ день ни на фронтѣ 1-й арміи, ни во 2-й арміи никакихъ положительныхъ результатовъ достигнуто не было. Правый флангъ 2-й арміи все глубже охватывался нѣмцами и его приходилось все болѣе и болѣе загибать назадъ, фронтомъ на востокъ и даже на югъ.

Лишь одна 5-я армія, выполняя приказаніе Главнокомандующаго, начала, съ полудня 10-го, наступленіе на фронтъ Ласкъ-Пабянице, и далѣе на сѣверъ. Встрѣтивъ на своемъ пути нѣмцевъ, корпуса 5-й арміи вступили съ ни-

ми въ бой. Наступленіе 1-го Сиб. корпуса на Лютомерекъ и XIX-го корпуса въ направленіи на Шадекъ развивалось очень успѣшно. Непріятель былъ отброшенъ съ большими потерями къ сѣверу. Были взяты плѣнные, орудія, пулеметы. Но главнымъ результатомъ наступленія 5-й арміи было значительное расширеніе на западъ нашего фронта, угрожавшаго передъ тѣмъ замкнуться вокругъ 2-й арміи.

Но, положеніе 5-й арміи, въ свою очередь стало осложняться обнаруженіемъ противъ ея лѣваго фланга, со стороны р. Варты, новыхъ германскихъ силъ: то были части Бреславльскаго и Познанскаго корпусовъ, усиленные кавалеріей; о наступленіи ихъ черезъ Калишь у насъ имѣлись свѣдѣнія уже и раньше..

Фактъ прорыва нѣмцевъ между 1-й и 2-й арміями и глубокаго охвата послѣдней съ праваго фланга требовалъ принятія серьезныхъ и экстренныхъ мѣръ, для противодѣйствія возможнымъ результатамъ такового. По существу, наше положеніе въ общемъ не должно было представляться особо угрожаемымъ. Силы германцевъ, перешедшія въ наступленіе между р.р. Вислой и Вартой, были ограничены, и даже по нашимъ исчисленіямъ того времени, не превосходили 6½—7 корпусовъ. Изъ этихъ силъ, въ обходныхъ колоннахъ, противъ праваго фланга и тыла 2-й арміи, едва ли могло быть свыше 2—2½ корпусовъ. Правда, имѣлись свѣдѣнія, что германская пѣхота, передъ наступленіемъ, была доведена до 260—280 штыковъ въ ротѣ, но это обстоятельство не измѣняло существенно всей обстановки. Противъ этихъ силъ мы имѣли въ арміяхъ С.-З. фронта на лѣвомъ берегу р. Вислы 11 корпусовъ, изъ коихъ: въ 1-й арміи, вѣсѣвшей надъ флангомъ и тыломъ прорвавшихся нѣмецкихъ войскъ, до четырехъ корпусовъ (V и VI Сибирскіе, II корпусъ и Ловичскій отрядъ) и во 2-й и 5-й арміяхъ — семь корпусовъ. Положеніе 5-й арміи, впрочемъ, осложнялось, какъ мы видѣли, появленіемъ у нея на лѣвомъ флангѣ, и даже въ тылу, новыхъ германскихъ войскъ, наступавшихъ въ направленіи на Шадекъ и Ласкъ. Одно время это наступленіе оцѣнивалось въ штабѣ С.-З. фронта весьма серьезно, какъ могущее привести, вмѣстѣ съ обходомъ праваго фланга генерала Шейдемана, къ полному окруженію 2-й и 5-й армій, но генералъ Плеве, своими спокойными и увѣренными донесеніями, разсѣялъ постепенно эти опасенія.

Подтянувъ къ 1-й арміи подкрѣпленія съ праваго берега р. Вислы, Главнокомандующій С.-З. фронтомъ, въ силу положенія этой арміи, получалъ возможность, соответственнымъ направленіемъ ея частей, поставить обходившій 2-ю армію нѣмецкія колонны въ очень трудное положеніе. Въ данномъ случаѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, могла найти себѣ подтвержденіе формула: «кто обходить, тотъ самъ обойденъ». Вопросъ сводился лишь къ тому, чтобы развить наступательныя дѣйствія частей 1-й арміи съ необходимой энергіей и выполнить подсказывавшійся обстановкой контръ-маневръ прежде, чѣмъ будетъ исчерпана сопротивляемость обойденныхъ корпусовъ нашей 2-й арміи.

Въ главныхъ линіяхъ схема этого контръ-маневра намѣчалась въ слѣдующемъ видѣ:

Группа войск 1-й армии, получившая неофициальное название «V-го и VI-го сибирских корпусов», в действительности же значительно усиленная другими частями, в том числе из состава II-го арм. корпуса, должна была наступать правым флангом вдоль р. Вислы и левым — от Ловича в северо-западном направлении, тесня перед собою германцев, наступавших с фронта Плоцк-Кутно, и не давая им возможности прийти на помощь немецким войскам, обволакивавшим с севера, востока и юга Лодзь. В то же время отряды Ловичский (из 43-й дивизии II-го корпуса, 6-й сиб. дивизии, трех бригад, выделенных из состава других корпусов и дивизий, и трех двух-батальонных полков, в первую очередь поданных к Ловичу) и Скерневицкий (один полк 10-й дивизии V-го корпуса), входившие также в состав 1-й армии, должны были наступать в юго-западном направлении, на фронт Стрыков-Брезинь-Ежов, чтобы преградить пути отступления колоннам неприятеля, обходившим Лодзь.

Чтобы прикрыть правый фланг и тыл Ю.-З. фронта, обнажившиеся вследствие широкого разрыва между 1-й и 2-й армиями, и оградить войска и их тылы от появления в этом разрыве неприятельской кавалерии, Ставка направила, срочным порядком, через Ивангород на Радом, Опочну и далее на Томашов гвардейскую кавалерию, находившуюся на отдыхе в районе Ковны и Вильны. Затем, для остановки дальнейшего распространения германцев, обходивших 2-ю армию, генерал Плева намечал снять с фронта 5-й армии 1-ю сибирскую пех. дивизию и бросить ее через Пабянице на Рзговь. Эта дивизия предназначалась для действий: во-первых — в связи с тремя полками 10-й пех. дивизии, не успевшими быть перебросенными из Петрокова в Скерневице, вследствие перерыва железнодорожного сообщения, и во-вторых — с конным корпусом генерала Новикова (8-я и 14-я кав. дивизии), долженствовавшим перейти с левого фланга 2-й армии к Тушину для связи с кавалерией (Кавк. и 5-я кав. дивизиями) 1-й армии, двигавшейся на левом фланге Ловичского и Скерневицкого отрядов. Перечисленные три группы войск могли образовать мешок с запада и юга вокруг зарвавшегося врага.

Вполне очевидно, что концентрическое наступление всех этих колонн, вместе с возобновлением атаки правофланговыми корпусами обходившей 2-й армии, должно было привести к полному окружению значительной части германских войск, примерно в районе Брезинь, каковое окружение являлось бы достойным реваншем за Самсоновскую катастрофу.

Дабы, в период этого маневра и последующих действий, сковать неприятельскую группу у Ченстохова и воспрепятствовать переброске из нее войск на более северные направления, например, во фланг 5-й армии, было признано крайне полезным развить более энергичное наступление и правофланговыми армиями Ю.-З. фронта; в крайнем же случае — иметь наготове хотя бы один корпус для наступления на фронт Щерцов-Белхатов, во фланг германским войскам, при попытке их наступать от р. Варты на

Ласкъ. Однако, положеніе нашихъ 4-й и 9-й армій къ этому времени оказалось очень нелегкимъ. Обезкровленные боями, неподдержанныя частями 3-й арміи и вынужденныя подаваться все время къ сѣверу, вслѣдствіе перегруппировокъ, совершавшихся на С.-З. фронтѣ, обѣ эти арміи занимали крайне растянутое положеніе и тѣмъ не менѣе все же между лѣвымъ флангомъ 5-й арміи и правымъ 4-й оставался незаполненнымъ довольно значительный промежутокъ, слабо занимавшійся, какъ уже отмѣчено было выше, одною конницею.

Вслѣдствіе этого Ставкой намѣчалась переброска въ этотъ промежутокъ II-го Кавк. корпуса изъ состава 10-й арміи, безнадежно топтавшейся на мѣстѣ въ Восточной Пруссіи.

Эта предосторожность казалась Ставкѣ не лишней потому, что на фронтѣ нашихъ союзниковъ съ половины ноября замѣтно стали затихать бои у Ипра и на Изерѣ. Фронтъ ихъ постепенно стабилизировался, и мы не могли болѣе считать себя гарантированными отъ возможности новой переброски германскихъ войскъ съ западнаго фронта на ихъ восточный. Мы уже знаемъ, что германское Главнокомандованіе дѣйствительно подготовило перевозку четырехъ корпусовъ. Изъ нихъ два корпуса (III Р. и XIII) были имъ направлены на Сохачовское направленіе, одинъ корпусъ (II) — на Калишъ и четвертый (XXIV Р.) — еще южнѣе.

Измѣнившаяся, вслѣдствіе такого распредѣленія германскихъ корпусовъ, обстановка заставила использовать II-й Кавказскій корпусъ, послѣ прибытія его на лѣвый берегъ р. Вислы, на другомъ направленіи, а именно на р. Бзурѣ.

Изложенная выше схема предстоявшихъ дѣйствій, для ликвидаціи Лодзинскихъ боевъ, была одобрена Верховнымъ Главнокомандующимъ, который высказалъ, что войсками и ихъ начальниками должны быть исчерпаны все средства, чтобы сломить сопротивленіе противника. Но такъ какъ Главнокомандующій Ю.-З. фронтомъ генераль Ивановъ считалъ необходимымъ настаивать на томъ, чтобы ознакомить его съ существующими соображеніями на случай неуспѣха принимаемыхъ мѣръ, то ему было отвѣчено, что, если побѣда будетъ не за нами, — придется начать отходъ къ Вислѣ и Сану, ставя себя цѣлью остановиться на заранѣе подготавливавшихся позиціяхъ лѣваго берега р. Вислы; на Санѣ же — удерживать въ нашихъ рукахъ переправы.

Между тѣмъ событія шли своимъ чередомъ. — 20-го ноября прервалась всякая связь между штабомъ С.-З. фронта и штабами 2-й и 5-й армій. Послѣдній изъ Петрова перешагнулъ ближе къ войскамъ. Перестали отзываться на позывы и искровыя станціи обѣихъ армій. Такимъ образомъ, 2-я и 5-я арміи были окончательно отрѣзаны отъ насъ, и командованіе этой изолированной группой войскъ изъ семи корпусовъ, перешло въ руки командующаго 5-й арміей генерала Шлеве.

Безпокоясь о судьбѣ этой группы войскъ, мы въ Ставкѣ переживали крайне тревожное время. Послѣднее донесеніе генерала Шейдемана говорило о томъ, что его правый флангъ совершенно обойденъ съ тыла, и что противникъ занялъ нѣкоторые пункты къ юго-западу отъ Лодзи; арміи доносилъ генераль Шей-

деманъ, приходится отбиваться на всѣ стороны, и всѣ ея резервы израсходованы. Положеніе 2-й и 5-й армій осложнилось недостаточнымъ обезпеченіемъ войскъ боевыми припасами и невозможностью ихъ доставки. Правильный подвозъ прекратился. Обозы 2-й и 5-й армій беспорядочно загромодили всѣ пути на Радомъ. Они явились распространителями самыхъ невѣроятныхъ слуховъ. Говорили о прибытіи въ штабъ 2-й арміи германскихъ парламентаровъ, съ предложеніемъ о прекращеніи сопротивления. Но всѣ, знавшіе личную доблесть генерала Плева и его выдержку, не сомнѣвались въ достойномъ отвѣтѣ.

Слухи эти потомъ разъяснились. Въ штабъ 2-й арміи дѣйствительно прибылъ германскій лейтенантъ, съ бѣлой повязкой на рукѣ, заявившій, что онъ присланъ отъ Командующаго германскими войсками на восточномъ фронтѣ генерала Гинденбурга, съ предложеніемъ о сдачѣ. Не вступая въ переговоры, его отправили въ штабъ 5-й арміи къ генералу Плеве. Последний не принялъ парламентаря, и, такъ какъ при немъ не оказалось никакихъ документовъ, удостовѣрившихъ его странную миссію, то онъ былъ тутъ же объявленъ военнопленнымъ. Повидимому, офицеръ этотъ, посланный въ разъѣздъ, заблудился и, чтобы выйти изъ положенія, грозившаго ему жизнью или плѣномъ, намѣтилъ себѣ столь своеобразную мистификацію.

При очерченныхъ выше условіяхъ быстрыя и энергичныя дѣйствія со стороны частей 1-й арміи приобрѣтали исключительно важное значеніе.

Между тѣмъ, несмотря на повторные призывы Верховнаго Главнокомандующаго къ начальникамъ и войскамъ — о необходимости напрячь всѣ силы и энергію, части арміи генерала Ренненкампа продвигались впередъ весьма вяло. Группа войскъ, ядро конхъ составляли V-й и VI-й сибирскіе корпуса, по характеристикѣ штаба С.-З. фронта, показала себя вполне немошной и требовала, для своего движенія впередъ, дополнительнаго прилива свѣжихъ частей изъ за Вислы. Но особое значеніе приобрѣтало конечно скорѣйшее движеніе Ловичскаго отряда, предназначавшагося для выхода въ тылъ обходившимъ 2-ю армію германскимъ войскамъ. Къ сожалѣнію отрядъ этотъ, какъ мы уже видѣли, имѣлъ до крайности пестрый составъ и во главѣ его находились случайные начальники, едва ли не ежедневно къ тому же смѣнявшіеся. По позднѣйшимъ расчетамъ штаба С.-З. фронта, отрядъ этотъ двигался, не имѣя передъ собою непріятеля, со скоростью всего лишь отъ 8 до 12 верстъ въ сутки. — «У насъ войска какъ-то не ходятъ, несмотря на самыя энергичныя подталкиванія» — такъ характеризовалъ наступательную работу 1-й арміи одинъ изъ отвѣтственныхъ чиновъ штаба С.-З. фронта. Въ крайне печальномъ положеніи оказалась въ 1-й арміи и работа службы связи. Несмотря на наличіе достаточныхъ средствъ для ея организаціи, нельзя было добиться яснаго донесенія о ходѣ дѣлъ въ частяхъ этой арміи. Отсутствіе свѣдѣній о дѣятельности Ловичскаго отряда крайне нервировало Ставку и штабъ С.-З. фронта. Только черезъ офицера, специально посланнаго штабомъ фронта въ этотъ отрядъ съ нѣсколькими автомобилями, стало, наконецъ, извѣстно, что 22-го ноября Ловичскій отрядъ, наступавшій нѣсколькими колоннами, взялъ съ боя Стрыковъ и Брезины,

послѣ чего стали продвигаться далѣе, ведя бой за мѣстные предметы, упорно обороняемые нѣмцами. Послѣдніе, чтобы избѣжать атаки въ тылъ, должны были разорвать свое кольцо, образованное ими вокругъ Лодзи, и изогнуть его въ обратную сторону, фронтомъ на сѣверъ; оторвавшаяся же часть непріятели, состоявшая, какъ впоследствии выяснилось, изъ XXV Р. корпуса и 3-й гв. дивизіи, съ двумя кав. дивизіями, оказалась въ изолированномъ положеніи въ районѣ Рзговъ-Тушинъ.

Телеграфное сообщеніе штаба генерала Плеве съ штабомъ фронта было восстановлено въ тотъ же день 20-го ноября и на слѣдующій день, 21-го ноября, изъ 5-й арміи было получено донесеніе, что обходу нѣмцевъ, въ районѣ Тушинъ-Рзговъ, положенъ окончательный предѣлъ совокупными дѣйствіями 1-й сиб. дивизіи, наступавшей черезъ Пабянице на Рзговъ, полковъ 10-й дивизіи, слѣдовавшихъ на Тушинъ со стороны Петрокова, и коннаго корпуса генерала Новикова, находившагося въ этотъ день въ промежуткѣ между обоими названными выше отрядами.

Такимъ образомъ, общая обстановка, казалось, складывалась вполне благоприятно. Можно было ожидать въ ближайшемъ времени благополучной развязки столь безпокойнаго насъ «Брезинскаго» узла. Тяжелое положеніе нѣмцевъ, охватываемыхъ со всѣхъ сторонъ, должно было усиливаться все крѣпнущими морозами и безснѣжной вѣтренной погодой...

Въ глухую темную ночь на 23-е ноября, едва успѣвъ уснуть послѣ ряда тревожно пережитыхъ дней, я былъ внезапно разбуженъ вѣстовымъ, передавшимъ мнѣ приглашеніе Начальника Штаба присутствовать при бесѣдѣ его съ Главнокомандующимъ С.-З. фронтомъ; генераль Рузскій — срочно вызвалъ генерала Янушкевича къ прямому проводу. Было 4 часа пополудни. На дворѣ стоялъ сильный морозъ; въ темномъ небѣ ярко блистали звѣзды. Пройдя въ «аппаратную» и еще издали услышавъ глубоко врѣзавшійся въ мою память на всю жизнь характерный стукъ «Юза», я былъ уже подготовленъ къ встрѣчѣ съ какимъ-либо важнымъ и неожиданнымъ извѣстіемъ. Бѣгло просмотрѣвъ первыя кольца медленно ниспадавшей съ аппарата бумажной ленты, я сразу ощутилъ ту пропасть, которая обнаружилась въ настроеніи лицъ, стоявшихъ по оба конца холодной, безстрастной проволоки, ихъ соединявшей. Мы, въ Ставкѣ, были полны увѣренности въ успѣшномъ окончаніи намѣченной операціи и лишь стремились бороться со слухами, слѣпившими опередить событія. Едва ли не на столѣ тѣснаго купе вагона, служившаго мнѣ спальней, еще лежало только что полученное письмо изъ Петербурга, въ которомъ меня упрекали въ умышленномъ сокрытіи радостной вѣсти о громкой побѣдѣ. Въ письмѣ передавалось, какъ о достовѣрномъ фактѣ, циркулировавшее въ столицѣ распоряженіе моего однофамильца Главнаго Начальника Снабженій С.-З. фронта генерала Данилова, прозваннаго «рыжимъ», въ отличіе отъ меня — Данилова — «чернаго», увы — нынѣ давно уже побѣдѣвшаго, — что въ Варшавѣ стоитъ на готовѣ подвижной желѣзнодорожный составъ на 20 т. пѣвн. рыхъ, якобы взятыхъ подъ Брезиниами...

А аппаратъ передо мною безучастно выстукивалъ слова генерала Рузскаго: «неудачныя попытки наступленія VI-го Сиб. корпуса... полная неспособность къ наступленію V-го Сиб. корпуса. . огромныя потери до 70% своего состава... Наступленіе свѣжихъ силъ непріятеля въ лѣвый флангъ и тылъ арміи Плеве... наступленіе германцевъ отъ Понтека на Ловичъ... возможность образованія такого же положенія, которое создалось у Ласкъ-Лодзи, но только въ болѣе широкомъ масштабѣ... — все это приводитъ меня къ рѣшенію принять мѣры къ сосредоточенію 1-й, 2-й и 5-й армій на линіи Иловъ-Ловичъ-Скерневицы-Томашовъ»... Это означало отступленіе со всеѣми его тяжелыми послѣдствіями для 2-й и 5-й армій. Генераль Рузскій предполагалъ начать его не позже, какъ въ ночь на 24-ое ноября, «иначе можетъ быть поздно» добавлялъ онъ.

Мнѣ до сихъ поръ остались неясными до конца мотивы такого рѣшенія, и я употребилъ весь слѣдующій день на то, чтобы предупредить тяжелыя послѣдствія такового. Вызвавъ къ аппарату генераль-квартирмейстера штаба С.-З. фронта, я успѣлъ выяснитъ, что Главнокомандующаго этимъ фронтомъ болѣе всего беспокоила мысль о «возможности» развитія, въ связи со слухами о прибытіи къ германцамъ подкрѣпленій съ запада, новаго обхода, но на сей разъ въ направленіи на Ловичъ; главное же — у генерала Рузскаго была потеряна вѣра въ маневренность вѣрннхъ ему частей войскъ. Особенно его беспокоила немощность той группы войскъ (V-й и VI-й Сиб. корпуса), которыя оперировали на Ловичскомъ и Сохачовскомъ направленіяхъ, съ отходомъ коихъ открывались пути на Варшаву. Намѣчавшееся отступленіе предполагалось, однако, осуществить непосредственно вслѣдъ за ожидавшейся въ этотъ день расчисткой непріятеля въ районѣ Брезины-Тушинь-Колюшки.

Въ отвѣтъ на эти соображенія, я указывалъ своему собесѣднику, что лучшимъ способомъ прикрыть беспокоившее Главнокомандующаго С.-З. фронтомъ направленіе на Ловичъ является, повидному, переходъ въ энергическое наступленіе V-го и VI-го Сиб. корпусовъ. По всеѣмъ подсчетамъ, говорилъ я, мы имѣемъ на этомъ участкѣ фронта по крайней мѣрѣ двойное превосходство въ силахъ надъ непріятелемъ, вѣрнѣе же еще большее. Какъ общая формула, — сдають не войска, а начальники. Поэтому, надо поставить во главѣ названной группы войскъ энергичнаго начальника и добиться наступленія. — Я напоминалъ генералу Бончъ-Вруевичу, который, какъ и я, началъ службу по Генеральному Штабу подъ руководствомъ генерала Драгомирова (М. И.), объ одномъ незабываемомъ совѣтѣ этого выдающагося военного психолога — всегда помнить, что если тяжело намъ, то не легко и противнику, и что вопросъ въ борьбѣ часто сводится къ тому, чья пересилить воля. Къ тому же, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, настроеніе во 2-й арміи, находившейся въ наиболѣе угрожаемомъ положеніи, значительно поднялось и было въ этотъ періодъ времени все уже не столь плохимъ. Генераль Шейдеманъ телеграфировалъ Великому Князю: «духъ войскъ бодръ, и дерутся они героями. Докладываю В. И. В. о твердой увѣренности въ блестящемъ исходѣ тяжелой, но геройски выполняемой операціи». Наконецъ, въ распоряженіе генерала Рузскаго подходили еще

двѣ второочередныя дивизіи, перевозившіяся изъ Петербурга, и части 3-й Сиб. стрѣлк. дивизіи, которыми можно было на первое время заполнить новый разрывъ на Ловичскомъ направленіи.

Верховный Главнокомандующій также не раздѣлялъ опасеній генерала Рузскаго. Но очевидно, имъ должны были учитываться заключенія ответственного руководителя операцій. — Главнокомандующаго арміями С.-З. фронта, который, находясь въ Варшавѣ, былъ болѣе подробно и, главное, своевременно ориентуемъ въ происходящихъ на фронтѣ событіяхъ и въ настроеніяхъ войскъ.

При нынѣшнихъ миллионныхъ арміяхъ и разброскѣ ихъ на сотни верстъ, Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго не можетъ претендовать на самостоятельное и своевременное изученіе по первоисточникамъ всѣхъ исходящихъ отъ войскъ донесеній; поэтому, управленіе современными арміями неизбежно приходится строить на началахъ довѣрія и правильнаго іерархическаго распредѣленія правъ и обязанностей.

Предположенія Генерала Рузскаго о возможности отхода на фронтъ Иловъ-Томашовъ были сообщены Ставкой Главнокомандующему арміями Ю.-З. фронта, который намѣчалъ въ этомъ случаѣ занять фронтъ р.р. Нидзицы и Пилицы. Но генералу Иванову было указано, что отходъ армій его фронта признается допустимымъ лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ коихъ онъ вызывается фактическимъ отходомъ 2-й и 5-й армій, и что ему надлежитъ стремиться имѣть на фронтѣ лѣваго берега р. Вислы не менѣе десяти корпусовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Верховный Главнокомандующій отдалъ распоряженіе по оперативному органу своего штаба — тщательно слѣдить за развитіемъ событій, чтобы, при первой возможности, предупредить фактической отходъ С.-З. армій на новый фронтъ.

По счастью, въ теченіе 23-го ноября въ Ставкѣ и штабѣ С.-З. фронта былъ полученъ рядъ ободряющихъ свѣдѣній.

Части II-го корпуса и Ловичскаго отряда стали въ этотъ день выходить съ боями на фронтъ Эгержъ-Колушки и кое-гдѣ вошли уже въ боевую связь съ частями 2-й арміи, также перешедшими въ наступленіе со стороны Лодзи. При этомъ, нѣкоторыя колонны (какъ, напримѣръ, 43-я див. II-го корпуса и бригада 63-й пѣх. дивизіи), войдя въ полное соприкосновеніе съ частями 2-й арміи, повернули обратно, въ направленіи къ Стрыкову и другимъ пунктамъ, и атаковали нѣмцевъ въ тылъ. — Кавказская кав. дивизія, двигавшаяся на лѣвомъ флангѣ Ловичскаго отряда, вышла къ югу отъ ст. Колушки, причемъ доблестныя Нижегородцы, вѣрные своимъ историческимъ традиціямъ, въ конномъ строю атаковали и взяли тяжелую батарею противника, изрубивъ прикрывавшую батарею пѣхоту.

Генералъ Ренненкампфъ доносилъ, что онъ спокоенъ за Ловичъ, хотя послѣдній и обстрѣливался непріателемъ; къ этому пункту стягивались подкрѣпленія. Генералъ Плеве выражалъ также увѣренность въ прочномъ положеніи своего лѣваго фланга.

Наконецъ, въ теченіе дня пришло новое весьма важное донесеніе отъ генерала Плева, въ которомъ говорилось о томъ, что непріятель сталъ отходить передъ нимъ по всему фронту. Движеніе германскихъ отступающихъ колоннъ войскъ и обозовъ въ сѣверномъ и западномъ направленіяхъ наблюдалось нашими летчиками.

Выяснилось также, что полки 1-й сиб. и 10-й пѣх. дивизій, остановивъ отходъ нѣмцами Лодзи съ юга, заставили противника очистить Рзговъ и начать отходъ въ восточномъ направленіи. Доносилось, что отдѣльныя части его войскъ и обозы безпорядочно мечутся въ районѣ Тушингъ-Брезины по разнымъ направленіямъ, видимо ища выхода изъ окружающаго ихъ кольца нашихъ войскъ. Определенно было установлено наличие въ этомъ кольцѣ XXV Р. корпуса, 3-й гв. дивизіи и двухъ кав. дивизій.

При такихъ условіяхъ, Верховный Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ призналъ необходимымъ остановить исполненіе предположений генерала Рузскаго и немедленно перейти къ преслѣдованію отступающаго непріятеля. Равнымъ образомъ, и генералу Иванову было указано вернуться къ прежней задачѣ по нанесенію пораженія герmano-австрійскимъ войскамъ на фронтѣ Краковъ-Ченстоховъ.

Намъ теперь хорошо извѣстно, что положеніе нѣмцевъ, захваченныхъ нашими войсками въ петлю, было въ полномъ смыслѣ слова катастрофическимъ. Начавъ отступленіе въ ночь на 23-е ноября, они принуждены были вести его при крайне неблагоприятныхъ условіяхъ: въ сильную стужу, перегруженные артиллеріей, обозами и многочисленными ранеными, обстрѣливаемые со всѣхъ сторонъ нашею артиллеріей и пѣхотой, рискуя каждую минуту очутиться въ такомъ положеніи, изъ котораго только два выхода: смерть или плѣнъ.

Цѣлью ихъ движенія былъ прорывъ черезъ Брезины, представлявшій важный узелъ путей.

Прорывъ этотъ удался. — Темною ночью на 24-е ноября нѣмцы внезапно атаковали названный пунктъ и, послѣ кроваваго ночного уличнаго боя, овладѣли имъ. Находившіяся въ Брезинахъ части нашей 6-й сиб. дивизіи, не принявшія повидимому достаточныхъ мѣръ охраненія, были захвачены врасплохъ и, понеся огромныя потери, вынуждены къ отступленію.

Передъ тремя германскими дивизіями раскрылось замыкавшее ихъ кольцо и освободились пути, выводившіе ихъ на соединеніе съ остальными войсками арміи генерала Макензена. Всѣ мѣры, принятыя для новаго перехвата этихъ дивизій, оказались запоздалыми. Противникъ успѣлъ ускользнуть изъ подъ нашего удара, а 2-я и 5-я арміи, перейдя въ наступленіе, къ 28-му ноября вышли на линію Гловно-Стрыковъ-Шадекъ.

По свидѣтельству самихъ нѣмцевъ, освободившіяся дивизіи имѣли, послѣ прорыва, въ общемъ не свыше 8000 штыковъ. Остальные пали или, разсыпавшись, были нами взяты въ плѣнъ. — Путь нѣмцевъ былъ обозначенъ разнаго рода предметами снабженія, брошенными при сѣшномъ отступленіи. Въ теченіе

нѣсколькихъ дней послѣ прорыва, районъ Рзговъ-Тушинъ-Брезины кишѣлъ отставшими германскими солдатами, бродившими въ одиночку или небольшими партиями; всѣ они, въ концѣ концовъ, стали добычею нашей конницы...

Такъ неудачно, въ смыслѣ ожидавшихся тактическихъ результатовъ, закончилась наша наступательная операція подь Брезинами. Основная ея цѣль — ликвидировать прорывъ германцевъ между 1-й и 2-й арміями и остановить ихъ попытку къ охвату нашихъ войскъ вокругъ Лодзи — была нами достигнута. Но значительная группа германскихъ войскъ, благодаря своей необычайной энергіи и настойчивости, продиктованныхъ отчаяніемъ, успѣла выскользнуть, хотя и съ большими потерями, изъ создавагося вокругъ нея окруженія.

Событія подь Брезинами явились послѣднимъ актомъ всей наступательной операціи германцевъ, предпринятой ихъ Главнокомандованіемъ на восточномъ фронтѣ, въ цѣляхъ остановки нашего наступательнаго движенія на лѣвомъ берегу р. Вислы. — Она закончилась общимъ отступленіемъ 9-й германской арміи генерала Макензена. Мы не дали развиться этой операціи до намѣченнаго нашимъ противникомъ конца, и, въ этомъ смыслѣ, вырисовался нашъ успѣхъ. Мы имѣли также право констатировать тотъ фактъ, что, притянувъ съ западнаго фронта на себя, въ періодъ Лодзинскихъ боевъ, четыре германскихъ корпуса и нѣсколько кав. дивизій, мы оказали этимъ вторично серьезную помощь нашимъ союзникамъ — французамъ, а на сей разъ и англичанамъ, отнявъ у нѣмцевъ возможность продолжать наступательныя дѣйствія и принудивъ ихъ на западномъ фронтѣ надолго зарыться въ окопы. Кому извѣстно, насколько опасались въ Англіи занятія нѣмцами Дюнкирха, который могъ стать базой для непріятельскихъ подводныхъ лодокъ, и дальнѣйшаго продвиженія нѣмцевъ къ Калѣ, тотъ по достоинству долженъ оцѣнить значеніе этой нашей помощи. — Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы должны были имѣть мужество тогда же сказать себѣ, что бой подь Лодзью, въ общей ихъ совокупности, и наши довольно безуспѣшныя усилія на Ченстоховскомъ направленіи съ очевидностью выяснили необходимость сократить въ будущемъ наши оперативныя задания и привести ихъ въ большее соотвѣтствіе съ нашими возможностями и труднымъ общимъ стратегическимъ положеніемъ на театрѣ войны.

Таковымъ, къ большому нашему прискорбію, долженъ былъ быть заключительный выводъ изъ нашей четырехъ-мѣсячной наступательной кампаніи, въ теченіе которой, по сдѣланнымъ подсчетамъ, нѣкоторымъ частямъ пришлось провести въ бояхъ свыше 50 дней.

ГЛАВА XI.

Состояніе нашихъ армій на западномъ фронтѣ послѣ четырехъ мѣсяцевъ наступательной войны. — Отходъ на лѣвомъ берегу р. Вислы на зимнія позиціи.

20-го ноября въ Сѣдлецѣ — мѣстѣ расположенія штаба С.-З. фронта — съѣхались на совѣщаніе Верховный Главнокомандующій и Главнокомандующіе

арміями обоихъ фронтовъ. Для участія въ совѣщаніи, прибыли, кромѣ обычныхъ участниковъ таковыхъ совѣщаній—Начальника Штаба и меня, еще начальники штабовъ фронтовъ и главные начальники снабженій.

Главная задача совѣщанія заключалась въ томъ, чтобы выяснитъ состояніе армій, давно тревожившее Ставку, и степень ихъ матеріальнаго обезпеченія. — Попутно имѣлось въ виду вызвать сужденія по вопросу о постановкѣ ближайшихъ оперативныхъ задачъ.

Въ основу совѣщанія легла записка, составленная въ управленіи Генераль-Квартирмейстера Ставки; она обнимала оба указанные выше вопроса.

Послѣ четырехмѣсячной почти непрерывной наступательной кампаніи, наша Дѣйствующая Армія нуждалась въ очень серьезныхъ о ней заботахъ.

Упорные бои, которые велись изо дня въ день то на одномъ, то на другомъ участкѣ невиданнаго по обширности фронта, требовали, для поддержанія боеспособности армій, безостановочнаго прилива изъ тыла свѣжихъ укомплектованій и предметовъ боевого снабженія.

Размѣръ потребностей превзошелъ все самыя широкія предположенія, и потому удовлетвореніе ихъ встрѣчало все возрастающія затрудненія. Тылъ не поспѣвалъ за фронтомъ, и армія, съ каждымъ днемъ, уменьшалась въ своемъ составѣ, какъ равно уменьшалась и степень ея обезпеченности. — Мы стояли передъ безусловной необходимостью кореннаго обновленія нашей вооруженной силы.

Некомплектъ офицеровъ достигъ угрожающихъ размѣровъ. Наше офицерство, съ первыхъ дней войны, проявило беззаветный порывъ и высокую доблесть; въ результатѣ — оно гибло массами на поляхъ сраженій. Лозунгъ — беречь офицера — былъ, къ сожалѣнію, выброшенъ съ большимъ запозданіемъ, и въ первое время роты ходили въ бой, имѣя въ строю по 3—4 офицера, притомъ часто кадровыхъ. Рѣзкія отличія въ формѣ обмундированія и вооруженіи дѣлали нашихъ офицеровъ замѣтною цѣлью для непріятельскихъ стрѣлковъ, особливо назначавшихся для стрѣльбы по нимъ. Во избѣжаніе этого, впоследствии пришлось рекомендовать замѣну: блестящихъ металлическихъ погоновъ—суконными и шапки — винтовкою.

Потери въ офицерскомъ составѣ были столь велики, что, уже послѣ первыхъ мѣсяцевъ войны, во многихъ частяхъ число офицеровъ едва достигало 30% штатнаго; число же кадровыхъ офицеровъ измѣнялось нерѣдко только единицами. Отдавая должную дань самоотверженной боевой работѣ офицеровъ военнаго времени и молодежи, выпускавшейся изъ училищъ, все же нельзя не замѣтить, что эти контингенты уступали кадровому офицерству въ опытѣ, въ знаніяхъ и, притомъ, не были такъ тѣсно спаяны съ частями, въ конхъ несли службу; поэтому убыль кадровыхъ офицеровъ являлась для армій невознаградимою потерей.

Такъ какъ офицерскій составъ въ кавалерійскихъ частяхъ сохранился значительно полнѣе, то впоследствии практиковалось временное прикомандированіе офицеровъ этихъ частей къ пѣхотѣ. Я радъ отмѣтить, что, среди офицеровъ

кавалеріи, оказалось много такихъ, которые, изъ чувства братства, немедленно откликнулись на призывъ стать въ ряды пѣхоты, въ которой служба была, конечно, много опаснѣе и труднѣе. Жертвенность среди офицерскаго состава была настолько развита, что въ одной изъ своихъ рѣчей къ молодымъ офицерамъ, выпускавшимся изъ училищъ, Верховный Вождь арміи — Государь долженъ былъ подчеркнуть необходимость сбереженія ихъ жизней, въ интересахъ Родины.

Большой процентъ потерь выпалъ въ арміи также на долю начальствующихъ лицъ изъ нижнихъ чиновъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ унтеръ-офицеры почти сплошь были выведены изъ строя. Пополненіе унтеръ-офицерскимъ составомъ встрѣтило очень большія затрудненія. Нашими мобилизационными расчетами, срочно служившіе унтеръ-офицеры запаса не были взяты на особый учетъ, и потому, вмѣсто того, чтобы при мобилизаціи быть выдѣленными въ особыя запасныя части для прохождения повторительныхъ унтеръ-офицерскихъ курсовъ, они поступили на укомплектованіе войсковыхъ частей, наравнѣ съ рядовыми. Въ результатѣ, въ началѣ войны въ ротахъ оказался переизбытокъ людей унтеръ-офицерскаго званія, которые, оставаясь на должностяхъ рядовыхъ, несли двойныя потери и, такимъ образомъ, были использованы нерасчетливо. Что касается подготовки новаго унтеръ-офицерскаго состава въ запасныхъ частяхъ, то попытка эта дала совершенно неудовлетворительные результаты. Люди прибывали въ части безъ должнаго опыта, знаній, воспитанія и авторитета, почему оказывались непригодными для назначенія на вакантныя унтеръ-офицерскія должности.

Вопросъ о пополненіи пѣхотныхъ частей унтеръ-офицерскимъ составомъ стоялъ столь остро, что мнѣ пришлось предложить, въ качествѣ срочной мѣры, переводъ въ пѣхотныя части всѣхъ излишнихъ людей унтеръ-офицерскаго званія изъ кавалеріи. Мѣра эта на совѣщаніи не встрѣтила возраженій, но въ послѣдствіи Главнокомандующіе фронтами отъ нея отказались; возможную непопулярность этой мѣры въ войскахъ — я, впрочемъ, предвидѣлъ и самъ.

Столь же угрожающимъ, для боевой работы дѣйствующей арміи, являлся и общій некомплектъ въ людяхъ вообще, — некомплектъ, который принялъ характеръ явленія постоянного. Конечно, главною своею тяжестью этотъ некомплектъ ложился на пѣхоту; остальные роды оружія страдали отъ него меньше. Мы уже видѣли, съ какимъ трудомъ и промедленіемъ оправлялись отъ некомплекта корпуса С.-З. фронта, понесшіе чувствительныя потери въ періодъ интенсивныхъ операцій въ Восточной Пруссіи. Потери въ современныхъ бояхъ оказались вообще неожиданно громадными. Въ предыдущей главѣ мною уже приведены были слова генерала Рузскаго о томъ, что, въ періодъ Лодзинскихъ боевъ, нѣкоторыя части потеряли до 70% своего состава. Донесенія генерала Иванова, относившіяся къ тому же періоду, были не менѣе тревожны. Штабъ Ю.-З. фронта доносилъ, что въ полкахъ 3-й арміи оставалось всего отъ 1200 до 1500 штыковъ, вмѣсто положенныхъ въ нихъ свыше 3000 штыковъ; въ арміи генерала Лечицкаго были полки, свернутые въ батальоны,

состоявшие изъ 400 штукъ; столь же тяжело, говорилось въ донесеніи, было положеніе и въ арміи генерала Брусилова. — Такъ быстро и неуклонно таяли наши войска. — И это при условіи, что санитарное состояніе всѣхъ вообще армій было вполне хорошимъ, и что, съ введеніемъ въ войскахъ походныхъ кухонь и усовершенствованіемъ условій подвоза (железныя дороги, автомобильные транспорты), потери на войнѣ отъ болѣзней давно уже стали занимать болѣе чѣмъ скромное мѣсто въ ряду убыли отъ прочихъ причинъ. По даннымъ за 1914-й годъ, напримѣръ, число раненыхъ, эвакуированныхъ на распределительные пункты внутренняго района Имперіи превосходило болѣе чѣмъ въ четыре раза число прошедшихъ черезъ тѣ же пункты больныхъ. По сравненію съ прошлыми войнами, увеличился лишь процентъ нервныхъ и психическихъ заболѣваній.

Кромѣ потерь убитыми, ранеными и больными, мы въ первые же мѣсяцы войны понесли очень тяжелую утрату военноплѣнными, преимущественно въ Восточной Пруссіи.

Но независимо изложеннаго, на убыль въ рядахъ ротъ вліяли и другія причины. Въ числѣ ихъ я назову хроническое отставаніе войсковыхъ штатовъ отъ жизни, объясняемое постепеннымъ насыщеніемъ войсковыхъ частей всякаго рода техническими средствами и, притомъ, въ далеко непредвидѣнныхъ размѣрахъ, какъ то сверхштатными пулеметами, средствами связи и т. п.; таковыя, для своего обслуживанія, требовали большого расхода людей, откомандировывавшихся отъ строевыхъ ротъ. Уже въ первые мѣсяцы войны эта утечка людей изъ строя была ошутительна; впоследствии же, въ періодъ позиціонной войны и развитія всякаго рода дополнительныхъ средствъ пораженія противника (минометы, бомбометы и т. д.), роты отъ этой причины рѣдѣли еще болѣе.

Наконецъ — дезертирство, которое, впрочемъ, вначалѣ не превышало обычныхъ нормъ, и самораненіе, ставшее, къ прискорбію, весьма замѣтной язвой въ нашей арміи. Число такъ называемыхъ «палечниковъ», то есть раненій въ палецъ, съ цѣлью уклоненія отъ службы, стало расти, и уже въ октябрѣ-ноябрѣ 1914-го года пришлось ввести суровыя наказанія за умышленное причиненіе себѣ или черезъ другое лицо, увѣчій, или поврежденій здоровья. Борьба съ этимъ зломъ велась, однако, на мѣстахъ не столь рѣшительно, какъ это требовалось суровыми условіями военнаго времени, почему данное явленіе серьезно подтачивало нашу армію, въ ея основѣ.

Для пополненія всѣхъ перечисленныхъ утратъ, живого матеріала въ Россіи было, конечно, достаточно. Прежде всего, при самой мобилизаціи въ запасныя пѣхотныя части поступило свыше 350/т. человекъ. Затѣмъ, въ теченіе октября и ноября 1914-го года, было послѣдовательно сдѣлано два призыва новобранцевъ очередныхъ возрастовъ, которые дали около 1.400/т. человекъ; также были призваны нѣкоторые возрастные классы ратниковъ ополченія I-го разряда. И если, тѣмъ не менѣе, въ арміи наблюдался угрожающій по размѣрамъ некомплектъ, то очевидно причины этого явленія должны были лежать въ не-

правильномъ функционированіи аппарата запасныхъ частей, который не былъ въ состояніи своевременно перерабатывать и высылать необходимыя для арміи укомплектованія. Одной изъ основныхъ причинъ этого печальнаго явленія несомнѣнно былъ недостатокъ свободныхъ винтовокъ, необходимыхъ для вооруженія укомплектованій, къ каковому вопросу мы подойдемъ ближе въ дальнѣйшемъ. Но этой причиной далеко не исчерпывались условія, тормозившія работу запасныхъ частей. Изучить и выявить таковыя въ полномъ объемѣ — дѣло особаго, крайне важнаго изслѣдованія. Нашъ мобилизаціонный отдѣлъ много поработалъ надъ тѣмъ, чтобы усовершенствовать систему приведенія войскъ на военное положеніе, и достигъ въ этомъ отношеніи значительныхъ результатовъ. Но вопросы о поддержаніи арміи въ дальнѣйшемъ на уровнѣ боевыхъ требованій, а тѣмъ болѣе о послѣдовательномъ развитіи ея мощи въ періодъ самой войны, остались почти незатронутыми. Между тѣмъ, именно въ этой работѣ, и лежало реальное воплощеніе идеи вооруженной націи и всенародной войны, идеи, которая должна была быть положена въ основу военной подготовки всякаго современнаго государства, желавшаго обезпечить себѣ военный успѣхъ.

Нормальная вмѣстимость всѣхъ нашихъ пѣхотныхъ запасныхъ батальоновъ уже въ мирное время признавалась совершенно недостаточной для мобилизованной арміи. Въ соотвѣтствіи съ числомъ батальоновъ и штатной ихъ численностью, размѣръ переменнаго состава всѣхъ нашихъ пѣхотныхъ запасныхъ частей не могъ превзойти, за округленіемъ, 180—200/т. человекъ. Очевидная недостаточность такой цифры обучаемыхъ, для непрерывнаго пополненія пѣхотныхъ частей нашей арміи, ставила на очередь вопросъ о необходимости значительнаго увеличенія числа запасныхъ батальоновъ; но, такъ какъ осуществленіе этой мѣры, по разнымъ причинамъ, затягивалось, то временно рѣшено было дать, по мобилизаціонному расписанію, наличнымъ запаснымъ батальонамъ удвоенный размѣръ укомплектованій, что, конечно, должно было значительно затруднить обученіе призываемыхъ.

Въ мирное время подготовка молодыхъ солдатъ требовала четырехмѣсячной интенсивной работы. Принимая во вниманіе рядъ причинъ — отсутствіе до-призывной подготовки нашей молодежи; недостаточно прочную организацію учебныхъ сборовъ запасныхъ и ратниковъ ополченія, каковыя сборы нерѣдко отмѣнялись; быструю утрату названными контингентами военнообязанныхъ, въ условіяхъ нашей крестьянской жизни, приобрѣтенныхъ ими на службѣ и во время сборовъ знаній, а равно общую народную малограмотность, — едва ли возможно было, безъ вреда для дѣла, чрезмѣрно сокращать сроки обученія призываемыхъ въ періодъ войны. При опредѣленіи таковыхъ сроковъ, необходимо было еще учитывать численную недостаточность учителей, составлявшихъ постоянный составъ запасныхъ частей, малую ихъ опытность и крайнюю бѣдность снабженія запасныхъ частей не только винтовками, но и всякаго рода учебными пособиями вообще. Эти неблагоприятныя условія обнаружилия весьма быстро. По отсутствію правильнаго періодическаго обмѣна офицеровъ, откомандированныхъ въ началѣ войны въ запасныя части, офицерами съ фронта, въ

тылу, въ инструкторскомъ составѣ запасныхъ частей скопились, по преимуществу, болѣе слабые элементы, лишенные опыта текущей войны и для которыхъ отвѣтственная работа, по срочной подготовкѣ призванныхъ людей къ боевой дѣятельности, не всегда была по силамъ. Къ тому же, самое обученіе было крайне затруднено тѣмъ обстоятельствомъ, что, изъ-за общаго недостатка винтовокъ, одна винтовка стала вскорѣ приходиться въ запасныхъ частяхъ на пять, десять и болѣе обучаемыхъ.

Не трудно видѣть, что, даже при двухмѣсячномъ только обученіи и удвоенномъ составѣ обучаемыхъ, запасные батальоны, при наличномъ ихъ числѣ, все же не могли выпускать въ мѣсяцъ болѣе 180—200/т. человекъ. Между тѣмъ, средняя мѣсячная потребность нашей дѣйствующей арміи въ укомплектованіяхъ, не считая потребности для формированія новыхъ частей, опредѣлялась въ первые мѣсяцы войны примѣрно въ 250—300/т. человекъ. Чтобы удовлетворить этой цифрѣ, Военное Министерство, на обязанности котораго лежала забота по подготовкѣ укомплектованій, было поставлено передъ необходимостью увеличить еще болѣе пропускную способность нашихъ запасныхъ частей, каковой цѣли оно стремилось достигнуть путемъ увеличенія числа обучаемыхъ и дальнѣйшимъ сокращеніемъ сроковъ обученія. Оба пути были равно опасны: первый велъ къ вредной перегрузкѣ запасныхъ батальоновъ, до нѣсколькихъ тысячъ обучаемыхъ въ отдѣльномъ батальонѣ; второй путь — подрывать еще болѣе подготовку людей; въ результатѣ же обоихъ приѣмовъ — запасныя части вынуждены были отправлять на театръ военныхъ дѣйствій людей, въ смыслѣ подготовки, въ полусыромъ видѣ. Обстоятельство это несомнѣнно должно было крайне вредно отражаться на составѣ нашихъ войскъ, боевыя качества которыхъ неизмѣнно понижались съ каждымъ новымъ приливомъ въ нихъ укомплектованій изъ тыла.

Чтобы восполнить недостатокъ въ работѣ запасныхъ батальоновъ, впоследствии во многихъ войсковыхъ частяхъ прибывавшія укомплектованія выдерживались нѣкоторое время въ ближайшемъ тылу, гдѣ шла усиленная подготовка ихъ средствами самыхъ частей. Тамъ же организовались свои учебныя команды для подготовки унтеръ-офицеровъ, пулеметчиковъ и другихъ специалистовъ. Ближайшій тылъ покрылся сѣтью войсковыхъ школъ, въ которыхъ шла кипучая работа. Въ эти школы откомандировывались поочередно и офицеры, что позволяло удерживать часть ихъ въ тылу, даже въ періодъ боевъ, въ видѣ резерва для пополненія убыли.

Высокая цѣлесообразность этихъ мѣръ была испытана лично мною на практикѣ, въ періодъ командованія корпусомъ и арміей. Но долженъ оговориться, что система эта могла быть примѣнена полностью лишь въ періодъ позиціонной войны; полевая же война, которую мы вели въ первый годъ войны, ставила этому способу подготовки укомплектованій и полковыхъ специалистовъ серьезныя препятствія.

Приходилось, и нерѣдко, встрѣчаться съ мнѣніемъ, что недостатокъ обученія людей въ тылу могъ быть легко устраненъ установленіемъ постоянной и

тѣсной связи между запасными частями въ тылу и пополняемыми ими войсковыми частями на фронтѣ. Иначе говоря, вопросъ сводился къ тому, чтобы расписать запасные батальоны по дѣйствующимъ полкамъ. Не отрицая, въ теоріи, пользы такой связи между дѣйствующими и запасными частями, считаю, однако, ее практически очень трудно выполнимой, ибо войсковыя части несутъ потери неравномѣрно; работа же запасныхъ частей требуетъ планомѣрной смѣны обучающихся. Кто видѣлъ, какъ въ современномъ бою сгораютъ войска, тому будетъ ясно, что для быстрого пополненія части, вышедшей изъ боя, нельзя будетъ ограничиться укомплектованіемъ ее лишь средствами приписаннаго къ ней запаснаго батальона. И, наоборотъ, въ періодъ затишья на фронтѣ, — запасной части, работающей только на данный полкъ, не несущій въ данное время потерь, невозможно будетъ размѣщать людей, заканчивающихъ свое обученіе. Поэтому гораздо правильнѣе добиваться, путемъ установленія надлежащаго порядка, хорошаго и однообразнаго обученія военно-обязанныхъ во всѣхъ запасныхъ частяхъ.

Большою несправедливостью, какъ въ отношеніи войсковыхъ частей, такъ и отдѣльныхъ воинскихъ чиновъ, было отсутствіе гарантіи раненому или заблѣвшему нижнему чину, эвакуированному вглубь Имперіи, въ томъ, что, по выздоровленіи, онъ возвратится въ свою часть. Такое право было предоставлено только офицерамъ. Нижній же чинъ зачислялся въ ближайшую къ лѣчебному заведенію запасную часть и шелъ на укомплектованіе очередной роты пополненія. Я знаю не мало случаевъ возбужденія передъ Великимъ Княземъ ходатайствъ о снятіи отвѣтственности съ солдатъ, совершавшихъ «побѣги» изъ новыхъ частей, куда они были зачислены по выздоровленіи, чтобы вернуться къ прежнимъ своимъ роднымъ знаменамъ. Ходатайства эти всегда удовлетворялись Верховнымъ Главнокомандующимъ съ особой внутренней радостью, такъ какъ привязанность къ своей части считалась у насъ однимъ изъ признаковъ высокаго внутренняго развитія воинской морали. Впослѣдствіи, насколько помню, вопросъ о порядкѣ направленія изнутри Имперіи выздоравливавшихъ получилъ болѣе жизненное разрѣшеніе.

Заканчивая на этомъ обзорнѣе вопроса о личномъ составѣ дѣйствующей арміи, поскольку этотъ вопросъ обрисовался опытомъ первыхъ мѣсяцевъ войны, нельзя обойти молчаніемъ еще одинъ очень болѣзненный, но безконечно важный пунктъ — о составѣ начальствующихъ лицъ. Система продвиженія на высшіе командные посты, практиковавшаяся у насъ въ Россіи въ мирное время, не обезпечила намъ соотвѣтствующаго подбора начальниковъ для цѣлей войны. Едва ли, впрочемъ, и существуетъ столь чудодѣйственная система вообще, такъ какъ военные дарованія распознаются въ мирное время съ крайнимъ трудомъ. — Остается, повидимому, единственно вѣрный путь — путь пересмотра и замѣны чиновъ команднаго состава, въ связи съ оцѣнкой ихъ боевыхъ дѣйствій въ періодъ самой войны. По этому пути шли во всѣхъ арміяхъ, и мы знали, напримѣръ, изъ донесенія нашего посла въ Парижѣ, что Главнокомандующій французской арміей генераль Жюффри вынужденъ былъ замѣнить въ первый

же періодъ войны до 60 генераловъ. — Пусть возможны ошибки: «лѣсъ рубить, — щепки летятъ». Несправедливости, въ отношеніи отдѣльныхъ лицъ, легче исправляются и сглаживаются, чѣмъ вредъ, который можетъ быть принесенъ на войнѣ неподходящимъ начальникомъ.

Замѣна начальствующихъ лицъ производилась и у насъ, но едва ли не съ излишнею, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, нерѣшительностью и снисходительностью.

Ослабленъ и обезсиленъ былъ также конскій составъ арміи. — Онъ понесъ особенно чувствительныя потери въ 4-й, 5-й и 9-й арміяхъ, выполнявшихъ крайне трудное походное движеніе, при неблагоприятныхъ условіяхъ, изъ Галичины на Вислу въ концѣ сентября и въ началѣ октября. Серьезно пострадали лошади въ частяхъ кавалеріи, бывшихъ въ составѣ 1-й арміи генерала Ренненкампа, во время рейдовъ въ Восточной Пруссіи. Равнымъ образомъ ослабѣлъ и уменьшился конскій составъ въ конныхъ частяхъ 8-й арміи генерала Брусилова, работавшихъ въ Карпатахъ и Буковинѣ. Между тѣмъ, ветеринарныя учрежденія были развиты въ нашей арміи крайне недостаточно. — Остро давали себя чувствовать вопросы обезпеченія подковами и ковки, особенно въ пѣхотныхъ частяхъ и обозахъ, гдѣ было мало опытныхъ кузнецовъ. Между тѣмъ, съ наступленіемъ періода гололедицы, особенно въ горахъ, приходилось перековывать весь конскій составъ на зимнія подковы.

По мысли Великаго Князя Верховнаго Главнокомандующаго, въ тыловомъ районѣ театра военныхъ дѣйствій начали устраиваться конскія слабосильныя депо, куда отправляли на поправку ослабѣвшихъ и натертыхъ лошадей. Эта мѣра дала прекрасныя результаты и сохранила войскамъ многихъ лошадей.

Я уже подчеркивалъ тѣсную связь, существовавшую между вопросомъ о некомплектѣ дѣйствующей арміи и обнаружившимся вскорѣ послѣ открытія военныхъ дѣйствій недостаткомъ въ винтовкахъ. Въ мирное время мы настойчиво учили солдата беречь винтовку. Мы говорили ему, что въ бою, почувствовавъ себя раненымъ, онъ прежде, чѣмъ отправиться на перевязочный пунктъ, обязанъ сдать свою винтовку и патроны на сохраненіе ближайшему начальнику, или просто сосѣду. Войсковыя части, различными положеніями, обязывались вести строгій учетъ вооруженію, а сборъ оружія и предметовъ боевого снабженія на поляхъ сраженій входилъ въ непремѣнную обязанность хозяйственныхъ органовъ различныхъ инстанцій. Къ сожалѣнію, всѣ эти мудрыя правила, съ выходомъ арміи на войну, были основательно забыты, и можно было бы привести рядъ воиющихъ примѣровъ легкомысленнаго отношенія къ вопросу о сохраненіи предметовъ вооруженія и снаряженія. Утеря, порча и оставленіе оружія не преслѣдовались или преслѣдовались недостаточно. Припоминается, напримѣръ, разсказъ одного начальника дивизіи, которому удалось легко собрать нѣсколько сотъ брошенныхъ винтовокъ, при обыскѣ селеній по пути слѣдованія частей дивизіи. Установленію столь пагубнаго отношенія къ предметамъ огромнѣйшей военной цѣнности, между прочимъ, содѣйствовало правило, согласно которому роты пополненія должны были прибывать изъ запасныхъ частей въ войска въ полномъ вооруженіи и походномъ снаряженіи. Такимъ об-

разомъ, части оказывались непосредственно не заинтересованными въ сборѣ и сохраненіи винтовокъ и предметовъ снаряженія. Вскорѣ, однако, Военное Министерство, въ вѣдѣніи котораго оставались главнѣйшія заготовки для нуждъ арміи, вынуждено было отказаться отъ этого правила, за полнымъ истощеніемъ имѣвшагося запаса винтовокъ и въ виду затрудненій, возникшихъ въ вопросѣ о его пополненіи. Сначала установленъ былъ извѣстный процентъ вооруженныхъ людей въ составѣ ротъ пополненія, но затѣмъ пришлось и вовсе отказаться отъ снабженія винтовками отправляемыхъ на театръ войны людей. Только тогда войсковыя части почувствовали непосредственно потребность въ сбереженіи каждой винтовки. — Чтобы обезпечить винтовками безоружныхъ, прибывавшихъ изъ запасныхъ частей на театръ войны, въ войскахъ не останавливались даже передъ мало приемлемою, по существу, мѣрою назначенія вознагражденія за каждую вынесенную изъ боя излишнюю винтовку. Равнымъ образомъ, устанавливались различныя мелкія льготы на перевязочныхъ пунктахъ для тѣхъ раненыхъ, которые предъявляли на этихъ пунктахъ свои винтовки. Тѣмъ не менѣе, винтовочный кризисъ продолжалъ разрастаться съ необыкновенною быстротою. Вслѣдствіе отсутствія винтовокъ, войсковыя части, имѣя огромный некомплектъ, въ то же время не могли впитывать въ себя людей, прибывавшихъ изъ тыла, гдѣ, такимъ образомъ, люди безъ пользы накапливались въ запасныхъ частяхъ, затрудняя, своимъ присутствіемъ, обученіе дальнѣйшихъ очередей. Къ концу ноября, напримѣръ, въ запасныхъ войскахъ имѣлся обученный, въ большей своей части, контингентъ въ 800/т. человекъ въ то время, какъ дѣйствующая армія страдала отъ ужасающаго некомплекта. Бывали такіе случаи, что прибывавшіе на укомплектованіе люди должны были оставаться въ войсковыхъ частяхъ при обозахъ, вслѣдствіе невозможности поставить ихъ въ ряды по отсутствію винтовокъ.

Чтобы выйти изъ создавагося тяжелаго положенія, мною было предложено произвести замѣну 3-хъ линейныхъ винтовокъ берданками, или ружьями произвольныхъ образцовъ у нестроевыхъ, обозныхъ, а также во всѣхъ спеціальныхъ войскахъ (крѣпостной артиллеріи, инженерныхъ и желѣзнодорожныхъ частяхъ). По моимъ подсчетамъ, при такой замѣнѣ, могло освободиться до полумилліона винтовокъ.

Но этой мѣрой пріобрѣталась возможность покрыть довольно значительную часть недостатка въ винтовкахъ лишь къ данному моменту. Для дальнѣйшаго обезпеченія, являлось настоятельно необходимымъ увеличить производительность нашихъ оружейныхъ заводовъ и стремиться къ образованію запасовъ винтовокъ, путемъ ихъ покупки и заказовъ за границей.

Каковы же были наши запасы винтовокъ въ мирное время и насколько было обезпечено ихъ изготовленіе съ открытіемъ военныхъ дѣйствій? — Приведемъ нѣсколько самыхъ общихъ данныхъ.

Кромѣ винтовокъ для вооруженія всѣхъ формированій, предусмотрѣнныхъ мобилизаціоннымъ расписаніемъ, въ томъ числѣ и для удвоеннаго состава за-

пасныхъ частей, обезпечивавшихъ, какъ мы видѣли, армію укомплектованіями на одинъ, много два мѣсяца, у насъ сохранился въ мирное время лишь нѣкоторый запасъ винтовокъ, колебавшійся между 5—10% въ зависимости отъ категоріи войскъ, для которыхъ этотъ запасъ сохранился. Запасъ этотъ, въ періодъ 12—14 г.г., былъ частично израсходованъ выдачею изъ него части винтовокъ правительству Болгаріи и Сербіи, нуждавшимся въ предметахъ вооруженія; образовавшійся же комплектъ не былъ пополненъ, въ силу финансовыхъ затрудненій.

Общее число всѣхъ винтовокъ, имѣвшихся къ началу войны въ распоряженіи Военнаго Вѣдомства, числилось цифрою въ 4.650/т. винтовокъ, считая въ этомъ числѣ 360/т. устарѣвшихъ берданокъ. Невыданный при мобилизаціи запасъ таковыхъ винтовокъ былъ полностью израсходованъ въ теченіе первыхъ же 2—3 мѣсяцевъ войны. Производительность военнаго времени для нашихъ трехъ оружейныхъ заводовъ была установлена по расчету 2000 винтовокъ въ сутки, но кредиты на то, чтобы заблаговременно подготовить заводы къ таковому производству были отпущены лишь лѣтомъ 1913-го года. Въ результатѣ, наши заводы сумѣли поднять свою производительность до указанной нормы лишь къ концу первой четверти 1915-го года. Что же касается самой нормы 60 т. винтовокъ въ мѣсяць, то таковая, по сравненію съ дѣйствительною потребностью, оказалась совершенно недостаточной, такъ какъ очевидно, что въ интересахъ полной обезпеченности, она должна болѣе или менѣе близко подходить къ численности обрабатываемыхъ запасными войсками въ мѣсяць-же укомплектованій, считая таковую численность отвѣчающей дѣйствительнымъ потребностямъ дѣйствующей арміи.

Наши союзники испытывали, равнымъ образомъ, острую нужду въ предметахъ вооруженія и потому не могли намъ придти на помощь. Такимъ образомъ, для удовлетворенія ближайшихъ потребностей въ винтовкахъ для насъ оставался одинъ путь — путь покупки и заказовъ за границей. Къ сожалѣнію, Военное Министерство, вопреки мнѣнію Ставки, находило нежелательнымъ пріобрѣтеніе винтовокъ не подъ нашъ патронъ и изъ-за этого потеряло нѣсколько мѣсяцевъ времени. Хотя ему удалось еще въ 1914-мъ году сдѣлать заказъ въ Японіи и Америкѣ, но выполненіе договоровъ должно было состояться лишь въ слѣдующемъ 1915-мъ году.

Такимъ образомъ, кризисъ винтовокъ не былъ преодоленъ, и намъ приходилось считаться съ невозможностью поддерживать нашу дѣйствующую армію въ комплектѣ, и тѣмъ болѣе — отказаться отъ мысли о дальнѣйшемъ развитіи ея въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ, путемъ новыхъ формированій и развертываній. Каждая неожиданно открывавшаяся партія 3-хъ линейныхъ винтовокъ, какъ бы незначительна она ни была, должна была нами привѣтствоваться едва ли не наравнѣ съ побѣдой, одержанной надъ противникомъ.

Но, независимо недостатка въ винтовкахъ, на русскую армію надвигалось еще новое не менѣе тяжелое испытаніе, въ видѣ постепенно обнаружившагося затрудненія въ пополненіи огнестрѣльныхъ припасовъ, и прежде всего пу-

шечных патроновъ. — Уже 20-го сентября, т. е. непосредственно вслѣдъ за окончаніемъ Галичской операціи, генераль Ивановъ доносилъ, что общій запасъ патроновъ въ артиллерію Ю.-З. фронта весьма малъ и что, кромѣ возимаго комплекта, въ запасахъ мѣстныхъ парковъ имѣется всего лишь около 25 патроновъ на пушку; на каждую же мортиру и того меньше. И это при условіи, что, по подсчетамъ Ставки, къ этому примѣрно періоду времени, было отправлено и прибыло въ распоряженіе Ю.-З. фронта, изъ общаго числа 112 мѣстныхъ легкихъ парковъ, имѣвшихся у насъ къ началу войны, 31 паркъ, т. е. свыше одной четвертой части всего запаса патроновъ. — Положеніе на Ю.-З. фронтѣ представлялось генералу Иванову столь критическимъ, что онъ указывалъ на возможность приостановки дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій изъ-за недостатка боевыхъ припасовъ; Главный же Начальникъ Снабженій арміи этого фронта требовалъ экстренной высылки пушечныхъ патроновъ, «хотя бы не цѣльными парками, а отдѣльными вагонами». Ввиду такихъ донесеній и для выясненія вопроса, нѣтъ ли гдѣ-либо залежей, на Ю.-З. фронтѣ были командированы изъ Ставки Дежурный Генераль ген. Кондзеровскій и Начальникъ военныхъ сообщеній генераль Ронжинъ, которые, «имѣя всѣ цифровые матеріалы, личными переговорами съ начальствомъ тыла убѣдились въ справедливости тревожныхъ симптомовъ, грозящихъ катастрофой». Такъ телеграфировалъ Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго Генераль Янушкевичъ Военному Министру, обрисовывая создавшееся положеніе — Столь же тревожныя донесенія стали поступать и отъ начальства С.-З. фронта.

Такимъ образомъ, уже съ половины второго мѣсяца войны, со стороны войскъ стали нарастать жалобы на недостаточное обезпеченіе артиллеріи огнестрѣльными припасами, въ отвѣтъ на каковыя жалобы приходилось рекомендовать бережливость въ расходованіи этихъ припасовъ. Указанія эти не могли не оказывать вреднаго вліянія на психику войскъ, и особенно пѣхоты, привыкшей цѣнить искусныя дѣйствія своей артиллеріи и нерѣдко возлагать на нее такія задачи, которыя могли разрѣшаться лишь путемъ затраты большого числа снарядовъ.

Возможно, и даже вѣроятно, что въ требованіяхъ подачи на фронтъ пушечныхъ патроновъ, по крайней мѣрѣ въ первые мѣсяцы войны, были преувеличенія. Но важно было уже то, что эти требованія являлись несомнѣннымъ результатомъ вкоренившагося въ войскахъ убѣжденія о недостаточности притока мѣстныхъ парковъ на театръ военныхъ дѣйствій изъ тыла и естественнаго, отсюда, желанія застраховать себя отъ тяжелыхъ послѣдствій такого факта. Тревога эта, къ тому же, имѣла свои основанія, такъ какъ готовность мѣстныхъ парковъ, какъ мы уже знаемъ, далеко не соотвѣтствовала потребностямъ. И хотя еще задолго до войны Главнымъ Управленіемъ Генеральнаго Штаба было предъявлено артиллерійскому вѣдомству требованіе объ ускореніи этой готовности, но въ дѣйствительности требованіе это, къ началу мобилизаціи, осуществленно не было. Наряду съ этимъ обстоятельствомъ, артиллерійскимъ частямъ была привита мирнымъ воспи-

таниемъ привычка считать «возимый» запасъ патроновъ минимальнымъ для обезпеченія боеспособности батарей; поэтому всякая задержка въ пополненіи этого запаса немедленно вызывала тревожныя заявленія о надвигающемся кризисѣ въ огнестрѣльныхъ припасахъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности по позднѣйшимъ подсчетамъ, даже такая грандіозная операція, какъ Галичская, потребовала въ теченіе шестнадцати-дневнаго періода наиболѣе интенсивныхъ боевъ (съ 23-го августа по 8-е сентября) расхода пушечныхъ патроновъ по расчету только 350-ти выстрѣловъ на одно орудіе, каковой расходъ съ избыткомъ покрывался за счетъ одного лишь возимаго запаса, опредѣлявшагося у насъ въ 428 выстрѣловъ. — И это при условіи, что расходъ пушечныхъ патроновъ, въ теченіе данной операціи, произвождался въ изобиліи и безъ отказа! — Принимая во вниманіе неравномѣрность расхода боевыхъ припасовъ на различныхъ участкахъ фронта, при которомъ на однихъ участкахъ возимый запасъ можетъ оказаться далеко недостаточнымъ, тогда какъ на другихъ онъ будетъ мертвымъ, неиспользованнымъ грузомъ, а равно учитывая современное развитіе желѣзнодорожной сѣти и автомобильнаго сообщенія, облегчающихъ своевременный подвозъ къ войскамъ всего необходимаго, напрашивается вопросъ — не представлялось ли бы цѣлесообразнымъ нѣкоторое сокращеніе возимыхъ комплектовъ, составляющихъ какъ бы неотъемлемую собственность войсковыхъ частей, за счетъ увеличенія общеармейскихъ запасовъ, обезпечивающихъ питаніе тѣхъ же войсковыхъ частей, но въ зависимости отъ дѣйствительнаго расхода и потребностей? На этотъ вопросъ должны будутъ отвѣтить будущіе создатели нашей отечественной арміи.

Въ первое время удовлетвореніе требованій о подачѣ огнестрѣльныхъ припасовъ, при наличіи еще неизрасходованныхъ запасовъ, заготовленныхъ въ мирное время, встрѣчало затрудненіе лишь въ отношеніи срочности выполненія этихъ требованій. Благодаря повторно предъявленному Главнымъ Управленіемъ Генеральнаго Штаба въ первые же дни войны требованію объ ускореніи готовности мѣстныхъ парковъ и проявленной въ этомъ вопросѣ энергіи артиллерійскаго вѣдомства, наши мѣстные парки были приведены въ состояніе полной готовности въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ войны, и къ концу ноября 1914-го года веѣ 112 легкихъ парковъ, наличіе коихъ предусматривалось положеніями времени мирнаго, были поданы на театръ военныхъ дѣйствій.

Но затѣмъ,—дальнѣйшее питаніе нашей артиллеріи могло быть выполняемо лишь за счетъ патроновъ, изготовлявшихся на нашихъ заводахъ въ военное время или приобретаемыхъ за границей. Къ этому времени накопился уже и нѣкоторый опытъ для опредѣленія дѣйствительной мѣсячной нормы въ пушечныхъ патронахъ, при болѣе или менѣе удовлетворительномъ питаніи нашей артиллеріи. А именно, считалось необходимымъ имѣть до 300 выстрѣловъ въ мѣсяцъ на легкую пушку, что, за округленіемъ, должно было составить по одному мѣстному парку на корпусъ нормальнаго состава, или еже-

мѣсячно 50 парковъ на всю дѣйствующую армію, изъ расчета наличнаго числа ста пѣх. дивизій на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Выполненіе этого задания было, однако, совершенно непосильно для нашего артиллерійскаго вѣдомства, почему наступленіе въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ вполнѣ реальнаго «снаряднаго» голода являлось неизбежнымъ. И здѣсь представлялось только два пути для рѣшенія вопроса: заказы заграницей и усиленіе отечественнаго производства.

Путь пріобрѣтенія пушечныхъ патроновъ заграницею былъ передъ нами, въ описываемый періодъ времени, почти закрытъ. Наша союзница Франція испытывала сама острую нужду не только въ вооруженіи, но и въ огнестрѣльныххъ припасахъ для своей артиллеріи, почему не могла намъ придти на помощь, принятіемъ нашихъ заказовъ. Чтобы удовлетворить собственной потребности въ артиллерійскихъ снарядахъ, во Франціи былъ принятъ упрощенный способъ выдѣлки и пріемки таковыхъ, давшій возможность въ короткій срокъ увеличить производство снарядовъ въ нѣсколько разъ. Генераль Жюффри выразилъ готовность командировать къ намъ нѣсколько специалистовъ, основательно ознакомившихся съ этимъ способомъ, надѣясь помочь намъ наладить таковое же ускореніе производства. Но конечно эта мѣра не рѣшала вопросъ въ необходимомъ для насъ объемѣ.

Равнымъ образомъ и Англія была перегружена работой по удовлетворенію потребностей ея развивавшейся арміи.

Что касается американскаго промышленнаго рынка, то таковой съ первыхъ же дней войны былъ захваченъ заказами не только нашихъ союзниковъ, но и Германіи. Такимъ образомъ, изъ большихъ промышленныхъ странъ, оставалась одна Японія, которая, въ мѣрѣ своихъ возможностей, обѣщала намъ свою помощь. Но выполненіе взятыхъ ею на себя заказовъ относилось къ будущему времени, и потому помощь Японіи также не разрѣшала наступавшаго кризиса.

Переходя къ вопросу о собственномъ производствѣ снарядовъ внутри страны, приходится еще разъ подчеркнуть маломощность нашей военной промышленности вообще и отсутствіе подготовки къ ея развитію въ военное время. Такъ какъ въ мирное время потребность въ пушечныхъ патронахъ опредѣлялась почти исключительно пополненіемъ расхода на практическую стрѣльбу, то производительная сила нашихъ заводовъ, изготовлявшихъ снаряды и трубки къ нимъ, была очень ограниченной. Развитіе же этой производительности и привлеченіе къ производству огнестрѣльныххъ припасовъ новыхъ заводовъ требовали продолжительнаго времени, въ теченіе котораго наши запасы пушечныхъ патроновъ обречены были на катастрофическое паденіе. Достаточно сказать, что въ теченіе декабря 14-го года и первыхъ мѣсяцевъ 15-го года мы могли ожидать къ поступленію, на пополненіе расхода въ пушечныхъ патронахъ къ легкимъ пушкамъ, ежемѣсячно не свыше 12-ти парковъ, что составляло менѣе 25% потребности въ нихъ.

Въ еще худшемъ положеніи находился вопросъ о пополненіи огнестрѣльныхъ припасами нашей полевой тяжелой артиллеріи. И если этотъ вопросъ не приобрѣлъ столь же острой формы, какъ вопросъ объ обезпеченіи боевыми припасами легкой артиллеріи, то лишь потому, что количество тяжелыхъ батарей въ нашей арміи было весьма ограничено и пользованіе ими, въ силу этого обстоятельства, составляло какъ бы исключеніе для нашихъ войсковыхъ частей.

Въ концѣ ноября нашъ запасъ огнестрѣльныхъ припасовъ былъ обездоленъ еще происшедшимъ взрывомъ въ Брестъ-Литовскѣ. Причина взрыва осталась невыясненной; вѣроятнѣе всего неосторожность, но ходили слухи и о нѣмецкой подпольной работѣ.

Недостатокъ въ винтовочныхъ патронахъ обнаружился значительно поздне, по сравенію съ недостаткомъ въ пушечныхъ патронахъ. Объясняется это тѣмъ, что въ первый періодъ войны, особенно на Галицкомъ фронтѣ, гдѣ дѣйствовала главная масса нашей арміи, успѣхъ въ бояхъ обезпечивался по преимуществу артиллерійскимъ огнемъ. По общимъ отзывамъ участниковъ этихъ боевъ, прекрасная матеріальная часть нашей артиллеріи, блестящая подготовка ея личнаго состава и доблестная боевая работа этого рода оружія значительно облегчали боевую дѣятельность пѣхоты и нерѣдко ограничивали ее лишь закрѣпленіемъ успѣха, достигнутаго однимъ артиллерійскимъ огнемъ. Эти условія, естественно, уменьшали расходъ винтовочныхъ патроновъ и сберегали имѣвшіеся у насъ запасы военного времени. Вслѣдствіе изложеннаго, несмотря на то, что мы начали войну съ нехваткой винтовочныхъ патроновъ въ 300 милл. штукъ и отпустили въ 1914-мъ году Сербской арміи до 200 милл. патроновъ; несмотря на то, что мы должны были считаться съ недостаточной производительностью нашихъ патронныхъ заводовъ и встрѣтили затрудненія въ изготовленіи необходимаго количества пороха соответствующаго сорта, — несмотря на все это, у насъ въ первые мѣсяцы войны въ центральныхъ складахъ все же сохранился въ неприкосновенности большой запасъ винтовочныхъ патроновъ, который и позволилъ безпрепятственно пополнять текущій расходъ въ войскахъ даже тогда, когда потребность въ патронахъ значительно возросла. Но этого запаса патроновъ, съ которыми войска научились обращаться бережливо лишь путемъ горькаго опыта, хватило только до начала 1915-го года; съ наступленіемъ его, картина рѣзко измѣнилась къ худшему. Впослѣдствіи, пришлось даже пустить въ ходъ, взамѣнъ новыхъ патроновъ съ остроконечными пулями, запасъ старыхъ тупоголовыхъ патроновъ, что должно было значительно сказаться на пониженіи дѣйствительности ружейнаго огня.

Чтобы покончить, съ обзоромъ боевого снабженія армій къ концу 1914-го года, остается сказать еще нѣсколько словъ по вопросу о пулеметахъ. — Наша армія выступила на войну, имѣя некомплектъ, примѣрно, въ одну тысячу пулеметовъ, что составляло около 20% отъ общаго числа, долженствовавшаго состоять въ арміи. Вслѣдствіе вообще недостаточной нор-

мы пулеметовъ и неизбежной утери въ бояхъ, потребность въ притокѣ пулеметовъ на театръ военныхъ дѣйствій стала нами ощущаться съ первыхъ же дней войны. Слабая производительность завода, выдѣлывавшаго у насъ пулеметы, не могла удовлетворить нужды въ таковыхъ, почему потребность въ пулеметахъ стала постепенно возрастать. Своей культиваціонной точки эта потребность достигла, однако, въ 1915-мъ году, когда мы стали переходить на различныхъ участкахъ фронта къ позиціонной войнѣ.

Таково, вкратцѣ, было къ концу ноября 14-го года состояніе главнѣйшихъ элементовъ, изъ которыхъ складывалась боеспособность нашихъ армій. Въ каждомъ изъ этихъ элементовъ постепенно выявлялись очень серьезные дефекты, на быстрое исправленіе коихъ было очень мало надежды.

Въ одной изъ первыхъ моихъ главъ я высказалъ мысль, что наличіе на нашихъ окраинахъ значительныхъ силъ, кои, по условіямъ желѣзнодорожнаго транспорта и другимъ причинамъ, могли быть доставляемы на театръ военныхъ дѣйствій лишь постепенно и съ нѣкоторымъ запозданіемъ, давало Верховному Главнокомандованію право вести первыя боевыя операціи съ болѣе широкимъ и смѣлымъ размахомъ. Эти силы являлись въ рукахъ Великаго Князя своего рода резервомъ, которымъ онъ могъ распоряжаться по своему усмотрѣнію, давая той или иной группѣ войскъ новый импульсъ для удара, или дальнѣйшаго сопротивленія, влитіемъ въ нее свѣжихъ силъ. И дѣйствительно, передъ читателемъ не долженъ быть проити безслѣдно тотъ фактъ, что успѣшное завершеніе однихъ операцій и относительно благополучный выходъ изъ другихъ — нерѣдко являлись результатомъ прибытія свѣжихъ силъ съ окраинъ Имперіи, или изъ такихъ раіоновъ театра войны (6-я и 7-я арміи), которые оставались внѣ зоны боевыхъ дѣйствій.

Однако, запасъ свѣжихъ силъ сталъ подходить къ концу. Къ началу декабря 14-го года оставались еще непритянутыми на театръ военныхъ дѣйствій только 9-я и 10-я Сиб. стрѣлковыя дивизіи (IV Сиб. корпусъ) и два полка 3-й Турк. стрѣлк. бригады. Затѣмъ, въ дальнѣйшемъ, можно было рассчитывать лишь на XIII-й и XV-й арм. корпуса, къ формированію коихъ заново было приступлено внутри страны, но готовность коихъ сильно тормозилась недостаткомъ винтовокъ и другихъ предметовъ матеріальнаго снабженія. Наконецъ, условно намѣчалась еще возможность привлеченія на театръ военныхъ дѣйствій частей Заамурскаго округа погр. стражи. Въ дѣйствительности, и то лишь къ февралю 1915-го года, удалось сформировать полностью только XV-й корпусъ, благодаря во многомъ энергіи и настойчивости формировавшаго этотъ корпусъ генерала Торклуса; взамѣнъ же XIII-го корпуса, пришлось ограничиться сформированіемъ лишь сводной пѣх. бригады этого корпуса.

Тѣ же причины, т. е. отсутствіе винтовокъ и прочихъ предметовъ матеріальнаго снабженія, затрудняли также намѣчавшееся развертываніе стрѣлковыхъ бригадъ въ дивизіи, равно какъ проектировавшееся переформированіе и сведеніе въ дивизіи же наиболѣе прочно сложившихся ополченскихъ бригадъ.

При всѣхъ изложенныхъ выше условіяхъ, впредь до полного обновленія дѣйствующей арміи, лично я не видѣлъ возможности продолжать широкое наступленіе на лѣвомъ берегу р. Вислы. Въ своей запискѣ, внесенной въ совѣщаніе, я выражалъ сомнѣніе въ томъ, удастся ли, при наблюдавшемся постепенномъ усиленіи германцевъ, развить начавшееся преслѣдованіе противника нашими главными силами С.-З. фронта, далѣе линіи Плоцкъ-Домбе. Я предлагалъ поэтому прочно закрѣпиться на этомъ именно фронтѣ, связавъ его съ Ю.-З. арміями путемъ сильной промежуточной группы войскъ на Вартѣ, фронтомъ къ Калишу.

Что касается Ю.-З. фронта, то дальнѣйшія дѣйствія арміи генерала Иванова представлялись мнѣ въ видѣ настойчивыхъ стремленій развить достигнутый ими успѣхъ надъ австрійцами, кои къ этому времени перебросили главную массу своихъ войскъ на фронтъ Краковъ-Ченстоховъ. Пользуясь этимъ и соотвѣтственно ограничившись минимальными силами для прочнаго удержанія Карпатскихъ проходовъ и владѣнія Галичиной, мы могли рассчитывать нанести этой массѣ противника рѣшительный ударъ на лѣвомъ берегу р. Вислы, развивая главныя наши усилія къ сѣверу отъ Кракова, съ дальнѣйшимъ направленіемъ на Ополье (Опельнъ). Такими дѣйствіями Ю.-З. фронта достигалось бы сближеніе арміи обоихъ нашихъ фронтовъ между собою; австрійцы же отбрасывались отъ ихъ естественныхъ путей отступленія, пролежавшихъ въ направленіи на Вѣну и собственную страну. Независимо того, въ случаѣ успѣха такого наступленія, правофланговые арміи Ю.-З. фронта могли бы занять угрожающее положеніе по отношенію къ таковому же флангу германскихъ войскъ; главныя же силы нашихъ обоихъ фронтовъ выводились намѣчавшимися дѣйствіями на фронтъ между Вислою и Судетами. Съ этого фронта, какъ уже не разъ отмѣчалось, представлялось наиболѣе удобнымъ осуществить дальнѣйшее вторженіе въ предѣлы Германіи, отъ какового плана у насъ пока еще не было достаточныхъ основаній отказываться окончательно.

Но центральнымъ пунктомъ моихъ предложеній являлось возвращеніе къ мысли объ овладѣніи Восточной Пруссіей, пользуясь тѣмъ, что главный нашъ врагъ — германцы — временно обезсилены боями на фронтѣ Ловичъ-Лодзь. Въ своей запискѣ я вновь отмѣчалъ, что достиженіе этой цѣли разъ навсегда обезпечитъ правый флангъ и тылъ нашего стратегическаго фронта отъ германскихъ ударовъ, опасность коихъ будетъ возрастать, по мѣрѣ нашего движенія впередъ. Утвердившись же на нижней Вислѣ, мы не только парализуемъ эту опасность, но достигнемъ возможности освободить часть войскъ, занятыхъ нынѣ обезпеченіемъ нашего положенія со стороны Восточной Пруссіи, для усиленія арміи на лѣвомъ берегу р. Вислы.

Кромѣ энергическаго развитія наступательныхъ дѣйствій 10-й арміей, я рекомендовалъ образованіе особой группы войскъ, не менѣе трехъ корпусовъ, на Млавскомъ направленіи, полагая, что эта группа, дѣйствуя наступательно на Сольдау, въ значительной мѣрѣ можетъ способствовать продвиженію 10-й арміи, въ цѣляхъ овладѣнія Восточной Пруссіей.

Дѣлая эти предложенія, я отлично понималъ тѣ формальныя возраженія, которыя мнѣ могли быть сдѣланы по поводу возвращенія къ стратегической комбинаціи, закончившейся Самсоновской трагедіей. Но я не видѣлъ разумныхъ основаній отказываться отъ выполненія задачи, первостепеннаго значенія, только потому, что, при осуществленіи ея, были допущены ошибки, приведшія къ катастрофѣ. Мнѣ всегда казалось болѣе правильнымъ — стараться избѣгнуть ошибокъ прошлаго, чѣмъ поддаваться пагубному гипнозу перенесеннаго пораженія, вылившемуся въ форму какого-то мистическаго суевѣрія по отношенію къ Восточно-Прусскому театру военныхъ дѣйствій.

Мои предположенія о задачахъ и характерѣ дальнѣйшихъ дѣйствій оказались, однако, въ глубокомъ противорѣчій съ тѣми настрояніями, съ которыми прибыли на совѣщаніе оба Главнокомандующіе арміями фронтовъ. Оцѣнка ими положенія нашихъ армій была значительно болѣе пессимистичной, чѣмъ это положеніе представлялось мнѣ. Генераль Рузскій, отмѣчая некомплектъ въ арміяхъ и недостатокъ огнестрѣльныхъ припасовъ, указывалъ на прибытіе къ германцамъ новыхъ силъ, переброшенныхъ съ западнаго фронта и на усилившіяся контръ-атаки ихъ, какъ противъ нашей 1-й арміи, такъ и со стороны Сѣрадзея и Велюни. Генераль Ивановъ, въ свою очередь, констатировалъ недоступность непріятельскихъ позицій на фронтѣ Ченстоховъ-Краковъ и указывалъ на угрожающее накапливаніе значительныхъ австрійскихъ силъ въ Карпатскихъ проходахъ. На основаніи этихъ данныхъ, Верховный Главнокомандующій, считаясь съ мнѣніями и заключеніями своихъ ближайшихъ сотрудниковъ по командованію арміями, призналъ соотвѣтственнымъ, для сокращенія фронта и приданія арміямъ, находившимся на лѣвомъ берегу Вислы, болѣе прочнаго положенія, разрѣшить занятіе этими арміями заранѣе подготовивавшихся у нихъ въ тылу позицій на путяхъ къ Варшавѣ и Ивангороду, что давало возможность образованія на обоихъ фронтахъ необходимыхъ резервовъ.

Соотвѣтственно этому рѣшенію, директивой Верховнаго Главнокомандующаго отъ 30-го ноября предуказывалось сдѣлать всѣ необходимыя распоряженія, чтобы въ ночь на 1-й декабря «возможно было начать отходъ армій обоихъ фронтовъ, находящихся на лѣвомъ берегу р. Вислы на фронтъ Иловъ-Томашовъ р. Нида и далѣе къ р. Вислѣ». При этомъ, распоряженіе о приведеніи въ исполненіе изложенныхъ указаній должно было послѣдовать дополнительно, по полученіи ожидавшихся свѣдѣній о положеніи дѣлъ на фронтѣ за 29-е ноября.

Что касается задачъ на флангахъ нашего стратегическаго фронта, то, въ этомъ отношеніи, даны были слѣдующія указанія:

На С.-З. фронтѣ — 10-й (Восточно-Прусской) арміи надлежитъ продолжать выполненіе возложенной на нее задачи, стремясь имѣть резервъ для обезпеченія себя отъ контръ-ударовъ; Главнокомандующему же фронтомъ, при отходѣ къ р. Вислѣ, имѣть въ виду образованіе сильнаго резерва въ районѣ Варшавы, для отраженія возможнаго удара нѣмцевъ со стороны Млавы.

На обязанности армій Ю.-З. фронта должна была оставаться задача по удержанію въ нашихъ рукахъ восточной Галичины, причемъ предѣломъ отхода на правомъ берегу Вислы должна явиться р. Санъ, съ удержаніемъ переправъ черезъ эту рѣку въ нашихъ рукахъ.

Изъ изложеннаго видно, что приведенныя распоряженія были отданы Верховнымъ Главнокомандующимъ въ соответствии съ заключеніями Главногокомандующихъ арміями фронтовъ, и что, во всякомъ случаѣ, они носили характеръ предварительный, обуславливавшійся наличиемъ известной обстановки, которая подлежала еще дополнительному выясненію.

Тѣмъ неожиданнѣе было содержаніе телеграммы, полученной въ Ставкѣ отъ генерала Иванова на слѣдующій день, въ которой онъ, ссылаясь на якобы сдѣланныя имъ въ совѣщаніи заявленія, просилъ Верховнаго Главнокомандующаго оставить войска обоихъ фронтовъ на занимаемыхъ ими мѣстахъ и, со словъ командующаго 3-й арміей генерала Радко-Дмитріева, намекалъ на возможность взятія штурмомъ Кракова. Между тѣмъ, наканунѣ мнѣніе генерала Иванова о положеніи дѣлъ на Ю.-З. фронтѣ далеко не было столь радужнымъ, и къ моему предложенію о продолженіи наступленія въ Ченстоховскомъ районѣ онъ отнесся съ полнымъ пессимизмомъ, не рассчитывая на успѣхъ такихъ дѣйствій.

Принимая во вниманіе заключеніе Генерала Рузскаго, Ставка отвѣтила генералу Иванову, что сокращеніе фронта 1-й, 2-й и 5-й армій является, повидимому, неизбѣжнымъ, но что отходъ этихъ армій лѣвымъ флангомъ на Петровъ, и даже на Томашовъ, не обуславливаетъ еще необходимости отвода армій Ю.-З. фронта, особенно, если за его правымъ флангомъ удастся собрать достаточно сильный резервъ.

И дѣйствительно, вслѣдствіе усиленныхъ атакъ на лѣвый флангъ 5-й арміи, Главнокомандующій С.-З. фронтомъ уже къ 1-му декабря разрѣшилъ генералу Шлеве начать медленный отходъ его группы войскъ на фронтъ Гловно-Вольборжъ. Образовавшійся между внутренними частями 5-й и 4-й армій разрывъ постепенно былъ заполненъ частями III-го Кавк. и XIV-го корпусовъ, а также Гвардейской кавалеріей, выдвинутой на лѣвый берегъ р. Вислы, въ періодъ Лодзинскихъ боевъ, распоряженіемъ Верховнаго Главнокомандующаго.

Что касается Восточно-Прусскаго театра военныхъ дѣйствій, то, уже черезъ нѣсколько дней послѣ совѣщанія 29-го ноября, генераль Янушкевичъ, въ своей телеграммѣ генералу Рузскому, призналъ необходимымъ вновь возвратиться къ этому большому вопросу. — «Трудность и сложность рѣшенія вопроса объ обезпеченіи успѣха въ Восточной Пруссіи, говорилъ онъ въ своемъ заключеніи, не могутъ, казалось бы, явиться основаніемъ для отказа отъ рѣшенія этой задачи, такъ какъ это, повидимому, было бы равносильно отказу отъ перенесенія войны въ предѣлы Германіи».

Главнокомандующій арміями С.-З. фронта генераль Рузскій, въ общемъ, поддерживалъ точку зрѣнія Ставки и признавалъ также необходимымъ стремиться къ овладѣнію Восточной Пруссіей, считая такое подготовительнымъ

этапомъ для перехода въ наступленіе на лѣвомъ берегу р. Вислы. Однако, во взглядахъ генерала Рузскаго можно было обнаружить нѣкоторыя колебанія, которыя очень рельефно отразились въ одной изъ его телеграммъ въ Ставку. Въ ней, подъ влияніемъ донесеній изъ 10-й арміи, генералъ Рузскій говорилъ: «Приходится придти къ заключенію, что сооветственнѣе было бы на Восточно-Прусскомъ театрѣ войны отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ форсировать озерную систему, а перейти къ оборонѣ, оставивъ для сего минимальное число войскъ, достаточное для надежнаго обезпеченія сообщеній фронта.»

Такимъ образомъ обстановка складывалась такъ, что Восточно-Прусской проблемѣ суждено было и на сей разъ остаться въ неопредѣленномъ положеніи.

3-го декабря, въ Галичинѣ, обозначалось новое наступленіе австрійцевъ, которое постепенно распространилось на фронтѣ около 200 километровъ отъ перекрѣста Ужокъ до района Лимановъ-Тымбаркѣ включительно. Здѣсь были обнаружены части пяти-шести австрійскихъ корпусовъ, поддержанныя германцами изъ состава вновь прибывшаго съ западнаго фронта XXIV-го германскаго корпуса. Къ началу непріятельскаго наступленія наша 3-я армія была ослаблена переброскою части силъ на лѣвый берегъ Вислы, а 8-я армія оказалась разбросанною на очень широкомъ фронтѣ. Эта обстановка обезпечила австрійцамъ достиженіе нѣкотораго успѣха. — Но уже 10-го декабря 3-я и 8-я арміи, поддержанныя частями 11-й арміи, главныя силы которой блокировали въ то же время Перемышль, перешли въ контръ-наступленіе, которымъ и былъ положенъ предѣлъ дальнѣйшему продвиженію непріятеля.

Тѣмъ не менѣе, ввиду попытки австрійцевъ возобновить наступленіе въ Галичинѣ и донесенія генерала Рузскаго, указывавшаго на все возрастающее упорство германцевъ, продолжавшихъ свои атаки на лѣвомъ берегу р. Вислы противъ 1-й арміи, и на развивавшееся наступленіе нѣмцевъ со стороны Млавы въ направленіи на Праснышъ — 13-го декабря, въ Брестѣ, было создано новое совѣщаніе. Въ результатѣ такового, Верховный Главнокомандующій, въ соотвѣтствіи съ мнѣніями Главнокомандующихъ арміями фронтовъ, разрѣшилъ дальнѣйшій отходъ армій, находившихся на лѣвомъ берегу р. Вислы, на заранее подготовленныя позиціи, что, какъ мы видѣли, давало возможность сократить ихъ фронтъ и выдѣлить резервы; послѣдніе, въ данной обстановкѣ, могли быть использованы для обезпеченія Млавскаго направленія и для нанесенія окончательнаго удара австрійцамъ, пытавшимся спуститься съ Карпатъ и вторгнуться въ западную часть Галичины.

Предстоящій отходъ нашихъ пяти лѣвобережныхъ армій совершился благополучно и въ полномъ порядкѣ; войска 1-й, 2-й, 5-й, 4-й и 9-й армій заняли линію р.р. Бузуръ, Равки и Ниды.

Германцы, тѣмъ не менѣе, произвели рядъ попытокъ прорвать нашъ новый фронтъ; ихъ атаки приобрѣли особо упорный характеръ на Бузурѣ и Равкѣ, въ районѣ Болимова. Всѣ усилія германцевъ ограничились, однако, достиженіемъ

здѣсь лишь мѣстныхъ успѣховъ, но атаки ихъ привели къ жестокимъ для обѣихъ сторонъ потерямъ. Убѣдившись, кровавымъ опытомъ, въ прочности и устойчивости нашего новаго положенія, германское командованіе прекратило дальнѣйшія попытки къ прорыву нашего фронта.

На правомъ берегу р. Вислы, наши войска, получивъ подкрѣпленія и перейдя въ наступленіе, отбѣснили германскія войска изъ района Прасныша и вынудили ихъ къ обратному отходу на территорію Восточной Пруссіи. Постепенно расширяя районъ дѣйствій, мы достигли Влоцлавска и стали закрѣпляться, начиная отъ названнаго пункта вдоль южной границы Восточной Пруссіи до района дѣйствій 10-й арміи, продолжавшей стоять передъ Мазурскими озерами и укрѣпленной нѣмцами позиціей вдоль р. Ангеррапъ.

Въ Галичинѣ — наше контръ-наступленіе, послѣ необходимыхъ перегруппировокъ, приведшихъ къ усилению наступающихъ войскъ, получило также дальнѣйшее развитіе. Несмотря на неблагоприятную погоду, наши войска, преодолевая глубокіе снѣга и обледѣлыя горы, непрестанно продвигались впередъ, и къ концу декабря опрокинутый повсюду противникъ спѣшно отступалъ по всему фронту. Продолжая его преслѣдованіе, генераль Ивановъ предписалъ 3-й и 8-й арміямъ прочно обезпечить за собою линію р.р. Дунаецъ и Бяла и дальѣ фронтъ отъ Грибово на Горлице, Дуклу и Лиско. — 11-й арміи указано было, продолжая блокировать Перемышль, обезпечить приданными ей полевыми корпусами (VII и XXX) восточно-Карпатскіе проходы.

Въ Буковинѣ — мы, вновь занявъ Черновцы, постепенно продвинулись на перевалы, соединявшіе Буковину съ Трансильваніей и Венгріей.

Такого, приблизительно, положенія наши арміи достигли къ первой половинѣ января 1915-го года.

Къ сожалѣнію позиціи, на которыя отошли наши арміи на лѣвомъ берегу р. Вислы, оказались очень плохо подготовленными, и войскамъ пришлось потратить много усилій, чтобы привести ихъ въ болѣе или менѣе надлежащій видъ. — Примѣру нашихъ войскъ послѣдовалъ и непріятель, начавшій также интенсивно укрѣпляться; такимъ образомъ весьма скоро положеніе обѣихъ сторонъ на лѣвомъ берегу р. Вислы стало принимать формы позиціонной войны. Для усиленія нашего положенія на р.р. Бзуръ и Равкъ, на позиціи постепенно были выдвинуты батареи тяжелыхъ орудій крѣпостныхъ калибровъ и типовъ, позаимствованныя, главнымъ образомъ, изъ вооруженія Новогеоргіевска.

Въ тылу нашихъ войскъ лѣваго берега Вислы стали возводиться запасныя позиціи, которыя должны были облегчить оборону этой рѣки; на правомъ же берегу р. Вислы Верховный Главнокомандующій намѣтилъ образованіе резерва изъ IV-го Сиб. корпуса, ожидавшагося къ прибытію изъ восточной Сибири, и Гвардейскаго корпуса, который во второй половинѣ декабря былъ выключенъ изъ состава Ю.-З. фронта и перевезенъ на отдыхъ и пополненіе въ районъ Ново-Минскъ-Гарволинъ-Сѣдлецъ.

Равнымъ образомъ въ Галичинѣ, распоряженіемъ 3-й арміи, предназначено было подготовить тыловую укрѣпленную позицію, примѣрно, на линіи р. Вислоки. — Что же касается Карпатскаго участка фронта, то генераль Ивановъ упорно настаивалъ на необходимости отвѣтить на переброску въ Карпаты австро-венгерскихъ войскъ не обороной, а активными дѣйствіями, чтобы не дать возможности возродиться австро-венгерской арміи, подорванной перенесенными поражениями, и, напротивъ, приблизить ее къ полному развалу. Генераль Ивановъ указывалъ также, что успѣхъ въ Галичинѣ «отзовется благопріятно въ Венгрію, которая готова идти на сепаратный миръ, а также и въ Румынію, которая теперь должна рѣшить — куда ей склонить голову. Думаю, добавлялъ генераль Ивановъ, что она склонитъ голову туда, гдѣ будетъ удача».

Примѣрно въ этотъ же періодъ времени нашъ военный агентъ въ Парижѣ полковникъ графъ Игнатъевъ, которому были сообщены, для передачи во французскую Главную Квартиру, данныя о положеніи нашихъ армій и принятыхъ рѣшеніяхъ, доносилъ, что генераль Жоффръ, учитывая недостатокъ огнестрѣльныхъ припасовъ, выразилъ надежду, что «если мы лишены возможности возобновить наступленіе въ Польшу, то все же сможемъ продолжать преслѣдованіе въ Галичинѣ, гдѣ характеръ мѣстности, быть можетъ, менѣе способствуетъ развитію дѣйствій артиллеріи.»

Все эти обстоятельства, въ связи съ неувѣренностью Главнокомандующаго арміями С.-В. фронта въ успѣхѣ дѣйствій по овладѣнію Восточной Пруссіей, стали, повидимому, склонять и Верховнаго Главнокомандующаго къ мысли о предпочтительности нанесенія очереднаго удара австрійцамъ на правомъ берегу р. Вислы изъ Галичины. — И такимъ образомъ еще въ концѣ 1914-го года у нѣкоторыхъ нашихъ военачальниковъ начала зарождаться идея наступленія русской арміи черезъ Карпаты въ Венгрію, къ осуществленію которой было приступлено въ слѣдующемъ 15-мъ году.

ГЛАВА XII.

Вступленіе въ войну Турціи и операціи на Кавказскомъ фронтѣ. — Общее военно-политическое положеніе къ концу 1914-го года.

Въ концѣ 1914-го года военное положеніе Россіи осложнилось тѣмъ обстоятельствомъ, что, внезапнымъ нападеніемъ на наши суда и нѣкоторые береговые пункты Чернаго моря, Турція открыла враждебныя противъ насъ дѣйствія. Выступленіе это готовилось съ давнихъ поръ.

Я уже указывалъ въ одной изъ первыхъ главъ, что поведеніе Турціи по отношенію къ нашему отечеству являлось крайне подозрительнымъ съ первыхъ же дней вооруженнаго конфликта, возникшаго между Европейскими Державами.

Враждебныя намъ вліянія становились на берегахъ Босфора все опредѣленнѣе.

Начавшаяся въ началѣ августа мобилизація турецкой арміи въ срединѣ сентября близилась къ концу. Подвигалось также сосредоточеніе турецкихъ войскъ къ нашей кавказской границѣ и подготовка къ вторженію особаго отряда въ Египетъ.

Въ районѣ Константинополя нѣмцы прочно захватили власть надъ Босфоромъ и Дарданеллами. Ходили слухи, что, для обороны проливовъ, прибыли изъ Германіи орудія крупнаго калибра. Особенную активность, по имѣвшимся у насъ свѣдѣніямъ, проявлялъ германскій адмиралъ Сюшонъ, прибывшій въ Константинополь вмѣстѣ съ нѣмецкими крейсерами и фактически остававшійся ихъ начальникомъ. Подготовка этихъ крейсеровъ къ выходу въ море становилась настолько очевидной, что послы Державъ Согласія вынуждены были указать на эту подготовку Великому Визирю и напомнить ему о данномъ обѣщаніи — не допустить выхода германскихъ крейсеровъ изъ проливовъ. Однако, въ средѣ турецкихъ министровъ значительно ослабли умѣренныя элементы, и защитникомъ нейтралитета оставался едва-ли не одинъ министръ финансовъ Джавидъ-бей.

21-го сентября была сдѣлана первая попытка къ выходу нѣмецкихъ крейсеровъ въ море. По впечатлѣнію нашего посольства въ Константинополь, этотъ шагъ былъ сдѣланъ по инициативѣ и настоянію нѣмцевъ, чтобы вызвать, наконецъ, конфликтъ, на который турки все еще не рѣшались. Такъ какъ нѣмецкіе крейсера находились подъ турецкимъ флагомъ, то англійское правительство объявило Портъ, что, ввиду трудности отличать нѣмецкія суда съ турецкихъ, оно вынуждено будетъ отдать распоряженіе о противодѣйствіи выходу въ Эгейское море вообще всѣмъ судамъ подъ турецкимъ флагомъ. Послѣ этого заявленія турецкій контръ-миноносець, видимо нарочно, вышелъ изъ Дарданеллъ, и когда онъ былъ дѣйствительно остановленъ англійскимъ сторожевымъ судномъ, то комендантъ Дарданеллъ — нѣмецкій офицеръ — объявилъ о закрытіи навигаціи черезъ проливъ. На заявленный по этому поводу протестъ, турецкій Совѣтъ Министровъ отвѣтилъ, что Дарданеллы будутъ открыты, если англійская эскадра удалится къ Лемносу. Требованіе это носило вызывающій характеръ и потому не было исполнено, тѣмъ болѣе что наблюденіе за входомъ и выходомъ изъ Дарданеллъ являлось военною необходимостью, такъ какъ все еще не была устраниена опасность проникновенія въ проливы австрійскаго флота и ожидался подходъ выписанныхъ Турціей изъ Америки транспортовъ съ углемъ, которые не могли быть пропущены въ Константинополь.

Въ срединѣ октября нашъ посоль въ Константинополь М. Н. Гирсъ телеграфировалъ С. Д. Сазонову, что 11-го октября у германскаго посла состоялось совѣщаніе, въ которомъ приняли участіе Энверъ-паша и Талаатъ-бей. На этомъ совѣщаніи былъ подписанъ особый договоръ, которымъ Турція обязывалась къ немедленному выступленію противъ Россіи, вслѣдъ за получе-

ніемъ отъ Германіи денежной субсидіи. Первый взносъ, причитавшійся по этому договору, телеграфировалъ М. Н. Гирсъ, уже полученъ; второй же транспортъ денегъ долженъ былъ прибыть изъ Германіи въ Константинополь 21-го октября.

Тѣмъ не менѣе, нашъ посолъ въ Константинополь, хорошо знавшій нравы Порты, полагалъ, что неопредѣленное положеніе Турціи можетъ продлиться еще нѣкоторое время, если толчокъ къ развязкѣ не будетъ данъ самими нѣмцами. Послѣдніе были, однако, крайне заинтересованы скорѣйшимъ выступленіемъ Турціи противъ насъ, такъ какъ въ этотъ періодъ времени стало замѣтно развиваться наше наступленіе на лѣвомъ берегу р. Вислы, угрожавшее границамъ Силезіи.

Созданіемъ военныхъ затрудненій на нашей кавказской границѣ и поднятіемъ волненій среди мусульманскаго населенія наши противники, конечно, могли разсчитывать облегчить положеніе на своемъ восточномъ фронтѣ въ Европѣ.

29-го октября 1914-го года, около трехъ часовъ утра, два турецкихъ миноносца приблизились къ Одессѣ и, имѣя отличительные огни и русскіе флаги, внезапно вошли въ гавань. Приблизившись къ нашей канонерской лодкѣ «Доонецъ», одинъ изъ непріятельскихъ миноносцевъ выпустилъ въ нее мину, которой лодка была потоплена. Пользуясь поднявшейся суматохой и отстрѣливаясь, непріятельскіе миноносцы, затѣмъ, отступили изъ гавани и, преслѣдуемые нашимъ огнемъ, ушли полнымъ ходомъ въ море, несмотря на нанесенныя имъ поврежденія.

Въ то же утро, около половины седьмого, на горизонтѣ Севастополя неожиданно вырисовался силуэтъ «Гебена». Подойдя къ крѣпости со стороны Евпаторіи, непріятельскій крейсеръ открылъ огонь по рейду и городу. Ему отвѣчали наши береговыя батареи и ближайшія къ выходу суда. Послѣ двадцати-минутнаго огня «Гебенъ» прекратилъ стрѣльбу и ушелъ въ море. Его огонь не произвелъ почти никакихъ разрушеній, но были жертвы: нѣсколько раненныхъ и убитыхъ.

Одновременно съ нападеніемъ на Одессу и Севастополь, крейсеръ «Бреслау» обстрѣлялъ беззащитную Феодосію, а турецкій крейсеръ «Гамидіе» — Новороссійскъ.

Этими вѣроломными актами Турція фактически открыла противъ насъ военныя дѣйствія.

Великій Визирь и адмиралъ Сюшонъ пытались объяснить враждебныя дѣйствія противъ нашихъ приморскихъ пунктовъ, какъ репрессію за нападеніе нашихъ миноносцевъ, якобы произведенное 28-го октября вблизи Босфора на турецкій флотъ, мирно упражнявшійся въ стрѣльбѣ. Но это объясненіе тогда же было категорически отведено нашимъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ С. Д. Сазоновымъ.

Россійское Императорское Правительство, по полученіи извѣстій о нападеніи турецкихъ судовъ на нашъ флотъ и Черноморское побережье, предпи-

сало нашему послу въ Константинополь заявить Портѣ о разрывѣ дипломатическихъ сношеній и о своемъ отъѣздѣ изъ Турціи — М. Н. Гирсъ оставилъ Константинополь 31-го октября. Примѣру Россіи послѣдовали и остальные Державы Согласія.

3-го ноября, на разсвѣтѣ, англо-французская эскадра, въ видѣ демонстраціи, произвела бомбардировку Дарданельскихъ укрѣпленій. Турецкія батареи отвѣчали слабымъ огнемъ. По мнѣнію лицъ, знавшихъ обстановку, если бы упомянутая бомбардировка сопровождалась десантомъ, то береговыя укрѣпленія, закрывавшія входъ въ проливъ, могли быть взяты, безъ особыхъ жертвъ и потери времени. Передъ союзниками открылись бы подступы къ столицѣ Отоманской Имперіи. Къ сожалѣнію, эта задача вошла въ планъ нашихъ союзниковъ лишь впоследствии, и, такимъ образомъ, нашимъ противникамъ было предоставлено значительное время для усовершенствованія ихъ обороны.

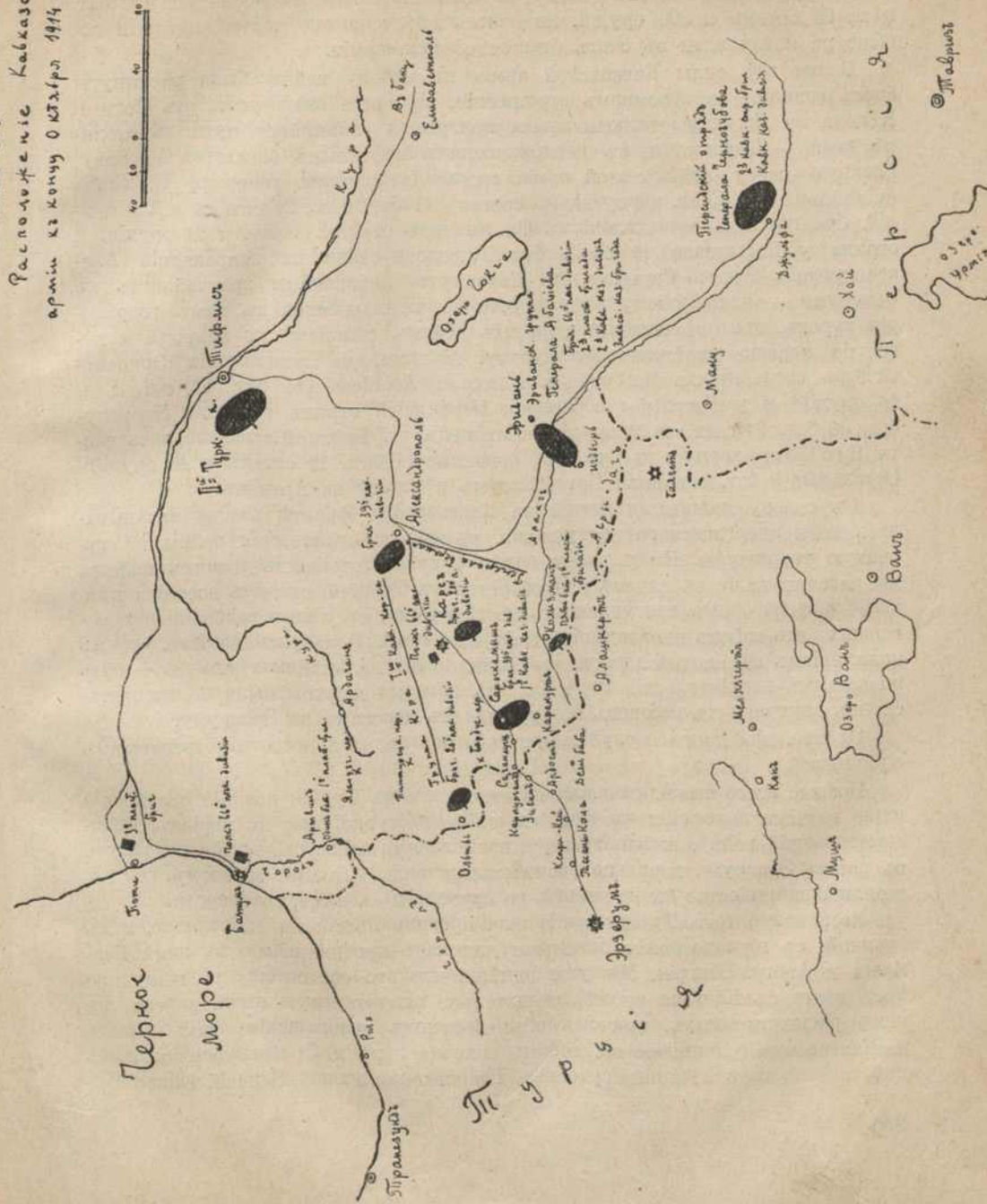
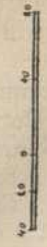
Такъ началась война Турціи съ Державами Согласія. Для насъ — какъ мы видѣли — эта война не являлась неожиданностью, и намъ приходилось учитывать ея возможность съ первыхъ же дней возникновенія вооруженнаго конфликта. Тѣмъ не менѣе, выполняя планъ стратегическаго развертыванія на западѣ, Верховное Главнокомандованіе не остановилось передъ рѣшеніемъ ослабить войска на Кавказѣ до возможнаго предѣла, имѣя цѣлью собрать на главномъ театрѣ войны максимумъ силъ. На западный фронтъ постепенно были переброшены: II-й и III-й Кавк. корпуса, 1-я Кавказ. стрѣлковая бригада и Кавказская кав. дивизія; для обороны же Кавказа оставлены: I-й Кавк. корпусъ (въ составѣ 20-й и 39-й пѣх. дивизій), 66-ая пѣх. дивизія, 2-ая Кавк. стр. бригада, 1-я и 2-я пласт. бригады и 1-я и 2-я Кавк. каз. дивизіи, всего 68 бат. пѣх., 48 сотенъ и 184 орудія.

Эти войска должны были составить остовъ Кавказской Арміи, подчинявшейся Намѣстнику на Кавказѣ Генераль-Адъютанту графу Воронцову-Дашкову; послѣднему присвоивались права Командующаго отдѣльной арміей, близкія къ правамъ Главнокомандующаго арміями фронта. Такимъ образомъ графу Воронцову-Дашкову предоставлялась полная свобода въ выборѣ средствъ для достиженія поставленной ему цѣли по прикрытію Кавказа отъ турецкаго нашествія.

Въ составѣ Кавказской арміи, кромѣ перечисленныхъ выше силъ, должны были еще войти подкрѣпленія: изъ Туркестанскаго военнаго округа, въ видѣ II-го Турк. корпуса, весьма слабого, впрочемъ, состава (4-я и 5-ая Турк. стр. бригады, всего 14 бат.), и Закасп. каз. бригада; изъ Омскаго военнаго округа — 1-я Сиб. каз. бригада, и, сверхъ того, части войскъ, спѣшно сформировавшіяся на Кавказѣ. Принимая къ учету все эти силы, Кавказская армія, ко дню объявленія Россіей войны Турціи, должна была имѣть въ своемъ составѣ 86 бат. пѣх., 96 сотенъ и 258 орудій.

Затѣмъ, къ концу 1914-го года на Кавказѣ была сформирована еще одна стрѣлковая бригада (3-я Кавказская), шесть армянскихъ дружинъ и прибыли изъ Сибири двѣ горныя батареи. Итого силы Кавказской арміи, по-

Схема №8.
 Расположение Кавказской
 армии к концу Октября 1914 года

слѣ вступленія въ составъ ея перечисленныхъ частей, возросли до: 100 бат. пѣх., 96 сотенъ и 300 орудій, не считая ополченскихъ частей, которыя вообще не могли идти въ счетъ боевого состава арміи.

Почти всѣ силы Кавказской арміи къ началу войны были раскинуты вдоль границы на огромномъ протяженіи, не менѣе 600 верстъ, отъ Поти и Батума до Джульфы включительно, прикрывая главнѣйшіе пути къ столицѣ края — Тифлису и къ центру нашихъ нефтяныхъ богатствъ — Баку. Главную массу войскъ этой арміи составляла группа генерала Берхмана (командира I-го Кавк. корпуса), въ составѣ 41 бат. пѣх., 24 сотенъ и 120 орудій. Эта группа, за выдѣленіемъ Ольгинскаго отряда (8 бат. и 24 орудія) и отряда у Кагызмана (5 бат.), была эшелонирована на направленіи Александрополь - Карсъ - Сарыкамышъ - Каракуртъ, являвшемся кратчайшимъ къ Эрзеруму — важнѣйшему узлу дорогъ на примыкавшей къ намъ территории турокъ, центру сосредоточенія ихъ войскъ, сильному по природѣ и довольно хорошо укрѣпленному пункту. Затѣмъ, на направленіи Эривань-Игдырь сосредоточивался отрядъ генерала Абаціева (14 бат., 36 сотенъ и 66 орудій) и у Джульфы собирался Персидскій отрядъ генерала Чернозубова (8 бат., 24 сотни и 24 орудія). Наконецъ, въ Тифлисѣ высаживались частіи II-го Турк. корпуса и Сиб. каз. бригады (14 бат., 12 сотенъ и 48 орудій). Остальные 9 бат. охраняли Поти, Батумъ и дорогу на Артвинъ.

Въ основу нашихъ дѣйствій на Кавказскомъ фронтѣ всегда вкладывалась идея энергичскаго наступленія, съ цѣлью перенесенія войны на турецкую территорию. Имѣя ввиду болѣе раннюю готовность нашихъ войскъ, мы рассчитывали, въ случаѣ единоборства съ Турціей, открыть военныя дѣйствія энергическимъ наступленіемъ къ Эрзеруму, съ цѣлью разбитія прикрывавшихъ его войскъ и овладѣнія этимъ пунктомъ. Пользуясь, затѣмъ, своимъ положеніемъ въ центрѣ дорогъ, мы ставили себѣ дальнѣйшею задачею — бить по частямъ непріятельскія подкрѣпленія, которыя должны были подтягиваться изъ внутреннихъ раіоновъ по грунтовымъ дорогамъ къ Эрзеруму.

Однако, для даннаго случая, планъ этотъ являлся несоотвѣтствующимъ обстановкѣ.

Прежде всего выжидательная по отношенію къ Турціи позиція осложнила наше военное положеніе въ томъ смыслѣ, что турки, уже въ періодъ, предшествовавшій войнѣ, имѣли время и возможность заблаговременно подтянуть въ раіонъ Эрзерума довольно значительныя силы. Такимъ образомъ, мы потеряли преимущество болѣе ранней, по сравненію съ ними, готовности.

Независимо того, Турція выступила противъ Россіи не единолично, а въ коалиціи съ гораздо болѣе опасными для насъ противниками, въ лицѣ Германіи и Австро-Венгріи. Мы уже видѣли, что это обстоятельство вынудило насъ взять съ Кавказа вполнѣ сознательно значительную часть войскъ, на немъ расположенныхъ, причемъ объ обратномъ возвращеніи этихъ войскъ на Кавказскую границу не могло быть, конечно, и рѣчи. Съ началомъ военныхъ дѣйствій противъ Турціи, Верховный Главнокомандующій Великій Князь Ни-

колай Николаевичъ предполагалъ первоначально возвратитъ на Кавказъ 1-ую Кавказскую стрѣлк. бригаду и Кавк. кав. дивизию, но весьма скоро отказался отъ этой мысли, и только одна Кавк. кав. дивизія была перевезена и включена въ составъ Кавказской арміи.

При такихъ условіяхъ мы были вынуждены ограничить первоначальныя дѣйствія Кавказской арміи болѣе скромными задачами, которыя не должны были выходить за предѣлы прикрытія нашихъ приграничныхъ районовъ отъ вторженія турецкихъ полчищъ. Тѣмъ не менѣе, и при данной обстановкѣ, изъ дѣйствій Кавказской арміи не долженъ былъ выключаться элементъ активности; и эта армія продолжала имѣть одной изъ своихъ задачъ переходъ границы и захватъ въ центрѣ нашего стратегическаго фронта позиціи Ардостъ-Делибаба. Позиція эта всегда признавалась кавказскимъ командованіемъ болѣе соотвѣтствующей для обороны малыми силами, чѣмъ подверженная обходамъ мѣстность, тянувшаяся вдоль границы по Саганлугскому хребту. Дѣйствія въ центрѣ должны были обезпечиваться со стороны Алашкертской долины Эриванскимъ отрядомъ, о которомъ уже упоминалось выше.

«Турки вѣроломно напали на наши прибрежные города и суда Черноморскаго флота», — такъ писалъ въ своемъ первомъ приказѣ отъ 29-го октября Главнокомандующій Кавказской арміей Генераль-Адъютантъ графъ Воронцовъ-Дашковъ. «Высочайше повелѣно считать, что Россія въ войнѣ съ Турціей. Войскамъ вѣрноподданной арміи перейти границу и атаковать турокъ.»

Первыя дѣйствія русскихъ войскъ сопровождались очень замѣтнымъ успѣхомъ. Передовыя части турокъ по всему фронту были опрокинуты и принуждены къ полному отступленію.

6-го ноября, послѣ горячаго боя, была взята сильная позиція турокъ у Кеппри-Кей, прикрывавшая путь къ Эрзеруму. Къ этому же времени нами была взята Баязетъ и очищена отъ врага вся Алашкертская долина. Наступленіе нашихъ войскъ встрѣчало очень большія затрудненія, вслѣдствіе отсутствія транспортовъ и бѣдности мѣстныхъ средствъ. Къ тому-же уже у Капри-Кея нашими войсками стали ощущаться недостатки въ боевыхъ припасахъ. Тѣмъ не менѣе, главные силы отряда генерала Берхмана, увлекшись первыми успѣхами, продолжали продвигаться впередъ, пока не натолкнулись на значительныя силы турокъ у Гассанъ-Калы. То былъ XI-й турецкій корпусъ. Вынужденные прекратить наступленіе, наши войска отошли на позицію Ардостъ-Делибаба, куда на поддержку имъ подошелъ II-ой Турк. корпусъ (генерала Юденича). Турки, успѣвшіе предупредить насъ своимъ сосредоточеніемъ у Эрзерума, перешли въ контръ-наступленіе и стали насѣдять на наши войска не только съ фронта, но и въ обходъ ихъ праваго фланга.

Постепенно выяснялось, что 3-я турецкая армія, въ составѣ IX-го, X-го и XI-го корпусовъ, (свыше 80 бат., не считая курдовъ и зап. частей), руководимая Энверомъ-Пашой и вдохновляемая его начальникомъ штаба германскимъ офицеромъ Бронсаръ-фонъ-Шелендорфомъ, повела свою операцію главнаго удара въ тылъ нашимъ войскамъ — на передовую ихъ базу Сарыка-

мышь. XI-й корпусъ имѣлъ своимъ назначеніемъ сдерживать наши войска съ фронта на Эрзерумскомъ направленіи, а IX-й и X-й корпуса были направлены въ обходъ нашего праваго фланга по такъ называемому «тонь-юлу», т. е. по дорогѣ, идущей по горнымъ хребтамъ между Эрзерумской дорогой и долиною Севри-чая. Дорога эта выходитъ на Бардусскій перевалъ, который ошибочно считался нами недоступнымъ зимой для большихъ войсковыхъ массъ. Движеніе по горной дорогѣ, занесенной глубокимъ снѣгомъ, стоило, правда, турецкимъ войскамъ большихъ усилій и жертвъ; тѣмъ не менѣе, въ двадцатыхъ числахъ декабря, турецкія колонны стали постепенно спускаться съ Бардусскаго перевала и повели рядъ настойчивыхъ атакъ на Сарыкамышъ, гдѣ у насъ находились въ то время лишь слабыя запасныя части.

Положеніе нашей главной группы войскъ являлось очень труднымъ. Съ фронта на нихъ насаждалъ XI-й турецкій корпусъ; въ тылу же внезапно появились части двухъ другихъ корпусовъ 3-й турецкой арміи. Въ случаѣ отхода къ Сарыкамышу, — стратегическое окруженіе грозило перейти въ тактическое. Въ такихъ условіяхъ, Командиръ II-го Турк. корпуса генераль Юденичъ, будущій командующій Кавказкой арміей, настоялъ на удержаніи главными силами своихъ позицій и на отправленіи къ Сарыкамышу лишь свободныхъ резервовъ. Одновременно съ этимъ рѣшеніемъ, Генераль Юденичъ, занимавшій въ начальный періодъ войны должность начальника штаба арміи, обратился съ радиограммой къ Главнокомандующему Кавказской арміей графу Воронцову-Дашкову съ просьбой о срѣшномъ направленіи на помощь Сарыкамышскому гарнизону сформировавшейся въ тылу 3-ей Кавк. стрѣлковой бригады, что и было исполнено. Туда же въ Сарыкамышъ были направлены и кадры для предстоявшаго разворачиванія двухбатальонныхъ полковъ II-го Турк. корпуса въ трехбатальонные. Всѣ эти части и составили ядро обороны Сарыкамыша отъ турецкаго нападенія. Въ многонедельныхъ бояхъ, по 5-ое января включительно, эти случайно набранныя войска доблестно отбивали яростныя атаки турокъ, положеніе коихъ съ каждымъ днемъ становилось отчаяннѣе. Истомленные тяжелымъ походомъ по снѣжнымъ хребтамъ, голодные и полузамерзшіе, турки не могли овладѣть Сарыкамышемъ; отступление же, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, было равносильно гибели. — И дѣйствительно, отброшенные турки въ большинствѣ разсѣялись; часть ихъ замерзла въ снѣжныхъ балкахъ и оврагахъ, остальные — были взяты въ плѣнъ. Среди послѣднихъ въ нашихъ рукахъ оказались — одинъ изъ командировъ корпусовъ и три начальника дивизій, со своими штабами. — Намъ досталась большая военная добыча. — Разгромъ IX-го и отчасти X-го турецкихъ корпусовъ былъ полный. Въ одномъ только районѣ Сарыкамыша, въ теченіе зимы, было обнаружено вполнѣдствіи свыше 30/т. замерзшихъ турецкихъ труповъ.

Одновременно съ наступленіемъ турокъ въ направленіи на Бардусскій перевалъ, накопленіе ихъ обнаружилось также въ долину Ольтъ-чая и въ Зачорохскомъ районѣ, откуда турки повели наступленіе въ направленіяхъ на

Ардаганъ и Батумъ. Потѣсивъ нашъ Ольгинскій отрядъ и усилившись перодавшимися на ихъ сторону лазами и аджарцами, турки появились передъ Ардаганомъ со стороны Пантурецкаго и Ялагузчамскаго переваловъ. Среди турецкихъ войскъ, наступавшихъ въ этомъ направленіи, были обнаружены части X-го и I-го (Константинопольскаго) корпусовъ, а также отряды башибузуковъ, доставленные сюда изъ Европейской Турціи. Наши войска, отошедшія на Ардаганъ, послѣ двухдневнаго упорнаго боя 29-го и 30-го декабря, принуждены были оставить названный городъ и отойти еще болѣе къ востоку. Этотъ отходъ создалъ серьезную панику въ Тифлисѣ, гдѣ населеніе почувствовало опасность вражескаго нашествія. Со всѣхъ сторонъ потекли нареканія на Ставку, которую упрекали въ легкомысленномъ, яко-бы, оголеніи отъ войскъ Кавказа. Однако, поданными изъ Тифлиса подкрѣпленіями удалось быстро ликвидировать нарастающую угрозу. — 4-го января наши войска перешли въ наступленіе и легко выбили турокъ изъ Ардагана; они принуждены были къ поспѣшному отступленію, преслѣдуемые нашими доблестными сибирскими казачьими полками.

Побѣды подъ Ардаганомъ и Сарыкамышемъ вывели насъ изъ очень труднаго положенія. Но, для полнаго завершенія пораженія турокъ и длительнаго обезпеченія Кавказа отъ новаго нашествія, необходимо было подвергнуть пораженію остававшійся еще боеспособнымъ XI-й турецкій корпусъ. Этотъ послѣдній, продолжавшій дѣйствовать на Эрзерумскомъ направленіи и воодушевленный временными успѣхами турецкихъ войскъ на обходныхъ путяхъ, пытался, хотя и безуспѣшно, тѣснить наши части въ направленіи къ Сарыкамышу съ фронта; послѣ же разгрома нами обходныхъ турецкихъ колоннъ, развилъ свои атаки въ районѣ Караургана съ удвоеннымъ ожесточеніемъ, стремясь, видимо, своими дѣйствіями прикрыть отходъ остатковъ разбитыхъ нами войскъ. Выполнивъ необходимыя перегруппировки, наши войска на Сарыкамышскомъ направленіи, невзирая на сильныя мятели и снѣжные заносы, сами перешли въ наступленіе и, послѣ упорныхъ боевъ съ 8-го по 16-го января, смели турокъ съ сильной природной Зивинской позиціи. Нашъ противникъ быстро откатился назадъ, сбрасывая свою артиллерию съ кручъ и оставляя, по пути своего слѣдованія, раненыхъ и огнестрѣльные припасы.

Этимъ натискомъ, окончательнo разстроившимъ послѣдній турецкій корпусъ, еще державшійся противъ насъ, была сломлена надолго боеспособность всей турецкой арміи, находившейся подъ руководствомъ смѣлаго и энергичнаго Энверъ-Паши, проникавшагося духомъ и приемами нѣмецкой стратегіи. — Кавказъ былъ надолго обезпеченъ отъ новыхъ налетовъ врага.

Одновременно съ нашими успѣхами на главнѣйшемъ направленіи Сарыкамышъ-Эрзерумъ, началось удачное вытѣсненіе турокъ изъ Захорохскаго края.

Остается еще отмѣтить, что въ концѣ ноября и началѣ декабря въ долину верхняго Евфрата и въ Ванскомъ районѣ нашей развѣдкой было обнаружено значительное усиленіе турецкихъ войскъ, происходившее за счетъ Баг-

дадскаго корпуса и новыхъ формированій. Въ томъ же районѣ, по слухамъ, собирались и многочисленныя курдскія шайки. Чтобы помѣшать такому нападению противника, наши войска перешли въ указанныхъ выше направле- нійхъ въ наступленіе и имѣли съ турками рядъ столкновеній, въ общемъ для насъ удачныхъ.

Этими данными и характеризуются результаты, достигнутые нашей Кав- казской арміей надъ турками къ концу 1914-го и началу 1915-го года.

Въ ноябрѣ 1914-го года нѣмцы организовали также наступленіе нѣсколь- кихъ турецкихъ дивизій противъ Суэцкаго канала, черезъ который частич- но шли къ нашимъ западнымъ союзникамъ укомплектованія, продовольствен- ные продукты и разнаго рода сырье, необходимое для военной промышлен- ности. Экспедиція эта закончилась для турокъ крайне печально. Въ началѣ февраля 1915-го года турецкіе войска, послѣ труднаго марша, достигли цѣли, но атаки ихъ на рядъ пунктовъ, расположенныхъ на каналѣ, оказались безуспѣшными. Отбитыя и охваченныя паникой, нападавшія турецкія колонны въ безпорядкѣ стали отходить въ пустыню Синая.

Связавшему свою судьбу съ Центральными Державами турецкому народу было предопредѣлено судьбою стать жертвою политики Германіи и авантю- ризма нѣкоторыхъ членовъ собственнаго правительства. Это послѣднее, сво- имъ поведеніемъ въ отношеніи Державъ Согласія, разрушило собственными руками догматъ нерушимости Отоманской Имперіи, долгіе годы исповѣдывав- шійся государствами Западной Европы.

Въ серединѣ декабря, ввиду угрожающаго положенія, занятаго турецкими войсками въ отношеніи Египта, англійское правительство, съ вѣдома другихъ Великихъ Державъ Согласія, объявило объ отгнѣи суверенитета Турціи надъ Египтомъ и установило надъ этой страной британскій протекторатъ.

Еще раньше этого факта англійскій Министръ Иностранныхъ дѣлъ, отъ имени британскаго правительства, сообщилъ нашему послу въ Лондонѣ гра- фу Венкендорфу, что, въ случаѣ пораженія Германіи, вопросъ о судьбѣ про- ливовъ и Константинополя долженъ быть разрѣшенъ не иначе, какъ въ согла- сіи съ нашими пожеланіями. С. Д. Сазоновъ отвѣтилъ на это заявленіе сэра Э. Грея благодарностью и сообщеніемъ, что таковое заявленіе принято нашимъ правительствомъ къ свѣдѣнію.

Чтобы подготовить разрѣшеніе вопроса о проливахъ, въ соотвѣтствіи съ жизненными интересами Россіи, состоявшему при Ставкѣ представителю Ми- нистерства Иностранныхъ Дѣлъ Н. А. Базиліи было предложено С. Д. Сазо- новымъ составить записку, касавшуюся этого вопроса. Авторъ записки, по поводу содержанія ея, вель бесѣды со мною и капитаномъ I ранга Бубновымъ, какъ съ выразителями взглядовъ сухопутнаго и морскаго генеральныхъ шта- бовъ. Упомянутая записка, отредактированная въ ноябрѣ 1914-го года, т. е. въ періодъ самой войны, попала, по окончаніи послѣдней, въ руки нѣмцевъ и была ими опубликована, въ доказательство агрессивности нашихъ замысловъ.

Въ дѣйствительности документъ этотъ не имѣлъ такого характера; авторъ его стремился лишь подробно выяснитъ тѣ основанія жизненнаго для нашего отечества значенія, въ силу которыхъ, въ случаѣ расчлененія Турецкой Имперіи, новый режимъ въ проливахъ и Константинополѣ долженъ быть согласованъ съ интересами Россіи. Записка Н. А. Базили въ началѣ 1915-го года разсматривалась въ Совѣтѣ Министровъ, подъ предѣдательствомъ И. Л. Горемыкина и, будучи одобрена, послужила матерьяломъ для имѣвшихъ мѣсто переговоровъ съ Державами Согласія по данному вопросу.

Извѣстіе о вѣроломномъ нападеніи турокъ на Россію вызвало негодованіе въ сербскомъ народѣ. Отвѣчая общему настроенію, Предѣдатель Сербскаго Совѣта Министровъ Пашичъ возымѣлъ намѣреніе обратиться къ болгарскому правительству съ братскимъ призывомъ стать на сторону Россіи, какъ страны, вѣками проливавшей свою кровь за славянскіе народы. Мнѣ неизвѣстно, было ли сдѣлано такое обращеніе, но оно едва ли могло встрѣтить отзвукъ въ Болгаріи, такъ какъ правительство Короля Фердинанда, возглавлявшееся въ то время Радославовымъ, вопреки народному чувству, держалось ярко германофильскихъ тенденцій. Черезъ Болгарію, какъ равно и черезъ Румынію, шель въ широкихъ размѣрахъ провозъ изъ Австріи въ Турцію боевыхъ припасовъ, военныхъ матеріаловъ и золота.

Политическое положеніе на Балканахъ вообще продолжало оставаться крайне сложнымъ. Противорѣчія между отдѣльными государствами были столь велики, что надежды на добровольный сговоръ ихъ между собою должны были отпасть окончательно. При такихъ условіяхъ, Державамъ Согласія, повидимому, не оставалось другихъ путей, какъ взять на себя рѣшеніе спорныхъ вопросовъ, разсчитывая затѣмъ, силою своего авторитета, побудить Балканскія государства подчиниться принятому рѣшенію, или же—идти на соглашеніе лишь съ опредѣленной группой этихъ государствъ, завѣдомо рискуя отбросить остальныхъ въ сторону противниковъ. Однако, ни та, ни другая линія не была принята въ основу союзной политики, и правительства Державъ Согласія предпочитали продолжать переговоры со всеми Балканскими государствами, и притомъ съ каждымъ въ отдѣльности, что придавало этимъ переговорамъ характеръ необыкновенной тягучести и полной безнадежности. Едва-ли, впрочемъ, правительства Державъ согласія имѣли сами опредѣленную и согласованную точку зрѣнія на степень полезности привлеченія малыхъ государствъ къ войнѣ. Безспорной представлялась лишь необходимость стремиться къ тому, чтобы названныя государства не оказались на сторонѣ нашихъ противниковъ, но выгоднѣ ли активное выступленіе ихъ, вмѣстѣ съ нами, или только сохраненіе благожелательнаго нейтралитета, — по этому вопросу яснаго и согласованнаго взгляда, какъ будто, не существовало. Мнѣ, лично, всегда думалось, что сохраненіе малыми государствами положенія благожелательнаго нейтралитета предпочтительнѣе для интересовъ Державъ Согласія, такъ какъ, въ борьбѣ съ германской коалиціей, мы и наши союзники, въ разсматриваемый періодъ войны, съ каждымъ днемъ все болѣе остро

чувствовали недостатокъ не столько въ живыхъ силахъ, сколько въ материальномъ и техническомъ снабженіи. Вовлеченіе же малыхъ государствъ въ войну должно было ослабить насъ еще болѣе именно въ этихъ послѣднихъ отношеніяхъ, не говоря уже о томъ, что оно осложняло координацію дѣйствій, и безъ того сильно хромавшую, равнымъ образомъ накладывало на насъ всякаго рода дополнительные обязательства, не исключая финансовыхъ. Эту точку зрѣнія я проводилъ, гдѣ могъ. Однако, наши западные союзники, и особенно французы, держались противоположнаго мнѣнія, каковому наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, повидимому, не считало возможнымъ противодействовать. Между тѣмъ, явно выраженное стремленіе привлечь малые государства къ активному выступленію дѣлало ихъ правительства мало стоворчивыми, а подчасъ и недопустимо-требовательными въ отношеніи выговаривавшихся компенсаций. Такъ, напримѣръ, болгарское правительство, предъявивъ требованіе объ уступкѣ Болгаріи Македоніи въ границахъ 1912-го г., выразило желаніе занять отходившія по этому требованію къ Болгаріи земли немедленно. Едва-ли въ Сербіи нашлось бы правительство, которое могло пойти навстрѣчу такому пожеланію; вступленіе болгаръ на сербскую территорию несомнѣнно носило бы въ глазахъ сербскаго народа характеръ военной оккупации, совершаемой съ разрѣшенія Державъ Согласія. И это въ то время, когда героическій сербскій народъ напрягалъ всѣ силы для борьбы за дѣло, ставшее общимъ! Очевидно, что проведеніе въ жизнь болгарскаго требованія могло грозить небывалой катастрофой, тѣмъ болѣе если принять во вниманіе печальную рознь между болгарами и сербами, обострившуюся въ ту пору до крайнихъ предѣловъ.

Особенное значеніе придавалось многими выступленію Румыніи на сторонѣ Державъ Согласія. Предполагалось, что этимъ выступленіемъ будетъ окончательно предотвращена опасность присоединенія Румыніи къ Австріи, и что примѣръ первой можетъ увлечь въ томъ же направленіи Италію.

Румынское правительство охотно вело переговоры, но указывало на необходимость получить гарантіи, что противъ Румыніи не выступитъ Болгарія; кромѣ того, правительство этой страны требовало предварительнаго пополненія своихъ запасовъ — артиллерійскихъ и санитарныхъ. Въ концѣ же концовъ, ссылаясь на общую неготовность и трудности зимней кампаніи, румынское правительство высказалось, что ея армія будетъ въ состояніи начать кампанію не ранѣе февраля 15-го года. Было совершенно ясно, что правительство названной страны предпочитаетъ затягивать свое рѣшеніе.

Конецъ 1914-го года на союзномъ намъ сербскомъ фронтѣ принесъ очень сильное разочарованіе австро-венгерскому оружію. Новое вторженіе войскъ Двуетной Монархіи въ Сербію стало въ срединѣ ноября сильно развиваться и закончилось взятіемъ 2-го декабря Бѣлграда. Правительство вынуждено было къ переѣзду въ древній Нишъ, а сербская армія отошла на фронтъ Пожаровець-Ужице. Въ то-же время вопросъ объ обезпеченіи этой арміи артиллерійскими припасами становился все острѣе и грозилъ разразиться катаст-

рофой. Дѣло дошло до того, что нашимъ героическимъ союзникамъ приходилось частично убирать артиллерію съ полей сраженій, чтобы не оставлять ее безъ пользы подъ неприятельскимъ огнемъ. При такихъ условіяхъ, не исключалась неизбежность дальнѣйшаго отхода сербской арміи въ горы, гдѣ тяжелая артиллерія австрійцевъ не могла находить себѣ примѣненія и гдѣ главенствующая роль переходила къ винтовкѣ.

Однако, къ серединѣ декабря положеніе сербовъ стало нѣсколько улучшаться. Нѣсколько десятковъ тысячъ снарядовъ было доставлено Сербіи Франціей. Въ то-же время австрійцы принуждены были оттянуть часть своихъ силъ на Галичскій фронтъ, гдѣ дѣла ихъ продолжали осложняться съ каждымъ днемъ. — Эти обстоятельства создали для сербовъ благоприятную обстановку, коей они не преминули воспользоваться. Перейдя въ наступленіе, сербская армія, послѣ ряда жаркихъ многодневныхъ боевъ, нанесла австрійцамъ жестокое пораженіе. Разгромленные австрійцы, предводимые генераломъ Потіорекомъ, принуждены были къ спѣшному отступленію, во время котораго ихъ армія потеряла свою артиллерію, массу военного имущества и оставила сербамъ нѣсколько десятковъ тысячъ военно-плѣнныхъ. — Сербская территория оказалась вновь свободной отъ врага.

Затяжной характеръ войны и выяснившаяся мощь нашихъ противниковъ поставили передъ Державами Согласія рядъ задачъ, кои требовали болѣе тѣснаго сближенія названныхъ Державъ между собою и обезпеченія большей согласованности въ ихъ дѣйствіяхъ. Разрѣшеніе этихъ задачъ встрѣтилось однако съ разнаго рода затрудненіями. — Я упомяну о нѣкоторыхъ фактахъ лишь вскользь.

Въ октябрѣ 1914-го года Военный Министръ Генераль Сухомлиновъ сообщилъ въ Ставку о томъ, что англичанами возбужденъ вопросъ о желательности командированія, съ политической точки зрѣнія, одного изъ нашихъ казачьихъ полковъ въ составъ англійской арміи. Идя на встрѣчу этому пожеланію, въ Ставкѣ былъ сосредоточенъ одинъ изъ нашихъ льготныхъ донскихъ казачьихъ полковъ, который началъ дѣятельно готовиться къ отправленію въ Англію. Командировка полка, однако, не состоялась, такъ какъ лордъ Китченеръ выразилъ внослѣдствіи мнѣніе о предпочтительности посылки въ Англію бригады пѣхоты, на что не послѣдовало согласія Ставки.

Въ серединѣ декабря, по инициативѣ Франціи, вновь былъ поднятъ въ дипломатическихъ сферахъ вопросъ о привлеченіи японскихъ сухопутныхъ вооруженныхъ силъ къ участию въ войнѣ на фронтѣ нашихъ союзниковъ. Предполагалось, что подобная попытка можетъ увѣнчаться успѣхомъ, если она будетъ сопряжена съ предложеніемъ Японіи войти, въ качествѣ равноправнаго члена, въ постоянный четверной Союзъ. Однако, мысли эти не встрѣтили сочувствія у нашихъ дальне-восточныхъ союзниковъ, указывавшихъ на огромныя затрудненія, долженствовавшія обнаружиться, при осуществленіи намѣчавшейся коопераціи.

Равнымъ образомъ, была сдѣлана попытка оживить весьма важный вопросъ объ установленіи болѣе тѣсной связи между нашимъ Верховнымъ Главнокомандованіемъ и французской Главной Квартирой.

Этотъ вопросъ, по его сложности и трудности, требовалъ, конечно, большого изученія и осторожности, при подходѣ къ его разрѣшенію. Онъ не прилькъ, однако, къ себѣ и на этотъ разъ необходимаго вниманія и дѣло ограничилось лишь установленіемъ періодическихъ наѣздовъ въ Ставку русскаго Верховнаго Главнокомандующаго французскаго маюра Ланглуа. Офицеръ этотъ, отецъ котораго, къ тому же, былъ хорошо извѣстенъ въ русской арміи, какъ выдающійся ученый артиллеристъ, заслужилъ у насъ своими знаніями и тактомъ высокое уваженіе и симпатіи. Онъ способствовалъ взаимной информатіи, но, естественно, не имѣлъ ни претензіи, ни возможности содѣйствовать разрѣшенію, въ надлежащемъ объемѣ, все настойчивѣе назрѣвавшего вопроса о согласованіи военныхъ дѣйствій на всѣхъ фронтахъ по дѣлямъ, направленіямъ и времени.

Въ самомъ началѣ ноября, изъ различныхъ источниковъ, стали поступать свѣдѣнія о попыткахъ Германіи склонить нѣкоторыя нейтральныя Державы къ медиатіи между воюющими. Изъ донесеній А. П. Извольскаго было видно, что итальянское правительство получило отъ С.-Ам. Соед. Штатовъ предложеніе присоединиться къ одной изъ такихъ попытокъ. Такое же предложеніе, но отдѣльно, будто бы было сдѣлано въ Римѣ Испаніей. Такъ какъ предположеніе объ усталости Германіи приходилось пока исключить, то, очевидно, что этими попытками должны были преслѣдоваться иныя цѣли, которыя могли заключаться въ желаніи Германіи приобрѣсти, своимъ поведеніемъ симпатіи нейтральныхъ странъ, или же произвести развѣдку — насколько прочнымъ должно почитаться соглашеніе, заключенное въ сентябрѣ 14-го года между Державами Согласія о недопустимости сепаратнаго мира. Болѣе правдивое стремленіе къ миру можно было предполагать въ попыткахъ разгромленной нами Австріи заговорить о прекращеніи войны, о каковой попыткѣ до насъ дошли свѣдѣнія нѣсколько позднѣе, а именно въ декабрѣ. Чтобы положить предѣлъ всякимъ кривотолкамъ, которые могли вырасти вокругъ этихъ слуховъ, наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ признало необходимымъ вновь подтвердить о намѣреніи русскаго правительства вести войну, вмѣстѣ съ нашими союзниками, до конца. При этомъ, оно сочло необходимымъ предупредить союзныя правительства, что особая позиція, занятая въ этомъ вопросѣ небольшимъ кружкомъ лицъ, сгруппировавшихся около одного очень крупнаго государственнаго дѣятеля прошлаго времени (подразумѣвался Графъ Витте), не можетъ и не должна разсматриваться какъ имѣющая вліяніе на рѣшенія правительства.

Не безинтересно будетъ, въ заключеніе этой главы, отмѣтить, что въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ войны, съ французскаго фронта на русскій, германцами было переброшено полностью семь корпусовъ (XI, Гв. Р., XXV Р., II,

III Р., XIII и XXIV Р.¹) и шесть кав. дивизій (2-я, 4-я, 5-я, 6-я, 8-я и 9-я), при этомъ въ періодъ крайне отвѣтственныхъ для нѣмцевъ операцій на Марнѣ и Ипрѣ-Изерѣ. Все эти части были настолько прочно скованы на нашемъ фронтѣ, что объ обратной перевозкѣ ихъ на западъ нѣмецкому главнокомандованію не приходилось думать. Этимъ лучше всего доказывается значеніе нашихъ наступательныхъ дѣйствій противъ Германіи въ первый періодъ войны, съ точки зрѣнія интересовъ нашихъ союзниковъ.*

Я съ достаточной подробностью очертилъ въ предыдущей главѣ ту обстановку, въ которой оказалась наша армія послѣ четырехмѣсячной наступательной кампаніи къ концу 1914-го года. Серьезныя затрудненія, въ отношеніи боевого снабженія, приходилось преодолевать и нашимъ западнымъ союзникамъ, не говоря уже о Сербіи, въ которой военная промышленность почти отсутствовала. Съ большими жертвами для себя, Россіи и Франціи приходилось поддерживать свою Балканскую союзницу.

При такихъ условіяхъ, надвигавшаяся зима, дававшая надежду на нѣкоторое затишье въ военныхъ дѣйствіяхъ, являлась для Державъ Согласія чрезвычайно благоприятнымъ факторомъ.

ГЛАВА XIII.

Дальнѣйшіе планы — наши и нашихъ противниковъ — въ началѣ 1915-го года.

Въ серединѣ Января 1915-го года мною была составлена записка, которая имѣетъ интересъ въ томъ отношеніи, что наглядно рисуетъ, какъ представлялось въ Ставкѣ наше положеніе на западномъ фронтѣ къ указанному выше времени. Записка обрисовываетъ обстановку въ слѣдующемъ видѣ:²)

Въ Восточной Пруссіи — наша 10-ая армія, имѣя 15 пѣх. дивизій противъ восьми германскихъ, остановилась въ своемъ наступленіи передъ укрѣпленной позиціей непріятеля на фронтѣ Мазурскихъ озеръ. Не находя въ арміи достаточныхъ силъ и средствъ для маневра, командующій этой арміей (генераль Сиверсъ) видитъ единственный для себя способъ дѣйствій въ медленномъ продвиженіи впередъ, при помощи саперныхъ и минныхъ работъ.

На Млавскомъ направленіи — войска Новогеоргіевскаго укрѣпленного района (4 пѣх. дивизіи) ведутъ довольно успѣшную борьбу противъ относительно слабыхъ силъ нѣмцевъ (2 дивизіи). Чувствуется, что, при энергичномъ нажимѣ, противникъ можетъ быть здѣсь отброшенъ на свою территорию.

На лѣвомъ берегу р. Вислы, на участкѣ до Пилицы, — 1-ая, 2-ая и 5-ая арміи (33½ пѣх. дивизіи), послѣ упорныхъ боевъ, заняли позицію за р. р. Бзурой

1) XXV Р. былъ переведенъ на восточный фронтъ изнутри Германіи, но первоначально предназначался для западнаго фронта.

2) Содержаніе записки, въ ея наиболѣе существенныхъ мѣстахъ, приводится почти текстуально.

и Равкой, каковую позицію онѣ имѣли возможность укрѣплять и совершенствовать въ теченіе почти мѣсяца. Противъ этихъ армій дѣйствуетъ около 25 нѣмецкихъ дивизій, которыя, въ непрерывныхъ атакахъ, повидимому исчерпали свои силы настолько, что, если Германскому Командованію не удастся перебросить съ запада на востокъ еще новыя силы, то можно предполагать, что 1-я, 2-я и 5-я арміи будутъ въ состояніи, въ теченіе ближайшаго времени, сохранить свое нынѣшнее положеніе.

Къ югу отъ Пилицы до верхней Вислы — 4-ая и 9-ая арміи (17½ пѣх. дивизій) имѣютъ передъ собою противника (17 дивизій), повидимому, неспособнаго къ развитію широкихъ наступательныхъ дѣйствій, но опирающагося на заранѣе подготовленныя въ тылу весьма крѣпкія позиціи (Ченстоховъ — Краковъ) и успѣваго также прикрыть укрѣпленіями свой настоящій фронтъ.

Въ частности, 4-ая армія, своимъ положеніемъ, обезпечиваетъ лѣвый флангъ армій С.-В. фронта, прикрывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, кратчайшіе пути на Ивангородъ; располагаясь уступомъ впередъ, въ отношеніи общаго фронта армій С.-В. фронта, эта армія занимаетъ весьма выгодное положеніе для перехода въ наступленіе противъ нѣмцевъ, но силы ея для этой цѣли недостаточны (8½ пѣх. дивизій), а противостоящей ей противникъ весьма прочно укрѣпился, пользуясь оборонительной линіей р. Пилицы.

Наконецъ въ Галичинѣ — 3-ья, 8-ая и 11-ая арміи (29 пѣх. див.), успѣшно отразивъ третью по счету наступленіе австрійцевъ (31 див.), закрѣпляютъ завоеванную часть Галичины и Буковины. Тѣмъ не менѣе, едва ли можно рассчитывать, чтобы эти арміи своими силами могли въ ближайшее время нанести рѣшительное пораженіе австрійскимъ войскамъ, кои всегда могутъ уйти за Карпаты.

Въ общемъ, въ перечисленныхъ выше арміяхъ, мы имѣемъ 99 пѣх. дивизій противъ непріятели, числительная сила котораго опредѣляется въ 83 дивизіи (41 германская и 42 австрійскихъ).

Независимо того, въ тылу, въ распоряженіи Верховнаго Главнокомандующаго, расположены два корпуса — Гвардейскій и IV-ый Сибирскій (4½ пѣх. дивизій), кои могутъ, по истеченіи нѣсколькихъ дней, подкрѣпить любой участокъ сѣверной половины нашего общаго фронта.

По совокупности всего изложеннаго, наше стратегическое положеніе на западномъ фронтѣ мною признавалось достаточно прочнымъ и обезпечивавшимъ достигнутые за минувшій періодъ результаты.

Однако, по причинамъ внутренняго состоянія нашихъ армій, выясненнымъ достаточно подробно въ главѣ XI-й, мы не имѣли данныхъ, чтобы рассчитывать на достиженіе въ ближайшій періодъ времени рѣшающаго успѣха надъ нашими противниками, и потому должны были ограничиваться положеніемъ выжидательнымъ.

Некомплектъ нашихъ армій продолжалъ опредѣляться цифрою до полумилліона людей, а для доведенія до нормы только подвижныхъ артиллерійскихъ запасовъ намъ не хватало свыше 200 т. пушечныхъ патроновъ.

Нѣкотораго частнаго улучшенія, въ отношеніи удовлетворенія нашихъ главнѣйшихъ потребностей, мы могли ожидать лишь въ теченіе второй половины февраля; болѣе же замѣтные результаты въ указанныхъ выше отношеніяхъ могли быть достигнуты лишь въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.

Тѣмъ не менѣе, — отмѣчалъ я далѣе въ своей запискѣ, — для успѣха подготовки, требующей времени, мы уже теперь должны поставить передъ собою вопросъ о тѣхъ цѣляхъ, кон намъ надлежитъ положить въ основу будущихъ дѣйствій, на тотъ, конечно, случай, если противники дадутъ намъ время привести наши арміи въ должный порядокъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи у насъ могли существовать нѣкоторыя надежды: австрійцы были основательно разстроены; что-же касается германцевъ, то характеръ ихъ дѣйствій противъ насъ долженъ былъ быть поставленъ въ зависимость отъ событій на западномъ фронтѣ, гдѣ наши союзники, начавъ свое наступленіе (Суассонъ и 1-ое наступленіе въ Шампани), дали намъ завѣреніе въ томъ, что это наступленіе будетъ вестись съ возрастающей энергіей и упорствомъ.

Развивать рѣшительный ударъ одновременно на всемъ фронтѣ, противъ обоихъ нашихъ противниковъ, — говорилось въ моей запискѣ, — мы конечно не можемъ: для этого необходимо имѣть огромныя силы и средства. Слѣдовательно, намъ надлежитъ намѣтить, для нанесенія главнаго удара, одного изъ двухъ противниковъ, иначе говоря — мы должны избрать одно изъ двухъ операціонныхъ направленій — на Вѣну (Буда-Пештъ) или на Берлинъ.

Каждое изъ этихъ операціонныхъ направленій имѣетъ свои особенности, каковыя необходимо учитывать при разрѣшеніи поставленнаго вопроса.

Операціонное направленіе на Вѣну (Буда-Пештъ) — короче по разстоянію (375 верстъ, противъ 450) и менѣе подготовлено въ оборонительномъ отношеніи. Оно ведетъ къ разьединенію обоихъ нашихъ противниковъ, причемъ мы будемъ имѣть передъ собою австрійцевъ, уже надломленныхъ предыдущими пораженіями и, слѣдовательно, не дадимъ имъ возможности оправиться. Развитие дѣйствій на этомъ операціонномъ направленіи несомнѣнно должно повліять на колеблющіяся въ своемъ поведеніи нейтральныя государства—Румынію и Италію, и болѣе опредѣленно склонить ихъ на нашу сторону. Какъ результатъ выступленія этихъ государствъ на нашей сторонѣ, возможенъ даже полный внутренній распадъ всей Австро-Венгерской Монархіи.

Однако, операціонное направленіе на Вѣну (Буда-Пештъ) имѣетъ и весьма крупныя отрицательныя стороны. Прежде всего оно бьетъ по второстепенному противнику и потому является невыгоднымъ съ точки зрѣнія общихъ интересовъ Союза, требующихъ сконцентрированнаго удара противъ главнѣйшаго противника — германцевъ.

Читатель вѣроятно припомнитъ, что въ одной изъ первыхъ главъ, трактовавшей вопросъ о нашемъ стратегическомъ развертываніи, я указывалъ на то, что наиболѣе угрожающимъ противникомъ въ началѣ войны, при условіи направленія главныхъ силъ германцевъ противъ Франціи, являлись для насъ австрійцы. Обстановка, однако, съ того времени значительно измѣнилась. Къ

періоду составленія цитируемой записки, австрійцы, представлявшіе въ началѣ войны довольно грозную наступательную силу, подверглись съ нашей стороны многократнымъ пораженіямъ и едва ли ихъ можно было считать въ дальнѣйшемъ способными къ новому самостоятельному выступленію. Что же касается германцевъ, то они, въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ войны, увеличили свои силы на восточномъ фронтѣ болѣе чѣмъ въ три раза, доведя число своихъ корпусовъ съ пяти до пятнадцати (не считая отдѣльныхъ дивизій и бригадъ, не входившихъ въ составъ корпусовъ) и число кавалерійскихъ дивизій съ одной до семи. При такихъ условіяхъ, они постепенно прибрѣтали значеніе первенствующей силы на нашемъ фронтѣ.

Независимо изложеннаго, развитіе главнаго удара противъ австрійцевъ, признавалось, въ моей запискѣ, при измѣнившихся условіяхъ невыгоднымъ еще и потому, что оно вело къ ослабленію нашего положенія на важнѣйшихъ путяхъ къ центрамъ нашего собственнаго государства.

Углубившись въ Австро-Венгрію, мы оказывались бы безсильными остановить ударъ нѣмцевъ, направленный на нашу собственную страну; между тѣмъ организація такого удара являлась для германскаго главнокомандованія послѣ ослабленія предшествовавшими боями англо-французскихъ войскъ легко достижимой, цѣною простаго отказа отъ наступательныхъ дѣйствій на западъ и переброски достаточныхъ для сего силъ съ французскаго фронта на нашу границу. — Событія 1915-го года, къ сожалѣнію, въ полной мѣрѣ подтвердили эту возможность.

Операціонное направленіе на Вѣну еще могло бы быть признаваемо заманчивымъ, если бы представлялась возможность нанесенія австрійцамъ смертельнаго удара въ короткій срокъ. Но вѣроятность такого удара не могла быть доказана; вѣрнѣе же было предполагать, что операція на Вѣну потребуетъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ войны.

Наконецъ, даже завершеніе этой операціи не знаменовало еще окончанія войны; оставалась Германія, силы которой должны были быть сломлены, для благополучнаго завершенія всей войны.

Нанесеніе рѣшительнаго удара Германіи всегда считалось конечною цѣлью войны противъ Державъ враждебнаго намъ союза. — Повидимому — говорилъ я — у насъ нѣтъ достаточныхъ основаній отказываться отъ этой точки зрѣнія и теперь.

Однако, нельзя было никогда упускать изъ виду, что, при вторженіи вглубь Германіи, намъ необходимо считаться съ рядомъ затрудненій и прежде всего съ тѣмъ обстоятельствомъ, что пограничная съ нами полоса Германіи опоясана весьма мощными желѣзнодорожными линіями. Это условіе обезпечиваетъ нашему противнику свободу переброски его силъ съ одного участка общаго фронта на другой; для насъ же оно является неблагоприятнымъ въ томъ смыслѣ, что связываетъ развитіе нашихъ наступательныхъ дѣйствій и создаетъ угрозу флангу нашихъ армій, при наступленіи ихъ по лѣвому берегу р. Вислы. Особенно выгодно для нѣмцевъ положеніе, занимаемое, по от-

ношенію къ операционнымъ путямъ на Берлинъ, Восточной Пруссіей, изъ которой ударъ можетъ быть намъ нанесенъ не только во флангъ, но, при нѣкоторыхъ условіяхъ, и глубоко въ тылъ.

Это послѣднее обстоятельство притягивало наше вниманіе къ Восточной Пруссіи съ самаго начала войны и только рядъ обстоятельствъ воспрепятствовалъ нашему овладѣнію названнымъ райономъ, послѣ чего сразу стѣснилась бы свобода маневрированія германскихъ войскъ и что оградило бы насъ отъ многихъ тяжелыхъ возможностей.

Такимъ образомъ, — указывалъ я въ своей запискѣ, — вопросъ о Восточной Пруссіи является и донинѣ открытымъ, а между тѣмъ, при выборѣ операционнаго направленія на Берлинъ, онъ требуетъ категорическаго разрѣшенія.

Едва ли возможно рѣшиться на вторженіе вглубь Германіи, оставляя у себя на флангѣ, и даже въ тылу, незанятый нами Восточно-Прусскій районъ, съ рядомъ обезпеченныхъ желѣзнодорожныхъ переправъ черезъ нижнюю Вислу, находящихся въ рукахъ нѣмцевъ. Такое рѣшеніе могло бы поставить всю нашу наступательную операцію вглубь Германіи въ очень рискованное положеніе.

Къ изложенному я добавлялъ, что овладѣніе Восточной Пруссіей уже само по себѣ составляетъ предметъ чрезвычайной важности: война переносится въ предѣлы непріятеля, неизбежное оставленіе мѣстнымъ населеніемъ названнаго района должно отразиться безпокойствомъ въ самой глубинѣ Германской Имперіи, а занятіе одной изъ коренныхъ областей Прусскаго Королевства явится компенсацией за занятіе нѣмцами части нашего Привислинскаго края. Наконецъ, Восточно-Прусскій районъ, въ сущности, является единственнымъ на всемъ С.-З. фронтѣ участкомъ, на которомъ еще возможно было ожидать тактическихъ успѣховъ, такъ какъ весь остальной фронтъ былъ прочно укрѣпленъ и занятъ непріятельскими войсками настолько сильно, что рассчитывать на успѣхъ фронтальнаго удара представлялось крайне труднымъ.

Итакъ, — говорилъ я въ заключительной части своей записки, — въ интересахъ подготовки къ будущимъ наступательнымъ дѣйствіямъ, намъ необходимо теперь же рѣшить вопросъ о томъ, продолжаемъ ли мы попрежнему считать главной нашей цѣлью развитіе рѣшительныхъ дѣйствій противъ Германіи и, въ утвердительномъ случаѣ, не слѣдуетъ ли намъ ближайшей задачей, на пути выполненія названной выше главной цѣли, считать овладѣніе Восточной Пруссіей. Если на оба поставленные вопроса будетъ данъ утвердительный отвѣтъ, то въ слѣдующую очередь надлежитъ поставить вопросъ о силахъ и наилучшихъ способахъ выполненія указанной выше первоначальной задачи.

Считаясь съ наличными силами непріятеля въ Восточной Пруссіи, я предлагалъ, для образованія ударной группы, использовать три свѣжихъ корпуса: Гвардейскій, IV-ый Сиб. и XV-ый, готовность котораго опредѣлялась къ срединѣ февраля, т. е. къ сроку, къ которому мы могли частично справиться и съ другими нашими главнѣйшими потребностями. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми до-

*Которой Гвардейскій маж. Гитлеръ фронтъ при. ма. не имеет
решительности в. с. с. у. у. — с. с. с. с. с. с. с. с. с. с. с. с. с. с. с. s*

полнительными частями, сила ударной группы могла быть доведена до 8½ — 9 пѣх. дивизій.

На переброску нѣмецкихъ войскъ съ р.р. Бзуры и Равки мы, естественно, должны были отвѣчать такой-же переброской съ этого фронта нашихъ войскъ, причемъ выгода болѣе короткихъ разстояній была бы на нашей сторонѣ.

Что касается направленія удара, то наиболѣе выгоднымъ мнѣ представлялось направленіе съ фронта Пултускъ-Остроленка на фронтъ Сольдау-Ортельсбургъ, при обезпеченіи лѣваго фланга наступающихъ войскъ — Имъ Турк. корпусомъ, находившимся на Млавскомъ направленіи, сильной кавалерійской группой и крѣпостью Новогеоргіевскомъ; праваго же — частями 10-ой арміи.

Само собою разумѣется, что атака вновь образованной группы войскъ должна была поддерживаться демонстративными дѣйствіями 1-ой, 2-ой и 5-ой армій и энергичнымъ натискомъ 10-ой арміи со стороны одного изъ ея фланговъ.

Наступленіе въ Восточную Пруссію намѣчалось возможнымъ осуществить примѣрно во второй половинѣ февраля, къ каковому времени мы имѣли основаніе рассчитывать влить въ войска новобранцевъ 1914-го года и довести наши подвижные артиллерійскіе запасы до нормы.

Верховный Главнокомандующій, ознакомившись съ моими соображеніями, пожелалъ имѣть по нимъ заключеніе Главнокомандующаго арміями С.-З. фронта, вслѣдствіе чего я на слѣдующій же день, по представленіи своей записки, а именно 17-го января, выѣхалъ въ Сѣдлецъ. Въ обсужденіи моихъ предположеній приняли участіе, кромѣ генерала Рузскаго, его ближайшіе соратники по штабу — генералы Орановскій и Бончъ-Бруевичъ.

Всѣ эти лица сошлись на томъ мнѣніи, что, какъ только улучшатся условія пополненія некомплекта въ людяхъ и обезпеченія артиллерійскими патронами, — явится необходимость перейти къ развитію активныхъ дѣйствій. Длительное сидѣніе въ окопахъ могло привести, по высказанному ими мнѣнію, запротоколенному мною, къ упадку духа въ войскахъ; предоставляемое же тѣмъ самымъ противнику время могло быть использовано послѣднимъ для прочнаго закрѣпленія его позицій, каковое въ будущемъ сдѣлаетъ для насъ то чрезвычайности затруднительнымъ переходъ къ активнымъ дѣйствіямъ¹⁾.

При обсужденіи моей записки, были рассмотрѣны слѣдующія три направленія, по коимъ возможно было допустить развитіе намѣчавшагося въ будущемъ наступленія, при условіи сохраненія основной задачи — нанесенія главнаго удара нѣмцамъ:

- 1) Изъ раіона Конскъ-Опочна въ направленіи на Петроковъ;
- 2) Наступленіе на лѣвомъ берегу р. Вислы, съ охватомъ лѣваго фланга

¹⁾ Во французской арміи въ началѣ войны исповѣдывалась та же теорія: «Le temps passé dans l'inaction est du temps mort; il n'avance pas la fin de la guerre».

противника, путем переброски войскъ съ праваго берега Вислы между устьемъ Бзуры и Влоцлавскомъ, и

3) наступленіе въ Восточную Пруссію.

Генераль Рузскій съ особымъ вниманіемъ отнесся къ оцѣнкѣ перваго направленія, которое представлялось ему чрезвычайно выгоднымъ. Однако, развитіе наступленія изъ района Конскъ-Опочна на Петроковъ могло привести къ положительнымъ результатамъ лишь въ томъ случаѣ, если бы, вслѣдъ за пораженіемъ противника, всѣ наши арміи оказались способными къ переходу въ широкое наступленіе по всему фронту. Иначе, съ отходомъ противника и закрѣпленіемъ его на какой-либо новой позиціи, произведенный нами ударъ долженъ былъ оказаться направленнымъ въ пустую. Такъ какъ внутреннее состояніе нашихъ армій, какъ мы видѣли, не позволяло рассчитывать на возможность развитія крупной оперціи всѣми арміями, то указанное выше направленіе и нельзя было признать отвѣчавшимъ обстановкѣ ближайшаго времени, съ тѣмъ соглашался и Главнокомандующій арміями С.-В. фронта.

Подобная операція оказалась намъ не подъ силу даже при болѣе благоприятной обстановкѣ въ октябрѣ и ноябрѣ минувшаго года, когда наступленіе на лѣвомъ берегу р. Вислы являлось логическимъ продолженіемъ и развитіемъ успѣха, одержаннаго нами на Вислѣ; тѣмъ менѣе можно было рассчитывать на благоприятный исходъ такой операціи теперь, когда наступленіе пришлось бы организовывать заново. Наступленіе это должно было потребовать огромныхъ силъ и богатаго матеріальнаго обезпеченія.

Наступленіе по лѣвому берегу р. Вислы, съ охватомъ лѣваго фланга германцевъ, было признано, въ данныхъ условіяхъ, также несоотвѣтственнымъ.

Что касается удара съ фронта Пултускъ-Остроленка въ направленіи на Сольдау-Ортельсбургъ, то таковой ударъ былъ, напротивъ, признанъ Главнокомандующимъ С.-В. фронта — наиболѣе отвѣчавшимъ обстановкѣ и тѣмъ средствамъ, на кои мы могли рассчитывать въ ближайшее время. Развитіе наступательныхъ операцій въ этомъ направленіи, по мнѣнію моихъ собесѣдниковъ, обѣщало вывести изъ бездѣйствія 10-ую армію, въ которой слѣдовало считать до 170 т. штыковъ. Избранное направленіе признано было ведущимъ къ достиженію весьма важной цѣли, каковой являлось овладѣніе Восточной Пруссіей и обезпеченіе нашего праваго фланга отъ всякихъ нежелательныхъ покушеній со стороны противника. Кромѣ того, это направленіе позволяло начать наступательную операцію тѣми силами, конъ къ разсматриваемому періоду времени являлись свободными, не ослабляя себя, такимъ образомъ, значительно на остальныхъ фронтахъ.

Ко всему сказанному слѣдуетъ добавить, что и наступившій зимній періодъ особенно благоприятствовалъ развитію активныхъ дѣйствій именно въ данномъ районѣ, такъ какъ многочисленныя озера, рѣки и болота, прорѣзывавшія его и дѣлавшія районъ въ обыкновенное время трудно проходимымъ, должны были оказаться скованными льдомъ и морозами.

Силы, которыя могли быть назначены для организаціи удара въ разема-триваемомъ направленіи, Генераль Рузскій опредѣлялъ въ 10 пѣх. див., кото-рыя должны были образоватъ особую (12-ую) армію. Независимо этой арміи, считалось возможнымъ притянуть на правый берегъ Вислы 7 кав. дивизій и, сверхъ того, сосредоточить въ рукахъ Главнокомандующаго С.-З. фронтомъ, ввидѣ резерва, 4 пѣх. дивизіи. Гвардейскій корпусъ, какъ находившійся въ распоряженіи Верховнаго Главнокомандующаго, при этомъ въ расчетъ принима-емъ не былъ.

Великій Князь Николай Николаевичъ остался весьма доволенъ результа-тами нашего совѣщанія въ Сѣдлецѣ, и 18-го января Генераль Янушкевичъ телеграфировалъ генералу Рузскому, что Верховный Главнокомандующій вполне одобряетъ формирваніе 12-ой арміи для Млавскаго направленія и утвержда-етъ предположеніе о назначеніи Командующимъ этой арміей генерала Плеве, «которому надлежитъ теперь же преподать соответственныя указанія, для под-готовки намѣченной операціи».

Такимъ образомъ можно было думать, что вопросъ о направленіи очеред-ного удара въ сторону Восточной Пруссіи, поскольку рѣшеніе его вообще за-висѣло отъ насъ, поставленъ на вполне реальную почву.

Великій Князь лично осматрѣлъ только что прибывшія съ Дальняго Во-стока войска IV-го Сиб. корпуса, конемъ предназначалось сыграть видную роль въ предстоявшемъ наступленіи; онъ долго бесѣдовалъ съ офицерами и остался очень доволенъ видомъ и настроеніемъ нашихъ доблестныхъ сибир-яковъ.

Что касается Ю.-З. фронта, то Главнокомандованіе этимъ фронтомъ склон-но было разсматривать вопросъ о характерѣ будущихъ военныхъ дѣйствій съ иныхъ точекъ зрѣнія. При этомъ, у генераловъ Иванова и Алексѣева, насколько я могу судить, вначалѣ не существовало общей точки зрѣнія, и взгляды ихъ довольно существенно расходились. Генераль Алексѣевъ вначалѣ повиди-мому признавалъ наиболѣе важнымъ районъ лѣваго берега р. Вислы; по край-ней мѣрѣ, въ одномъ изъ своихъ докладовъ, онъ указывалъ, что нанесеніе удара на участкѣ неприятельскаго фронта Томашовъ — Петроковъ — Новора-домскъ представляетъ существенныя выгоды въ томъ отношеніи, что на этомъ участкѣ расположеніе противника является весьма растянутымъ; при успѣхѣ же прорыва, — мы будемъ имѣть шансы выйти во флангъ германской арміи, которая, какъ отмѣчено выше, постепенно стала приобрѣтатъ на нашемъ фрон-тѣ главенствующее значеніе. Эта точка зрѣнія почти совпадала съ оцѣнкой, сдѣланной совѣщаніемъ 17-го Января операціонному направленію изъ района Конскъ-Опочка на Петроковъ; но принятію этого направленія въ основу на-шихъ будущихъ наступательныхъ дѣйствій препятствовали, какъ мы видѣли, общее состояніе нашихъ армій и скудное обезпеченіе ихъ боевыми припасами. Напротивъ, генераль Ивановъ уже давно тяготѣлъ къ мысли о необходимости форсирванія Карпатъ и вторженія въ Венгерскую равнину, въ результатѣ

чего ему рисовалось распадение Австро-Венгерской монархии и возможность заключения съ нею сепаратнаго отъ Германіи мира.

Идея форсирования Карпатъ проводилась Главнокомандующимъ Ю.-З. фронтомъ сначала весьма робко, чтобы не сказать скрытно, но тѣмъ не менѣе очень настойчиво, подъ видомъ частной задачи фронта, преслѣдующей цѣль исправленія невыгоднаго положенія, занятаго войсками, находившимися въ Галичинѣ.

Уже 20-го января, т. е. по истеченіи всего лишь недѣли по представленіи доклада о преимущественномъ значеніи района лѣваго берега р. Вислы передъ райономъ Галицескимъ, — генераль Алексѣевъ телеграфировалъ командующимъ арміями Ю.-З. фронта о томъ, что необходимо «использовать съ возможной энергіей наши средства праваго берега Вислы, нанести австрійцамъ хотя бы частичное пораженіе, поставить въ угрожаемое положеніе Венгрію, занять болѣе выгодное, чѣмъ нынѣ, положеніе, не растягивая приэтомъ общаго стратегическаго фронта. Цѣль эта можетъ быть достигнута переходомъ въ наступленіе 3-й, 8-й и части 11-ой армій, для овладѣнія первоначально линіей р. Дунайца до Н. Сандеца и далѣе Эперьешъ — Кашау — Уйгелъ — Чапъ — Сиготъ — Румынская граница... Прошу высказать заключеніе — когда состояніе арміи и путей позволило бы приступить къ выполненію этой операціи». — Сообщая объ этихъ предположеніяхъ фронта въ Ставку, генераль Ивановъ, однако, просилъ уже объ усиленіи войскъ своего фронта четырьмя, непременно полевыми, дивизіями и даже указывалъ на необходимость слѣшной подачи ихъ на участокъ Самборъ — Стрый — Долина, «ввиду усиленія австрійцевъ на направленіи отъ Ужгорода и Мункача и обнаруженнаго появленія нѣмцевъ въ районѣ послѣдняго».

Ходатайство генерала Иванова объ усиленіи войскъ его фронта явилось для Ставки вполне неожиданнымъ, и потому я посвятилъ весь слѣдующій день на детальное изученіе дѣйствительной обстановки на Ю.-З. фронтѣ. При переговорахъ моихъ «по аппарату», я не могъ не выразить генералу Алексѣеву пожеланія о томъ, чтобы Ставка была болѣе подробно и главное заблаговременнѣе ориентироваема во всѣхъ предположеніяхъ, коими Ю.-З. фронтъ считается возможнымъ задаваться, хотя бы даже въ предѣлахъ только собственныхъ силъ и средствъ. На мою просьбу, я получилъ отвѣтъ, изъ котораго выяснилъ, что штабъ Ю.-З. фронта уже съ двадцатыхъ чиселъ декабря занятъ изученіемъ вопроса о вторженіи въ Венгрію, но что объ этомъ не сообщалось въ Ставку потому, «что приходилось продѣлать очень большую черновую работу по тылу и трудно было еще сказать, будемъ ли мы въ состояніи собрать достаточное число транспортовъ для обезпеченія всѣхъ нуждъ наступающихъ войскъ»...

Надо сказать, что оцѣнка генераломъ Ивановымъ серьезности положенія, создавагшагося на направленіяхъ отъ Ужгорода и Мункача, являлась, по существу, справедливой, но лишь потому, что увлеченное идеей вторженія въ Венгрію путемъ фронтальнаго форсирования Карпатъ, Главнокомандованіе Ю.-З.

фронтом оголило отъ войскъ остальные направленія и оставило на обширномъ фронтѣ отъ перевала Ужокъ до Румынской границы (свыше 250 километровъ) всего четыре пѣх. дивизіи, изъ которыхъ только одна полевая.

Совершенно очевидно, что, при такихъ условіяхъ, всякій нажимъ непріятеля въ направленіи на Самборъ и Стрый долженъ былъ болѣзненно отзываться на общемъ положеніи нашихъ армій, углублявшихся въ Карпаты, и могъ представлять серьезную угрозу нашему положенію въ Галичинѣ. Повидимому это обстоятельство и было учтено нашими противниками, которые стали накапливать свои силы на указанныхъ выше направленіяхъ.

Такимъ образомъ Ставкѣ, несшей на себѣ отвѣтственность за положеніе на всемъ фронтѣ, надлежало оцѣнить, насколько серьезны въ дѣйствительности данныя объ усиленіи австрійцевъ и появленіи въ районѣ Мункача германцевъ, служившихъ, конечно, предвозвѣстниками приближающагося наступленія.

Я долженъ отмѣтить, что разобраться въ этихъ вопросахъ было нелегко, такъ какъ донесенія штаба Ю.-З. фронта не являлись достаточно отчетливыми и даже противорѣчили другъ другу. И только, послѣ длительныхъ и подробныхъ переговоровъ моихъ и моихъ сотрудниковъ съ генераломъ Алексѣевымъ и чинами его штаба «по Юзу», въ которыхъ я указывалъ на крайнюю невыгодность и нежелательность, съ общей точки зрѣнія, ослабленія войскъ С.-З. фронта, Ставка успѣла документально выяснитъ безспорное усиленіе непріятельскихъ войскъ на Мункачскомъ направленіи и дѣйствительное появленіе на немъ германцевъ. Такъ какъ своевременная перегруппировка въ предѣлахъ Ю.-З. фронта оказалась невыполнимой, то передъ Ставкой встала необходимость принятія мѣръ по усиленію войскъ на угрожаемомъ участкѣ Ю.-З. фронта за счетъ силъ С.-З. фронта, и 26-го января мною было использовано заранѣе данное разрѣшеніе Верховнаго Главнокомандующаго о переброскѣ съ С.-З. фронта въ Галичину на угрожаемыя направленія XXII-го корпуса, организація котораго была болѣе приспособлена къ боевой дѣятельности въ горныхъ районахъ.

Но переброска XXII-го корпуса еще не предрѣшала отказа отъ вторженія въ Восточную Пруссію. Корпусъ этотъ принадлежалъ къ составу 10-й арміи, занималъ относительно второстепенный участокъ фронта и не входилъ въ составъ той группы войскъ, которая предназначалась для главнаго удара, намѣщавшагося со стороны нижняго Нарева. Планъ этого удара продолжалъ энергично разрабатываться въ Штабѣ Командующаго 12-ой арміей генерала Плеве, а убыль XXII-го корпуса изъ состава армій С.-З. фронта была впоследствии компенсирована включеніемъ въ составъ названнаго фронта Гвардейскаго корпуса, который, какъ я уже отмѣчалъ, оставался въ распоряженіи Верховнаго Главнокомандующаго.

5-го февраля Главнокомандующій арміями Ю.-З. фронта, послѣ предварительнаго запроса, прибылъ въ Ставку для личнаго доклада у Верховнаго Главнокомандующаго. — Докладъ этотъ происходилъ съ глазу на глазъ. — Однако,

для ближайших сотрудников Верховного Главнокомандующего не составило секрета, что генераль Иванова, излагая обстановку на фронтѣ вѣренныхъ ему армій, подчеркивалъ тяжелое положеніе, создавшееся для нихъ на Карпатахъ, ввиду зимняго времени и отсутствія помѣщеній, и стремился доказать, что единственный выходъ изъ создаваемаго положенія состоитъ въ томъ, чтобы поскорѣе сбросить неприятеля съ горъ и спуститься въ Венгрію. Въ силу этихъ соображеній, генераль Ивановъ ходатайствовалъ о предоставленіи въ его распоряженіе дальнѣйшихъ подкрѣпленій, причемъ повидимому имѣлъ въ виду Гвардейскій и XV-й корпуса.

Доклады Главнокомандующаго арміями Ю.-З. фронта, постепенно склоняли Верховного Главнокомандующаго къ мысли о желательности возможно полного удовлетворенія ихъ, для вывода войскъ изъ создаваемаго тяжелаго положенія, путемъ достиженія на этомъ фронтѣ положительныхъ результатовъ; однако, Великій Князь выражалъ мнѣніе о предпочтительности атаки противника на Карпатахъ не съ фронта, а со стороны его праваго фланга, такъ какъ, при такомъ направленіи удара, не только облегчался самый ударъ, но, въ случаѣ успѣха, нашъ стратегическій фронтъ, представлявшій въ общемъ выпуклую дугу, все болѣе и болѣе долженъ былъ выпрямляться и сокращаться. Независимо того, распространеніе и упроченіе нашего положенія въ Буковинѣ создавало весьма благоприятныя для насъ политическія теченія за границей, которыя также слѣдовало принимать въ расчетъ.

Черезъ нѣсколько дней генераль Ивановъ повторилъ телеграфно свое ходатайство объ усиленіи войскъ фронта, причемъ въ болѣе опредѣленной уже формѣ испрашивалъ распоряженій о перевозкѣ въ Галичину XV-го корпуса, заканчивавшаго въ Гомелѣ свое формированіе и обученіе.

Но къ этому времени обстановка измѣнилась на С.-З. фронтѣ уже настолько, что Верховный Главнокомандующій не призналъ возможнымъ удовлетворить возбужденное генераломъ Ивановымъ ходатайство.

Телеграммой отъ 10-го февраля Верховный Главнокомандующій сообщалъ генералу Иванову о нижеслѣдующемъ: «Обстановка въ Восточной Пруссіи осложнилась настолько, что пришлось Гвардейскій корпусъ перебросить на Млавское направленіе. При такихъ условіяхъ, въ настоящее время, до полного выясненія обстановки, не можетъ быть рѣчи о направленіи XV-го корпуса въ Галицію. Повелѣваю вамъ принять необходимыя мѣры упроченія своего положенія въ Галиціи въ предѣлахъ собственныхъ силъ, продолживъ, если то необходимо, задержанную вами переброску войскъ на лѣвый флангъ восьмой арміи за счетъ другихъ армій вѣренного вамъ фронта. Если, по окончательномъ выясненіи всей обстановки на С.-З. фронтѣ, можно будетъ принять рѣшеніе о направленіи XV-го корпуса на Ю.-З. фронтъ, то этотъ корпусъ будетъ предназначенъ исключительно для достиженія активныхъ цѣлей».

Изъ всего изложеннаго видно, что, рядомъ съ планомъ наступленія въ Восточную Пруссію, разработаннымъ въ Ставкѣ, обсужденнымъ совместно съ Главнокомандующимъ С.-З. фронтомъ и принципиально одобреннымъ Вер-

хновымъ Главнокомандующимъ, на Ю.-З. фронтѣ зрѣлъ другой планъ, который, постепенно расширяясь, вышелъ, въ концѣ концовъ, далеко за предѣлы частной задачи фронта и привлекалъ къ себѣ все настойчивѣе тѣ скромныя силы и средства, коими располагалъ Верховный Главнокомандующій. Воздерживаясь по весьма понятнымъ причинамъ отъ оцѣнки этого плана, я, однако, не могу не отмѣтить того вреда, который нанесился дѣлу наличіемъ двухъ конкурировавшихъ другъ съ другомъ заданій, заставлявшихъ разбрасываться и обусловливавшихъ неуспѣхъ обоихъ начинаній. Несомнѣнно, что эта двойственность выросла на почвѣ все того же коренного недостатка въ организаціи высшаго военнаго управленія, при которомъ намѣреніямъ Ставки приходилось слишкомъ считаться съ чрезмѣрною самостоятельностью фронтовъ, состоявшихъ изъ большого количества войскъ и распространявшихъ свое вліяніе на обширныя пространства.

Генераль Людендорфъ и нѣкоторые другіе нѣмецкіе авторы, на страницахъ своихъ воспоминаній, говорятъ о «гигантскомъ» планѣ Русскаго Верховнаго Главнокомандованія, который, якобы, намѣчался къ осуществленію зимой 1914—1915 года и который заключался въ одновременномъ наступленіи нашихъ войскъ на Карпатахъ и въ Восточной Пруссіи. — Мы видѣли, что такого плана въ дѣйствительности не существовало, и что наши арміи находились въ очень трудномъ положеніи, которое не позволяло имъ задаваться сколько нибудь широкими цѣлями. Существовала лишь «видимость» такого плана, созданная тѣми центробѣжными силами, которыя нерѣдко, и весьма сильно, давали себя чувствовать на верхахъ арміи и которыя, въ данномъ случаѣ, тянули насъ въ расходящихся направленіяхъ.

Тѣмъ не менѣе нѣмцы, повидимому, встревоженные нашими приготовлениями, о которыхъ они, кстати сказать, всегда бывали заблаговременно осведомлены, рѣшились на крайнія средства, чтобы предупредить насъ своимъ контръ-наступленіемъ и овладѣть обстановкой. Успѣвъ пополнить свои части ранѣе насъ, они получили возможность оттянуть съ лѣваго берега р. Вислы до пяти пѣхотныхъ и одну кавал. дивизіи, которыя должны были составить «Южную» армію генерала Линзингена, предназначавшуюся для переброски въ Венгрію и сосредоточенія на направленіи Мункачъ-Стрый. Части этой арміи, какъ мы уже видѣли, и были нами обнаружены въ концѣ января на указанномъ направленіи. Съ своей стороны и австрійское главнокомандованіе рѣшило принять всѣ мѣры къ упроченію своего положенія и сосредоточить свои главныя усилія на кратчайшемъ направленіи, ведущемъ со стороны Карпатъ черезъ Санокъ и Самборъ къ Перемышлю, очевидно, преслѣдуя цѣль деблокады послѣдняго. Для достиженія этой задачи, оно не остановилось передъ переброскою на Карпаты всѣхъ болѣе или менѣе боеспособныхъ частей даже съ Сербскаго театра.

Но независимо этого, германское Верховное Главнокомандованіе рѣшилось на новое усиленіе войскъ своего восточнаго фронта, путемъ перевозки въ Восточную Пруссію четырехъ корпусовъ. Эти корпуса формировались внутри

Германи. Созданіе ихъ было результатомъ упорной организационной работы германскаго военнаго министерства въ теченіе всего зимняго періода 1914—1915-го года. Они предназначались для развитія наступательныхъ дѣйствій на западномъ германскомъ фронтѣ раннею весною 1915-го года, и потому измѣненіе ихъ первоначальнаго предназначенія было со стороны германскаго верховнаго главнокомандованія большою жертвою, повидимому оправдывавшеюся лишь угрозой нашего новаго наступленія въ Восточную Пруссію. При самомъ исполненіи перевозокъ, одинъ изъ новыхъ корпусовъ былъ, впрочемъ, замѣненъ XXI-мъ германскимъ корпусомъ, дѣйствовавшимъ до этого времени на французскомъ фронтѣ; корпусъ этотъ комплектовался изъ Эльзаса и Лотарингіи и потому считался малонадежнымъ для западнаго фронта. Упомянутыми четырьмя корпусами была усилена оставшаяся въ Восточной Пруссіи 8-ая германская армія, причемъ на ея лѣвомъ флангѣ была образована ударная группа, въ видѣ 10-ой германской арміи, ядро которой составили три вновь подвезенные корпуса (XXI, XXXVIII Р. и XXXIX Р.). — Четвертый корпусъ (XXXX Р.) сосредоточивался южнѣе оз.Спирдингъ.

Нѣсколько позднѣе указаннаго развертыванія, на южный участокъ Восточно-Прусскаго фронта (Ортельбургъ — Сольдау) нѣмцами было переброшено еще не менѣе шести пѣх. и одной кав. дивизій, снятыхъ съ лѣваго берега р. Вислы.

Всѣ эти силы были предназначены для развитія наступательныхъ дѣйствій въ направленіяхъ къ среднему Нѣману, Бобру и Нареву.

Такимъ образомъ, въ отвѣтъ на приписывавшійся намъ «гигантскій» планъ выпрямленія нашего стратегическаго фронта, путемъ развитія наступательныхъ дѣйствій на обоихъ нашихъ флангахъ, германское верховное главнокомандованіе, по соглашенію со своимъ союзникомъ — австрійцами, рѣшило воспользоваться своими преимуществами въ быстротѣ перегруппировки и организовать не менѣе гигантское контръ-наступленіе, имѣвшее цѣлью глубокой охватъ насъ съ обоихъ фланговъ: съ сѣвера — въ направленіи къ среднему Нѣману, Бобру и Нареву и съ юга со стороны Карпатъ на участокъ Перемышль — Львовъ. Для осуществленія этихъ ударовъ, удаленныхъ другъ отъ друга на многія сотни верстъ и потому трудно согласуемыхъ, германцы, игравшіе на австрійскомъ фронтѣ роль движущей силы, должны были раздѣлить имѣвшіяся у нихъ силы между двумя направленіями, т. е. повторить тотъ приемъ, который угрожалъ намъ, но по другимъ причинамъ. У насъ раздѣленіе силъ являлось въ результатѣ отсутствія единства замысла; у германскаго Командованія — въ силу необходимости дать импульсъ медленно умиравшей австрійской арміи и стремленія непосредственно прикрыть Восточную Пруссію, которой угрожало наше вторженіе. Своєю болѣе раннею готовностью германцы предупредили насъ и сумѣли снова захватить инициативу въ свои руки.

Разсуждая теоретически, лучшимъ отвѣтомъ на приведенный выше маневръ Германскаго Главнокомандованія былъ бы переходъ къ оборонѣ на флангахъ и быстрый сборъ сильной группы войскъ въ центрѣ нашего страте-

гического фронта, т. е. гдѣ либо на лѣвомъ берегу р. Вислы, съ цѣлью прорыва здѣсь расположенія ослабленнаго противника и затѣмъ широкаго контръ-наступленія въ предѣлы Германіи. Но, для осуществленія этого смѣлаго и крайне отвѣтственнаго маневра, мы не обладали ни необходимыми средствами, ни можетъ быть, достаточнымъ наступательнымъ порывомъ. Поэтому, на выяснившіяся намѣренія нашихъ противниковъ, мы едва ли могли отвѣтить иначе, какъ непосредственнымъ усиленіемъ своего положенія на угрожаемыхъ флангахъ, принимая, конечно, во вниманіе, что ударъ изъ-за Карпатъ могъ стать для насъ угрожающимъ лишь въ смыслѣ владѣнія Галичиной, тогда какъ ударъ изъ Восточной Пруссіи, въ случаѣ его развитія, могъ грозить намъ гораздо большими потрясеніями.

«Къ сожалѣнію, говорилось въ директивѣ Верховнаго Главнокомандующаго отъ 23-го февраля, мы въ настоящее время ни по средствамъ, ни по состоянію нашихъ армій, не можемъ предпринять рѣшительнаго общаго контръ-маневра, которымъ мы могли бы вырвать инициативу изъ рукъ противника и нанести ему пораженіе въ одномъ изъ наиболѣе выгодныхъ для насъ направленій. Единственнымъ способомъ дѣйствій, подсказываемымъ обстановкой, является ослабленіе до крайняго предѣла, допускаемаго обстановкой, войскъ лѣваго берега р. Вислы, съ цѣлью соответственными частными контръ-маневрами на правомъ берегу р. Вислы и въ Карпатахъ, въ направленіяхъ, кои должны быть избраны, въ соответствіи съ обстановкой, Главнокомандующими арміями фронтовъ, остановить попытки противника въ развитіи имъ наступательныхъ дѣйствій и нанести ему хотя бы частичныя пораженія».

Къ этому способу дѣйствій мы, къ тому же, оказывались и болѣе подготовленными нашими собственными соображеніями о переходѣ въ наступленіе. Соображенія эти хотя и были разрушены непріателемъ, предупредившимъ насъ, но все же они оказались полезными въ томъ смыслѣ, что дали намъ возможность использовать уже подвезенныя и сосредоточенныя войска для отраженія направленныхъ противъ насъ непріятельскихъ ударовъ, которые, вѣдствие этого, далеко не достигли намѣчавшихся результатовъ.

ГЛАВА XIV.

Зимнее наступленіе германцевъ изъ Восточной Пруссіи и бои на Бобръ-Наревскомъ участкѣ фронта. — Новый планъ русскаго Верховнаго Главнокомандованія.

Въ концѣ января германцы возобновили свои атаки на Бзурѣ и въ районѣ нижней Равки. Здѣсь наши войска почти впервые встрѣтились съ новымъ ужасающимъ врагомъ, въ лицѣ удушливыхъ газовъ, противъ которыхъ въ нашемъ распоряженіи въ то время не имѣлось еще никакихъ средствъ борьбы. Прошло не мало времени и потребовалось много усилій, прежде чѣмъ мы научились болѣе или менѣе удовлетворительно бороться съ этимъ смертельнымъ средствомъ, пущеннымъ въ ходъ нашимъ противникомъ.

Въ разсматриваемый періодъ времени германцы стали примѣнять на нашемъ фронтѣ также особые приборы для разбрасыванія горючей жидкости. Это средство не получило, однако, широкаго распространенія, такъ какъ оказалось дѣйствующимъ лишь на короткихъ разстояніяхъ, что ограничивало его употребленіе условиями одной траншейной борьбы.

Въ самомъ началѣ февраля на правомъ берегу р. Равки, въ районѣ Воли Шидловской, примѣрно въ 4 верстахъ къ востоку отъ Болимова, разыгрались крайне упорные и кровопролитные бои, продолжавшіеся въ теченіе ряда дней. Около того же времени германцы симулировали наступленіе и на Наревскомъ фронтѣ.

Но всѣ эти наступательныя попытки, въ концѣ концовъ, имѣли демонстративный характеръ и являлись лишь прелюдией къ подготовлявшемуся удару нѣмцевъ изъ Восточной Пруссіи, направленному противъ нашей 10-й арміи.

Армія эта первоначально имѣла противъ себя 8-ю германскую армію, въ составѣ около 6—7 пѣх. и 2—2½ кав. дивизій. Нашъ противникъ занималъ линію Мазурскихъ озеръ и укрѣпленную позицію вдоль р. Ангераппъ. Однако; на лѣвомъ флангѣ, примѣрно отъ Даркемена, германцы успѣли выдвинуть свой фронтъ значительно къ востоку и постепенно заняли лѣса у м. Ланседень, оперевъ свой лѣвый флангъ въ р. Шешупу; отдѣльный отрядъ нѣмцевъ занималъ Тильзитъ.

Наши войска 10-й арміи, вплотную придвинувшіеся къ непріятельскимъ позиціямъ, къ началу февраля состояли изъ четырехъ корпусовъ (III-го, XX-го XXVI-го и III-го сиб.), въ составѣ 11-ти пѣх. и 2 кав. дивизій. На крайнемъ правомъ флангѣ всего С.-З. Фронта, противъ Тильзита, находился отдѣльный отрядъ генерала Апухтина (68-я пѣх. див.). Всѣ дивизіи продолжали оставаться въ большомъ некомплектѣ, и изъ общаго ихъ числа только пять дивизій были первоочередными.

Командующій арміей генераль Сиверсъ поставилъ себѣ очередною задачею очистку отъ нѣмцевъ лѣсовъ на своемъ правомъ флангѣ, каковая операція была поручена командиру правофланговаго корпуса (III-го) и потребовала постепеннаго усиленія войскъ этого корпуса; въ результатѣ, всѣ войска арміи были вытянуты въ нитку и въ армейскомъ резервѣ оставался, если не ошибаюсь, всего лишь одинъ полкъ. Въ тылу арміи, несмотря на неоднократныя напоминанія сверху, штабу арміи не удавалось создать ни благоустроенной укрѣпленной линіи, ни достаточно оборудованныхъ этапныхъ путей. Командующій арміей призналъ возможнымъ ограничиться возведеніемъ лишь небольшихъ арьергардныхъ позицій, которыя, по существу, едва ли обезпечивали какія-либо выгоды для арміи. — Крѣпости Ковна и Гродна занимались только слабыми ополченскими частями.

Прибытіе въ Восточную Пруссію четырехъ новыхъ германскихъ корпусовъ и образованіе на сѣверномъ участкѣ непріятельскаго фронта новой 10-й арміи остались для штаба нашей 10-й арміи незамѣченными; нѣмцы вновь вос-

пользовались наличием у них мощной и богато развитой железнодорожной сети, чтобы выполнить намеченную перевозку в самый короткий срок, что, естественно, способствовало сохранению этой перевозки в тайне. Тем неожиданнее оказалось наступление немцев, обнаруженное 7-го февраля на Юганисбургском направлении.

Начальнику второочередной дивизии, находившейся на этом направлении, было приказано перейти в контр-наступление и разбить наступавший отряд противника. Эта попытка закончилась полной неудачей. Противник оказался в значительных силах, и наша дивизия, с большими потерями, отошла к Осовцу; она доносила о наступлении на Щучинь не менее двух германских дивизий. В действительности, это были XXXX-й германский корпус, усиленный еще одной пех. дивизией и наступавший южнее Мазурских озер на Райгород и Лык. Только на фронте названных пунктов этому наступлению был дан твердый отпор нашими войсками III-го сиб. корпуса, усиленными сводной дивизией, высланной, из состава XX-го корпуса, немедленно по получении известия о наступлении неприятеля в обход левого фланга 10-й армии.

С утра 10-го февраля вполне определенно выяснилось наступление и 10-й германской армии, направившей удар своих трех вновь прибывших корпусов (XXI-го, XXXVIII-го и XXXIX-го) из района Инстербург — Тильзит на наш правый фланг. Находившиеся на этом фланге кавалерия и III-й корпус, сильно разстроенные, стали в беспорядке отходить: III-й корпус в направлениях на Ковну и Мариамполь, а кавалерия на Олиту, открывая этим пути во фланг и тыл прочим корпусам, находившимся южнее отступавших.

Таким образом сразу обнажились оба фланга нашей 10-й армии, лишенной всяких резервов для отражения ударов. При такой обстановке, только быстрый отход, по возможности в эксцентрических направлениях, мог еще вывести эту армию из тяжелого положения. Но мы, нашею подготовкою мирного времени, не привыкли смотреть на отход, как на своего рода маневр, неизбежный в некоторых случаях, и рассчитывали задержать развитие наступательной операции противника, цепляясь за попутные пункты, что лишь утяжеляло положение наших войск, позволяя развиваться неприятельскому обходу.

Необходимо, впрочем, отметить и те исключительно трудные условия, в которых приходилось бы отводить войска. Стояли жестокие морозы, и все дороги были занесены глубоким снегом, а где таковой был едут ветром — образовалась гололеда. Маневрирование, при таких условиях погоды, было крайне трудным.

11-го февраля Главнокомандующий армиями С.-В. фронта поставил Командующему 10-й армией генералу Сиверсу задачу остановить наступление немцев на линии Осовец — Августов — Сейны — Ковна. При этом указывалось на необходимость во что бы то ни стало удерживать Августов, а при

малѣйшей возможности и Сувалки, дабы, какъ говорилось въ соответствующей телеграммѣ, имѣть выгодное исходное положеніе для рѣшительнаго перехода въ наступленіе, одновременно съ войсками, сосредоточиваемыми въ Ломжинскомъ районѣ.

И дѣйствительно, въ это время къ Цѣханову, Праснышу, Остроленкѣ и Ломжѣ подтягивались войска 12-й арміи, въ общемъ до пяти корпусовъ; наши передовыя части, и особенно конница, перейдя въ контръ-наступленіе, потѣснили противника къ сѣверу и стали постепенно продвигаться къ границѣ, очищая отъ нѣмцевъ весь районъ праваго берега р.р. Нарева и Вислы.

Между тѣмъ обстановка на фронтѣ 10-й арміи складывалась крайне неблагоприятно и корпуса XX-й, XXVI-й и III-й сиб. постепенно отжимались на фронтъ Сувалки — Августовъ. При отходѣ, нашимъ войскамъ приходилось преодолевать невѣроятныя трудности; въ теченіе нѣсколькихъ дней свирѣпствовали невиданные снѣжные бураны; въ лѣсахъ образовались трудно одолжимые завалы, а на открытыхъ мѣстахъ — движеніе утяжеляла гололедица. Отходъ шелъ подъ напоромъ непріятеля, у котораго, по крайней мѣрѣ, было то преимущество, что ему прокладывались черезъ снѣга дороги нашими колоннами. Войска шли впроголодь, теряли свои обозы и, не находя жилыхъ помѣщеній, нерѣдко ночевали въ полѣ. Тѣмъ не менѣе, отходъ совершился благополучно и изъ подъ Летцена была вывезена къ Осовецъ вся тяжелая артиллерія. Но очевидно, что движеніе въ столь трудныхъ условіяхъ могло быть выполнено только при крайнемъ напряженіи силъ со стороны команднаго состава, людей и лошадей.

Съ развитіемъ обхода нашего праваго фланга, стала возникать, однако, угроза сначала Олитѣ, а затѣмъ и Гроднѣ, отъ каковыхъ пунктовъ отходили пути въ глубокой тылъ армій всего С.-З. фронта. Велѣдствіе этого и по ходатайству штаба С.-З. фронта, распоряженіемъ Ставки, намѣчена была переброска къ Оранамъ съ лѣваго берега р. Вислы III-го Кавк. корпуса и къ Гроднѣ изъ Гомеля XV-го корпуса. Послѣдній корпусъ, незадолго передъ тѣмъ осмотрѣнный Великимъ Княземъ, производилъ прекрасное внѣшнее впечатлѣніе.

17-го февраля, въ г. Сѣдлецѣ, состоялось совѣщаніе подъ предѣлательствомъ Верховнаго Главнокомандующаго. Вмѣстѣ съ генераломъ Рузскимъ, на это совѣщаніе прибылъ новый начальникъ штаба армій фронта генералъ Гулевичъ, замѣнившій генерала Орановскаго, который незадолго передъ тѣмъ вступилъ въ командованіе I-мъ кав. корпусомъ.

Свѣдѣнія о положеніи корпусовъ 10-й арміи, отошедшихъ на фронтъ Сувалки — Августовъ, были къ этому времени въ полной мѣрѣ безотрадны. Германцы, продолжая свое обходное движеніе и огибая Августовскіе лѣса съ востока, заняли всея дороги, ведущія съ названнаго фронта Сувалки — Августовъ къ Нѣману и Гроднѣ. Свободнымъ оставался лишь путь къ верхнему Вобру на Штабинѣ и Линскѣ, по которому отъ Августова, послѣ ряда тяжелыхъ боевъ, отошли III-й сиб. и XXVI-й корпуса (группа генерала Радкевича). Корпуса эти, значительно ослабленные, заняли позицію за верхнимъ Вобромъ отъ

Ягиты до Поддуглы; сводная же дивизія XX-го корпуса (12 бат.) отошла къ Домброву. Что касается XX-го корпуса, находившагося сѣвернѣе, въ районѣ Сувалокъ, то о немъ, начиная съ 15-го февраля, не имѣлось никакихъ свѣдѣній. Повидимому онъ велъ неравный бой въ Августовскихъ лѣсахъ съ германцами, тѣснившими его со всѣхъ сторонъ.

Параллельно съ наступленіемъ противъ 10-й арміи, германцы, по свѣдѣніямъ штаба С.-З. фронта, продолжали перебрасывать свои войска съ лѣваго берега р. Вислы на правый, преимущественно на Млавское направленіе. Основываясь на этихъ данныхъ, генераль Рузскій выражалъ мнѣніе, что давленіемъ на Млавскомъ направленіи, въ связи съ дальнѣйшимъ наступленіемъ лѣвофланговой группы непріятельскихъ войскъ на Бѣлостокъ, германское командованіе имѣетъ въ виду произвести попытку къ охвату съ обоихъ фланговъ всѣхъ нашихъ войскъ на фронтѣ Наревъ — Бобръ.

Чтобы противодействовать этому, предположительному впрочемъ, плану нашего противника, Главнокомандующій С.-З. фронтомъ проектировалъ изъ 18-ти корпусовъ, имѣвшихся въ его распоряженіи, считая III-й Кавк. и XV-й корпуса, но не считая силъ 10-й арміи, оставить на лѣвомъ берегу р. Вислы не свыше пяти корпусовъ (2-я и 5-я арміи); остальные же тринадцать корпусовъ развернуть на правомъ берегу р. Вислы: частью на Млавскомъ направленіи (1-я армія генерала Литвинова) и на фронтѣ Рожаны — Остроленка — Ломжа (12-я армія генерала Плевэ), съ резервомъ у Острова — Вышкава; большею же частью — въ районѣ Гродна — Соколка — Бѣлостокъ. Перегруппировка эта могла быть, однако, закончена лишь въ первыхъ числахъ марта.

Проектируя новое развертываніе своихъ силъ, генераль Рузскій ходатайствовалъ передъ Верховнымъ Главнокомандующимъ, едва ли не въ третій разъ, объ отводѣ войскъ на лѣвомъ берегу р. Вислы на тыловую позицію Новогеоргиевскъ — Гура Кальварія.

Верховный Главнокомандующій призналъ предположенія Главнокомандующаго С.-З. фронтомъ, касавшіяся развертыванія его силъ на правомъ берегу р. Вислы цѣлесообразными; что же касается отхода 2-й и 5-й армій на лѣвомъ берегу той-же рѣки, то такое ходатайство было Великимъ Княземъ вновь отклонено, какъ не вызываемое обстановкою.

Не встрѣчая возраженій противъ новаго развертыванія войскъ генерала Рузскаго на правомъ берегу р. Вислы, Верховное Главнокомандованіе имѣло въ виду предупредить развитіе германскаго удара въ направленіи на Бѣлостокъ — Гродна, каковой ударъ всегда считался опаснымъ для положенія нашихъ армій въ русской Польшѣ. Хотя наличныя силы германцевъ едва ли могли оцѣниваться столь значительными, чтобы допустить существованіе у нихъ такого обширнаго плана, однако къ этимъ силамъ легко могли быть подвезены для развитія удара новыя подкрѣпленія — хотя бы съ запада; съ другой же стороны — приходилось учитывать моральное значеніе постоянныхъ успѣховъ германцевъ въ Восточной Пруссіи; обстоятельство это являлось столь большимъ факторомъ, что заставляло наши высшія командныя инстанціи счи-

таться съ такими предположеніями, которыя, при нормальныхъ условіяхъ, едва ли могли быть принимаемы къ учету и, во всякомъ случаѣ, должны были нами оцѣниваться, какъ заранѣе обреченныя на неуспѣхъ.

Возможность прибытія дополнительныхъ германскихъ войскъ какъ бы подтверждалась поступившимъ 20-го февраля свѣдѣніемъ о сосредоточеніи большихъ силъ противника въ районѣ Симио—Красна и о движеніи не менѣе двухъ непріятельскихъ корпусовъ на Маріамполь и Кальварію. Свѣдѣніе это могло наводить на мысль о возможности попытки со стороны германцевъ форсировать Нѣманъ ниже Друскеникъ, что могло создать угрозу для тыла всѣхъ нашихъ армій. Поэтому штабу С.-В. фронта было предложено обсудить вопросъ о болѣе глубокой перегруппировкѣ войскъ С.-В. фронта, съ цѣлью образованія въ районѣ Оранъ особой контръ-маневренной группы войскъ. Впослѣдствіи, однако, эта мысль была оставлена вслѣдствіе того, что свѣдѣнія о наступленіи значительныхъ силъ германцевъ къ среднему Нѣману не подтвердились. Повидимому свѣдѣнія о появленіи значительныхъ непріятельскихъ силъ въ районѣ Симио — Красна и о движеніи ихъ къ переправамъ на среднемъ Нѣманѣ явились въ результатѣ временной остановки къ сѣверу отъ Августовскихъ лѣсовъ XXXVII-го и XXXIX-го германскихъ корпусовъ и выдвигенія особыхъ заслоновъ къ сторонѣ Ковны, Маріамполя и Олиты.

Опасаясь за судьбу XX-го корпуса, Ставка настойчиво требовала принятія со стороны 10-й арміи мѣръ къ оказанію помощи его войскамъ, ведущимъ тяжелую борьбу въ Августовскихъ лѣсахъ.

Во исполненіе этого требованія командующимъ 10-й арміей была организована 21-го февраля довольно робкая попытка къ наступленію на фронтѣ Сопецкинъ — Липскъ, каковое наступленіе не привело къ сколько-нибудь полезнымъ результатамъ. Доблестный XX-й корпусъ былъ предоставленъ своей собственной участи. . .

Надо, впрочемъ, отдать справедливость нашему противнику — нѣмцамъ. Опьяненные своими успѣхами и въ стремленіи сковать наши войска, отошедшія за Нѣманъ и Бобръ, они отчаянно лѣзли на укрѣпленія, созданныя впереди Гродны, и безоглядно стремились къ форсированію Нѣмана ниже названнаго пункта, а также верхняго Бобра. Многія сотни и тысячи нѣмцевъ полегли здѣсь, но своими бѣшенными атаками инициатива дѣйствій не выпускалась ими изъ рукъ, и этимъ было выиграно время, чтобы довести Августовскую трагедію до окончательной развязки.

По разсказамъ участниковъ тяжелыхъ испытаний, выпавшихъ на долю XX-го корпуса, событія въ районѣ его дѣйствій разыгрывались въ слѣдующемъ порядкѣ:

Корпусъ, состоявшій изъ частей 28-й, 29-й, 53-й и 27-й пѣх. дивизій, отходилъ отъ Даркемена черезъ Гольдапъ на Сувалки, гдѣ сосредоточился 12-го февраля. Дальнѣйшій его путь отступленія лежалъ черезъ Сейны на Меречь, въ каковомъ направленіи уже были эшелонированы все обозы корпуса. Несмотря на явный обходъ, угрожавшій корпусу съ сѣвера, Командующій армі-

ей, находившейся в этот день в Сувалках, не разрешил изменить данное корпусу направление и общался лишь, для лучшей ориентировки Командира корпуса генерала Булгакова, предоставить в его распоряжение кавалерию.

Однако, последняя к корпусу не прибыла, а на следующий день, 13-го февраля, под вечер, кавалерия противника заняла Сейны, которая к этому времени были уже пройдены почти всеми обозами корпуса и значительной частью артиллерийских парков. Таким образом, корпус с этого дня остался лишь при обозах 1-го разряда, следующих всегда при войсках, и ближайших к войскам эшелонах артиллерийских парков.

14-го февраля Командир корпуса, вынуждаемый обстановкой, вновь решил вернуться к предположению о движении корпуса, вместо Мереча, на Сопоцкин и Гродну; вместе с тем, для прикрытия этого движения, им была намечена высылка прикрывающих отрядов к северным и северо-восточным выходам из Августовских лесов, откуда могло ожидать появление германцев, все больше и больше обходивших корпус с севера. Но это предположение было вновь отклонено штабом армии, который указывал, что направление на Сопоцкин является тыловым путем XXVI-го корпуса, долженствовавшего отходить южнее XX-го корпуса. Вместе с тем, распоряжением штаба армии, XX-му корпусу на 14-ое и 15-ое февраля ставилась задача — своим расположением в районе Сувалок, прикрывать отход XXVI-го корпуса от с. Рачки и выход его на шоссе Сувалки — Августов, южнее первого из названных пунктов. Во исполнение этой задачи, XX-й корпус, в течение 14-го февраля, оставался у Сувалок, а на следующий день выдерживал бой с германцами на позиции в пяти верстах южнее Сувалок у Юзефова.

В течение этих двух дней обозначилось серьезное давление неприятеля на корпус не только с фронта, но и в обход обоих флангов, с явной тенденцией выхода войскам корпуса, с их правого фланга, в тыл. На дороге Сейны — Махарце уже с утра 15-го февраля была слышна артиллерийская гул, свидетельствующая о стремлении противника сбить прикрывавший эту дорогу отряд, посланный от войск, отступавших через Августов. Положение корпуса осложнилось еще тем обстоятельством, что, при новом нападении на обоз корпуса, немцами была отбита искровая станция, и, таким образом, штаб корпуса был лишен средства для поддержания прямой и удобной связи с соседями и штабом армии.

Отход корпуса на Сопоцкин мог начаться только 16-го февраля. Высланный вперед арьергард, долженствовавший открыть дорогу на Серкилясь, столкнувшись с надвигавшимися с севера частями 41-й герм. пех. дивизии, сбил их и одержал над ними блестящую победу, в результате которой было взято нами до 2000 пленных и 14 орудий. Однако, движение войск корпуса могло идти лишь крайне медленно. Наступившая незадолго перед началом движения оттепель превратила грунтовую дорогу, по которой шли войска корпуса, в настоящий поток грязи; повозки и орудия грузили, а

отъ ухабовъ—нерѣдко переворачивались; люди и лошади, отъ голодовки и многодневныхъ напряженій, окончательно выбились изъ силъ. При такихъ условіяхъ, можно было рассчитывать на выходъ изъ лѣсовъ только къ утру 18-го, но высланная впередъ развѣдка донесла къ этому времени, что передовыя позиціи Гродненской крѣпости заняты неприятелемъ, сильно укрѣпившимся фронтомъ къ сѣверо-западу. Попытки связаться съ Гродной посылкою отдѣльныхъ людей не удавались, а со стороны Липска доносилась все время сильная канонада. Между тѣмъ, съ сѣвера и запада нажимъ противника становился все сильнѣе. По добытымъ свѣдѣніямъ, то были части XXXVIII-го и XXXIX-го гренадскихъ корпусовъ. Движеніе походныхъ колоннъ непрерывно задерживалось ихъ атаками изъ лѣсовъ.

Атаку нѣмецкихъ позицій впереди Гродны рѣшено было произвести всѣми силами корпуса; поэтому, въ цѣляхъ сбора войскъ, пришлось отложить ее на одинъ сутки и начать такую только 19-го февраля. — Атака эта, несмотря на геройскія усилія войскъ, не удалась и привела къ кровавымъ потерямъ; были части, которыя, собравшись послѣ атаки въ Августовскихъ лѣсахъ, сохранили въ своихъ рядахъ едва 10% отъ первоначальнаго ихъ состава.

На слѣдующій день положеніе корпуса ухудшилось еще болѣе. Повтореніе атаки на укрѣпленныя позиціи нѣмцевъ не обѣщало успѣха, а между тѣмъ, войска корпуса сдавливались противникомъ съ фланговъ и тыла все болѣе на крайне тѣсномъ лѣсномъ пространствѣ. Люди и лошади принуждены были оставаться безъ пищи и крова; уменьшилось до предѣла количество патроновъ. Числительная сила корпуса едва достигала нѣсколькихъ тысячъ штыковъ, при 22-хъ батареяхъ. Такимъ образомъ, пѣхота, въ сущности, составляла только прикрытіе для своей артиллеріи, изъ которой ни одна батарея еще не была потеряна.

При такихъ исключительно тяжелыхъ условіяхъ, оставалось испытать лишь одно, послѣднее средство — попытаться ночнымъ маршемъ, по возможности незамѣтно, пробиться къ Гроднѣ, на соединеніе со своими. Былъ найденъ проводникъ, который взялся провести колонну по лѣсной болотистой тропѣ, извѣстной однимъ мѣстнымъ жителямъ. Но организовать въ короткій срокъ маршъ всѣмъ корпусомъ представилось крайне трудною задачею, и въ ночь на 21-ое по намѣченному пути удалось безпрепятственно проскользнуть въ Гродну лишь авангарднымъ частямъ, въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, безъ артиллеріи. Что касается главныхъ силъ корпуса, то онѣ оказались къ утру названнаго дня еще болѣе сжатыми неприятелемъ на тѣсномъ пространствѣ вокругъ одиноко стоявшей небольшой мельницы, у выхода изъ Августовскихъ лѣсовъ. Здѣсь, несмотря на геройское сопротивленіе — до послѣдняго патрона не только артиллерійскаго, но даже револьвернаго, остатки корпуса были частью уничтожены, частью взяты въ плѣнъ. — Послѣднія вѣщанія сопротивленія были подавлены неприятелемъ къ двумъ-тремъ часамъ дня 21-го февраля.

Такъ, по разсказамъ участниковъ, рисуется трагическая гибель частей, входившихъ, въ періодъ отступленія 10-й арміи изъ Восточной Пруссіи, въ составъ одиноко пробывавшагося XX-го арм. корпуса...

Интересно отмѣтить, что указанная нѣсколько выше попытка Гродненскаго гарнизона и частей, сосредоточившихся у Липска, облегчить положеніе XX-го корпуса, путемъ наступленія на Сопоткинъ и южнѣе, совпала по времени именно съ послѣднимъ днемъ сопротивленія главныхъ силъ этого корпуса въ Августовскихъ лѣсахъ.

Занятіе XV-мъ корпусомъ основной линіи фортовъ Гродненской крѣпости, оборона которой была усилена огнемъ крѣпостной артиллеріи, и прочное удержаніе позицій вдоль верхняго Бобра войсками XXVI-го и III-го сиб. корп. съ подошедшими къ нимъ подкрѣпленіями, остановили дальнѣйшее развитіе германскаго маневра; попытки непріятеля, видимо направленныя къ форсированію Бобра и дальнѣйшему выходу во флангъ и тылъ войскамъ, находившимся на Бобрѣ - Наревскомъ участкѣ, не удались. Столь же безрезультатными оказались стремленія германцевъ овладѣть Осовцомъ, со стороны Граево. Эта небольшая крѣпостца, имѣя во главѣ энергичнаго коменданта генерала Бржозовскаго и поддерживаемая дѣйствіями полевыхъ войскъ, доблестно отражала атаки непріятеля и стойко выдерживала огонь германской тяжелой артиллеріи. Защита Осовца заслужила у насъ почетную извѣстность и лишній разъ доказала, что, при комбинированныхъ дѣйствіяхъ съ полевой арміей, оборона даже технически слабой крѣпости можетъ имѣть успѣхъ, несмотря на современные средства наступающаго.

Извѣрившись въ возможности достигнуть дальнѣйшаго успѣха, нѣмцы въ первыхъ числахъ марта стали постепенно отходить въ сѣверо-западномъ направленіи, прикрываясь сильными арьергардами.

Оцѣнивая февральскую наступательную операцію 8-ой и 10-ой германскихъ армій, мы должны признать, что она принесла нашему противнику крупный успѣхъ. Наша 10-ая армія оказалась вынужденной оставить территорію Восточной Пруссіи, и на сей разъ окончательно. Мы понесли вновь очень чувствительныя потери людьми и въ матеріальной части и нашему военному престижу былъ нанесенъ въ Восточной Пруссіи въ третій разъ тяжелый ударъ. Идея упроченія праваго фланга нашего стратегическаго фронта, путемъ овладѣнія Восточной Пруссіей и выдвигенія къ нижней Вислѣ, была вновь дискредитирована тактической побѣдой германцевъ надъ нами.

Однако, на верхнемъ Бобрѣ дальнѣйшимъ планамъ германцевъ, поскольку они касались всего нашего С.-З. фронта, былъ положенъ предѣлъ. Мысль о глубокомъ охватѣ нашихъ правобережныхъ армій, которая, повидимому, не безъ основанія приписывается германскому командованію на восточномъ фронтѣ, потерпѣла полную неудачу. Обойдшія насъ войска даже не риск-

пули закрѣпиться на занятыхъ ими мѣстахъ и должны были начать отходъ на болѣе поданный назадъ и сокращенный фронтъ.

Съ точки зрѣнія нашихъ западныхъ союзниковъ, происшедшее отвлечение на нашъ фронтъ четырехъ германскихъ корпусовъ, изъ коихъ три совершенно свѣжихъ и сформированныхъ съ особою заботливостью, должно было, конечно, оцѣниваться, какъ фактъ чрезвычайно для нихъ благоприятный. Подготовлявшійся противъ нихъ очередной ударъ былъ отведенъ въ нашу сторону. — Англійское военное министерство получило возможность продолжать работу по дальнѣйшему развитію своей вооруженной силы, а французское командованіе оказалось въ состояніи провести задуманное имъ второе наступленіе въ Шампани. Наступленіе это было начато въ серединѣ февраля и тянулось на протяженіи почти мѣсяца.

Въ періодъ отхода главныхъ силъ 10-ой арміи на фронтъ Гродна — Осовець, наши 12-ая, а затѣмъ и 1-ая армія выполняли, согласно новаго плана генерала Рузскаго, доложеннаго имъ на совѣщаніи 17-го февраля, свое новое сосредоточеніе, имѣя задачей обезпечивать обладаніе: 12-ая армія — линією нижняго Бобра и Нарева до р. Оржица, и 1-ая армія — фронтомъ Праснышъ—Цѣхановъ—Плонскъ—Вышгородъ. На всемъ этомъ фронтѣ противникъ неизмѣнно усиливался и проявлялъ необычайную активность въ направленіяхъ на Ломжу, Новогродъ, Остроленку и Праснышъ. По оцѣнкѣ генерала Рузскаго, данной имъ 20-го февраля, усилія нѣмцевъ «направляются нынѣ на линію Осовець—Ломжа—Остроленка, съ цѣлью прорвать здѣсь наше расположеніе и захватить Варшаву съ востока». Попытки непріятеля пробиться къ Нареву, которыми въ дѣйствительности была заполнена вся вторая половина февраля, нигдѣ, впрочемъ, не увѣнчались успѣхомъ. На Ломжинскомъ направленіи наступленіе германцевъ было остановлено контръ-ударомъ нашей гвардіи и V-го корпуса, а на направленіяхъ къ Новогроду и Остроленкѣ германцы встрѣтились съ наступательнымъ порывомъ нашего IV-го сиб. корпуса. Что касается направленія на Праснышъ, то здѣсь, стремительнымъ натискомъ двухъ корпусовъ, непріятелю удалось 24-го февраля овладѣть названнымъ пунктомъ, защищавшимся нашими сибиряками съ выдающимся упорствомъ. Однако, въ результатѣ смѣлаго контръ-удара 27-го февраля, организованнаго нами, нѣмцы дорого заплатили за свой временный успѣхъ. Они принуждены были бросить Праснышъ и спѣшно отступить къ сѣверу, оставивъ въ нашихъ рукахъ до десятка тысячъ плѣнныхъ.

Съ окончаніемъ сосредоточенія 12-ой и 1-ой армій, совпавшимъ, по времени, съ неудачной попыткой германцевъ форсировать верхній Бобръ, всѣ наши три правобережныя арміи С.-З. фронта должны были перейти въ общее наступленіе. Верховный Главнокомандующій, ввиду недостаточнаго притока укомплектованій и огнестрѣльныхъ припасовъ, счелъ, однако, необходимымъ ограничить наступательную задачу этихъ армій предѣлами собственной территоріи и, въ соответствіи съ симъ, поставилъ цѣлью ихъ дальнѣйшихъ дѣй-

свѣй занятіе войсками лишь такого положенія, которое отвѣчало бы задачѣ активной обороны подступовъ къ среднему Нѣману, Бобру и Нареву. Къ тому же, въ этотъ періодъ времени, вниманіе Верховнаго Главнокомандующаго, отчасти по соображеніямъ политическимъ, отчасти же подъ влияніемъ докладовъ Главнокомандующаго Ю.-З. фронтомъ, все болѣе фиксировалось на идеѣ широкихъ наступательныхъ дѣйствій на Австро-Венгерскомъ театрѣ; осуществленіе же этой мысли требовало усиленія войскъ Ю.-З. фронта, что могло быть выполнено лишь за счетъ войскъ генерала Рузскаго. При такихъ условіяхъ, задачи С.-З. фронта естественно подлежали возможному сокращенію. Тѣмъ не менѣе, на ходатайство Главнокомандующаго арміями С.-З. фронта о томъ, чтобы не ставить запрета къ овладѣнію южной частью Мазурскихъ озеръ, что, по мнѣнію генерала Рузскаго, давало преимущество, въ смыслѣ сокращенія фронта, Верховный Главнокомандующій выразилъ свое согласіе.

Общее наступленіе 10-й, 12-й и 1-й армій началось 2-го марта.

10-ая армія (генерала Радкевича), усиленная подкрѣпленіями, вынуждена была при своемъ движеніи, вести упорные бои съ нѣмецкими арьергардами, нерѣдко переходившими въ энергичныя контръ-атаки. Тѣмъ не менѣе, къ концу марта она вышла на фронтъ Тракишки (не доходя Кальваріи) — оз. Сейвы-Саенокъ. Особый Ковенскій отрядъ выдвинулся въ направленіи къ Маріамполю; отрядъ генерала Апухтина — оставался въ районѣ Таурогена и небольшой отрядъ генерала Потапова — у Плуны. Послѣдній, въ двадцатыхъ числахъ марта, произвелъ внезапный налетъ на Мемель, однако, закончившійся вскорѣ послѣднимъ отступленіемъ въ наши предѣлы.

Города Маріамполь, Кальварія, Сувалки и Августовъ — остались въ рукахъ германцевъ и усиленно ими укрѣплялись.

Что касается 12-й и 1-й армій, то на фронтѣ противъ нихъ германцы продолжали замѣтно усиливаться. Повидимому они перебрасывали сюда свои силы не только съ лѣваго берега р. Вислы, но также изъ состава войскъ, отходившихъ назадъ съ фронта верхняго Бобра и средняго Нѣмана. Уже къ 7-му марта развѣдка С.-З. фронта опредѣляла ихъ силы между р.р. Лекъ и Вислой — въ девять корпусовъ. Это обстоятельство затрудняло развитіе названными выше арміями наступательныхъ дѣйствій. Весь мартъ мѣсяць прошелъ на этомъ фронтѣ въ упорныхъ кровопролитныхъ бояхъ, имѣвшихъ, по преимуществу, характеръ встрѣчныхъ дѣйствій. Въ серединѣ марта мы въ районѣ Прасныша успѣли нанести нѣмцамъ снова очень чувствительный ударъ со стороны Еднорожца, послѣ котораго они отказались отъ дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій и стали отходить къ своимъ границамъ.

Къ началу апрѣля на всемъ Восточно-Прусскомъ фронтѣ постепенно установилось равновѣсіе, которое вынудило обѣ стороны признать дальнѣйшую активную дѣятельность, при сложившихся условіяхъ, обреченной на неудачу и потому безцѣльной.

26-го марта въ Главномъ командованіи С.-З. фронтомъ произошла крупная перемѣна. Генераль Рузскій, по состоянію своего здоровья, просилъ объ освобожденіи его отъ занимаемой должности и въ тотъ же день новымъ Главномъ командующимъ арміями С.-З. фронта былъ назначенъ генераль Алексѣевъ.

Постъ Начальника штаба Ю.-З. фронта, по ходатайству генерала Иванова, занялъ генераль Драгомировъ (Владиміръ).

Хотя новое назначеніе генерала Алексѣева было слѣдствіемъ дѣйствительной болѣзни генерала Рузскаго, тѣмъ не менѣе оно имѣло опредѣленно идейный характеръ. Это назначеніе явилось въ результатъ принятаго уже въ то время Верховнымъ Главномъ командующимъ рѣшенія о перенесеніи центра дальнѣйшихъ дѣйствій въ Галичину. При этихъ условіяхъ, отвѣтственная задача обезпеченія праваго фланга нашего стратегическаго фронта должна была разрѣшаться иными методами, чѣмъ тѣ, кои имѣлись въ виду до сихъ поръ. Генераль Алексѣевъ, который всегда являлся противникомъ непосредственнаго овладѣнія Восточной Пруссіей и сосредоточенія противъ нея крупныхъ силъ, былъ именно тѣмъ лицомъ, на котораго могло быть возложено рѣшеніе этой крайне трудной задачи, съ затратою на нее возможно меньшихъ силъ.

Еще 19-го марта Начальникъ штаба Верховнаго Главномъ командующаго генераль Янушкевичъ собственноручнымъ письмомъ на имя Главномъ командующихъ фронтами сообщалъ, что «отнынѣ Верховный Главномъ командующій имѣетъ своей основной цѣлью перейти всѣмъ С.-З. фронтомъ къ чисто оборонительнаго характера дѣйствіямъ, а Ю.-З. фронту предназначаетъ главнѣйшую задачу будущей части кампаніи. Общая идея при этомъ та, чтобы дѣйствовать активно, нажимая съ лѣваго фланга Ю.-З. фронта, продвигаясь въ направленіи примѣрно на Буда-Пешть и далѣе въ обходъ всей линіи Краковъ—Познань—Торнъ».

Въ дальнѣйшей части письма говорилось о предстоявшей переброскѣ войскъ на Ю.-З. фронтъ, для его усиленія и обезпеченія успѣха его дѣйствій, а также о томъ, что планъ этотъ сообщенъ, для свѣдѣнія, Главномъ командующему французской арміей генералу Жоффри, и что характеръ новыхъ предположеній и дѣйствій одобренъ Государемъ, который выразилъ, «что это именно то, что онъ сдѣлалъ бы Самъ».

Выше мною были изложены лишь нѣкоторыя обстоятельства, влиявшія на зарожденіе и постепенное закрѣпленіе новаго рѣшенія Верховнаго Главномъ командующаго; поэтому я имѣю въ виду вернуться къ этому вопросу еще разъ. Пока же отмѣчу, что лично я, какъ читатель вѣроятно успѣлъ замѣтить, не являлся сторонникомъ столь кореннаго поворота въ постановкѣ цѣлей войны. Я былъ и оставался въ убѣжденіи о необходимости направленія главныхъ нашихъ усилій противъ Германіи и поэтому полагалъ, что съ австро-венгерской арміей намъ надлежитъ считаться лишь постолько, поскольку она способна мѣшать выполненію нашей основной задачи. Равнымъ образомъ, мнѣ всег-

да казалось, что, съ разгромомъ Германіи, будутъ сразу достигнуты всѣ разнообразныя цѣли войны, какого бы характера вопросовъ эти цѣли ни касались. Поэтому политическія соображенія, на мой взглядъ, не должны бы доминировать надъ стратегіей. Способомъ дѣйствій, наиболѣе дѣйствительнымъ и скорѣе ведущимъ къ основной цѣли, было, разумеется, развитіе нами наступательныхъ дѣйствій на лѣвомъ берегу р. Вислы «въ направленіи на Берлинъ». Но, трезво оцѣнивая недостаточную маневренную подготовку нашей арміи и слабо развитую желѣзнодорожную сѣть, я полагалъ, что указанное наступленіе можетъ имѣть успѣхъ лишь послѣ твердаго закрѣпленія положенія на флангахъ нашего стратегическаго фронта, слишкомъ поданныхъ назадъ и потому представлявшихъ большую опасность. Отсюда то вниманіе, которое я всегда удѣлялъ Восточно-Прусскому театру, изъ котораго организація удара, въ обходъ нашего фланга, представляла нашимъ противникамъ особыя выгоды и удобства. Но если овладѣніе Восточной Пруссіей и выходъ къ нижней Вислѣ имѣли, въ моихъ глазахъ, серьезное значеніе въ наступательный періодъ нашей стратегіи, когда можно было еще рассчитывать крупный тактической побѣдой исправить дефекты стратегическаго положенія, то тѣмъ больше вниманія слѣдовало, на мой взглядъ, придавать этимъ задачамъ съ того времени, когда нашему наступленію на лѣвомъ берегу р. Вислы былъ положенъ предѣлъ; противникъ на этомъ берегу прочно закрѣпился, а недостатокъ тяжелой артиллеріи, бѣдность укомплектованій и огнестрѣльныхъ припасовъ присуждали насъ въ дальнѣйшемъ къ выжидательному, вѣрнѣе же, просто оборонительному образу дѣйствій. При изложенныхъ условіяхъ, невыгодность нашего растянутого дугообразнаго положенія, при которомъ центральная часть дуги выдавалась къ сторонѣ противника болѣе чѣмъ на 250 верстъ, а фланги были глубоко откинута назадъ, не могла не давать себя чувствовать особенно остро; наличіе же мощныхъ желѣзныхъ дорогъ у непріятеля въ Восточной Пруссіи и выгодное географическое положеніе этого раіона, для нанесенія изъ него ударовъ вглубь нашей собственной территоріи и въ обхватъ всѣхъ нашихъ дѣйствующихъ армій, должны были сугубо привлекать наше вниманіе къ этому большому для насъ участку фронта. — Дальнѣйшія событія показали, что, при условіи оборонительнаго образа дѣйствій на С.-З. фронтѣ, Восточно-Прусскій раіонъ далъ возможность нашимъ противникамъ-германцамъ развить свои удары не только по лѣвому, но и по правому берегу Нѣмана, заставивъ насъ удлинитъ еще болѣе свой растянутый фронтъ, включеніемъ въ него обширнаго Риги-Шавельскаго раіона, черезъ который пролегалі кратчайшіе пути къ столицѣ Имперіи — Петербургу, или по новому — Петрограду¹⁾, и къ другимъ важнымъ раіонамъ Государства. По всѣмъ этимъ причинамъ, я продолжалъ считать, что, при складывавшейся обстановкѣ и нашихъ ограниченныхъ возможностяхъ, намъ все же надлежало стремиться прежде всего къ овладѣнію Восточной Пруссіей. — Среднимъ рѣшеніемъ было бы сохраненіе на С.-З. фрон-

¹⁾ Насколько помню, малоудачное съ исторической точки зрѣнія распоряженіе о такомъ переименованіи послѣдовало въ январѣ 1915 года.

тѣ занятого нами въ концѣ марта положенія, путемъ прочнаго закрѣпленія позицій и накопленія сильныхъ резервовъ; наиболѣе же рискованнымъ, съ моей точки зрѣнія, долженъ былъ быть признанъ — переносъ наступательныхъ дѣйствій въ Австрію, съ неизбѣжнымъ углубленіемъ въ неудобное по климатическимъ условіямъ время въ Карпаты, которое отнимало возможность всякой переброски войскъ съ одного участка фронта на другой.

Моя точка зрѣнія, правильность коей я здѣсь не имѣю въ виду отстаивать, принята не была. Отвѣтственный руководитель войной призналъ соотвѣтственнымъ стать на другой путь. Усвоить новую директиву и честно работать въ ея духѣ — таковой, съ момента принятія Верховнымъ Главнокомандующимъ новаго рѣшенія, должна была быть обязанность всѣхъ чиновъ Штаба, доколь служба и дѣятельность каждаго изъ этихъ чиновъ въ Ставкѣ признавалась тѣмъ же Верховнымъ Главнокомандующимъ полезной и необходимой для дѣла. Просьба моя о предоставленіи мнѣ возможности ознакомиться съ войной въ должности строевого начальника не встрѣтила сочувствія у Начальника Штаба. Я продолжалъ занимать постъ Генераль-Квартирмейстера и, въ мѣрѣ моихъ силъ и пониманія, стремился обезпечить успѣхъ новаго плана, ни на минуту не забывая, впрочемъ, о тѣхъ опасностяхъ, кои могли угрожать всему нашему стратегическому положенію съ сѣвера.

Генераль Алексѣевъ вступилъ въ Главнокомандованіе арміями С.-З. фронта 30-го марта.

Согласно директивы, въ этотъ же день сообщенной ему отъ имени Верховнаго Главнокомандующаго генераломъ Янушкевичемъ, ближайшія задачи С.-З. фронта должны были заключаться въ томъ, чтобы сохранить положеніе армій этого фронта на лѣвомъ берегу р. Вислы и не допустить развитія дальнѣйшаго наступленія нѣмцевъ между Нѣманомъ и Вислою, для чего указывалось на необходимость занятія на правомъ берегу Вислы возможно выгоднаго положенія для активной обороны Нѣмана, Бобра и Нарева. Затѣмъ, въ той же директивѣ отмѣчалась необходимость прочнаго закрѣпленія и усовершенствованія необходимыхъ для войскъ позицій и скорѣйшаго образованія сильныхъ резервовъ, «какъ для возможности контръ-маневровъ, въ соотвѣтствіи съ обетановкой, такъ и для выполненія основной мысли Верховнаго Главнокомандующаго, изложенной въ письмѣ на имя Генераль-Адъютанта Рузскаго № 1718». Это то самое письмо, которое мною уже цитировалось и въ которомъ генераль Янушкевичъ сообщалъ Главнокомандующимъ о перенесеніи главной задачи будущей части кампаніи на войска Ю.-З. фронта. — «Болѣе широкими задачами на С.-З. фронтѣ, говорилось далѣе въ той же директивѣ, Верховный Главнокомандующій не считаетъ возможнымъ задаваться. Его Императорское Высочество признаетъ необходимымъ и чрезвычайно важнымъ направить всѣ силы къ тому, чтобы въ кратчайшее время пополнить существующій въ арміяхъ С.-З. фронта некомплектъ, опредѣляющійся, по послѣднимъ даннымъ, въ 320 т. человекъ. Доведеніе армій С.-З. фронта до полного состава сразу дастъ

намъ огромное превосходство въ силахъ надъ противникомъ, имѣющимъ нынѣ въ Восточной Пруссіи и на лѣвомъ берегу Вислы до Пилицы всего 41 пѣх. дивизію, въ то время, какъ арміи С.-З. фронта насчитываютъ въ себѣ 57 пѣх. дивизій, а, съ восстановленіемъ дивизій XX-го корпуса, — 59½ дивизій, при огромномъ превосходствѣ въ кавалеріи. Съ укомплектованіемъ арміи С.-З. фронта до штатнаго состава, явится полная возможность образовать столь необходимые сильные свободные резервы, кои дадутъ возможность съ одной стороны въ полной мѣрѣ упрочить положеніе самихъ арміи С.-З. фронта, а съ другой — использовать часть свободныхъ силъ въ цѣляхъ выполненія намѣченныхъ въ письмѣ № 1718 предначертаній Верховнаго Главнокомандующаго».

Генераль Алексѣевъ горячо взялся за пополненіе вѣренныхъ ему арміи всѣмъ необходимымъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ принялъ мѣры къ выводу изъ фронта ряда корпусовъ и дивизій, для образованія необходимыхъ резервовъ. Затѣмъ, имъ были разработаны соображенія для частичнаго сокращенія протяженія фронта въ арміяхъ и приступлено къ подготовкѣ ряда тыловыхъ позицій. Всѣ эти мѣры приводились генераломъ Алексѣевымъ въ исполненіе съ присущими ему настойчивостью и послѣдовательностью.

Ставъ въ отвѣтственное положеніе по отношенію къ арміямъ С.-З. фронта и ближе ознакомившись съ обстановкою на этомъ фронтѣ, генераль Алексѣевъ, въ рядѣ документовъ, составившихъ его переписку со Ставкой, счелъ необходимымъ изложить свои взгляды на общее положеніе дѣлъ и ближайшія задачи обоихъ фронтовъ.

Ознакомленіе съ сущностью этихъ документовъ представить тотъ интересъ, что, даже изъ краткаго обзора ихъ, со всею отчетливостью выступить то обычно наблюдаемое различіе въ оцѣнкѣ обстановки однимъ и тѣмъ же лицомъ, которое зависитъ отъ точки «стоянія» или положенія этого лица, по отношенію къ развертывающимся событіямъ.

Вопреки формулѣ, многими приписывавшейся генералу Алексѣеву, что «нашъ путь на Берлинъ лежитъ черезъ Вѣну», онъ, въ письмѣ отъ 6-го апрѣля къ генералу Янушкевичу, категорически заявляетъ, что, по его глубокому убѣжденію, «основною операціонною линіей на Берлинъ должна считаться съѣтъ путей отъ Варшавы. Пути черезъ Австрію, по своей длинѣ, сложности, не-обезпеченности не могутъ почитаться желательными». Пораженіе австрійской арміи, говоритъ въ томъ же письмѣ генераль Алексѣевъ, «являлось задачей промежуточной», и переходъ въ наступленіе на Ю.-З. фронтѣ «былъ предпринятъ, какъ слѣдствіе заминки дѣлъ на С.-З. фронтѣ, какъ контръ-маневръ противъ сбора значительныхъ силъ противника на путяхъ къ Перемышлю, съ попутнымъ нанесеніемъ австрійцамъ пораженія». Принимая къ исполненію указаніе Верховнаго Главнокомандованія о переброскѣ на Ю.-З. фронтѣ III-го Кавк. корпуса, о чемъ будетъ сказано въ дальнѣйшемъ изложеніи, новый Главнокомандующій на С.-З. фронтѣ добавляетъ: «я полагаю бы, что дальнѣйшая переброска войскъ на Галичскій театръ, съ точки зрѣнія общихъ интересовъ, нежелательна».

Наконецъ, всего лишь черезъ двѣ недѣли по вступленіи въ должность, генералъ Алексѣевъ, касаясь въ письмѣ въ Ставку отъ 15-го апрѣля, вопроша объ очередныхъ задачахъ армій вѣреннаго ему фронта, сообщаетъ, что, по его мнѣнію, въ настоящее время «было бы непосильно развивать ударъ къ широкимъ размѣрахъ на лѣвомъ берегу р. Вислы, не имѣя конечной цѣли произвести вторженіе въ Германію». И далѣе — «слѣдовательно, хотя съ общей точки зрѣнія и нежелательно развивать операцію на правомъ берегу р. Вислы, но придется задаться скромною частною цѣлью, лишь бы не оставаться въ бездѣйствіи; придется поставить задачу — нанесенія частнаго пораженія противнику и угрозы вторженія въ тѣ области, которыя онъ такъ ревниво охраняетъ и такъ заботливо подготовилъ къ упорной оборонѣ».

Развивая въ дальнѣйшей части того же письма свои взгляды на различныя операционныя направленія, ведущія въ Восточную Пруссію, генералъ Алексѣевъ, въ результатѣ своихъ разсужденій, приходитъ къ выводу, что наилучшимъ способомъ дѣйствій на этомъ театрѣ являлось бы — «короткимъ, но рѣшительнымъ ударомъ, наносимымъ достаточными силами, разбить нѣмецевъ, отбросить ихъ на Инстербургъ — Летценъ, не имѣя, однако, въ виду дальнѣйшаго углубленія въ предѣлы Восточной Пруссіи, приближенія къ Кенигсбергу и борьбы за Мазурскія озера. Захватъ района, при содѣйствіи 12-й арміи, отъ устья Нѣмана на Инстербургъ — Лыкъ привлечетъ сюда силы нѣмецевъ и можетъ дать случай къ нанесенію частныхъ ударовъ противнику».

Мнѣ приходится извиняться передъ читателемъ, что я задержалъ его вниманіе на приведенныхъ выпискахъ изъ подлинной переписки генерала Алексѣева со Ставкой. Но это являлось необходимымъ, чтобы отмѣтить, что и новый Главнокомандующій арміями С.-З. фронта, исходя впрочемъ изъ другихъ основаній, подошелъ, въ концѣ концовъ, все къ тому же выводу о цѣлесообразности нашихъ дѣйствій въ сторону Восточной Пруссіи. Разница, и надо сказать — существенная, лишь въ томъ, что генералъ Алексѣевъ, имѣя въ виду невозможность развитія нами широкаго наступленія на лѣвомъ берегу р. Вислы, хотѣлъ наступленіемъ въ сторону Восточной Пруссіи заполнить свободное время («чтобы не остаться въ бездѣйствіи» — какъ сказано въ цитированномъ уже письмѣ), причемъ основывалъ свои расчеты на слишкомъ проблематичной возможности появленія случая для нанесенія частныхъ ударовъ противнику; предположенія же Управленія Генералъ-Квартирмейстера Ставки предусматривали болѣе широкую, но за то и болѣе опредѣленную задачу — овладѣнія Восточной Пруссіей. Задача эта, какъ уже неоднократно отмѣчалось, расцѣнивалась оперативнымъ органомъ Ставки, какъ необходимая предпосылка къ наступательному плану войны, направленному противъ Германіи, приобретающая еще большее значеніе при вынужденномъ переходѣ къ оборонительному образу дѣйствій, пока еще не вылившемуся въ форму позиціонной войны, съ флангами, прочно упертыми въ море, или въ нейтральную границу.

И еще разница во взглядахъ заключалась въ томъ, что генералъ Алексѣевъ склоненъ былъ видѣть основную причину невозможности развитія нашего на-

ступления на лѣвомъ берегу р. Вислы въ отвлеченіи значительныхъ силъ на Карпаты; по мнѣнію же оперативнаго органа Ставки эта причина являлась, хотя и очень существенной, но далеко не исчерпывавшей вопросъ. Надъ нею доминировали: слабая маневренность нашихъ войскъ, угрожающій неком-плектъ, доходившій, какъ мы уже видѣли, на С.-З. фронтъ въ среднемъ до 5—6 т. на дивизию (были полки, имѣвшіе едва 1000 штыковъ), и едва ли много меньшій въ частяхъ Ю.-З. фронта, а также крайне ограниченный притокъ ог-нестрѣльныхъ припасовъ, при каковомъ состояніи арміи едва ли вообще пред-ставлялось возможнымъ задаваться сколько-нибудь широкими цѣлями.

Соображенія генерала Алексѣева не поколебали, однако, рѣшенія Верховнаго Главнокомандующаго. Письмомъ отъ 27-го апрѣля генералъ Янушке-вичъ сообщилъ Главнокомандующему С.-З. фронтомъ, что новая директива Верховнаго Главнокомандующаго не подлежитъ измѣненію, «особенно въ виду только что выяснивагося подписанія союзнаго договора съ нами и нашими союзниками Италией». Вмеѣстѣ съ тѣмъ, и идея короткаго удара въ предѣлы Восточной Пруссіи была отвергнута, какъ не имѣвшая опредѣленной страте-гической основы.

Такимъ образомъ, С.-З. фронту предукзывалось строго оборонительное по-ложенье; его войска должны были служить источникомъ для усиленія армій генерала Иванова, стремившагося открыть себѣ пути въ Венгрію черезъ Карпаты.

ГЛАВА XV.

Черезъ Карпаты въ Венгрію. — Дарданельская экспедиція и военно-политическое положенье на юго-востокъ Европы весной 1915-го года. — Присоединеніе къ державамъ согласія Италиі

Читатель, изъ предыдущаго изложенія, уже знаетъ, что мысль о форсиро-ваніи Карпатъ родилась на Ю.-З. фронтѣ; что къ ея осуществленію детально подготовлялись на этомъ фронтѣ съ конца декабря, и что предстоявшимъ дѣй-ствіямъ придавался первоначально характеръ частной задачи — занятія болѣе выгоднаго положенія, «не растягивая при этомъ общаго стратегическаго фрон-та». — Главная задача въ предстоявшихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ прихо-дилась на долю 8-й арміи (генерала Брусилова); эта армія должна была за-нять линію Эперьешъ — Кашау — Чапъ. Соотвѣтственно сему, сосѣдняя съ нею справа 3-я армія (генерала Радко Дмитриева), въ цѣляхъ связи и содѣй-ствія указанному наступленію, должна была значительно растянуться къ югу. Ввиду полученныхъ заданийъ, обѣ названныя арміи подлежали усиленію за счетъ остальныхъ армій Ю.-З. фронта.

Приготовленія къ форсированію Карпатъ не укрылись отъ вниманія на-шихъ противниковъ и серьезно ихъ встревожили. Германское Верховное Ко-мандованіе увидѣло въ этихъ подготовленіяхъ угрозу Венгріи и нашло для себя необходимымъ придти австрійцамъ на помощь. Оно приступило, какъ мы

уже знаемъ, къ слѣдующему сосредоточенію своей вновь сформированной, за счетъ войскъ лѣваго берега р. Вислы, «Южной» арміи на Мункачскомъ направленіи, съ очевидною цѣлью наступленія по путямъ на Стрый, что могло создать серьезную угрозу всему нашему положенію въ Галичинѣ. Попутно, усиливали свой фронтъ и австрійцы, подтягивая къ себѣ на Карпаты все, что только имѣлось въ ихъ распоряженіи. Какъ мы уже знаемъ, они готовились къ контръ-наступленію.

Въ такихъ условіяхъ, особо сложнымъ являлось наше положеніе на южномъ участкѣ Галичскаго фронта, на которомъ отъ Ужока до Румынской границы мы имѣли всего лишь нѣсколько пѣхотныхъ дивизій, по преимуществу второочередныхъ (VII-й и вновь сформированный XXX-й корпуса), поддержанныхъ конницей. Такъ какъ пассивная оборона въ горной странѣ является всегда образомъ дѣйствій мало благодарнымъ, то очерченная обстановка и вынудила 26-го января Ставку, хотя и съ трудомъ, согласиться на усиленіе войскъ Ю.-З. фронта XII-мъ корпусомъ, направленнымъ на наиболѣе угрожавшее направление Стрый — Мункачъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ставкой отданы были распоряженія о переброскѣ всѣхъ горныхъ батарей, имѣвшихся въ арміяхъ, на Карпаты; эта мѣра должна была значительно усилить наше положеніе на указанномъ фронтѣ, имѣвшемъ горный и лѣсной характеръ, мало-удобный для дѣйствій артиллеріи другихъ типовъ. Къ тому же, наша горная артиллерія, прекрасная въ баллистическомъ отношеніи, сохранила въ значительной степени свой запасъ боевыхъ припасовъ.

Наступленіе австрійцевъ и германцевъ на Карпатскомъ фронтѣ опредѣлилось въ полной мѣрѣ въ промежутокъ времени между 20-мъ и 24-мъ января. Это наступленіе обнаружилось на направленіяхъ отъ Бартфельда, Мезо-Лаборча, Мункача и въ районѣ Кирлибаба. Въ послѣднемъ районѣ нашъ слабый отрядъ принужденъ былъ начать отходъ на Селетинъ.

Съ цѣлью увеличенія шансовъ на успѣхъ, наши противники, съ нѣкоторыхъ поръ, стали распространять въ обширныхъ размѣрахъ среди нашихъ войскъ и населенія района военныхъ дѣйствій разнаго рода воззванія и обращенія, призывавшія къ прекращенію борьбы и къ миру. Пріемъ разложенія противной стороны, путемъ лицемѣрной пропаганды, видимо начиналъ пріобрѣтать у нихъ все большія права гражданства. Въ данный періодъ времени, съ особымъ рвеніемъ, его стали примѣнять австрійцы, не гнушавшіеся распространять среди нашихъ войскъ прокламаціи, якобы исходящія отъ имени Государя Императора, мирнымъ начинаніямъ коего, якобы, ставятся преграды. Хотя эта подпольная пропаганда не могла имѣть у насъ въ то время сколько нибудь замѣтнаго успѣха, тѣмъ не менѣе Великій Князь призналъ необходимымъ заклеить провокаціонную дѣятельность неприяТЕЛЬСКИХЪ агентовъ особымъ приказомъ по арміи. — Впослѣдствіи подобнаго рода воззванія стали пересылаться въ Россію черезъ нейтральныя страны, подъ видомъ пачекъ съ фотографической бумагой, шоколадныхъ плитокъ и т. п.

Дѣйствія непріятеля, предупредившаго насъ своимъ наступленіемъ, не оказали, однако, вліянія на предположенія Главнокомандующаго арміями Ю.-З. фронта. Генераль Ивановъ счелъ лишь необходимымъ, для объединенія мѣръ по отраженію развивавшагося непріятельскаго удара и организациі собственной контръ-атаки, подчинить генералу Брусилову всѣ войска, развернутыя на Карпатскомъ фронтѣ до Румынской границы (корпуса XXIV, XXII, VIII, VII и XXX). Наступленіе трехъ правофланговыхъ корпусовъ этой арміи началось 25—26-го января. Оно разивалось крайне медленно и только въ первыхъ числахъ февраля эти корпуса, преодолевая разнаго рода трудности, подошли къ Бартфельду и овладѣли участкомъ фронта Зборо — Мезо Лаборчъ. Юго-восточнѣе, на всѣхъ остальныхъ направленіяхъ, на которыхъ, согласно данныхъ Ю.-З. фронта, было обнаружено около 13—15-ти австро-германскихъ дивизій, намъ приходилось держаться оборонительно: у Лутовиско — конному корпусу генерала Хана Нахичеванскаго и на Мункачскомъ направленіи, въ районѣ Козювки, — второочередной дивизіи генерала Альфтана, постепенно подкрѣплявшейся частями XXII-го корпуса; части же XXX-го корпуса, дѣйствовавшія въ Буковинѣ, принуждены были, подъ давленіемъ непріятеля, наступавшаго со стороны Кирлибаба и Дорны-Ватры, отходить на Сереть.

Прибытіе на Ю.-З. фронтъ XXII-го корпуса не остановило Главнокомандующаго Ю.-З. фронтомъ въ его стремленіи получить дальнѣйшія подкрѣпленія, и онъ предпринялъ въ Ставкѣ въ этомъ смыслѣ рядъ новыхъ шаговъ; при этомъ, генераль Ивановъ счелъ необходимымъ отмѣтить, что передъ нимъ, въ случаѣ отказа, можетъ предстать даже необходимость отвести войска съ Карпатъ обратно къ сѣверу, «но тѣ геройскія усилія и большія жертвы, которыми куплено завоеванное пространство, — добавлялъ генераль Ивановъ, — не позволяютъ принять это рѣшеніе, безъ риска окончательно подорвать вѣру войскъ въ своихъ начальниковъ». — Словомъ, повторялся старый, вѣроятно всѣмъ извѣстный, анекдотъ, какъ изъ топора варилась каша.

Верховный Главнокомандующій, хотя и склонявшійся уже въ это время къ мысли о необходимости дальнѣйшаго усиленія войскъ Ю.-З. фронта, чтобы вывести ихъ изъ труднаго положенія, тѣмъ не менѣе, съ наступленіемъ серьезныхъ затрудненій на С.-З. фронтѣ, которыя создались въ результатѣ наступленія германцевъ изъ Восточной Пруссіи, отдалъ предпочтеніе мѣрамъ по упроченію положенія на этомъ послѣднемъ фронтѣ. Въ убѣжденіи, что ударъ изъ Восточной Пруссіи въ тылъ нашимъ войскамъ С.-З. фронта грозитъ болѣе серьезными послѣдствіями, чѣмъ успѣхи германо-австрійцевъ въ Галичинѣ, Великій Князь согласился направить на С.-З. фронтъ почти обѣщанный генералу Иванову XV-й корпусъ.

Рѣшеніе о направленіи XV-го корпуса на С.-З. фронтъ было сообщено генералу Иванову, какъ мы уже знаемъ, телеграммой Верховнаго Главнокомандующаго отъ 10-го февраля; въ этой же телеграммѣ сообщалось о необходимости закрѣпить положеніе на Ю.-З. фронтѣ собственными средствами.

Ввиду такихъ указаній Великаго Князя, Главнокомандующій арміями

Ю.-З. фронта призналъ возможнымъ перебросить въ Галичину часть войскъ съ лѣваго берега р. Вислы, а именно XVII-й корпусъ и 2-ю стрѣлк. бригаду. Рѣшивъ ограничиться обороной на всемъ фронтѣ, генераль Ивановъ, тѣмъ не менѣе, счелъ возможнымъ продолжать атаки 8-ой арміи на участкѣ Бартфельдъ—Ужокъ, преслѣдуя задачу — «сбить непріятеля и сбросить его войска на югъ отъ Карпатъ». Соотвѣтственно этому, лѣвый флангъ 3-ей арміи, для обезпеченія праваго фланга 8-ой арміи, долженъ былъ наносить противнику удары въ направленіи Нового Сандеца и Альтъ Люблау. Такимъ образомъ стратегическія задачи на Ю.-З. фронтѣ сокращены не были.

Съ большими трудностями и жертвами наши геройскія войска 8-ой арміи продолжали лобовыя атаки на указанномъ имъ наступательномъ участкѣ, достигая, однако, попрежнему лишь мѣстныхъ результатовъ. На Мункачскомъ направленіи — яростныя атаки нѣмцевъ доблестно отбивались контръ-атаками нашихъ финляндскихъ стрѣлковъ; положеніе же на лѣвомъ флангѣ становилось все хуже, и части нашего XXX-го корпуса принуждены были отходить къ Днѣстру и Пруту.

Наконецъ нѣсколько словъ о положеніи подъ Перемышлемъ. — Гарнизонъ этой крѣпости, повидимому освѣдомленный о начавшемся наступленіи австро-германцевъ на Карпатахъ, сталъ болѣе активно проявлять свою дѣятельность; однако, части нашей 11-ой арміи успѣшно противодѣйствовали этому и постепенно сжимали кольцо обложенія.

Заминка въ достиженіи правофланговыми корпусами Карпатскаго участка фронта поставленной имъ задачи и тяжелое положеніе, создавшееся на лѣвомъ флангѣ того же участка, вынудили генерала Иванова, въ серединѣ февраля, вновь возобновить свои ходатайства передъ Великимъ Княземъ объ усиленіи войскъ Ю.-З. фронта за счетъ арміи генерала Рузскаго; такимъ путемъ Верховное Главнокомандованіе все болѣе и болѣе втягивалось въ дѣло, лично задуманное Главнокомандованіемъ Ю.-З. фронтомъ и вначалѣ имъ проводившееся подъ видомъ частной операціи. Однако, и на сей разъ, Верховный Главнокомандующій не счелъ возможнымъ пойти на встрѣчу генералу Иванову. Напротивъ того, обстановка на С.-З. фронтѣ продолжала требовать спѣшной подачи войскъ на этотъ послѣдній фронтъ, и мы уже знаемъ, что съ лѣваго берега р. Вислы былъ взятъ III-й Кав. корпусъ, который первоначально намѣчалось направить въ Ораны, для предупрежденія возможности появленія германскихъ войскъ на правомъ берегу р. Нѣмана. Главнокомандующему же арміи Ю.-З. фронта рекомендовалось произвести необходимое усиленіе войскъ на угрожаемыхъ направленіяхъ его фронта, путемъ послѣдовательной рокировки войскъ съ лѣваго берега р. Вислы на правый.

Передъ генераломъ Ивановымъ выяснилась, такимъ образомъ, неизбежность коренной перегруппировки войскъ въ предѣлахъ своего собственнаго фронта; онъ и рѣшилъ къ ней приступить. На лѣвомъ берегу р. Вислы, къ югу отъ Пилипы, должны были оставаться корпуса XIV, XVI, Грен., XXV и

XXXI¹⁾), которые переходили въ подчиненіе Командующему 4-ой арміей генералу Эверту; Командующій же 9-ой арміей генераль Лейтчикъ долженъ былъ объединить тѣ части, кои подлежали сбору на лѣвомъ флангѣ Карпатскаго фронта. Въ составъ этой новой арміи первоначально были намѣчены: XI-й, XVII-й, XVIII-й, XXX-й и II-й кавал. корпуса (всего 8½ пѣх. и 5 кон. дивизій); армія эта должна была развернуться примѣрно отъ Болехова до Румынской границы, имѣя своею задачею атаку противника, наступавшаго по направленію отъ Мармарошъ — Сигета на Надворную и повидимому стремившагося прорваться къ Дибѣстру. Что касается соеѣдней съ нею 8-ой арміи, то, изъ ея состава, два корпуса (XXIV-й и XII-й) передавались, для удобства управления, въ 3-ю армію, и обѣ эти арміи должны были продолжать атаки въ направленіи на Варанно и Гуменное, одновременно сковывая лѣвофланговыми корпусами 8-ой арміи противника, дѣйствовавшаго отъ Ужгорода, Мункача и Хуста.

Такимъ образомъ, отказъ Верховнаго Главнокомандующаго въ немедленномъ усиленіи войскъ Ю.-З. фронта не уменьшилъ и на сей разъ настойчивости генерала Иванова въ достиженіи цѣли, поставленной имъ передъ собою.

Намѣченная перегруппировка должна была закончиться въ послѣднихъ числахъ февраля. Находя, однако, силы 9-ой арміи недостаточными, тѣмъ болѣе что XVII-й корпусъ фактически не вошелъ въ составъ 9-ой арміи и вполнѣдствіи вошелъ въ 8-ую армію, генераль Ивановъ представилъ 2-го марта Верховному Главнокомандующему записку съ ходатайствомъ «вернуть» ему III-й кав. корпусъ и направить его немедленно въ районъ Галичь — Журавню.

Просьба эта мотивировалась значительностью силъ, собранныхъ непріятелемъ на Станиславскомъ направленіи, «для выполненія глубокаго обхода нашего лѣваго крыла».

«Я чуждъ выдвигенія на первый планъ дѣль порученнаго мнѣ фронта, — писалъ генераль Ивановъ, — но я, въ докладѣ своемъ, исхожу только изъ оцѣнки общаго положенія. По моему разумѣнію, обстановка требуетъ: 1) сохранения за нами лѣваго берега Вислы; 2) удержанія противника на сѣверномъ фронтѣ; 3) нанесенія рѣшительнаго удара противнику на югѣ».

Верховный Главнокомандующій, внимательно ознакомившись съ этой запиской, призналъ необходимымъ усилить генерала Иванова при первой возможности, какъ только выправится положеніе на С.-З. фронтѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, Великій Князь предпринялъ направленіе XXXIII-го корпуса, формировавшагося изъ частей Заамурскаго округа пограничной стражи, въ составъ Ю.-З. фронта, для включенія его въ 9-ую армію. Къ этимъ рѣшеніямъ Великій Князь пришелъ въ то время по соображеніямъ не только военнаго, но главнымъ образомъ политическаго порядка. Положеніе на Балканахъ стало складываться такъ, что могла явиться надежда на открытіе проливовъ. Данное обстоятельство, въ свою очередь, должно было повліять на настроенія колебавшихся нейтральныхъ государствъ, съ коними вновь завязались усиленные переговоры Державъ Согласія. Очевидно, что дипломатическіе

¹⁾ Сформированный изъ двухъ второочередныхъ дивизій.

переговоры съ этими государствами были бы значительно облегчены, если бы намъ удалось добиться рѣшительнаго успѣха на Австро-Венгерскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Кромѣ того, такой успѣхъ могъ поддержать моральное настроеніе въ Сербіи и, напротивъ того, подавляюще подѣйствовать на Турцію, которая получала все необходимое ей для веденія войны черезъ Австро-Венгрію.

Политика, такимъ образомъ, существенно влеталась въ область стратегіи; она стала давить на рѣшенія послѣдней.

Почти весь мартъ мѣсяць прошелъ въ жестокихъ непрерывныхъ бояхъ встрѣчнаго характера, развернувшихся на лѣвомъ флангѣ 3-й и всемъ фронтѣ 8-й армій. Наши войска дрались съ необыкновеннымъ мужествомъ, на близкихъ разстояніяхъ, нерѣдко переходя въ рукопашную. Бои въ районахъ Смольника, Лукова, Козювки и другихъ пунктовъ отмѣнены высокими подвигами нашихъ частей. Но наши противники не только оборонялись. Не жалѣя людей, ежедневно теряя ихъ тысячами, они, по поясъ въ снѣгу, стремительно рвали нашъ фронтъ. Особо упорный нажимъ непріятеля шелъ на нашъ VIII-й корпусъ, противъ котораго были обнаружены и германскія части. Повидному послѣднія вкрапливались повсюду въ австрійскій фронтъ, для приданія ему устойчивости. Несмотря на порывъ нашихъ войскъ, намъ, въ общемъ, удавалось лишь ликвидировать наступательныя попытки непріятеля, видимо клонившіяся къ тому, чтобы деблокировать Перемышль. Болѣе рѣшительныхъ результатовъ, которые, въ конечномъ итогѣ, могли бы расшатать весь австро-германскій фронтъ на Карпатахъ, нами достигнуто не было: войскамъ были поставлены слишкомъ трудныя задачи по форсированію въ лобъ, въ зимнее время, безчисленныхъ горныхъ переваловъ.

Что касается 9-й арміи, то намѣчавшееся нами въ ея районѣ наступленіе задерживалось разнаго рода обстоятельствами. Австрійцы продолжали держать въ своихъ рукахъ Надворную, Делатынь и Коломыю.

22-го марта, послѣ шестимѣсячной блокады, палъ, наконецъ, Перемышль. Послѣдніе дни передъ сдачей осажденнымъ непріятелемъ производилась очевидный разстрѣлъ всѣхъ крѣпостныхъ артиллерійскихъ запасовъ. Снаряды ежедневно бросались въ наше расположеніе тысячами. Затѣмъ, за три дня до паденія крѣпости, гарнизономъ ея была организована рѣшительная вылазка. Войска были снабжены довольствіемъ на нѣсколько дней, что свидѣтельствовало о намѣреніи ихъ пробиться на встрѣчу своимъ. Однако, вылазка была отражена войсками нашей 11-ой арміи. Въ день сдачи крѣпости, австрійцы, на разсвѣтѣ, стали взрывать форты; когда же наши войска перешли въ наступленіе, — надъ крѣпостью взвился бѣлый флагъ.

Ко дню сдачи крѣпости, гарнизонъ ея, взятый нами въ плѣнъ, числилъ въ своихъ рядахъ 9 генераловъ (комендантъ — генералъ Куеманекъ), 2500 офицеровъ и около 120 т. нижнихъ чиновъ. Ядро гарнизона составляла 23-я гонведная дивизія. — Вмѣстѣ съ гарнизономъ, въ наши руки перешло свыше 900 орудій.

Въ крѣпости повидимому существовало и поддерживалось комендантомъ глубокое убѣжденіе въ томъ, что она будетъ освобождена австро-германскимъ наступленіемъ. — Только наличіемъ такого настроенія и можетъ быть объясненъ фактъ разработки въ крѣпости, въ періодъ ея блокады, проекта памятника, долженствовавшаго увѣковѣчить воспомнанія о ея защитѣ. Отлитыя модели барельефовъ къ этому памятнику были доставлены, послѣ паденія крѣпости, къ намъ, въ Ставку.

Паденіе Перемышля, стратегическая цѣнность котораго на Ю.-З. фронтѣ вообще говоря, преувеличивалась, имѣло въ сущности то значеніе, что имъ освобождалась, для дѣйствія на фронтѣ, 11-ая армія, въ составѣ двухъ корпусовъ, которые и вошли: XXVІІІ-й корпусъ въ составѣ 8-й и XXІХ-й въ составѣ 3-й армій.

Новое усиленіе войскъ на Галичскомъ фронтѣ дало основаніе Главнокомандующему расширить задачи этого фронта еще болѣе. Директивой, отданной почти немедленно вслѣдъ за овладѣніемъ Перемышлемъ, генераль Ивановъ указывалъ, что 3-я и 8-я арміи, прорвавъ центръ непріятельскаго расположенія, должны выйти на линію Варанно — Чапъ — Ужгородъ — Турка, т. е., по существу, врѣзаться клиномъ въ австро-германскій фронтъ, для возможности развитія въ дальнѣйшемъ корпусами 8-ой арміи удара на Сатмаръ Немети — Хустъ, т. е. во флангъ и тылъ группъ непріятельскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ 9-ой арміи. Что касается послѣдней, то таковая армія должна была удерживать замѣтно усилившагося передъ нею противника съ фронта и стремиться къ упроченію своего положенія на лѣвомъ флангѣ, для послѣдующаго удара со стороны Залещиковъ.

Такимъ образомъ, по существу, новый вариантъ плана прорыва въ Венгрію сводился къ тому, чтобы сжать съ обоихъ фланговъ непріятельскія войска, наступавшія на направленіяхъ отъ Мункача и Мармарошъ Сигета къ Стрию и Станиславу. Вариантъ этотъ, однако, лишь въ слабой степени отражалъ идею, указанную Верховнымъ Главнокомандующимъ въ письмѣ генерала Янушкевича къ генералу Иванову отъ 19-го марта: «дѣйствовать активно, нжимая съ лѣваго фланга Ю.-З. фронта». Нажимъ съ этого фланга хотя и намѣчался, но несомнѣнно, что главный ударъ противнику генераль Ивановъ имѣлъ ввиду наносить на фронтъ Уйгель — Чапъ.

Рекомендуя изложенный выше способъ дѣйствій со стороны лѣваго фланга, Верховное Главнокомандованіе имѣло ввиду, что, движеніемъ нашихъ войскъ отъ Буковины, ставились подъ угрозу съ праваго фланга всѣ непріятельскія войска, оборонявшія горные проходы черезъ Карпаты къ сѣверо-западу отъ указанной области. Продвигая впередъ лѣвый флангъ, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, могли рассчитывать сгладить невыгодное очертаніе нашего общаго стратегическаго фронта, характеризовавшагося, какъ уже не разъ отмѣчалось, далеко поданными назадъ крыльями; на первое же время — могло быть достигнуто даже нѣкоторое сокращеніе этого фронта. Съ другой стороны, австріяцы, по имѣвшимся у насъ свѣдѣніямъ, имѣли въ то время на своемъ правомъ

флангъ еще ограниченныя силы, поддержка коихъ затруднялась бѣднымъ развитіемъ и недостаточною пропускною способностью ихъ желѣзно-дорожной сѣти въ данномъ районѣ. Слабость непріятельскихъ силъ должна была облегчить наше наступленіе, все же трудное по мѣстнымъ условіямъ.

Въ противовѣсъ этимъ соображеніямъ, Главнокомандованіе арміями Ю.-З. фронта настойчиво выдвигало и осуществляло планъ прорыва нашихъ войскъ въ Венгерскую равнину со стороны Восточныхъ Бескидь. Въ основаніи этого плана несомнѣнно должна была лежать крайне низкая оцѣнка состоянія австро-венгерской арміи, каковая армія повидимому признавалась штабомъ Ю.-З. фронта неспособной противостоять всякому на нее натиску. Ударъ намѣчался по кратчайшимъ направленіямъ къ пунктамъ, составлявшимъ сердце Венгрии; онъ долженъ былъ расколотъ на составныя части всю Австро-Венгерскую монархію и сдѣлать нашей добычей всѣ войска, оборонявшія горныя хребты юго-восточнаго Лупковскаго и Ужокскаго переваловъ. Несомнѣнно, что планъ этотъ отличался смѣлостью замысла и грандіозностью тѣхъ результатовъ, кои достигались имъ, при условіи успѣха. Но въ немъ были и опасныя стороны, значительно умалывшія его достоинства. Несоответствіе съ силами и средствами, трудность лобовыхъ ударовъ, новая растяжка фронта и необезпеченность операциі со стороны праваго фланга, подвергавшагося возможности контръ-удара непріятеля съ запада, — таковы были главнѣйшія соображенія, говорившія не въ его пользу.

Весьма рискованно высказываться вообще о преимуществахъ того или другаго плана, особенно на разстояніи времени. Послѣднее сглаживаетъ неумовимыя детали обстановки, которая въ военномъ дѣлѣ превалируетъ надъ всѣми другими соображеніями теоретическаго порядка. Къ тому же, всякій неудавшійся планъ значительно облегчаетъ его критику. И съ этой точки зрѣнія планъ генерала Иванова легко уязвимъ. Но, съ другой стороны, надо имѣть ввиду и трудность доказательства того положенія, что Вашъ планъ, читатель, противопологаемый принятому, не былъ бы въ дѣйствительности обреченъ на такую же, или еще худшую неудачу. — Будемъ поэтому осторожны въ своихъ сужденіяхъ. Несомнѣнно, однако, что, для успѣха дѣла, исполнителемъ плана долженъ быть его составитель. По существу, всякій планъ есть результатъ субъективнаго творчества и потому не можетъ быть, безъ вреда дѣлу, навязываемъ, для исполненія, другому лицу. Поэтому и въ данномъ случаѣ, при наличіи разномыслія, со стороны Верховнаго Главнокомандующаго возможны были лишь два рѣшенія: предоставленіе полной свободы дѣйствій Главнокомандующему Ю.-З. фронтомъ, или же личное руководство операциями на Галичскомъ фронтѣ, съ непосредственнымъ подчиненіемъ Верховному Главнокомандованію армій этого послѣдняго фронта. Такъ какъ, по смыслу дѣйствовавшаго положенія о пол. упр. войскъ въ военное время, Главнокомандующій арміями фронта долженъ былъ оставаться свободнымъ въ выборѣ способовъ и средствъ для исполненія поставленной ему стратегической задачи и такъ какъ изложенное выше разномысліе касалось не столько существа, сколь-

ко способа осуществленія данной Ю.-З. фронту общей задачи, то этими соображеніями и опредѣлилось окончательное отношеніе Верховнаго Главнокомандующаго къ плану, намѣченному генераломъ Ивановымъ.

Но здѣсь снова умѣстно подчеркнуть невыгодную сторону организаціи нашей Дѣйствующей Арміи, подраздѣлявшейся на два слишкомъ крупныхъ и по этому самостоятельныхъ фронта. Наличие нѣсколькихъ войсковыхъ группъ, непосредственно подчиненныхъ главному руководителю войсками, конечно, сокращало бы масштабъ задачи каждой изъ этихъ группъ и тѣмъ увеличивало бы вліяніе Верховнаго Главнокомандующаго на ходъ военныхъ операцій, выгодно централизуя въ его рукахъ веденіе войны. Но осуществленіе новой схемы управленія, во время самой войны, встрѣтило-бы чрезвычайныя препятствія, о коихъ я уже упоминалъ въ одной изъ предшествовавшихъ главъ.

Генераль Ивановъ былъ человекомъ, который не легко отказывался отъ разъ принятаго рѣшенія. Крайне рѣдко и всегда неопредѣленно высказывавшійся, медленно усваивавшій всякую стратегическую мысль, онъ, однако, молчаливо и искусно преодолевая всѣ попутныя препятствія, съ слѣпымъ упорствомъ шелъ къ разъ поставленной себѣ цѣли. — Была ли основная мысль прорыва черезъ Восточные Бескиды собственной мыслью генерала Иванова — на этотъ вопросъ мнѣ никогда не удавалось дать себѣ опредѣленный отвѣтъ. Ни генераль Ивановъ, ни его ближайшій сотрудникъ того времени генераль Алексѣевъ, никогда не высказывались по этому поводу. Но, для исторіи, полезно отмѣтить, что основная идея прорыва проводилась на Ю.-З. фронтѣ съ одинаковой настойчивостью какъ при генералѣ Алексѣевѣ, такъ и послѣ отъѣзда его на С.-З. фронтъ. Лишь много времени спустя, при нашемъ послѣднемъ свиданіи во Псковѣ, зимою 1916—17-го г. Н. І. Ивановъ высказалъ мнѣ, что Карпатская операція, долженствовавшая свести всю австрійскую армію къ нулю, была ему представлена подъ видомъ «готовой зажаренной птицы»,¹⁾ которую надлежало только переложить на тарелку, чтобы удобнѣе проглотить. Затѣмъ онъ добавилъ, что весь этотъ періодъ войны найдетъ себѣ правдивое отраженіе въ тѣхъ документахъ, которые находятся въ его распоряженіи. Будетъ конечно большой потерей, если окажется, что оба названные лица — генералы Ивановъ и Алексѣевъ, занимавшіе въ нашей арміи высокое и почетное положеніе и нынѣ ушедшіе въ могилу, унесли съ собою тайну и подробности зачатія и рожденія этой операціи, оказавшейся для Россіи очень тяжелой по послѣдствіямъ.

Во исполненіе директивы, отданной въ концѣ марта Главнокомандующимъ арміями Ю.-З. фронта генераломъ Ивановымъ, 3-я и 8-я арміи продолжали наступленіе и, послѣ сверхчеловѣческихъ усилій, лѣвофланговые корпуса 3-й арміи (XXIV-й, XII-й и XXIX-й) въ десятыхъ числахъ апрѣля овладѣли главнымъ Бескидскимъ хребтомъ. Примѣрно къ этому же времени и корпуса 8-ой арміи стали спускаться съ главнаго хребта. Продвинувшись отъ своего

¹⁾ Подлинное выраженіе генерала Иванова.

первоначального направленія примѣрно на одинъ переходъ, они стали выходить на фронтъ Смольникъ — Комарникъ. Успѣхи эти, при всей ихъ значительности, были конечно все же очень далеки отъ тѣхъ перспективъ, кои рисовались генералу Иванову. Непріятель оказывалъ намъ упорное сопротивленіе, причемъ на Мезо-Лаборчскомъ направленіи были обнаружены германскія части, переброшенные сюда не только съ р. Пиллицы, но и съ западнаго фронта. — На лѣвомъ флангѣ 8-ой арміи, въ районѣ XXII-го корпуса, продолжалась упорная борьба за высоты у Козювки. Борьба эта затянулась до конца апрѣля, но закончилась переходомъ этихъ высотъ въ руки нѣмцевъ.

Что касается района 9-ой арміи, то правофланговые корпуса этой арміи (XI-й и XVIII-й) успѣли продвинуться нѣсколько впередъ и занять фронтъ отъ Вышкова на Грабовецъ и Ворону. На лѣвомъ же флангѣ этой арміи, нѣсколько выше Залещиковъ, австрійцамъ удалось одно время переправиться даже черезъ р. Дибъстръ, а на Новоселицкомъ направленіи — оттѣснить наши войска къ границѣ. Однако, блестящими атаками нашихъ конныхъ дивизій II-го и III-го кав. корпусовъ, австрійцамъ было нанесено жестокое пораженіе, послѣ котораго они отошли назадъ и укрылись за своими укрѣпленными линіями.

Любопытно, попутно, отмѣтить, что въ составъ II-го кав. корпуса входила Кавказская туземная конная дивизія, которая, въ обиходѣ, получила названіе «Дикой» дивизіи. Дивизія эта состояла изъ шести полковъ, соотвѣтствовавшихъ шести главнымъ туземнымъ племенамъ Кавказа, не несшимъ воинской повинности; такимъ образомъ, полки комплектовались исключительно добровольцами, причемъ были случаи поступления на службу въ одинъ и тотъ же полкъ мужского поколѣнія разныхъ возрастовъ, цѣлыхъ семей.

Офицерскій составъ въ полкахъ этой дивизіи былъ смѣшанный: на половину изъ русскихъ офицеровъ, на половину изъ туземныхъ.

Дивизіей командовалъ братъ Государя Великій Князь Михаилъ Александровичъ. Начальникомъ Штаба его былъ — полковникъ Юзефовичъ.

Кавказская туземная конная дивизія входила въ составъ II-го кав. корпуса генерала Хана-Нахичеванскаго вмѣстѣ съ 12-ой кав. дивизіей. — Въ 1916-мъ году въ командованіе названнымъ корпусомъ вступилъ Великій Князь Михаилъ Александровичъ.

Наши отмѣченные выше успѣхи въ районѣ 9-ой арміи не получили, однако, дальнѣйшаго развитія. Лѣвый флангъ этой арміи долженъ былъ предварительно усилиться двумя новыми корпусами: XXXIII-мъ, ядро котораго должны были составить части Заамурскаго округа пограничной стражи, и XXXII-мъ корпусомъ, составленнымъ изъ ополченскихъ частей.

Ополченскія части стали вообще постепенно вступать въ строй, какъ боевыя части. На С.-З. фронтѣ онѣ включались преимущественно въ гарнизоны крѣпостей; на Ю.-З. же фронтѣ онѣ приняли участіе въ обложеніи Перемышля, а затѣмъ — стали выдвигаться и въ боевыя линіи. Постепенно изъ нихъ формировались дивизіи нормальнаго состава.

Спротивленіе противника, все болѣе насыщавшагося германскими войсками, перебрасывавшимися на Карпаты, какъ мы видѣли, не только съ лѣваго берега р. Вислы, но и съ ихъ западнаго фронта; громадныя потери и утомленіе нашихъ войскъ; снѣгъ въ горахъ и распутица въ долинахъ, — все это до крайности замедляло развитіе нашего наступленія. Уже въ началѣ апрѣля становилось болѣе или менѣе яснымъ, что это наступленіе въ сущности захлебнулось, и что задача вторженія въ Венгрію должна быть признана неосуществившеюся. — «При такихъ обстоятельствахъ, — писалъ 10-го апрѣля генераль Ивановъ, повидимому уже отдавшій себѣ отчетъ въ положеніи дѣлъ, — представляется необходимымъ временно задержать наше продвиженіе впередъ, дабы привести войска въ порядокъ, организовать ихъ снабженіе и дождаться прибытія подкрѣпленій».

Однако теперь въ Ставкѣ, рѣшившейся перебросить на Ю.-З. фронтъ III-й Кавк. корпусъ и направить туда же, въ распоряженіе генерала Иванова, Заамурцевъ, медлили разстаться съ мечтой о появленіи нашихъ войскъ на Венгерской равнинѣ. Теперь оттуда продолжали торопить съ продолженіемъ «незаконченной операціи», какъ выражался генераль Янушкевичъ. Положеніе нашихъ войскъ, углубившихся въ Карпаты и тамъ задержавшихся, становилось, и въ самомъ дѣлѣ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе рискованнымъ. Уже съ конца марта лѣвое крыло 3-й арміи стало распространяться къ югу и тягиваться въ горы, въ результатѣ чего фронтъ этой арміи по р. Дунайцу и Бялѣ все болѣе терялъ свою прочность и устойчивость. При этихъ условіяхъ, ударъ со стороны Кракова, по правому берегу р. Вислы, могъ приобрести угрожающій характеръ по отношенію праваго фланга и даже тыла всѣхъ войскъ, дѣйствовавшихъ на Карпатскомъ фронтѣ. И, такимъ образомъ, — только скорѣйшій выходъ на Венгерскую равнину и разгромъ австро-венгерскихъ войскъ, которымъ генераль Ивановъ обнадеживалъ все время Верховное Главнокомандованіе, могли вывести наши арміи изъ той рискованной обстановки, въ которой онѣ оказались.

Свѣдѣнія о группировкѣ неприятельскихъ войскъ въ районѣ Кракова стали поступать къ намъ уже съ середины февраля, но имъ справедливо не придавалось особаго значенія, какъ не подкрѣплявшимся документальными данными. Къ этому времени между русскимъ и французскимъ генеральными штабами установился непрерывный контактъ, въ отношеніи обмена данными о неприятелѣ, и, такъ какъ учетъ германскихъ силъ велся сообща и взаимно проверялся, то крупная переброска съ одного фронта на другой едва ли могла бы укрыться отъ нашихъ развѣдывательныхъ органовъ. Однако, къ серединѣ апрѣля свѣдѣнія о сосредоточеніи новыхъ силъ неприятеля противъ насъ получили болѣе прочное обоснованіе. Ввиду этого и сомнѣваясь въ успѣхѣ нашего прорыва въ Венгрію, Генераль-Квартирмейстеръ Ставки, съ своей стороны, находилъ необходимымъ заблаговременное образованіе на обонхъ фронтахъ свободныхъ резервовъ, о чемъ и ходатайствовалъ — особой памятной запиской отъ 12-го апрѣля, «ввиду несомнѣнной подготовки германцевъ къ новой операціи».

«Возможно и даже вѣроятно, — писалъ я, — что германцы имѣютъ ввиду собрать значительныя силы на австро-венгерской территоріи, дабы не дать развиться нашему наступленію за Карпаты, несомнѣнно ихъ обезпокоившему, какъ по военнымъ, такъ и по политическимъ причинамъ. — Имѣются указанія о вѣроятности удара германцевъ на центръ 3-ей арміи, съ цѣлью выйти на правый флангъ нашихъ войскъ, перевалившихъ главный Карпатскій хребетъ, каковой ударъ можетъ общать успѣхъ, въ силу происшедшей растяжки фронта названной арміи».

Въ силу этихъ соображеній, я считалъ необходимымъ выдѣленіе въ распоряженіе Верховнаго Главнокомандующаго въ первую очередь одного корпуса изъ состава С.-З. фронта и удержаніе въ его-же рукахъ III-го Кавк. корпуса, перебрасывавшагося на Ю.-З. фронтъ къ Хырову. вмѣстѣ съ тѣмъ, Ставкой были сдѣланы соответствующія распоряженія объ укомплектованіи этого выдающагося по своей доблести корпуса до полныхъ штатовъ и снабженіи его всѣмъ недостававшимъ имуществомъ.

Съ описываемымъ періодомъ времени связана поѣздка Государя въ Галичину. — Государь Императоръ давно выражалъ желаніе посѣтить этотъ край, освобожденный русской кровью, и только сдержанное отношеніе Великаго Князя Николая Николаевича къ этой поѣздкѣ отрачивало ея осуществленіе. Несколько мнѣ извѣстно, Великій Князь опасался, что, рвеніемъ безответственныхъ лицъ, поѣздкѣ Государя можетъ быть придана ярко политическая окраска, которая являлась по тому времени безусловно несвоевременной и вредной вообще. Къ сожалѣнію, опасенія Великаго Князя оказались не беспочвенными, и за пребываніемъ Государя въ Галичинѣ не удалось сохранить характера простаго посѣщенія Верховнымъ Вождемъ своихъ войскъ, находившихся на фронтѣ. Попытки расширить значеніе Высочайшаго путешествія внесли въ пребываніе Государя въ Галичинѣ довольно ощутительный диссонансъ. Долженъ впрочемъ, оговориться, что къ этимъ попыткамъ не былъ вовсе причастенъ Генераль-губернаторъ Галичины графъ Бобринскій, повидимому раздѣлявшій осторожную точку зрѣнія Великаго Князя.

Государь, съ небольшою свитой, прибылъ въ Броды рано утромъ 22-го апрѣля. Со стороны Верховнаго Главнокомандованія Дѣйствующей Арміей Государя должны были сопровождать Верховный Главнокомандующій, Начальникъ его Штаба и Генераль-Квартирмейстеръ. Вопросъ о сопровожденіи Государя Великимъ Княземъ разрѣшенъ былъ, однако, не безъ нѣкоторыхъ ослѣженій. Былъ моментъ, когда трехъ-четыре-дневное отсутствіе Верховнаго Главнокомандующаго изъ Ставки выдвигалось, какъ невозможное. Мотивъ этотъ, по существу, былъ, конечно мало основателенъ и несомнѣнно, что, въ данномъ случаѣ, при Дворѣ руководились какими то другими соображеніями. То или другое рѣшеніе беспокоило Великаго Князя прежде всего постолько, поскольку неучастіе его въ поѣздкѣ могло способствовать болѣе отчетливому выявленію ея политическаго, а не узко-военнаго характера.

Изъ Бродъ Государь и сопровождавшія его лица, на автомобиляхъ, выѣха-

ли во Львовъ. По пути, вблизи Золочева, была сдѣлана остановка, чтобы выслушать краткій докладъ о бояхъ на Липѣ. По случайности, остановка пришлось у братской могилы павшихъ воиновъ 166 п. Ровненскаго полка, которымъ я имѣлъ честь командовать въ 1906—1908 годахъ. Во Львовѣ Государь остановился во дворцѣ Генераль-губернатора. Въ первый же день состоялся официальный приемъ, затѣмъ торжественный обѣдъ. Графъ Бобринскій былъ пожалованъ званіемъ Генераль-Адъютанта. На слѣдующее утро по желѣзной дорогѣ высокіе путешественники прибыли въ Самборъ — мѣсто расположенія штаба 8-й арміи. На вокзалѣ былъ выставленъ почетный караулъ отъ 4-й стрѣлк. «желѣзной» бригады, нарочито вызванный съ Карпатъ и произведшій своимъ блестящимъ видомъ глубокое впечатлѣніе. Передъ завтракомъ въ штабѣ 8-й арміи, Государь пожаловалъ генерала Брусилова званіемъ Генераль-Адъютанта, отбѣнивъ этимъ значеніе наступательнаго порыва его войскъ. За тѣмъ состоялась поѣздка въ Хыровъ и смотръ III-му Кавк. корпусу. — Корпусъ представился щеголевато. — Апшеронцы — даже съ красными отворотами на сапогахъ, въ память исторической атаки при Кунерсдорфѣ, въ которой они, по преданію, наступали по колѣна въ крови. Вечеромъ — прибытіе въ Перемышль, торжественный молебенъ и привѣтствія. На слѣдующій день, 24-го апрѣля, посѣщеніе нѣсколькихъ полуразрушенныхъ нашимъ огнемъ и неприятельскими взрывами фортовъ, краткій докладъ о происходившихъ подъ крѣпостью событіяхъ, обѣдъ въ прекрасномъ помѣщеніи бывшаго австрійскаго офицерскаго собранія и отъѣздъ: до Львова — на автомобиляхъ, и далѣе — по желѣзной дорогѣ обратно въ Броды. По пути—остановки для выслушиванія торжественныхъ привѣтствій. Калейдоскопъ впечатлѣній и чудная радостная весенняя погода не способствовали сосредоточенію вниманія на серьезныхъ предметахъ и на внимательномъ изученіи создававшагося положенія. Все показанное говорило за движеніе впередъ и только впередъ, безъ сомнѣній и оглядки...

Чтобы выразить Верховному Главнокомандующему свое удовлетвореніе всѣмъ видѣннымъ, Государь пожаловалъ Великому Князю Николаю Николаевичу Георгіевскую саблю, украшенную брилліантами, съ надписью: «За освобожденіе Червонной Руси».

Между тѣмъ, въ этотъ періодъ времени Германское Верховное Командованіе уже приступило къ выполненію своего новаго плана, въ корнѣ измѣнявшаго относительное значеніе союзныхъ фронтовъ. Увѣрившись въ прочности своего положенія на западномъ фронтѣ, германцы рѣшили перейти на немъ къ оборонительному образу дѣйствій и всѣ свои усилія направить на восточный фронтъ, противъ насъ. Въ пути съ запада на востокъ уже находились ихъ войска, предназначенныя для перваго удара, крупная артиллерія, необходимая для прорыва нашего фронта, безчисленные поѣзда съ боевыми припасами. Все это направлялось въ Галичину на участокъ фронта, между верхней Вислой и Бескидами. — Вскорѣ на восточный фронтъ прибыла и германская главная квартира.

«Сегодня съ утра ополченскія бригады, занимавшія позицію на правомъ флангѣ 3-ей арміи отошли подъ натискомъ противника отъ Дунайца; пока приостановились на укрѣпленной позиціи въ верстахъ пяти и поддержаны Мстиславскимъ полкомъ изъ 4-ой арміи. Съ ночи начался жесточайшій обстрѣлъ, а затѣмъ и атака противникомъ лѣваго участка IX-го и всего фронта X-го корпусовъ», — такими словами начиналась телеграмма отъ 2-го мая начальника штаба Ю.-З. фронта, коей онъ сообщалъ въ Ставку о началѣ наступательныхъ дѣйствій германцевъ, направленныхъ противъ праваго фланга и центра 3-ей арміи. Въ дальнѣйшей части этой телеграммы указывалось, что незадолго передъ тѣмъ переданный въ распоряженіе генерала Иванова III-й Кавк. корпусъ подтягивается на Ясло и Змигродъ и что, съ подходомъ этого корпуса, положеніе въ центрѣ 3-й арміи, надо полагать, упрочится; что же касается праваго фланга той же арміи, то таковой внушаетъ опасеніе. — «Крайне желательно, — заключалъ свою телеграмму генералъ Драгомировъ, — неотлагательно направить одну дивизію въ районъ Мелець, хотя бы съ условіемъ вернуть ее обратно, если надобности въ ней не окажется. Удержаніе праваго фланга тѣмъ болѣе необходимо, что съ этимъ связано наше положеніе въ Привислинскомъ краѣ».

Къ содержанію этой телеграммы добавить нечего. — Она ярко характеризуетъ то ограниченное значеніе, которое придавалось въ штабѣ Ю.-З. фронта новому германскому наступленію въ начальный періодъ его развитія.

Между тѣмъ Императоръ Вильгельмъ, предвосхищая побѣду надъ нами, передавалъ по радіо своей сестрѣ, Королевѣ Эллиновѣ, увѣренность въ окончательной побѣдѣ Германіи. — «Горе тѣмъ, — заканчивалъ Кайзеръ свою радіограмму, очевидно рассчитанную на то, что она будетъ перехвачена всѣмъ міромъ, — кто оказываетъ мнѣ сопротивленіе».

Я не разъ уже подчеркивалъ, что на рѣшеніе Верховнаго Главнокомандующаго о перенесеніи центра нашихъ наступательныхъ дѣйствій въ Галичину серьезно давили политическіе факторы. И дѣйствительно, въ первые мѣсяцы 1915-го года дипломатія Державъ Согласія вновь сосредоточила свое искусство и усилія на томъ, чтобы, съ одной стороны, привлечь къ себѣ Италію и оставшіяся нейтральными Балканскія государства, а съ другой — окончательно вывести изъ игры Турцію. При такихъ условіяхъ, крупный военный успѣхъ нашихъ войскъ на Австро-Венгерскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій конечно могъ сыграть нѣкоторую роль, въ дѣлѣ благополучнаго разрѣшенія стоявшихъ передъ дипломатами задачъ. Въ наше распоряженіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, поступили свѣдѣнія, указывавшія на подготовку германцами широкаго наступленія на западѣ, которое должно было начаться весною 15-го года. Такимъ образомъ имѣлись основанія рассчитывать, что наша операція на Карпатахъ не будетъ осложнена контръ-маневромъ германцевъ противъ насъ.

Въ серединѣ февраля мы получили извѣщеніе о предстоящихъ дѣйствіяхъ соединеннаго флота Державъ Согласія въ Средиземномъ морѣ противъ Дарда-

цельскихъ укрѣпленій. Въ связи съ дѣйствіями флота, намѣчалась высадка на о. Лемносъ англо-французскихъ войскъ, въ числѣ 80—85 т. человекъ. Войска эти предназначались для развитія и закрѣпленія результатовъ дѣйствій флота. Предполагалось, что операція форсирования пролива займетъ недѣли три-четыре. По нашему адресу была выражена надежда, что нашъ Черноморскій флотъ предпріиметъ, съ своей стороны, также рядъ дѣйствій противъ Босфора съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ успѣха, обѣ эскадры — русская и англо-французская, — могли появиться одновременно передъ Константинополемъ. Союзная дипломатія придавала такой демонстраціи весьма важное значеніе, не считаясь съ невыполнимостью такого плана, требовавшаго почти математическаго расчета. Постепенно, надежды на наше содѣйствіе были расширены въ томъ смыслѣ, что строились расчеты на одновременный подходъ къ Константинополю и нашихъ сухопутныхъ войскъ.

Мнѣ недостаточно извѣстны подробности возникновенія и разработки этого плана, сложившагося по почину Англии, но у насъ имѣлись свѣдѣнія, что генераль Жоффри, не являвшійся, впрочемъ, Верховнымъ Главнокомандующимъ всѣми вооруженными силами Франціи, но лишь Главнокомандующимъ сѣверо-восточными арміями, дѣйствовавшими въ предѣлахъ Франціи, высказывался опредѣленно противъ новой операціи. Повидимому, онъ опасался раздѣленія силъ и ослабленія таковыхъ на вѣренномъ ему фронтѣ. И дѣйствительно, съ началомъ выполнения этой операціи, на одномъ только Европейскомъ театрѣ войны зарождался уже четвертый, по счету, самостоятельный фронтъ, возникновеніе котораго должно бы, казалось, еще разъ выдвинуть вопросъ о созданіи высшаго центрющаго органа, для выработки общаго согласованнаго плана военныхъ дѣйствій и распредѣленія союзныхъ силъ и средствъ. Только авторитетомъ такого органа могло быть устранено все расширявшееся личное вліяніе на ходъ войны отдѣльныхъ государственныхъ дѣятелей Державъ Согласія, по существу являвшихся недостаточно компетентными въ военныхъ вопросахъ и не несшихъ на себѣ ответственности за общій ходъ и конечный результатъ всей войны.

Несмотря на огромное значеніе открытія проливовъ для Россіи, Русское Верховное Главнокомандованіе отнеслось къ плану ихъ прорыва сдержанно. Благоприятный моментъ для такого прорыва былъ упущенъ. — Нынѣ Ставка не могла не оцѣнивать всей трудности подавленія, средствами флота, неприятельскаго берегового артиллерійскаго огня, организованаго иѣмцами; она учитывала также возможность появленія въ проливахъ новаго серьезнаго фактора береговой обороны въ видѣ малыхъ подводныхъ лодокъ, и предугадывала тѣ неисчислимыя препятствія, которыя встрѣтятъ союзники при развитіи сухопутныхъ операцій на тѣсномъ Галлиполійскомъ полуостровѣ. Въ равной мѣрѣ, Ставка отдавала себѣ полный отчетъ въ томъ, что форсированіе Босфора силами и средствами нашего Черноморскаго флота является задачей невыполнимой, и что нельзя строить никакихъ иллюзій, при данныхъ условіяхъ, въ отношеніи дѣйствій десантной арміи противъ Константинополя съ сухого пути. По-

этому Русское Верховное Главнокомандованіе склонялось болѣе къ той мысли, что важная проблема проливовъ должна, при сложившихся условіяхъ, получить благоприятное для насъ разрѣшеніе въ результатѣ побѣдоноснаго исхода всей войны, а не непосредственной военной операціей въ районѣ Константинополя. Последняя, представляя большія техническія трудности, способна была поселить среди союзниковъ даже взаимную подозрительность и недовѣріе, а благополучный ея исходъ, конечно, не обезпечивалъ положительныхъ результатовъ, въ случаѣ общаго проигрыша войны. Точка зрѣнія Ставки, къ тому же, находила себѣ опору въ заявленіи Англійскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ сэра Э. Грея, сдѣланномъ имъ въ періодъ вступленія Турціи въ ряды нашихъ противниковъ и заключавшемъ въ себѣ определенное обѣщаніе, что, въ случаѣ пораженія Германіи, вопросъ о судьбѣ проливовъ и Константинополя не можетъ быть разрѣшенъ иначе какъ въ соотвѣтствіи съ нашими пожеланіями. Что же касается вопроса о связи Россіи съ ея союзниками въ теченіе самой войны, то таковая конечно значительно облегчалась бы съ открытіемъ проливовъ; но болѣе достижимымъ, хотя и менѣе полнымъ, являлось установленіе сообщенія черезъ Мурманъ, а впродъ до открытія желѣзнодорожной связи съ послѣднимъ, — черезъ Архангельскъ. Надо замѣтить, что на сѣверные пути сообщенія и связи съ Россіей въ это время уже было обращено должное вниманіе, и 15-го января открылось дѣйствіе вновь проложеннаго телеграфнаго кабеля между Шотландскимъ и Мурманскимъ побережьемъ. Постройка же рельсоваго пути отъ Мурмана была, къ сожалѣнію, начата только въ октябрѣ 15-го года и закончилась лишь къ ноябрю 16-го года. До этого времени приходилось ограничиваться сообщеніемъ черезъ Архангельскъ.

Уступая настроенію и желаніямъ союзниковъ, Великій Князь отдалъ соотвѣтствующія распоряженія Командовавшему Черноморскимъ флотомъ адмиралу Эбергардту объ оказаніи имъ возможнаго содѣйствія союзникамъ и согласованіи его дѣйствій съ дѣйствіями союзнаго флота. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Кавказскому сухопутному начальству было отдано приказаніе о подготовкѣ десантнаго отряда, въ составѣ одного корпуса, изъ числа войскъ Кавказскаго фронта. Корпусъ этотъ (V-й Кавк.), перевезенный въ сѣверные порты Чернаго моря, съ одной стороны, могъ служить для демонстративныхъ цѣлей по адресу Турціи, Болгаріи и Румыніи, а съ другой, — служить стратегическимъ резервомъ, для направленія его въ нужную минуту на главный западный фронтъ. Одновременно намъ были приняты мѣры къ тому, чтобы въ союзной эскадрѣ, долженствовавшей дѣйствовать противъ Дарданеллъ, былъ представленъ нашъ Андреевскій флагъ. Для этого, въ составъ названной эскадры, былъ включенъ нашъ крейсеръ 1-го ранга «Аскольдъ», прибывшій съ Дальняго Востока; наше же морское министерство вступило въ переговоры о покупкѣ двухъ броненосцевъ въ Южной Америкѣ, которые, получивъ русскую команду, должны были поднять Андреевскій флагъ и, равнымъ образомъ, принять участіе въ Дарданельской экспедиціи. Наконецъ, союзникамъ предложена была отправка изъ Владивостока отряда, въ составѣ одного 4-хъ батальоннаго полка

пѣхоты, одной батареи и казачьей полусотни, общей численностью до 6 т. человекъ. Перевозка этого отряда, однако, не состоялась, «по недостатку у нашихъ союзниковъ свободнаго тоннажа».

Все эти мѣропріятія являлись жестомъ политически необходимымъ для Россіи, въ виду первостепеннаго значенія тѣхъ вопросовъ, кои связывались съ Дарданельской операціей. вмѣстѣ съ тѣмъ, Ставкѣ пришлось, черезъ дипломатическое вѣдомство, выступить передъ союзниками съ той казавшейся ей единственно правильной точкой зрѣнія, что въ мировой войнѣ, которая ведется союзниками сообща, относительное количество силъ, принимающихъ участіе въ той или другой частной операціи, каковой по существу являлась операція въ проливахъ, не можетъ служить основаніемъ для пропорціональнаго съ этими силами распредѣленія тѣхъ приобрѣтеній, къ которымъ можетъ привести удачный оборотъ дѣлъ въ этой частной операціи. Мѣриломъ для распредѣленія приобрѣтеній, въ результатѣ побѣдоносной войны должна служить лишь совокупность тѣхъ усилій и жертвъ, кои были проявлены и понесены союзными націями на всѣхъ театрахъ войны вообще, ради достиженія общей конечной цѣли. При этомъ, распредѣленіе это должно, конечно, отвѣчать тѣмъ интересамъ, ради которыхъ борющіяся Державы вступили въ союзъ и осуществленіе которыхъ является для нихъ жизненно-необходимымъ.

Въ такой постановкѣ, принятіе къ учету нашихъ интересовъ въ проливахъ, при заключеніи побѣднаго мира, получало вполне прочное обоснованіе. Дѣйствительно, за истекшій періодъ войны Россіей было принесено очень много жертвъ, ради общихъ цѣлей и, въ частности, проявлено не мало самоотверженія, для облегченія положенія нашихъ союзниковъ на французскомъ фронтѣ. Не говоря уже объ общемъ количествѣ силъ, выставленныхъ Россіей, которое значительно превышало силы каждаго изъ ея союзниковъ въ отдѣльности, до статочно вспомнить о первомъ Восточно-Прусскомъ наступленіи и переносѣ военныхъ дѣйствій на лѣвый берегъ р. Вислы, каковыя операціи были задуманы не безъ особаго вниманія къ тяжелому положенію нашихъ союзниковъ и, во всякомъ случаѣ, въ соответствіи съ ихъ настойчивыми просьбами. По даннымъ, относившимся къ серединѣ марта, мы имѣли возможность констатировать, что все мѣры германскаго командованія, клонившіяся къ усиленію его войскъ, поглощались потребностями восточнаго фронта, направленнаго противъ насъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ германскія войска на нашемъ фронтѣ непрерывно, и въ значительной мѣрѣ, возрастали, число ихъ пѣхотныхъ дивизій на западномъ фронтѣ оставалось съ начала войны неизмѣннымъ, а кавалерія — постепенно даже убывала. Такимъ образомъ, Россія своими дѣйствіями, притягивала къ себѣ все болѣе и болѣе вниманіе главы враждебнаго Державамъ Согласія союза — Германіи, и за мнувшій періодъ войны не допустила усиленія ея войскъ противъ Франціи и Англіи. Почти такъ же отмѣтить, что наряду съ постоянной переброской войскъ съ западнаго фронта на нашъ, компенсировавшейся по большей части направлениемъ на западъ болѣе слабыхъ въ боевомъ смыслѣ формированій, нельзя бы-

до указать ни одного случая, чтобы германская часть, появившаяся на нашемъ фронтѣ, была вновь переброшена на западъ. Русская армія, такимъ образомъ, крѣпко держала передъ собою все то, что направлялось германцами противъ нея. — Но значеніе Россіи, въ общей борьбѣ, должно будетъ выдвинуться еще рельефнѣе, если вспомнить, что она притянула на себя всю австро-венгерскую армію, облегчая этимъ веденіе дипломатическихъ переговоровъ съ Италіей и Румыніей и отстраняя удары отъ Сербіи; равнымъ образомъ, что ея войска на Кавказѣ разгромили лучшую изъ турецкихъ армій, предводимую Энверомъ, и вызвали этимъ ударомъ упадокъ духа въ Константинополь, каковой упадокъ несомнѣнно долженъ былъ отразиться на настроеніи войскъ не только въ Дарданеллахъ, но и въ Египтѣ и Мессопотаміи.

Россія, благодаря самоотверженнымъ дѣйствіямъ ея доблестныхъ армій и флота, имѣла поэтому полное право рассчитывать на благоприятное для нея рѣшеніе вопроса о проливахъ, каковое рѣшеніе вызывалось ея жизненными интересами.

12-го марта великобританскій посоль въ Петербургѣ вручилъ нашему Министру Иностранныхъ Дѣлъ С. Д. Сазонову меморандумъ, коимъ правительство Англіи выразило полное и окончательное согласіе на разрѣшеніе вопроса о проливахъ и Константинополь, согласно желаніямъ Россіи. 24-го марта нашъ посоль въ Парижѣ А. П. Извольскій телеграфировалъ, что французскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ г. Делькассе сообщилъ ему о данномъ французскому послу въ Петербургѣ г. Палеологу предписаніи сдѣлать нашему Министру Иностранныхъ Дѣлъ, въ письменной формѣ, такое же заявленіе о Константинополь и проливахъ, какое было имъ получено отъ Великобританскаго посла.

Такимъ образомъ, Россія получила завѣреніе отъ своихъ главныхъ союзниковъ, что вопросъ о проливахъ, при заключеніи побѣднаго мира, будетъ разрѣшенъ въ положительномъ для нашего отечества смыслѣ.

Дарданельская операція возбудила къ себѣ огромный интересъ. Она подняла цѣлый рядъ самыхъ острыхъ и болѣзненныхъ вопросовъ, доставившихъ много заботъ союзнымъ дипломатамъ. По выраженію одного изъ нихъ: «не убивши медвѣдя, всѣ торопились дѣлать его шкуру».

Длительный и оживленный обмѣнъ мнѣніями распространился не только на выработку условій перемирія съ Турціей на случай, если послѣдняя, подъ впечатлѣніемъ форсированія Дарданелль, подниметъ вопросъ о выходѣ изъ войны, но и коснулся вопроса о главныхъ основаніяхъ будущаго общаго мира. Выходъ Турціи изъ войны казался обеспеченнымъ и, въ этомъ отношеніи, особія надежды возлагались на слухи о возможности внутренняго переворота въ столицѣ Оттоманской Имперіи. Въ дипломатическихъ кругахъ, въ отношеніи Дарданельской операціи, царилъ такой оптимизмъ, что въ подробностяхъ обсуждался церемоніаль вступленія союзныхъ войскъ въ Константинополь, причемъ принимались мѣры къ тому, чтобы ограничить претенціозность, въ этомъ

ригуалѣ, нѣкоторыхъ второстепенныхъ Державъ, къ тому же не примкнувшихъ еще къ Державамъ Согласія.

Перспектива возможнаго вступленія въ храмъ Св. Софіи пріобрѣла особую популярность въ Греціи, гдѣ до крайнихъ предѣловъ взволновалось общественное мнѣніе и печать. Всѣ въ этой странѣ сошлись въ требованіи принять участіе въ дѣйствіяхъ противъ Турціи и Константинополя. Правительство Венизелоса поспѣшило присоединиться къ общему порыву, и вопросъ о коопераціи греческаго флота и сухопутной арміи въ Дарданельской экспедиціи казался близкимъ къ разрѣшенію. Одинъ Король. Константинъ продолжалъ настаивать на продолженіи политики нейтралитета, что даже привело къ паденію кабинета Венизелоса. Въ столицѣ Греціи можно было ожидать волненій и серьезныхъ беспорядковъ. Но постепенно все улеглось подъ впечатлѣніемъ тѣхъ затрудненій, кои были встрѣчены союзниками при выполненіи операціи.

Военныя дѣйствія противъ Дарданелль открылись 19-го февраля обстрѣломъ неприятельскихъ фортовъ, прикрывавшихъ входъ въ проливъ. Операція эта, по донесеніямъ съ мѣста, была признана выполненной успѣшно, и въ слѣдующіе дни союзный флотъ приступилъ къ очищенію входнаго фарватера отъ минъ. Но уже черезъ нѣсколько дней выяснилось, что начатая операція затягивается. вмѣстѣ съ тѣмъ, союзный флотъ сталъ нести чувствительныя потери.

Только во второй половинѣ апрѣля союзники признали возможнымъ приступить къ подготовкѣ десанта. Командовавшіе флотами — въ Средиземномъ морѣ французскій адмиралъ де-Робекъ и въ Черномъ морѣ адмиралъ Эбергардтъ — установили другъ съ другомъ сношенія по беспроволочному телеграфу и условились объ одновременности дѣйствій.

25-го апрѣля на разсвѣтѣ англо-французскія войска начали высадку на Галлиполійскомъ полуостровѣ. Одновременно, адмиралъ Эбергардтъ бомбардировалъ укрѣпленія Босфора. Встрѣченное при высадкѣ сопротивление турокъ было сломлено и союзныя войска въ послѣдующіе дни стали продвигаться впередъ, расширяя плацдармъ; однако, уже черезъ нѣсколько дней они были остановлены въ своемъ движеніи, не успѣвъ овладѣть командующими высотами надъ полуостровомъ.

Въ такомъ положеніи дѣло пріостановилось въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи на нѣсколько мѣсяцевъ. Иллюзіи быстраго захвата Галлиполійскаго полуострова и открытія проливовъ, при соприкосновеніи съ дѣйствительностью постепенно разсѣивались. Скученныя на тѣсномъ пространствѣ полуострова англо-французскія войска несли большія потери, а снабженіе ихъ, хотя и производившееся преимущественно по ночамъ съ баржъ, затруднялось дѣйствіями неприятельскихъ подводныхъ лодокъ. — Такъ дѣло тянулось до осени, когда выступленіе Болгаръ на сторонѣ нашихъ противниковъ отвлекло вниманіе союзниковъ въ другую сторону и лишило Дарданельскую экспедицію ея прежняго значенія. Окончательная ликвидація таковой экспедиціи закончи-

лась, однако, только, въ началѣ 1916-го года. — Вмѣстѣ съ нею исчезла и надежда на сепаратный выходъ изъ войны Турціи.

Съ прекращеніемъ Дарданельской экспедиціи отпала также надежда доставить во Францію черезъ Средиземное море заготовленную для нея въ портахъ Чернаго моря партію зерна, въ общемъ до 15 милл. пудовъ.

Что касается остальныхъ Балканскихъ государствъ, то, среди нихъ, наша союзница Сербія, послѣ разгрома, нанесеннаго ею въ концѣ 1914-го года австрійцамъ, получила продолжительную передышку. Австрія, отвлеченная начавшимся наступленіемъ русскихъ войскъ въ Карпатахъ, не возобновляла болѣе своихъ попытокъ къ широкому вторженію ея войскъ на сербскую территорию. Эта передышка дала возможность сербамъ заняться укомплектованіемъ ихъ армии и, при содѣйствіи Россіи и ея союзниковъ, даже нѣсколько улучшить условія ея матеріальнаго снабженія. Не имѣя болѣе передъ собою противника, сербское правительство сосредоточило свое вниманіе на Албаніи, куда, вѣдѣ за сербскими войсками, потянулись и черногорцы. Это обстоятельство привело къ необходимости русскому Верховному Главнокомандованію высказаться въ Бѣлградѣ и въ Цетиньѣ въ томъ смыслѣ, что случайнымъ занятіемъ тѣхъ или другихъ пунктовъ не можетъ предѣлаться вопросъ о будущемъ ихъ владѣніи и что общіе интересы союза требуютъ сосредоточенія всѣхъ силъ на борьбѣ съ главнымъ противникомъ на южномъ фронтѣ, т. е. съ Австро-Венгріей.

Въ концѣ января и началѣ февраля 1915-го года въ Англии возникъ планъ отправки на сербскій театръ объединеннаго корпуса изъ войскъ Англии, Россіи и Франціи. Предполагалось, что эта мѣра побудитъ Грецію, Румынію и Болгарію примкнуть къ державамъ Согласія. Вопросъ этотъ былъ поставленъ Ллойд-Джоржемъ на обсужденіе представителей трехъ союзныхъ Державъ, пользуясь прибытіемъ нашего Министра Финансовъ Барка въ Лондонъ и Парижъ. Мысль эта повидимому принадлежала лорду Китченеру; во всякомъ случаѣ онъ сильно ее поддерживалъ. Во Франціи къ этой мысли относились различно: въ общемъ боялись, что ея осуществленіе приведетъ къ ослабленію непосредственной помощи Англии на западномъ фронтѣ. Въ Россіи предвидѣли значительныя трудности въ исполненіи намѣчавшагося плана, и притомъ не только съ военной точки зрѣнія, но и съ политической. Ставка не могла, конечно, не признавать значенія появленія союзныхъ войскъ въ центрѣ Балканъ, но при условіи, что съ этимъ появленіемъ будетъ связанъ успѣхъ ихъ оружія. Между тѣмъ, гарантировать этотъ успѣхъ было не въ нашихъ возможностяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, наши противники занимали внутреннее положеніе и никто не могъ бы имъ помѣшать начать соотвѣтственную переброску своихъ силъ на сербскій фронтъ; при этомъ, на ихъ сторонѣ оказались бы, по сравненію съ нами, всѣ выгоды кратчайшихъ и удобнѣйшихъ сообщеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по географическимъ условіямъ, въ качествѣ базы и коммуникаціоннаго пути для союзнаго корпуса пришлось-бы оккупировать районъ Салоникъ и занять желѣзнодорожную линію на Гевгели. Это-же обстоятельство должно было

встрѣтить рѣшительное противодѣйствіе въ Греціи со стороны Короля Константина и сторонниковъ ориентаціи на Германію.

Кромѣ того, для такихъ дѣйствій не была подготовлена почва и въ Болгаріи, въ которой правительство Радославова все болѣе и болѣе сближало страну съ австро-германскимъ союзомъ. Враждебное Державамъ Согласія поведеніе этого правительства отчетливо выразилось уже въ первые мѣсяцы 15-го года и, между прочимъ, въ попустительствѣ нападеніямъ четъ на македонскую территорію. Пока нападенія таковыхъ носили націоналистическій характеръ, Державы Согласія еще могли находить объясненіе этому явленію. Но постепенно, цѣлью нападеній стало разрушеніе Салоникской желѣзнодорожной линіи, являвшейся путемъ сообщенія съ Сербіей, и потому эти нападенія приходилось уже оцѣнивать какъ дѣйствія, направленные прямо противъ Державъ Согласія. Въ нашемъ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ имѣлись не подлежавшія сомнѣнію данныя о томъ, что, въ числѣ четниковъ, стали появляться австрійскіе наемники и турки; было даже доподлинно извѣстно имя организатора этихъ нападеній, занимавшаго въ Софіи официальное положеніе при одной изъ враждебныхъ намъ дипломатическихъ миссій.

Державы Согласія уже не рассчитывали болѣе на цѣлесообразность обращенія къ болгарскому Правительству съ простыми увѣщаніями; онѣ полагали, что только благополучный исходъ союзныхъ операцій противъ проливовъ и Константинополя, или еще лучше — появленіе русскихъ войскъ въ Варшву или Бургасъ можетъ положить конецъ вредной дѣятельности кабинета Радославова и вызвать въ Болгаріи всеобщее движеніе въ пользу коопераціи съ союзниками. Насколько мнѣ извѣстно, мысль о высадкѣ русскихъ войскъ въ одномъ изъ болгарскихъ портовъ и даже о вступленіи на болгарскую почву Императора Николая — внука Царя-Освободителя — поддерживалась даже нѣкоторыми болгарскими патриотами. Этимъ актомъ имѣлось въ виду создать опору народному движенію противъ нѣмецкаго вліянія. По мысли болгарскихъ патриотовъ, видную роль въ этомъ движеніи долженъ былъ сыграть генераль Радко-Дмитріевъ, командовавшій у насъ въ это время на фронтѣ одною изъ армій.

Наконецъ, Румынія, указывавшая ранѣе на возможность ея выступленія на сторонѣ Державъ Согласія не ранѣе весны 15-го года, продолжала, подъ разными предлогами, затягивать переговоры, не стѣсняясь пропускать черезъ свою страну военную контрабанду, направлявшуюся въ Турцію.

Но наиболѣе рѣшительное значеніе придавалось нашими западными союзниками выступленію въ данный періодъ времени Италіи. Среди государственныхъ людей Англии и Франціи сложилось мнѣніе, что война могла бы быть значительно сокращена во времени при условіи введенія въ нее какого-нибудь новаго фактора; таковымъ же признавалось выступленіе Италіи. Предполагалось, что примѣромъ послѣдней можетъ заразиться Румынія, Греція и даже Болгарія. Между тѣмъ, привлеченіе Италіи въ орбиту Тройственного Согласія представляло чрезвычайныя трудности. Съ одной стороны, Германія, убѣдившись въ невозможности заставить своего прежняго союзника присоеди-

къ себѣ, употребляла все свое вліяніе въ Вѣнѣ, чтобы, путемъ уступокъ австро-венгерскаго правительства, оторвать Италію отъ возможности соглашенія съ нами и купить хотя бы ея нейтралитетъ; послѣдній былъ важенъ для Германіи въ цѣляхъ извлеченія изъ Италіи средствъ питанія и для связи черезъ нее съ вѣнскимъ міромъ. Съ другой стороны, требованія Италіи продолжали быть чрезмѣрно широкими и не находились въ соответствіи съ тою помощью, которую возможно было ожидать отъ ея вступленія въ коалицію. Пожеланія Италіи, затрагивавшія существенные интересы Франціи и Англій, встрѣтили со стороны этихъ Державъ твердый отпоръ. Оставались притязанія, направленные въ ущербъ Сербіи и интересамъ славянства, естественной защитницей и покровительницей которыхъ являлась Россія. Такимъ образомъ, положеніе нашего правительства въ дѣлѣ переговоровъ съ Италіей являлось особенно сложнымъ; оно усугубилось еще тѣмъ, что переговоры съ Италіей велись въ Лондонѣ, безъ прямого участія въ нихъ Россіи, которая, влѣдствіе этого, иногда оказывалась передъ уже принятыми положеніями. Постепенно, дѣло сложилось такъ, что отвѣтственность за успѣхъ переговоровъ съ Италіей была переложена цѣликомъ на Россію.

Изъ донесеній, поступавшихъ отъ А. П. Извольскаго, нашему Министерству Иностранныхъ Дѣлъ надлежало вывести такое заключеніе, что, если въ послѣднюю минуту дипломатическіе переговоры съ Италіей будутъ сорваны, то это обстоятельство вызоветъ противъ насъ на западѣ «чувство глубокаго разочарованія и даже охлажденія».

Съ этими настроеніями намъ, разумѣется, приходилось считаться и потомъ, послѣ личнаго обращенія Президента французской Республики къ Императору Николаю, пришлось пойти навстрѣчу требованіямъ Италіи до крайнихъ предѣловъ. Послѣднія затрудненія были сглажены, и 26-го апрѣля 1915-го года состоялось, наконецъ, подписаніе основнаго соглашенія Державъ Согласія съ Италіей. Надо отмѣтить, что правительству Салаандры не легко было совладать съ внутренними теченіями, стоявшими за дальнѣйшее сохраненіе Италіей нейтралитета.

Но разъ соглашеніе было достигнуто, обстановка требовала скорѣйшаго выступленія нашей новой союзницы. Мы выбивались въ это время изъ послѣднихъ силъ, чтобы нанести австрійцамъ смертельный ударъ форсированіемъ Карпатъ. Всякій нажимъ со стороны Итальянской границы, казалось, могъ облегчить разрѣшеніе этой задачи и избавить насъ отъ лишнихъ жертвъ и сопряженнаго съ нашимъ планомъ риска. Между тѣмъ, итальянское Правительство категорически заявило, что выступленіе Италіи не можетъ фактически начаться ранѣе мѣсяца со дня подписанія основнаго соглашенія, т. е. 26-го мая.

Другимъ крупнымъ пробѣломъ въ соглашеніи Италіи съ Державами Согласія было то обстоятельство, что этимъ соглашеніемъ оставленъ быть въ неопредѣленномъ положеніи вопросъ объ объявленіи Италіей войны Германіи. Въ свою очередь и Германія не отвѣтила Италіи на разрывъ ея съ Австрійей объявленіемъ войны. Кромѣ ряда второстепенныхъ неудобствъ, такое поло-

женіе создавало возможность нашему главнѣйшему противнику — Германіи — продолжать пользоваться Италіей въ своихъ цѣляхъ и даже сохранить въ Римѣ своего представителя, дѣятельность котораго должна была, конечно, имѣть вредный для Державъ Согласія характеръ. — Такимъ образомъ, вступленіе Италиі въ число нашихъ союзниковъ являлось, съ одной стороны, неполнымъ; съ другой же стороны, оно представляло въ распоряженіе нашихъ противниковъ мѣсячный срокъ, которымъ германцы не преминули воспользоваться, для организаціи рѣшительнаго удара противъ насъ.

Верховный Главнокомандующій, Великій Князь Николай Николаевичъ, высказалъ пожеланіе, чтобы переговоры о согласованіи дѣйствій сухопутныхъ итальянскихъ и русскихъ войскъ, поскольку эти дѣйствія касались австро-венгерскаго театра военныхъ дѣйствій, были обсуждены у насъ въ Ставкѣ, съ участіемъ представителя итальянской арміи. Переговоры эти, въ которыхъ Италія была представлена своими военнымъ атташе въ Петроградѣ полковникомъ Ропполо, вылились въ форму военной конвенціи, подписанной 21-го мая. Въ этой конвенціи, впервые отъ начала войны, была сдѣлана болѣе систематическая попытка къ постановкѣ общей цѣли, къ выясненію, въ главныхъ чертахъ, характера группировки союзныхъ силъ, съ привлеченіемъ къ совмѣстной коопераціи вооруженныхъ силъ Сербіи и Черногоріи, и къ установленію порядка измѣненія плана, въ случаѣ коренныхъ перемѣнъ въ обстановкѣ.

Согласно состоявшагося соглашения, общей цѣлью дѣйствій всѣхъ четырехъ армій — русской, итальянской, сербской и черногорской — ставилось разбитіе непріятельскихъ силъ, находившихся на общемъ австро-венгерскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Для достиженія этой цѣли союзныя арміи обязывались: 1) собрать на этомъ фронтѣ максимумъ своихъ силъ, оставляя на другихъ фронтахъ лишь строго необходимое число войскъ, чтобы удержать стратегически необходимое положеніе, и 2) дѣйствовать въ полномъ согласіи между собой. Главной операціонной линіей для Италиі признавалось направленіе на Любляны (Лайбахъ), открывавшее дальнѣйшія перспективы на Вѣну или Будапештъ. Наступленіе сербской арміи признавалось желательнымъ въ сѣверо-западномъ направленіи, на сближеніе съ итальянской арміей. Наконецъ, предусматривалось, что, въ случаѣ коренной перегруппировки австро-венгерскихъ и германскихъ силъ, операціонный планъ можетъ подлежать переработкѣ, но имѣя въ виду прежде всего общую задачу.

Къ сожалѣнію, проведеніе этого плана въ жизнь затормозилось катастрофическимъ ходомъ военныхъ событій на нашемъ Галицкомъ фронтѣ, въ результатъ котораго мы были отброшены далеко на востокъ. При этомъ положеніи никакая кооперація съ итальянской арміей не могла быть осуществлена, тѣмъ болѣе, что наступленіе этой арміи было остановлено въ самомъ началѣ и не развилось далѣе р. Изонцо. Несмотря на скромныя силы, выдѣленные Австріей противъ Италиі, ей удалось сдержать наступленіе послѣдней. Для противодѣйствія Италиі, австрійское Верховное Главнокомандованіе сняло съ нашего фронта самыя незначительныя силы, едва ли превосходившія 2—3 ди-

визин. Остальные войска были переброшены на итальянскій фронтъ съ сербской и, отчасти, румынской границъ, на которыхъ они были замѣнены германскими войсками, оккупировавшими, такимъ образомъ, всю австро-венгерскую территорию. Такъ какъ указанная германскія войска были сняты съ западнаго фронта, то, по существу, выступленіе Италіи облегчило не насъ, а нашихъ западныхъ союзниковъ. Прочное же занятіе австро-венгерской территоріи германскими войсками спавало еще тѣснѣе объ Державы враждебнаго намъ союза.

ГЛАВА XVI.

Прорывъ германо-австрійцевъ между Вислой и подножьемъ Бескидъ. — Отъ Дунайца и Карпатъ къ Сану и Днѣстру, и далѣ къ нашимъ границамъ. — Переговоры съ Румыніей. — Начало развитія военныхъ дѣйствій въ Риго-Шавельскомъ районѣ и на Балтійскомъ побережьѣ.

Изъ предшествовавшаго изложенія, читатель могъ убѣдиться, что австрійскій фронтъ продолжалъ держаться лишь благодаря помощи, оказывавшейся ему со стороны германцевъ. Въ Галичинѣ — нѣсколько нѣмецкихъ дивизій, подъ начальствомъ генерала Линзингена, составили Южную армію, которая своимъ наступленіемъ со стороны Мункача въ направленіи на Стрый создавала серьезную угрозу для нашихъ войскъ, стремившихся прорваться въ Венгерскую равнину на участкѣ между Дуклинскимъ и Ужокскимъ перевалами. На Буковинскомъ театрѣ — въ правофланговую австрійскую армію генерала Пфланцера-Балтина была вкраплена германская кавалерія генерала Маршала. Чтобы исправить все ухудшавшееся положеніе 2-й и 3-й австрійскихъ армій въ Бескидахъ, въ концѣ марта были переброшены въ горы снятыя съ французскаго фронта три германскія пѣхотныя дивизія, составившія Бескадскій корпусъ генерала Марвица. Наконецъ, и въ лѣвофланговую 4-ю австрійскую армію, примыкавшую къ Вислѣ, была также вкраплена одна изъ германскихъ дивизій. — Таковымъ же было положеніе и на лѣвомъ берегу р. Вислы, вдоль Ниды до Пилицы, гдѣ, рядомъ съ 1-й австрійской арміей, стояла германская группа войскъ генерала Войрша.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ теченіе апрѣля, для Двуетдиной Монархіи значительно осложнилась военно-политическая обстановка. Мы уже видѣли, что Италія официально примкнула къ Державамъ Согласія, и это обстоятельство несомнѣнно должно было вызвать со стороны Австріи снятіе съ Галичскаго фронта нѣкотораго числа войскъ, для отправки ихъ на итальянскій театръ военныхъ дѣйствій. Подозрительно вела себя и Румынія. — Наконецъ, нельзя было предвидѣть, чѣмъ кончатся Дарданельская экспедиція; паденіе же Константинополя и открытіе проливовъ ставило Австро-Венгрію въ положеніе Державы, угрожаемой со всѣхъ сторонъ. Казалось, что Монархія Габсбурговъ приближается къ катастрофѣ; назрѣвала возможность предложенія Австріей своимъ противникамъ сепаратнаго мира.

При такихъ обстоятельствахъ, Германія должна была начать серьезно опасаться за судьбу своей союзницы и, слѣдовательно, имѣть наготовѣ мѣры для дальнѣйшей поддержки сей послѣдней. Къ тому же такая поддержка, по счастливой для нашихъ противниковъ обстановкѣ, не выходила за предѣлы возможностей Германіи. Ея Верховное Главнокомандованіе могло къ данному періоду времени удостовѣриться въ прочности положенія своихъ войскъ на западномъ фронтѣ и потому имѣло возможность рискнуть на переброску части силъ съ этого фронта на востокъ. Французы, въ самомъ дѣлѣ, все еще не могли оправиться отъ понесенныхъ ими въ предыдущіе мѣсяцы потерь, а англичане пока не представляли изъ себя самостоятельной силы на сухопутыи. Къ тому же, англійскія войска разбрасывались по различнымъ театрамъ военныхъ дѣйствій, а руководившее войной правительство было серьезно отвлечено заботами по обезпеченію морскихъ сообщеній отъ усилившейся съ середины февраля дѣятельности германскихъ подводныхъ лодокъ. При такихъ условіяхъ и надежномъ обезпеченіи западнаго германскаго фронта сплошною линіей сильныхъ укрѣпленій, прорывъ на этомъ фронтѣ долженъ былъ считаться нѣмцами, конечно, мало вѣроятнымъ. Напротивъ, активныя дѣйствія русской арміи, не скованной еще рамками позиціонной войны, могли угрожать нашимъ противникамъ въ каждую минуту серьезными послѣдствіями.

Надо отдать полную справедливость германскому Верховному Главнокомандованію, которое, въ лицѣ своего Начальника Генеральнаго Штаба генерала Фалькенгайна, проявило выдающуюся рѣшимость въ данныхъ условіяхъ обстановки. — Опытъ минувшаго долженъ былъ достаточно убѣдительно засвидѣтельствовать, что частичное вливаніе германскихъ войскъ въ австрійскій фронтъ можетъ содѣйствовать лишь пассивному сопротивленію этого фронта русскому нажиму, но не способно создать сколько-нибудь рѣшительнаго перелома въ положеніи дѣлъ. Повидимому, исходя изъ изложенныхъ соображеній, названное выше командованіе и рѣшило не ограничивать свою помощь восточному фронту полумѣрами, но рѣзко и опредѣленно измѣнить весь свой дальнѣйшій планъ войны на ближайшій періодъ времени. Отнынѣ ихъ западный фронтъ долженъ былъ занять строго оборонительное положеніе и стать источникомъ для усиленія войскъ на противоположномъ ему — восточномъ фронтѣ. Тамъ должны были развиваться активныя дѣйствія, тамъ должны были быть достигнуты рѣшительные результаты надъ живою силою — русской арміей, чтобы постараться парализовать ее на долгое время. Въ соответствии съ этимъ новымъ рѣшеніемъ, главная нѣмецкая квартира была перенесена на восточный фронтъ — въ Плессъ; все свободныя силы — предназначены къ переброскѣ на востокъ; русская армія на извѣстный періодъ времени становилась главнымъ предметомъ дѣйствій всего враждебнаго Державамъ Согласія Союза.

При изложенномъ новомъ германскомъ планѣ, долженствовавшемъ въ корнѣ измѣнить стратегическую обстановку на фронтахъ и соотношеніе силъ, едва ли могъ имѣть рѣшающее значеніе выборъ непріятельскимъ командованіемъ того или другаго участка на нашемъ фронтѣ для перваго удара. Наша

армія, растянутая на обширномъ пространствѣ въ 1200—1300 километровъ, широкимъ полукольцомъ охваченная противникомъ, лишенная резервовъ и сколько-нибудь мощныхъ рокадныхъ линий, подставляла подъ удары непріятели рядъ выгодныхъ для послѣдняго направлений. Не имѣя возможности рассчитывать на содѣйствіе своихъ западныхъ союзниковъ, которые были скованы у себя на фронтѣ, русская армія, была предоставлена исключительно себѣ, вслѣдствіе неоправдывавшейся обстановкой оттяжки въ выступленіи Италіи. При всѣхъ этихъ условіяхъ, она конечно должна была оказаться неприспособленной къ принятію и отраженію удара соединенныхъ силъ враждебнаго намъ Союза. Начертаніе нашего стратегическаго фронта, занятаго къ данному времени, отвѣчало идеѣ наступленія, но никакъ не обороны; съ вынужденнымъ переходомъ къ сей послѣдней, рельефно должны были выступить всѣ наши слабыя мѣста. Удержаніе Польско-Галичскаго театра становилось задачей непосильной, и измѣнить въ чемъ-либо создавшееся положеніе собственными силами мы не могли; оказанная же нашими союзниками помощь, какъ увидимъ дальше, была слишкомъ слабой и недостаточной. — Переломъ на нашемъ фронтѣ, при этихъ условіяхъ, становился неизбежнымъ.

Читатель уже знаетъ, что герmano-австрійское наступленіе обнаружилось на участкѣ фронта, примѣрно въ 80 километровъ между р. Вислой и подножьемъ Бескидскаго хребта. Хотя я выше и высказалъ мысль, что, при состоявшемся рѣшеніи германской Главной Квартіры перенести центръ своихъ дѣйствій на востокъ, дальнѣйшій ходъ событій на нашемъ фронтѣ являлся болѣе или менѣе предопредѣленнымъ, тѣмъ не менѣе я не могу не признать, что направление для перваго удара, съ точки зрѣнія нашихъ противниковъ, было ими выбрано очень искусно. Дѣйствительно, это направление ближайшимъ образомъ угрожало тылу нашихъ войскъ Ю.-З. фронта, настолько углубившихся въ горы на Бартфельдскомъ, Дуклинскомъ и Лунковскомъ направленіяхъ, что оттяжка ихъ назадъ, съ цѣлью ли перегруппировки или просто отхода на тыловыя линіи, представляла сама по себѣ большія трудности. Конечно ударъ изъ Восточной Пруссіи, направленный противъ праваго фланга нашего стратегическаго фронта, могъ привести къ еще болѣе крупнымъ результатамъ, но, во-первыхъ, онъ требовалъ болѣе значительныхъ силъ для своего выполненія, каковыхъ силъ у германцевъ могло не оказаться въ свободномъ состояніи, а во-вторыхъ, такой ударъ могъ лишь косвенно и по истеченіи нѣкотораго времени отразиться на положеніи австро-венгерскихъ войскъ, которыя, наоборотъ, нуждались въ быстрой и непосредственной помощи.

Хотя свѣдѣнія о сосредоточеніи значительныхъ германскихъ резервовъ въ раіонѣ Кракова стали поступать къ намъ уже со середины февраля, но мы видѣли, что эти данныя являлись не соответствующими дѣйствительности и фактически сосредоточеніе въ западной Галичинѣ новыхъ германскихъ войскъ началось лишь съ середины апрѣля. Еще одинъ разъ, вслѣдствіе недостаточной воздушной развѣдки, сосредоточеніе это прошло для насъ почти

незамѣтно. Скрытность и быстрота маневра — двѣ характерныя черты, обычно удававшіяся нѣмцамъ и обезпечивавшія имъ успѣхъ на нашемъ фронтѣ.

Въ первую очередь съ французскаго фронта было снято девять пѣхотныхъ дивизій, которыя и были переброшены на фронтъ противъ насъ. Эти дивизіи, по свидѣтельству самихъ нѣмцевъ, были изъ самыхъ надежныхъ въ боевомъ смыслѣ; въ число ихъ входила и прусская гвардія; всѣ онѣ были богато снабжены артиллеріей, до самыхъ крупныхъ калибровъ включительно, и особенно боевыми припасами. вмѣстѣ съ войсками 4-й австрійской арміи, находившейся на р. Дунайцѣ, эти дивизіи составили ударную группу, въ числѣ 16—17-ти пѣх. и 2-хъ кав. дивизій, подраздѣленныхъ на двѣ арміи: 4-ю австрійскую Эрцгерцога Іосифа Фердинанда — отъ Вислы вверхъ по нижнему Дунаю, примерно, до Громника, и 11-ю германскую армію генерала Макензена — южнѣе австрійцевъ до предгорій Бескидскаго хребта.

Наступленіе герmano-австрійцевъ пришлось на участкѣ фронта, который съ нашей стороны былъ занятъ на правомъ флангѣ — ополченскими бригадами, а южнѣе войсками IX-го и X-го корпусовъ. Всѣ эти части принадлежали къ составу 3-й арміи, которой командовалъ генералъ Радко-Дмитріевъ.

По происхожденію — болгаринъ, генералъ Радко-Дмитріевъ былъ ученикомъ нашей Академіи Генеральнаго Штаба и долго служилъ въ рядахъ русской арміи на Кавказѣ; послѣ блестящихъ побѣдъ во главѣ одной изъ болгарскихъ арій надъ турками въ 1912-мъ году, онъ сталъ народнымъ героемъ у себя на родинѣ. Съ объявленіемъ намъ Австро-Венгеріи войны, явившейся въ результатѣ австро-сербскаго конфликта, генералъ Радко-Дмитріевъ, движимый идеей славянской солидарности, ходатайствовалъ о вторичномъ вступленіи въ ряды русской арміи, повидимому, въ надеждѣ создать этимъ своимъ шагомъ въ Болгаріи теченіе въ пользу присоединенія ея къ обще-славянскому освободительному движенію противъ Австріи. Увы!... Мы уже видѣли, что, увлекаемая антинаціональной политикой навязаннаго ей Царя Фердинанда, Болгарія все болѣе отходила отъ единственно здороваго и разумнаго для нея пути — единенія со своими братьями по вѣрѣ и языку.

Генерала Радко-Дмитріева я узналъ впоследствии очень хорошо и близко по совместной службѣ на Сѣверномъ фронтѣ. На этомъ фронтѣ онъ командовалъ въ 1916—17 г. г. 12-ой арміей въ Рижскомъ районѣ, а же сначала былъ начальникомъ штаба фронта, а затѣмъ — боевымъ сосѣдомъ генерала Радко-Дмитріева по должности командующаго 5-й арміей, стоявшей по Двинѣ, въ районѣ Двинска. Въ этотъ періодъ времени я научился глубоко цѣнить и уважать генерала Радко-Дмитріева. Высоко одаренный, настойчивый, лично беззаветно храбрый и не терявшійся ни при какой обстановкѣ, онъ былъ безусловно выдающимся военачальникомъ, и единственнымъ недостаткомъ, присущимъ ему, являлась, быть можетъ, недооцѣнка имъ роли и значенія на войнѣ современной военной техники. Я объяснялъ себѣ это качество генерала Радко-Дмитріева условіями его предшествовавшей службы на Кавказѣ и боевымъ воспитаніемъ въ обстановкѣ Балканскихъ войнъ. Въ должности

Командующаго 12-ой арміей на генерала Радко-Дмитріева надвинулась въ 17-мъ году русская революція. Его пассивность въ этотъ тяжелый для арміи періодъ времени вызвала со стороны многихъ русскихъ людей рядъ нареканій. Но нельзя забывать, что создавшееся положеніе было особо труднымъ и деликатнымъ именно для него — не коренного русскаго человѣка. Онъ самъ чувствовалъ щекотливость своего положенія и постарался вскорѣ уйти отъ командоваанія арміей.

Итакъ, 1-го мая обнаружилась активныя дѣйствія соединенныхъ германовострійскихъ силъ на участкѣ фронта къ югу отъ Вислы до подножья Бескидскихъ горъ. Съ ночи начался ожесточенный обстрѣлъ легкой и тяжелой артиллеріей нашихъ позицій отъ Тарнова до Горлице. Непріятель бросалъ на этомъ участкѣ фронта ужасающей силы и мощности бомбы, которыя производили на войска потрясающее впечатлѣніе. Въ короткій срокъ наши окопы и проволочныя загражденія были сравнены съ землею. Вслѣдъ затѣмъ началась атака лѣваго участка IX-го и всего фронта X-го корпусовъ.

«2-го мая послѣ полудня, говорилось въ соответствующемъ донесеніи штаба Ю.-З. фронта въ Ставку, противнику удалось занять нѣкоторые пункты нашей позиціи и мѣстами прорваться вглубь». Этотъ прорывъ между IX-мъ и X-мъ корпусами постепенно увеличился, и заполненіе его вводившимися резервами не удалось. Ввиду изложеннаго, Командующій 3-й арміей призналъ необходимымъ отвести X-й корпусъ въ районъ Біеча. Въ расчетѣ выправить положеніе, въ составъ 3-й арміи, распоряженіемъ фронта, былъ включенъ III-й Кавк. корпусъ, который 2-го мая подошелъ къ Кросно и отсюда былъ двинуть на Ясло и Змигородъ. Сверхъ того, по указанію Ставки, въ составъ той же арміи была направлена 63-я пѣх. дивизія и предназначены къ перевозкѣ еще двѣ дивизіи (13-я сиб. и 82-я) съ С.-З. фронта. Съ прибытіемъ всѣхъ этихъ частей, общій составъ 3-й арміи долженъ былъ увеличиться до 20-ти пѣх., 6-ти кав. дивизій и 5-ти ополченскихъ бригадъ. Но такъ какъ всѣ эти части находились въ большомъ некомплектѣ (за исключеніемъ III-го Кавк. корпуса), то, распоряженіемъ Ставки, была усилена высылка Ю.-З. фронту укомплектованій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для улучшенія боевого снабженія, артиллерійскихъ припасовъ.

Положеніе атакованной арміи, тѣмъ не менѣе, не переставало быть очень труднымъ. Она была растянута отъ Вислы до Лупковскаго перевала (вѣрнѣе до Смольника) на фронтѣ около 175 километровъ, причемъ ея лѣвофланговые корпуса (XXIV-й и XII-й) глубоко втянулись въ горы, частично перекинувшись на южные склоны главнаго хребта. Съ другой стороны, назначенныя въ составъ этой арміи подкрѣпленія могли начать свой подходъ лишь постепенно, почему организація какого-либо контръ-маневра становилась трудно-осуществимой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ показаній плѣнныхъ, выяснилось, что мы имѣемъ противъ себя германскія войска, прибывшія съ запада, и что прорывъ нашего фронта совершенъ новой арміей, находящейся подъ начальствомъ генерала Макензена, въ составѣ четырехъ нѣмецкихъ корпусовъ. При такихъ услови-

яхъ, Командующій 3-й арміей генералъ Радко-Дмитріевъ признавалъ неизбежнымъ отходъ арміи на правый берегъ р. Вислоки; Главнокомандующій же Ю.-З. фронтомъ генералъ Ивановъ указывалъ на желательность удержанія 3-й арміей р. Вислоки отъ ея верховьевъ у Дуклинскаго перевала до Пильзно, далѣе же — на Щучинъ, дабы не потребовалось измѣнять положенія сосѣднихъ 8-й и 4-й армій.

Къ сожалѣнію, Командованіе 3-й арміей не сумѣло заблаговременно создать у себя въ тылу прочной укрѣпленной линіи и потому войска этой арміи, подъ давленіемъ не ослабѣвающихъ атакъ генерала Макензена, продолжали постепенно откатываться назадъ, несмотря на категорическое требованіе Верховнаго Главнокомандующаго — считать предѣломъ допустимаго отхода 3-й арміи линію фронта, опредѣляемую меридіаномъ нижней Вислоки. Приходится, вообще, констатировать тотъ печальный фактъ, общій для всѣхъ армій, какъ Ю.-З. такъ и С.-З. фронтовъ, что работы по закрѣпленію тыла велись у насъ безъ должной системы и необходимой энергіи, почему при отходѣ много, на что войска были вправѣ рассчитывать, оказывалось въ дѣйствительности отсутствующимъ.

Въ періодъ отхода 3-й арміи, наиболѣе трудное положеніе выпало на долю XXIV-го корпуса, который былъ вынужденъ искать спѣшнаго выхода изъ горъ.

Корпусъ этотъ, къ началу германо-австрійскаго наступленія, былъ расположенъ своими двумя дивизіями въ районѣ Зборо, по обѣ стороны шоссе, ведущаго изъ Бартфельда къ Змигроду. Справа къ этому корпусу примыкалъ X-й корпусъ, слѣва — XII-й. Кромѣ названнаго шоссе, въ тылъ корпуса, отъ его лѣваго фланга, отходило еще другое шоссе отъ Свидника, черезъ Дуклинскій перевалъ на с. Дуклу и далѣе Кросно; но это послѣднее шоссе было предоставлено штабомъ 3-й арміи въ распоряженіе сосѣдняго XII-го корпуса.

До 4-го мая включительно корпусъ сохранялъ свое положеніе, не тревожимый съ фронта противникомъ, принадлежавшимъ къ составу 3-й австрійской арміи генерала Боровича. Однако, сбитый съ большими потерями со своихъ позицій сосѣдній справа X-й корпусъ, отходившій передъ германцами, постепенно отжимался послѣдними въ сѣверо-восточномъ направленіи, вслѣдствіе чего между нимъ и XXIV-мъ корпусомъ образовался прорывъ, въ результатъ котораго къ вечеру 4-го мая обнажился со стороны запада путь на Змигродъ, въ тылъ войскамъ этого послѣдняго корпуса. Обстоятельство это выгудило штабъ арміи отдать распоряженіе о соответственномъ отходѣ, въ ночь на 5-е мая, частей XXIV-го корпуса и сосѣдняго съ нимъ слѣва XII-го корпуса на линію, проходившую черезъ Дуклинскій перевалъ, с. Мисцова и небольшой пунктъ, лежащій нѣсколько западнѣе Змигрода. Но уже около полудня Змигродъ оказался занятымъ нѣмцами, которые продвинули небольшой отрядъ еще глубже къ востоку и взяли подъ обстрѣлъ Дуклинское шоссе. При такой обстановкѣ, войска XXIV-го корпуса, не успѣвшія полностью пройти пункты, занятые германцами, оказались въ очень трудномъ положеніи. Что касается правофланговой дивизіи этого корпуса (49-й), то ей все же удалось цѣлкомъ

выскользнуть изъ подъ германскихъ ударовъ и собраться у Красно; положеніе же лѣвофланговой дивизіи — 48-й, находившейся подъ начальствомъ генерала Корнилова, затруднилось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что на нее съ юга стали насаждать австрійцы. Послѣдніе 6-го мая атаковали части этой дивизіи съ верхиѣ Дуклинскаго перевала и нанесли имъ весьма сильный ударъ. Къ ночи на 7-е мая значительная часть 48-й дивизіи оказалась окруженной, кюжиѣ с. Дукла, съ сѣвера германцами и съ юга австрійцами. Несмотря на все стремленія окруженныхъ частей пробиться, задача эта оказалась недостижимой, и наши части, охваченныя со всехъ сторонъ, съ утра 7-го мая подверглись разстрѣлу артиллерійскимъ, ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ непріятеля. Остатки ихъ были взяты въ плѣнъ. — Той же участи подвергся впоследствии и раненный въ руку Начальникъ дивизіи генералъ Корниловъ, скрывавшійся со своимъ штабомъ въ лѣсахъ и горахъ въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Читатель не посѣтуетъ, конечно, если я посвящу нѣсколько дополнительныхъ строкъ этому доблестному генералу, которому суждено было занять исключительно роль въ дальнѣйшій періодъ нашей революціи и гражданской войны.

Генералъ Корниловъ пробылъ въ австрійскомъ плѣну свыше года, непрестанно обдумывая планъ побѣга на Родину. Но осуществить этотъ планъ ему удалось лишь въ іюль 1916-го года. Будучи въ австрійскомъ госпиталѣ, онъ нашелъ себѣ случайно союзника, въ лицѣ одного изъ низшихъ служащихъ этого заведенія, чеха по происхожденію. Переодѣвшись въ форму австрійскаго солдата, генералъ Корниловъ былъ выпущенъ изъ госпиталя и по желѣзной дорогѣ благополучно добрался до Румынской границы, которую ему и удалось перейти.

По прибытіи въ Россію, генералъ Корниловъ принялъ освободившійся, вслѣдствіе моего перехода на должность Начальника Штаба сѣвернаго фронта, XXV-й корпусъ. Съ этой должности мартовская революція 17-го года выдвинула его постепенно на самые верхи арміи. Въ тяжелый для жизни арміи періодъ безмѣрнаго увлеченія свободами, генералъ Корниловъ самоотверженно работалъ надъ сохраненіемъ силы и величія этой арміи, долженствовавшей обезпечить Россіи побѣду надъ врагами. Неподдержанный Временнымъ Правительствомъ А. Ф. Керенскаго и сраженный въ борьбѣ съ послѣднимъ, генералъ Корниловъ въ концѣ 17-го года, послѣ болѣе чѣмъ двухмѣсячнаго заточенія въ Быховской тюрьмѣ, перебрался на Донъ, гдѣ и сталъ во главѣ формировавшейся генераломъ Алексѣевымъ Добровольческой Арміи. Продолжая борьбу за спасеніе Россіи, на этотъ разъ отъ ига большевиковъ, генералъ Корниловъ, на широкихъ степяхъ Кубани, отдалъ Россіи и свою жизнь...

Отличительными чертами генерала Корнилова были твердость духа и неустрашимость. Сынъ бѣднаго сибирскаго казачьяго офицера, онъ закалнилъ свой характеръ еще въ молодыхъ годахъ, пройдя суровую и длительную служебную школу на нашихъ далекихъ окраинахъ. Свое — «львиное сердце» онъ проявилъ уже въ Русско-японскую войну, гдѣ, будучи молодымъ офицеромъ

Генеральнаго Штаба, отличился въ весьма тяжеломъ арьергардномъ дѣлѣ подъ Мукденомъ, за которое получилъ свой первый Георгіевскій крестъ.

Въ связи съ отходомъ 3-й арміи и съ доклада Верховному Главнокомандующему, генераль Иванова принялъ рѣшеніе отвести назадъ правофланговые корпуса 8-й арміи, а затѣмъ и 4-ю армію, остававшуюся на лѣвомъ берегу р. Вислы. При этомъ, вслѣдствіе сокращенія фронта, удалось въ этихъ арміяхъ создать кое-какіе резервы. Такъ, въ 3-й арміи были выведены въ резервъ XXI-й корпусъ, который впоследствии былъ брошенъ въ контръ-атаку. Маневръ этого корпуса, однако, не привелъ къ положительному результату, и 3-я армія продолжала свой отходъ.

10-го мая генераль Радко-Дмитріевъ доносилъ, что ввѣренная ему армія въ десятидневныхъ бояхъ «доблестно сражаясь, буквально истекла кровью». Во многихъ дивизіяхъ оставалось не свыше 1000 штыковъ. При такихъ условіяхъ, командующій арміей находилъ необходимымъ получить разрѣшеніе на отводъ всей своей арміи за р. Сань, чтобы дать возможность большинству ея корпусовъ оправиться и пополниться.

Ввиду такого положенія дѣлъ, Верховный Главнокомандующій, директивой отъ того же 10-го мая, оказался вынужденнымъ поставить войскамъ Ю.-З. фронта новую болѣе ограниченную задачу, сводившуюся къ отсѣиванію въ дальнѣйшемъ восточной части Галичины, пользуясь для сего, какъ крайнимъ восточнымъ рубежомъ, оборонительными линіями р. р. Сана и Днѣстра. При этомъ, особое вниманіе Главнокомандующаго арміями Ю.-З. фронта обращалось на то, чтобы, безъ крайней необходимости, не уступать противнику лишняго пространства особенно на лѣвомъ флангѣ, на которомъ между 8-й и 9-й арміями была образована на Стрыйскомъ направленіи новая 11-я армія (ген. Щербачева), составленная въ началѣ изъ двухъ корпусовъ (XVIII-го и XXII-го). Такъ какъ, при отходѣ къ Сану, долженъ былъ возникнуть вопросъ о Перемышлѣ, то Верховный Главнокомандующій счелъ необходимымъ дать, въ отношеніи этой крѣпости, особое указаніе. Ввиду состоянія укрѣпленій, разрушенныхъ передъ сдачей австрійцами, и недопустимости выдѣленія для обороны Перемышля самостоятельнаго гарнизона, пунктъ этотъ надлежало разсматривать не какъ крѣпость, а только какъ участокъ заблаговременно укрѣпленной позиціи, который долженъ былъ быть занимаемъ и обороняемъ лишь въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными пользою и нуждами оперирующихъ въ его районѣ полевыхъ войскъ. Этимъ указаніемъ былъ впервые официально закрѣпленъ у насъ новый взглядъ на служебную роль крѣпостей и вообще постоянныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ, согласно котораго оборона послѣднихъ должна быть признаваема сохраняющей свой внутренней смыслъ лишь до тѣхъ поръ, пока пункты эти находятся въ оперативной связи съ полевой арміей. Съ утратой этой связи, дальнѣйшая оборона укрѣпленныхъ пунктовъ, при современныхъ условіяхъ, является стратегически и тактически не только безцѣльной, но даже вредной, поскольку она вызываетъ необходимость ослабленія полевой арміи.

путемъ выдѣленія войскъ и артиллеріи въ составъ гарнизоновъ обороняемыхъ пунктовъ. Это, конечно, далеко не значитъ, что крѣпость, предоставленная себѣ, не должна стремиться къ упорной оборонѣ до послѣдняго предѣла — всего лучше до конца войны; такой выводъ былъ бы глубоко ошибоченъ. Но это значитъ, что Верховное Главнокомандованіе, не рассчитывающее на возможность такого поворота операций, при которомъ крѣпость вновь войдетъ въ зону маневра полевыхъ армій, не должно останавливаться передъ рѣшеніемъ и соответственнымъ приказаніемъ эвакуировать крѣпость, если присоединеніе гарнизона и спасеніе боевыхъ запасовъ будутъ признаны для этихъ армій болѣе выгоднымъ, чѣмъ оставленіе ихъ въ крѣпости, для продолженія сопротивленія послѣдней. Единственнымъ указателемъ въ этомъ случаѣ должны быть интересы полевой арміи — этой высшей вершительницы судебъ на войнѣ. При этомъ надлежитъ конечно учитывать, что, въ вѣчной борьбѣ артиллерія и фортификаціи, нынѣ наступилъ періодъ рѣшительной побѣды первой надъ второй, и что поэтому удержаніе изолированной крѣпости, при наличіи у наступающаго мощной и подвижной артиллеріи, богато снабженной огнестрѣльными припасами, является задачей весьма мало благодарной. Въмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо еще имѣть въ виду и то обстоятельство, что при современномъ масштабѣ войны, широко развитой сѣти сообщеній и высокомъ состояніи техники, дающей возможность сравнительно легко и скоро создавать обходные пути и пользоваться, сверхъ желѣзныхъ дорогъ, тракторнымъ сообщеніемъ, изолированныя крѣпости, естественно, потеряли значительную долю своего прежняго назначенія — замедлять и осложнять наступательное движеніе неприятельской арміи.

Какъ ни тяжелы были испытанія, посланныя русской арміи въ описываемый періодъ войны, они все же не создавали еще угрозы всему нашему положенію, при условіи удержанія линіи рѣкъ Сана и Днѣстра. Линія этихъ рѣкъ прикрывала отъ противника важнѣйшую для насъ восточную часть Галичины по кратчайшему направленію. Лѣвый флангъ этой линіи упирался въ нейтральную намъ Румынію, правый же легко связывался съ дальнѣйшимъ направленіемъ нашего фронта на лѣвомъ берегу Вислы и затѣмъ вдоль границы съ Восточной Пруссіей. Съ занятіемъ этой линіи, получалось даже нѣкоторое улучшеніе въ общемъ очертаніи фронта и довольно существенное сокращеніе его протяженія, не менѣе, чѣмъ на 100 километровъ, что имѣло немаловажное значеніе, принимая во вниманіе потери, понесенныя нашими войсками во время отхода. Наконецъ, линія рѣкъ Сана и Днѣстра надежно прикрывала и все пути въ предѣлахъ какъ русской Польши съ юга, такъ и Юго-Западнаго края, равно предохраняла насъ отъ необходимости раздѣленія силъ, неизбежно вызывавшагося, при дальнѣйшемъ отходѣ наличіемъ въ тылу неудобнаго для военныхъ дѣйствій пространства, начинавшагося недалеко отъ Львова и сливавшагося на сѣверѣ съ обширными болотами нашего Полѣся.

Остановившись на этой линіи и получивъ, послѣ ряда непрерывныхъ боевъ, передышку, войска наши могли разобратся и оправиться, дожидаться необхо-

димыхъ пополненій и, такимъ образомъ, возродиться для новой борьбы. Съ другой же стороны, жизненность австро-венгерской арміи обуславливалась лишь ея наступленіемъ, и притомъ плечомъ къ плечу съ нѣмцами. При такихъ условіяхъ, рѣшительнымъ отпоромъ на Санѣ и Днѣстрѣ, а еще лучше контръ-ударомъ, мы могли создать въ австро-венгерской арміи психологической переломъ и вернуть ее къ прежнему безсилію. Весьма важно было также воспрепятствовать дальнѣйшей переброскѣ германскихъ войскъ противъ насъ.

Все эти соображенія съ полной отчетливостію стояли передъ Верховнымъ Главнокомандованіемъ, которое поэтому и настаивало на необходимости удержанія р. р. Сана и Днѣстра. Эти же соображенія заставили Великаго Князя обратиться, еще 8-го мая, съ телеграммой къ генералу Жоффру, съ изложеніемъ въ ней всей важности скорѣйшаго приступа на западномъ фронтѣ къ исполненію той наступательной операціи, къ которой тамъ съ нѣкотораго времени готовились.

Въ соотвѣтствіи съ новою задачею, поставленною Верховнымъ Главнокомандующимъ арміямъ Ю.-З. фронта, генераль Ивановъ указалъ 3-й арміи отходить къ Сану, а 8-й арміи — въ промежутокъ между Саномъ и Днѣстромъ; 4-я армія должна была соотвѣтственно оттянуть свой лѣвый флангъ къ р. Вислѣ; остальные двѣ арміи — 11-я и 9-я — активно оборонять р. Днѣстръ и даѣе нашу границу до Румыніи.

Главной задачей всѣхъ этихъ армій являлось прикрытіе путей, ведущихъ къ Львову и въ предѣлы Россіи.

Отходъ 3-й и 8-й армій на новую линію былъ законченъ къ срединѣ мая. Его не могъ предотвратить и дополнительно перебросенный съ С.-З. фронта въ составъ 3-й арміи XV-й корпусъ.

Такимъ образомъ, въ двухнедѣльный промежутокъ времени обѣ эти арміи отдали противнику полосу мѣстности примѣрно въ 100 километровъ шириною. Отходъ названныхъ армій совершился столь быстро, что предположеніе о сосредоточеніи ударной группы въ излучинѣ, образуемой впаденіемъ р. Сана въ Вислу, съ тѣмъ, чтобы оттуда перейти въ контръ-атаку при приближеніи противника къ Сану, оказалось по времени неисполнимымъ. Наши желѣзныя дороги были плохо приспособлены къ массовымъ перевозкамъ, и войска, слѣдуя по одной узкоколейной дорогѣ на Развадовъ, построенной къ тому же въ военное время, могли приливать въ избранный районъ лишь медленнымъ и немощнымъ потокомъ. Пришлось, поэтому, большую часть подкрѣпленій посылать болѣе кружнымъ путемъ, причемъ, выходя на фронтъ и поступаая въ распоряженіе генерала Иванова, подкрѣпленія эти направлялись въ наиболѣе угрожаемые пункты по частямъ, незамѣтно и безъ пользы сгорая въ общемъ движеніи за Санъ. Такъ сгорѣлъ и III-й Кавк. корпусъ, на который возлагались особые надежды. — Отступленіе армій Ю.-З. фронта продолжало шириться, опасность постепенно разрасталась.

Отвлечение германскихъ силъ и вниманія въ нашу сторону значительно облегчало положеніе нашихъ союзниковъ на западѣ. Надо имѣть въ виду, что англійская армія къ этому времени далеко еще не получила намѣченного для нея лордомъ Китченеромъ развитія. Что касается французовъ, то вся первая половина 15-го года была для нихъ критическимъ періодомъ времени. Значительная часть ихъ сѣверо-восточнаго важнѣйшаго промышленнаго района была оккупирована или разрушена нѣмцами. Заказы заграницей, преимущественно въ Америкѣ, выполнялись медленно и неудовлетворительно. Эти обстоятельства въ высокой степени затрудняли обезпеченіе арміи боевыми припасами и замѣну износившейся матеріальной части. Не мало затрудненій представляло также обезпеченіе французской арміи личнымъ составомъ, послѣ потерь, понесенныхъ въ первый кровавый періодъ войны. При такихъ условіяхъ, новый нажимъ нѣмцевъ на западномъ фронтѣ могъ привести къ гибельнымъ для этого фронта послѣдствіямъ. Но переброска германскихъ войскъ на восточный фронтъ спасла нашихъ союзниковъ отъ этой опасности. Такимъ образомъ уже четвертый разъ отъ начала войны Россія, притягивая къ себѣ все новыя германскія силы, облегчала положеніе своихъ западныхъ союзниковъ — Франціи и Англии.

Несмотря на неготовность не только къ сколько-нибудь широкому наступленію, но, можетъ быть, и къ отраженію непріятеля, наши союзники, принимая во вниманіе обстановку на нашемъ фронтѣ, не сочли все же возможнымъ оставлять въ бездѣйствіи и рѣшились на оказаніе намъ посильнаго содѣйствія. Участкомъ для очереднаго наступленія былъ на сей разъ избранъ стѣкъ между двумя союзными арміями, и въ началѣ мая, начались атаки: англичанъ 8-го мая у Ла-Бассе, а на слѣдующій день французовъ — къ сѣверу отъ Арраса.

Съ отходомъ нашихъ армій къ Сану, Великій Князь Николай Николаевичъ счелъ своей обязанностью вновь выяснить генералу Жоффру всю серьезность положенія на нашемъ фронтѣ. — Въ телеграммѣ отъ 14-го мая Верховный Главнокомандующій отмѣчалъ пораженіе нашей 3-й арміи и тяжесть ея потерь, но все же выражалъ надежду, что намъ удастся удержать за собою линію р. Сана. — «Значительно уменьшенныя силы нѣмцевъ на западномъ фронтѣ, писалъ Великій Князь, могли бы въ большой степени облегчить союзнымъ арміямъ развитіе начатаго ими наступленія и способствовать превращенію послѣдняго въ широкую операцію». — Отъ начала войны число германскихъ дивизій пѣхоты — дѣйствующей и резервной, — по исчисленіямъ нашей Ставки, возросло на фронтѣ противъ насъ съ 9-ти до 38-ми, и вѣроятно до 42-хъ, а кавалерійскихъ — съ одной до девяти или десяти. Изъ этого числа, отъ 80-ти до 90-а полковъ пѣхоты и отъ 48-ми до 54-хъ полковъ кавалеріи было переброшено къ намъ съ западнаго фронта. Наоборотъ, указывалъ Великій Князь, ни одна германская часть, однажды появившаяся на нашемъ фронтѣ, не могла, благодаря нашей боевой дѣятельности, быть переброшенной обратно на западный фронтъ. Было бы очень желательно, говорилось въ заключительной части телеграммы, если бы могла быть затруднена дальнѣйшая переброска герман-

сихъ войскъ на нашъ фронтъ. Было бы также желательно ускорить выступленіе Италіи, которому благоприятствуетъ какъ начатое союзниками наступленіе, такъ и прикованность австро-германскихъ войскъ къ нашему фронту. Настоятельно также необходимо скорѣйшее полученіе обѣщанныхъ намъ французскимъ правительствомъ боевыхъ припасовъ и запаса винтовокъ.

Майское наступленіе нашихъ союзниковъ имѣло длительный и упорный характеръ. Вначалѣ французы имѣли довольно крупный успѣхъ, который, однако, имъ не удалось развить. Бои, вспыхивая и временами стихая, продолжались въ теченіе всего мая. Они вѣроятно доставили германскому Верховному Главнокомандованію не мало заботъ, но, по размѣру всей операціи, не могли ни остановить, ни даже ослабить силы нажима германцевъ противъ насъ.

Рѣшившись начать наступленіе противъ праваго фланга нашихъ войскъ, находившихся въ Галичинѣ, германское Верховное Главнокомандованіе предприняло рядъ демонстративныхъ дѣйствій на фронтѣ отъ Балтійскаго моря до Пилицы. Весь этотъ фронтъ, какъ извѣстно, занимался исключительно нѣмецкими войсками.

Уже въ серединѣ апрѣля въ Ставку поступили свѣдѣнія объ усиленіи неприятеля въ Маріампольскомъ районѣ и сосредоточеніи его на линіи Кенигсбергъ — Инстербургъ, съ выдвиганіемъ конницы къ нижнему Нѣману. Наша воздушная развѣдка подтверждала эти данныя.

Ввиду этого, Главнокомандующій С.-З. фронтомъ предпринялъ нѣкоторые мѣры частнаго характера по упроченію своего праваго фланга. Онъ предпринялъ всѣ прибывающія на фронтъ укомплектованія направлять прежде всего въ 10-ю армію, которая и составляла этотъ флангъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, генераломъ Алексѣевымъ было указано вести самымъ энергическимъ образомъ инженерную подготовку тыла этой арміи; различные же мелкіе отряды, находившіеся въ это время въ Риго-Шавельскомъ районѣ, были имъ объединены, для упорядоченія управления, въ рукахъ генерала Сиреліуса, на правахъ командира корпуса.

Независимо того, генераль Алексѣевъ продолжалъ настойчиво стремиться къ накапливанію въ своемъ распоряженіи резервовъ, не останавливаясь для сего выводомъ изъ линіи фронта въ тылъ, къ желѣзнымъ дорогамъ, цѣлыхъ корпусовъ, которые могли быть перебрасываемы вдоль фронта, смотря по обстановкѣ.

Въ концѣ апрѣля и началѣ мая частичныя попытки германцевъ къ переходу въ наступленіе проявились во всѣхъ арміяхъ, находившихся въ подчиненіи генералу Алексѣеву. На лѣвомъ берегу Вислы нѣмцы вновь, и на сей разъ усиленно, стали примѣнять газовыя атаки. Эти атаки, впрочемъ, не всегда имъ удавались, влѣдствіе зависимости отъ погоды и направленія вѣтра. Внезапное измѣненіе послѣдняго, во время выпуска газовъ, способно было обратить это грозное оружіе противъ нашихъ же враговъ. Тѣмъ не ме-

нѣе, удушливые газы являлись въ рукахъ нашихъ противниковъ новымъ очень серьезнымъ средствомъ борьбы, тѣмъ болѣе что мы все еще не научились бороться съ нимъ болѣе или менѣе удовлетворительно.

Одинъ изъ нашихъ Сибирскихъ полковъ понесъ отъ газовой атаки нѣмцевъ жестокія потери. Количество жертвъ и видъ людей, пострадавшихъ отъ ядовитыхъ газовъ, которые дѣйствовали разрушающе на всѣ слизистыя оболочки, производили потрясающее впечатлѣніе. Этотъ тяжелый эпизодъ вызвалъ горячій откликъ со стороны разнаго рода общественныхъ организацій и отдѣльныхъ лицъ. Въ армію потекли пожертвованія деньгами и предохранительными повязками различныхъ системъ; посылались также разнаго рода предложенія и запросы, касавшіяся борьбы съ новымъ смертоноснымъ средствомъ, введеннымъ въ употребленіе нашимъ противникомъ. Высоко цѣняя отзывчивость общества къ нуждамъ арміи, штабъ Верховнаго Главнокомандующаго вынужденъ былъ даже, для упорядоченія дѣла, издать особый приказъ, регулировавшій порядокъ направленія всѣхъ пожертвованій и предложеній, относившихся къ данному вопросу. Но всѣ наши усилія въ борьбѣ съ ядовитыми газами носили на себѣ долгое время кустарный характеръ и въ общемъ были мало удовлетворительны. Равнымъ образомъ и выработка въ Россіи ядовитыхъ газовъ наладилась много позднѣе, уже въ 1916-мъ году. Войска, впрочемъ, не любили пользоваться этимъ средствомъ, и появленіе баллоновъ съ ядовитыми газами на томъ или иномъ участкѣ фронта всегда встрѣчалось не особенно дружелюбно. Въ полезной дѣйственности газовъ не было увѣренности, а работы и возни съ установкой баллоновъ было не мало; къ тому же неумѣлый или несвоевременный выпускъ газа могъ угрожать большими неприятностями и самимъ защитникамъ того участка, на которомъ газъ выпускался.

Одновременно съ оживленіемъ дѣятельности непріятеля на С.-В. фронтѣ, возобновились также бомбардировка имъ Осовца и мелкія атаки на правобережныя позиціи этой крѣпости; атаки эти, однако, отражались сравнительно легко гарнизономъ крѣпости. — Но наиболѣе рѣшительными были дѣйствія нѣмцевъ въ Риге-Шавельскомъ районѣ.

Наступленіе въ этомъ районѣ обнаружилось 27-го апрѣля; оно началось движеніемъ непріятельскихъ колоннъ, изъ конницы и пѣхоты, отъ Юрбурга, Тильзита и Мемеля на Россіены, Кельмы и Тельши. 28-го апрѣля нѣмецкою бригадою были заняты Россіены, а къ 1-му мая непріятельскіе отряды появились на желѣзнодорожномъ участкѣ Радзивилички—Муравьево. Временно нѣмцами былъ захваченъ городъ Шавли. Непріятельская кавалерія стала быстро разливаться по всей Курляндіи. Одновременно выяснилось, что къ Либавѣ подошелъ и приступилъ къ вылавлыванію нашихъ минъ непріятельскій караванъ траллеровъ. 7-го мая нѣмцы съ сухонутья овладѣли этимъ пунктомъ, представлявшимъ изъ себя единственный благоустроенный портъ въ южной части Балтійскаго моря.

Наши слабые отряды, прикрывавшіе границу къ сѣверу отъ Нѣмана, подъ давленіемъ нѣмцевъ, стали быстро отходить къ Митавѣ и Бауску; главныя же силы, находившіяся въ названномъ районѣ, отступили за Дубиссу и къ Кей-данамъ.

Съ обнаруженіемъ наступленія нѣмцевъ, генераль Алексѣевъ немедленно распорядился усиленіемъ войскъ Риги-Шавельскаго района новыми частями и указалъ Командующему 10-й арміей (генералу Радкевичу), которому были подчинены всѣ эти войска, на необходимость болѣе сильнаго отпора попыткамъ противника на р. р. Дубиссѣ и Виндавѣ. Въ свою очередь, Ставка предписала Балтійскому флоту оказывать содѣйствіе нашимъ сухопутнымъ силамъ при операціяхъ въ прибрежной полосѣ Балтійскаго моря, не вводя, однако, въ дѣло большихъ кораблей; послѣдніе имѣли свою, можетъ быть узкую, но крайне важную для общаго положенія дѣлъ задачу — гарантировать, совмѣстно съ мннимъ загражденіемъ, безопасность Финскаго залива.

Въ этотъ, приблизительно, періодъ времени, когда надлежало ожидать оживленія военныхъ дѣйствій на морскомъ театрѣ, Балтійскій флотъ понесъ тяжелую утрату въ лицѣ своего вождя — адмирала Эссена, скончавшагося отъ болѣзни 20-го мая. Вѣсть эта была встрѣчена общою печалью; вся Россія знала популярнаго адмирала, вѣрила въ его выдающіяся способности и энергію.

Замѣстителемъ адмирала Эссена на посту Командующаго флотомъ Балтійскаго моря явился адмиралъ Канинъ.

Борьба за обладаніе линіями р. р. Виндавы и Дубиссы тянулась, безъ особыхъ результатовъ, въ теченіе всего мая мѣсяца. Нѣмцы въ Риги-Шавельскомъ районѣ стали постепенно усиливать свои войска, и особенно кавалерію, снимая ее съ другихъ участковъ нашего фронта и перебрасывая также новыя кав. дивизіи съ запада, изъ Франціи. Примѣру противника долженъ былъ слѣдовать и генераль Алексѣевъ, который, независимо отъ конныхъ частей, оказался вынужденнымъ постепенно перебросить въ данный районъ до семи пѣх. дивизій.

Такимъ образомъ, въ задачу нашихъ арій С.-З. фронта прикрывавшихъ до настоящаго времени, главнымъ образомъ, подступы къ среднему Нѣману, Бобру, Нареву и Вислѣ, на участкѣ отъ Новогеоргіевска до Пилицы, постепенно стала входить новая и притомъ весьма серьезная забота по прикрытію путей на правомъ берегу р. Нѣмана къ Вильнѣ, Двинску и Ригѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, войска С.-З. фронта, постепенно принужденныя для разрѣшенія новой задачи растягиваться къ сѣверу до Балтійскаго побережья, стали ослабляться переброскою части ихъ на Ю.-З. фронтъ, гдѣ, какъ мы уже знаемъ, развернулось весьма серьезныя и отвѣтственныя боевыя дѣйствія.

16-го мая генераль Ивановъ отдаетъ по вѣреннымъ ему арміямъ Ю.-З. фронта директиву, предусматривавшую удержаніе въ нашихъ рукахъ линій р. Сана.

4-я армія (XIV, XVI, Гр., XXV и XXX корпуса) должна удерживать позицию Высмержиде — Илжа — Опатовъ — Копршивница — Тарнобжегъ до р. Цыганы включительно.

3-й арміи (XV, IX, X, III Кавк., XXIV и XXXIX корпуса) — указывалось упорно оборонять позиции отъ р. Цыганы на Развадовъ и далѣе по правому берегу р. Сана до р. Скло. Въ день отдачи директивы, XXIV-й корпусъ этой арміи вынужденъ былъ противникомъ къ оставленію тетъ-де-пона у Ярослава. Непріятель становился хозяиномъ лѣваго берега р. Сана.

8-я армія (XXI, XII, VIII, XVII, XXVIII и VII корпуса) — отступаетъ фронтъ Радымно — Перемышль — Конюшки — Сосуловъ (на Днѣстрѣ).

11-й арміи (XVIII и XXII корпуса) ставилась задача — продолжать удерживать районъ Стрыя и Долины.

И наконецъ 9-я армія (XI, XXX, XXXIII и XXXII корпуса), которая къ этому времени овладѣла Надворной и районами Коломыя и Снятыни, — должна была развивать уже достигнутый успѣхъ.

Однако, уже на слѣдующій день, 17-го мая, германцы въ районѣ Ярослава успѣваютъ переправиться на правый берегъ р. Сана и, продвигаясь къ Радавѣ, угрожаютъ новымъ прорывомъ на фронтѣ 3-й арміи между III-мъ Кавк. и XXIV-мъ корпусами. — Съ большими усилиями удается закрыть угрожаемое мѣсто.

На слѣдующій день, 18-го мая, германцы повели энергичную атаку къ югу отъ Перемышля, въ направленіи на Мосциску. Напоръ былъ столь силенъ, что возникла мысль объ очищеніи Перемышля, дабы часть нашихъ войскъ не оказалась въ немъ запертой, равно о дальнѣйшемъ отходѣ арміи Ю.-З. фронта на востокъ. Но въ слѣдующіе дни положеніе нѣсколько исправилось, и мысль объ отходѣ была на время оставлена.

Приемы противодѣйствія германско-австрійскому наступленію, примѣнявшіеся Главнокомандованіемъ Ю.-З. фронта въ періодъ отхода 3-й и 8-й арміи къ Сану и верховьямъ Днѣстра, вызвали серьезныя сомнѣнія въ Ставкѣ. Эти приемы, какъ уже было отмѣчено выше, заключались въ подпираниіи отходившихъ войскъ прибывавшими подкрѣпленіями изъ глубины. Такой способъ дѣйствій едва ли могъ привести къ сколько-нибудь положительнымъ результатамъ: вновь выходившія на фронтъ части лишь на короткое время задерживали противника, а затѣмъ смывались волною общаго отступленія. Такъ было израсходовано, безъ особой пользы для дѣла, уже семь дивизій, переброшенныхъ съ С.-З. фронта, не считая собственныхъ резервовъ Ю.-З. фронта, подвигшихся къ угрожаемымъ пунктамъ.

Болѣе цѣлесообразной представлялась Ставкѣ организація сильного контръманевра, преимущественно противъ одного изъ фланговъ наступавшей «фаланги Макензена», какъ была прозвана въ русской прессѣ германская ударная группа, прорвавшая нашъ фронтъ у Горлице. Весьма выгоднымъ представлялось сосредоточеніе сильной группы войскъ въ излучинѣ между р. Вислой и Саномъ для удара въ южномъ направленіи, примѣрно на Дембицу и Ржешовъ,

противъ лѣваго фланга наступавшихъ къ Сану германо-австрійскихъ войскъ. Однако, образованіе этой группы изъ войскъ ближайшей 4-й арміи было признано Ю.-З. фронтомъ невозможнымъ; желѣзнодорожные же расчеты, какъ уже было сказано, показали, что необходимое сосредоточеніе не можетъ быть своевременно выполнено за счетъ войскъ С.-З. фронта. Поэтому данную мысль пришлось оставить, какъ неосуществимую.

Съ отказомъ отъ нея, задачи 4-й арміи связывались болѣе тѣсно съ такими же задачами С.-З. фронта и потому названная армія въ концѣ мая была передана въ подчиненіе генералу Алексѣеву.

Въ слѣдующую очередь Ставкой былъ выдвинутъ уже поднимавшійся ранѣе вопросъ о рѣшительномъ наступленіи нашего лѣваго крыла противъ правофланговой австрійской арміи. Съ разгромомъ послѣдней, являлось возможнымъ организовать наше наступленіе изъ района Галичь — Станиславовъ — Надворная во флангъ и тылъ германской арміи генерала Линзингена, упорно стремившейся прорваться отъ Мункача къ Стрию и Долинѣ. Планъ этотъ представлялся конечно менѣе заманчивымъ, тѣмъ первый, вслѣдствіе отдаленности контръудара отъ мѣста прорыва германцами нашего фронта, но выгода его заключалась въ томъ, что извѣстная подготовка къ его выполнению была уже осуществлена. Мы знаемъ, что Ставка давно настаивала на скорѣйшемъ переходѣ въ наступленіе 9-й арміи и что таковое наступленіе лишь временно тормозилось разными привходящими обстоятельствами. Тѣмъ не менѣе, въ началѣ мая означенное наступленіе все же состоялось. Быстрымъ и смѣлымъ ударомъ войска 9-й арміи овладѣли Надворной и продвинулись къ р. Пруту въ районѣ Делатыня, Коломыя и Снятыни, откуда русская линія протянулась далѣе до румынской границы, оставляя Черновцы къ югу отъ себя. Свыше 20 т. плѣнныхъ и рядъ другихъ трофеевъ сопровождали этотъ успѣхъ. Къ сожалѣнію, этими результатами и ограничилась операція 9-й арміи. Правда, въ первыхъ числахъ іюня нѣкоторымъ частямъ названной арміи удалось даже совершить переправу черезъ р. Прутъ, но къ этому времени общая обстановка измѣнилась уже настолько рѣзко, что 9-й арміи оставалось принять лишь участіе въ общемъ отходѣ всѣхъ армій Ю.-З. фронта. — Такимъ образомъ была бита и эта карта.

Наконецъ, послѣ отхода 3-й и 8-й армій за р. Санъ и къ верховьямъ Днѣстра, а равно попытокъ непріятеля прорвать и эту линію, мною была высказана мысль о необходимости образованія особой арміи въ районѣ Равы Русской и Томашова, или нѣсколько сѣвернѣе. Армія эта, по моимъ расчетамъ, могла быть составлена изъ четырехъ укомплектованныхъ до полныхъ штатовъ корпусовъ (пять дивизій съ С.-З. фронта, 20-я пѣх. дивизія съ Кавказа и V-й Кавк. корпусъ, который былъ сосредоточенъ въ Черноморскихъ портахъ Одесскаго военнаго округа, на случай десанта на Турецкомъ побережьи), при двухъ кав. дивизіяхъ. Срокъ сбора этой группы войскъ опредѣлялся въ двѣ недѣли. Я полагаю, что подобная армія, вѣреная опытному военачальнику, уже доказавшему свои маневренныя способности, могла бы своимъ

контръ-ударомъ сыграть рѣшающую роль, при подходѣ непріятеля къ прикрывавшей Львовъ Городокской позиціи, за которую должны были зацѣпиться наши отходившія войска. Мысль моя была одобрена Верховнымъ Главкомомандующимъ, который пожелалъ видѣть во главѣ проектировавшейся группы войскъ генерала Плева, какъ уже дѣйствовавшего — и притомъ удачно — въ данномъ районѣ въ первый періодъ войны. Въ соотвѣтствіи съ симъ были сдѣланы необходимыя распоряженія о перевозкѣ на Ю.-З. фронтъ штаба 12-й арміи, во главѣ которой тогда находился генералъ Плева. Однако, постепенно къ этой мысли охладѣли, главнымъ образомъ ввиду того, что сборъ такой ударной группы войскъ могъ быть достигнутъ лишь путемъ извѣстныхъ напряженій, и даже цѣною отхода армій С.-З. фронта на болѣе сокращенныя позиціи по Нареву и Вислѣ, при осуществленіи же намѣченнаго сосредоточенія пришлось встрѣтиться съ различными затрудненіями, которыя, впрочемъ, всегда вырастаютъ, если только начать колебаться. Въ конечномъ результатѣ, намѣчавшіяся войска пришлось все равно перебросить на Ю.-З. фронтъ, но использованы они были не въ видѣ ударной группы, а разрозненно, по частямъ. Мысль объ образованіи ударной группы на Ю.-З. фронтѣ была впоследствии даже осуществлена распоряженіемъ генерала Иванова, но неполно и, какъ увидимъ дальше, въ такой обстановкѣ, при которой она не могла дать положительныхъ результатовъ. Чѣмъ дальше мы вели войну, тѣмъ, подъ влияніемъ разнообразныхъ причинъ, мы рѣшительнѣе отказывались отъ маневровъ и склонялись въ пользу непосредственнаго усиленія угрожаемыхъ участковъ, что и было одною изъ многочисленныхъ, впрочемъ, причинъ нашего столь глубокаго отхода въ 1915-мъ году.

24-го мая непріятель вновь атаковалъ участокъ р. Сана между Ярославомъ и Перемышлемъ. На сей разъ онъ окончательно утвердился на правомъ берегу названной рѣки и отбросилъ наши войска за р. Любачовку. Такимъ образомъ былъ прорванъ нашъ новый рубежъ, на которомъ имѣлось въ виду остановить дальнѣйшее продвиженіе непріятеля. Мы имѣли много оснований предполагать, что имѣемъ дѣло съ новой переброской германскихъ войскъ съ запада противъ насъ. Въ слѣдующіе дни непріятель успѣлъ расширить свой правобережный плацдармъ, отгнѣсняя наши войска все далѣе на востокъ и на югъ, къ Перемышлю. Попытка генерала Иванова вырвать инициативу изъ рукъ нашихъ противниковъ внезапнымъ переходомъ въ общее наступленіе не удалась. Не удалось также остановить продвиженіе непріятеля на фронтѣ между р. р. Любачовкой и Вишней, несмотря на то, что здѣсь нами были введены три вновь прибывшихъ на фронтъ корпуса (II-й и V-й Кавказскіе и XXIII-й), каковыя корпуса, по моему проекту, должны были составить ядро новой 12-й арміи; въ дѣйствительности же были брошены въ бой безъ общаго руководства и единого управленія.

Назрѣвалъ вопросъ о Перемышлѣ. — Крѣпость эта оказалась въ исходе — чемъ углѣ нашего расположенія и уже съ трехъ сторонъ охватывалась не-

приятелемъ. Послѣ перехода въ наши руки, она не была приведена въ боевую готовность и не была снабжена ни боевымъ имуществомъ, ни запасами; поэтому эвакуація ея не представляла техническихъ затрудненій и могла быть выполнена въ короткій срокъ. Съ паденіемъ оборонительной линіи р. Сана и въ соотвѣтствіи съ общими указаніями Верховнаго Главнокомандующаго, войска, занимавшія Перемышль, стали постепенно выводиться изъ пегли, уже образовавшейся вокругъ этого пункта, и къ 3-му іюня все укрѣпленія, составлявшія обводъ бывшей крѣпости, были нами оставлены. Это обстоятельство дало намъ значительное, въ нѣсколько десятковъ километровъ, сокращеніе фронта. Непритель окончательно закрѣпился на р. р. Любачовкѣ и Вишиѣ; мы же вынуждены были вскорѣ продолжать свой отходъ.

Въ первыхъ же числахъ іюня наша 11-ая армія, послѣ многодневныхъ упорныхъ и славныхъ боевъ, въ которыхъ германцамъ были нанесены тяжкія потери, оказалась все же вынужденной къ отходу за Дибѣстръ, на участокъ Миколаевъ — Галичь. Здѣсь эта армія, подкрѣпленная новыми силами, подвезенными съ С.-З. фронта, успѣла отбросить германцевъ и остановить дальнѣйшее ихъ продвиженіе. Въ соотвѣтствіи съ новымъ расположеніемъ 11-й арміи, и 9-я армія получила указаніе начать отходъ своими правофланговыми корпусами на Галичь, Тысьменицу и Отынъ. Лѣвый флангъ 9-й арміи остался на мѣстѣ.

Отходъ нашъ отъ Сана, по полученнымъ донесеніямъ, произвелъ заграницей — въ Англій, и особенно во Франціи — сильное впечатлѣніе. Нашъ посоль въ Парижѣ телеграфировалъ о томъ, что въ столицѣ Франціи крайне удручены ходомъ дѣлъ на нашемъ фронтѣ, такъ какъ, по мнѣнію многихъ вліятельныхъ парламентаріевъ, «Франція врядъ ли выдержитъ вторую зимнюю кампанію въ траншеяхъ». Это соображеніе А. П. Извольскій подчеркнул и въ другой телеграммѣ, указывая одновременно на необходимость, ввиду отсрочки въ наступленіи Италіи, добиться скорѣйшаго присоединенія къ Державамъ Согласія Румыніи, съ которой въ началѣ мая вновь начались оживленные переговоры. Съ согласія Англій и Франціи, переговоры эти были сосредоточены въ Петроградѣ. Румынскій посланникъ Діаманди очертилъ требованія и пожеланія Румыніи весьма широко, не считаясь съ интересами ни Сербіи, ни самой Россіи; съ своей же стороны правительство Братіано не проявляло достаточной уступчивости въ вопросѣ о достиженіи соглашенія съ Болгаріей на почвѣ соглашенія о Добруджѣ. Чтобы снять съ себя передъ союзниками отвѣтственность за возможный неуспѣхъ переговоровъ, русскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ С. Д. Сазоновъ шелъ навстрѣчу пожеланіямъ румынъ такъ далеко, какъ это только было возможно. Но онъ не могъ не возражать противъ отдачи подъ власть Румыніи русскаго населенія Буковины и Угорщины и противъ продвиженія Румыніи въ Банатъ къ самому Бѣлграду, для котораго Румынія могла стать столь же опасной, какъ и Австро-Венгрія въ прошломъ. Вынужденная податливость С. Д. Сазонова, однако, мало помогла ус-

пѣху переговоровъ. Событія, развертывавшіяся на Галичскомъ фронтѣ, не способствовали развитію у румынъ стремленія принять въ нихъ непосредственное участіе. Правы были тѣ, кто полагалъ, что выступленіе Румыніи зависить не столько отъ той или иной обѣщанной ей будущей границы, сколько отъ фактическаго положенія на театрѣ войны. Между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ французскихъ кругахъ склонны были обвинять Россію въ излишней несговорчивости при происходившихъ переговорахъ, что было глубоко несправедливо. Дѣлались намеки на то, что, при настоящихъ условіяхъ, «отдѣльные» политическіе интересы союзниковъ должны быть подчинены общей для всѣхъ необходимости, какъ можно скорѣе сломить противника. Очевидно, что такая оцѣнка нашего отношенія къ общимъ интересамъ, послѣ всѣхъ проявленныхъ нами усилій и понесенныхъ жертвъ, оставляла у насъ по себѣ крайне тягостное впечатлѣніе. Позднѣе, уже въ двадцатыхъ числахъ іюля, Румынія, послѣ ряда уступокъ въ ея пользу, сдѣлала, наконецъ, откровенное заявленіе, что она готова подписать политическое и военное соглашеніе на договоренныхъ условіяхъ, но, ввиду неблагоприятныхъ событій на восточномъ театрѣ войны, не можетъ опредѣлить срокъ своего выступления. Столь неопредѣленное соглашеніе не могло удовлетворить Державы Согласія и потому проектъ подписанія соглашенія съ этой страной былъ оставленъ Державами, какъ несвоевременный. Надежды нашихъ союзниковъ на привлеченіе къ войнѣ Румыніи въ 1915-мъ году должны были мало-по-малу отпасть совершенно, такъ какъ Румынія дополнительно заявила, что если ей не придется выступить достаточно рано, чтобы перевалить черезъ Карпаты до первыхъ снѣговъ, то на нее и ея выступленіе нельзя вообще рассчитывать до будущей весны. Словомъ, со стороны Румыніи шло страхованіе на всѣ случаи.

Состояніе нашихъ войскъ и непрекращающіеся успѣхи непріятеля, продвигавшагося все далѣе на востокъ, несмотря на обильный потокъ подававшихся на Ю.-З. фронтъ съ нашей стороны подкрѣпленій, дѣлали маловѣроятнымъ удержаніе находившейся еще въ нашихъ рукахъ восточной части Галичины. Главнокомандующій Ю.-З. фронтомъ, повидимому, давно уже сталъ на эту точку зрѣнія, не препятствуя возбужденію ходатайствъ о разрѣшеніи отхода то на одномъ, то на другомъ участкѣ вѣреннаго ему фронта. Когда же на это было обращено его вниманіе, то генералъ Ивановъ по-просту приказалъ передавать въ Ставку текстualmente донесенія и распоряженія подчиненныхъ ему Командующихъ арміями, безъ контроля и согласованія ихъ съ директивами фронта. — Мы видѣли, что Главнокомандующій Ю.-З. фронтомъ въ свое время не поддержалъ идеи образованія въ тылу армій его фронта оперативно-способной и маневренной группы войскъ, предпочитая подачу послѣднихъ непосредственно въ боевыя линіи, гдѣ они, безнадежно таяли, не исправляя положенія. Однако, послѣ утвержденія непріятеля на правомъ берегу Сана, учитывая обстановку ближайшаго будущаго, при которой арміямъ Ю.-З. фронта придется отходить въ двухъ расходящихся направленіяхъ — на сѣ-

веръ къ границамъ русской Польши, и на востокъ ко Львову, а можетъ быть и далѣе, — генераль Ивановъ счелъ необходимымъ вернуться къ этой мысли и образовать особую группу войскъ въ районѣ Любачова, подъ начальствомъ генерала Олохова. Эта группа, въ составѣ четырехъ пѣх. и одного кав. корпусовъ (XXIX-го, II-го и V-го Кавказскихъ, XXIII-го и IV-го коннаго корпусовъ), остававшаяся въ подчиненіи командующаго 3-й арміей (генерала Леша), должна была, по мысли генерала Иванова, при дальнѣйшемъ отходѣ 3-й и 8-й армій, обеспечивать направленіе на Владиміръ-Волыньскъ и быть всегда готовой къ переходу въ наступленіе во флангъ противнику, если бы таковой направился противъ 8-й арміи, долженствовавшей отходить на Городокскую позицію.

Слишкомъ близкій къ фронту выборъ района для сосредоточенія группы генерала Олохова привелъ къ тому, что 16-го іюня, почти съ началомъ возобновившагося наступленія неприятеля, войска этой группы оказались въ боевой линіи и, такимъ образомъ, лишены были возможности выполнить какой-либо маневръ. Арміи Ю.-З. фронта продолжали безнадежно подаваться назадъ. Такая обстановка вынудила Верховное Главнокомандованіе, директивой 20-го іюня, отдать распоряженіе о приступѣ къ эвакуаціи Львова и всей оставшейся подъ нашей властью Галичины. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предвидя возможность отхода на фронтъ Люблинь — Холмъ — Владиміръ-Волыньскъ и къ границамъ Кіевского военнаго округа, Верховное Главнокомандованіе сочло необходимымъ, въ пѣляхъ соотвѣтственной ориентировки, предупредить штабы фронтовъ, что, въ этомъ случаѣ, сѣверная группа войскъ Ю.-З. фронта, отходящая на русскую Польшу, должна будетъ перейти въ подчиненіе Главнокомандующему С.-З. фронтомъ, къ каковому фронту будутъ приписаны Брестъ-Литовская крѣпость и весь Минскій военный округъ. Такое перераспределеніе войскъ и тыловой территоріи вызвалось тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ читателю уже извѣстно, между русской Польшей и Кіевскимъ военнымъ округомъ вклинилось треугольникомъ лѣсисто-болотистое пространство, вершина котораго лежала примѣрно у Буска, а основаніе сливалось съ нашимъ Полѣсьемъ. Это пространство, при назрѣвавшей обстановкѣ, являлось какъ бы естественной и наиболѣе соотвѣтственной границей между войсками и территоріей обоихъ нашихъ фронтовъ.

Войскамъ 8-й арміи не удалось удержаться на подступахъ ко Львову, и 22-го іюня городъ этотъ былъ оставленъ нами. Въ руки противника ввовъ перешла столица Галичины, владѣніе коей для насъ являлось какъ бы символомъ будущаго освобожденія австрійскихъ славянъ отъ чужероднаго ига.

Директивой генерала Иванова, отданной имъ въ тотъ же день, 3-й арміи, съ группой генерала Олохова, указывалось, — дѣйствуя въ связи съ 4-й арміей, лѣвый флангъ которой оттягивался къ Юзефову, отходить на фронтъ Люблинь — Владиміръ-Волыньскъ.

8-й и 11-й арміямъ — ставилось задачей удерживать наступленіе неприятеля, постепенно отходя къ предѣламъ Кіевского военнаго округа и пользуясь

для сего позиціями, энергично возводившимися по плану, подробно разработанному, согласно ближайших указаний новаго начальника штаба армій Ю.-З. фронта генерала Саввича.

9-й арміи предписывалось сообразовать свой фронтъ съ движеніемъ со-сѣдной 11-й арміи.

Съ полночи на 25-ое іюня 3-я армія перешла въ подчиненіе Главнокомандующаго арміями С.-З. фронта. У генерала Иванова остались въ подчиненіи лишь три арміи (8-я, 11-я и 9-я), съ которыми онъ продолжалъ отходить къ границамъ Кіевскаго военнаго округа, базируясь на сей послѣдній. Въ рукахъ же генерала Алексѣева были объединены остальные семь армій (10-я, 12-я 1-я, 2-я, 5-я, 4-я, и 3-я), силы коихъ находились на территоріи русской Польши, или отходили на нее изъ Галичины. Для связи между войсками обоихъ фронтовъ, къ внутреннимъ флангамъ послѣднихъ, въ районѣ Полѣсья, были стянуты кавалерійскія массы, изъ состава обоихъ фронтовъ.

Къ С.-З. фронту принадлежали также войска, находившіяся на правомъ берегу р. Нѣмана, въ Риго-Шавельскомъ районѣ. О нихъ намъ придется сказать въ этой главѣ еще нѣсколько словъ.

Мы видѣли, что войска эти принадлежали къ составу 10-й арміи, штабъ которой находился въ Гроднѣ, т. е. въ 200—300 верстахъ отъ мѣста ихъ дѣйствій. Будучи, такимъ образомъ, на отлетѣ и состоя изъ слабыхъ отрядовъ, они вначалѣ мало привлекали къ себѣ вниманіе штаба арміи. «Въ Шавельскомъ районѣ — безъ перемѣнъ», — таково было обычное донесеніе съ мѣста, пока нѣмцы не проявили именно къ этому району живого интереса. Тогда началось недостаточно планомѣрное усиленіе тамъ находившихся войскъ и, надо сказать, довольно базтолковое ими управленіе. Войскамъ не было поставлено опредѣленной задачи и каждымъ ихъ шагомъ стремились руководить изда-дека; въ результатъ — нѣмцы угрожающе стали распространяться по правому берегу р. Нѣмана, въ направленіяхъ къ Митавѣ и Вильнѣ. Генералъ Палицынъ, состоявшій при генералѣ Алексѣевѣ и командированный разобраться во взаимоотношеніяхъ между штабомъ 10-й арміи и войсками даннаго района, въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что генералъ Горбатовскій — командиръ XIX-го корпуса, переброшеннаго въ данный районъ, былъ настолько подавленъ попечительнымъ къ нему отношеніемъ штаба арміи, что автору воспоминаній пришлось серьезно просить этотъ штабъ не посылать никакихъ указаний и не вмѣшиваться въ работу названнаго корпуса по крайней мѣрѣ три дня... Нельзя, конечно, отказать этому способу лѣченія недуга въ нѣкоторой оригинальности, но важно отмѣтить этотъ фактъ, какъ чрезвычайно рельефно характеризующій положеніе дѣла.

Главнокомандующій С.-З. фронтомъ рѣшилъ, однако, данный вопросъ иначе. Добившись отмѣны распоряженія Ставки о командированіи генерала Плеве со штабомъ 12-й арміи на Ю.-З. фронтъ для образованія на немъ особой группы войскъ въ районѣ Томашова и Равы Русской, генералъ Алексѣевъ въ началѣ іюня образовалъ изъ всѣхъ войскъ, находившихся въ Риго-Шавель-

скомъ районъ новую армію, получившую названіе 5-й арміи, во главѣ которой и былъ поставленъ генераль Плеве со своимъ штабомъ. 12-ю же армію на Наревскомъ участкѣ фронта принялъ генераль Чуринъ, командовавшій передъ тѣмъ 5-й арміей на лѣвомъ берегу р. Вислы, каковая армія была расформирована, съ передачей всѣхъ ея войскъ въ составъ сосѣдней 2-й арміи (генерала Смирнова).

На новую 5-ю армію, ядро которой составили корпуса III-й, XIX-й и XXXVII-й и семь кав. дивизій, Главнокомандующимъ арміями С.-З. фронта была возложена крайне неблагодарная задача по прикрытію обширнаго района отъ Нѣмана до Балтійскаго побережья, ставшаго новымъ райономъ дѣйствій нѣмцевъ, и «постепенное, въ мѣрѣ возможности», вытѣсненіе непріятели изъ занятаго имъ пространства. — Базой новой арміи должны были служить Рига и Двинскъ.

Со своей стороны Верховное Главнокомандованіе возложило на эту армію задачу по укрѣпленію съ сухого пути подступовъ къ Ригѣ и къ Двинску и подготовкѣ Виндавскаго района къ эвакуаціи. Балтійскому флоту было дано указаніе прочно удерживать Моонзундъ, обеспечивавшій сообщеніе нашего миннаго флота съ Рижскимъ заливомъ, и организовать оборону Ирбенскаго входа въ Рижскій заливъ минными и подводными средствами. Для усиленія защиты Ирбенскаго пролива и оказанія содѣйствія правому флангу нашего сухопутнаго фронта, въ случаѣ отхода послѣдняго на Двину, нашимъ морякамъ удалось, преодолевъ большія трудности, ввести въ Рижскій заливъ линейный корабль «Слава».

Съ прибытіемъ въ Ригу-Шавельскій районъ генерала Плеве, распространіе нѣмцевъ было дѣйствительно приостановлено; управленіе войсками упорядочилось, но время для «вытѣсненія» было упущено безвозвратно.

Нѣмцы прочно утвердились въ занятомъ ими районѣ и стали закрѣплять свое положеніе проволокой, укрѣпленіями и быстрымъ возведеніемъ въ тылу путей сообщенія и связи. Послѣдніе должны были имъ послужить для болѣе широкаго развитія въ будущемъ операцій на крайнемъ правомъ флангѣ нашего общаго стратегическаго фронта.

ГЛАВА XVII.

Постепенный отходъ нашихъ войскъ изъ Русской Польши и дальнѣйшее развитіе германцами наступательныхъ дѣйствій въ Ригу-Шавельскомъ районѣ. — Перемены въ правительствѣ. — Образованіе новаго Сѣвернаго фронта. — Междусоюзнической военный совѣтъ въ Шантильи. — Евфратская операція на Кавказскомъ фронтѣ.

Фактъ оставленія нашими войсками значительной части Галичины, обильно политой русской кровью, отозвался весьма тяжело во всей Россіи. Въ сущности, почти на нѣтъ были сведены всѣ жертвы, принесенныя въ цѣляхъ освобожденія подъяремныхъ Славянъ и панесенія австрійцамъ смертельнаго удара. Австрійская армія не только не разложилась окончательно, но

получила новый импульсъ, вернувшій ее къ жизни и даже вдохнувшій въ нее силы для наступательныхъ дѣйствій. На послѣднемъ участкѣ нашего фронта инициатива дѣйствій выпала изъ нашихъ рукъ. Мы вынуждены были не только вернуть непріятелю завоеванное у него обширное пространство земли, но готовиться къ отходу на нашу собственную территорію и вѣроятному перенесенію на нее всѣхъ тягестей дальнѣйшей войны. Авторитету нашему, особенно на Балканахъ, былъ нанесенъ чувствительный ударъ. Силы, намъ враждебныя, подняли головы; все намъ сочувствовавшее — пришло и смогло...

Но еще болѣе грозными являлись симптомы нѣкотораго износа нашей арміи. Наши силы падали численно; подвергались сомнѣніямъ и стойкость не только отдѣльныхъ элементовъ, вливавшихся въ армію, но даже и нѣкоторыхъ войсковыхъ частей, изъ наиболѣе пострадавшихъ въ бояхъ; матеріальная часть ветшала; снабженіе оружіемъ и боевыми припасами налаживалось плохо. Всѣ эти данныя ярко были подчеркнуты на совѣщаніи, собранномъ Верховнымъ Главнокомандующимъ въ двадцатыхъ числахъ іюня въ Холмѣ.

Некомплектъ въ арміяхъ обоихъ фронтовъ вновь достигъ полумилліона людей, причемъ пополненіе его встрѣчало прежнія затрудненія, преимущественно изъ-за недостатка винтовокъ. Въ распоряженіи Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба въ это время имѣлось всего лишь около 40 т. свободныхъ ружей. Къ тому же «качество пополненій, въ смыслѣ подготовки, — какъ доносилъ Верховный Главнокомандующій Государю, — ниже всякой критики, такъ какъ это все скороспѣлки и, изъ за того же недостатка ружей, почти не обучены стрѣльбѣ». Не хватало и офицеровъ; пополнитъ же недостатокъ въ нихъ было не кѣмъ. Матеріальное имущество — артиллерія, обозы, походныя кухни, телефоны, — замѣтно изнашивалось; часть его была растеряна при разнаго рода передвиженіяхъ и подбита въ бояхъ. Недостатокъ въ боевыхъ припасахъ былъ огромный; онъ ощущался даже въ подвижныхъ запасахъ, и особенно на Ю.-В. фронтѣ, гдѣ налицо едва имѣлось 40% отъ установленной нормы.

Кромѣ недостаточной подготовки прибывавшихъ укомплектованій, уменьшавшей боеспособность нашихъ войскъ, приходится отмѣтить, въ интересахъ исторической правды, и нѣкоторую моральную усталость, овладѣвшую нашими войсками, подъ вліяніемъ трудныхъ условій войны и тяжелыхъ неудачъ. Наши огромныя потери должны были быть объясняемы не только естественной убылью убитыми и ранеными въ результатъ непрерывныхъ боевъ, но и значительнымъ увеличеніемъ потерь военно-плѣнными. И если число всѣхъ захваченныхъ у непріятеля нашими арміями плѣнныхъ поступившихъ на учетъ внутри Имперіи, по официальнымъ свѣдѣніямъ къ 1 апрѣля 15-го года, выражалось цифрою въ 600 слишкомъ тысячъ человекъ, то едва ли число нашихъ плѣнныхъ не превышало приведенную цифру вдвое. Стали наблюдаться также тревожные случаи прибытія на театръ военныхъ дѣйствій маршевыхъ ротъ въ неполныхъ составахъ, что должно было объясняться убылью въ пути отсталыми и дезертирами.

Какъ всегда при неудачахъ, — стали искать виновниковъ таковыхъ; при этомъ повелся усиленный походъ противъ лицъ, стоявшихъ въ центрѣ военныхъ событій, или занимавшихъ командные посты. Много было критики, частью добросовѣстной, большею же частью лицепріятной, исходившей изъ самыхъ дурныхъ человѣческихъ побужденій. На безупречныхъ людей не стѣснялись возводить самыя нелѣпыя и гнусныя обвинения — до предательства и измѣны включительно. Особенно доставалось начальникамъ съ нѣмецкими фамиліями. Такъ какъ необоснованныя обвинения и злостная клевета вносили въ армию и населеніе не малую смуту, то потребовался даже особый приказъ Верховнаго Главнокомандующаго, имѣвшій дѣлю положить предѣлъ распространенію этого вреднаго явленія.

Въ центрѣ страны, въ Москвѣ, болная психологія народныхъ массъ разразилась во второй половинѣ мая — точноа числа не помню, — страшнымъ взрывомъ, который выразился въ извѣстномъ погромѣ, стоившемъ жизни ряду лицъ и нанесшемъ Первопрестольной огромный убытокъ, исчислившейся въ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей. Официальной причиной безпорядковъ было выставлено народное озлобленіе противъ нѣмцевъ, но не всё вѣрили этому слишкомъ простому объясненію. Такъ, въ Парижѣ склонны были видѣть въ Московскихъ событіяхъ проявленіе враждебнаго отношенія русскаго народа вообще ко всѣмъ иностранцамъ безъ изыятія; въ созданіи такого настроенія французское общество винило собственное правительство, давившее своею цензурою на печать, которая вынуждалась этимъ обстоятельствомъ къ умолчанію о жертвахъ, приносившихся націей общему дѣлу. Въ частности, напримѣръ, французскому правительству ставили въ упрекъ, что о начавшейся 8—9-го мая наступательной операціи на западномъ фронтѣ, ея размѣрахъ и понесенныхъ потеряхъ мало что было извѣстно обществу не только русскому, но и французскому. Отсюда выводили, впрочемъ, очень скромное заключеніе о необходимости отъ времени до времени командированія офицеровъ съ одного фронта на другой, для взаимнаго ознакомленія о положеніи дѣлъ.

Лично я приписывалъ Московскіе безпорядки стихійному проявленію народнаго чувства, глубоко уязвленнаго и оскорбленнаго происшедшими неудачами. Всякій по своему искалъ выхода изъ создававшегося невыносимо-тягостнаго положенія. Но никто въ Россіи тогда еще не хотѣлъ мира, и едва ли кто-либо посмѣлъ бы громко и безнаказанно произнести это одіозное по тому времени слово. Исключеніе составляла, впрочемъ, небольшая кучка крайнихъ революціонеровъ, для которыхъ, въ борьбѣ съ ненавистнымъ для нихъ въ Россіи строемъ, не существовало предѣловъ. Эти люди съ начала войны держались опредѣленно пораженческой точки зрѣнія и нѣкоторые изъ нихъ, не стѣняясь даже принадлежностью къ составу Россійской Государственной Думы, пытались еще осенью 14-го года подготовить забастовочное движеніе на заводахъ и вести революціонную пропаганду въ запасныхъ частяхъ. По имѣвшимся свѣдѣніямъ, одинъ изъ видныхъ представителей русскихъ социалистическихъ партій, въ февралѣ 15-го года, въ Лондонѣ, на конференціи социали-

стовъ союзныхъ странъ Державъ Согласія, формулировалъ свои настроенія приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Побѣда Франціи, Англіи и Бельгіи принесетъ Европѣ миръ и благополучіе, но это значитъ, что побѣдительницей будетъ и Россія. Думаетъ ли конференція, что Россія, въ данное время управляемая царизмомъ, будучи побѣдительницей, укрѣпленная въ своемъ государственномъ строѣ, будетъ принимать при этихъ условіяхъ участіе въ реформахъ, или же она еще больше закрѣпитъ не только свою страну, но и вновь приобрѣтенныя земли, до этого относительно свободныя? — Конференція, состоявшая, кромѣ русскихъ делегатовъ, изъ представителей социалистическихъ партій Англіи, Франціи и Бельгіи, единогласно высказавшихся предъ тѣмъ за войну, отказалась, впрочемъ, обсуждать поставленный вопросъ. — Повидимому, въ связи съ такимъ настроеніемъ этой конференціи, другой делегатъ, нынѣ входящій въ число активных дѣятелей «С.С.С.Р.» протестовалъ вообще противъ работъ «соціально-патріотической конференціи».

Нѣкоторыя резолюціи Лондонской социалистической конференціи, направленные противъ внутренней политики Россіи, были напечатаны въ Парижскихъ газетахъ; появленіе ихъ въ печати вызвало необходимость для французскаго правительства подтвердить незыблемость союза съ Россіей.

Давно назрѣвавшее внутреннее всеобщее недовольство въ Россіи, крайне обострившееся подъ вліяніемъ неудачъ на фронтѣ, въ связи съ вялой дѣятельностью правительственныхъ органовъ по обезпеченію арміи всѣмъ необходимымъ для продолженія войны, могло быть частично сглажено лишь перемѣнами въ личномъ составѣ правительства, которыя свидѣтельствовали бы о желаніи послѣдняго вступить на примирительныя съ обществомъ и страной позиціи. Вначалѣ прошелъ слухъ о предстоящемъ уходѣ дряхлаго И. Л. Горемыкина и замѣнѣ его на посту Предѣдателя Совѣта Министровъ С. Д. Сазоновымъ или А. В. Кривошеиннымъ. Слухъ этотъ оказался ложнымъ, но, въ видѣ первой уступки общественному мнѣнію, палъ особенно непопулярный Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Н. А. Маклаковъ. Его замѣнилъ князь Щербатовъ — человѣкъ близкій къ земскимъ кругамъ. Затѣмъ былъ уволенъ отъ должности генераль Сухомлиновъ и на постъ Военнаго Министра назначенъ генераль А. А. Поливановъ. Это былъ очень дѣятельный, опытный и способный военный администраторъ, пользовавшійся большимъ довѣріемъ въ Государственной Думѣ, но лично не любимый Государемъ. Въ назначеніи генерала Поливанова, съ особенной отчетливостью, можно было усмотрѣть стремленіе Верховнаго Главы Государства отнынѣ руководиться, при выборѣ новыхъ министровъ, не личными симпатіями, а соображеніями государственной пользы. Освободившаяся должность Оберъ-Прокурора Св. Синода была предоставлена А. Д. Самарину, который былъ выдвинутъ Московскими общественными кругами и отъ котораго ожидалось оздоровленіе церковной іерархіи.

Такимъ образомъ, во всѣхъ новыхъ назначеніяхъ какъ бы проявлялось искреннее желаніе Верховной власти пойти навстрѣчу обществу и дать послѣд-

нему известное удовлетворение. Надо было, конечно, ожидать, что и общество откликнется на проявленное к нему доверие и своего рода призыв к совместной работе по доведению страны до победного конца.

Если не изменяет мне память, 24-го июля в Ставке состоялся под личным председательством Государя Императора, чрезвычайный Совет Министров, в обновленном составе, на котором был подвергнут обсуждению вопрос о внутреннем состоянии России и необходимых мерах для успешного продолжения войны. По окончании Совета, участники такового были сняты с Государем в общей группе, как бы удостоверявшей о состоявшемся единении для общей доверчивой работы на пользу Родины. — В Барановичах стоял чудесный яркий летний день. В обширном шатре-палатке, раскинутом вблизи Царского поезда, состоялся обед, на который к Государю были приглашены все члены Совета Министров и обычно присутствовавшие за Высочайшим столом лица. Мне пришлось сидеть рядом с Самариным, с которым я встретился в первый и последний раз. Несмотря на события на фронте, всем было на душе светло и радостно. Хотелось верить, что, по мановению жезла, будут раздвинуты горы, преграждавшие нам путь к радостной жизни, и над Россией взойдет новое солнце. — В таком настроении закончился этот многообещающий день.

Ко времени отхода войск Ю.-З. фронта к границам Варшавского и Киевского военных округов, в нашей Действующей на западе Армии находилось 49 корпусов, а всего, с отдельными частями, — 108 пех. дивизий, 16 стрелк. и пласт. бригад и 35 конных дивизий. Однако, эта армия долженствовала, по штатам, иметь свыше 1½ миллиона штыков, едва ли имела и миллион; таков был в ней некомплект. — Многие дивизии числили в своих рядах лишь по несколько тысяч, а наиболее пострадавшие в боях полки имели всего лишь по несколько сот штыков. При таких условиях, являлась опасность растерять в этих полках окончательно и последних людей, а с ними и кадры самих частей. — С переходом 25-го июня 3-й армии, вместе с группой генерала Олохова, в подчинение генералу Алексею и с разрывом, таким образом, армий, первоначально подчинявшихся генералу Иванову, на двое, из общего числа корпусов — 37 вошло в состав армий С.-З. фронта и только 12 осталось в армиях Ю.-З. фронта. По числу дивизий, свыше ⅔ всех сил перешло в подчинение генералу Алексею, на которого, таким образом, выпадала роль не только непосредственно руководить большей частью наших вооруженных сил, но и выполнить наиболее ответственную часть общей задачи.

В чем же, однако, могла заключаться эта общая задача?

Для Верховного Главнокомандования было вполне ясно, что, при создавшихся обстоятельствах, наша первейшая цель должна была заключаться в том, чтобы сохранить с каждым днем таящую армию.

Только при этомъ условіи являлась возможность обезпечить дальнѣйшее плодотворное участіе Россіи въ войнѣ. Уже предрѣшенные призывы новыхъ категорій людей, равно принятыя мѣры по пріобрѣтенію за границей и по болѣе широкому изготовленію внутри страны предметовъ боевого снабженія, давали основаніе рассчитывать, что, при сохраненіи нынѣшней арміи, въ видѣ кадровъ, наша военная мощь можетъ возродиться въ значительной мѣрѣ.

Начавшая было налаживаться связь между правительствомъ и обществомъ, долженствовавшая несомнѣнно благотворно отразиться на внутреннемъ строеніи въ странѣ, дѣлала наши расчеты еще болѣе обоснованными.

Съ другой стороны мы имѣли право рассчитывать, что, въ концѣ концовъ, наши союзники сумѣютъ рѣшительно придти къ намъ на помощь и своими дѣйствіями оттянуть часть непріятельскихъ силъ съ нашего фронта. Наконецъ, черезъ 2—2½ мѣсяца должна была наступить осенняя распутица, которая положить естественный предѣлъ продвиженію непріятели на востокъ.

Такимъ образомъ вырисовывалось второе условіе нашихъ дѣйствій — необходимо было выиграть время.

Глубина театра войны представляла намъ большія возможности въ этомъ отношеніи. Однако, учитывая тѣ неисчислимыя бѣдствія и разореніе, которыя приносятъ съ собою современная война населенію, Верховное Главнокомандованіе твердо держалось того мнѣнія, что ни одна пядь русской земли не должна быть отдана врагу, если уступка этой земли не вызывается безусловной военной необходимостью. Такая откровенная точка зрѣнія, конечно, значительно затрудняла предстоявшую задачу, но она являлась, въ пониманіи Ставки, единственно правильной, и въ этомъ отношеніи ее не соблазняли перспективы быстрого безоглядочнаго отступленія, связаннаго съ отдачею врагу значительныхъ пространствъ родной земли.

Наивыгоднѣйшей линіей, на которой считалось необходимымъ закончить нашъ отходъ, представлялась линія, отходившая отъ Рижскаго залива, западнѣ Риги, къ участку средняго Нѣмана, съ крѣпостями Ковна и Гродна на флангахъ и Олитскимъ предмостнымъ укрѣпленіемъ въ центрѣ. Далѣе на югъ — рѣка Свислочь, Бѣловѣжская пуша, верхній Наревъ, съ притоками, и крѣпость Брестъ-Литовскъ. Наконецъ, верхнее теченіе р. Буга, одинъ изъ лѣвыхъ притоковъ р. Днѣстра, теченіе послѣдняго и участокъ русской границы, упирающійся на югъ въ Румынію. При прямолинейномъ очертаніи, сокращавшемъ нашъ фронтъ до 1000 верстъ, намѣчавшаяся линія имѣла обезпеченные фланги: правый — нашей флотиліей Рижскаго залива и лѣвый — нейтральнымъ государствомъ; на фронтѣ ея находился рядъ заблаговременно укрѣпленныхъ пунктовъ и выгодныхъ для обороны естественныхъ рубежей. Въ тылу — въ нашемъ распоряженіи пролежала, въ качествѣ рокадной, желѣзнодорожная линія Рига — Двинскъ — Вильна — Барановичи — Ровно — Староконстантиновъ — Каменецъ-Подольскъ, съ большимъ числомъ отвѣтвеній къ западу и востоку. Трудность использованія этой линіи заключалась лишь въ томъ, что крайнія крылья нашей Дѣйствующей Арміи, при своемъ

отходъ, почти уже достигали намѣченныхъ рубежей; центральная же часть этой Арміи оставалась еще въ Польшѣ и ее надлежало вывести изъ того опаснаго охватываемаго положенія, въ которомъ она пребывала. Всякій серьезный нажимъ противника не только на указанные выше крылья, но просто на фланги нашего центрального участка, могъ создать крайне опасную угрозу для болѣе или менѣе значительной части этой арміи. Особенно опаснымъ въ этомъ отношеніи являлся нажимъ на правое крыло нашей арміи, такъ какъ при условіи достаточныхъ силъ у непріятеля, нажимъ этотъ способенъ былъ создать угрозу правому флангу и тылу главной массы нашихъ войскъ, долженствовавшихъ отходить къ сѣверу отъ Полѣся. Эту опасность Верховное Главнокомандованіе должно было всегда имѣть передъ глазами.

Отходомъ на указанную выше линію, конечно, предрѣшалось оставленіе Варшавы и правобережной Польши. Вопросъ былъ лишь во времени, о чемъ мнѣ лично и пришлось предупредить тѣхъ изъ участниковъ описаннаго выше Совѣта 24-го іюня, которые, по окончаніи засѣданія, вели со мною бесѣды о положеніи дѣлъ на фронтѣ и о ближайшихъ перспективахъ.

Противникъ, при дальнѣйшемъ наступленіи вслѣдъ за нашими отходившими войсками Ю.-З. фронта, сталъ направлять главныя свои усилія въ разрѣзъ между сѣверной и восточной группами этого фронта, въ направленіяхъ на Холмъ и Владиміръ Волыискъ. Развѣдка обнаружила на упомянутыхъ направленіяхъ до 10—12-ти германскихъ дивизій. Одновременно, производилось давленіе и на 3-ю армію, отходившую на Люблинъ. Дѣйствія въ направленіяхъ къ Зап. Бугу, въ общемъ, создавали угрозу всему нашему положенію въ Польшѣ.

Чтобы противодѣйствовать замысламъ противника и съ утвержденія Верховнаго Главнокомандующаго, восточнѣе 3-й арміи была образована новая 13-я армія (генерала Горбатовскаго) и на южный участокъ Варшавскаго военнаго округа были направлены изъ состава разныхъ армій С.-З. фронта сильныя подкрѣпленія.

Тѣмъ не менѣе, въ цѣляхъ сохраненія «живой силы» и для расширенія полномочій Главнокомандующаго арміями С.-З. фронта, Верховною директивою отъ 5-го іюля генералу Алексѣеву было предоставлено право, въ случаѣ необходимости, начать отводъ нашихъ войскъ отъ средней Вислы, не затрудняясь уступкой непріятелю западной части Привислинскаго края. Предѣломъ допустимаго отхода указывался фронтъ Бобра, верхняго Нарева и далѣе линія Брестъ — Ратно (на р. Припяти).

Изъ двухъ укрѣпленныхъ пунктовъ — Новогеоргиевска и Ивангорода, — находившихся въ районѣ, намѣчавшемся къ эвакуаціи, по отношенію къ Ивангороду дано было указаніе, что пунктъ этотъ не долженъ считаться крѣпостью, предназначенной для самостоятельнаго удержанія, но лишь участкомъ заблаговременно укрѣпленной позиціи, долженствовавшей обеспечивать свободу маневра нашихъ войскъ на обоихъ берегахъ средней Вислы. Такимъ

образомъ это указаніе давало право на эвакуацію Ивангорода, одновременно съ окончательнымъ отходомъ нашихъ войскъ отъ названной рѣки. Что касается Новогеоргиевска, то умолчаніе о немъ должно было пониматься, и естественно понималось, въ томъ смыслѣ, что съ крѣпости этой не снимается обязанность по выполненію основной задачи всякой крѣпости — быть готовой къ изолированной оборонѣ. Новогеоргиевская крѣпость, какъ уже было объяснено въ одной изъ первыхъ главъ, не подверглась упраздненію и, напротивъ того, передъ войной было приступлено къ ея коренной перестройкѣ. Рѣшеніе это, по существу, являлось уступкой общественному мнѣнію, глубоко взволновавшемуся не только въ Россіи, но и во Франціи, когда былъ поднятъ вопросъ о полномъ упраздненіи всѣхъ нашихъ крѣпостей на Вислѣ. И, хотя работы по усиленію крѣпости ко времени начала войны еще далеко не были доведены до конца, тѣмъ не менѣе Верховное Главнокомандованіе не рѣшилось остановиться на эвакуаціи Новогеоргиевска, съ приближеніемъ къ нему противника. Такое рѣшеніе было бы безпримѣрнымъ въ нашей военной исторіи, и подойти къ нему было не легко. Печальныхъ примѣровъ изолированной обороны нѣкоторыхъ крѣпостей на фронтѣ нашихъ союзниковъ оказалось для сего недостаточно; нужно было пройти черезъ собственный опытъ, чтобы придти къ убѣжденію, что, при современной силѣ артиллерійскаго огня и легкости доставки къ штурмующему огнестрѣльныхъ припасовъ, крайне опасно къ крѣпостному флангу приурочивать часть войскъ, и что всякій укрѣпленный пунктъ или позиція, долговременнаго или временнаго характера — безразлично, должны быть, при нынѣшнихъ условіяхъ, удерживаемы лишь постолько, поскольку владѣніе ими необходимо для дѣйствительныхъ интересовъ полевой арміи. — Распоряженіемъ генерала Алексеѣва въ гарнизонъ Новогеоргиевска сперва былъ назначенъ XXVІІ-й корпусъ; впоследствии онъ былъ замѣненъ 58-й, 63-й 113-й и 114-й пѣх. дивизіями, изъ коихъ послѣднія двѣ совсѣмъ недавно были сформированы изъ ополченскихъ частей.

Въ первыхъ числахъ іюля усилія непріятеля къ продвиженію впередъ между Вислой и Зап. Бугомъ, на направленіяхъ къ Люблину, Красновосту и Грубешову, стали особенно настойчивыми. Наступленіе это должно было, по видимому, прикрываться боковымъ заслономъ, продвигавшимся къ западу, въ направленіи на Крыловъ — Сокаль. Южнѣе Сокаля непріятельскій фронтъ протягивался вдоль верхняго Буга, Золотой Липы и Днѣстра. — Генераль Ивановъ допускалъ отходъ своей правофланговой 8-й арміи отъ верхняго Буга лишь въ крайности и на этотъ случай указывалъ генералу Брусилову на возможность уклоненія его наружнаго фланга къ Рожиче-Луцкому району, но съ непремѣннымъ условіемъ заблаговременнаго сбора сильной кавалерійской массы у себя на правомъ открытомъ флангѣ.

Наступавшіе на Люблинскомъ направленіи австрійцы сосредоточили свои главные усилія къ востоку отъ Красника до Вепржа. Этому наступленію, однако, былъ положенъ предѣлъ смѣлымъ ударомъ 5-го іюля нашихъ войскъ во флангъ непріятелю, со стороны Вильколаза. Противникъ былъ разгромленъ

и отброшенъ на югъ въ полномъ безпорядкѣ; онъ потерялъ одними плѣнными свыше 20 т. человекъ и долго не могъ собраться съ силами, для продолженія своего наступательнаго марша.

Восточнѣе, между Вепржемъ и Бугомъ, наступленіе вели германцы. Постепенно бои развернулись вдоль р. Волицы и далѣе между р. Гучвой и Бугомъ, къ югу отъ Грубешова, а также вверхъ по Бугу до Сокаля. Эти бои приобрѣли затяжной и очень упорный характеръ; боевыя столкновенія перѣдко доходили до рукопашной свалки и дорого обходились обѣимъ сторонамъ. Весьма важнымъ представлялось парировать попытки противника не только къ наступленію по лѣвому берегу Буга, но и къ форсированію названной рѣки, при которомъ могла создаться угроза обхода Бреста съ востока. Извѣрившись въ возможность прорвать нашъ фронтъ и обойти насъ съ востока, германцы 17-го іюля обрушились огромными силами на наши войска, находившіяся на лѣвомъ берегу р. Вепржа, и, невзирая на оказанное имъ упорное сопротивленіе, все же успѣли, на разсвѣтѣ слѣдующаго дня, овладѣть Красновомъ и нѣкоторыми переправами черезъ рѣку выше города. Угрожающее положеніе, принятое германскими войсками по отношенію къ нашему участку фронта между Вепржемъ и Бугомъ, рѣшило дѣло; мы стали постепенно отходить на всемъ южномъ участкѣ Передоваго театра, направляясь на сѣверъ, на Люблинъ и Холмъ, и продолжая, впрочемъ, оспаривать у противника каждый шагъ въ упорныхъ бояхъ.

12-го іюля, съ вечера, обнаружилось наступленіе противника и на Наревскомъ фронтѣ. Особенно сильный напоръ германцевъ шелъ между р. Оржицею и Вкрой, на фронтъ Праснышъ — Цѣхановъ, и между Писсой и Шквой, въ направленіи на Новогродъ — Ломжу. Наши войска проявили много доблести и упорства въ отраженіи атакъ, имѣвшихъ мѣсто въ послѣдующіе дни. Но германцы ввели въ развернувшіеся здѣсь бои значительныя силы, которыя были переброшены ими не только съ лѣваго берега р. Вислы, но также и съ западнаго фронта. 17-го іюля они подошли къ Новогеоргиевску, Пултуску и Рожанамъ; завязавъ у послѣднихъ двухъ пунктовъ ожесточенные бои, они усиленно стремились форсировать р. Наревъ на указанномъ участкѣ. — Къ 24-му іюля усилія германцевъ увѣнчались успѣхомъ, и мы принуждены были нѣсколько отойти отъ нижняго Нарева.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ новымъ положеніемъ, наши войска на лѣвомъ берегу р. Вислы также отошли: 2-я армія на позицію Блоне-Гройцы, а 4-я армія, послѣ упорнаго боя на р. Илжанкѣ, на фронтъ Бялобжеги — Ополе, примкнувъ далѣе лѣвымъ флангомъ къ отходившей на Люблинъ 3-й арміи.

Еще черезъ нѣсколько дней, а именно 29-го іюля германцы на лѣвомъ берегу р. Вислы, получивъ подкрѣпленія съ западнаго фронта и потѣснивъ наши войска, стали переправляться черезъ названную рѣку на участкѣ между Ивангородомъ и устьемъ р. Пилицы. Несмотря на нашу контръ-атаку, нѣмцамъ удалось утвердиться на правомъ берегу Вислы въ районѣ Маціевце; правый же флангъ нашей 4-й арміи былъ отжать къ Ивангородскимъ укрѣп-

лениямъ. —Прорывъ оборонительной линіи р. Вислы вынудилъ насъ отъ-
нудъ на правый берегъ этой рѣки и 2-ю армію, занимавшую, какъ мы знаемъ,
позиціи сѣвернѣе Пилицы. Въ ночь на 3-е августа отходъ этотъ былъ ис-
полненъ и войска названной арміи продолжали удерживать за собою на лѣ-
вомъ берегу Вислы лишь линію бывшихъ Варшавскихъ фортовъ, но не для
упорной обороны, каковая, при данныхъ условіяхъ, являлась безцѣльной, а
лишь въ видахъ замедленія дальнѣйшаго продвиженія непріятеля.

Въ этотъ же день 3-го августа Главнокомандующій арміями С.-В. фронта,
принимая во вниманіе общее положеніе дѣлъ и особенно успѣхъ германцевъ
на южномъ фронтѣ Варшавскаго военнаго округа, гдѣ въ руки непріятеля пе-
решелъ городъ Люблинъ, а затѣмъ и Холмъ, отдалъ распоряженіе начать по-
слѣдовательный отходъ всѣхъ армій фронта, за исключеніемъ 10-й и 5-й, на
линію Ломжа — Островъ — Сѣдлецъ — Коцкъ — Опалинъ — Турійскъ. При
этомъ отходѣ, правобережной 12-й арміи указывалось на необходимость
принять мѣры по обезпеченію своего наружнаго фланга на Бобрѣ, а лѣвобереж-
ной 13-й арміи — имѣть въ виду прикрытіе путей на Брестъ и Кобринъ. Та-
кимъ образомъ, при предстоящемъ вытягиваніи войскъ изъ мѣшка, образуе-
маго территоріей Русской Польши, генераль Алексѣевъ вполне справедливо
обратилъ особое вниманіе на упроченіе своего положенія на Бѣлостокскомъ и
Брестскомъ направленіяхъ. Развитіе на этихъ направленіяхъ непріятельскаго
наступленія могло, очевидно, угрожать успѣху всей нашей отступательной
операци.

4-го августа на Наревскомъ фронтѣ въ руки непріятеля перешелъ г. Остро-
ленка, и нѣмцы, овладѣвъ этимъ пунктомъ, повели энергическое наступленіе
съ фронта Остроленка — Рожаны въ направленіи на Островъ. Въ слѣдующіе
дни, наступленіе это приняло болѣе широкіе размѣры, и бои охватили на рядъ
дней все пространство между Наревомъ и Бугомъ, на фронтѣ Ломжа —
Островъ — Малкинъ. Одновременно съ движеніемъ на Островъ, противникъ
пытался овладѣть съ сѣвера Осовцомъ. Подвергнувъ его укрѣпленія новому
жесточкому артиллерійскому обстрѣлу и выпустивъ облака ядовитыхъ газовъ,
нѣмцы пытались произвести штурмъ, но были отбиты.

На фронтѣ средней Вислы, ввиду упрочившагося положенія непріятеля
въ районѣ Маціевце и распространенія его между Наревомъ и Бугомъ, было
намѣчено окончательное оставленіе нашими войсками лѣваго берега назван-
ной рѣки. 4-го августа, съ разсвѣтомъ, въ районѣ 4-й арміи были оставлены
лѣвобережныя укрѣпленія, окружавшія Ивангородъ, и уничтожены имѣвшіяся
у этого пункта мостовыя переправы черезъ Вислу и Вепржъ. Въ ночь на слѣ-
дующій день, арьергарды 2-й арміи оставили Варшаву и, уходя на правый бе-
регъ Вислы, равнымъ образомъ взорвали за собою мосты. — Отходъ отъ Вар-
шавы и Ивангорода на восточный берегъ Вислы былъ произведенъ безъ да-
вленія на наши войска со стороны непріятеля, лишь въ силу общей стратеги-
ческой обстановки. Продолжая, въ дальнѣйшемъ, свой отходъ отъ средней
Вислы, наши войска къ 11-му августа отошли за Соколовъ, Сѣдлецъ и Луковъ.

Что касается южного участка нашего фронта на Передовомъ театрѣ, то на немъ, между Вислой и Бугомъ въ началѣ августа вновь разыгрались упорные бои къ сѣверу отъ Люблина и Холма на Любартовскомъ и Влодавскомъ направлѣніяхъ. — На правомъ берегу Буга мы продолжали войсками С.-З. фронта прикрывать направлѣніе на Ковель и Владиміръ Волинскъ.

Въ общемъ, между 9-мъ и 12-мъ августа большинство отходившихъ частей С.-З. фронта достигло линіи, указанной въ директивѣ генерала Алексѣева отъ 3-го августа. Однако, не задерживаясь на ней, войска стали продолжать свой дальнѣйшій отходъ на востокъ.

Главкомандующій С.-З. фронтомъ, изъ опасенія довести войска до разстройства, своимъ распоряженіемъ отъ 10-го августа, санкціонировалъ этотъ отходъ и указалъ войскамъ дальнѣйшій рубежъ: Осовецъ — Мазовецкъ — Цѣхановецъ — Дрогичинъ — Межирѣчье — Влодава — Турійскъ, или даже Ратно. При этомъ, генералъ Алексѣевъ все же считалъ необходимымъ предостеречь войска отъ слѣшкомъ поспѣшнаго отхода на указанную линію и отмѣчалъ необходимость выгадывать время, задерживаясь при отходѣ, сколько позволитъ обстановка. Особо сложная задача, при отходѣ выпала на долю лѣвофланговой 13-й арміи; послѣдняя должна была прикрывать не только пути на фронтъ Брестъ — Кобринъ, но и на линію Пинскъ — Лунинецъ. Она же должна была заботиться о связи съ правофланговой 8-й арміей Ю.-З. фронта.

Указанный выше рубежъ былъ, однако, пройденъ нашими войсками уже черезъ нѣсколько дней послѣ отдачи распоряженія объ отходѣ на него. — Съ середины августа германцы стали усиленно нажимать въ направлѣніяхъ на Бѣлостокъ, Бѣльскъ, Высоколитовскъ, Брестъ и южнѣе — отъ Буга на Пищу и въ направлѣніи на Ковель.

Съ отходомъ русскихъ армій отъ Вислы, въ изолированномъ положеніи оказалась крѣпость Новогеоргиевскъ, которая въ ближайшіе же дни и подверглась непріятельскому обложенію. Германцы подвезли къ ней тяжелую артиллерию самыхъ крупныхъ калибровъ, позаимствовавъ ее у своихъ союзниковъ австрійцевъ. Эта артиллерія и рѣшила участь крѣпости. — Въ серединѣ августа, въ ясный солнечный день, въ Ставкѣ, среди полной тишины, неожиданно раздался съ противозаэропланнаго звзда артиллеріи выстрѣлъ, громко прокатившійся по лѣсной чащѣ, окружавшей Ставку. Затѣмъ послышался шумъ опускавшагося аэроплана. На немъ прибылъ не сразу опознанный нашей артиллеріей летчикъ изъ Новогеоргиевска, который и доставилъ донесеніе о безнадежномъ положеніи крѣпости. Сѣверо-восточные форты, смотрѣвшіе въ сторону желѣзной дороги на Млаву, разрушены; настроеніе въ гарнизонѣ подавленное. — Неизбѣжность печальнаго исхода опредѣлилась съ отчетливостью.

Въ періодъ нашей борьбы за Передовую театрѣ, Верховный Главкомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ еще разъ обратился съ телеграммой къ французскому Главкомандующему генералу Жоффру, въ которой, обрисовавъ обстановку, создавшуюся на нашемъ фронтѣ, высказывалъ мысль о желательности оживленія боевой дѣятельности на западномъ и итальянскомъ

фронтахъ, дабы тѣмъ помѣшать дальнѣйшей переброскѣ вражескихъ силъ на нашъ фронтъ.

Къ сожалѣнію, вооруженныя силы Державъ Согласія, какъ уже не разъ отмѣчалось, дѣйствовали безъ должной связи, руководствуясь преимущественно той обстановкой, которая создавалась на фронтѣ каждаго участника союза. Конечно трудно было говорить о подчиненіи одному лицу всѣхъ союзныхъ армій, разбросанныхъ къ тому же на различныхъ театрахъ. Однако, между Главнокомандующими не было даже предусмотрѣно обязательнаго и сколько-нибудь регулярнаго обмѣна мнѣніями, который, съ развитіемъ довѣрчивыхъ отношеній, могъ бы принять характеръ совмѣстнаго и, главное, заблаговременнаго обсуждения, хотя бы по телеграфу, о намѣчающихся на ближайшій періодъ времени дѣйствіяхъ. Существовавшая связь являлась, такимъ образомъ, случайной и по большей части выражалась лишь въ краткихъ и неопредѣленныхъ по формѣ просьбахъ о помощи, или содѣйствіи. Такъ какъ подготовка къ операціямъ требуетъ, вообще говоря, значительнаго времени, просьбы же о содѣйствіи поступали почти всегда внезапно, въ зависимости отъ обстановки, уже сложившейся, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ своевременное выполненіе этихъ просьбъ оказывалось для другой стороны неосуществимымъ, и поэтому дѣйствія союзниковъ носили опредѣленно разрозненный характеръ. Нельзя сказать, чтобы не дѣлалось попытокъ къ смягченію этого крупнѣйшаго недостатка въ высшемъ союзномъ командованіи, но такія проводились несмѣлой рукой и до конца войны не дали сколько-нибудь удовлетворительныхъ результатовъ. Одной изъ главныхъ причинъ такого неуспѣха несомнѣнно было то обстоятельство, что Россія и Франція занимали по отношенію къ своимъ противникамъ наружное положеніе и были отдѣлены другъ отъ друга большими разстояніями, дѣлавшими не только невозможнымъ личное общеніе, но затруднявшими даже письменныя сношенія. Руководителямъ армій Державъ Согласія не всегда даже были извѣстны взаимныя силы и средства, такъ какъ свѣдѣнія эти, составлявшія военную тайну, не считалось возможнымъ довѣрять бумагѣ, отправляемой съ курьеромъ, или телеграфу. Сравнительно хорошо удалось наладить лишь обмѣнъ учетными свѣдѣніями о силахъ непріятеля и его переброскахъ, но и то не сразу, а лишь по прошествіи извѣстнаго времени.

Такое положеніе дѣла въ коренномъ вопросѣ объ объединеніи усилій союзниковъ по цѣли и направленію не могло не сказываться самымъ неблагоприятнымъ образомъ на ходѣ всей войны и стало обнаруживаться все сильнѣе, по мѣрѣ увеличенія числа союзниковъ и возникновенія новыхъ фронтовъ. Отсутствие центрующаго военнаго органа приводило иногда къ тому, что стратегія оказывалась въ плѣну у дипломатовъ, ставившихъ подчасъ не только цѣли для вооруженныхъ силъ союзниковъ, но бравшихъ на себя рѣшимость вліять также на распредѣленіе силъ и средствъ. Вопросы военнаго характера не разъ возбуждали серьезныя разногласія во взглядахъ. Надо, впрочемъ, отмѣтить, что и въ политическихъ выступленіяхъ союзники не всегда были од-

ного мнѣнія и дѣйствія ихъ нельзя сказать, чтобы отличались полною согласованностью.

Вопросъ о согласованіи военныхъ дѣйствій беспокоилъ, конечно, не только насъ, но и нашихъ западныхъ союзниковъ. Онъ подробно остановилъ на себѣ вниманіе особаго совѣщанія, состоявшаго въ началѣ іюля въ Калѣ. Наши союзники давали себѣ ясный отчетъ въ томъ, что преимущества нашего безспорнаго численнаго превосходства надъ противникомъ теряются, вслѣдствіе разрозненности дѣйствій, которой Центральныя Державы пользуются, въ связи съ ихъ внутреннимъ стратегическимъ положеніемъ, чтобы наносить намъ «послѣдовательные» удары.

Чтобы помочь дѣлу, 7-го іюля въ Шантильи былъ собранъ междусоюзнической военной совѣтъ, на которомъ, впрочемъ, Россія, Италия и Сербія были представлены только своими военными агентами. По полученнымъ у насъ донесеніямъ объ этомъ военномъ совѣтѣ, генераль Жоффръ, открывая засѣданіе, опредѣленно высказался въ смыслѣ необходимости въ дальнѣйшемъ согласованія союзными арміями предпринимаемыхъ ими военныхъ дѣйствій. Теоретически союзныя войска, по мнѣнію французскаго Главнокомандующаго, должны предпринять одновременное на всѣхъ фронтахъ наступленіе, но, добавилъ генераль Жоффръ, практически это неосуществимо. Считаясь съ обстановкой, необходимо поэтому установить тотъ принципъ, что та изъ союзныхъ армій, которая въ данный періодъ времени выдерживаетъ главный натискъ непріятельскихъ силъ, имѣетъ право ожидать помощи отъ остальныхъ армій, въ видѣ перехода послѣднихъ въ энергичное наступленіе на занимаемыхъ ими фронтахъ. — При всемъ преклоненіи передъ благородствомъ высказаннаго французскимъ Главнокомандующимъ взгляда, легко, однако, видѣть уязвимыя стороны послѣдняго. Изъ самой постановки вопроса можно усмотрѣть, что союзники какъ бы примирялись съ переходомъ инициативы въ руки нашихъ противниковъ. Сѣдуя принципу, выдвигавшемуся генераломъ Жоффромъ, Державы Согласія какъ бы ставили цѣлью своихъ дѣйствій не нанесеніе ударовъ, а только парированіе или смягченіе ихъ, что должно было подчинять ихъ волю волѣ противника. Сверхъ того, какъ я уже имѣлъ случай отмѣтить, переходъ въ наступленіе требуетъ длительной подготовки, измѣряемой по крайней мѣрѣ нѣсколькими недѣлями, и потому помощь атакованному, оказываемая въ такихъ условіяхъ, всегда будетъ или недостаточной, или запоздалой, какъ это неоднократно и доказывала суровая дѣйствительность. Констатировавъ заслуги Россіи, войска, которой самоотверженно перешли въ началѣ войны въ наступленіе и тѣмъ облегчили трудное положеніе французской и англійской армій, генераль Жоффръ сдѣлалъ заявленіе, что вынѣшняя обстановка на русскомъ фронтѣ вызываетъ необходимость такихъ же самоотверженныхъ дѣйствій со стороны союзниковъ. Усвоеніе такой точки зрѣнія, по словамъ генерала Жоффра, требуетъ не только принципъ взаимной выручки, но и собственный интересъ союзниковъ. Взглядъ этотъ былъ принципиально раздѣленъ и остальными участниками засѣданія. Но, къ сожалѣнію,

туть же на самомъ совѣтѣ выяснилось, что союзники на западномъ фронтѣ могутъ предпринять большую наступательную операцію лишь черезъ нѣсколько недѣль, вслѣдствіе необходимости пополнить запасъ орудій и огнестрѣльныхъ припасовъ, произвести необходимыя перегруппировки и выждать прибытія новыхъ англійскихъ подкрѣпленій. Въ соответствіи съ этими условіями, было постановлено, что французскія войска временно предпримуть лишь рядъ мѣстныхъ дѣйствій, пока не станетъ возможнымъ переходъ къ общей наступательной операціи. Англійская армія окажетъ этой операціи самую полную помощь. Посильное участіе приметъ въ ней и Бельгійская армія. На Итало-Сербскомъ фронтѣ итальянская армія вновь разовьетъ начатое ею наступленіе по направленію на Лайбахъ (Любляны), Клагенфуртъ, причѣмъ Сербская армія приглашалась согласовать свои операціи съ дѣйствіями итальянской арміи. Увы, всѣ эти перекрасныя мысли не могли принести своевременной помощи истекавшей кровью русской арміи. Какъ извѣстно, операція французовъ фактически началась лишь въ двадцатыхъ числахъ сентября наступленіемъ въ Шампани, когда русскій фронтъ стабилизировался самъ собою; что же касается помощи со стороны Италіи, то таковая реально не проявилась ни къ чему.

Я упомянулъ также о Сербіи. — Припоминаю, что въ серединѣ лѣта 1915-го года въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго прибылъ представитель Сербской Главной Квартиры, фамилія котораго, къ глубокому моему сожалѣнію, не сохранилась у меня въ памяти. Этотъ представитель нашей доблестной союзной арміи сдѣлалъ подробный докладъ о состояніи сербскихъ вооруженныхъ силъ и ихъ средствахъ. Общій выводъ сводился къ тому, что сербская армія способна къ энергическому, но только короткому удару, послѣ котораго должно наступить ея крайнее ослабленіе, безъ надежды на скорое возрожденіе. Сербская армія, говорилъ прибывшій представитель, готова проявить это послѣднее усиліе по первому требованію Русскаго Верховнаго Главнокомандующаго, но Россія должна знать, что это будетъ послѣдній вкладъ Сербіи въ общее дѣло. Въ дальнѣйшемъ Сербія останется беззащитной и умирающей. Столь великой жертвы Россія не могла принять отъ братской героической страны. Къ тому же общая обстановка на фронтѣ противъ Австріи складывалась къ этому времени неблагоприятно для новаго выступленія Сербіи. Русская армія вынуждена была къ отходу на всемъ своемъ юго-западномъ фронтѣ, итальянское наступленіе остановилось на р. Изонцо, и, такимъ образомъ, установленная противъ Австріи русско-итальянскимъ военнымъ соглашеніемъ совмѣстная кооперація, въ которой должна была принять участіе и Сербія, разстраивалась. — При такихъ условіяхъ, жертвовать сербской арміей было бы вполне нецѣлесообразно, и потому Великій Князь Николай Николаевичъ призналъ цѣлесообразнымъ отказаться отъ дальнѣйшихъ настаиваній на наступленіи Сербіи; ея армія обязывалась только сохранять полную готовность, чтобы выступить по первому требованію. — Эта точка зрѣнія не встрѣтила, однако, полного сочувствія на западѣ, гдѣ находили необходимой

сербско-итальянскую кооперацію, которая, впрочемъ, своего осуществленія не получила.

Въ половинѣ юля нѣмцы зашевелились вновь и на правомъ берегу Нѣмана, въ Риго-Шавельскомъ районѣ. Они стали тѣснить насъ на Митавскомъ и Поневѣжскомъ направленіяхъ и одновременно развивать наступленіе въ сторону Ковны. Въ районѣ Шавли разыгрались упорные бои, закончившіеся отходомъ нашихъ войскъ черезъ Поневѣжъ къ востоку и далѣе, примѣрно на фронтъ Понедели — Оникшты, на р. Свентѣ. Бои на направленіи Поневѣжъ — Двинскъ приняли затяжной характеръ и продолжались въ теченіе всего августа мѣсяца. — Велѣдствіе невыгоднаго для насъ очертанія Балтійскаго побережья, мы лишены были возможности защищать таковое и должны были уступить непріятелю Виндаву съ тѣмъ, чтобы упереть правый флангъ нашего фронта въ Рижскій заливъ, находившійся въ рукахъ нашего флота. — 1-го августа нѣмцами была занята Митава; мы стали отходить за р. р. Экау и Миссу и укрѣпляться на лѣвомъ берегу Двины, на подступахъ къ Ригѣ.

Новое продвиженіе непріятеля вынудило насъ прибѣгнуть къ дополнительному усиленію войскъ въ Риго-Шавельскомъ районѣ. Къ началу августа войска 5-й арміи заняли дугообразное расположеніе отъ Рижскаго плацдарма, на лѣвомъ берегу Двины (VII-й сиб. корпусъ), черезъ Фридрихштадтъ (XXXVII-й корпусъ), къ верховьямъ Свенты и до впаденія ея въ Вилію (корпуса XIX-й, III-й и позднѣе XXXIV-й). — Всего въ названной арміи собрано было къ тому времени 10½ пѣх. и 9½ конныхъ дивизій.

Крѣпость Ковна, лежавшая въ стыкѣ между 5-й и 10-й арміями, была изъята изъ вѣдѣнія Командующаго 10-й арміей и подчинена непосредственно Главнокомандующему С.-З. фронтомъ; распоряженіемъ генерала Алексѣева эта крѣпость была снабжена собственнымъ гарнизономъ.

Мнѣ всегда казалось, что Главнокомандованіе С.-З. фронтомъ не дооцѣниваетъ стратегическое значеніе Риго-Шавельскаго района, черезъ который пролегали крайне важные пути къ Ригѣ, Двинску и Вильнѣ, въ обходъ всѣхъ нашихъ армій, долженствовавшихъ отходить по путямъ сѣвернѣе Полѣсья, и въ разрѣзъ одной изъ главнѣйшихъ желѣзнодорожныхъ магистралей Вильна — Двинскъ — Рѣжица. Было ли это обстоятельство результатомъ переобремененности Главнокомандующаго названнымъ фронтомъ заботами о находившихся въ Польшѣ арміяхъ, руководство коими требовало большого вниманія, или убѣжденія генерала Алексѣева въ недостаточности непріятельскихъ силъ для развитія изъ Риго-Шавельскаго района широкихъ операцій, — я не берусь судить, но фактъ настойчиваго распространенія непріятеля въ этомъ районѣ былъ налицо и, съ моей точки зрѣнія, онъ долженъ былъ привлекать къ себѣ серьезное вниманіе. Противникъ, постепенно подготовивъ выгодное для себя исходное положеніе и пользуясь свободой комбинировать си-

лы по своему усмотрѣнію, легко могъ въ любую минуту и незамѣтно бросить часть своихъ силъ въ названный районъ и затѣмъ произвести глубокое вторженіе въ одномъ изъ указанныхъ выше важныхъ направлений. Чѣмъ менѣе было удѣляемо вниманія той возможности со стороны штаба С.-З. фронта, тѣмъ въ большей степени обязана была учитывать Ставка проистекавшію отсюда опасность и серьезно думать о средствахъ къ ея устраненію.

Исходя изъ этихъ соображеній и принимая во вниманіе вредную для дѣла громоздкость С.-З. фронта, состоявшаго изъ восьми армій, мною еще 20-го іюля былъ возбужденъ вопросъ о необходимости болѣе рѣшительной переброски войскъ изъ Передового театра въ Риги-Шавельскій районъ и подраздѣленіи упомянутыхъ восьми армій на два фронта — Западный (З.) и Сѣверный (С.).

«Мы должны, — говорилъ и писалъ я къ концѣ іюля, — отказаться отъ стремленія удерживать во что бы то ни стало линію р. Вислы и, въ своихъ рѣшеніяхъ, принимать въ расчетъ исключительно требованія стратегической обстановки, стремясь, при первой возможности, усилить и закрѣпить наше положеніе въ Риги-Шавельскомъ районѣ, который приобретаетъ первенствующее значеніе, при данныхъ условіяхъ обстановки».

По свѣдѣніямъ нашей развѣдки, въ этомъ районѣ нѣмцами было сосредоточено къ началу августа всего семь пѣх. и столько же кав. дивизій. Мы имѣли поэтому право рассчитывать, что, съ усиленіемъ нашихъ войскъ и съ созданіемъ къ сѣверу отъ Гродны новаго достаточно сильнаго С. фронта, положеніе наше на правомъ флангѣ стратегическаго фронта можетъ еще выправиться и продвигающейся въ направленіяхъ на Двинскъ, Свѣнцианы и Вильну противникъ можетъ быть отброшенъ отъ нашихъ желѣзнодорожныхъ магистралей; послѣднія къ сѣверу отъ Польска отходили отъ нашего фронта со значительнымъ отклоненіемъ къ сѣверу, приближаясь такимъ образомъ къ Риги-Шавельскому району. Созданіемъ сильнаго и активнаго С. фронта, непосредственно подчиненнаго Верховному Главнокомандующему, къ тому же, могло быть надежнѣе обезпечено положеніе тѣхъ армій, кои, оставаясь въ подчиненіи генералу Алексѣеву, еще не успѣли вытннуться изъ польскаго мѣшка; вмѣстѣ съ тѣмъ, названной мѣрой облегчалось управленіе этими послѣдними арміями З. фронта.

Верховный Главнокомандующій одобрялъ мои мысли и, намѣтивъ на должность Главнокомандующаго арміями С. фронта оправившагося отъ нездоровья генерала Рузскаго, приказалъ приступить къ болѣе детальной разработкѣ возбужденныхъ вопросовъ. Для усиленія войскъ Риги-Шавельскаго района, распоряженіемъ Ставки, были предназначены къ перевозкѣ съ Ю.-З. фронта четыре пѣх. и одна конная дивизіи; независимо того, указано было выдѣлить изъ войскъ того же фронта 120 отдѣльныхъ ротъ съ офицерами и вооруженіемъ, «для быстрого и надежнаго усиленія сплоченными частями двухъ-трехъ корпусовъ армій генерала Плеве, занимавшей крайне важныя операционныя направленія». — Наконецъ Гвардейскій корпусъ указано было перебросить къ Вильнѣ въ распоряженіе Верховнаго Главнокомандующаго.

Генераль Алексѣевъ видимо не сочувствовалъ идеѣ раздѣленія на два фронта войскъ, отходившихъ къ сѣверу отъ Полѣсья и состоявшихъ въ его подчиненіи. Онъ приводилъ противъ такого предположенія рядъ доводовъ, ссылаясь на несвоевременность проекта, быстро мѣняющуюся обстановку, необходимость согласованія въ дѣйствіяхъ армій и даже недосугъ заняться этимъ дѣломъ. — Такъ безнадежно затягивалось разрѣшеніе даннаго вопроса. Верховный Главнокомандующій, высоко цѣняя работу генерала Алексѣева, видимо не желалъ дальнѣйшей своей настойчивостью нарушать душевное равновѣсіе послѣдняго.

Однако, событія все настойчивѣе привлекали вниманіе къ правому флангу нашего стратегическаго фронта и выдвигали на очередь вопросъ объ упорядоченіи управленія на немъ вооруженными силами.

Еще въ маѣ нѣмцы успѣли занять на лѣвомъ берегу Нѣмана, впереди Ковны, находившуюся тамъ полосу лѣсовъ, позволявшую имъ скрытно приблизиться къ укрѣпленіямъ названной крѣпости. По доходившимъ до насъ свѣдѣніямъ, противникъ воспользовался этимъ, чтобы провести въ упомянутыхъ выше лѣсахъ рядъ узкоколеекъ и начать установку крупныхъ орудій. Въ началѣ августа эти орудія открыли огонь по крѣпостному обводу, а еще черезъ нѣсколько дней — начались атаки пѣхотныхъ частей непріятеля на укрѣпленія и форты Ковенской крѣпости. Несмотря на оказывавшееся сопротивление и большія потери, нѣмцы упорно продвигались впередъ. 8 августа, послѣ ожесточеннаго и кровопролитнаго штурма, имъ удалось удержаться въ одномъ изъ укрѣпленій на западномъ берегу Нѣмана. Еще черезъ два дня, въ ночь на 10-е, — нѣмцы повторили штурмъ. Хотя гарнизонъ крѣпости успѣвалъ отбивать непріятельскія атаки, тѣмъ не менѣе положеніе лѣвобережной части крѣпости становилось тяжелымъ. Противникъ, въ теченіе 15-го и 16-го Августа, достигъ серьезныхъ результатовъ. — Успѣхи нѣмцевъ очень беспокоили Ставку; трудно было найти имъ объясненіе, такъ какъ связь крѣпости съ тыломъ оставалась свободной и западныя атакующія укрѣпленія ея фортового пояса, по существу, сливались съ общою линіей нашего фронта; такимъ образомъ, крѣпости могла быть оказана какъ непосредственная помощь съ тыла, такъ и поддержка маневромъ, со стороны соприкасавшихся съ нею 5-й и особенно 10-й армій, изъ коихъ послѣдняя была полностью расположена на лѣвомъ берегу Нѣмана.

Почти одновременно съ открытіемъ наступательныхъ дѣйствій противника противъ Ковны, разгорѣлась упорная борьба изъ за обладанія Рижскимъ заливомъ. Германскій флотъ, подойдя 11-го августа ко входу въ заливъ, сталъ усиленно тралить наши минныя загражденія. Вытраленныя непріятельскими судами мѣста засыпались, однако, нашими миноносцами вновь въ слѣдующую же ночь. Видя неуспѣхъ своихъ дѣйствій, германцы рѣшили достигнуть прорыва путемъ систематическаго траленія площадей, подъ прикрытіемъ огня ихъ болѣе сильнаго флота. Послѣ нѣкоторыхъ усилій, это имъ удалось, и германскіе крейсера и миноносцы, въ ночь на 18-е августа, ворвались въ за-

ливъ. Прохозяйничавъ въ немъ нѣсколько дней и затопивъ въ Перновѣ нѣсколько баржъ и транспортвъ, ворвавшійся непріятель понесъ, однако, отъ нашихъ минъ и судовъ такія потери, которыя заставили его очистить заливъ; послѣдній немедленно былъ вновь закрытъ нашими минными загражденіями.

Результаты появленія германскаго флота въ Рижскомъ заливѣ выяснились, однако, не вдругъ. Донесенія о десантѣ, произведенномъ нѣмцами въ Перновѣ, въ тылу нашихъ войскъ и на кратчайшихъ путяхъ къ Ревельской крѣпости, не имѣвшей благоустроенной сухопутной обороны и служившей оперативной базой нашего флота, который прикрывалъ входъ въ Финскій заливъ, вынудили Верховнаго Главнокомандующаго дать указанія о перевозкѣ Гвардейскаго корпуса къ Валку. Но еще днемъ раньше, а именно 17-го августа, Верховный Главнокомандующій призналъ необходимымъ, своей директивой, закрѣпить рѣшеніе о раздѣленіи войскъ, отходившихъ по путямъ къ сѣверу отъ Полѣсья, на два фронта — С. и З., указавъ и срокъ для вступленія въ командованіе первымъ фронтомъ генерала Рузскаго — въ полночь съ 30-го на 31-ое августа. — Главнокомандующимъ З. фронтомъ долженъ былъ оставаться генералъ Алексѣевъ.

Согласно упомянутой директивы, С. фронтъ должны были составить: 6-я армія (раіонъ Финляндіи и Петрограда), 5-я, 10-я и подлежавшая сформированію вновь въ раіонѣ Вильны 12-я армія; во главѣ послѣдней долженъ былъ стать генералъ Горбатовскій со своимъ штабомъ. Въ армію эту должны были войти Гвардейскій корпусъ и два наиболѣе боеспособныхъ корпуса изъ 13-й арміи. Послѣдняя, какъ и старая 12-я армія, подлежали расформированію.

Такимъ образомъ въ составѣ З. фронта должны были оставаться 1-я, 2-я, 4-я и 3-я арміи.

Основной задачей С. фронта должно было быть — прикрытіе путей къ Петрограду изъ Восточной Пруссіи и со стороны Балтійскаго побережья.

Частныя задачи: 1) прочное удержаніе Средне-Нѣманскаго раіона, имѣя въ виду крайне важное значеніе такового не только для арміи З. фронта, еще не вышедшихъ окончательно изъ польскаго мѣшка, но и для общаго нашего стратегическаго положенія къ сѣверу отъ Полѣсья; 2) прикрытіе путей, ведущихъ по правому берегу р. Нѣмана въ Виленскій раіонъ и къ участку жел. дороги Вильна — Двинскъ; 3) оборона р. Двины отъ Двинска до Риги включительно.

Независимо изложеннаго, войскамъ С. фронта ставилась задача — стремиться къ переходу, при первой возможности, въ рѣшительное наступленіе, имѣющее цѣлью — оттѣсненіе противника, насколько позволитъ обстановка, къ западу, чтобы лишить его выгоднаго исходнаго положенія для развитія операций въ обходъ праваго фланга нашего общаго стратегическаго фронта.

Основной задачей З. фронта должно было быть прикрытіе путей, отходящихъ изъ Передоваго театра къ Москвѣ.

Частныя задачи: 1) прочно удерживать въ своихъ рукахъ Гродна-Бѣлостокскій районъ и фронтъ отъ верхняго Нарева до Бреста включительно, и 2) прикрывать съ юга пути по правому берегу верхняго Буга къ фронту Брестъ—Кобринъ — Пинскъ — Лунинецъ.

Опытъ изолированной обороны Новогеоргиевской крѣпости далъ вполне наглядное доказательство, что, при наличіи у наступающаго большого числа орудій современныхъ образцовъ и обилии огнестрѣльныхъ припасовъ, длительная оборона крѣпости, предоставленной собственнымъ силамъ, представляетъ нынѣ едва-ли разрѣшимую задачу. Ускоренная атака такой крѣпости является для наступающаго наиболѣе соблазнительнымъ и общающимъ успѣхъ способомъ дѣйствій. Только отсутствіе подвижной тяжелой артиллеріи и бѣдность артиллерійскаго снабженія, имѣвшія мѣсто, напримѣръ, у насъ подъ Перемышлемъ, могутъ вынудить въ настоящее время избрать иной, болѣе длительный и изнурительный путь для овладѣнія неприятельскою крѣпостью. Такъ какъ германцы были въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ мы подъ Перемышлемъ, и заподозрѣтъ у нихъ отсутствіе соответственной артиллеріи и боевыхъ припасовъ не приходилось, то выдѣленіе, съ отходомъ на востокъ полевыхъ армій, значительныхъ гарнизоновъ въ имѣвшіяся у насъ крѣпости, которыя, къ тому же, были слабы въ техническомъ и артиллерійскомъ отношеніяхъ, должно было быть признано рѣшеніемъ мало цѣлесообразнымъ. Вслѣдствіе этого, на всѣ наши крѣпости, находившіяся въ районѣ дѣйствій какъ С. фронта (Усть-Двинскъ и Ковна), такъ и З. фронта (Гродна, Осовецъ, Брестъ), распоряженіемъ Верховнаго Главнокомандующаго, устанавливался однообразный взглядъ, какъ на долговременно укрѣпленные участки общей позиціи, предназначенной задержать, а если возможно, то и остановить противника. Съ отходомъ полевыхъ армій, роль этихъ наиболѣе прочно укрѣпленныхъ участковъ общей позиціи кончалась, и они должны были быть эвакуированы.

Такимъ образомъ Ковна не должна была составлять въ этомъ отношеніи исключенія. Но эвакуація ея могла состояться только съ отходомъ отъ нея полевыхъ армій и, конечно, лишь по указанію Главнокомандующаго С. З. фронтомъ, которому эта крѣпость была непосредственно подчинена. А такъ какъ въ указанный періодъ времени Ковенская крѣпость, противъ которой были направлены усилія нѣмцевъ, не являлась изолированной и, напротивъ, лежала въ общей линіи, занимавшейся и оборонявшейся нашими полевыми арміями, то директива Верховнаго Главнокомандующаго, наоборотъ, особо подчеркивала необходимость исчерпанія всѣхъ средствъ для удержанія этого пункта, отнюдь не допуская его обложенія.

Генераль Алексѣевъ, по полученіи директивы Верховнаго Главнокомандующаго отъ 17-го августа, возбудилъ ходатайство о томъ, чтобы новую 12-ю армію формировать не въ Виленскомъ, а въ Риги-Митавскомъ районѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ испрашивалъ разрѣшеніе на сосредоточеніе въ Виленскомъ районѣ не трехъ, а только двухъ корпусовъ, включая Гвардейскій, переброска котораго къ Валку была Ставкой отмѣнена.

По мнѣнію Ставки, измѣненія, проектировавшіяся Главкомандованіемъ С.-З. фронта, не соотвѣтствовали складывавшейся обстановкѣ, которая указывала на Вильну, какъ на пунктъ, въ направленіи котораго уже обозначался очередной ударъ нѣмцевъ. Я считалъ своимъ долгомъ особо докладывать Верховному Главкомандующему о необходимости настоять на группировкѣ, предложенной къ исполненію Верховнымъ Главкомандованіемъ. Но Великій Князь не считалъ возможнымъ стать на сторону Ставки и предоставилъ генералу Алексѣеву вносить въ схему новаго развертыванія необходимыя, по мнѣнію послѣдняго, измѣненія. — Я вынесъ такое убѣжденіе, что Великій Князь уже провидѣлъ въ генералѣ Алексѣевѣ будущаго отвѣтственнаго руководителя дальнѣйшими дѣйствіями всей русской арміи и не желалъ, ввиду этого, стѣснять его рѣшеній. вмѣстѣ съ нарастаніемъ неудачъ на фронтѣ, сгущалась обстановка вокругъ имени Великаго Князя, уходъ котораго съ поста Верховнаго Главкомандующаго становился не только возможнымъ, но и вѣроятнымъ.

Генералу Рузскому, по званію Главкомандующаго С. фронтомъ долженъ былъ быть подчиненъ и Балтійскій флотъ, операціи котораго находились въ естественной связи съ дѣйствіями сухопутной арміи на побережьѣ.

Въ теченіе лѣта 1915-го года въ ряды этого флота вступили 4 дредноута, и съ этого времени положеніе наше въ Финскомъ заливѣ значительно упрочилось. Такъ какъ безопасность столицы и ближайшихъ подступовъ къ ней являлась одною изъ основъ нашего положенія на западномъ фронтѣ, то было постановлено, что выходъ этихъ крупнѣйшихъ судовъ за линію нашего центрального миннаго загражденія можетъ быть допущенъ только съ разрѣшенія Верховнаго Главкомандующаго. Это ограниченіе, вызывавшееся стратегическою необходимостью, сильно печалило нашихъ доблестныхъ моряковъ, впитавшихъ въ себя духъ предпріимчивости и порыва ихъ стараго начальника Адмирала Эссена. Въ стремленіи вернуться къ активной дѣятельности легкими судами въ южной части Балтійскаго моря, изъ штаба Командующаго флотомъ было возбуждено ходатайство о разрѣшеніи выхода въ море линейнымъ кораблямъ нашего флота, для поддержки этой операціи. Я былъ убѣжденнымъ противникомъ такого предпріятія, находя, что рискъ потерять главную силу нашего флота не оправдывался возможными результатами намѣчавшейся операціи. Послѣдняя, при неудачномъ оборотѣ дѣлъ, грозила въ корнѣ пошатнуть наше положеніе въ Финскомъ заливѣ. Но Верховный Главкомандующій, оцѣнивая проявляемый нашими моряками порывъ и въ согласіи съ мнѣніемъ генерала Рузскаго, разрѣшилъ Командующему флотомъ одновременный выходъ въ открытое море не болѣе двухъ дредноутовъ. Подъ ихъ прикрытіемъ и, по счастью безъ потерь, было вновь заминировано значительное пространство Балтійскаго моря южиѣ параллели Либавы.

Начало августа 1915-го года ознаменовалось решительной победой наших Кавказских войск над турками. Победа эта промелькнула светлым бликом на мрачном фоне нашего общего стратегического положения.

После разгрома турецких войск под Сарыкамышем и уничтожения всей их наступавшей армии Энвера-паши, — на Кавказском фронте, в течение всей первой половины 15-го года, царило относительное затишье. Турки устраняли и пополняли свою разгромленную армию; мы, — несмотря на трудности зимних экспедиций, очищали от повстанцев горные районы Батумской и Карской областей и закрепляли свое положение. Только вновь сформированный IV-й Кавк. корпус и Азербейджанский отряд продвигались вперед к Ванскому озеру и в Заурмийский район, имея целью очищение занимаемых областей от беспокойного курдского элемента.

В июле месяце агентурные сведения стали указывать на сосредоточение турецких сил в районе Битлис — Муш — Копь. Чтобы помешать этому сосредоточению, части IV-го Кавк. корпуса, усиленные только что сформированной и прибывшей на Кавказ Донской пластунской бригадой, были выдвинуты вперед и в середине июля успешно атаковали турецкие авангарды. Но во второй половине июля Командующий Битлисской группой турецких войск Халим-паша стянул свои силы и нанес сильный удар нашему IV-му Кавк. корпусу в направлении Копь — Мелязгерть. Повторные атаки турок вынудили наши войска отступить сперва в Алашкертскую долину, а затем на перевалы пограничного с Турцией Агрыдагского хребта. Туркам открылся снова путь на Тифлиς, на сей раз в обход Карса с востока через Александрополь.

Чтобы парализовать этот успех турок, командующий Кавказской армией генерал Юденич — герой Сарыкамыша, выехав с оперативной частью своего штаба из Карса в Каракурт, отдал распоряжение о сосредоточении своего армейского резерва в одном-двух переходах к западу от Алашкерта, под начальством генерала Баратова. Предоставив отходившим войскам IV-го Кавк. корпуса отходить в наиболее удобном для них направлении, генерал Юденич, в первых числах августа, направил отряд генерала Баратова во фланг и тыл зарвавшимся туркам. Выход наших войск в тыл туркам решил участь всей операции Халим-паши. Впечатлительные турки, истомленные тяжелым походом, бросились бежать назад, перехватываемые на перевалах нашими войсками. В руки последних попала часть неприятельской артиллерии, обозы и до 10 т. пленных турок. Таким образом, благодаря искусному активному контр-маневру, задуманному и осуществленному генералом Юденичем, турки были полностью разгромлены. 12-го августа нашими войсками был вновь занят район Мелязгерта и положение на левом фланге Кавказской армии восстановлено. В противовес Сарыкамышской операции, по окончании которой стали раздаваться голоса, опровергавшие главенствующую в ней роль генерала Юденича, теперь уже никто не мог оспаривать его заслуги в организации этого дела.

Будетъ справедливымъ отмѣтить энергичную работу Кавказскаго начальства по сформированію и подготовкѣ къ боевой дѣятельности новыхъ частей. Несмотря на отправку весной 15-го года на западный фронтъ V-го Кавк. корпуса и 20-й пѣх. дивизіи, составъ Кавказской арміи не потерпѣлъ ущерба и даже получилъ нѣкоторое приращеніе. Лѣтомъ 15-го года въ эту армію входило 107 бат. пѣх., 55 ополч. и добровольческихъ дружинъ, 217 сотенъ и 350 орудій. Конечно, большинство частей были изъ числа сформированныхъ наспѣхъ, но все онѣ съ честью выполняли свое назначеніе.

Вторая половина 15-го года прошла въ подготовкѣ къ новому наступленію. Многочисленные бои на фронтѣ имѣли цѣлью закрѣпленіе выгоднаго исходнаго положенія для дальнѣйшихъ операций. Подготовка эта дала возможность въ концѣ декабря перейти въ общее наступленіе всѣмъ фронтомъ, завершившееся взятіемъ въ февралѣ 1916-го года Эрзерума и въ апрѣлѣ — Трапезунда.

ГЛАВА XVIII.

Работа военнаго министерства и общественныхъ организацій по улучшенію условий снабженія арміи. — Думскій блокъ. — Дальнѣйшій отходъ нашихъ армій вглубь русской территоріи. — Уходъ Великаго Князя съ поста Верховнаго Главнокомандующаго. — Свѣянскій прорывъ и стабилизация нашего фронта. — Военное положеніе на европейскихъ фронтахъ къ концу 15-го года. — Заключеніе.

Грозное положеніе, въ которомъ оказалась русская армія уже въ концѣ 14-го года, вслѣдствіе недостатка огнестрѣльныхъ припасовъ и винтовокъ, вынудило Ставку и Военное Министерство тогда же намѣтить рядъ мѣръ для улучшенія питанія арміи предметами боевого снабженія. Однако, мѣры эти не могли дать быстрыхъ результатовъ, и наша армія должна была провести весь лѣтній боевой періодъ 15-го года при крайне тяжелыхъ условіяхъ, въ отношеніи удовлетворенія ея боевыхъ нуждъ.

Мы уже видѣли, что къ началу войны довольствующіе органы нашего Военнаго Министерства не имѣли никакого плана мобилизации отечественной промышленности. Приспособленіе же этой промышленности къ военнымъ дѣламъ въ періодъ самой войны, конечно, должно было встрѣтиться съ большими затрудненіями. Изготовленіе предметовъ боевого снабженія является дѣломъ крайне сложнымъ; оно требуетъ большой точности работы, хорошо подготовленнаго техническаго персонала и спеціальныхъ станковъ. — Не скоро наладилось дѣло и съ заказами заграницей. Мы встрѣтили тамъ серьезныхъ конкурентовъ не только въ лицѣ нашихъ противниковъ — по преимуществу германцевъ, но и среди нашихъ союзниковъ, коимъ удалось захватить иностранные рынки ранѣе насъ. Къ тому же надо сказать, что и заграничная промышленность не сразу примѣнилась къ предъявленнымъ ей техническимъ требованіямъ, и можно привести не мало примѣровъ неудовлетворительнаго, а

тѣмъ болѣе несвоевременнаго исполненія заказовъ. — Много мѣшала дѣлу также недобросовѣтность нѣкоторыхъ комиссіонеровъ и поставщиковъ, преслѣдовавшихъ свои корыстныя цѣли.

Въ маѣ 1915-го года было образовано въ Петроградѣ «Особое Совѣщаніе по оборонѣ». — На должность Начальника Главнаго Артиллерійскаго Управленія былъ назначенъ генералъ Маниковскій — человекъ рѣшительный, кипучей энергій и большихъ специальныхъ знаній. Отъ его дѣятельности армія ожидала большихъ результатовъ. Затѣмъ въ іюнѣ того же года постъ Военнаго Министра занялъ генералъ Поливановъ, краткая характеристика котораго мною была уже дана выше. Еще черезъ мѣсяць была учреждена Верховная Слѣдственная Комиссія, для разслѣдованія причинъ несвоевременнаго и недостаточнаго снабженія арміи. — Предѣвателемъ Особаго Совѣщанія по оборонѣ являлся, по должности, Военный Министръ; въ составъ Совѣщанія, въ качествѣ членовъ, входили представители Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, а позднѣе — представители Земскаго и Городскаго союзовъ и «Военно-промышленныхъ комитетовъ». Идея образованія послѣднихъ родилась на сѣздѣ представителей промышленности и торговли, собравшемся въ Петроградѣ въ половинѣ 15-го года, на каковомъ сѣздѣ только что прибывшій съ фронта членъ сѣзда П. П. Рябушинскій произнесъ патріотическую рѣчь, призывая придти на помощь арміи, лишенной средствъ для борьбы. Цѣль образованія военно-промышленныхъ комитетовъ заключалась въ томъ, чтобы, при помощи ихъ, объединить среднюю и мелкую промышленность, не использованную еще военнымъ вѣдомствомъ, и привлечь ее къ работѣ на войну. Съ теченіемъ времени число такихъ комитетовъ разрослось до 200; они образовали цѣлую сѣть, широко раскинувшуюся по всей Имперіи, и были между собою объединены въ выборномъ центральномъ комитетѣ въ Петроградѣ; во главѣ послѣдняго стоялъ бывшій предѣватель 3-й Государственной Думы А. И. Гучковъ.

Одновременно съ Особымъ Совѣщаніемъ по оборонѣ, были созданы и другія совѣщанія — по перевозкамъ, по топливу, по продовольствію, состоявшія при соответствующихъ министерствахъ. И хотя изъ этого перечня уже видно, что дѣло снабженія не было объединено въ какомъ-либо одномъ органѣ, но, по существу, такимъ центрующимъ органомъ оказалось Особое Совѣщаніе по оборонѣ, постепенно сосредоточившее въ себѣ разсмотрѣніе всѣхъ наиболее важныхъ вопросовъ, связанныхъ съ удовлетвореніемъ главнѣйшихъ потребностей, обусловливавшихся войной.

Упорной совмѣстной работой всѣхъ этихъ органовъ и правительственныхъ учреждений дѣло снабженія нашей арміи было двинуто впередъ, но результаты этой работы сказались далеко не вдругъ. Хорошо помню, какъ въ сентябрѣ 15-го года, вступивъ въ командованіе XXV-мъ корпусомъ, я оказался во главѣ всего лишь неполныхъ 8 т. штыковъ, крайне бѣдно обеспеченныхъ ружейными патронами — остроконечными и тупоголовыми вперемежку — почти безъ пулеметовъ и съ малымъ количествомъ артиллерійскихъ выстрѣловъ. Потребовалось нѣсколько мѣсяцевъ — примѣрно до декабря, — и много энергій,

прежде чѣмъ скелетъ этого доблестнаго корпуса обросъ мускулами и превратился въ цѣльный полнокровный боевой организмъ.

По тѣмъ матеріаламъ, которые имѣются въ моемъ распоряженіи, въ теченіе 14-го и 15-го годовъ поступило съ нашихъ заводовъ всего лишь около 1.100 т. новыхъ и заново-исправленныхъ винтовокъ и изъ заграниціи около 750 т. штукъ. Между тѣмъ, нужда арміи въ винтовкахъ за тотъ же періодъ времени не можетъ быть нечислѣма менѣе чѣмъ въ 3—4 милліона штукъ. Недостатокъ винтовокъ и былъ одною изъ причинъ грознаго некомплекта въ арміи; онъ же тормозилъ всѣ организационныя предположенія Ставки по дальнѣйшему развитію арміи и, въ частности, по давно намѣчавшемуся реформированію стрѣлковыхъ бригадъ въ дивизіи.

Въ отношеніи артиллерійскихъ патроновъ для полевой легкой артиллеріи, напомину читателю, что мѣсячная потребность въ таковыхъ для арміи опредѣлялась Ставкой вначалѣ въ 30 мѣстныхъ парковъ (паркъ около 29 т. выстрѣловъ); позднѣе же въ 50 мѣстныхъ парковъ, по среднему расчету одного парка въ мѣсяцъ на корпусъ двухдивизионнаго состава. Между тѣмъ, подача съ тыла уменьшалась съ каждымъ мѣсяцемъ настолько, что уже въ декабрѣ 14-го года на театръ военныхъ дѣйствій было доставлено всего лишь 12 мѣстныхъ парковъ, и это число парковъ стало подниматься, — притомъ крайне медленно — лишь съ марта 15-го года, дойдя до 50-ти парковъ (около 1,5 милл. выстрѣловъ) только въ ноябрѣ того же 15-го года. При этомъ, такъ какъ главное затрудненіе въ дѣлѣ снабженія артиллерійскими патронами было встрѣчено въ изготовленіи дистанціонныхъ трубокъ, то пришлось перейти къ преимущественному изготовленію снарядовъ ударнаго дѣйствія.

Снабженіе огнестрѣльными припасами полевой тяжелой артиллеріи шло еще менѣе успѣшно, такъ какъ изготовленіе таковыхъ припасовъ представлялось технически еще болѣе труднымъ.

Всѣми изготовлявшимися предметами приходилось, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлиться еще съ войсками Кавказскаго фронта.

Что касается ружейныхъ патроновъ, то, какъ уже было отмѣчено, нужда въ нихъ обнаружилась позднѣе. Она и не получила столь большой остроты. Съ одной стороны были пущены въ ходъ запасы старыхъ тупоконечныхъ патроновъ, пользованіе коими, конечно, значительно понижало дѣйствительность ружейнаго огня. Съ другой стороны, — наши патронные заводы постепенно расширили свое производство, поднявъ таковое съ 60 милл. патроновъ, изготовленныхъ въ августѣ 14-го года, до 90—95 милл. составившихъ мѣсячную производительность тѣхъ же заводовъ черезъ годъ. — Наконецъ, въ концѣ 15-го года стали поступать къ намъ также ружейные патроны, заказанные заграницей.

Для полноты картины снабженія арміи, необходимо еще упомянуть, что наши войска ощущали большую нужду въ болѣе обильномъ снабженіи ихъ пулеметами, въ замѣнѣ новыми изнашивавшихся орудій и другихъ предметовъ матеріальнаго имущества, а также въ снабженіи ее вначалѣ отсутствовавши-

ми вовсе предохранительными противогазовыми средствами. — Все эти потребности, которые, с течением времени и развитием позиционной войны, не только не уменьшались, но напротив разрастались, вызывали необходимость исключительного напряжения всей нашей отечественной промышленности. Надь разрешением этой задачи шла энергичная работа, которая, однако, дала ощутительные результаты лишь к 1916-му году.

Мы видели, что правительство в 1915-мъ году сочло возможным нѣсколько приблизить къ себѣ общественныя силы и, вь лицѣ особыхъ совѣщаний, военно-промышленныхъ комитетовъ, земскаго и городского союзовъ и другихъ менѣе мощныхъ организацій, дало возможность этимъ силамъ принять участіе вь работѣ по обезпеченію арміи всемъ необходимымъ, вь цѣляхъ успешнаго продолженія войны. Указанный сдвигъ вь правительственной политикѣ несомнѣнно содѣйствовалъ нѣкоторому укрѣпленію связи между арміей на фронтѣ и населениемъ страны вь тылу.

Происшедшая лѣтомъ того же 15-го года замѣна наиболее непопулярныхъ министровъ лицами съ болѣе прочной общественной репутаціей, способствовала также измѣненію отношенія къ власти и ряда политическихъ теченій. Вь кругахъ Государственной Думы, которая, кьстати сказать, послѣ объявленія войны была собрана лишь однажды — вь январѣ 15-го года и то лишь на самой короткой срокъ для вотированія бюджета, — вь этихъ кругахъ шла подготовка по образованію такъ называемаго «прогрессивнаго блока». Блокъ этотъ сконструировался вь августѣ 15-го года и вь него вошли думскіе представители довольно широкихъ политическихъ теченій отъ націоналистовъ до партіи народной свободы (К.-Д.) включительно. Задачей блока была работа надь исцеленіемъ страны до побѣднаго конца; высшимъ выраженіемъ такого настроенія прогрессивнаго блока было вхожденіе лидеровъ его вь особое совѣщаніе по оборонѣ. Параллельная съ правительственной властью работа блока велась до той поры, пока дальнѣйшими событіями не создалось между обѣими сторонами непримиримыхъ и — увы — роковыхъ для Россіи противорѣчій.

Возвращаясь къ событіямъ на фронтѣ, отмѣтимъ, что оперировавшія на Передовомъ театрѣ арміи, подчиненныя генералу Алексѣеву, вь двадцатыхъ числахъ августа, занимали линію отъ Осовца, по нижнему Бобру, верхнему Нареву и далѣе вдоль желѣзной дороги Бѣльскъ — Брестъ. На правомъ берегу верхняго Буга, онѣ продолжали прикрывать попрежнему пути на Пищу — Малорыто, Ковель и Владиміръ Волинскъ.

Сь описываемымъ періодомъ времени связано развитіе, среди населенія оставляемыхъ мѣстностей, «бѣженскаго» движенія. Впереди арміи медленно катилась волна людей, не желавшихъ на себѣ испытать тяжести германо-австрійскаго нашествія. При подводахъ, перегруженныхъ всякимъ домашнимъ скарбомъ, шли мужчины всякихъ возрастовъ, женщины и дѣти; дороги загро-

мождались длинными малоподвижными вереницами людей, каковыя крайне стѣсняли и затрудняли дѣйствія нашихъ отходившихъ войскъ.

Бѣженское движеніе постепенно прибрѣтало характеръ стихійный; для своего урегулированія оно потребовало особыхъ государственныхъ мѣръ. Очень трудной оказалась задача временнаго размѣщенія, питанія и лѣченія людей и принадлежавшаго имъ скота въ пути. Многіе, особенно дѣти, гибли отъ тяжкихъ условий и болѣзни. Скорбные пути слѣдованія этихъ массъ людей, двинувшихся въ неизвѣстность, были отмѣчены на одну сотню надмогильныхъ деревянныхъ крестовъ. Много горя вынесли эти люди и по прибытію въ новые районы расселенія. Ихъ страданія и лишения, мнѣ думается, не могли не внести извѣстнаго понижающаго начала въ настроенія всего нашего тыла, гдѣ воочію столкнулись съ ужасами войны, ведущейся на отечественной территоріи.

Непрерывный отходъ армій и ограниченіе въ расходованіи огнестрѣльныхъ припасовъ выработали, къ сожалѣнію, въ нашихъ войскахъ и ихъ начальникахъ вредную привычку къ «выравниванію фронта». Достаточно было, подъ вліяніемъ частной неудачи, или неблагоприятныхъ мѣстныхъ условий отойти на одномъ участкѣ общаго фронта, чтобы этотъ отходъ распространялся и на сосѣдей, безъ видимыхъ иногда къ тому основаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, все болѣе и болѣе получала распространеніе и прибрѣтала сторонниковъ, даже среди кое кого изъ высшихъ начальниковъ, идея обліженія нашего отхода съ событіями 1812-го года. Возможно, что вначалѣ эта мысль родилась подъ впечатлѣніемъ принятаго рѣшенія уничтожать, при отходѣ, мѣстные излишки хлѣбныхъ запасовъ, въ которыхъ, по имѣвшимся у насъ свѣдѣніямъ, Центральныя Державы остро нуждались и захватъ которыхъ являлся, быть можетъ, одною изъ причинъ столь глубокаго наступленія вражескихъ армій на востокъ въ теченіе лѣта 1915-го года. Эта тяжелая для населенія мѣра, подсказывавшаяся желѣзными условіями войны, была принята у насъ лишь послѣ долгихъ обсужденій, такъ какъ она неизбежно вела къ разоренію оставляемаго края и очевидно, носила въ себѣ зародышъ разлагающаго вліянія на войска. Съ другой стороны, вѣроятно и то, что въ сравненіи сложившейся обстановки съ планомъ дѣйствій русской арміи въ 1812-мъ году лежало желаніе найти для себя утѣшеніе въ тѣхъ тяжелыхъ испытаніяхъ, которыя выпадали на долю Великой Русской Арміи. Такъ или иначе, но несомнѣнно, что противъ этой идеи боролись мало, и что, въ результатъ такого настроенія и вредной привычки къ выравниванію фронта, болѣе легко отдавалось пространство, чѣмъ быть можетъ это слѣдовало; вопросъ о томъ рубежѣ, на которомъ можно было рассчитывать остановить наступленіе врага, при такихъ условіяхъ, все болѣе и болѣе отдавался на волю случая.

Между тѣмъ, самое поверхностное сопоставленіе условій обстановки должно было разрушить всякое основаніе, для усвоенія упомянутой выше исторической параллели. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1812-мъ году Наполеонъ углубился въ Россію сравнительно узкимъ фронтомъ, причѣмъ его коммуникаціонныя ли-

ни, пролегая по немногимъ неблагоустроеннымъ грунтовымъ путямъ, оказывались, съ удлинениемъ разстояній, не въ состояніи удовлетворять потребностямъ наступавшей арміи; сами же онѣ, съ каждымъ лишнимъ переходомъ, становились все болѣе хрупкими и подверженными ударамъ нашихъ партизанскихъ отрядовъ. Нападеніе на эти дороги облегчалось тѣмъ, что зона вліянія непріятельскихъ войскъ распространялась почти исключительно въ направленіи имѣвшихся путей, почему проникновеніе въ тылъ противника стороною и поддержаніе связи съ оставшимся тамъ населениемъ не представляли особыхъ трудностей. Нынѣ условія эти существенно измѣнились. Противникъ наступалъ на широкое пространство, заливая своими войсками всю занимающуюся имъ территорию — отъ моря до границъ нейтральнаго государства. Сплошной фронтъ серьезно препятствовалъ проникновенію во вражескій тылъ, который, къ тому же, былъ изрѣзанъ цѣлою сѣтью желѣзныхъ дорогъ, поступившихъ въ распоряженіе противника и придавшихъ его тылу малоуязвимый характеръ. вмѣстѣ съ тѣмъ, эта сѣть дорогъ дѣлала сообщенія непріятельской арміи съ тыломъ быстрыми, почти независимыми отъ разстояній и достаточно мощными для удовлетворенія рѣшительно всѣхъ потребностей наступавшей арміи. То или иное углубленіе непріятеля въ страну, при такихъ условіяхъ, само по себѣ не могло имѣть гибельныхъ для его арміи послѣдствій. Съ другой стороны, новые приемы закрѣпленія пройденнаго пространства, путемъ возведенія сплошныхъ укрѣпленныхъ линий, или вѣрифе полость, отсутствіе у насъ тяжелой артиллеріи и бѣдность въ огнестрѣльныхъ припасахъ дѣлали обратное завоеваніе отданнаго пространства крайне труднымъ, чтобы не сказать больше. Такимъ образомъ, учитывая всѣ эти обстоятельства, мы должны были стремиться къ разрѣшенію поставленной передъ нами главной задачи — сохраненія нашей арміи, — при соблюденіи другого непремѣннаго условія — уступки врагамъ возможно меньшаго пространства родной территоріи. Приближеніе осенней распутицы и внутреннее стратегическое положеніе непріятеля, при которомъ онъ не могъ на долгій періодъ времени сосредоточивать все свое вниманіе и всѣ свои силы противъ насъ, должны были служить отправными точками при постановкѣ нашихъ рѣшеній. — «Историческимъ параллелямъ» здѣсь не должно было быть мѣста.

17-го августа въ Ставкѣ было получено извѣстіе о безнадежномъ положеніи Ковенской крѣпости, а затѣмъ о переходѣ ея въ руки германцевъ. Въ этотъ день противнику удалось занять городъ, расположенный на правомъ берегу Нѣмана и, выдвинувшись далѣе къ востоку, утвердиться затѣмъ на перешейкѣ, образуемомъ течениемъ р. р. Нѣмана и Вилии. Отступившія части Ковенскаго гарнизона присоединились къ полевымъ войскамъ и отошли на позиціи западнѣе Кошедарь. Соответственно подался назадъ и лѣвый флангъ 5-й арміи отъ нижней Свенты.

Извѣстіе о паденіи Ковны, включавшей въ себѣ мостовыя переправы черезъ р. р. Нѣманъ и Вилию и запиравшей важную и мощную желѣзнодорожную

магистраль на Вильну — Двинскъ, проходившую черезъ крѣпость туннелемъ, было однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ для насъ ударовъ за послѣдній періодъ войны, какъ въ моральномъ отношеніи, такъ и въ смыслѣ вліянія его на дальнѣйшее положеніе нашихъ армій. Мы видѣли, что Ковенская крѣпость не была подвергнута непріятельскому обложенію и связь ея съ тыломъ не нарушалась. Хотя работы по усиленію крѣпостного обвода, начатыя еще въ мирное время, далеко не были закончены къ началу войны, но въ распоряженіи коменданта имѣлся годовой срокъ, въ теченіе котораго этотъ пробѣлъ могъ быть значительно исправленъ дополнительными постройками военного времени. При такихъ условіяхъ, сопротивляемость крѣпости должна была получить значительное приращеніе и во всякомъ случаѣ линія ея укрѣпленій не могла не представляться однимъ изъ наиболѣе прочныхъ участковъ нашего общаго фронта, занимавшагося войсками. Атакѣ непріятеля на западные лѣвобережные форты легко могъ быть противопоставленъ, съ большою надеждою на успѣхъ, маневръ частей сосѣдней 10-й арміи противъ праваго открытаго фланга атакующаго. Даже взятіе непріятелемъ лѣвобережныхъ фортовъ еще не должно было предрѣшать паденія всей крѣпости, такъ какъ главная часть таковой находилась на правомъ берегу Нѣмана и дополнительными работами въ періодъ войны эта правобережная часть крѣпости, конечно, должна была бы быть подготовлена къ самостоятельной оборонѣ. Наконецъ, послѣ взятія крѣпости непріятелемъ, не было проявлено никакихъ усилій къ тому, чтобы немедленно контръ-атакой выбить германцевъ изъ только что занятыхъ ими фортовъ и укрѣпленій.

Распоряженіемъ Главнокомандующаго фронтомъ, комендантъ крѣпости былъ преданъ суду. Обвиненія, предъявленные ему, заключались въ самовольномъ оставленіи крѣпости и недостаточномъ использованіи времени, для усиленія послѣдней. Подробности, выяснившіяся на судѣ, рисовали картину полного отсутствія организаціи обороны и управленія ею въ періодъ самаго штурма. Артиллерійскимъ огнемъ непріятеля были перебиты всѣ провода, которые, по незаконченности крѣпости, были проложены по земной поверхности. Управленіе артиллеріей крѣпости было настолько неудовлетворительно, что стрѣляли по укрѣпленіямъ, находившимся еще въ нашихъ рукахъ. Комендантъ крѣпости узналъ о паденіи лѣвобережныхъ фортовъ и появленіи непріятеля у береговъ Нѣмана въ ту минуту, когда лично выѣхалъ на развѣдку и увидѣлъ ввѣренныя ему войска уже отступавшими. Поручивъ непосредственную оборону крѣпости одному изъ начальниковъ дивизій, Комендантъ рѣшилъ выѣхать изъ района крѣпости, чтобы организовать контръ-ударъ. Попытка эта не удалась, и крѣпость, со всей ея артиллеріей и богатыми запасами, перешла окончательно въ руки противника.

Обращаясь къ вопросу о вліяніи паденія Ковны на положеніе нашихъ армій, приходится повторить уже сказанное, что линія отъ Рижскаго залива черезъ крѣпости Ковну, Гродну и Брестъ являлась наивыгоднѣйшею для оставки на ней нашей арміи. Переходъ Ковны въ руки непріятеля означалъ про-

рывъ этой линіи, и притомъ въ чрезвычайно опасномъ направленіи — на Вильну и далѣе на Молодечну — Минскъ. Развитіе непріятельскаго наступленія въ этомъ направленіи, въ которомъ имѣлся рельсовый путь, мощно развитый на участкѣ до Вильны, ставило подъ удары не только всѣ наши коммуникаціонныя линіи, но и создавало угрозу для войскъ быть прижатыми къ Полѣсью. Приходилось поэтому думать о выборѣ и укрѣпленіи новой линіи обороны для расположенія на ней войскъ на зиму, каковая линія, хотя и была бы подана еще болѣе къ востоку, но все же оставляла за нами пользованіе желѣзной дорогой Двинскъ—Вильна—Барановичи—Ровно въ качествѣ рокадной.

Къ сожалѣнію, дальнѣйшія событія развертывались слишкомъ быстро и внѣ зависимости отъ нашихъ предположеній и расчетовъ.

Командующій 10-й арміей, съ паденіемъ Ковны, сталъ отводить части своей арміи отъ Нѣмана. Нѣмцы, завладѣвъ мостами сначала у Ковны, а позднѣе у Олиты, продолжили наступленіе на Вильну и Ораны; одновременно, они направили часть своихъ силъ съ сѣвера къ Гроднѣ. Хотя мосты на Нѣманѣ и были нами разрушены при отступленіи, но это обстоятельство не надолго задержало наступленіе нѣмцевъ, такъ какъ, при современныхъ техническихъ средствахъ возстановленіе мостовъ не можетъ представлять непреоборимыхъ затрудненій.

Южнѣ Гродны, натискъ нѣмцевъ шелъ на Осовець, Бѣлостокъ, Брестъ и въ направленіяхъ отъ Бѣльска на Гайновку и отъ Высоколитовска на Пружаны. — 22-го августа, ввиду подхода съ юга нѣмцевъ, эвакуируется Осовець; 26-го августа очередь подошла и къ Бресту. Гарнизонъ крѣпости, взорвавъ мосты, присоединился къ отходившей полевой арміи. Въ руки германцевъ перешла также заповѣдная Бѣловѣжская пуша, съ ея вѣковыми деревьями и стадами рѣдкихъ зубровъ. Противникъ, занявъ Брестъ, сталъ въ послѣднихъ числахъ августа особенно сильно нажимать на нашу 3-ю армію, тѣсняя ее къ Пружанамъ и южнѣ, въ направленіи на Пинскъ. Сообразно этому, остальные арміи — 4-ю, 2-ю и 1-ю — приходилось отводить на фронтъ Пружаны — Гродна.

10-й арміи Главнокомандующимъ С.-З. фронтомъ было поставлено, въ качествѣ главной задачи, — обезпеченіе съ праваго фланга отхода только что названныхъ армій, «хотя бы на Шару»; ввиду этого, пути на Вильну оказывались плохо прикрытыми. Едва ли теперь не приходилось сожалѣть, что къ названному пункту, въ соотвѣтствіи съ мнѣніемъ генерала Алексѣева, назначены были къ переброскѣ только два корпуса, а не три, вмѣстѣ съ полевымъ управленіемъ 12-й арміи, какъ то намѣчалось первоначальными предположеніями Ставки. Германцы настойчиво продвигались къ Вильнѣ, слѣдуя обонми берегами р. Вилии. Уже въ послѣднихъ числахъ августа на сѣверо-западныхъ подступахъ къ этому городу, примѣрно на фронтѣ Подберезье — Новые Троки и далѣе на юго-западъ, разыгрались упорные бои.

31-го августа въ командованіе войсками С. фронта вступилъ генералъ Рузекій. Въ составъ новаго фронта, кромѣ 6-й арміи, вошли только 12-я и 5-я

арміи; 10-я армія, какъ отходившая по путямъ южнѣ Вильны, осталась въ составѣ войскъ З. фронта. Къ указанному времени, 12-я армія занимала главными своими силами довольно обширный укрѣпленный плацдармъ у Риги на лѣвомъ берегу Двины. 5-я армія группировалась на подступахъ къ Двинску. Германцы на этомъ фронтѣ рвались къ Двингѣ, къ желѣзнодорожной линіи Крейцбургъ — Митава, и даже пытались перебросить часть своихъ силъ на правый берегъ рѣки между Иксколемъ и Фридрихштадтомъ. Линія желѣзной дороги между Ригой и Двинскомъ, проходившая вдоль праваго берега Двины, была ими взята подъ обстрѣлъ, что, конечно, очень затруднило связь между обѣими арміями С. фронта. Генераль Рузскій чувствовалъ себя крайне неудовлетвореннымъ слабымъ составомъ своихъ армій и корпусовъ, къ тому же составленныхъ по большей части изъ второочередныхъ частей. Его также очень беспокоилъ вопросъ объ отсутствіи сильной конницы, которая могла бы заполнить разрывъ между С. и З. фронтами. Но всѣ возникавшіе вопросы было чрезвычайно трудно урегулировать въ той обстановкѣ, которая создавалась усиленнымъ нажимомъ нѣмцевъ на З. фронтъ и стремленіемъ Верховнаго Главнокомандующаго не затруднить сложной и отвѣтственной работы генерала Алексѣева.

Что касается Ю.-З. фронта, то въ концѣ августа и здѣсь противникъ, по преимуществу австрійцы, перешелъ въ энергичное наступленіе на всемъ фронтѣ отъ р. Турин до Днѣстра. Вслѣдствіе значительнаго ослабленія армій Ю.-З. фронта непрерывной переброской войскъ на сѣверъ, австрійцамъ, послѣ ряда упорныхъ боевъ, удалось достигнуть довольно существенныхъ результатовъ на Вольни, на направленіяхъ къ Чарторійску, Ровно, Дубно и Кременцу. Правый флангъ нашего Ю.-З. фронта вынужденъ былъ въ началѣ сентября откинуться сначала на линію Олыка — Радзивиловъ, и далѣе за р. р. Стубель, Икву и верхнюю Горынь. Равнымъ образомъ, мы отошли и въ Галичинѣ, сначала за Стрыпу, а затѣмъ еще далѣе, на болѣе восточный притокъ Днѣстра — Сереть. Однако, послѣ нѣкоторыхъ перегруппировокъ въ предѣлахъ фронта, наши Ю.-З. арміи успѣли перейти въ энергическое контръ-наступленіе. Предупредивъ противника своей атакой, наши войска нанесли 8-го сентября германцамъ, усиленнымъ австрійцами, громовой ударъ у Тарнополя, и въ тотъ же день столь же сильный ударъ австрійцамъ — у Трёмбовли. Непріятель сталъ спѣшно отходить обратно на Стрыпу, оставляя намъ много тысячъ плѣнныхъ и десятки орудій. Нѣсколько позднеѣ, а именно въ серединѣ сентября, создался рѣшительный переломъ и на правомъ флангѣ Ю.-З. фронта. Здѣсь нашъ противникъ — австрійцы, послѣ жестокаго разгрома, былъ отброшенъ за р. Стирь. Обѣ названныя рѣки, совмѣстно съ участкомъ Днѣстра до румынской границы, и стали основными линіями, на которыхъ расположились наши арміи Ю.-З. фронта на зиму.

Въ періодъ описанныхъ событій, мы считали противъ себя около 750 германскихъ и до 800 австрійскихъ батальоновъ пѣхоты, а всего отъ 1500 до 1600

неприятельскихъ батальоновъ. Кромѣ того — 10 германскихъ и 6 австрійскихъ кав. дивизій.

Силы германцевъ на западномъ фронтѣ оцѣнивались нами не свыше 1200 бат. пѣхоты.

Наши силы на германо-австрійскомъ фронтѣ нечислялись кругло въ 1800 бат. пѣхоты; но надо имѣть ввиду, что во многихъ батальонахъ было отъ 200 до 300 штыковъ, то есть отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ положеннаго по штатамъ числа.

Въ серединѣ августа, когда наши арміи Сѣверо-Западнаго фронта, отходившія отъ Нарева, средней Вислы и изъ Галичины, стали выходить на фронтъ Осовець — Бѣлостокъ — Брестъ, въ штабѣ Верховнаго Главнокомандующаго былъ поднятъ вопросъ о необходимости перемѣстить Ставку болѣе къ востоку, чтобы предоставить всѣ пункты вдоль рокадной линіи Двинскъ — Вильна — Барановичи — Ровно въ распоряженіе фронтовъ. Для новаго размѣщенія Ставки было намѣчено два пункта: Борисовъ и Могилевъ. Я очень настаивалъ на избраніи перваго пункта, лежащаго на крупной желѣзнодорожной магистраліи и не столь отдаленнаго отъ района военныхъ дѣйствій. Но Великій Князь рѣшительно высказался противъ Борисова, вокругъ котораго, насколько мнѣ извѣстно, лежали обширныя земли, лично ему принадлежавшія. Сплетня, все гуще оплетавшая его имя, несомнѣнно использовала бы даже эту простую случайность, если бы выборъ Великаго Князя остановился на Борисовѣ.

20-го августа Верховный Главнокомандующій со всеѣмъ Штабомъ покинулъ Барановичи, и на слѣдующій день мы прибыли въ Могилевъ. Мѣстные власти и общество торжественно привѣтствовали прибытіе Верховнаго Главнокомандующаго Русской Арміей въ городъ. Великій Князь проѣхалъ съ вокзала прямо въ Городской Соборъ, гдѣ его ждало духовенство и многочисленныя толпы народа. Былъ совершенъ торжественный молебенъ о дарованіи Русскому воинству побѣды. По окончаніи молебна, всѣ разошлись къ своимъ дѣламъ и обязанностямъ. — Расположеніе Ставки въ относительно большомъ городѣ сразу дало себя почувствовать. Чины Штаба размѣстились частью въ городѣ, и тѣсно сжившаяся семья стала какъ бы распадаться. Великій Князь, съ ближайшими лицами его свиты и Начальникомъ Штаба помѣстились въ нижнемъ этажѣ Губернаторскаго дома. Верхній этажъ оставался не занятымъ, на случай Высочайшихъ пріѣздовъ. Я, со своимъ Управленіемъ и оперативнымъ телеграфомъ, заняли Губернское Правленіе, располагавшееся въ одной усадьбѣ съ домомъ Губернатора. Немедленно, по прибытіи, вновь застучали Юзы, установившіе связь съ фронтами еще до нашего пріѣзда. — Служебная дѣятельность Штаба съ перваго же часа вошла въ нормальную колею.

Наканунѣ отъѣзда изъ Барановичей, Военный Министръ генераль Поливановъ прислалъ телеграмму на имя Верховнаго Главнокомандующаго, съ вопросомъ, когда Великій Князь можетъ его принять. Въ пріѣздѣ Военнаго Министра въ Ставку ничего экстрординарнаго, конечно, не было; необычайнымъ

могъ показаться лишь предварительный запросъ. Этому обстоятельству не было, впрочемъ, придано особаго значенія. Военному Министру было отвѣчено, что его прїездъ желательно отсрочить, ввиду переѣзда Ставки въ Могилевъ. Черезъ нѣсколько дней, уже поздно вечеромъ, не помню точно какого числа, — генералъ Поливановъ прибылъ въ Могилевъ и, прїѣхавъ въ распоряженіе Ставки, непосредственно прошелъ къ Верховному Главнокомандующему. Послѣ бесѣды съ Великимъ Княземъ, не зайдя ни къ генералу Янушкевичу, ни ко мнѣ, — что являлось уже менѣе обычнымъ для прїѣзжающихъ въ Ставку по дѣламъ, генералъ Поливановъ почти въ полночь уѣхалъ въ Волковыскъ, въ штабъ Главнокомандующаго Сѣверо-западнымъ фронтомъ. Занятый работой, я узналъ обо всѣхъ этихъ подробностяхъ лишь впоследствии. Утро слѣдующаго дня прошло обычнымъ порядкомъ: докладъ у меня въ кабинетѣ Верховному Главнокомандующему; затѣмъ — сборъ къ завтраку. Удрученный событіями, назрѣвавшими на правомъ флангѣ нашего стратегическаго фронта и тщетными усиліями своевременно сосредоточить противъ рвавшаго фронтъ непріятеля сильную контръ-ударную группу, я не очень удивился когда Великій Князь Дмитрій Павловичъ, состоявшій при Верховномъ Главнокомандующемъ, обратился ко мнѣ съ сочувственной фразой. — «Могу себѣ представить, какую тяжелую ночь Вы провели сегодня» — сказалъ онъ. Я объяснилъ себѣ настроеніе молодого Великаго Князя какимъ-либо случайно прочитаннымъ имъ донесеніемъ тревожнаго характера, изъ числа тѣхъ, которыя обильно поступали къ намъ съ фронта въ эти дни.

Принявшись, послѣ завтрака, вновь за работу, я совсѣмъ позабылъ объ этомъ случайномъ разговорѣ, пока не былъ оторванъ отъ своего дѣла приходомъ Начальника Штаба.

Н. Н. Янушкевичъ объяснилъ мнѣ, что Великій Князь проситъ меня медленно къ себѣ и очень огорченъ былъ, узнавъ, что дѣль прїезда генерала Поливанова мнѣ стала извѣстной не отъ него лично. Я отвѣтилъ, что до сихъ поръ ни о чемъ не освѣдомленъ, но теперь догадываюсь въ чемъ дѣло и только не уясняю еще себѣ, насколько широко намѣчены предстоящія перемѣны въ составѣ Ставки.

Великій Князь ждалъ меня наверху, въ никѣмъ не занятыхъ парадныхъ комнатахъ. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ онъ прочелъ мнѣ привезенный генераломъ Поливановымъ Высочайшій рескриптъ. Въ немъ выражалось, что въ настоящіе трудные для Россіи дни, когда рядъ губерній подвергся нашествію врага, Государь Императоръ рѣшилъ осуществить свое давнишнее желаніе — лично стать во главѣ арміи и флота. Событія на Кавказѣ требуютъ опытной и сильной руки, почему, вслѣдствіе слабости здоровья графа И. И. Воронцова-Дашкова, Великій Князь Николай Николаевичъ призывается на постъ Главнокомандующаго Кавказской Арміей и Намѣстника Кавказа. Своимъ Начальникомъ Штаба Государь избираетъ генерала Алексѣева. Ближайшимъ сотрудникамъ бывшаго Верховнаго Главнокомандующаго — генералу Янушкевичу и генералу Данилову — выражалась въ рескриптѣ Высочайшая

благодарность; о дальнѣйшемъ ихъ служебномъ положеніи Государь Императоръ высказалъ намѣреніе позаботиться лично.

Уходъ Великаго Князя съ поста Верховнаго Главнокомандующаго несомнѣнно назрѣвалъ постепенно и, въ силу ряда обстоятельствъ, повидимому былъ неизбеженъ. Но время для намѣченной перемѣны въ руководствѣ войной едва ли было выбрано удачно. По существу, такая смѣна должна была бы знаменоватъ собою коренное измѣненіе въ самой системѣ веденія войны. И потому, чтобы сдѣлать ее по крайней мѣрѣ понятной для массъ, казалось бы, что смѣну Верховнаго Главнокомандованія надлежало приурочить не къ періоду еще не закончившагося тяжелаго отхода нашихъ армій, но къ несомнѣнно приближавшемуся перелому, предугадать который было вовсе не трудно. Надвигалась осенняя распутица, а за нею шла лютая русская зима, не способствовавшая развитію дальнѣйшихъ операцій врага вглубь страны. Противникъ, понесшій крупныя потери и переутомленный непрерывными боями и походами, измотался едва ли не въ конецъ. Угрожаемый на другихъ фронтахъ, онъ, силою вещей, долженъ былъ приостановить свое наступленіе на востокъ и поставить передъ собою другія цѣли. Такимъ образомъ, три-четыре недѣли выдержки и обстановка должна была измѣниться; стать по крайней мѣрѣ болѣе устойчивой.

Открывало ли, однако, несомнѣнно приближавшееся время измѣненія въ обстановкѣ столь широкіе горизонты, которые оправдали бы и дѣлали даже популярнымъ пребываніе Главы Государства на фронтѣ, во главѣ войскъ? Я думаю, что — нѣтъ.

Надо было ожидать, что противникъ, остановивъ свое наступленіе на востокъ, весьма быстро зароется въ глубокія траншеи и густо оплетется проволокой. Его техническія средства и умѣніе въ короткій срокъ возводить крѣпкія укрѣпленныя зоны не были для насъ секретомъ. Поѣздки нашихъ офицеровъ на французскій фронтъ, практиковавшіяся въ цѣляхъ ознакомленія съ условіями борьбы на немъ, дали намъ для такихъ выводовъ болѣе чѣмъ достаточный матеріалъ.

Съ другой стороны, состояніе нашей арміи и ея техническія и матеріальныя средства не позволяли рассчитывать на скорый переходъ въ наступленіе. Иллюзіи повторенія событій 1812-го года, при трезвой оцѣнкѣ, должны были разсѣяться, какъ дымъ. — Становилось до очевидности яснымъ, что на фронтѣ наступаютъ сѣрые, тягостные мѣсяцы позиціоннаго сидѣнія, и что вся творческая работа должна быть перенесена въ глубокой тылъ, для подготовки новой лѣтней кампаніи. Требовалось сосредоточеніе и крайнее напряженіе всѣхъ внутреннихъ силъ Имперіи.

Я не буду подробно останавливаться на причинахъ, которыя привели Императора Николая II къ рѣшенію стать непосредственно во главѣ дѣйствующихъ войскъ при складывавшихся условіяхъ. Онѣ слишкомъ сложны и къ нимъ надлежитъ подходить съ понятною осторожностью. Для меня, однако, несомнѣнно, что среди этихъ причинъ играли не послѣднюю роль — мистиче-

ское пониманіе Государемъ своихъ обязанностей, любовь къ углубленіямъ въ великое историческое прошлое Россіи, едва ли правильно ему освѣщавшееся, а быть можетъ и нѣкоторыя слабости общечеловѣческаго характера. Но я не могу не остановиться передъ недоумѣннымъ вопросомъ, какъ могли окружающія Государя лица, пользовавшіяся его довѣріемъ, не только не противодействовать столь неосторожному шагу, но даже укрѣплять въ сознаніи Государя необходимость и своевременность такового. Какъ велика должна была быть недалковидность и ослѣпленіе этихъ людей, не оцѣнившихъ всей тяжести предстоявшихъ событій и считавшихъ возможнымъ связать съ ними уже колебавшійся авторитетъ Царской власти!

Если не ошибаюсь, 1-го сентября въ Ставку прибылъ Генераль Алексѣевъ и немедленно вступилъ въ исполненіе своихъ новыхъ обязанностей. На должность Главнокомандующаго арміями Западнаго фронта былъ назначенъ генераль Эвертъ, котораго замѣстилъ на посту Командующаго 4-й арміей командиръ XXV-го корпуса генераль Рагоза. Великій Князь, въ соответствии съ полученнымъ Высочайшимъ указаніемъ, продолжалъ временно оставаться на своемъ посту, въ ожиданіи пріѣзда Государя; фактически же, онъ еще раньше, со дня полученія Высочайшаго рескрипта, передалъ руководство военными операціями въ руки лица, долженствовавшаго стать ближайшимъ сотрудникомъ Государя, по части веденія войны.

5-го сентября Государь прибылъ въ Могилевъ и въ этотъ же день принялъ на себя предводительствованіе всѣми сухопутными и морскими вооруженными силами на театрѣ военныхъ дѣйствій.

«Съ твердою вѣрою въ милость Божию и съ непоколебимою увѣренностью въ конечной побѣдѣ», собственноручно писалъ Императоръ въ своемъ первомъ приказѣ, «будемъ исполнять нашъ святой долгъ защиты Родины до конца и не посрамимъ земли Русской».

Государь не занялъ предназначавшагося для него, на случай временнаго пріѣзда въ Ставку, верхняго этажа Губернаторскаго дома. Онъ остановился въ поѣздѣ. Несомнѣнно, что этимъ фактомъ, естественно, вызывался болѣе снѣжный отъѣздъ Великаго Князя. Дня черезъ два послѣ прибытія Государя, Великій Князь уѣхалъ изъ Ставки. Нѣсколькими часами раньше уѣхалъ и я. Просьба моя о строевомъ назначеніи была уважена, и я получилъ въ командованіе XXV-й армейскій корпусъ, во главѣ котораго провелъ весь второй годъ войны — до сентября 1916-го года.

— «Въ общемъ, положеніе нашихъ армій спокойное и увѣренное въ себѣ. Починъ въ дѣйствіяхъ въ частныхъ бояхъ понемногу переходитъ на нашу сторону» — такъ въ сообщеніи штаба Верховнаго Главнокомандующаго отъ 10-го сентября оцѣнивалась обстановка на фронтѣ. Увы, эта характеристика положенія, была лишь завѣтнымъ, быть можетъ, желаніемъ редактора сообщенія, къ которому, конечно, примыкала и вся національная Россія. — Факты и дѣйствительность говорили, однако, о другомъ.

Подготовка германцевъ къ новому очередному удару шла быстрыми шагами.

Уже къ 12—14-му сентября обозначилось довольно сильное давленіе нѣмцевъ, въ направленіи отъ Поневѣжа на Абели и отъ Вилькомира на Уцяны и Ново-Александровскъ, на тѣ корпуса 5-й арміи, которые группировались на ближайшихъ подступахъ къ Двинску. Почти одновременно съ этимъ давленіемъ, нѣмцы заняли Свѣнцяны и прервали желѣзную дорогу Двинскъ — Вильна. Войска 10-й арміи отошли своимъ правымъ флангомъ къ ст. Подбродзе, и боевая связь между С. и З. фронтами фактически нарушилась. Противъ праваго фланга 10-й арміи, въ обходъ Вильны съ сѣвера, обозначилось также наступленіе значительныхъ германскихъ силъ. Наступленіе это едва сдерживалось на правомъ берегу р. Вилии, выше Вильны, Гвардіей и частями III-го сиб. Корпуса, подвезенными заблаговременно къ Вильнѣ, какъ читатель помнитъ, еще распоряженіемъ Великаго Князя Николая Николаевича. Находившаяся правѣ этихъ частей наша конница была, однако, принуждена къ отходу на лѣвый берегъ р. Вилии. Обходъ нѣмцами Вильны не только съ сѣвера, но и съ востока развивался быстро и рѣшительно. 15-го сентября кавалерія противника была обнаружена уже къ сѣверу отъ Молодечны и на направленіи отъ Свѣнцяны и Глубокому. Движеніе конницы поддерживалось пѣхотой. Особенно значительныя части послѣдней были замѣчены на путяхъ къ Сморгони и восточнѣе. Неприятельской кавалеріей была прервана желѣзнодорожная линия Полоцкъ — Вилейка, а отдѣльные отряды германской конницы въ слѣдующіе дни показали у Борнсова, угрожая Александровской желѣзной дорогѣ. Такимъ образомъ, три главнѣйшія желѣзнодорожныя магистрали — Сѣверо-западная, Бологое-Сѣдлецкая и Александровская — оказались подъ ударами неприятеля. Стали распространяться нелѣпыя слухи о появленіи нѣмецкихъ разъѣздовъ у Могилева. — Ставка должна была переживать тревожные дни.

Въ общемъ, становилось яснымъ, что нѣмцы, прикрывшись частью силъ къ сѣверу, къ сторонѣ Двинска, стремятся выполнить не только глубокой обходъ справа нашей 10-й арміи, но и прорваться черезъ Свѣнцяны въ тылъ всѣхъ остальныхъ армій З. фронта, находившихся на путяхъ къ сѣверу отъ Полѣсья.

Противъ остальныхъ армій названнаго фронта противникъ не проявлялъ особаго оживленія и это, конечно, значительно облегчало наше положеніе. Лишь на крайнемъ лѣвомъ флангѣ германцы сильно тѣснили отрядъ генерала Мищенко на Пинскомъ направленіи.

Въ такой обстановкѣ, Главнокомандующій З. фронтомъ генераль Эвертъ призналъ необходимымъ приступить къ немедленной переброскѣ части своихъ войскъ на фронтъ Ошмяны — Молодечно. Здѣсь имѣлось въ виду сосредоточить 2-ю армію, въ составѣ четырехъ корпусовъ. Однако, на это нужно было извѣстное время, такъ какъ, по произведеннымъ расчетамъ, на перевозку и сборъ къ указаннымъ пунктамъ только двухъ головныхъ корпусовъ,

долженствовавшихъ войти въ составъ названной арміи, требовалось отъ трехъ до шести сутокъ.

Мнѣ уже пришлось отмѣчать, что генерала Рузскаго, вступившаго въ Главнокомандованіе войсками С. фронта, очень безпокоило отсутствіе должной связи между вѣренными ему и З. фронтами, какъ равно необезпеченность направленія на Глубокое — Полоцкъ. Съ результатами такого положенія теперь приходилось серьезно считаться. Положеніе 10-й арміи могло быть значительно облегчено активными дѣйствіями 5-й арміи со стороны Двинска въ направленіи на Новосвѣицны; но выполнение такого удара генераль Рузскій считалъ неосуществимымъ, вслѣдствіе общей слабости силъ вѣреннаго ему фронта. Равнымъ образомъ, отсутствіе достаточной конницы не позволяло ему организовать контръ-маневръ противъ германской кавалеріи, прорвавшейся въ направленіи на Глубокое.

Учитывая всѣ наличныя обстоятельства, генераль Алексѣевъ, отъ имени Верховнаго Главнокомандующаго, далъ указанія о постепенномъ отходѣ 10-й арміи отъ Вильны, правымъ флангомъ къ Сморгони, и о быстрѣйшемъ сосредоточеніи корпусовъ 2-й арміи, для атаки германцевъ, продвигавшихся по правому берегу Вилии въ направленіи на Вилейку и Сморгонь; для организациі же противодѣйствія непріятелю, оперировавшему отъ Глубокаго, указана была перевозка кружнымъ путемъ черезъ Оршу одного корпуса къ Полоцку и сборъ конной группы генерала Орановскаго въ районѣ юго-восточнѣе Вилейки.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, уступомъ за 2-й арміей, въ районѣ Красное, по обѣ стороны желѣзной дороги изъ Минска на Молодечну, подлежала сосредоточенію 1-я армія, которая должна была выдвинуться, вслѣдъ за конницей генерала Орановскаго, на Докшицу и Глубокое. Намѣчался также сборъ конницы къ сѣверу отъ Минска.

Этими мѣрами имѣлось въ виду ликвидировать Свѣицянскій прорывъ и попытку германцевъ обойти правый флангъ 10-й арміи.

Что касается германцевъ, то, по донесеніямъ съ С. фронта, они продолжали упорно атаковать войска 5-й арміи, занимавшей Двинскую укрѣпленную позицію. Только настойчивости и энергіи генерала Плеве, находившагося со штабомъ арміи въ Двинскѣ, всего лишь въ 10—15 верстахъ отъ передовыхъ позицій, и рѣшительно никого не допускавшаго на правый берегъ р. Двины, мы обязаны тѣмъ, что наше положеніе на лѣвомъ берегу этой рѣки было сохранено и крайне важныя мостовыя переправы черезъ Двину остались въ нашихъ рукахъ.

Въ послѣдней трети сентября въ положеніи германцевъ на фронтѣ Вилейка — Сморгонь создается переломъ. Наши войска штыковымъ ударомъ овладѣваютъ Вилейкой. Начинаетъ развиваться наступленіе 2-й арміей. Правѣе наступаетъ наша конница, которая къ концу сентября выходитъ на фронтъ Глубокое — Вилейка. Нѣмцы начинаютъ отходить назадъ, упорно удерживаясь сѣвернѣе Сморгони, чтобы дать возможность благополучно выбраться изъ создававшегося для нихъ мѣшка тѣмъ войскамъ, которыя продвинулись къ Ви-

лейкѣ и Глубокому. Чтобы облегчить свое отступление, они пытаются у Нароча перейти въ контръ-атаку, которая, однако, обходится имъ очень дорого.

Къ концу сентября части нашей 2-й арміи выходятъ на фронтъ отъ оз. Медзіола до Сморгони; участокъ сѣвернѣе до озера Дрисвяты занимаетъ конница, которая затѣмъ смѣняется 1-й арміей, включаемой въ составъ С. фронта. — Этимъ и заканчивается Свѣнцианская наступательная операція нѣмцевъ, не давшая имъ никакихъ положительныхъ результатовъ, но ставившая насъ одно время въ очень опасное положеніе, изъ котораго мы вышли лишь съ большимъ трудомъ и при крайнемъ напряженіи нашихъ войскъ.

Виленскій районъ былъ, однако, для насъ потерянъ. Наши войска отошли также на участкѣ Лида — Слонимъ. Равнымъ образомъ, нами былъ потерянъ весьма важный Барановичскій желѣзнодорожный узелъ. На всемъ протяженіи отъ Двинска до Припяти мы заняли болѣе или менѣе случайную линію, которую и сохранили на зиму 15—16-го г. г., связавшись непрерывной ниткой войскъ съ арміями Ю.-З. фронта.

Уже съ подходомъ нѣмцевъ къ горловинѣ Передового театра, опредѣлявшейся линіей Вѣлостокъ — Брестъ, началось ослабленіе ихъ войскъ передъ нашимъ фронтомъ, сначала незамѣтное и лишь впоследствии ясно обнаружившееся. Германцы, какъ оказалось впоследствии, подготавливали новый ударъ, направленный на сей разъ противъ Сербіи; вмѣстѣ съ тѣмъ они приступили къ оттяжкѣ части своихъ силъ обратно на западный фронтъ, чтобы обезпечить тамъ свое положеніе отъ готовившагося противъ нихъ наступленія нашихъ союзниковъ.

Напряженность политической атмосферы на Балканскомъ полуостровѣ достигла въ августѣ мѣсяцъ своего крайняго предѣла. — Правительство короля Фердинанда, учитывая ослабленіе Россіи и несомнѣнно понуждаемое Германіей, проявляло съ возрастающей очевидностью свое враждебное настроеніе къ Сербіи, пользуясь для сего Македонскимъ вопросомъ. Оно ставило категорическимъ требованіемъ, для измѣненія своего отношенія къ Державамъ Согласія, немедленную оккупацию Македоніи въ границахъ 1912-го года, что было равносильно возникновенію братоубійственной рѣзни. Чтобы избѣжать между Болгаріей и Сербіей разрыва, было пущено въ ходъ дипломатическое искусство всѣхъ Державъ Согласія. Одновременно, возникъ проектъ занятія Македоніи союзными англо-французскими войсками, въ предположеніи, что такая оккупация отниметъ у болгарскаго правительства возможность нападенія на Сербію. Въ расчетѣ на высокій авторитетъ Россіи среди болгарскаго народа, который оставался непричастнымъ къ вѣроломной политикѣ его тогдашняго правительства, наши западные союзники вновь возвращались къ вопросу о желательности высадки, въ демонстративныхъ цѣляхъ, небольшого русскаго отряда въ Бургасъ и особаго воззванія Императора Николая къ болгарскому народу.

Но всё эти предположенія остались неосуществленными, событія неудержимо катились къ роковой развязкѣ. Въ Болгаріи было приступлено къ мобилизаціи арміи, и въ концѣ сентября и началѣ октября мобилизованныя части стали стягиваться къ западной границѣ.

Пользуясь эгоистической политикой болгарскаго правительства, Германія рѣшила нанести Сербіи смертельный ударъ, чтобы нерушимо установить свой авторитетъ на Балканахъ и закрѣпить связь съ Турціей.

Огромныя соединенныя силы германо-австрийцевъ съ сѣвера и болгаръ съ запада вторглись въ первой половинѣ октября на сербскую территорію. Сербская армія, проявляя полное геройство, должна была начать отходъ вглубь территоріи. Однако, пути на югъ, долиною Вардара, были закрыты ей болгарской арміей, занявшей Велесъ. Сербамъ оставался одинъ выходъ — движеніе черезъ дикія горы Албаніи къ берегамъ Адриатическаго моря. Несмотря на глухое время года, они рѣшились на него. Легендарный походъ этотъ, полный тягостей и мучительныхъ лишеній, былъ преодолень, и Сербская армія съ честью вышла изъ создававшегося для нея катастрофическаго положенія. Въ слѣдующемъ году, послѣ отдыха и реорганизаціи на о. Корфу она вновь появилась въ рядахъ союзниковъ, но уже на сей разъ на Салоникскомъ фронтѣ, чтобы продолжать борьбу за освобожденіе своей родины.

Что касается Черногоріи, то таковая, вслѣдствіе изолированности въ военномъ и экономическомъ отношеніяхъ, оказалась къ концу 15-го года также въ исключительно трудномъ положеніи.

Состоявшееся выступленіе Болгаріи противъ Сербіи должно было естественно измѣнить цѣль предполагавшейся посылки войскъ Державъ Согласія на Балканскій полуостровъ. Если раньше, путемъ занятія Македоніи, имѣлось въ виду создать барьеръ между Сербіей и Болгаріей съ тѣмъ, чтобы предупредить возможное столкновеніе между названными государствами, то теперь задачей десанта должно было явиться оказаніе непосредственной помощи Сербской арміи. Такъ возникла идея образованія новаго Салоникскаго фронта. При этомъ, если предупредительную оккупацію Македоніи можно было надѣяться осуществить небольшими силами, въ расчетъ на психологическое значеніе этой мѣры для Болгаріи, то, съ фактическимъ выступленіемъ послѣдней противъ Сербіи, являлась необходимость высадки союзныхъ войскъ въ значительныхъ силахъ, такъ какъ не исключалась возможность ихъ встрѣчи не только съ болгарскими, но и съ германскими войсками, вторгнувшимися въ Сербію съ сѣвера. Въ такихъ условіяхъ, необходимо было еще заручиться увѣренностью въ полной обезпеченности базы, которою должны были служить Салоники, какъ равно сообщенія высадившейся союзной арміи съ этой базой. Препятствіемъ къ этому служила Греція. Вслѣдствіе германофильства короля Константина, она рѣшительно отказалась выполнить свои союзническія по отношенію къ Сербіи обязательства и выступить противъ Болгаріи, ссылаясь на различные поводы формальнаго характера. Когда же, наконецъ, всё препятствія были устранены и союзники получили возможность, безъ сопротивленія

со стороны греческой армии, начать высадку въ Салоникахъ и продвиженіе на сѣверъ, событія на Сербскомъ театрѣ стали подходить къ концу.

Мы уже видѣли, что путь на югъ былъ сербамъ прегражденъ болгарской арміей, занявшей въ первой половинѣ ноября Велесъ. Вынудивъ сербовъ, совмѣстными съ австро-германскими войсками дѣйствіями, уйти въ горныя ущелья Албаніи, болгары направили въ свои силы на югъ и, отгѣснивъ высадившіяся къ этому времени англо-французскія войска, подошли къ греческой границѣ. Въ такомъ положеніи и былъ встрѣченъ на Салоникскомъ фронтѣ новый 1916-й годъ.

Вопросъ о Салоникской экспедиціи вызвалъ много сужденій среди военныхъ и дипломатовъ Державъ Согласія, различно оцѣнивавшихъ ея возможное вліяніе на общій ходъ событій. Этотъ вопросъ, между прочимъ, послужилъ причиною ухода въ отставку французскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ Делькассэ, который пользовался большимъ уваженіемъ и довѣріемъ въ русскіхъ правящихъ и общественныхъ кругахъ. Делькассэ считалъ данную экспедицію, въ проектированномъ видѣ, рискованной и опасался ослабленія изъ за нея французскихъ армій на главномъ, основномъ театрѣ войны.

Что касается западнаго фронта, то на немъ, послѣ довольно продолжительной затыжки, подготовка нашихъ западныхъ союзниковъ къ наступательной операціи подвинулась, наконецъ, настолько впередъ, что во второй половинѣ сентября можно было ожидать начала ея со дня на день. Пользуясь длительной лѣтней передышкой, наши союзники довели свою подготовку до наивысшаго предѣла. Для прорыва германскаго фронта ими были намѣчены два района: въ Артуа, сѣвернѣе Арраса, и въ Шампани, восточнѣе Реймса. Оба эти участка составляли основаніе обширной дуги, которой непріятельскій фронтъ врѣзался во французскую территорию и приближался въ центральной ея части къ Парижу. Съ прорывомъ на этихъ участкахъ, германская армія, естественно, вынуждалась къ общему отходу и къ очищенію всей занятой ими французской территоріи. Для обезпеченія успѣха, линіи непріятельскихъ укрѣпленій были заранѣе сфотографированы авіонами и къ избраннымъ для прорыва участкамъ сосредоточены огромныя силы и средства. По донесеніямъ изъ Парижа, французы и англичанами имѣлось въ виду ввести въ дѣло около 60-ти дивизій, причемъ въ Шампани были сосредоточены лучшія французскія войска, замѣненные на остальныхъ участкахъ фронта территоріальными частями. За ударными группами, въ полной готовности, стояли конныя массы, готовые развить и закончить успѣхъ всеокрушающимъ ударомъ. Нѣсколько тысячъ тяжелыхъ и легкихъ орудій, снабженныхъ боевыми припасами въ невиданномъ еще размѣрѣ, должны были проложить путь пѣхотѣ; для обезпеченія подвоза были проложены новыя дороги и сформированы автомобильныя колонны, которыя предназначались также для быстрой переброски войскъ къ различнымъ участкамъ грандіозныхъ полей предстоявшей битвы.

Все, что было доступно человѣческому предусмотрѣнію, было предусмотрено, все — за исключеніемъ одной данной... элемента времени. Ко времени

окончания подготовки, уже заканчивались наступательная операция германцев против нас; германское главнокомандование получило вновь оперативную свободу и, не будучи болѣе связано на восточномъ фронтѣ, искусно воспользовалось этимъ, чтобы въ наиболѣе критическую минуту, когда на западѣ готовъ былъ уже рушиться ихъ фронтъ, — подтянуть къ нему новыя силы, своевременно переброшенные съ ихъ восточнаго фронта.

«Потери времени — смерти подобна».

25-го сентября, послѣ длительной и всеокупающей артиллерійской подготовки, въ которой было израсходовано свыше 3-хъ миллионѣ снарядовъ и разрушительные результаты которой не поддаются никакому списанию, — союзниками, на обоихъ намѣченныхъ участкахъ, были произведены стремительныя атаки непріятельскихъ укрѣпленныхъ линій. Германскій фронтъ былъ прорванъ къ сѣверу отъ Арраса свыше чѣмъ на 10—15 километровъ и въ Шампани на протяженіи около 25-ти километровъ. — Союзники были на грани къ побѣдѣ. — Но подоспѣвшими подкрѣпленіями, нѣмцы добились сначала задержки, а затѣмъ и полной остановки въ наступленіи союзниковъ. По свѣдѣніямъ полковника графа Игнатьева, было удостовѣрено, что нѣмцы перевезли съ нашего фронта на западный не менѣе двухъ, а вѣрнѣе три корпуса, причемъ нѣкоторые плѣнные показывали, что они были доставлены въ 3½ сутокъ прямо на поле сраженія изъ Бѣлостока. Въ дальнѣйшемъ, бои продолжались еще много дней; жертвы, которыя несъ противникъ, были огромны, но острота положенія миновала окончательно. Еще разъ германцамъ, занимавшимъ центральное положеніе, удалось одержать побѣду, пользуясь разрозненностью дѣйствій противниковъ. Широко поставленная воздушная развѣдка давала германскому верховному командованію почти безошибочно, и главное своевременно, предубаженія о приближеніи всякой новой опасности, а мощная желѣзнодорожная сѣть, хорошо эксплуатируемая, дѣлала обезпеченной своевременную переброску необходимыхъ подкрѣпленій къ угрожаемымъ пунктамъ.

Такимъ образомъ, къ концу 1915-го года военное положеніе Державъ Согласія оказалось мало удовлетворительнымъ. Россія, вынеся на себѣ всю тяжесть дѣтней наступательной кампаніи Центральныхъ Державъ, была существенно ослаблена и вынуждена къ глубокому отходу внутрь страны. На западномъ фронтѣ — нашимъ союзникамъ не удалась ихъ столь тщательно и длительно подготовлявшаяся наступательная операція. Выступление Италіи не дало ожидавшихся результатовъ и не внесло почти никакого облегченія. На Балканскомъ театрѣ приходилось констатировать временный выходъ изъ борьбы Сербіи и трудное положеніе Черногоріи, грозившее послѣдней катастрофой. Наконецъ, полная неудача Дарданельской экспедиціи и неопредѣленное положеніе Салоникской группы войскъ, вынужденной къ пассивной оборонѣ. Германія — глава и вдохновительница враждебнаго намъ Союза, — была какъ бы въ апогеѣ своего военнаго успѣха. — Но таково могло быть лишь внѣшнее о ней впечатлѣніе. Германіи не удался ея планъ молиніенос-

ныхъ ударовъ ни на западѣ, ни на востокѣ. Гигантская борьба приобрѣла за-
тяжной и изнурительный характеръ, при которомъ конечные результаты не
могли быть предвидимы ясно...

Этими строками я кончаю свое повѣствованіе. — Я и то перешелъ постав-
ленные себѣ предѣлы, коснувшись, правда только схематически, событій,
разыгравшихся осенью 15-го года, и притомъ на всѣхъ Европейскихъ
фронтахъ.

Получивъ строевое назначеніе и отбывъ къ корпусу, занимавшему пози-
цію на р. Сервечъ, я, естественно, отошелъ отъ хода событій въ центрѣ и погру-
зился въ другой міръ, хотя и значительно сузившій мою дѣятельность и сферу
наблюденій, но не сдѣлавшій ихъ менѣе жизненными и — лично для меня —
менѣе интересными. Смѣна Верховнаго Главнокомандованія, къ тому-же, по вре-
мени почти совпала съ окончаніемъ на нашемъ западномъ фронтѣ полевыхъ дѣй-
ствій, и потому мое описаніе составляетъ вполне законченный періодъ изжитой
войны. Въ дальнѣйшемъ — война на нашемъ фронтѣ приняла безнадежно за-
тянувшійся характеръ позиціоннаго сидѣнія, отъ времени до времени преры-
вавшійся судорожными усиліями выбросить непріятеля изъ занимавшихся
имъ окоповъ, чтобы вырваться изъ удручающей обстановки позиціонной войны
или подать руку помощи союзникамъ.

Но прежде, чѣмъ окончательно положить перо, я хотѣлъ бы, хотя и вскользь,
коснуться вопроса — какъ могло случиться то, что Россія, вступивъ въ 1914-мъ
году въ мировую войну при крайне благоприятной для нея политической и стра-
тегической обстановкѣ и начавъ таковую рѣшительнымъ захватомъ инициати-
вы и широкимъ вторженіемъ въ непріятельскіе предѣлы, что сулило блестя-
щія результаты, — въ слѣдующемъ 15-мъ году была вынуждена начать отступ-
леніе, приведшее ее къ оставленію не только всего завоеваннаго пространства,
но и къ потерѣ значительной части родной земли и къ пассивному отсижива-
нію ея арміи за проволокой.

Хотячее объясненіе, что это случилось изъ за недостатка огнестрѣльныхъ
припасовъ и винтовокъ слишкомъ элементарно и, конечно, не покрываетъ во-
проса. Я думаю, что, въ качествѣ отвѣта, гораздо правильнѣе выдвигать на-
шу общую неготовность къ войнѣ; неготовность — вообще, а къ наступатель-
ной войнѣ въ особенности. Россія, какъ мы видѣли, къ 1914-му году едва
вышла изъ состоянія своей почти полной военной безпомощности, созданной
предшествовавшими событіями — несчастной войной 1904—05 г. г. и послѣдо-
вавшей за ней революціей. Для борьбы съ западными сосѣдями, ея армія еще
не была готовой; она сохранила грузную и не доведенную до современныхъ
требованій организацію, была очень слабо оборудована и обезпечена техни-
чески, а главное — не имѣла должной связи съ народомъ, для котораго служ-
ба въ войскахъ рисовалась лишь какъ особая «повинность». — Командный со-
ставъ арміи, хотя и былъ обновленъ и улучшенъ, но все же продолжалъ стра-
дать многими прежними недочетами; солдатъ же, при всѣхъ его природныхъ

высокихъ достоинствахъ, оставался далекимъ отъ идеала современнаго воина, долженствовавшаго обладать качествами индивидуальнаго и развитаго бойца.

При такихъ условіяхъ, Россія оказалась вынужденной вступить съ германо-австрійскимъ Союзомъ въ войну, которая властно потребовала отъ нея наступательнаго образа дѣйствій. Идеино обороняясь противъ активной политики этого союза, мы должны были вести войну по формѣ наступательную. Главный нашъ противникъ — Германія, — строя свои расчеты на нашей слабости и медленности въ изготовленіи арміи, съ другой же стороны, — переоцѣнивъ боевую силу своего союзника — австрійцевъ, слишкомъ смѣло бросилъ почти все свои корпуса на западъ, для сокрушительнаго удара по нашимъ союзникамъ. — Мы были обязаны использовать эту обстановку, чтобы разбить оставленныя противъ насъ непріятельскія силы; перенести войну на вражескую территорію; выправить невыгоды нашего первоначальнаго стратегическаго фронта, обусловившагося начертаніемъ нашей западной границы; подать скорѣйшую помощь нашей западной союзницѣ — Франціи, истекавшей кровью въ неравной борьбѣ съ противникомъ, и явить доказательство нашего стремленія защитить отъ германизма нашихъ братьевъ — славянъ.

Сложность этихъ задачъ потребовала раздѣленія въ началѣ войны нашихъ силъ и одновременнаго наступленія какъ противъ германцевъ, во исполненіе союзнаго договора съ Франціей, такъ и противъ австрійцевъ, являвшихся въ этотъ періодъ времени на нашемъ фронтѣ главенствующей боевой силой. — Въ этомъ раздвоеніи наступательной задачи несомнѣнно заключалось слабое мѣсто нашей отечественной стратегіи. — Но едва ли правы тѣ, кто стремится доказать, что, вынуждаемые договорными отношеніями съ Франціей къ наступленію противъ Германіи, намъ выгодно было въ этомъ случаѣ, при предварительномъ развертываніи нашихъ силъ на западѣ, имѣть въ виду направленіе главной массы нашихъ войскъ противъ этой Державы, ограничиваясь противъ Австро-Венгріи простою обороною. — Указанная точка зрѣнія, какъ мнѣ думается, продиктована исключительною горечью воспоминаній о «Самсоновской» трагедіи, въ дѣйствительности происшедшей, конечно, не отъ недостаточности силъ, направленныхъ нами вообще противъ Германіи (сравненіемъ силъ сторонъ это можетъ быть доказано съ полною отчетливостью), — а отъ неудовлетворительнаго ихъ использования. — Не повторяя здѣсь тѣхъ мотивовъ, кои вынуждали насъ смотрѣть на австрійцевъ въ начальный періодъ войны, какъ на главнѣйшаго противника, и кои были мною подробно изложены въ одной изъ первыхъ главъ настоящей книги, ограничусь лишь однимъ дополнителнымъ соображеніемъ.

Мы видѣли, съ какиимъ трудомъ и усиліями нашимъ войскамъ Ю.-З. фронта удалось вырвать изъ рукъ австрійцевъ инициативу дѣйствій и заставить ихъ перейти отъ наступленія къ оборонѣ, закончившейся нашей побѣдой въ Галичинѣ. Ослабивъ наши войска Ю.-З. фронта еще болѣе, въ угоду сторонникамъ направленія въ начальный періодъ войны нашихъ главныхъ силъ противъ

Германіи, мы рисковали бы, конечно, выходомъ всёхъ австро-венгерскихъ войскъ во флангъ и тылъ нашей германской группѣ войскъ, что свело бы «на нѣтъ» всё ея призрачныя успѣхи противъ слабой германской завѣсы, этой группѣ войскъ противопоставленной. — Арміи, правильно используемая, не могутъ дѣйствовать въ пустую; онѣ должны бѣгъ нацѣливаемы на живую силу противника, а не въ пространство, имъ не занятое. — Онѣ не могутъ также безнаказанно оставлять, безъ должнаго вниманія, непріятеля, висящаго у нихъ на флангѣ, или угрожающаго ихъ тылу...

Теоретически нашъ наступательный образъ дѣйствій являлся крайне выигрышнымъ, но онъ же долженъ былъ немедленно и ярко выявить всё недочеты нашей военной системы и боевой и экономической подготовки. Такъ это и случилось въ дѣйствительности. Почти сразу обнаружилось катастрофическое несоотвѣтствіе нашихъ средствъ и нашей подготовки, какъ специально-военной, такъ и общей, съ тѣми задачами, которыя предстали передъ нами, какъ необходимыя и неизбежныя въ той обстановкѣ, въ которой мы начали войну. вмѣстѣ съ тѣмъ, война на чужой территоріи не могла вызвать и всепокрывающаго «пафоса» въ мирно-настроенной странѣ, съ огромными пространствами, обезпечивавшими ее отъ вражескаго нашествія, съ рѣдкимъ и малокультурнымъ населеніемъ, къ тому же остро неудовлетвореннымъ въ своей внутренней жизни. Народу остались неясны причины и дѣли войны; онъ не почувствовалъ непосредственной для себя опасности и потому не откликнулся своимъ «нутромъ» на призывъ власти къ войнѣ. Тяжесть послѣдней, при такихъ условіяхъ, сконцентрировалась по преимуществу на одной лишь составной части страны — ея арміи.

Въ изложенныхъ условіяхъ наши успѣхи не могли быть — ни рѣшительными, ни прочными. Значительно превосходившая насъ своею военною подготовкою и культурою Германія, поднявшая всё свои силы и средства на борьбу съ тѣми, кто стоялъ на ея пути, сумѣла воспользоваться своимъ центральнымъ положеніемъ, авторитетомъ въ управленіи всеми силами враждебнаго намъ Союза, а также мощною желѣзнодорожною сѣтью, чтобы короткими, но сильными и внезапными ударами, отъ времени до времени замедлять и ослаблять наши успѣхи. Когда же таковыя, весной 15-го года, все же стали грозить крушеніемъ ея союзницѣ — Австро-Венгріи, то Германія не задумалась перенести противъ насъ всю тяжесть своихъ дѣйствій. Въ теченіе всего самаго выгоднаго для наступленія лѣтняго періода 15-го года, Германія бросала на свой восточный фронтъ противъ насъ дивизіи за дивизіями, не опасаясь за свой западный фронтъ, на которомъ она сумѣла прочно закрѣпить свое положеніе съ минимальнымъ количествомъ войскъ.

Струна натянулась чрезмерно; она не могла не сдаться. — Наша армія, предоставленная собственнымъ силамъ, лишенная пополненій и огнестрѣльныхъ припасовъ, постепенно откатывалась назадъ; она вынуждена была отдать непріятелю до двухъ десятковъ нашихъ губерній и успѣла болѣе или менѣе

прочно закрутиться лишь къ осени на довольно случайной линіи, представлявшей мало удобствъ для упорной на ней обороны.

Теперь, когда наша обезкровленная потерями и истомленная долгими усиліями армія стояла на родной землѣ, теперь, — вся страна должна была почувать непосредственную опасность, угрожавшую ей; теперь народная душа не могла не наполниться безотчетнымъ, быть можетъ, но глубокимъ чувствомъ обиды и оскорбленія за все перенесенное страной. Но подорванное въ своемъ авторитетѣ правительство, мало вообще считавшееся съ народной психологіей, не властно было овладѣть этими настроеніями. Ихъ въ октябрѣ 17-го года использовали другіе, во вредъ русской государственности и на пользу своимъ бредовымъ идеямъ...

Что касается обязанностей по отношенію къ союзникамъ, то проявленная нами жертвенность должна быть ими оцѣнена по достоинству. — Мы не только способствовали ихъ спасенію въ началѣ войны, что охотно признается ими самими. — Мы сдѣлали своими наступательными дѣйствіями гораздо больше. — Мы нѣсколько разъ, и притомъ въ наиболѣе трудные для нихъ періоды времени, отводили или ослабляли удары, направлявшіеся германцами въ ихъ сторону. Мы притягивали на себя все большія и большія силы Германіи, а лѣтомъ 15-го года вынесли на себя единолично всю тяжесть натиска соединенныхъ силъ враждебнаго Державамъ Согласія Союза. По исчисленіямъ русскаго военнаго представительства въ Парижѣ, приведеннымъ въ одной изъ брошюръ, изданной въ 1920-мъ году (*Russia in the war of 1914—1918*), отношеніе силъ нашихъ союзниковъ на русскомъ и французскомъ фронтахъ было слѣдующимъ:

1) Въ началѣ войны:

Противъ Россіи: — 50 пѣх. и 13 кав. дивизій; противъ Франціи — 83 пѣх. и 10 кав. дивизій;

2) Къ Сентябрю 1915-го года:

противъ Россіи — 137 пѣх. и 24 кав. дивизій, и противъ Франціи — все то же число 83 пѣх. и только 1 кав. див.

При этомъ надо замѣтить, что къ этому времени германскія дивизіи были переформированы изъ четырехъ-полковыхъ въ трехъ-полковыя, что еще рельефнѣе отбѣняетъ происшедшую перемѣну въ соотношеніи силъ. Картина даваемая приведенными цифрами прежде всего подтверждаетъ мысль, высказанную мною въ одной изъ предыдущихъ главъ, что всѣ усилія германцевъ, направленные къ увеличенію какъ общей численности ихъ арміи, такъ и числа ихъ дивизій, поглощались возрастающими потребностями ихъ восточнаго фронта, направленнаго противъ насъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, эти цифры свидѣтельствуютъ и о томъ, что если въ началѣ войны Россія привлекала къ себѣ только 35—40% всѣхъ силъ, выставленныхъ враждебнымъ союзомъ противъ насъ и нашихъ западныхъ союзниковъ, то соотношеніе силъ черезъ годъ войны существенно измѣнилось. Россія притянула къ себѣ до 60-ти и больше процен-

товъ тѣхъ-же непріятельскихъ силъ и ея западный фронтъ сталъ тѣмъ театромъ военныхъ дѣйствій, на которомъ разыгрались наиболѣе серьезныя и отвѣтственные въ 1915-мъ году операціи. — Дѣйствіями и положеніемъ своихъ армій въ течение всего перваго года войны Россія выполняла крайне важную и отвѣтственную задачу передъ общимъ дѣломъ. Она обезпечила своимъ западнымъ союзникамъ почти годовую передышку послѣ тѣхъ напряженій, кои потребовались отъ нихъ въ періодъ первыхъ операцій. Эту передышку Державы Согласія имѣли возможность широко использовать, въ дѣляхъ развитія ихъ вооруженныхъ силъ, восполненія обнаруженныхъ недочетовъ въ матерьяльной части и снабженія, а также въ дѣляхъ приспособленія экономической жизни ихъ странъ къ веденію въ дальнѣйшемъ длительной и упорной борьбы, приведшей названныя Державы, въ конечномъ результатѣ, къ побѣдѣ.

Но даже тогда, когда нашъ фронтъ былъ окончательно оплетенъ проволокою противника, за которою лежали его искусно укрѣпленныя линіи, вооруженныя тысячами орудій, до самыхъ крупныхъ калибровъ включительно, и десятками тысячъ пулеметовъ, даже тогда, — русская армія не переставала думать о посильной помощи ея западнымъ союзникамъ.

На протяженіи 1916-го года нашимъ союзникамъ угрожало два удара: одинъ, — со стороны германскихъ войскъ на французскомъ фронтѣ, нацѣленный на Верденъ; другой, — со стороны австрійцевъ изъ Тироля, въ тылъ итальянскимъ войскамъ, выдвинувшимся на Изонцо.

Для организаціи этихъ ударовъ, германское и австрійское командованія на восточномъ фронтѣ должны были отдать всѣ свои резервы и часть тяжелой артиллеріи.

Но русскія войска не дали возможности развиться этимъ операціямъ въ намѣчавшихся размѣрахъ.

Въ періодъ Верденскихъ боевъ, наши войска начали массовое наступленіе въ районѣ Видзы — озеро Нарочь, приковавшее къ себѣ всѣ нѣмецкіе резервы восточнаго фронта. — Наступленіе это производилось въ ужасающихъ условіяхъ, при полной весенней распутицѣ, — «въ болотѣ и крови», какъ въ свое время выражался объ этомъ наступленіи нашъ противникъ. — Много русскихъ героев полегло здѣсь, но германское Верховное Главнокомандованіе лишено было возможности снять съ нашего фронта какіе либо войска для отправки на западъ, такъ какъ даже тѣ нѣмецкія дивизіи, которыя находились въ районѣ дѣйствій австрійской арміи и кои, при иныхъ условіяхъ, могли бы оказаться передъ фортами Вердена, нѣмецкому командованію пришлось направить къ мѣсту нашего удара.

Равнымъ образомъ, наше іонское наступленіе на фронтѣ отъ Луцка до Днѣстра, развившееся въ широкой успѣхъ и едва не приведшее къ полному крушенію австро-германскаго фронта, спасло отъ неминуемой катастрофы итальянцевъ.

Это наступленіе вызвало крупную переброску на нашъ фронтъ австрійцевъ съ итальянскаго и германцевъ съ французскаго фронта, несмотря на то, что

на послѣднемъ наши союзники уже готовили свой ударъ на Соммѣ; были притянуты подкрѣпленія даже съ Салоникскаго фронта.

Нашъ успѣхъ «Брусиловекаго» наступленія на Ю.-З. фронтѣ способствовалъ во многомъ присоединенію, наконецъ, въ концѣ лѣта 1916-го года къ Державамъ Согласія Румыніи, выступленіе которой такъ нетерпѣливо ожидалось на западѣ.

Войска послѣдней, однако, неосторожно бросились въ Трансильванію, подставивъ свой флангъ и тылъ подъ громовой ударъ нѣмцевъ...

И снова Россіи пришлось придти на помощь новому члену союза Державъ Согласія. Русскія войска принуждены были вступить на территорію Румыніи, удлинивъ еще на нѣсколько сотъ километровъ свой и безъ того безмѣрно растянутый фронтъ и выдѣливъ для его обороны замѣтную часть своихъ силъ.

Эти обстоятельства несомнѣнно утяжелили еще болѣе нашу обстановку и окончательно лишили нашу армію свободы дальнѣйшихъ дѣйствій.

Такимъ образомъ, русская армія продолжала и въ дальнѣйшемъ проливать свою кровь и даже жертвовать собственнымъ положеніемъ во имя общихъ интересовъ Державъ Согласія. — И только бѣшеная агитація темныхъ силъ, ворвавшихся, вмѣстѣ съ революціей, въ русскую жизнь, — агитація, нашедшая себѣ благодарную почву въ измученномъ долгими страданіями русскомъ народѣ, выбила оружіе изъ ослабѣвшихъ рукъ русскаго воина на четвертомъ году невиданной борьбы...

СОДЕРЖАНІЕ

Глава I.

Причины войны и поводы къ ней. — Мировая политика Германіи и ея естественные результаты. — Австро-Сербскій конфликтъ. — Отношеніе къ нему великихъ державъ. — Частная и общая мобилизація русской арміи. — Разрывъ 1

Глава II.

Была-ли Россія готова къ войнѣ? — Внутреннія настроенія послѣ неудачной войны 1904—05 г.г. — Финансовое и экономическое положеніе страны. — Пути сообщенія и транспортъ. — Состояніе вооруженныхъ силъ и реорганизація арміи по плану 1910-го года. — Вопросъ объ „упраздненіи“ крѣпостей. — Ограниченность нашихъ военныхъ запасовъ и отсутствіе плана мобилизація отечественной промышленности. — Выводы 25

Глава III.

Друзья и недруги. — Основы нашего военного соглашенія съ Франціей. — Сближеніе съ Англійей. — Положенія Италіи, Турціи, прочихъ балканскихъ государствъ, Швеціи и Японіи, занятыхъ названными государствами въ періодъ возникновенія военныхъ осложненій центральныхъ государствъ съ державами согласія. 56

Глава IV.

Наше стратегическое развертываніе и идеи, положенныя въ основу его. — Планы „А“ и „Г“. — Периодическія совѣщанія начальниковъ генеральныхъ штабовъ Россіи и Франціи. — Военная игра старшихъ войсковыхъ начальниковъ въ г. Кіевѣ, въ апрѣлѣ 1914-го года 76

Глава V.

Назначеніе Верховнаго Главнокомандующаго. — Первые дни мобилизація и войны. Нѣкоторыя правительственныя мѣропріятія. — Настроенія въ обществѣ и въ народѣ. — Ставка и ея жизнь 105

Глава VI.

Начало выполненія нашихъ наступательныхъ предположеній. — Восточно-прусская операція и подготовительныя мѣры къ развитію наступательныхъ дѣйствій на лѣвомъ берегу р. Вислы. 131

Глава VII.

Галицкая операція и ея ближайшіе результаты. — Сношеніе съ Главной Сербской Квартирой и переходъ Сербской арміи въ наступленіе 154

Глава VIII.

Вліяніє нашихъ первыхъ наступательныхъ операцій на дальнѣйшій ходъ міровой войны. — Переходъ I-й арміи генерала Ренненкампа къ оборонѣ и отступление за Нѣманъ. — Нѣкоторыя причины и размѣръ нашихъ неудачъ въ Восточной Пруссіи. — Смѣна Главнокомандующаго С.-З. фронта и Августовская наступательная операція 175

Глава IX.

Вопросъ о переносѣ нашихъ военныхъ дѣйствій на лѣвый берегъ р. Вислы. — Германо-австрійское наступленіе и наша Варшавская операція 198

Глава X.

Наше наступленіе на лѣвомъ берегу р. Вислы и контръ-маневръ германцевъ. — Лодзинскіе бои и операція подъ Брезинами. 223

Глава XI.

Состояніе нашихъ армій на западномъ фронтѣ послѣ четырехъ мѣсяцевъ наступательной войны. — Отходъ на лѣвомъ берегу р. Вислы на зимнія позиціи 245

Глава XII.

Вступленіе въ войну Турціи и операціи на Кавказскомъ фронтѣ. — Общее военно-политическое положеніе къ концу 1914-го года 265

Глава XIII.

Дальнѣйшіе планы — наши и нашихъ противниковъ — въ началѣ 1915-го года 279

Глава XIV.

Зимнее наступленіе германцевъ изъ Восточной Пруссіи и бои на Бобрь-Наревскомъ участкѣ фронта. — Новый планъ русскаго Верховнаго Главнокомандованія 292

Глава XV.

Черезъ Карпаты въ Венгрію. — Дарданельская экспедиція и военно-политическое положеніе на юго-востокѣ Европы весною 1915-го года. — Присоединеніе къ державамъ согласія Италіи 308

Глава XVI.

Прорывъ германско-австрійцевъ между Вислой и подножьемъ Бескидь. — Отъ Дунайца и Карпатъ къ Сану и Дибѣстру, и далѣе къ нашимъ границамъ. — Переговоры съ Румыніей. — Начало развитія военныхъ дѣйствій въ Риге-Шавельскомъ районѣ и на Балтійскомъ побережьи 331

Глава XVII.

Постепенный отходъ нашихъ войскъ изъ Русской Польши и дальнѣйшее развитіе германцами наступательныхъ дѣйствій въ Риге-Шавельскомъ районѣ. — Перемены въ правительствѣ. — Образование новаго Сѣвернаго фронта. — Междусоюзнической военной совѣтъ въ Шантильи. — Евфратская операція на Кавказскомъ фронтѣ. 352

Глава XVIII.

Работа военного министерства и общественныхъ организацій по улучшенію условий снабженія арміи. — Думскій блокъ. — Дальнѣйшій отходъ нашихъ армій вглубь русской территоріи. — Уходъ Великаго Князя съ поста Верховнаго Главнокомандующаго. — Свѣнцианскій прорывъ и стабилизациія нашего фронта. — Военное положеніе на европейскихъ фронтахъ къ концу 15-го года. — Заключеніе 373

Схема №1

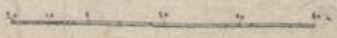
Стратегический развертывание
 отрядов с южной стороны перед открытием
 военных действий.

- Главная войска
- Канал провозимости

Стена №3
Таврическая операция

Положение сторон к 29 Августа
и 11 Сентября 1854 года

- Русские войска
- ▨ Османские войска
- ▧ Черн. корпца Крымск. Войска

Складъ надвѣи
Книготорговое Акц. Общ. „ЛОГОСЪ“
Berlin SW 68